

**Ж. А. де Гобино,
Секретарь посольства Франции
в Швейцарии, член Парижского
Азиатского Общества**

*Его Величеству Георгу V,
королю Ганноверскому,
принцу крови Английскому,
герцогу Кумберляндскому
и т. д. и т. п.*

Сир,

Я имею честь предложить Вашему Величеству плод моих долгих размышлений и радостных трудов, часто прерываемых, но все-таки завершенных.

Важные события, революции, кровопролитные войны, ниспровержение законного порядка, которые слишком долго накладывали печать на европейские государства, заставляют пристальнее взглянуться в политические факты. Средние умы видят только внешние результаты. Если они восхищаются лишь электрической искрой, коей данные события поражают наше воображение, либо пугаются ее, то серьезный мыслитель пытается обнаружить скрытые причины столь страшных потрясений и, взявши в руки лампу, пускается в путь по темным тропам философии и истории; он стремится, посредством анализа человеческого сердца или внимательного изучения истории, разгадать ту загадку, которая так волнует и самих людей, и их совесть.

Подобно всем прочим, я ощутил озабоченное любопытство при виде смутного современья. Но, пытаясь понять всеми силами своего ума движущие причины происходящего, я заметил, как расширяются горизонты моего удивления, и без того немало. Постепенно, отстраняясь от нынешней эпохи и обращаясь к ранним временам и, наконец, ко всему прошлому в целом, я собрал эти разноцветные фрагменты в одно огромное целое и, повинувшись принципу аналогии, почти помимо своей воли, разглядел впереди самое отдаленное будущее. Причем узнать мне захотелось не только непосредственные причины наших так называемых реформаторских исканий: я устремился к познанию более глубокого смысла идентичности социальных болезней, увидеть которые не составляет труда у всех народов и в прошлом, и настоящем, и, по всей очевидности, в будущем — достаточно даже поверхностно ознакомиться с историей человечества.

Впрочем, как мне представляется, нынешняя эпоха особенно благоприятствует таким изысканиям. В силу своей беспокойности она требует особого подхода — нечто вроде исторической химии, — но именно поэтому облегчает труды исследователя. Густой туман, непроглядная тьма, которые с незапамятных времен скрывают от нас истоки цивилизаций, не похожих на пашу, рассеиваются под солнцем науки. Точнейшие аналитические методы, которые помогли Нибуру обнаружить Рим, неведомый Титу Ливию, сегодня открывают и объясняют нам истину, смешанную с легендами и сказками эпохи эллинского детства. На

другом конце мира выходят из тьмы веков германские народы, столь же великие и столь же могущественные, насколько их считали варварскими. Египет открывает свои гробницы, расшифровывает свои иероглифы и подсказывает возраст своих пирамид. Ассирия раскрывает и свои дворцы, и длинные письма, начертанные на их стенах, которые совсем недавно были погребены под собственными обломками. Иран Зороастра ничего не смог утаить от пронизательных глаз Бюрнуфа, а первобытная Индия рассказывает в своих «Ведах» о фактах и событиях, случившихся вскоре после сотворения мира. Все эти достижения, уже бесценные сами по себе, помогают нам шире и объективнее понять Геродота, Гомера и особенно первые главы Священного Писания, этого кладезя премудрости, всем богатством и всей красотой которого может восхищаться в достаточной мере только просвещенный ум.

Разумеется, многие неожиданные или невероятные открытия заслуживают критического отношения. В них нет полного списка династий или стройного изложения событий, по среди фрагментарных находок есть немало очень удачных для моего труда; в них есть то, чего нельзя найти в самых подробных хронологических таблицах. С особой радостью я обнаружил в них описание обычаев и нравов, вплоть до портретов и костюмов исчезнувших народов. Теперь нам известно состояние их искусств. Мы можем судить об их жизни, в физическом и моральном смысле, как общественной, так и личной; мы можем, посредством самых подлинных материалов, реконструировать то, что и составляет «личность» разных рас и основной критерий их значения.

Перед лицом таких богатств, совершенно новых или совершенно по-новому понятых, никто уже не посмеет объяснить сложную мозаику социальных и общественных отношений, мотивы взлета и падения наций, исходя лишь из абстрактных и чисто гипотетических рассуждений, которыми оперирует скептическая философия. Поскольку сегодня мы имеем множество положительных фактов, которые появляются со всех сторон, выползают из всех гробниц и выстраиваются в определенном порядке, повинувшись воле неленового и внимательного наблюдателя, не надо больше, по примеру теоретиков-революционеров, лепить из воздуха фантастических людей и с детской радостью передвигать химеры, напоминающие наших политиков. Действительность слишком категорична, слишком красноречива, чтобы можно было предаваться таким играм, часто нечистоплотным и всегда недостойным. Вынести трезвое суждение о человечестве может только суд истории. Я признаю, что это судья строгий, судья опасно беспощадный, когда речь идет о столь неприглядных временах, как наши.

Дело вовсе не в том, что прошлое безупречно. В нем есть все, поэтому в нем можно найти много ошибок и немало вещей постыдных. Более того, в сегодняшних людях можно было бы обнаружить достоинства, которых ему не достает. Но если напомнить обвинителям грандиозные тени героических эпох, что они ответят? Что возразят, если упрекнуть их в попрании религиозной веры, политической верности, культа долга? Если напомнить им, что они способны лишь пользоваться обносками знаний, основы которых заложили и объяснили предки; если к этому добавить, что античная добродетель сделалась мишенью для насмешек, что человек отдал свою энергию пару, что поэзия угасла, что ее великие жрецы умерли, что высшие интересы превратились в самые мелочные расчеты — что они скажут в свое оправдание?

А ничего, кроме того, что все прекрасное, погрузившись в молчание, не погибло, что оно только спит; что все эпохи были свидетелями переходных периодов, когда жизнь борется со страданием и в конце концов выходит из этой борьбы торжествующей и цветущей, что, как когда-то на смену постаревшей Халдее пришла юная победительница Персия, на смену обветшавшей Греции — мужественный Рим, развратная власть Августа сменилась правлением благородных тевтонских князей, точно так же современные расы познают обновление.

Именно так я думал какое-то мгновение, впрочем, совсем короткое, уже собирался именно так ответить Истории на ее подобные обвинения и мрачные прогнозы, как вдруг меня

поразила тягостная мысль о том, что я слишком поспешил с выводами, лишенными доказательств. Итак, я захотел найти их и с тех пор, движимый привязанностью к живущим людям, все глубже проникал в тайны людей умерших.

Именно тогда индуктивный метод привел меня к осознанию того очевидного факта, что этнический вопрос стоит выше всех остальных вопросов истории и в нем заключается ключ к ее пониманию, что неравенство рас, соперничество которых формирует нацию, исчерпывающим образом объясняет судьбы народов. Впрочем, нет на земле никого, у кого не возникло бы предощущение столь потрясающей истины. Любому под силу заметить, что были случаи, когда на какую-то страну обрушивались чужеземные племена и, будто в мгновение ока, изменяли ее обычаи и образ жизни, и там, где до их появления царило оцепенение, начинала бить ключом неизвестная доселе деятельность. Приведу в качестве примера случай, когда англосаксонское вторжение сформировало Великую Британию, и это произошло по воле Провидения, которое, послав на этот остров народ, прославленный мечом предков Вашего Величества, в один прекрасный день подарило — как удачно заметила некая августейшая персона — обеим половинам одной нации нынешнюю царственную династию, черпающую свои славные традиции в далеких и самых героических истоках.

Осознав, что есть сильные и слабые, я принялся изучать главным образом первые, чтобы понять их способности и особенно проследить их генеалогическую цепочку. Следуя такой методе, я убедился в следующем: все, что есть на земле великого, благородного, плодотворного, что составляет такие человеческие творения, как наука, искусство, цивилизация — все это происходит из одного корня, из одной идеи, принадлежит к одному семейству, различные ветви которого правили во всех обитаемых уголках вселенной.

Изложение этих вопросов содержится в этой книге, которую я возлагаю к трону Вашего Величества. Не мне дано — впрочем, я об этом не думал — спуститься с высот научных рассуждений на почву полемики. Я не ставил целью предсказать завтрашний день или отдаленное будущее. Я описываю обширные периоды времени. Я начинаю с первых на земле народов, чтобы дойти до тех, которых еще нет. Мыслю я только категориями столетий: одним словом занимаюсь моральной геологией. В книге редко идет речь о человеке, еще реже о гражданине или подданном; часто, вернее всегда, — о различных этнических группах, поскольку меня интересуют не случайные факторы национальности, ни даже существование государств, а расы, общества и цивилизации.

Осмеливаясь изложить па бумаге свои мысли, я надеюсь, Сир, на покровительство, какое широкая и возвышенная натура Вашего Величества оказывает упражнениям ума, и на особый интерес Вашего Величества к плодам исторической эрудиции. Я никогда не забуду цепные указания, услышанные из уст Вашего Величества, и осмелюсь прибавить, что имею лишний повод восхититься столь блестящими и столь солидными знаниями властителя Ганновера, а также благородными чувствами и устремлениями, которые их питают и которые обеспечивают подданным процветание и благополучие.

Будучи исполнен неизменной признательности к милостям Вашего Величества, я прошу Вас, Сир, принять выражение самого глубокого почтения.

Засим остаюсь

*Ж. А. де Гобино,
Ваш покорнейший
и преданнейший слуга.*

КНИГА ПЕРВАЯ

*Предварительные соображения, определения, изложение естественных законов,
управляющих общественным порядком.*

ГЛАВА I

Гибель цивилизаций и обществ происходит от общих причин.

Крушение цивилизаций — самый поразительный и одновременно самый непонятный из всех исторических феноменов. Пугая воображение, эта трагедия таит в себе столько таинственного и грандиозного, что мыслители не перестают обращаться к нему, изучать его и заниматься его секретом. Нет никакого сомнения в том, что рождение и формирование народов дают любопытную пищу для размышлений: развитие наций, их успехи, их победы и достижения не могут не поразить воображение; но как бы значимы ни казались эти факты, объяснение их не представляет труда — их полагают простым следствием интеллектуальных способностей человека; признав такие способности, уже не приходится удивляться их результатам; уже своим существованием они объясняют великие события, истоком которых они являются. Таким образом, в этом плане ни затруднений, ни сомнений не предполагается. Но когда мы видим, как после определенного периода славы и могущества все нации заканчивают упадком и крахом — я повторяю, все, а не отдельные из них; когда мы видим разбросанные по всей земле красноречивые в своей страшной очевидности обломки цивилизаций, предшествующих нашей, и не только цивилизаций известных, но и многих других, названий которых мы не знаем, а также и тех, которые, покоясь ныне в виде окаменевших скелетов в глуши лесов, почти современников земли, как выразился Гумбольдт, не оставили нам даже намека на память о себе; когда мы, возвращаясь к современным государствам, осознаем их невероятную молодость и понимаем, что они появились только вчера и что некоторые из них уже одряхлели, вот тогда мы убеждаемся, не без доли философского ужаса, насколько слова пророков о неустойчивости вещей относятся не только к цивилизациям, но и к народам, не только к народам, но и государствам, не только к государствам, но и к отдельным личностям, и нам приходится констатировать, что любая общность людей, пусть даже защищенная самыми совершенными общественными связями и отношениями, начинает разлагаться с первого дня своего образования и за всеми видимыми элементами жизни несет в себе принцип неизбежной смерти.

Так в чем же заключается этот принцип? Так ли он однороден, как его результат, и все ли цивилизации умирают от одинаковых причин?

На первый взгляд напрашивается отрицательный ответ, поскольку множество империй — Ассирия, Египет, Греция, Рим — рухнули в результате стечения непохожих друг на друга обстоятельств. Тем не менее, снимая кожуру видимости, мы обнаруживаем в этой неизбежности конца, которая неотвратимо висит над всеми нациями без исключения, наличие, хотя и скрытое, общей причины, и исходя из этого очевидного принципа естественной смерти, независимо от случаев смерти насильственной, мы убеждаемся, что все цивилизации через какое-то время обнаруживают в себе глубинные потрясения, трудно определимые, но от этого не менее реальные, которые во всех регионах и во все времена имеют аналогичный характер; наконец, замечая очевидную разницу между крушением государства и концом цивилизаций, наблюдая, как один и тот же культурный фактор то упорно сохраняется в какой-нибудь стране, находящейся под чужеземным владычеством, несмотря на самые катастрофические события, то, напротив, исчезает или трансформируется перед лицом незначительных невзгод, мы все больше приходим к мысли о том, что принцип смерти, лежащий в основе всех наций, присущ не только им, но и всем остальным.

Мои исследования, изложенные здесь, посвящены рассмотрению этого важного факта.

Нам, живущим в данную эпоху, первым выпало узнать, что любая общность людей и

связанная с ней интеллектуальная культура обречены на гибель. В прежние времена этого не знали. В античную эпоху на Востоке религиозное сознание, изумленное зрелищем великих политических катастроф, относило их за счет небесной чумы, ниспосланной за грехи народа; считалось, что такое наказание должно привести к покаянию других грешников, еще не наказанных. Евреи, плохо понявшие смысл Библии полагали, что их империя никогда не кончится. Рим, даже когда он начинал клониться к упадку, не сомневался в своей вечности, о чем свидетельствует Амедей Тъери в своей книге «Галлия под римским владычеством». Нынешнее поколение не только увидело больше, но намного больше поняло: нет сомнений в смертности человека, потому что все люди, жившие до нас, умерли, точно так же мы твердо знаем, что сочтены и дни народов, хотя их существование длится дольше, так как среди нас нет тех, кто царил когда-то до нас. Поэтому для прояснения нашего вопроса не стоит прибегать к мудрости древних, которые могут нам предложить одно—единственное фундаментальное замечание, а именно: наличие божественного перста, управляющего этим миром, причем это обстоятельство признается во всей полноте, которую ему приписывает католическая церковь. Бесспорно, что ни одна цивилизация не закатится без вмешательства Бога, и применять к смертности всех без исключения цивилизаций священную аксиому, которой древние богословы пользовались с целью объяснения крупных катастроф, рассматриваемых ими как изолированные факты, — это значит провозгласить истину высшего порядка, которая должна определять поиск земных истин. Признать, что все нации гибнут, потому что они виновны, — это значит провести параллель с поведением отдельных людей и видеть в грехе зерна разрушения. Следуя этой логике, даже мало—мальски просвещенный человек будет считать, что каждый народ ждет участь тех, кто его составляет, что каждая нация виновна виной своих составных элементов, поэтому исчезнет так же, как исчезнут они; но повторяю: кроме этих двух безусловных истин древние не оставили ничего, что бы могло нам помочь.

Они ничего не говорят о том, как божественная воля приводит к гибели народов — напротив, они считают, что пути этой воли неисповедимы. Охваченные почтительным страхом при виде руин прошлого, они поспешно заявляют, что государства не развалились бы без воли Провидения. Я готов поверить, что в некоторых обстоятельствах могло случиться чудо, но там, где священные свидетельства не дают точного ответа — а это как раз большинство случаев, — можно на законных основаниях считать мнение древних неполным, недостаточно подкрепленным и признать, что поскольку небесный гнев обрушивается на нации постоянно, причем в силу какого-то решения, предшествующего появлению самого первого народа, такой приговор является predetermined, закономерным и соответствует непреложному кодексу вселенной, а также остальным законам, которые неуклонно управляют как живой природой, так и неорганическим миром.

Возможно, у нас есть основания упрекать священную философию древних времен в том, что, в силу недостаточности опыта и ограниченности, она объясняет тайну непроверяемой теологической истиной, которая сама представляет собой тайну, и не касается фактов, находящихся в области разума, но мы не можем поставить ей в упрек то, что она не поняла величия проблемы или стала искать решение на земном уровне. Лучше сказать, что она ограничилась постановкой вопроса, и не ее вина, что она не решила его, и даже не прояснила. Именно поэтому теологическая философия стоит выше всех трудов школы национализма.

Лучшие умы Афин и Рима пришли к следующему выводу, который не опровергнут до сих пор: государства, народы, цивилизации гибнут только от роскоши, безделья, плохого управления, падения нравов, фанатизма. И эти факторы — либо в совокупности, либо по отдельности — были объявлены причиной краха того или иного общества, а естественным выводом из этого постулата является следующий: если нет в наличии ни одного из этих элементов, никакой иной разрушительной силы и быть не может. В результате приходится признать, что всякое общество умирает только насильственной смертью, будучи в этом отношении более счастливо, чем человек, и что если устранить упомянутые выше причины

разрушения, то можно представить себе народ, столь же долговечный, как сам земной шар. Рассуждая таким образом, древние и не подозревали о том, к чему это приведет; они видели в этом лишь способ утвердить моральную доктрину, что, как известно, служит единственной целью их исторической системы. В описании событий они настолько были озабочены доказательством благости добродетели и пагубности порока и преступности, что все, выходящее за рамки этого нравственного контекста, их почти не интересовало и чаще всего не замечалось или игнорировалось. Этот метод был ложным, ограничением и слишком часто противоречил намерениям своих создателей, т. к. клеймо добродетели или порока ставилось в зависимости от требований момента; но до определенной степени это можно объяснить благими намерениями, и если гений Плутарха и Тацита извлек из этой теории только романы и пасквили, то, смею утверждать, эти романы великолепны, а пасквили благородны.

Мне хотелось бы проявить снисходительность к мыслителям восемнадцатого века, но у них есть свои мэтры, а это уже другое дело: первые были до фанатизма озабочены поддержанием социального порядка, вторыми же двигала жажда нового и стремление к разрушению; одни пытались извлечь добрые плоды из своих выдумок, другие извлекали из них ужасные последствия, умея находить оружие против всех принципов правления, которым по очереди наклеивали ярлык тирании, фанатизма и падения нравов. Чтобы не дать обществу погибнуть, Вольтер предлагал покончить с религией, законом, промышленностью, торговлей под тем предлогом, что религия есть фанатизм, закон — это деспотизм, промышленность и торговля суть роскошь и разврат. Следовательно, наличие стольких недостатков означает дурное правление.

Моя задача меньше всего состоит в том, чтобы вступить в полемику: я хотел лишь отметить, насколько различные результаты дает мысль, общая для Фукидида и аббата Рейналя — у одного она сугубо консервативна, у второго цинично агрессивна и в обоих случаях ошибочна. Неправда, что всегда замешаны непременно те причины, которыми объясняют падение народов, и, охотно признавая, что в какой-то момент умирания народа они могут присутствовать, я отрицаю, что они достаточно сильны, что в них достаточно разрушительной энергии, чтобы без других факторов привести к столь пагубным катастрофам.

ГЛАВА II

Фанатизм, роскошь, дурные нравы и безверие не всегда приводят к падению того или иного общества.

Необходимо, прежде всего, объяснить, как я понимаю термин «общество». Это не круг людей, более или менее широкий, в котором в той или иной форме осуществляется процесс правления. Афинская республика — это не есть общество, не является обществом королевство Магадха, империя Понта или египетский Халифат эпохи Фатимитов. Все это фрагменты общества, которые, разумеется, трансформируются, сближаются или разделяются под влиянием естественных законов, которые я пытаюсь установить, но наличие или исчезновение которых не определяет жизнь или смерть общества. Формирование таких фрагментов — это чаще всего переходный феномен, он ограниченным или вообще косвенным образом действует на цивилизацию, в которой идет этот процесс. Под обществом я понимаю собрание, более или менее совершенное с политической точки зрения, но недостаточное с точки зрения социальной, людей, которые живут под воздействием сходных идей и обладают похожими инстинктами. Таким образом, Египет, Ассирия, Греция, Индия, Китай были, или остаются поныне, сценой, где различные общества реализуют свое предназначение (если абстрагироваться от пертурбаций в их политическом устройстве). Я собираюсь вести речь о составных элементах, только когда это будет касаться целого, поэтому буду употреблять термин «нация» или «народ» в общем или ограниченном смысле,

чтобы избежать двусмысленности. Поэтому я возвращаюсь к предыдущему вопросу и заявляю, что фанатизм, роскошь, дурные нравы и безверие не обязательно ведут к гибели народов.

Все эти факторы, иногда по отдельности, иногда одновременно и даже в ярко выраженной форме, встречались у наций, которые от этого чувствовали себя еще лучше или, по крайней мере, не хуже.

Империя ацтеков держалась главным образом на фанатизме. Я не могу представить себе ничего более фанатичного, нежели социальный строй, опирающийся на религиозную основу, которую постоянно питают кровью человеческие жертвоприношения, о чем свидетельствует Прескотт в своей «Истории завоевания Мексики». Недавно появились веские доказательства того, что

древние народы Европы никогда не практиковали религиозное убийство и не приносили в жертву невинных, хотя военнопленные или потерпевшие кораблекрушение не входили в эту категорию, между тем как для древних мексиканцев хороши были любые жертвы. С беспримерной жестокостью, которую современные физиологи считают общей чертой племен нового мира, они убивали соплеменников на своих алтарях, и это не мешало им оставаться могущественным, процветающим и талантливым народом, который, может быть, процветал бы таким образом еще долгое время, если бы гений Фернандо Кортеса и храбрость его спутников не положили конец столь чудовищной империи. Из этого следует, что фанатизм не есть причина гибели государств.

Роскошь и изнеженность также нельзя считать более вескими причинами; их последствия ощущаются в среде высших классов, и я сомневаюсь, что у греков, персов, римлян изнеженность и роскошь, пусть и в иных формах, были более выражены, нежели в сегодняшней Франции, Германии, Англии, России (России особенно) и у наших соседей по ту сторону Ла-Манша; между прочим мне кажется, что эти две последние страны отличаются особой жизнестойкостью среди государств нынешней Европы. А в средние века венецианцы, генуэзцы, пизанцы копили сокровища со всего мира, выставляли их в своих дворцах, возили на своих кораблях по всем морям, и это обстоятельство ничуть не ослабило их. Поэтому изнеженность и роскошь не служат для народа причинами ослабления и умирания.

Даже упадок нравов, самый страшный бич человечества, не обязательно несет в себе разрушительную функцию. Для того, чтобы такой упадок был разрушительным, необходимо, чтобы процветание нации, ее могущество и авторитет были напрямую связаны с чистотой ее обычаев, однако это вовсе не так. Часто ссылаются на странные фантазии, сопровождавшие добродетели первых римлян (см., например, «Письмо герцогине Монтозье» Бальзака). Нет ничего возвышенного в том, что родовитые патриции обращались со своими женами, как с рабынями, с детьми, как с домашней скотиной, а подданных третировали, как диких зверей; и если бы сегодня остались защитники такого образа действий, пожелавшие порассуждать о разном моральном уровне в разные эпохи, разбить их аргументы не составило бы труда. Вовсе времена злоупотребление силой вызывало одинаковое возмущение; хотя никого из царствующих особ не прогнали после насилия над Лукрецией, и никого не отдали под суд после покушения Аппия, но, по крайней мере, более глубокие причины этих двух великих революций, которые были связаны с такими предложениями, в достаточной мере свидетельствуют об отношении к общественной морали в то время. Нет, не добродетель, даже самой высокой пробы, является причиной силы народов; с начала исторической эпохи мы не знаем ни одной общности людей, как бы мала она ни была, в которой отсутствовали бы заслуживающие порицания примеры, однако же, сгибаясь под таким презренным бременем, государства не становились слабее, а зачастую, наоборот, черпали свое величие именно в этом. Спартанцы заслужили восхищение благодаря бандитским законам. А разве финикийцы погибли из-за развращенности, которая их пожирала и которую они сеяли повсюду? Да нет же: именно развращенность была главным инструментом их могущества и

славы; с того самого дня, когда они появились на Греческих островах ¹ — негодяи и злодеи, соблазняющие женщин, чтобы превратить их в товар, грабящие амбары и пускающие награбленное в продажу, — упоминание о них вызывало трепет, но от этого они не утратили величия и сохранили в анналах истории почетное место, которого не могла поколебать ни их жадность, ни дурное поведение.

Я не склонен искать в молодых обществах нравственное превосходство, но сомневаюсь, что стареющие, т. е. приближающиеся к своему краху нации представляют взору строгого критика более благостную картину. Нравы смягчаются, люди находят общий язык, взаимные отношения становятся определенными и общепринятыми, а теории о справедливости и несправедливости постепенно оттачиваются. Трудно доказать, что во времена, когда греки сокрушили империю Дария, в эпоху, когда готы захватили Рим, в Афинах, в Вавилоне и в великом имперском городе было меньше честных людей, чем в славные дни Гармония, Кира Великого и Пембликолы.

Впрочем, за примерами далеко ходить не обязательно. Одним из мест на земле, где мы видим самый большой прогресс и самый яркий контраст с наивным веком, является Париж; однако многие религиозные деятели и ученые мужи признают, что ни в одном другом месте никогда не было столько добродетелей, набожности, мягкости, утонченности, как в этом сегодняшнем великом городе. Идеал добра здесь также высок, каким он мог быть в душах самых почтенных персонажей семнадцатого столетия, и тем не менее в нем много горечи, жестокости и дикости, даже — осмелюсь сказать — педантизма; таким образом, именно там, где современный разум нашел пристанище, мы видим поразительные контрасты, каких не знали прошлые века.

Кроме того, я не нахожу, что в периоды развращенности и упадка недоставало великих людей — я имею в виду людей, отличавшихся сильным характером и настоящими добродетелями. Если покопаться в истории римских императоров, то окажется, что большинство стояли выше своих подданных как по званию, так и по заслугам, например, Траян, Антоний Благочестивый, Септимий Север и другие; ниже трона, почти в самой гуще племса я восхищаюсь великими врачами и великими мучениками, апостолами молодой Церкви, не считая добронравных язычников. Добавлю, что активных, твердых, доблестных личностей было такое множество, что нет сомнений в том, что во времена Цинцинната в Риме не было недостатка в славных людях всех областях человеческой деятельности. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к фактам.

Люди добродетельные, энергичные, талантливые, коих не было недостатка в периоды упадка и дряхления обществ, встречались, быть может, в еще большем количестве, чем в молодых государствах; кроме того, общий нравственный уровень в те периоды был выше. Следовательно, нельзя утверждать, что в дряхлеющих государствах падение нравов более выражено, чем в государствах, рождающихся на свет, что это падение ведет к уничтожению народов, поскольку некоторые страны, напротив, жили за счет таких нравов; но можно пойти дальше и показать, что нравственный упадок не обязательно является смертельным, т. к. из всех болезней, поражающих общество, он обладает способностью к быстрому излечению.

В самом деле, те или иные нравы народа часто меняются в зависимости от периодов, переживаемых этим народом. Обратимся к нашим французам и увидим, что галоримляне V–VI вв., хотя и были побежденными, стояли гораздо выше, чем их доблестные победители, во всех отношениях нравственности и морали, а если брать их по отдельности, они не всегда уступали им по храбрости и воинской доблести.

Возможно, в более поздние времена, когда обе расы начали смешиваться, ситуация ухудшилась, а к восьмому и девятому столетиям территория страны не являла собой предмет большой гордости. Но в XI–XIII вв. картина совершенно изменилась, и по мере того, как общество впитывало в себя самые разногласные элементы, состояние нравов заслуживало все большего уважения. Четырнадцатый и пятнадцатый века стали периодом

1 «Одиссея», XV

извращенности и конфликтов, расцвел разбой, словом, это была эпоха упадка в самом широком и строгом значении этого слова; можно было бы сказать так: в результате разврата, казней, тирании, полной утраты благородства среди знати, которая грабила своих крепостных, среди буржуа, которые продавали родину Англии, среди разгульных церковников, короче во всех слоях социума, это общество потерпело крах и под своими развалинами погребло и скрыло столько постыдного. Тем не менее, общество продолжало жить, оно приложило усилия и вышло из кризиса. Шестнадцатый век, несмотря на кровавые безумства – последствия предыдущей эпохи, — отличался большим благородством по сравнению со своим предшественником, и для человечества ночь Святого–Варфоломея кажется не таким позорным событием, как резня Арманьяков. Наконец, из этой

переходной эпохи французское общество вышло к свету и чистоте эпохи Фенелона, Боссюэ и Монтанье. Таким образом, вплоть до Людовика XIV наша история представляет собой быстрое чередование переходов от добра к злу, и жизнеспособность, свойственная нации, не имеет отношения к состоянию ее нравственности. Я кратко изложил самые явные различия, множество более конкретных остались за пределом книги, т. к. для этого потребовалось бы много места, но разве не видели мы собственными глазами, как резко менялся уровень морали за каждые десять лет нашей истории, начиная с 1787 г.? Итак, я прихожу к окончательному выводу: падение нравов есть преходящий фактор, подверженный колебаниям, и его нельзя рассматривать как необходимую и решающую предпосылку разрушения государства.

Обратим внимание на один аргумент, связанный с сегодняшним днем и чуждый идеям XVIII в.; но настолько уместный при анализе падения нравов, что о нем нельзя упомянуть вскользь. Многие полагают, что конец любого общества неизбежен, если религиозные идеи начинают деградировать и исчезать. Про водится параллель между Афинами и Римом, а именно, это касается публичной демонстрации доктрин Зенона и Эпикура, отказа от национальных культов и краха обеих республик. Впрочем, стараются не замечать, что кроме этого при мера больше нечем про иллюстрировать подобный синхронизм, что персидская империя в момент своего падения была привержена культу религиозных магов, что Тир, Карфаген, Иудея, ацтекская и перуанская монархии погибли, усиленно молясь своим богам, и что, следовательно, невозможно утверждать, что все народы в периоды своей гибели отказывались от культа предков. Но и это еще не все: в двух цитированных выше случаях больше внешнего сходства, нежели глубины, и я совершенно не согласен с тем, что в Риме, как и в Афинах, античный культ был забыт еще до того, как на его место заступило окончательно восторжествовавшее христианство; иными словами, я считаю, что в области религиозной веры ни у одного народа на земле не наблюдалось непрерывности, что, когда изменилась форма или интимная сущность веры, галлы ухватились и за римского Юпитера и за Юпитера христианского точно так же, как мертвый хватается живого, причем без пресловутого переходного периода безверия; а поскольку не было в истории нации, которую можно с полным правом назвать безбожной, нельзя утверждать, что государства погибают от недостатка веры.

Я понимаю, на чем зиждется такая точка зрения. Незадолго до Перикла в Афинах и у римлян в эпоху Сципионов среди высших классов распространился обычай сначала рассуждать о религиозных делах, затем подвергать их сомнению, потом вообще отступить от них и гордиться атеизмом. Постепенно этот обычай завоевывал все больше сторонников, и скоро почти не осталось истинно верующих.

В этом аргументе есть доля истины, но много в нем и ложного. Разумеется, факты говорят о том, что Аспазия в завершение вечерних трапез и Лелия в кругу близких друзей получали удовольствие от попрания священных правил своих стран, но тем не менее в эти периоды, кстати, самые блистательные в истории Греции и Рима, было опасно вслух проповедовать подобные идеи. Неосторожность любовницы дорого обошлась самому Периклу: стоит вспомнить слезы, проливавшиеся им перед судом, которые тем не менее не смогли оправдать прекрасную атеистку. Вспомним почти официальный язык поэтов того

времени, когда Аристофан и Софокл после Эсхила яростно ополчились против осквернителей богов. Дело в том, что вся нация верила в своих богов, считала Сократа виновником всех перемен и желала суда над Анаксагором. А что потом? Смогли ли философские и безбожные теории овладеть широкими массами? Я заявляю: никогда, ни в какую эпоху им этого не удавалось.

Скептицизм остался привычкой высшего общества и не выходил за его пределы. Мне могут возразить, что нет смысла говорить о том, как думали простые горожане, сельские жители, рабы, не имевшие влияния на государство и политику. Но дело в том, что такое влияние у них было, и до самого последнего вздоха язычества они сохраняли свои храмы и свои алтари, содержали своих иерофантов, и самые известные, просвещенные и самые твердые в отрицании религии люди не только выставляли напоказ свое благочестие в одежде, но между чтением Лукреция исполняли самые неприятные культовые обряды и не только добросовестно посещали церемонии, но в редкие часы досуга, отнимая время у изнурительных политических игр, писали моральные трактаты.

Я имею в виду великого Юлия². Мало того: все императоры после Цезаря являлись верховными священниками; еще Константин, хотя и обладал разумом, более просвещенным, чем все его предшественники, чтобы отказаться от столь неприглядной обязанности, мало приличествующей его званию христианского князя, под влиянием общественного мнения, очевидно достаточно влиятельного даже в ту эпоху, должен был считаться с национальной античной религией. Таким образом, речь идет не о вере простых горожан, сельских жителей и рабов, а о мнении людей просвещенных. И напрасно это мнение порой восставало, от имени разума и здравого смысла, против абсурдности язычества — народные массы не хотели: и не могли отказаться от одной веры, пока им не предложили другую вместе с доказательствами ее истинности и целесообразности в мирских делах; давление этого общего чувства было настолько сильным, что в третьем веке в среде вышедших классов появилась религиозная реакция, причем серьезная реакция, которая продолжалась вплоть до окончательного перехода народа в лоно Церкви, а царство философии достигло апогея при Антониях и начало хиреть вскоре после их смерти. Но здесь не место обсуждать этот вопрос, хотя он представляет интерес для истории человеческой мысли; достаточно заметить, что обновление захватывало все более широкие слои народа.

Чем больше старился римский мир, тем выше становился авторитет армии. Все, от императора, как правило, избираемого из гвардии, до самого последнего офицера его свиты, до самого мелкого областного управителя, начинали под лозой центуриона. Т. е. все выходило из этих народных масс, чью неоспоримую набожность мы уже отмечали, а взойдя на более высокую ступень, встречались — и эта встреча их шокировала и ранила с античным блеском знатных горожан, городских сенаторов, которые смотрели на них как на выскочек и с радостью поставили бы их на место, если бы не страх. Существовала вражда между настоящими хозяевами государства и древними родовыми семействами. Военачальники были верующими и фанатичными, примерами служат Максимин, Галер и сотни других, между тем как сенаторы и декурионы находили удовольствие в скептической литературе, но поскольку все вели придворную жизнь, т. е. жизнь среди военных, им пришлось усвоить язык и убеждения нового времени. Постепенно все жители империи стали набожными, и именно через набожность сами философы во главе с Эвхемером придумали системы, с тем чтобы примирить рационалистические теории с культом государства, кстати, в этом особенно преуспел император Юлиан. Не стоит слишком восхвалять это возрождение языческого благочестия, потому что из него вышло большинство преследователей наших мучеников.

² Цезарь, демократ и скептик, умел скрывать свои убеждения, когда того требовали обстоятельства. Вот что он сказал на похоронах своей тетки: «Родословная моей тети Юлии по материнской линии восходит к царям, по отцовской идет от бессмертных богов: цари Марции, имя которых носила ее мать, произошли от Анкуса Марция, а Юлии происходят от Венеры. Таким образом, в нашей крови есть святость царей, самых могущественных из людей, и величественность богов, от которых цари наследуют свою власть» (Светоний, «Юлий», 5)

Народ, оскорбленный атеистическими сектами в своей вере, терпел, пока над ним довели правящие классы, но едва имперская демократия низвела эти классы на самую унижительную ступень, простолюдины возжелали мести и по ошибке перебили многих христиан, которых они называли нечестивыми и путали с философами. Вот красноречивое различие между эпохами! Царь Агриппа, язычник со скептическим умом, из любопытства захотел выслушать святого Павла³. Он его выслушал, вступил с ним в дискуссию, принял его за сумасшедшего, но тем не менее не наказал за то, что тот думает не так, как он. Или возьмем историка Тацита, который презирал приверженцев новой религии, но осуждал Нерона за жестокое к ним отношение — и Агриппа и Тацит были неверующими. Диолектиан больше слушал своих подданных, Деций и Аврелий были фанатики, как и их народ.

А сколько тягот пришлось перенести, пока римские власти окончательно не приняли христианство и не привели население в лоно новой веры! В Греции было очень сильное сопротивление — как среди ученых мужей, так и в городах и селах; епископы приложили большие усилия, чтобы одолеть местных божков, и победа в конечном счете была достигнута не столько за счет обращения и убеждения, сколько благодаря ловкости, терпению и времени. Гений апостолов в сочетании со всевозможными уловками сумел заменить божеств лесов, лугов, рек святыми, мучениками и девственницами. Прошло много времени, было сделано немало оплошностей, прежде чем был найден верный путь. Да что говорить о временах отдаленных! Разве в самой Франции нет прихода, где бы священников до сих пор не заботили суеверия, столь же устойчивые, сколь нелепые? В католической Бретани в прошлом столетии один епископ долго сражался с культом каменного идола. Он приказывал бросать тяжелую глыбу в воду, и всякий раз упрямые поклонники доставали ее, и потребовалось вмешательство пехоты, чтобы разбить идола на куски. Вот вам наглядный пример долгожительства язычества. Итак, я делаю вывод: нет оснований утверждать, что Рим и Афины хоть на один день были лишены религиозных чувств.

Следовательно, поскольку ни в далеком прошлом, ни во времена нынешние ни одна нация не отвергала своего культа, пока ей не давали другой, нельзя сказать, что крах народов есть следствие их безверия.

Отказываясь принять разрушительную силу фанатизма, роскоши, падения нравов и безверия, я перехожу к вопросу о дурном правлении, а этот предмет заслуживает отдельного разговора.

ГЛАВА III

Качество правления не имеет отношения к долговечности народов.

Я понимаю, насколько трудна эта тема. Даже сама попытка заговорить об этом покажется многим читателям чем-то вроде парадокса. Люди убеждены — и имеют на то достаточно оснований, — что хорошие законы, хорошая администрация оказывают непосредственное и сильное воздействие на здоровье нации, но при этом заходят так далеко, что приписывают законам и администрации решающую роль в продолжительности существования социальной совокупности людей, в чем и заключается распространенное заблуждение.

Разумеется, дело обстоит бы именно так, если бы народы могли жить только в состоянии благополучия, но мы знаем, что они существуют долгое время, как, впрочем, и отдельные люди, в периоды дезорганизации и разброда, которые часто отражаются и на соседях. Если бы нации всегда умирали от своих болезней, как могли бы они выжить в первые годы своего формирования? Ведь именно тогда они имеют самую дурную администрацию и наихудшие законы, к тому же плохо исполняемые. Как раз в этом состоит

их отличие от человеческого организма: если организм, особенно в детстве, опасается болезней, перед которыми он явно не выстоит, то общество таких бед не знает; история дает нам великое множество примеров того, что общество без конца ускользает от самых опасных, долгих и опустошающих политических недугов, крайними проявлениями коих являются плохие законы и слишком суровое или безразличное правление ⁴.

Прежде всего попытаемся уточнить, что значит дурное правление.

Существует множество разновидностей этого зла, их, пожалуй, даже невозможно перечислить, тем более что их число умножается, если учитывать внутреннюю конституцию народов, географическое положение и эпоху. Тем не менее их можно сгруппировать в четыре основные категории.

Правление считается дурным, когда оно навязано извне. В Афинах такая ситуация имела место при тридцати тиранах, затем жители убавились от них и национальный дух вовсе не разрушился от угнетения, а только укрепился.

Правление — дурное, если оно основано на завоевании. В четырнадцатом веке Франция, почти целиком, находилась под игом Англии. И вышла из него более сильной и процветающей. Китай наводнили и захватили монгольские орды, но пришло время, и китайцы прогнали их со своей земли, правда, завоеватели сыграли роль раздражителя. После этого страна попала под другое иго; хотя манчжуры правят более 100 лет, их ждет та же участь, что и монголов.

Особенно дурное правление случается, если его принцип становится порочным, вследствие чего происходит разрушение самой системы правления. Такова была судьба испанской монархии. Основанная на воинском духе и общественной свободе, она начала к концу царствования Филиппа II забывать свои основы. Невозможно представить себе страну, где добронравные максимы пали бы настолько низко, где власть была бы более слабой и презираемой, где сама религиозная система давала бы больше поводов для критики. Сельское хозяйство и промышленность, подверженные тем же недугам, что и вся империя, впали в маразм. Но погибла ли Испания? Нет. Эта страна дала Европе славный пример сопротивления французским войскам, и это, наверное, единственное из современных государств, где национальный дух необычно силен и крепок.

Еще правление бывает дурным, когда в силу природы своих институтов оно прокладывает путь к антагонизму — либо между высшей властью и массами, либо между различными классами. Примером тому служат средневековые короли Англии и Франции, враждовавшие со своими знатными вассалами, которые, в свою очередь, воевали со своими крестьянами; или Германия, где первые проблески свободы мысли привели к гражданским войнам гуситов, анабаптистов и прочих сектантов. В более ранние времена Италия настолько страдала от раздела власти, которую рвали на части император, папа, аристократы и общины, что народ не знал, кому подчиняться, и часто вообще никого не признавал. Но погибло ли от этого итальянское общество? Нет. Итальянская цивилизация никогда не была столь блистательной, индустрия более производительной, а влияние в мире более неоспоримым.

Я склонен думать, что иногда, в самый разгар таких потрясений, на некоторое время, подобно солнечному лучу, появляется мудрая и устойчивая власть и функционирует на благо народов; но это длится недолго, и так же, как противоположная ситуация не приводит к смерти нации, так и светлое исключение не обеспечивает жизнестойкости. Для этого необходимо, чтобы эпохи процветания случались чаще и продолжались дольше. И если справедливые системы правления редки сегодня, то они появлялись не чаще и прежде. Я бы добавил, что даже самые благополучные из них омрачены противоречивыми мнениями и спорами. Разве все историки оценивают правление Вильгельма Оранского как эпоху процветания для Англии? Разве все восхищаются Людовиком IV Великим, без всяких

⁴ Надеюсь, всем ясно, что речь идет не о политическом существовании какого-то центра власти, но о жизни целого общества, о долговечности цивилизации.

оговорок? Напротив. В хулителях недостатка нет, и они не во всем неправы, однако это было самое упорядоченное, самое плодотворное время в прошлом Франции и ее соседей. Времена хорошего правления настолько редки, насколько противоречивы, когда они все же случаются. Политическая наука, самая высокая и тернистая из всех наук, настолько субъективна, что нельзя, положа руку на сердце, объяснить гибель народов плохим правлением. Благодаря небу, они издавна привыкли к этому злу, которое даже в своих экстремальных проявлениях все же гораздо предпочтительнее, чем анархия. Это факт доказанный, и тщательное изучение истории показывает, что зачастую плохое правление, развращающее народ, оказывается лучше, чем предшествующее.

Глава IV

О том, как понимать слово «вырождение»; о смешении этнических принципов и о том, как формируется и распадается общество.

Если читатель правильно понял все вышесказанное, он не сделает вывод, что автор не придает никакого значения болезням социального организма и что плохое правление, фанатизм, безверие представляют в его глазах ничего не значащие факторы. Конечно же, у моих мыслей совсем другое направление. Я, как и все, признаю, что нет ничего хорошего, когда общество страдает от этих недугов, и что все заботы, все труды и усилия, предпринимаемые для того, чтобы избавиться от них, не пропадают даром; я просто утверждаю, что если эти дезорганизующие элементы не вызваны более сильным разрушительным принципом, если они не являются следствием скрытого и более страшного зла, можно быть уверенным, что их удары не будут смертельны, что после более или менее продолжительного периода страданий общество выйдет из него, возможно, обновленным и более сильным.

Приведенные примеры мне кажутся достаточными, хотя их число можно приумножить до бесконечности; именно по этой причине здравый смысл инстинктивно чувствовал истину. Он понял, что по большому счету не стоит придавать незначительным явлениям первостепенного значения, что следует в другом месте и более тщательно искать причины жизни и смерти, управляющие судьбой народов. Поэтому, независимо от обстоятельств благополучия или недуга, ученые начали рассматривать конституцию общества саму по себе и склонны допустить, что никакая внешняя причина не является смертоносной до тех пор, пока разрушительный принцип, рожденный в недрах общества, неотделимый от общества, не приобретает достаточных масштабов; и, напротив, как только этот разрушительный фактор проявляется в полной мере, гибель народа предрешена, даже если у него самое лучшее правление на земле. Это напоминает истощенную лошадь, падающую на ровной дороге.

Приняв такую точку зрения, мы делаем шаг вперед и выходим на почву, более философскую, чем раньше. Действительно, Биша не надеялся открыть большую тайну общечеловеческого существования; изучая внешние обстоятельства, он искал ответы в самой сути человека. Только таким путем можно сделать открытие. К сожалению, эта здравая мысль была результатом работы инстинкта и не продвинулась в своем логическом развитии, поэтому потерпела поражение при первых же трудностях. Исследователи вскричали: «Да, в самом деле, причина распада социального организма находится в нем самом, но в чем заключается эта причина?» В ответ они услышали: «Вырождение». Нации умирают, если они состоят из вырождающихся элементов. Ответ был точным — и этимологически, и во всех отношениях; надо было лишь определить, как понимать термин «выродившаяся нация». И вот здесь лежит камень преткновения: «выродившимся народом» назвали народ, который утратил исходные добродетели отцов-основателей в результате дурного правления, злоупотребления своими богатствами, фанатизма или атеизма. Как же все это знакомо до скуки! Получается, что нация гибнет под ударами социальных болезней, потому что она

выродилась, и она выродилась, потому что погибает. Этот «круговой» аргумент доказывает лишь, что наша наука социальной анатомии находится в детском возрасте. Я склонен думать, что народы гибнут потому, что они выродились, а не по иной причине; они делаются окончательно неспособными пережить внешние удары, удары злосчастной судьбы, не могут подняться на ноги и корчатся в агонии. Если они умирают, то лишь потому, что не обладают перед лицом опасности той силой, которая отличала их предков, одним словом, они выродились окончательно. Повторяю, это очень удачное выражение, но оно нуждается в пояснении и осмыслении. Как и почему теряются жизненная сила? Вот вопрос, который следует задать. Как происходит вырождение? Вот что надо объяснить. До сих пор ограничивались терминологией, не вникая в смысл. И ниже я попытаюсь сделать следующий шаг.

Итак, я считаю, что слово «вырождение» применительно к народу должно означать и означает, что этот народ уже не имеет тех качеств, которые имел прежде, т. к. в его жилах течет другая кровь. Скажем по-другому: сохранив прежнее имя, он не сохранил расу, к которой принадлежали его основатели; наконец, человек упадка, называемый «выродившимся» человеком, есть продукт, отличающийся с этнической точки зрения от героев великих эпох. Хорошо, если бы он оставила себе хоть часть своей сущности, однако чем больше он вырождается, тем быстрее эта сущность исчезает. В нем уже преобладают гетерогенные элементы, они и составляют совершенно новую национальность, причем новую в худшем смысле; он уже не принадлежит к тем, кого все еще считает предками — разве что отдаленно напоминает их. Он вымрет окончательно, а вместе с ним и его цивилизация. Это произойдет, когда первородный этнический элемент окажется настолько разбавленным примесью чужих рас, что виртуальность этого элемента уже не имеет существенного значения. Разумеется, нация не исчезнет в физическом или абсолютном смысле, но практически ослабнет до такой степени, что вырождение можно считать завершенным со всеми его признаками.

Если мне удастся доказать эту теорему, значит, я вскрыл суть вырождения и объяснил смысл этого слова. Показывая постепенное изменение сущности нации, я в какой-то мере размываю ответственность за упадок: она уже лежит не на сыновьях, а на племянниках, затем на кузенах, затем на более дальних родственниках, и когда окажется, что в момент своей гибели тот или иной народ несет в своих жилах очень малую часть крови отцов-основателей, будет достаточно понятно, почему гибнут цивилизации, переходя из рук в руки. Одновременно я затрагиваю еще более дерзкий предмет, нежели тот, что рассматривался в предыдущих главах, а именно: существуют ли между человеческими расами действительно серьезные различия «врожденного» характера и можно ли их определить качественно?

Чтобы не терять времени, начну с рассуждений, касающихся первого пункта, а второй прояснится по мере их изложения.

Моя мысль станет более понятной, если я сравню нацию, любую нацию, с человеческим организмом. Физиологи считают, что он постоянно обновляется во всех своих составных частях, что в нем происходит нескончаемая трансформация и что по прошествии определенного времени он содержит в себе малую толику того, что исходно составляло его основу: в старике почти ничего не остается от человека средних лет, в последнем мало остается от подростка, а в подростке — от ребенка; таким образом, материальная индивидуальность поддерживается только внутренними и внешними формами, которые видоизменяются, уступая место другим, мало похожим на прежние. Единственная разница между человеческим организмом и нацией, на мой взгляд, заключается в том, что в последней формы уничтожают друг друга и исчезают с невероятной быстротой. Возьмем народ, или, лучше сказать, племя, в тот момент, когда оно, поддавшись инстинкту жизнестойкости, придумывает себе законы и начинает играть какую-то роль в этом мире. При этом по мере роста его потребностей и его сил оно вступает в неизбежный контакт с другими семействами, и ему удается присоединить их к себе силой или мирными средствами.

Не всем общинам доводится подняться до такого уровня, перейдя который племя в один прекрасный день становится нацией. Если некоторые расы, даже не очень высоко стоящие на лестнице цивилизации, тем не менее перешагнули этот порог, нельзя считать это общим правилом; напротив, мне кажется, человеческой общине трудно возвыситься над уровнем частичной организации, и лишь особо одаренным группам удается переход в более сложное состояние. В доказательство напомним нынешнее состояние многих таких групп, разбросанных по всему миру. Крупные племена, особенно негры–пеласги Полинезии, самоеды и другие Представители северного полушария, а также большая часть африканских негров так и не смогли выйти из состояния бессилия и живут как бы наложенные друг на друга и полностью независимые от остального мира. Самые сильные истребляют слабых, а те стараются как можно дальше «отодвинуться» от сильных — этим ограничивается вся политика таких эмбрионов общества, которые с момента появления человека на земле пребывают в столь удручающем состоянии, так и не найдя ничего лучшего за свою долгую историю. Мне могут возразить, что эти несчастные составляют меньшую часть населения земли; это правда, но не стоит забывать других, им подобных, которые когда-то существовали и исчезли. Число их неизмеримо и наверняка составляет подавляющее большинство чистых рас среди желтых и черных народов.

Если же допустить, что для очень большого числа людей оказался невозможен первый шаг к цивилизации, если учесть, что такие народности рассеяны по всей земле, во всех географических и климатических зонах — на землях, покрытых льдом и снегом, в умеренных и жарких районах, на берегу морей, озер и рек, в глуши лесов, на зеленых равнинах или в пустынях, — придется сделать вывод, что какая-то часть человечества изначально лишена способности к самоцивилизации даже в самой малой мере, поскольку неспособна подавить в себе естественное отвращение, которое человек, точно так же, как и животные, испытывает к «скрещиванию».

Однако оставим в покое эти несоциабельные племена и продолжим подниматься по лестнице истории с теми, которые понимают, что если они хотят увеличить свою жизненную силу и благосостояние, тогда абсолютно необходимо либо военными, либо мирными средствами, вовлечь соседей в свою сферу обитания. Конечно, самый простой способ — война. Итак, начинается война, но когда она закончится, когда разрушительные страсти утихнут, останутся пленники, они становятся рабами, рабы работают, и вот появляются классы, развивается промышленность, и племя переходит в категорию народности. Это уже более высокий уровень, но не все общности, достигшие его, поднимаются выше — многие ограничиваются этим и закосневают на этой ступени.

Однако другие, более предприимчивые и энергичные, смотрят дальше и идут дальше простого мародерства: они захватывают большую территорию и делают своей собственностью не только жителей, но и их земли. С этого момента формируется настоящая нация. Часто в течение какого-то времени обе расы — победители и побежденные — продолжают жить бок о бок, не смешиваясь, однако по мере того, как они становятся все более нужны друг другу, как устанавливается общность трудов и интересов, как обиды забываются, а побежденные естественным образом начинают подниматься к уровню победителей, последние находят множество причин снисходительно относиться к этой тенденции и даже поощрять ее: вот тогда и происходит смешение крови, и представители двух рас уже перестают принадлежать к различным племенам, все больше соединяясь в одно целое.

При всем этом инстинкт изоляции настолько укоренен в человеке, что даже на этом этапе скрещивания имеет место сопротивление дальнейшему процессу. Есть народы, чье смешанное происхождение достоверно известно и которые, тем не менее, сохраняют клановый дух. Например, арабы, которые не только вышли из ветвей семитской группы — они одновременно принадлежат к двум семействам — Сима и Хама, — не говоря уже о бесчисленных родственниках переплетениях местного масштаба. Несмотря на различные истоки, их приверженность к племенной изоляции является одной из самых поразительных

особенностей их национального характера и политической истории; их изгнание из Испании можно объяснить не только их географической раздробленностью на этом полуострове, но и более глубокой раздробленностью — соперничеством семейств внутри маленьких монархий Валенсии, Толедо, Кордовы и Гренады ⁵. Это замечание можно отнести к большинству народов, прибавив, что там, где стерлись племенные различия, их место занимает инстинкт самоизоляции по национальному признаку, который настолько силен, что подавить его не в силах даже религиозная общность. Это имеет место у арабов и турков, у персов и евреев, у приверженцев парсизма и индусов, у сирийских несторианцев и курдов; этот инстинкт проявляется и у европейских турков, следы его можно встретить в Венгрии, у мадьяр, саксов, валахов, хорватов, и я утверждаю, что в некоторых районах Франции, стране, где расы перемешаны более, чем где бы то ни было, существуют деревни, жители которых и сегодня не хотят родниться с соседними селениями.

Я считаю себя вправе заключить, исходя из этих примеров, охватывающих все страны и эпохи, даже нашу страну и наше время, что человечество во всех своих ответвлениях испытывает тайную неприязнь к смешению, что у некоторых народов это чувство неискоренимо, а у других мало выражено; что даже те, кто окончательно освободились от этого инстинкта, сохраняют в себе его следы — и вот эти последние народности могут ступить на тропу цивилизации.

Таким образом, род человеческий подчиняется двум законам — отторжению и притяжению, — которые в разной мере воздействуют на все расы, причем первый закон соблюдают только те расы, которым никогда не дано подняться выше элементарного объединения на уровне племени, между тем как второй действует с такой силой, что соблюдающие его этнические группы более способны к прогрессу.

Но здесь необходимо сделать уточнение. Я привел пример народа в эмбриональном или семейственном состоянии, я дал ему способности, чтобы он мог перейти в состояние нации, и вот он сделался нацией; история скрывает во тьме прошлого составные элементы исходной группы, и мне известно только то, что эти элементы обеспечили его трансформацию, о которой я рассказал; теперь перед ним две возможности, две судьбы, и обе они предопределены — он будет либо победителем, либо побежденным.

Я сделал его победителем, наделил его блестящей судьбой: он властвует над соседями и одновременно цивилизует их; он не сеет смерть и разрушение там, где проходит; он уважает чужие памятники, институты, нравы, обычаи; изменяет он лишь то, что ему кажется полезным изменить, что можно заменить чем-то более совершенным; в его руках слабость превращается в силу, и действует он так, как сказано в Писании: «И возвысится он над людьми».

Не знаю, приходила ли читателю такая мысль, но в нарисованной мною картине, которая может относиться к индусам, египтянам, персам, македонцам, мне кажутся главными два момента. Первый: некая нация, не обладающая ни силой, ни могуществом, неожиданно попадает под пяту завоевателя и оказывается перед лицом новой лучшей судьбы — так случилось с саксами ⁶ в Англии, когда их завоевали норманны ⁷. Второй: некий избранный и

⁵ Такое стремление арабских наций к этнической изоляции иногда проявляется весьма странным образом; один путешественник рассказывает, что в Джидде, где нравы очень свободные, бедуинка, которая может согласиться на все, что угодно, ради денег, будет чувствовать себя опозоренной, если сочетается законным браком с турком или европейцем, которым она обычно отдается с чувством презрения

⁶ Саксы — группа германских племен, населявших территории на севере Германии, к востоку от Рейна и к западу от нижнего течения Эльбы. Объединились в III–IV вв. в племенной союз. В середине V в. часть саксов переправилась в Британию и образовала несколько королевств. Саксы, оставшиеся в Германии, располагались на границах с Франкским государством и после длительной борьбы были покорены Карлом Великим (772–804). После распада Каролингской империи на территориях, населенных саксами, образовалось Саксонское герцогство.

⁷ 3. Норманы, Норманны — (от сканд. northman — северный человек) — термин, принятый в Европе по отношению к. скандинавским народам (датчанам, шведам, норвежцам), совершавшим с середины VIII в.

сильный народ, наделенный явной предрасположенностью к смешению с другой кровью, вступает в близкие отношения с расой, отсталость которой подтверждается не только ее поражением, но и отсутствием качеств, имеющих у победителей. И вот с того времени, когда совершилось завоевание и началось слияние, следует датировать начало изменений в составе крови победителей. Если обновление на этом и закончится, то по прошествии определенного периода, продолжительность которого зависит от первоначальной численности вступивших в соприкосновение народов, сформируется новая раса, конечно, не такая могущественная, как лучший из ее предков, однако все еще сильная и обладающая особыми качествами, обусловленными смешением и неизвестными обоим исходным группам. Но обычно объединение не ограничивается участием только двух рас.

Я представил себе могущественную империю, оказывающую влияние на соседей. Я предполагаю, что она предпримет новые завоевания, следовательно, всякий раз к общему кровотоку будет добавляться новая кровь.

Отныне, по мере увеличения нации — за счет оружия или договоров, — все больше изменяется ее этнический характер. Она становится богатой, предприимчивой, цивилизованной; потребности и привычки других народов находят полное удовлетворение в ее столицах, больших городах и портах, и к ней стекаются тысячи и тысячи чужеземцев. Проходит немного времени, и на смену первоначальному различию по национальному признаку приходят кастовые различия.

Разумеется, в соответствии с моим планом, народ, о котором идет речь, выражает свои идеи изоляции официальными религиозными установлениями, и нарушителей ждет суровое наказание. Итак, этот народ цивилизованный, у него мягкие и снисходительные нравы даже в отношении веры, его оракулы красноречивы и убедительны, но все равно появляются «внекастовые» особи, поэтому каждый день необходимо создавать новые различия, придумывать новые классификации, множить социальные категории так, что невозможно уже разобраться в нагромождении всех подразделений, варьирующихся до бесконечности от провинции к провинции, от кантона к кантону, от деревни к деревне. Именно так происходило в странах Индии. Там, пожалуй, только брахманы проявляли стойкость в изоляционистских идеях, а сами народы, кстати, цивилизованные благодаря брахманам, не приняли или, по крайней мере, давно отвергнули сковывающие предписания. Во всех государствах, имеющих развитую интеллектуальную культуру, почти не обращали внимания на те отчаянные попытки, которые были предприняты законодателями Арьяварты из желания примирить предписания закона Ману с упрямой логикой реальности. Касты, которые существовали, исчезли в тот момент, когда все люди, без различия в происхождении, усвоили науку пробиваться наверх и получать известность благодаря полезным открытиям или талантам. Но одновременно с этого дня нация, бывшая когда-то победительницей и активной цивилизующей силой, стала исчезать: ее кровь смешалась со всеми стекающимися к ней ручейками.

Кроме того, часто случается, что численность доминирующего народа начинает уменьшаться по сравнению с побежденными, а, с другой стороны, некоторые расы, служащие фундаментом для населения обширных территорий, быстро размножаются — например кельты и славяне. Вот еще одна причина, почему быстро исчезают господствующие расы. Другая заключается в том, что их высокая активность и большая роль в государственных делах чаще делают их представителей жертвами войн и мятежей. Таким образом, если, с одной стороны, они объединяют вокруг себя, благодаря своей цивилизаторской функции, другие элементы, чтобы поглотить их, то они становятся жертвами своей малочисленности и

пиратские набеги на побережье Европы и предпринимавшим вдоль рек рейды в глубь материка. В Скандинавии норманнов называли викингами (воинами), в Британии они были известны как «дань», а на Руси получили наименование «варяги». В результате набегов захватили значительную часть Британии и Ирландии, создали Сицилийское королевство (Италия) и герцогство Нормандское (Франция), заселили острова в Северной Атлантике, основали поселения в Северной Америке и сыграли значительную роль в формировании русской государственности. Период экспансии скандинавов вошел в историю как «эпоха викингов».

еще тысяч прочих разрушительных обстоятельств.

Очевидно, что исчезновение расы–победительницы в разных регионах происходит разными темпами. Тем не менее, этот процесс всюду идет до конца, и везде он завершается задолго до того, как исчезает цивилизация, рожденная этой расой; иными словами, народ может жить, существовать, функционировать, даже становиться сильнее уже после того, как исчезла движущая сила его жизни и славы. Возможно, здесь есть противоречие с тем, что сказано выше? Нисколько, потому что если влияние цивилизующей крови ослабляется, то остается энергия, когда-то вложенная в покоренные или присоединенные народы: так, институты, которые создал покойный цивилизатор, законы, которые он сформулировал, модель нравов, которые он оставил, живут и после его смерти. Конечно, нравы, законы, институты видоизменяются, искажаются, теряют свою силу и актуальность, но пока хоть что-то от них остается, здание стоит, в теле живет душа, труп еще двигается. Когда первоначальный импульс делает последний вздох, все заканчивается, ничего не остается, цивилизация умирает.

Теперь, как мне кажется, я имею все необходимое, чтобы решить вопрос жизни и смерти наций, и заявляю, что ни один народ никогда бы не умер, если бы состоял из одних и тех же национальных элементов. Если бы империя Дария могла выставить в битве при Арбелле персов, истинных ариев, если бы римляне Нижней Империи имели сенат и милицию, составленные из этнических элементов, похожих на те, что существовали во времена Фабиев, их владычество не закончилось бы, и сохрани персы и римляне целостность крови, они бы жили и царили еще долго. Мне могут возразить, что в конце концов и к ним бы пришли более сильные завоеватели или они все равно бы рухнули под разными ударами, в результате продолжительного давления или просто от случайно проигранной битвы. Действительно, государства могут исчезать таким путем, но только не цивилизации, не социальный организм. Нашествия и поражения — это всего лишь досадные, но временные затруднения. Примеров тому предостаточно.

В современную эпоху китайцев завоевывали дважды, и они всегда вынуждали завоевателей ассимилироваться с ними, они внушали им уважение к своим нравам, они многое им дали и почти ничего от них не взяли. Первых захватчиков они прогнали, и придет время — так же поступят со вторыми.

Англичане — хозяева Индии, однако их нравственное влияние на подданных равно почти нулю. Различными путями они сами подвержены влиянию местной цивилизации и не могут внедрить свои идеи в умы масс, которые боятся их и покоряются им только физически, сохраняя свой образ жизни во всей целостности. Дело в том, что индусская раса осталась чужой той расе, которая там сегодня властвует, и ее цивилизация не поддается закону силы. Внешние формы, королевства, империи могут изменяться, но основа, на которой стоят такие сооружения, может меняться только вместе с ними, и пусть Хайдарабад, Лахор и Дели перестанут быть столицами — индусское общество этого даже не заметит. Придет день, когда, тем или иным образом, Индия начнет жить снова по своим законам, как она делает это и сейчас, только скрытно, и благодаря нынешней расе или метисам восстановит свою политическую суцность.

Случайные завоевания не решают судьбу народа и его жизнь. Самое большее — они могут привести к тому, что на какое-то время народ перестает проявлять себя и теряет внешние атрибуты. Пока кровь народа и его институты еще сохраняют в достаточной степени следы изначальной расы, этот народ не умрет; пусть он, как китайцы, имеет дело с завоевателями, которые превосходят его только в материальном плане, или, как индусы, ведет молчаливую и терпеливую борьбу против нации, превосходящей его во всех отношениях (англичане), его будущее служит ему утешением — когда-нибудь он будет свободен. И, напротив, тот народ, который, как греки или римляне Нижней Империи, совершенно исчерпал свой этнический принцип, умрет в первый день своего поражения: он использовал время, данное ему свыше, т. к. полностью изменил свою расу, свою природу и, следовательно, выродился.

Исходя из этих рассуждений, следует считать решенным вопрос о том, что было бы, если бы карфагеняне не потерпели поражение от удачливого Рима, а стали бы хозяевами Италии. Поскольку они принадлежат к финикийской расе, уступающей в политических качествах легионерам Сципиона, иной исход битвы при Заме никак не отразился бы на их судьбе. Они могли восторжествовать на один день, а на следующий все равно проиграли бы; или другой вариант: в результате своей победы они могли бы влиться в итальянский элемент (этнос), как это и случилось после их поражения, но окончательный результат был бы тем же самым. Судьба цивилизаций не имеет ничего общего со случайностью и не зависит от расклада карт; меч убивает только людей, и самые воинственные, самые опасные и удачливые нации, когда у них в сердце, в голове и в руках нет ничего, кроме бравады, стратегического искусства и военного везения, нет иного высшего инстинкта, в лучшем случае заканчивают тем, что учатся у побежденных, причем учатся плохо, как надо жить в мирной обстановке. В анналах кельтов, кочевых орд из Азии, есть много интересного и поучительного на сей счет.

Мы определили смысл слова «вырождение» и с его помощью рассмотрели вопрос жизнестойкости народов, теперь надо доказать то, что для ясности обсуждения я должен был заявить априори: есть существенные различия между человеческими расами. Последствия этого доказательства будут иметь огромное значение. Но прежде чем мы приступим к этому, следует выстроить всю совокупность фактов и рассуждений, способных выдержать столь большое здание. Решение первого вопроса было лишь преддверием храма.

ГЛАВА V

Этническое неравенство не есть результат общественных институтов.

Мысль о врожденном, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространенных с незапамятных времен.

И это не удивительно при виде примитивной самоизоляции племен и народностей и отстранения и ухода в себя — в этом состоянии все они пребывали в прошлом и большинство до сих пор не может выйти из него. Не считая того, что произошло в нынешнюю эпоху, это понятие служило основой почти всех теорий правления. Нет народа, большого или малого, который не делал бы из этой предпосылки первую максимум государственного устройства. Системы каст, знати, аристократии, основанные на прерогативах рождения, не имеют иного источника; то же самое можно сказать и о праве старшинства по возрасту, предполагающем априорное преимущество сына—первенца и его потомков. Из этой доктрины вытекают неприятие чужака и превосходство, которое каждая нация культивирует по отношению к соседям. Только по мере того, как группы людей перемешиваются и сливаются, увеличиваются в численности, цивилизуются и начинают более благосклонно взирать друг на друга в силу взаимной полезности, эта абсолютная аксиома о неравенстве и прежде всего враждебности между расами дает трещину и ставится под сомнение. Затем, когда большинство граждан государства почувствует, что у них в жилах течет смешанная кровь, это большинство превращает в универсальную и абсолютную истину идею о том, что все люди равны. Вполне понятное отвращение к угнетению, естественный страх перед злоупотреблениями силы бросают тень на память о когда-то доминировавших расах, которые, поскольку таков этот мир, всегда заслуживают упрека. От заявлений против тирании люди переходят к отрицанию естественных причин превосходства; они объявляют принцип превосходства извращением и узурпацией прав, забывая о том, что некоторые способности, как это ни прискорбно, можно объяснить только наследственностью. Наконец, чем больше гетерогенных элементов вливается в народ, тем чаще он заявляет, что все, без исключения, частицы рода человеческого обладают или могут обладать самыми разнообразными, т. е. по сути одинаковыми для всех качествами. Эту

теорию, более или менее оформленную, просвещенные метисы применяют к совокупности поколений, которые были, есть и еще будут на земле, и в один прекрасный день приходят к выводу, который, как Эолова арфа, таит в себе столько бурь: «Все люди — братья!» (Примером служат известные строки из стихотворения Шелли «Королева Мэб»).

Это, так сказать, политическая аксиома. А вот аксиома научная: «Все люди, — утверждают защитники человеческого равенства, — наделены равными интеллектуальными инструментами одной природы и одинаковой значимости». Может быть, цитата не совсем точная, зато смысл ясен. Выходит, что мозжечок гурона содержит в себе зародыш духа, коим отличается англичанин или француз! Почему же тогда в течение многих веков он не открыл ни печатного станка, ни паровой машины? Я вправе спросить у этого гурона, если он такой же, как наши соотечественники, почему воины его племени не дали миру Цезаря или Карла Великого, и по какой досадной случайности его певцы и лекари не сделали ни Гомерами, ни Гиппократами? Вместо ответа на этот каверзный вопрос обыкновенно предлагают теорию о географическом или климатическом факторе. Согласно ей, какой-нибудь остров никогда не увидит того прогресса, какой обычен для континента; на севере не будет того, что есть на юге; в лесах невозможны достижения, которым способствует открытая местность и так далее. Влажная болотистая почва приведет к расцвету цивилизации, которая непременно зачахнет в жаркой Сахаре. Как бы ни были изощренны такие гипотезы, факты упрямо опровергают их. Несмотря на ветер, дождь, холод, жару, скудную или, наоборот, слишком буйную растительность на всей земле, на той же самой почве существуют бок о бок и варварство и цивилизация. Забитый феллах жарится под тем же солнцем, что и могущественный жрец из Мемфиса; ученый профессор из Берлина живет под тем же суровым небом, которое взирает сверху на нищету полудикого финна.

Самое удивительное в том, что эгалитаризм, проповедуемый массой умов, из которых он проник в наши институты и нравы, не нашел в себе сил для того, чтобы сбросить с трона очевидные факты, и что люди, наиболее убежденные в его правоте, ежедневно дают волю противоположным чувствам. Никто не отрицает больших различий между нациями, а обыденный язык даже провозглашает их с наивной последовательностью. Это есть повторение того, что говорилось во времена, не столь упрямые, как наши, об абсолютном равенстве рас.

У каждой нации наряду с догмой о братстве всегда были особые эпитеты и характеристики, подчеркивающие несходство. Римлянин из Италии называл греческого римлянина «грекулус» и приписывал ему хвастливость и трусость. Он насмеялся над карфагенским колоном и утверждал, что узнает его из тысячи по его тугодумию и нечестности. Жителей Александрии считали скрытными, нахальными и бунтарями. В средние века англо-норманнские монархи обвиняли своих подданных — галлов в легкомыслии и непостоянстве. А кто сегодня не слышал обидных эпитетов по адресу Немцев, испанцев, англичан, русских? Не мне судить о справедливости таких суждений — я хочу лишь отметить, что они существуют в сознании людей. Поэтому, если, с одной стороны, говорят, что все расы равны, а с другой, одни легкомысленны, другие сдержанны, одни склонны к накоплению, другие к расточительности, одним нравится воевать, другие берегут свою жизнь, значит, эти столь отличающиеся друг от друга нации должны иметь и различные судьбы. Самые сильные будут играть в трагедии этого мира роли царей и властителей. Слабые утешатся меньшим.

Я не думаю, что в наше время произошло сближение между общепринятыми идеями о существовании особого характера в каждом народе и не менее распространенным убеждением в том, что все народы равны. Однако от этого противоречия не отмахнуться — оно тем более бросается в глаза, что сторонники демократии не последними восхваляют превосходство саксов Северной Америки над остальными нациями этого континента. Они объясняют, правда, высокие качества своих кумиров особенностями правления. Тем не менее, насколько мне известно, они не отрицают особенный врожденный талант соотечественников Пенна и Вашингтона, который состоит в том, что они сумели создать в своей стране

либеральные институты и тем более сохранить их. Так разве, я вас спрашиваю, такое упорство не есть прерогатива этой ветви человеческого рода, причем прерогатива тем более ценная, что большинство общностей, которые когда-то населяли или населяют сегодня вселенную, лишены его?

У меня нет намерения бездоказательно бравировать этим несоответствием. Разумеется, здесь приверженцы равенства отметят роль институтов и нравов: они еще раз скажут, насколько сущность правления в силу своей добродетели, насколько наличие деспотизма или свободы влияют на качества и развитие нации, но я не премину оспорить такой аргумент.

Политические институты имеют только два источника: либо они происходят изнутри нации, которая должна соблюдать их, либо они придумываются другим могущественным народом, который приносит их на территорию, оказавшуюся под его влиянием.

В отношении первой гипотезы все ясно. Очевидно, что народ создает для себя институты, исходя из своих инстинктов и потребностей; он, разумеется, не стал бы выдумывать то, что может противоречить тем или другим, а если по недосмотру или неумению он сделал это, тогда сразу проявляющиеся социальные недуги заставят его исправить законы и привести их в соответствие с целями. В любой независимой стране закон всегда исходит от народа; дело вовсе не в том, что народ может провозгласить его непосредственно, но поскольку хороший закон должен отвечать его убеждениям и взглядам, получается, что он и есть автор законов. Если на первый взгляд единственным творцом закона кажется какой-нибудь мудрый законодатель, то по зрелому размышлению становится ясно, что в силу своей мудрости досточтимый мэтр должен излагать свои положения под диктовку нации.

Если он так же мудр, как Ликург, он не придумает ничего, что будет не по вкусу спартамцам, а такой теоретик, как Дракон, сотворит закон, который будет тут же исправлен или отвергнут Афинами, ибо афиняне, как все дети Адама, не могли бы долго терпеть законов, чуждых их истинным и естественным устремлениям.

Вмешательство свыше в этот великий процесс законотворчества — это всегда проявление просвещенной воли народа, а если речь идет о плодах размышлений одного человека, то ни один народ не сможет жить по таким законам. Следовательно, нет оснований считать, что институты, придуманные и учрежденные какой-то расой, определяют характер и свойства этой расы. Мы имеем здесь следствие, а не причину. Конечно, не стоит отрицать их значимость: они сохраняют национальный гений, прокладывают ему дорогу, определяют цели и даже до некоторой степени подпитывают его инстинкты и дают в руки орудия действия; но они не могут создавать своего творца, а помогая развивать его врожденные качества, часто терпят крах, когда выходят за рамки своей сферы или пытаются изменить ее. Одним словом, они не могут сделать невозможное.

Справедливости ради отметим, что ложные институты и их последствия играли значительную роль в истории народов. Когда Карл I, следуя коварному совету графа Страффордского, захотел склонить англичан к абсолютному монархическому правлению, король и его министр ступили на зыбкую и кровавую почву теоретизирования. Когда кальвинисты мечтали о правлении, одновременно аристократическом и республиканском, и пытались установить его силой оружия, они также преступили черту, отделяющую истинное от ложного.

Когда регент сделал вид, будто хочет протянуть руку придворным, побежденным им в 1652 г., и занялся интригами, подсказанными ему коадьютором и его друзьями⁸, эти шаги никому не понравились и оскорбили равным образом знать, духовенство и третье сословие. Но когда Фердинанд Католик начал против испанских мавров жестокие, но необходимые

⁸ Граф Сен-Приест в одной из своих статей справедливо заметил, что партия, сокрушенная кардиналом Ришелье, не имела ничего общего ни с феодалами, ни с известными аристократическими семействами. Монморанси, Сен-Мар и Марийак хотели потрясти государство только ради своих корыстных интересов. Великого кардинала напрасно обвиняют в истреблении французской знати.

репрессии, когда Наполеон восстановил во Франции религию, поднял воинский дух, организовал власть, предоставив ей широкие права и в то же время ограничив ее рамки, в этих двух случаях оба монарха хорошо понимали гений своих подданных и строили здание на твердой почве. Короче говоря, ложные институты, которые часто красиво выглядят на бумаге, не учитывают национальные свойства и привычки и не годятся для данного государства, хотя, возможно, подошли бы для соседнего народа. Они рождают лишь беспорядок и анархию, даже если продиктованы самыми благими намерениями. Другие же институты или законы, порой заслуженно или незаслуженно бранимые теоретиками и моралистами, могут быть хорошими по противоположным причинам. Спартанцы были невелики числом и велики сердцем, честолюбивы и воинственно суровы, и что же? Ложные законы превратили бы их в отъявленных мошенников, а Ликург их сделал героями-разбойниками.

Итак, пора понять следующее: раз нация появилась раньше закона, закон творит она сама, а он несет на себе ее печать, и только потом закон начинает влиять на нацию. Доказательством служат изменения институтов, которые вносит время.

Выше было сказано, что по мере того, как народы цивилизуются, увеличивают свою численность и могущество, их кровь перемешивается, а инстинкты претерпевают постепенные изменения. Что же касается способностей, они не могут приспособиться к законам предшественников. Для новых поколений также невозможно приспособиться к старым нравам и тенденциям, поэтому спустя какое-то время происходят уже более глубокие перемены. Причем эти перемены становятся более частыми и глубокими по мере изменения расы, между тем как они случались редко и были постепенными, пока состав населения меньше отличался от самых первых основателей государства. В Англии, где смешение крови происходило медленнее, чем в остальной Европе, до сих пор сохранились институты четырнадцатого и пятнадцатого веков в самой основе социального здания. Там почти в первозданном виде можно встретить общинную организацию Плантагенетов и Тюдоров, старые традиции участия знати в правлении и формирования этой знати, уважение к древности родов и прежнее отношение к выскочкам. Однако со времен Якова I и особенно Унии королевы Анны английская кровь начала смешиваться с кровью шотландцев и ирландцев, на степень чистоты потомства повлияли и другие нации, в результате сегодня там все больше нововведений, правда, остающихся верными изначальному духу конституции.

Во Франции этнические браки всегда были более частыми и разнообразными. В эпохи потрясений случалось, что власть переходила от одной расы к другой. В социальной жизни происходили скорее крутые перемены, чем незначительные изменения, и эти перемены были тем круче, чем больше отличались друг от друга группы, сменявшиеся у руля власти. Пока северная часть Франции оставалась в русле главной политики страны, феодалы, или, лучше сказать, их бесформенные остатки, сопротивлялись нововведениям при поддержке муниципальных институтов. После изгнания англичан в XV в. в центральных провинциях, менее подверженных германскому влиянию, чем земли на другом берегу Луары, где только что была восстановлена национальная независимость под властью Карла VII, галло-романская кровь преобладала в советах и в сельской местности, царил воинственный дух, дух завоеваний, присущий кельтской расе, и любовь к власти, привнесенная в романскую кровь. В течение XVI в. была в основном подготовлена почва, на которой аквитанские сторонники Генриха IV, в меньшей степени кельты и в большей романцы, в 1599 г. заложили краеугольный камень абсолютизма. Затем, когда Париж наконец приобрел власть в результате концентрации, которой способствовал южный гений, Париж, чье население представляет собой собрание самых разных этнических элементов, перестал понимать и уважать любые традиции; эта великая столица, эта Вавилонская башня, порвав с прошлым Фландрии, Пуату, Лангедока, вовлекла всю Францию в невиданные дотоле эксперименты, основанные на доктринах, совершенно чуждых ее прошлым обычаям.

Поэтому нельзя считать, что институты формируют народ, — очевидно, что все обстоит как раз наоборот. Но как быть со второй гипотезой — когда нация получает законы из рук

чужеземцев, обладающих достаточной силой?

Хотя такие попытки в истории случались, они не затрагивали основ крупных стран. Римляне были достаточно мудры и предусмотрительны, чтобы не ввязываться в столь опасные предприятия. Таких попыток не делал до них и Александр; наследники Августа, уверенные, благодаря инстинкту или уму, в бесплодности подобных планов, предпочитали, так же как и победитель Дария, царствовать над разноцветьем народов, которые сохраняли свои обычаи, привычки, нравы, законы и свои методы административного правления и которые в своем большинстве могли смириться разве что с законами, касающимися налогов и военной службы.

При этом не следует забывать одно важное обстоятельство. В образе жизни некоторых народов, покоренных римлянами, были такие обычаи, с которыми победители никак не могли примириться — скажем, человеческие жертвоприношения у друидов — и которые они преследовали самыми суровыми средствами. И все же римляне со всей своей мощью так и не смогли до конца искоренить варварские ритуалы. В Нарбонне это не представило особого труда: галльское население почти целиком было вытеснено римскими колоннами (поселенцами), а в центральных областях, где оставались местные племена, сопротивление продолжалось долго; так же обстояло дело на бретонском полуострове, куда в IV в. пришельцы из Англии принесли с собой старые нравы вместе со старой кровью; они продолжали — из чувства патриотизма и привязанности к своим традициям — резать людей на своих алтарях. Самые суровые меры не могли вырвать из их рук священный нож и факел. Все мятежи начинались с восстановления этого ужасного национального культа, а у армориканцев победившее христианство, все еще возмущенное безнравственным политеизмом, столкнулось с еще более отталкивающими суевериями. Ему удалось справиться с ними лишь после долгих усилий, и даже в XVII в. убийство потерпевших кораблекрушение ' продолжало существовать во всех прибрежных приходах, где киммерийская кровь оставалась чистой. Дело в том, что эти варварские обычаи отвечали инстинктам и чувствам, присущим расе, которая не претерпела существенного смещения и еще не имела достаточных оснований, чтобы изменить свои привычки.

Это обстоятельство заслуживает внимания, но в нынешние времена мы имеем дело в основном с законами навязанными, а не усвоенными. Одной из особенностей европейской цивилизации является ее нетерпимость — следствие осознания своей исключительности и силы. Она соседствует либо с упрямыми варварами, либо с другими цивилизациями. И к тем, и к другим она относится с почти одинаковым пренебрежением; она видит во всем, что отличается от нее, препятствие для своих завоеваний, поэтому требует от завоеванных народов полной трансформации. Тем не менее, испанцы, англичане и голландцы, а также иногда и мы, остерегались слишком доверяться новаторским порывам, сталкиваясь с многочисленными массами; таким образом, они брали пример с завоевателей древности, обладавших вынужденной сдержанностью. История Востока и Африки — и Южной и Восточной — свидетельствует о том, что самые просвещенные нации не в силах внушить покоренным народам законы, противные их натуре. Я уже упоминал, что «британская» Индия продолжает жить своей многовековой жизнью по законам, придуманным предками. Яванцев, хотя они и подвергаются сильному гнету, не принуждают подчиняться институтам, скопированным с законов Нидерландов. Они по-прежнему чувствуют себя свободными от своих господ, и, начиная с XVI в., когда началась европейская экспансия на восток, нет признаков того, что Европа хоть в малейшей степени повлияла на нравы даже самых «цивилизованных» племен.

Но покоренные народы недостаточно многочисленны, чтобы европейские завоеватели смирились с этой ситуацией. В некоторых районах они использовали всю силу оружия в помощь средствам убеждения. Они пытались изменить местный образ жизни и внедрить институты, которые мы считаем хорошими и полезными. Но насколько это им удалось?

В этом смысле Америка дает нам особенно много примеров. На юге вся мощь Испании

была брошена на подавление, и к чему это привело? К разрушению местных империй, но только не к просвещению народов; и главное — не появилось людей, похожих на пришельцев.

На севере использовали другие методы, но результаты оказались столь же неубедительны; да что я говорю — они были равны нулю, что касается благотворного воздействия, и катастрофическими с точки зрения человечности, потому что сегодня индейцы, по крайней мере, испанские, усиленно размножаются; они даже трансформировали кровь своих победителей, которые тем самым опустились до их уровня, между тем как краснокожие Соединенных Штатов не выдержали англосаксонского натиска и почти вымерли. Оставшиеся умирают каждый день и уходят из жизни такими же нецивилизованными и не приспособленными к цивилизации, как и их отцы.

В Океании ситуация такая же: всюду происходит уменьшение численности аборигенов. Иногда удается вырвать у них из рук оружие, помешать им вредить прогрессу, но они не меняются. Всюду, где хозяйничают европейцы, местные племена не поедают друг друга; их самих пожирает водка — единственное, что они восприняли от цивилизаторов. Наконец, на земле есть две системы правления, созданные чуждыми нам расами по нашим образцам: одна функционирует на Сандвичевых островах, другая — в Сан-Доминго. Знакомство с этими двумя государствами окончательно подтверждает бесплодность любых попыток внушить любому народу институты, которые не подсказывает ему его собственный гений.

На Сандвичевых островах создана блестящая представительская система. Там есть верхняя и нижняя палаты, есть министерство, которое управляет страной, есть король, который царствует — словом, там есть все. Но все это — не более чем декорация. Приводными колесами этой машины является корпус миссионеров-протестантов. Без них король, пэры и депутаты не смогли бы прожить и дня. Только миссионеры выдвигают идеи и воплощают их либо благодаря доверию у неофитов, либо, если это необходимо, угрозами. Однако я подозреваю, что если бы у миссионеров не было других исполнителей их воли, кроме короля и обеих палат, им бы пришлось, в силу неспособности своих учеников, принять более активное и непосредственное, а следовательно, явное участие в делах государства. Чтобы избежать этого, они придумали министерство, составленное из европейцев. Таким образом делаются дела и решаются вопросы между протестантской миссией и ее агентами, все же остальное — только декорация.

Что касается короля Камеамеа III, он представляется мне принцем крови. Сам он отказался делать татуировку на своем лице, и, хотя еще не убедил своих придворных поступить так же, он испытывает законное удовлетворение от того, что на их лбах и щеках теперь начертаны не очень яркие рисунки. Основная часть народа, в том числе сельская верхушка, упорно продолжает цепляться за старые традиции. Тем не менее по многим причинам на Сандвичевы острова каждый день прибывает все больше европейцев. Соседство с Калифорнией делает гавайское королевство притягательным местом для вездесущей энергии наших наций. Бывшие китобои и матросы военного флота больше не являются единственными представителями белой расы: сюда стекаются торговцы, спекулянты, авантюристы всех мастей, строят дома и обосновываются прочно. Коренная раса понемногу смешивается с пришельцами и исчезает. Возможно, на смену представительному и независимому правительству скоро придет простая администрация, представляющая какую-нибудь крупную иностранную державу, но в чем я не сомневаюсь, так это в том, что чужие институты окончательно утвердятся в этой стране, и по законам синхронизма этот день ознаменует полный крах местной расы.

Сан-Доминго — абсолютно независимая страна. Здесь нет миссионеров, осуществляющих скрытую и абсолютную власть, нет иностранного министерства, пропитанного европейским духом, — все находится в руках местного населения. Испаноязычная часть этого населения состоит из мулатов, и я не буду вести о них речь. Эти люди, по-видимому, худо-бедно копируют самые поверхностные признаки нашей цивилизации: как все метисы, они стремятся влиться в ту ветвь своей генеалогии, которая

представляется им наиболее почетной; поэтому они до некоторой степени способны перенять и практиковать наши обычаи. Так что перейдем сразу к обитателям гор, которые отделяют доминиканскую республику от государства Гаити.

Здесь мы встретимся с обществом, чьи институты не только похожи на наши, но и основаны на самых последних достижениях нашей политической мудрости. Все, что в течение шестидесяти лет самый изысканный либерализм провозглашал в ассамблеях Европы, все, что смогли написать самые ярые приверженцы независимости и достоинства человека — все декларации прав и принципов, — нашло отклик на берегах Артибонита. В законах не осталось ничего африканского, из умов официально стерлись воспоминания о хамитской родине, а в официальном языке не осталось от нее никаких следов; я повторяю, что местные институты —; совершенно европейские по форме. Теперь посмотрим, как они приспособились к местным нравам.

И какой же контраст мы видим! Что за нравы! Они настолько же извращенны, жестоки и brutальны, как в Дагомее или в других диких землях. Та же самая варварская страсть к украшениям сочетается с тем же безразличием к значению формы; прекрасное преобладает в цвете, и если какая-то одежда имеет ярко-красный цвет с фальшивой позолотой, то никого не волнует качество ткани, а что касается чистоты, ее никто не соблюдает. А вот что такое местный чиновник высокого ранга. Представьте себе крупного негра, лежащего на деревянной скамье, с головой, обмотанной чем-то вроде грязного изодранного носового платка и покрытой шляпой, обильно украшенной золотыми галунами. С пояса этой живописной глыбы свисает огромная сабля, одежда пестрит вышитыми узорами, жилет отсутствует, а на ногах у этого генерала домашние шлепанцы. Попробуйте поговорить с ним и проникнуть в его мозг, чтобы узнать, какие мысли там обитают, и вы обнаружите самый примитивный ум и самую первобытную гордыню в придачу, с которой может сравниться разве что такая же глубокая и неискоренимая безалаберность. Если этот человек откроет рот, на вас обрушатся все самые банальные фразы, коими газеты изрядно утомили нас за эти столетия. Варвар знает их наизусть; у него другие интересы и совсем другие инстинкты; у него нет никаких других понятий. Он говорит, как барон Гольбах, рассуждает, как господин Гримм, а в сущности у него нет иных забот, кроме как жевать табак, пить спиртное, вспарывать животы врагам и ублажать колдунов. Все остальное время он спит.

Государство делится на две части, или фракции, отличающиеся не несовместимыми доктринами, а цветом кожи: с одной стороны, мулаты, с другой — негры. Несомненно, у мулатов больше ума, они более расположены к концепциям. Я уже отмечал у доминиканцев такую особенность: европейская кровь изменила африканскую природу, и эти люди, влившись в белую массу и имея перед глазами хорошие примеры, могли бы сделаться полезными гражданами. К несчастью, в настоящее время численное превосходство и сила на стороне негров. А они, хотя и забыли Африку, откуда родом их предки, все еще находятся под ее полным влиянием; высшее для них удовольствие — лень; их высший разум заключается в жажде убийства. Между обеими частями, на которые поделен остров, никогда не прекращалась самая лютая ненависть. История Гаити, демократии Гаити — это лишь длинная череда убийств: мулатов убивали негры, когда были сильнее, негров убивали мулаты, когда у них в руках была власть. Институты, считающиеся филантропическими, ничего не могут сделать: они бесполезны и бессильны, т. к. живут только на бумаге, царствует же истинный дух местного населения. Согласно естественному закону, отмеченному выше, черная разновидность, принадлежащая к племенам, которые не способны к цивилизации, питает глубокое отвращение и ужас; ко всем остальным расам, поэтому гаитянские негры энергично отвергают белых и не допускают их на свою территорию, они хотели бы избавиться и от мулатов и мечтают уничтожить их. Ненависть ко всему чужому — главная пружина местной политики.

По причине органической ленивости этого рода сельское хозяйство исчезло, о промышленности нет и речи, торговля приходит в упадок, нищета в самых крайних проявлениях не дает населению возможность воспроизводиться, между тем как постоянные

войны, мятежи, военные перевороты способствуют его уменьшению. Неизбежным и не столь отдаленным результатом такого положения будет превращение этой страны в пустыню — страны, чье плодородие и природные ресурсы когда-то делали богатыми не одно поколение плантаторов, и скоро на плодородных равнинах, в живописных долинах и на земельных холмах королевы Антильских островов⁹ будут гулять лишь дикие козы.

А что если бы население этой несчастной страны стало жить в соответствии с духом своих предков без неизбежного протектората и воздействия чужеземных доктрин и сформировало свое общество сообразно своим инстинктам? Тогда рано или поздно, но никогда без насилия, произошло бы разделение людей по цвету кожи.

Мулаты жили бы на морском побережье, чтобы иметь контакты с европейцами, к которым они всегда тяготели. Благодаря этому появились бы торговцы, адвокаты, врачи, и эта часть населения все больше и больше смешивалась бы с пришельцами, постепенно утрачивая свои африканские корни.

Негры ушли бы вглубь и создали бы там маленькие общины по типу тех, что были когда-то у коричневых рабов в Сан-Доминго, на Мартинике, Ямайке и особенно на Кубе, где большая территория и глухие леса служат надежным убежищем. Там, среди разнообразных плодов богатой растительности Антильских островов черные американцы, имея достаточно средств к существованию благодаря богатствам природы, беспрепятственно вернулись бы к деспотической патриархальной организации, естественной для тех их собратьев, которых еще не подчинили мусульманские завоеватели Африки. Стремление к самоизоляции было бы одновременно и причиной и следствием такой ситуации. Образовавшиеся таким образом племена через некоторое время стали бы враждовать друг с другом. Единственным политическим событием в разных кантонах были бы местные войны, и остров, дикий, с редким населением и с дурно возделываемой, землей, сохранил бы племенную раздробленность, а жители были бы обречены на исчезновение в результате пагубного влияния законов и других институтов, не отвечающих уровню интеллекта негров, их интересам и потребностям.

Эти примеры Сан-Доминго и Сандвичевых островов достаточно красноречивы. Тем не менее, я не могу удержаться от того, чтобы не коснуться другого аналогичного феномена, который еще больше подтверждает мою точку зрения. В свидетели я призываю государство, чьи институты, навязанные протестантскими миссионерами, представляют собой рабский слепок с британской системы. Затем речь пойдет о правительстве, материально и физически независимом, но интеллектуально связанном с европейскими теориями, которое реализовало последние на практике, что привело к гибели несчастного гаитянского населения. Итак, предлагаю читателям пример совершенно другого рода, а именно попытки отцов-иезуитов цивилизовать аборигенов Парагвая, о которых подробно писали Причард, Орбиньи и Гумбольдт.

Эти миссионеры в силу своих умственных качеств и беспримерного мужества снискали всеобщее восхищение, и самые ярые противники их политики не могут отказать им в искреннем уважении. В самом деле, если какие-то институты чужеземного происхождения когда-нибудь имели хоть слабые шансы на успех, то речь идет именно об этих, основанных на мощи религиозного чувства и опирающихся на гений наблюдателя и соответствующие идеи. Отцы-иезуиты убедили себя в том — кстати, очень распространенное убеждение, — что варварство является для истории народов тем же, что детство для жизни человека, и что чем больше дикости и нецивилизованности в нации, тем она моложе.

Чтобы вывести своих неофитов в подростковый возраст, они относились к ним, как к детям, и навязали им правление, настолько же твердое по намерениям и сути, насколько

⁹ До эмансипации колония Сан-Доминго была одним из немногих мест на земле, где богатство и утонченность нравов вызывали всеобщее восхищение. То, что сделало Гавану торговым центром, разрушило Сан-Доминго, т. к. освобожденные рабы навели там порядок.

мягкое и привлекательное по форме. Вообще американские народности отличаются республиканскими тенденциями, а монархия или аристократия очень редки на этом континенте.

Так что природные склонности гуарани, к которым пришли иезуиты, в этом смысле не отличались от характера других аборигенов. Тем не менее, по счастливому стечению обстоятельств эти народы оказались относительно высокоразвитыми в умственном отношении и проявляли, может быть, меньше жесткости, чем некоторые их соседи, а также имели кое-какие склонности к восприятию нового. Примерно сто двадцать тысяч душ были собраны в деревни, опекаемые отцами-миссионерами. В ход пошло все, что имели иезуиты в своем распоряжении — опыт, ежедневные наблюдения, милосердие; прилагались бесчисленные усилия, чтобы ускорить успех и не повредить делу. Несмотря на такие меры, скоро появилось ощущение, что абсолютная власть была бы, кстати, для того, чтобы наставить неофитов на истинный путь, и возникли сомнения относительно прочности строящегося здания.

Когда политика графа Аранды привела к тому, что набожные цивилизаторы покинули Парагвай, результат превзошел самые худшие ожидания. Гуарани, оставленные духовными наставниками, отказали в доверии светским правителям, присланным из Испании, и нисколько не уважали новые институты. Их снова обуял вкус к дикой жизни, и сегодня, за исключением тридцати семи небольших селений, которые еще сохранились на берегах Параны в Парагвае и Уругвае и где осталось смешанное население, все остальные племена возвратились в джунгли и стали жить там в таком же диком состоянии, в каком пребывают на западе племена той же группы — гуарани и сирионы. Я не скажу, что беглецы вернулись ко всем своим прежним обычаям, во всей их чистоте, но тем не менее они снова опустили в лоно дикости: дело в том, что ни одной человеческой расе не дано ни отказаться от своих инстинктов, ни забыть ту тропу, на которую их привел Господь. Можно сказать, что если бы иезуиты продолжали держать свои миссии в Парагвае, их усилия со временем дали бы лучшие результаты. Я это допускаю, однако при одном условии, что в страну пришли бы европейские поселенцы, установили здесь диктатуру, смешались с аборигенами, сначала разбавили их кровь, затем полностью изменили ее; в этом случае в этих местах появилось бы государство, пусть под туземным именем, пусть гордившееся своим происхождением от автохтонных предков, но по сути своей такое же европейское, как институты, управляющие им.

Вот что я хотел сказать об отношениях между институтами и расами.

ГЛАВА VI

Состояния прогресса или стагнации народов не зависят от географического места, где они живут.

Нельзя не признать роль климата, почвы и топографических особенностей и их влияние на развитие народов; я уже затрагивал этот вопрос и сейчас хочу рассмотреть его подробнее.

Обычно считается, что если нация образовалась под солнцем не слишком жарким, чтобы сжечь кожу и сделать людей нервными, и не слишком холодным, чтобы сделать почву бесплодной, если она сформировалась на берегу большой реки, служащей удобным путем сообщения, на равнине или в долине с плодородной почвой, у подножия гор, скрывающих в себе огромные минеральные богатства, то эта нация, благословенная природой, быстро выйдет из состояния варварства и придет к цивилизации. С другой стороны, если исходить из этого аргумента, придется признать, что племена, сжигаемые солнцем или удручаемые вечными снегами и льдами, живущие на бесплодных скалах, имеют больше шансов остаться в варварстве. Тогда получается, что человечество идет к совершенству только благодаря материальной природе и что все его достоинства существуют как бы вне его. Каким бы

привлекательным не казалось на первый взгляд это мнение, оно абсолютно противоречит многочисленным фактам и примерам.

Конечно же, никакую страну нельзя считать более плодородной, ни один климат более благоприятным, чем просторы Америки. Здесь много больших рек, заливов, бухт, гаваней — глубоких, живописных, вместительных; ценные металлы залегают почти на самой поверхности земли; растительность дает самые разнообразные средства к существованию, а фауна изобилует съедобными птицами и животными. Однако большая часть этих обласканных богом мест много веков служит средой обитания народам, которым даже не приходит в голову использовать хоть малую толику этих богатств.

Некоторые из них пытались что-то предпринять, кое-где мы видим признаки культуры и следы примитивной обработки руды. Путешественники восхищаются изделиями ремесленников, выполненных с несомненным искусством. Но все это лишь разрозненные примеры, не составляющие целого — проблески цивилизации. Разумеется, в далекие времена на обширных землях между озером Эри и Мексиканским заливом, от Миссури до Скалистых гор существовала нация, оставившая замечательные следы своего присутствия. Остатки сооружений, наскальные рисунки и надписи, могильные курганы¹⁰, мумии свидетельствуют о развитой культуре. Но нет никакого подтверждения, что между этой таинственной нацией и народами, кочующими сегодня на ее могилах, существует близкое родство. В любом случае, если в результате каких-то естественных связей или отношений подчиненности нынешние туземцы унаследовали от прежних хозяев страны первые понятия об искусствах и ремеслах, которые они практикуют на самом элементарном уровне, можно лишь удивляться тому, что они оказались неспособны усовершенствовать то, чему научились, и я вижу в этом еще один аргумент в пользу того, что первые племена, находясь в самых благоприятных географических условиях, не были предназначены для цивилизации. / И напротив, между климатом и фактом цивилизации нет никакой зависимости. Индия всегда нуждалась в культивации земель, так же как и Египет¹¹. А это два известнейших центра культуры и дел рук человеческих. В Китае, наряду с плодородными землями, есть места, где земледелие сопряжено с большими трудностями.

История началась здесь с укрощения своенравных рек, а первые благодеяния древних императоров заключались в рытье каналов и осушении болот. В Месопотамии, в долине Евфрата и Тигра, где процветали первые ассирийские государства, где земля изобилует священными реликвиями, где пшеница, как говорят, растет сама по себе, почва тем не менее мало плодородная, и чтобы обеспечить пропитание, приходилось заниматься ирригацией. Сегодня, когда каналы разрушены, завалены обломками, вновь воцарилось бесплодие. Поэтому я склонен думать, что природа была не столь благосклонна к этим районам, как обычно думают. И все-таки я не собираюсь рассуждать на эту тему и признаю, что Китай, Египет, Индия и Ассирия как нельзя лучше подходили для формирования больших империй и развития мощных цивилизаций; я допускаю, что в этих местах сосредоточены все условия для процветания. Но для того, чтобы воспользоваться ими, надо было

10 Очень характерная конструкция этих курганов, инструменты и посуда, найденные в них, привлекают большое внимание специалистов. Позже я выскажу мнение о ценности этих реликвий с точки зрения цивилизации, а пока ограничусь таким замечанием: нельзя отрицать почтенный возраст этих находок. Кстати, скелеты из этих курганов рассыпаются в прах при контакте с воздухом, хотя почвенные условия нельзя назвать неблагоприятными, между тем как тела умерших из бретонских кромлехов, которым не менее 1900 лет, прекрасно сохранились. Поэтому можно утверждать, что нет никакой связи между этими находками в Америке и племенами «лен-ниленапес» и другими. Пользуясь случаем, хочу отметить большую работу американских ученых, занимающихся изучением прошлого своего обширного континента. Столкнувшись с чрезмерной хрупкостью эксгумированных останков, они придумали заливать в трупы, причем с беспрецедентной осторожностью, битумный состав, который, отвердевая, предохраняет кости от разложения.

11 Первым поселенцам белой расы в Индии пришлось осуществить большие работы по восстановлению плодородия почвы. То же самое можно сказать и о Египте: например, гигантских трудов потребовала фертилизация Файума.

предварительно достигнуть высокого уровня социальной организации. Так, для того, чтобы торговля могла воспользоваться водными артериями, надо было, чтобы уже существовала промышленность или, по крайней мере, агрикультура, а влияние на соседние народы было немислимым без наличия городов и рынков. Итак, привилегии, оказанные Китаю, Индии и Ассирии, предполагают в народах, которые воспользовались таковыми, настоящее интеллектуальное призвание и даже некоторую цивилизованность до того, как могла начаться эксплуатация этих преимуществ. Однако оставим особо отмеченные природой районы и обратимся к другим.

Когда в процессе своей миграции финикийцы пришли из Тилоса или из других мест на юго-востоке, что они увидели в Сирии, где обосновались? Засушливое скалистое побережье, стиснутое между морем и горными цепями, которому, казалось, суждено навечно остаться бесплодным. Такая удручающая территория ограничивала распространение нации, потому что находилась среди гор. Тем не менее это место, похожее на тюрьму, превратилось, благодаря гению народа, который заселил его, в страну храмов и дворцов. Финикийцы, обреченные на участь ихтиофагов или, в лучшем случае, пиратов, сделали и вправду пиратами, но в то же время отважными и ловкими торговцами и удачливыми спекулянтами. Ну и что, возразит мне оппонент, нужда есть мать предприимчивости: если бы основатели Тира и Сидона обитали в долинах Дамаска, довольствуясь плодами сельского хозяйства, они никогда бы не стали знаменитым народом. Нищета их угнетала, нищета пробудила их гений.

А почему она не пробуждает гений многих африканских, американских, островных племен Океании, находящихся в аналогичных условиях? Почему кибилы Марокко — древняя раса, у которой было достаточно времени для размышлений, а кроме того, достаточно хороших примеров для подражания, — почему они ни разу не пришли к более умной мысли для облегчения своей тяжелой доли, нежели простой морской разбой? Почему на этом архипелаге, который будто специально создан для коммерции, на этих океанских островах, которые так легко сообщаются между собой, почти все плодотворные отношения находятся в руках чужеземцев — китайцев, малайцев и арабов? Почему снижается активность там, где преобладают полутуземные народы и метисы? Дело вот в чем: для того, чтобы предприимчивая нация смогла обосноваться на побережье или на любом острове, требуется нечто большее, чем открытое море, чем богатая почва и даже опыт, привнесенный извне, — необходима какая-то особая способность жителей этого побережья или острова, ибо только она позволит им воспользоваться орудиями труда, находящимися в их распоряжении.

Но я не ограничусь доказательством того, что географическое положение — благоприятное по причине плодородности почвы или, наоборот, ее неплодородности — не определяет социальную значимость народов; я хочу объяснить, что эта значимость совершенно не зависит от окружающих материальных обстоятельств. Приведу пример армян, запертых в своих горах, в тех же самых горах, где из поколения в поколение живут и умирают в состоянии варварства многие другие народы: с незапамятных времен они сформировали достаточно развитую цивилизацию. К тому же их земля не отличается плодородием, а страна, окруженная горами, не имеет выхода к морю.

В аналогичном положении находились евреи, окруженные племенами близкой им языковой группы, причем многие были близки евреям и по крови; они также опередили в развитии всех соседей. Они были воинами, земледельцами, торговцами и имели сложную структуру правления, в которой монархия, теократия, патриархальная власть родовых вождей и демократическая власть народа в виде собраний и пророков сочетались друг с другом самым причудливым образом; они пережили века процветания и славы и, благодаря продуманной системе миграции, преодолели трудности, связанные с ограниченностью их территории. А что представляла собой эта территория? Нынешние путешественники хорошо знают, ценой каких усилий израильские агрономы поддерживают плодородие почвы. С тех пор, как эта избранная раса покинула свои горы и долины, колодец, из которого пили стада Иакова, занесло песком, виноградником Навота завладела пустыня, а на месте дворца Яхава растет сорняк. А чего добился в этом жалком уголке земли еврейский народ? Я повторяю:

народ, талантливый во всем, за что он брался, свободный, сильный, мудрый народ, который до того, как с оружием в руках утратил звание независимого, дал миру столько же врачей, сколько и торговцев.

Даже греки, славные греки, не могли похвастаться благоприятным географическим положением. Большой частью их народы обитали на почти бесплодных землях. Аркадия была облюбована пастухами, а Беотию облюбовали Серее и Триптолем, однако в эллинской истории эти местности играют незаметную роль. Даже богатый Коринф, избранный город Плутона и Венеры Меланийской, стоит где#8209;то на втором месте. Так кто же составил славу Греции? Афины, чья серая пыль покрывала чахлые оливковые рощи в окрестностях города; Афины, которые, будучи торговым центром, продавали статуи и книги, а также Спарта, затерянная в узкой долине, где ее нашла слава.

А теперь обратимся к Риму, т. е. к тому бедному кантону Лациума, на который пал выбор его создателей, на берегу маленькой речки по имени Тибр, впадающей в море в пустынном месте, куда редко заходили финикийские или греческие корабли. Разве благодаря своему географическому положению он стал владыкой мира? И еще: как только мир покорился римскому уставу, властители решили, что для столицы выбрано неудачное место, и вечный город надолго оказался в опале. Первые императоры, обращавшие взоры к Греции, почти постоянно жили там. В Италии Тиберий обосновался на Капри, в центре своей империи. Его преемники перебрались в Антиохию. Некоторые, озабоченные галльскими проблемами, добрались до Трева. Наконец, императорским декретом у Рима вообще отобрали титул столицы и передали его Милану. И если римляне заставили с уважением и страхом говорить о себе, так это вопреки местоположению того уголка, из которого выходили первые легионы, а не благодаря ему.

Во времена, более близкие, мы наблюдаем еще больше красноречивых фактов. Мы видим, как процветание покидает средиземноморское побережье, а это лишнее доказательство того, что оно не было присуще его жителям. Крупные торговые центры средневековья появляются там, где ни одному политику прежних эпох не пришло бы в голову строить их. Новгород расцветает в заснеженной холодной стране, Бремен — на таком же суровом побережье. Ганзейские города в центральной Германии создаются посреди страны, которая только-только просыпается; Венеция поднимается из глубин морского залива. Политическая активность перемещается в места, о которых раньше и не слышали. Во Франции власть концентрируется севернее Луары и Сены. Лион, Тулуза, Нарбон, Марсель, Бордо сходят с высшей ступени, куда их вознесли римляне. Главным городом становится Париж, бывшее глухое селение, удаленное от моря, т. е. неблагоприятное для торговли, но вполне доступное для нормандских кораблей. В Италии заштатные когда#8209;то городки становятся резиденцией римских пап; Равенна построена на болотах, Амальфи сделался могущественным еще раньше. Отмечу попутно, что случайность не имеет никакого отношения к этим пертурбациям, что все объясняется пребыванием в данном месте могущественной расы. Я хочу сказать, что местоположение не определяло, не определяет и никогда не будет определять значимость нации: напротив, нация была, есть и будет решающим фактором экономического, нравственного и политического развития территории.

Чтобы пояснить эту мысль, добавлю, что я нисколько не умаляю значения географического положения для некоторых городов, например, морских портов, столиц и центров торговых путей. Никто не будет оспаривать этот факт в отношении Константинополя и Александрии. На земном шаре есть точки, которые можно назвать ключевыми: скажем, городу, который будет построен на Панамском перешейке на берегу будущего канала, суждено будет играть большую роль в мировых делах. Но роль живущей там нации будет зависеть от ее способностей. Расширьте существующую в том месте крепость, выкопайте канал у ее стен, затем заселите ее людьми, и тогда от вашего выбора поселенцев будет зависеть будущее нового города. Если они окажутся неспособными в полную меру использовать такое счастливое преимущество, как место объединения двух великих океанов, значит, население покинет город и будет искать счастья в другом месте.

Вот, кстати, что пишет примерно на эту тему Эвальд в своей «Истории народа Израиля», хотя свое мнение он, возможно, выражает слишком резко: «Довольно многочисленные историки дали себя убедить в том, что страна формирует народ, что баварцам или саксам самой природой их земли было суждено стать тем, чем они стали, что протестантское христианство никак не подходило южным народам, что католицизм чужд народам северным, и т. п. Люди, которые толкуют историю, исходя из своих куцых знаний или руководствуясь своим крохотным сердцем и близоруким умом, хотели бы также узаконить такой факт: нация, о которой идет речь (евреи), обладает определенными качествами, пусть даже не совсем оцененными, позволяющими им жить в Палестине, а не в Индии или, скажем, в Греции. Но если бы эти ученые мужи, которые могут доказать все, что угодно, подумали над тем, что эта священная земля породила на ограниченном пространстве религии и идеи самых разных народов и что между этими народами и их нынешними наследниками существуют кардинальные различия, хотя территория осталась прежней, тогда они бы поняли, как мало территория влияет на характер и цивилизацию народа».

ГЛАВА VII

Христианство не создает и не изменяет цивилизаторские способности.

Из всех аргументов по поводу институтов и климатическо–географического положения выделю один, который, по правде говоря, мне следовало поставить впереди всех остальных, но не потому, что я считаю его самым сильным, а из уважения к фактору, на который этот аргумент опирается. Если справедливы предшествующие выводы, тогда напрашиваются два следующих утверждения: во–первых, большинство человеческих рас вообще не способны цивилизоваться без смешения с другими; во–вторых, не только такие расы не обладают внутренней движущей силой для того, чтобы подниматься по лестнице прогресса, но и любая внешняя сила не в состоянии оживить их врожденную бесплодность, независимо от возможностей этой силы. Здесь, конечно, сразу возникает вопрос: выходит, христианство не может освещать путь всем нациям? Получается, что есть народы, обреченные на то, чтобы никогда не узнать учения Христа?

Некоторые авторы отвечают на этот вопрос утвердительно. При этом они беспардонно противоречат Евангелию, отрицая совершенно особый характер нового закона, предназначенного для всех людей без исключения. Такое мнение есть повторение «местнической» доктрины евреев. Я нисколько не расположен согласиться со сторонниками этой идеи, осужденной Церковью, и готов признать, что все человеческие расы наделены одинаковой способностью войти в христианскую семью. В этом смысле речь не идет о первоначальных грехах или о каких–то помехах, заключающихся в природе рас, и неравенство здесь тоже ни при чем. Как бы ни хотелось этого некоторым ученым, религии на земле вовсе не распределяются по географическим зонам вместе с людьми, исповедующими их. И нет истины в том, что христианство должно доминировать от такого–то до такого–то меридиана, а начиная от определенной границы до каких–то пределов вступает в свои права ислам, а дальше — буддизм или брахманизм, между тем как шаманистам и фетишистам достанется то, что осталось.

Христиане живут на всех широтах и во всех климатических зонах. Об этом убедительно свидетельствует статистика, разумеется, неполная. Монголы кочуют на равнинах срединной части Азии, дикари занимаются охотой на кордильерских плато, эскимосы ловят рыбу во льдах Арктики, а китайцы и японцы умирают под бичом угнетателей. Факты не оставляют никаких сомнений на сей счет. Но те же факты не дают оснований смешивать в кучу, как это обычно делают, христианство, способность всех людей признать его истины и проповедовать его заветы и совершенно другую способность — способность той или иной расы осознать насущную необходимость совершенствования социального порядка и пройти этапы,

необходимые для того, чтобы подняться на уровень, называемый «цивилизацией»: речь идет как раз о том уровне, который служит мерой неравенства человеческих рас.

В прошлом веке утверждали, разумеется, без всяких на то оснований, что доктрина отречения, которая составляет главную часть христианства, по своей природе совершенно противоположна социальному прогрессу, и что люди, чья высшей целью должен быть отказ от всего земного и устремление всех желаний к небесному Иерусалиму, не годятся для того, чтобы служить интересам этого мира. Этот аргумент опровергается несовершенством человеческой природы. Никто и никогда всерьез не опасался, что человечество откажется от мирской жизни, и как бы действительно ни звучали рекомендации и советы, очевидно, что они не возымели действия. Кроме того, христианские заповеди представляют собой мощный социальный инструмент в том смысле, что они смягчают нравы, способствуют благотворительности, осуждают любое насилие, призывают к разуму и предоставляют душе почти неограниченную власть, что в конечном счете идет во благо плоти. В силу метафизической природы своих догматов религия призывает дух к восхождению, между тем как благодаря чистоте своей морали она стремится вырвать его из болота слабостей и пороков, пагубных для материального прогресса. В отличие от философов XVIII в., мы склонны назвать христианство цивилизаторской силой, но здесь следует соблюдать меру, ибо преувеличение такой роли может привести к серьезным ошибкам.

Христианство является цивилизатором до тех пор, пока делает человека более мягким и разумным, и в то же время оно исполняет эту роль только опосредованно, т. к. не ставит целью применять мягкость и разумность к земным делам и не пытается исправить социальный порядок, при котором живут неопиты, каким бы несовершенным он ни казался. Главное для него — убрать все, что вредит здоровью души, а остальное неважно. Ему безразлично, что китайцы носят халаты, а эскимосы ходят в шкурах, что первые едят рис, вторые китовый жир, и оно совершенно не интересуется тем, что они ведут свою особую жизнь. Если образ жизни этих людей служит ему на пользу, христианство будет его поощрять, но не станет изменять привычки и обычаи, которые застало у обращенного народа, или способствовать переходу от одной цивилизации к другой, поскольку оно выше всех и любых цивилизаций. Примеров тому предостаточно, и я буду говорить о них, но сначала мне хотелось бы признаться в том, что мне всегда была непонятна современная доктрина, которая настолько отождествляет закон Христа с интересами нашего мира, что утверждает, будто бы в обиход вошла некая христианская цивилизация.

Нет сомнения в существовании цивилизации языческой, брахманской, буддистской, иудаистской. Существовали и существуют общества, которым религия служит основой, дала форму, сформировала законы, обозначила границы, указала опасности; такие общества живут только по более или менее явным предписаниям теократической доктрины, и их невозможно представить без веры и ритуалов, а вера и ритуалы немислимы без народа, который их создал. По этим правилам строилась вся античность. Легальная терпимость — изобретение римской политики — и система ассимиляции и слияния культов как результат декадентской теологии появились в язычестве не очень давно. Однако пока оно было юным и сильным, на земле было столько же Юпитеров, Меркуриев, Венер, сколько городов, а ревнивый бог признавал лишь своих. Таким образом, каждая такая цивилизация образуется и развивается под эгидой конкретного божества. Культ и государство связаны настолько тесно, что оба несут ответственность и за добро и за зло. И если в Карфагене находят политические следы культа Тирского Геракла, то нетрудно спутать влияние доктрины жрецов с политикой суфетов и направлением социального развития. Я также не сомневаюсь в том, что собакоголовый Анупис, Исида Нейтская и Ибис научили жителей долины Нила тому, что они знали и умели; но самое крупное новшество, которое принесло на землю христианство, — это образ действий, совершенно отличный от методов предшествующих религий. У тех были свои народы, у христианства своего не было: оно обращено ко всем людям, и богатым и бедным, но прежде всего оно получило от Святого Духа всеобщий язык¹², чтобы разговаривать с

12 Деяния Апостолов, II, 4,8,9,10,11.

каждым на языке его страны и объявлять о новой вере по средством образов, наиболее понятных для каждой нации. Оно пришло не для того, чтобы изменить внешний облик человека или материальный, мир, а для того, чтобы пожалеть его. Оно претендовало только на внутреннюю суть. В одной апокрифической книге, чтимой за ее древность, говорится: «Пусть сильный не чванится своей силой, а богатый своим богатством, а тот, кто хочет прославиться, прославлен будет в Господе». Сила, богатство, власть — ничего не стоят в нашем законе. Ни одна цивилизация, каковой бы она ни была, не проявляла своих привязанностей или своего превосходства, и только исходя из вытекающих последствий этот закон был назван «католическим», универсальным, т. к. он не принадлежит ни одной цивилизации, не проповедует ни одну форму земного существования и ни одну из них не отрицает.

Доказательства этого безразличия к внешним формам социальной жизни, к самой общественной жизни во множестве встречаются, прежде всего, в канонических книгах, затем в писаниях отцов Церкви, далее в рассказах миссионеров с незапамятных времен по день сегодняшней. Главное, чтобы вера понижала человека, чтобы во всех своих поступках человек ничем не оскорблял религиозных заветов — все прочее в глазах закона не имеет значения. Что значит для обращенного форма его жилища, покрой его платья, система правления, степень деспотизма или свободы? Какая разница, кто он: рыбак, охотник, рабочий, мореплаватель, солдат? Разве что#8209;нибуть может помешать человеку — будь он англичанин, турок, житель Сибири, американец, готтентот — увидеть свет христианства и принять его? Повторяю: это самое главное, а прочее неважно. Дикарь способен сделаться таким же убежденным верующим, как и самый правоверный прелат из Европы. В этом заключается выдающееся свойство христианства, которое придает ему такую притягательность, и не стоит лишать его столь ценного качества только ради того, чтобы угодить излюбленному принципу нашего времени и нашей страны, а именно: искать всюду, даже в самых святых вещах, материальную пользу.

Церковь существует уже восемнадцать столетий, в ее лоно пришло немало наций, и у всех она сохранила существовавшую политическую систему. В самом начале, в окружении античного мира, именно в этом со стояла главная ее идея. Иногда ее даже упрекали за избыток терпимости в этом плане (например, отношение иезуитов к китайским церемониям). И мало кто замечает, что она никогда не настаивала на том, чтобы верующие восприняли какой#8209;то один тип цивилизации. Она приспособливается ко всему, даже к лачугам; там же, где встречается упрямец, не желающий понять Пользу убежища, всегда найдется терпеливый миссионер, который сядет рядом с ним на голые камни и постарается вложить в его душу основные принципы спасения. Следовательно, христианство несет цивилизаторскую функцию совсем не в обычном смысле; христианство может быть воспринято самыми разными расами без ущерба для их привычек и независимо от их способностей.

Христианская вера возвышает душу величием своих догматов и питает дух своей человечностью. Но это происходит лишь в той мере, в какой душа и дух способны возвыситься и впитать новые идеи. Она не ставит целью распространять свой гений и внушать свои идеи тому, кому их недостает. Ни гений, ни идеи вовсе не обязательны для спасения. Напротив того, христианская вера обращена скорее к слабым и униженным, нежели к сильным. Она дает только то, что хочет получить взамен. Она удобряет почву и ничего не создает; она поддерживает, помогает и ничего не отбирает; она принимает человека таким, какой он есть, и помогает ему идти по жизни: если он хромой, она не заставит его бежать. Много ли среди святых людей ученых? Нет, совсем мало. Сонм праведников, чьи имена и память чтит Церковь, включает в себя главным образом людей, известных своей добродетельностью и набожностью, тех, кто обладал гением в делах небесных и кому его доставало в делах земных; когда мне указывают на святую Розу из Лимы, почитаемую под именем Бернарды, святую Зиту, которой молятся как святой Терезе, всех англосаксонских

святых, большую часть ирландских монахов и египетских отшельников, и эти легионы мучеников, которые выдвинулись из толпы напоподобие яркой молнии, чтобы вечно сиять во славе наравне с самыми мужественными защитниками веры, с ее самыми учеными проповедниками, я повторяю еще раз: христианство не является цивилизатором в узком обыденном смысле этого слова, а поскольку оно требует от каждого человека лишь то, что ему дано, оно и от каждой расы требует только то, на что она способна, и не собирается поставить ее на более высокую ступень в политической структуре народов земли, чем та, которая принадлежит ей по праву способностей. Вследствие этого я не могу принять эгалитарный аргумент, который путает возможность принять христианскую веру со способностью к интеллектуальному развитию. Большинство племен Южной Америки, например, уже несколько веков находятся в лоне Церкви и при этом остаются дикими и далекими от европейской цивилизации, которая осуществляется на их глазах. Я не удивляюсь тому, что на севере нового континента чероки большей частью обращены в нашу веру усилиями методистов, но я был бы весьма удивлен, если бы эта народность создала, разумеется, сохранив свою первобытную чистоту, одно из государств или штатов американской конфедерации и имела хоть какое-то влияние в конгрессе. И я нахожу вполне естественным, что датские лютеране и моравы открыли эскимосам глаза на религиозный свет, но не менее естественно и то, что эти неопиты оставались абсолютно в том же социальном состоянии, в каком пребывали прежде. Наконец, в заключение скажу следующее: нет ничего необычного в том, что шведские лапояне находятся в состоянии варварства, хотя несколько столетий назад им принесли спасительные доктрины Евангелия. Я искренне считаю, что все эти народы смогут породить и, возможно, уже породили немало личностей, замечательных своей набожностью и чистотой нравов, однако я не представляю, что из их среды могут выйти ученые теологи, военачальники, способные математики, искусные художники — словом, представители элиты, численность и преобладание которой составляют силу и значение ведущих рас; еще меньше я верю, что редкое появление таких гениев, нетипичных для их народов и для пути развития последних, приведет к тому, что эти народы двинутся к прогрессу под их руководством. Посему будет необходимо и справедливо, если христианство совершенно отступит от такой задачи. Если все расы в равной степени способны осознать и использовать преимущества христианства, это не значит, что оно должно делать их похожими друг на друга: можно смело заявить, что его царство, в том смысле, какой я здесь вкладываю, следует искать в другом мире.

Несмотря на вышесказанное, я боюсь, что некоторые мужи, привыкшие в силу естественной приверженности к идеям времени судить о достоинствах и заслугах христианства через призму предрассудков нашей эпохи, исходя из неточных понятий и, соглашаясь в целом с моими аргументами, придают определяющее значение косвенному влиянию религии на нравы, нравов на институты, а институтов на социальную систему. Эти люди полагают, что хотя бы за счет личного влияния подвижников веры они могут существенно изменить политическую ситуацию обращенных и их представления о материальном благополучии. Например, они скажут, что эти апостолы, выходцы из более развитой нации, нежели та, которой они несут веру, приходят к мысли реформировать чисто человеческие привычки своих неопитов, одновременно совершенствуя их моральные установки. Когда они имеют дело с дикарями, с отсталыми и невежественными народами, они пытаются научить их полезным вещам и показать, как бороться с голодом посредством сельскохозяйственных трудов и инструментов, которые они привозят. Затем эти миссионеры идут еще дальше и учат туземцев строить более надежные жилища, разводить скот, управлять водоемами — либо сооружать дамбы против наводнений, либо рыть ирригационные каналы. Постепенно они прививают им вкус к умственным упражнениям, учат пользоваться алфавитом, а иногда, как это случилось с чероки, создать свою письменность, о чем пишет Причард в своей «Естественной истории человека». Наконец, они добиваются поистине выдающихся успехов, и туземное население начинает имитировать нравы учителей и заводит, как, например, те же чероки или криксы, жители южного берега

Арканзаса, стада домашних животных и даже черных рабов для работы на плантациях.

Я специально выбрал два диких народа, которые считаются наиболее развитыми; я не хочу вступать в спор со сторонниками эгалитаризма, но, наблюдая эти примеры, прихожу к выводу, что трудно представить себе более убедительные, которые говорят о неспособности некоторых рас выйти на дорогу, не внушенную им их первобытной природой.

Вот перед нами два племени, изолированные от многих других, уничтоженных или вытесненных белыми поселенцами, и мы видим, что эти племена в корне отличаются от остальных, потому что они ведут родословную от аллеганийской расы, которой приписывают остатки древних памятников, обнаруженных к северу от Миссисипи. Уже сейчас в голове тех, кто провозглашает равенство между чероки и европейцами, существует некоторое смятение и замешательство, поскольку их главный аргумент заключается в том, что аллеганийские народности близки к англосаксам только тем, что они сами стоят выше остальных рас Северной Америки. Кроме того, посмотрим, что случилось с этими двумя избранными племенами. Американское правительство отобрало у них землю, на которой они жили, и придумало договор, чтобы заставить их переселиться на другую территорию. Там под надзором военного министерства и под руководством протестантских миссионеров этим туземцам волей-неволей пришлось приспособиться к их нынешнему образу жизни. Некоторые авторы даже утверждают, что численность чероки увеличивается, и приводят в доказательство такой факт: когда их посетил путешественник Адаир, у чероки насчитывалось 2300 воинов, а сегодня численность племени достигает 15 тысяч душ, правда, включая 1200 черных рабов; при этом добавляют, что их школы, как и церкви, управляются миссионерами, что эти миссионеры, будучи протестантами, почти все женаты и имеют детей или слуг с белым цветом кожи, а также что это вроде советников и служащих из европейцев, знатоков ремесел; исходя из этого, весьма трудно сказать, действительно ли имело место увеличение их числа, зато без труда можно констатировать сильное давление европейской расы на своих учеников¹³.

Неспособные вести войну, лишенные земли, со всех сторон окруженные невероятной американской мощью, а с другой стороны, обращенные в религию своих властителей, причем, как я полагаю, добровольно, третируемые с мягкостью своими духовными наставниками и убежденные в необходимости трудиться по примеру своих учителей, хотя бы для того, чтобы не умереть с голоду, туземцы могут сделаться земледельцами. Им остается усвоить идеи, которые каждодневно практикуются вокруг них.

Как же низко надо низвести умственные способности даже самой чахлая ветви человеческого рода, чтобы умиляться при виде того, что имея терпение и умело играя такими свойствами человеческой природы, как гурманство и воздержанность в пище, удастся научить полулюдей-полуживотных тому, что не было заложено в их инстинктах. Когда сельские ярмарки заполнены учеными зверями, которых заставляют выделывать разные трюки, стоит ли удивляться тому, что люди, подвергнутые суровому воспитанию и изначально лишенные всякой возможности избежать его, научаются исполнять те функции цивилизованной жизни, которые в диком состоянии они могли бы, в конечном счете, понять и воспринять, даже не имея желаний практиковать их? Ведь это равносильно тому, что поставить этих людей гораздо ниже собаки, наученной играть в карты, или лошади, разбирающейся в гастрономии! Так, из желания превратить случайные факты в аргументы, свидетельствующие о разумности тех или иных рас, появляются подобные доказательства, нелицеприятные для тех, в пользу которых они, якобы, выдвинуты.

Я знаю, что очень эрудированные и ученые люди положили начало такой неумеренной

13 Я не собираюсь вступать в дискуссию с Причардом, но хочу сослаться на Токвиля, который в своей блестящей книге «О демократии в Америке» так пишет о чероки: «Быстрому усвоению индейцами европейских привычек способствовали метисы. Не забывая предков, не отказываясь полностью от диких обычаев своей расы, метис формирует естественную связь между цивилизацией и варварством. Всюду, где много метисов, дикари постепенно изменяют свое социальное устройство и свои нравы». К этому Токвиль прибавляет, что даже будучи метисами, а не аборигенами, в скором времени чероки и криксы все равно исчезнут под натиском белых.

реабилитации, заявив, что между некоторыми человеческими расами и большим отрядом обезьян не существует четких различий, если не считать нюансов. Поскольку я, безусловно, отвергаю это оскорбление, мне будет позволено сказать следующее: в моих глазах человеческие расы неравны, и вместе с тем я не думаю, что хоть одна из них близка к животным. Самое последнее племя, самая неразвитая разновидность человеческого рода способна, как минимум, к подражанию, и если взять даже бушмена, можно развить у него, или его сына, или в крайнем случае внука, достаточно умственных способностей для того, чтобы он мог научиться сложному ремеслу. Но следует ли из этого, что нация, к которой принадлежит этот человек, может создать цивилизацию, подобную нашей? Считать так — значит рассуждать поверхностно и делать поспешные выводы. Есть большая разница между навыками в ремеслах и искусствах, являющихся продуктами какой-то цивилизации, и самой цивилизацией. Тем не менее, миссионеры-протестанты, единственное звено, связывающее племя обращаемых дикарей с цивилизаторским центром, пытаются выполнить эту непосильную задачу. Но могут ли они вложить в головы подопечных социальные науки? Я в этом сомневаюсь, и если вдруг порвется связь между американским правительством и духовными наставниками в случае с племенем чероки, то через несколько лет мы увидим на фермах аборигенов совершенно новую ситуацию — результат смешения белых поселенцев с краснокожими.

Часто упоминают негров, научившихся музыке, негров, которые служат в банках, которые умеют читать, писать, считать, танцевать и разговаривать не хуже белых; ими восхищаются и делают вывод, что эти люди способны на все! И одновременно с восхищениями и выводами те же самые авторы удивляются контрасту между нашей цивилизацией и цивилизацией славянских народов. Они скажут, что русские, поляки, сербы, хотя они и ближе к нам, чем негры, цивилизованы только частично; они будут утверждать, что у славян только высшие классы разделяют наши мысли и идеи, в основном благодаря примеси английской, французской, немецкой крови, и не преминут отметить врожденную неспособность масс влиться в систему западного мира, хотя эти массы приняли христианство много веков назад, а некоторые даже раньше нас! Итак, существует большая разница между подражанием и убеждением. Подражание не всегда предполагает существенный разрыв с социальным наследием, а настоящее присоединение к какой-нибудь цивилизации происходит тогда лишь, когда народ оказывается в состоянии прогрессировать сам по себе без посторонней помощи. Вместо того, чтобы умиляться способности дикарей управлять каретой или читать, если их этому научили, пусть покажут нам хоть одно место на земле, где жители веками сосуществуют рядом с европейцами и где идеи, институты, нравы наших наций были бы настолько хорошо усвоены вместе с нашими религиозными доктринами, что там наблюдается такой же естественный прогресс, как в Европе; пусть покажут хоть одно место, где печатный станок дает такие же результаты, как у нас, где наши науки совершенствуются, где наши открытия находят новое применение, где наша философия порождает новую философию, новые политические системы, искусства, книги, статуи, картины!

Ну да ладно, я не настолько требователен и привередлив. Я уже не требую, чтобы вместе с нашей верой чуждый нам народ впитал в себя все, что составляет нашу индивидуальность; я допускаю, что он может ее отвергнуть и выбрать для себя другой для подражания пример. Пусть так! Но пусть мне покажут такой народ, который в тот момент, когда он осознает душой истинность Евангелия, в следующий понимает, что его земное существование также ничтожно и неправильно, какой была совсем недавно его духовная жизнь; пусть я увижу, как он сам по своему желанию создает для себя новый социальный порядок, исходя из собственных идей, бывших до сих пор бесплодными, и переосмысливая чужой опыт. Я жду, когда это произойдет — пусть только такой народ отыщется. Но, увы, пока ни один даже не пытался это сделать. Ни в одной исторической эпохе не существует нации, пришедшей к европейской цивилизации в результате принятия христианства, ни единой, которую это выдающееся событие привело к самостоятельному развитию.

Но зато я вижу в обширных землях Южной Азии и в некоторых районах Европы государства, которые образовали несколько групп, представляющих различные религии. Вражда рас будет неизменно существовать рядом с враждой культов; и отличить ставшего христианином патана от обращенного индуса так же легко, как сегодня отличают русского из Оренбурга от кочевников, также принявших христианство, среди которых он живет. Повторю еще раз: христианство не есть цивилизующая сила, и оно сто раз право, что таковым не является.

ГЛАВА VIII

Определение слова «цивилизация»; социальное развитие имеет два источника.

Здесь мы сделаем небольшое, но необходимое отступление. Автор часто пользуется словом, которое вмещает в себя целую систему идей, нуждающуюся в определении. Я часто говорю о цивилизации, потому что способности рас можно оценить только через относительное наличие или абсолютное отсутствие этого существенного феномена. Я веду речь о европейской цивилизации провожу различие между ней и другими цивилизациями. Мне не хочется оставлять даже малейшей неясности на сей счет, тем более, что я не согласен с известным писателем Франции, который специально занимался природой и сферой приложения данного термина.

Свою книгу «История цивилизации в Европе» господин Гизо — да будет мне позволено поколебать его выдающийся авторитет — начинает с путаницы слов, откуда проистекают серьезные ошибки: автор утверждает, что цивилизация есть факт.

Однако либо слово «факт» следует здесь понимать в более конкретном и позитивном смысле, который отсутствует в обычном его употреблении, в широком и несколько расплывчатом, я бы сказал, гибком смысле, которого в этом слове никогда не было, либо оно не годится для характеристики такого понятия, как «цивилизация». Цивилизация — это не факт; это ряд, сцепление фактов, более или менее логически соединенных друг с другом и вызванных столкновением идей, зачастую довольно многочисленных, а идеи и факты непрерывно оплодотворяют друг друга. Иногда такой непрерывный круговорот является следствием первостепенных принципов, иногда это следствие представляет собой стагнацию, но в любом случае цивилизация не есть факт — это пучок фактов и идей; это состояние, в котором находится человеческое общество, это среда, в которой ему довелось оказаться, которую оно создало, которая из него происходит и в свою очередь на него воздействует.

Это состояние обладает сильным характером обобщения, которым факт никогда не отличается; оно претерпевает множество вариаций, которых факт не мог бы выдержать без того, чтобы не исчезнуть, и вместе с

тем оно совершенно не зависит от форм правления, т. к. существует и развивается и при деспотизме и при либеральном режиме и не перестает существовать даже тогда, когда гражданские потрясения изменяют или вообще трансформируют условия политической жизни.

Однако это не означает, что формы правления не играют большой роли. Их выбор неразрывно связан с процветанием социального организма: будучи ошибочной, форма правления мешает ему или убивает его, справедливое правление служит ему и способствует его развитию. Вопрос здесь более серьезный: речь идет о самом существовании народа и цивилизации, о феномене, тесно связанном с некоторыми элементарными условиями, не зависящими от политического состояния; эти условия имеют свои причины, мотивы своего курса, своего расширения, своей основательности или слабости — словом, все, что их составляет — в более глубоких источниках. Поэтому перед лицом таких фундаментальных соображений на второй план отодвигаются вопросы политического устройства, процветания или нищеты, а на первый план всегда и везде выходит знаменитая гамлетовская проблема:

быть или не быть. Как для народов, так и для отдельных людей весь вопрос заключается именно в этом. Господин Гизо не задается этим вопросом, и цивилизация для него — не состояние, не среда, но всего лишь факт, а генерирующим принципом факта является другой факт сугубо политической природы.

Давайте откроем книгу красноречивого профессора и обратимся к гипотезам, которые он представил, чтобы выделить главную свою мысль. Обозначив несколько ситуаций, в которых может оказаться то или иное общество, автор спрашивает: «можно ли вообще распознать состояние народа, который находится в стадии становления цивилизации»; в этом ли заключается смысл, который род человеческий придает слову «цивилизация»?

Далее следует первая гипотеза: «Возьмем народ, внешняя жизнь которого протекает гладко: он платит мало налогов и почти не знает страданий, все его отношения устроены справедливо, одним словом, материальное и моральное существование этого народа напоминает состояние оцепенения, инертности и зажатости я не могу употребить здесь слово «угнетение», потому что угнетения он не ощущает. Примеров тому немало». Были в истории аристократические республики, где с подданными обращались как со стадом, держали их в материальном благополучии, но подавляли всякую умственную и моральную активность. Так неужели это и есть цивилизация? Разве это и есть народ, находящийся на стадии становления цивилизации?»

Я не знаю, идет ли здесь речь о народе, который цивилизуется, но этот народ, по моему, очень цивилизованный, иначе следовало отнести к категории дикарей и варваров все аристократические республики древности и современности, которые, как отмечает сам Гизо, заключены в рамки его гипотезы; общественный инстинкт и здравый смысл не могут оскорбиться таким методом, который выбрасывает из лона цивилизации финикийцев, карфагенян, лакедемонян, а вместе с ними венецианцев, генуэзцев, пизанцев, жителей' всех свободных имперских городов Германии — одним словом, всемогущие муниципальные образования прошлых веков. Помимо того, что этот вывод сам по себе слишком парадоксален, чтобы его мог принять здравый смысл, к которому он и обращен в конечном счете, мне кажется, что он создает еще одну проблему: эти маленькие аристократические государства, которым Гизо, ссылаясь на их форму правления, отказывает в способности к цивилизации, большей частью никогда не обладали своей, только им принадлежащей культурой. Многие из них были почти всемогущи, и, может быть, поэтому их население часто смешивалось с народами, имеющими другую форму правления, но очень близкой расы, и сообща участвовали в процессе цивилизации. Так, карфагеняне и финикийцы, разделенные большим расстоянием, тем не менее были объединены в культурный мир, прототип которого находился в Ассирии. Итальянские республики объединялись в движении идей и мнений, преобладавших в лоне соседних монархий. Суабские и тюрингские имперские города, независимые в политическом отношении, были вовлечены и в прогресс и в упадок немецкой расы. Судя по высказываниям господина Гизо, который расставляет народы по ранжиру их достоинств в зависимости от степени их свобод, между ними должны существовать несуществующие различия и сходства. Здесь не место для широкой дискуссии по этому вопросу, но я все-таки отмечу мимоходом, что в таком случае следовало поставить Пизу, Геную, Венецию и другие республики ниже Милана, Неаполя и Рима.

Но господин Гизо не обращает внимания на такие несуразности. Если он не видит цивилизации у народа, имеющего мягкую форму правления, но находящегося в «состоянии зажатости», тем более он отказывает в этом тому народу, у которого «материальное положение далеко не блестящее, но в общем терпимое, зато который не пренебрегает моральными и интеллектуальными потребностями...», который культивирует возвышенные и чистые чувства, у которого в определенной степени развита религиозная вера, но у которого подавлен принцип свободы, а отсюда ни одному члену общества не позволено искать истину в одиночку. В таком состоянии пребывает большая часть народов Азии, где человеческие принципы придавлены теократической властью. Примером служит государство Индусов».

Таким образом, в ту же категорию, в какую попали аристократические республики,

следует отнести индусов, египтян, этрусков, перуанцев, тибетцев, японцев и даже нынешний Рим и подвластные ему земли.

Я не буду касаться двух последних гипотез по той причине, что две первые уже настолько ограничивают и сужают состояние цивилизации, что на земле нет ни одной нации, имеющей право называться цивилизованной. Потому что для обладания таким правом необходимо иметь институты, умеренные с точки зрения и власти и свободы, а материальное развитие и моральный прогресс должны сочетаться именно таким образом и никаким иным; правление, как и религия, должны укладываться в четко очерченные границы, а подданные должны обладать точно определенными правами. Я же полагаю, что цивилизованными можно назвать только те народы, у которых есть конституционные и представительские политические институты. Если, следуя такой логике и постоянно измеряя степень цивилизации по меркам одной–единственной политической формы, я отброшу те конституционные государства, которые плохо используют парламентский инструмент, предпочитая методы, более удобные для себя, мне придется признать истинно цивилизованной, как в прошлом, так и в настоящем, только английскую нацию.

Конечно, я преисполнен уважения и восхищения к великому народу, чьи победы, индустрия, торговля свидетельствуют о могуществе и успехах. Но мое уважение и восхищение не ограничивается Англией: мне кажется унижительным и обидным для человечества признать, что в течение многих веков оно смогло сотворить цивилизацию только на небольшом острове западного океана и воплотить свои законы, только начиная с эпохи царствования Вильгельма и Марии. Нельзя не признать узость этой концепции. И нельзя забывать об ее опасности. Если привязать идею цивилизации к политической форме, рассуждения, наблюдения, науки тотчас утратят возможность сказать свое слово в этом вопросе, и решающая роль должна отводиться страстям. Разумеется, найдутся люди, которые в силу своих вкусов не считают британские институты верхом совершенства и предпочитают им систему, установленную в Санкт–Петербурге или Вене. А многие и возможно их будет большинство между Рейном и Пиренеями — скажут, что, несмотря на некоторые недостатки, самой совершенной страной в мире с точки зрения политического устройства является Франция. Поскольку определение степени культуры — это дело вкуса или чувства, согласие здесь невозможно. Для каждого из нас самым развитым и благородным человеком будет тот, кто разделяет наши взгляды на обязанности правителей и подданных, тогда как несчастные, осмеливающиеся думать иначе, перейдут в категорию дикарей и варваров. Я считаю, что никто не станет оспаривать это мнение, и все согласятся с тем, что система суждений по меньшей мере недостаточно разработана.

Что касается меня, я нахожу ее даже менее совершенной, чем следующее определение барона Гумбольдта: «Цивилизация есть гуманизация народов в виде внешних институтов, нравов и во внутреннем чувстве, которое к ним относится».

Я вижу здесь один недостаток, прямо противоположный тому, который я отметил в формуле Гизо. Связь слишком расплывчата, а очерченное поле слишком велико.

Если цивилизация достигается за счет простого улучшения нравов, тогда любой дикарь остановит свой выбор на той европейской нации, в характере которой меньше суровости. На южных островах, например, живут совершенно безобидные племена с очень мягкими нравами, однако, при всем к ним уважении, за такие качества никому не придет в голову поставить их выше суровых и молчаливых норвежцев или рядом с жестокими малайцами, которые одеваются в яркие ткани, сделанные их руками, бороздят волны на искусно построенных барках и наводят ужас на морских торговцев в восточной части Индийского океана. Этот факт не ускользнул от внимания такого выдающегося мужа, как Гумбольдт, поэтому кроме цивилизации он подразумевает культуру и заявляет, что, по его мнению, народы, смягчившие свои нравы, стремятся к наукам и искусствам.

Согласно этой иерархии, мир «на второй ступени совершенства» населен приятными и симпатичными, любознательными людьми, поэтами и артистами, но они в силу таких качеств не годятся для тяжелого труда, военного и других ремесел.

Если подумать, как мало досуга оставляют самые счастливые периоды своим современникам, чтобы те могли предаваться умственным упражнениям, и какую нескончаемую борьбу приходится вести с природой и законами вселенной хотя бы для того, чтобы выжить, сразу бросится в глаза, что берлинский мыслитель не претендовал на изображение реалий, а хотел извлечь из абстракции кое-какие сущности, которые казались ему точными и обобщающими и которые действительно таковыми являются, и заставить их действовать в сфере, такой же идеальной, как и они сами. Сомнения на этот счет исчезают сразу, как только мы добираемся до высшей точки всей системы — речь идет о третьей и последней ступени совершенства. Именно сюда он помещает человека сформировавшегося, т. е. человека, который по своей природе обладает «чем-то, более возвышенным и более интимным одновременно, т. е. пониманием, которое гармоничным образом распространяется на чувственность и характер впечатлений, получаемых от интеллектуальной и моральной деятельности в ее совокупности».

Итак, эта несколько сложная цепочка ведет от цивилизованного (имеющего смягченные нравы) и гуманизованного человека к человеку окультуренному, ученому, поэту и артисту и доходит, наконец, до высшего уровня развития, на котором человек может называться сформировавшимся; насколько я понимаю, таким человеком был Гете в своем олимпийском спокойствии. Идея, послужившая основой для этой теории, не что иное, как глубокое различие, подмеченное Гумбольдтом, между цивилизацией народа и относительным уровнем совершенствования крупных личностей; это различие состоит в том, что чуждые нам цивилизации, по всей очевидности, смогли дать миру личностей, в некоторых отношениях стоящих выше людей, которыми мы больше всего восхищаемся — например, брахманская цивилизация.

Я безоговорочно разделяю мнение человека, чьи мысли здесь излагаются. Нет ничего более близкого к истине: наше европейское социальное состояние не порождает ни самых блестящих мыслителей, ни самых больших поэтов, ни самых искусных художников. Тем не менее я позволю себе заметить, в противоположность мнению знаменитого филолога, что для того, чтобы составить общее суждение о цивилизации и дать ее определение, необходимо избавиться, хотя бы на минуту, от предубеждений и суждений касательно той или иной цивилизации.

Впрочем, в системе господина Гумбольдта на самом почетном месте стоит утонченность, которая была главной чертой этого благородного ума; это можно сравнить с хрупкими мирами, рожденными в недрах индуистской философии. Рожденные в мозгу уснувшего бога, они растворяются в воздухе, наподобие мыльных радужных пузырей, которые пускает ребенок, и разбиваются, сталкиваясь, и вновь появляются по воле сновидений в голове спящего небожителя.

По характеру своих исследований я стою на сугубо позитивной почве, и мне надо получить результаты, которые можно «пощупать» практикой и опытом. Мой взор должен охватить не уровень процветания общества г–на Гизо и не отдельный взлет отдельных умов г–на Гумбольдта, а всю совокупность могущества, как материального, так и морального, которым обладают массы. Признаться, я озадачен зрелищем заблуждений, в которых оказались два светлых ума нашего столетия, и мне необходимо собраться с духом и найти самые убедительные аргументы для того, чтобы дойти до моей цели. Поэтому я прошу читателя терпеливо следовать за мной по извилистым тропам, по которым я собираюсь пройти, а я попытаюсь в меру своих сил прояснить данный вопрос.

Нет на свете ни одного народа, в котором бы не сочетались два инстинкта: материальные потребности и духовная жизнь. Степень их развития определяет первое и самое очевидное различие между расами. Нигде, ни в одном племени эти два инстинкта не уравновешивают друг друга. У одних явно преобладает физическая потребность, у других верх берут созерцательные тенденции. Так, например, народы желтой расы находятся, как нам кажется, под влиянием материальных ощущений, хотя и они не лишены интереса к вещам высшего порядка. Напротив, у большинства негритянских племен, стоящих на

соответствующей ступени, больше развита привычка к действиям, чем к размышлениям, а воображение направлено скорее к тому, чего нельзя увидеть, нежели к вещам осязаемым. Я не собираюсь из этого делать вывод о превосходстве последних упомянутых мною дикарей над первыми с точки зрения цивилизованности, потому что, как показывает вековой опыт, они в равной степени неспособны к ней. Прошло достаточно много времени, но эти народы ничего не предприняли, чтобы изменить свою участь к лучшему, и остаются в прежнем состоянии невозможности что-нибудь придумать и предпринять, чтобы выйти из оцепенения. Добавлю еще одно замечание: на самой низшей ступени человеческих обществ мы наблюдаем эту двойственную тенденцию, которую я приму за исходную точку в своем восхождении по лестнице рас и народов, живущих на земле.

Выше самоедов и негров, народности фидас и пелагийцев следует поместить племена, которые не довольствуются тростниковыми хижинами и социальными отношениями, основанными на голой силе, но которые осознают возможность лучшей жизни и хотят ее. Они стоят на ступень выше примитивных варваров. Если они принадлежат к расам, более активным, чем размышляющим, они будут совершенствовать свои рабочие инструменты, оружие, снаряжение; они создадут систему правления, где воины будут иметь превосходство над жрецами, где получит развитие элементарный обмен, как материальный, так и духовный, где появится коммерческий дух. Войны, конечно, по-прежнему будут очень жестокими, но у воинов будет проявляться стремление к грабежу, а не просто убийству; одним словом, главной целью людей будет благополучие и физические удовольствия. Такую картину можно наблюдать у некоторых монгольских народностей; это встречается, хотя и с некоторыми различиями, у кичуасов и аймарасов в Перу, а в качестве антитезы, т. е. примера отхода от материальных интересов, можно назвать дагомеев Западной Африки и кафров.

Продолжим восхождение дальше. Оставим группы, у которых социальные отношения развиты недостаточно, чтобы кровопролитие было обусловлено более разнообразными причинами. Обратимся к тем, чей конститутивный принцип обладает настолько выраженной виртуальностью, что может объединять и включать в себя все, что находится вокруг, а также осуществлять над другими народами безусловную власть идей и фактов, в какой-то мере скоординированных; короче говоря, этот принцип уже можно назвать цивилизацией. То же различие, та же самая классификация, которые я использовал в двух первых случаях, проявляются здесь в полной мере; более того, только здесь это различие дает настоящие плоды и имеет далеко идущие последствия. С того момента, когда какая-то общность людей, расширяя связи и сферу действия, от состояния народности переходит к состоянию народа, мы видим, что обе тенденции — материальная и духовная — набирают силу, а их соотношение зависит от того, какие составные группы преобладают. Таким образом, когда преобладает мыслительная способность, появляются одни результаты, когда доминирует активная способность, — другие. Нация проявляет различные качества в зависимости от соотношения этих элементов. В качестве примера можно привести индуистский символизм: то, что я назвал духовной или интеллектуальной тенденцией, представлено женским принципом (Пракрити), а материальную тенденцию представляет Пуруша, мужской принцип; разумеется, под этим надо понимать только идею взаимного оплодотворения, оставив в стороне как хвалу, так и хулу.

Кроме того, отметим, что в различные эпохи жизни народа по причине неизбежного смешения крови соотношение между двумя принципами изменяется в разной степени, и случаются моменты, когда один из них явно преобладает над другим. Такие колебания имеют очень важные последствия и значительно меняют характер цивилизации и ее стабильность.

В зависимости от преобладания той или иной тенденции все народы можно разделить на два класса, хотя следует подчеркнуть, что такая классификация условна. Во главе «мужской» группы я бы поставил китайцев, а как прототип из противоположного класса — индусов.

За китайцами идут большинство народов древней Италии, первые жители римской республики, германские племена. В противоположном лагере я вижу египтян и ассирийцев.

Они стоят после жителей Индустана.

Почти все народы за многие века коренным образом изменили свою цивилизацию в результате изменений в соотношении двух принципов. Северные китайцы, которые когда-то были в подавляющем большинстве материалистами, постепенно сблизилась с племенами другой крови, особенно в Юнани, и это смешение сделало их менталитет менее прагматичным. Медленное развитие этого процесса объясняется тем, что основная масса «мужского» населения намного превосходила приток противоположной крови.

Что касается Европы, прагматический элемент, который приносили самые активные германские племена, постоянно укреплялся на севере за счет притока кельтов и славян. Но по мере того, как белые народы перемещались к югу, «мужское» влияние ощущалось все меньше и, наконец, потерялось в «женском» элементе (надо сделать несколько исключений, например, для Пьемонта и северной части Испании), и «женский» элемент одержал победу.

Теперь перейдем к другой группе. Здесь мы видим индусов, в высокой степени наделенных тягой к сверхъестественному и скорее размышляющих, нежели действующих. Поскольку в ходе своих ранних завоеваний они вступали в контакт с расами аналогичной организации, «мужской» принцип не получил особого развития. В такой среде цивилизация не могла достичь в прагматизме таких же успехов, как в другой области. Что же касается Древнего Рима, который по своей природе был прагматичным, здесь противоположная тенденция проявилась только после полного слияния с греками, африканцами и восточными народами; в результате первоначальная природа трансформировалась, и у римлян развился совершенно новый темперамент.

У греков внутренний процесс можно сравнить с тем, что имел место у индусов.

Исходя из этих фактов, можно сделать следующее заключение: вся человеческая деятельность, будь то умственная или нравственная, берет начало в одной из двух упомянутых тенденций, мужской или женской, и только у рас, в большой степени наделенных одним из этих двух элементов — еще раз отметим, что ни один из них никогда не существовал без другого, — социальное состояние может подняться до достаточного культурного уровня и, следовательно, прийти к цивилизации.

ГЛАВА IX

Продолжение определения слова «цивилизация»; различные характеры человеческих обществ; наша цивилизация ни в чем не превосходит другие, которые существовали до нее.

Когда какая-нибудь нация, принадлежащая к женскому или мужскому типу, обладает достаточно сильным цивилизаторским инстинктом, чтобы навязать свой закон другим народам, и особенно способная учитывать их потребности и чувства и воспринимать их убеждения, с этого момента начинает существовать новая культура, сформировавшаяся в результате смешения. Именно в этом заключается самое важное и практическое достоинство этого инстинкта, и это делает его полезным и обеспечивает ему жизнь, т. к. индивидуальные интересы по своей природе стремятся к самоизоляции. Объединение всегда в чем-то ущемляет их, поэтому, чтобы какое-либо убеждение стало плодотворным, оно должно отвечать логике и чувствам народа, в котором оно созревает.

Когда массы начинают понимать и принимать общий закон своей нации, тогда это понимание переходит на основные потребности. «Мужские» нации тянутся к благополучию и накоплению богатства, «женские» больше озабочены миром воображения, но повторяю еще раз: как только масса людей становится под единое знамя, или, что в данном случае точнее, как только определенная система жизни становится общепринятой, рождается цивилизация.

Вторым фактором, связанным с этим состоянием, является потребность в стабильности,

которая непосредственно вытекает из вышеизложенного; дело в том, что когда люди сообща принимают объединяющий их принцип и соглашаются на отдельные жертвы, чтобы осуществить этот принцип, у них появляется потребность уважать его независимо от того, что он дает им лично, и объявить его незыблемым.

Чем чище раса, тем меньше уязвима ее социальная база, поскольку расовая логика не меняется. Однако необходимо, чтобы потребность в стабильности находила удовлетворение. Смешение крови приводит к изменениям национальных идей, в результате начинается заболевание, которое требует изменений в системе. Иногда такие системные перемены действительно ускоряют прогресс, особенно на заре общества, когда конститутивный принцип является абсолютным и сильным по причине явного преобладания одной расы. Затем, когда множатся различия за счет увеличения числа гетерогенных элементов, преобразования перестают отвечать общему интересу. Тем не менее, до тех пор, пока объединенная группа людей остается под влиянием прежних идей и впечатлений, она продолжает питать химерическую веру в свою стабильность благодаря, быть может, желанию улучшить свое благосостояние. Несмотря на постоянное ослабление скрепляющего элемента, она считает себя вечной и устремленной к некоему земному раю. Она продолжает придерживаться веры в то, что Бог благосклонен к цивилизации и радуется за интересы людей, хотя сами люди ежечасно убивают эту веру своими поступками; пусть внешне это и не проявляется, но внутренне общество уверяет и утешает себя тем, что завтрашний день будет для него светлым.

Рядом со стабильностью и мирным сосуществованием отдельных интересов следует поставить еще два признака цивилизации — неприятие насилия и социальность.

В конечном счете социальность и потребность отстаивать свои интересы головой, а не кулаками, обеспечивают прогресс в менталитете, который, в свою очередь, приводит к материальным улучшениям. Именно по этим двум признакам можно определить социальное состояние нации¹⁴.

Мое представление о цивилизации можно сформулировать следующим образом: «Состояние относительной стабильности, в котором индивидуумы стараются удовлетворить свои потребности без ущерба для других, совершенствуют свой менталитет и свои нравы».

Эта формула охватывает все народы, о которых я говорил как о цивилизованных. Теперь поставим вопрос так: можно ли считать все цивилизации равными даже при наличии указанных признаков? Вот в этом я сомневаюсь. Дело в том, что потребности и социальность даже развитых наций отличаются как по размаху, так и по тенденции, поэтому их менталитет и нравы также различны. Что нужно индусу в материальном плане? Рис и масло, чтобы кормиться, и кусок ткани, чтобы одеться. Конечно, такую неприязнительность можно отнести за счет климатических условий. Но вот тибетцы живут в суровом климате, однако и они неприязнительны в этом смысле. В той и другом народе доминирует философский и религиозный менталитет, отсюда их специфическая потребность в пище для души и тела. Здесь мы не видим никакого равновесия между мужским и женским принципами, предпочтение отдается ментальной стороне жизни, вот почему все усилия этой цивилизации направлены на достижение одного результата в ущерб другому. Огромные памятники, настоящие горы из камня, сооружаются там ценой усилий и лишений, которые потрясают воображение. Гигантские сооружения скоро покроют всю страну, но для чего? Для того, чтобы славить богов; но ничего не делается для человека — разве что могилы. Рядом с прекрасными творениями скульптуры стоят не менее совершенные литературные произведения. В области теологии и метафизики они настолько же изобретательны и утонченны, насколько многогранны, и человеческая мысль радостно и спокойно погружается в их непостижимые глубины.

¹⁴ Как раз в этом состоит главный источник ложных суждений относительно чужих народов. Если внешне их цивилизация не похожа на нашу, мы иногда делаем поспешный вывод о том, что они либо варвары, либо стоят ниже нас.

Что же до лирической поэзии, «женская» цивилизация составляет гордость всего человечества.

Но если из сферы идеалистических мечтаний мы спустимся на почву полезных достижений и наук, которые представляют собой генерирующую энергию материального прогресса, яркий день сменится глухой ночью. Практические изобретения редки, незначительны, неплодотворны, талант наблюдения отсутствует начисто. Если китайцы много занимались этим, то индусы почти не обращали на это внимания, греки также оставили нам в наследство знания, зачастую недостойные их гения, а римляне, дойдя до кульминационной точки своей истории, не ушли далеко от греков, т. к. азиатская примесь, которая проникала в них с невероятной быстротой, отнимала в них качества, необходимые для терпеливого изучения действительности. Хотя можно отметить, что их административный гений, их законы и сооружения в достаточной степени указывают на позитивный характер, который их общественная мысль принимала в определенные моменты, и доказывают тот факт, что если бы Южная Европа не подвергалась постоянной колонизации со стороны Азии и Африки, позитивная наука от этого бы выиграла, а на долю германской предприимчивости досталось бы меньше славы.

Завоеватели V столетия принесли в Европу дух, напоминающий китайский, но с другим оттенком. Он в большей мере был пропитан женскими качествами. Он же обеспечил более надежное согласие между двумя движущими принципами. Всюду, где властвовали эти народы, мы видим облагороженный прагматизм. В Англии, Северной Америке, Голландии, Ганновере такие качества преобладают над остальными национальными инстинктами. То же самое имеет место в Бельгии, а также на севере Франции, где все, что имеет позитивное применение, находило плодородную почву. По мере продвижения к югу эти предпосылки ослабляются. Причем это объясняется не более жарким солнцем, хотя, разумеется, каталонцы и пьемонтцы живут в более теплом климате, чем жители Прованса и нижнего Лангедока. Это есть воздействие крови.

На земле преобладает группа «женских» или «феминизированных» рас; это замечание особенно верно в отношении Европы. Если исключить тевтонское семейство и часть славян, на нашем континенте останутся только группы, скудно наделенные прагматическим чувством, которые уже сыграли свою роль в предыдущие эпохи, и повторить это им больше не дано. Массы людей во всем их разнообразии — от галлов до кельтов, от кельтов до безымянной смеси итальянских и романских наций — представляют собой нисходящую лестницу не в смысле развития их «мужского» принципа, а в смысле хотя бы общих способностей.

Наша цивилизация сформировалась в результате смешения германских племен с расами древности, это был союз преимущественно «мужских» групп с расами и остатками рас, вовлеченными в поток древних идей; богатство, разносторонность, плодovitость — качества, делающие честь нашим обществам — суть естественный результат самых разных элементов, которые были перемешаны, видоизменены и использованы нашими предками.

Всюду, куда простирается наш культурный мир, он несет в себе два общих признака, во-первых, германское влияние, во-вторых, христианство. Но, хочу напомнить еще раз, второй признак, хотя он более очевиден и бросается в глаза, поскольку привнесен извне, не является в данном случае определяющим: на земле много христианских наций и еще больше тех, которые могут стать таковыми, однако они не составляют часть нашей цивилизации. Напротив, позитивным и решающим мне представляется первый признак. Там, куда не проник германский элемент, не может быть цивилизации, похожей на нашу.

Правомерен вопрос: можно ли утверждать, что европейские общества целиком и полностью цивилизованы? Что идеи и действия, которые формируются на поверхности этих наций, имеют предпосылки, глубоко укоренившиеся в массах, и что следствия этих идей и этих принципов отвечают инстинктам большинства? Из этого следует еще один неизбежный вопрос по поводу низших классов наших народов: мыслят ли они и действуют ли они сообразно тому, что именуется европейской цивилизацией?

Мы с полным основанием восхищаемся исключительной однородностью идей и взглядов, которая в греческих государствах великой эпохи античности определяла всю жизнь их граждан. По каждому существенному вопросу мнения были часто противоречивы, но сводились к чему-то общему: в политике людям хотелось больше или меньше демократии, больше или меньше олигархии; в сфере религии предпочтение отдавали либо Элевсинской Церере, либо Парфенонской Минерве; что касается литературного вкуса, они могли колебаться между Эсхилом и Софоклом, между Алкеем и Пиндаром; в сущности спор велся вокруг идей, которые можно назвать национальными. В Риме перед пуническими войнами ситуация была такая же, а цивилизация страны была однородной и неоспоримой. Она охватывала всех — и господ и рабов; все участвовали в ней, пусть и в разной степени.

Со времен пунических войн у наследников Ромула и у всех греков, начиная с Перикла и особенно Александра, эта однородность все больше и больше претерпевала изменения. Все большее смешение наций приводило к смешению цивилизаций, в результате появился весьма многогранный продукт, очень сложный и гораздо более утонченный, чем античная культура, который, как в Италии, так и на земле Эллады, отличался тем важным недостатком, что существовал лишь для высших классов, а низшие слои населения оставались в неведении относительно его природы, его преимуществ и перспектив. После великих азиатских войн римская цивилизация, без сомнения, была ярким проявлением человеческого гения; однако за исключением греческих риториков, составляющих ее трансцендентальную часть, сирийских знатоков юриспруденции, представлявших атеистическую систему законодательства, эгалитарную и монархическую по духу, богатых людей, участвовавших в управлении государством или в финансовых делах и, наконец, праздных бездельников, эта цивилизация имела несчастье почти не восприниматься массами, поскольку народы Европы ничего не смыслили в ее азиатских и африканских элементах. Они не сознавали, что египтяне не более их понимали, что цивилизация им приносит из Галлии и Испании, что нумидийцы не могли оценить то, что давал им остальной мир. Таким образом, ниже слоя, называемого социальными классами, существовало великое множество людей, цивилизованных иначе, чем официальный слой, или вообще не знавших цивилизации. Следовательно, только меньшинство римского народа, которое осознавало тайну и суть цивилизации, придавало ей какое-то значение. Вот вам пример цивилизации, несомненно выдающийся, но уже не общими идеями народов, входящих в нее, а скорее истощением, слабостью и отстранением этих народов.

В Китае имеет место совершенно иная картина. Здесь мы видим огромную территорию, но на всем этом пространстве основная раса (других я сознательно не беру во внимание) проникнута одним общим духом, общим пониманием своей цивилизации. Независимо от принципов, независимо от того, одобряют или не одобряют люди порядок вещей, надо признать, что массы принимают в нем активное участие. И дело не в том, что страна свободна в общепринятом смысле этого слова и что каждому гарантировано то место, какое он заслуживает. Я далек от того, чтобы рисовать такую идеальную картину. В Средней Империи и крестьяне, и горожане вряд ли могут рассчитывать только на свои силы и таланты, чтобы пробиться наверх. На этом конце земли, несмотря на официальные обещания учредить систему экзаменов на право занятия должностей, никто не сомневается в том, что лучшие места займут дети чиновников или их близкие и что занятие наукой не всем по карману, но дело в том, что угнетенные и обделенные, страдая от злоупотреблений, не представляют себе лучшей доли, и существующая цивилизация служит предметом неизменного уважения для всего народа.

И еще один удивительный факт, образование в Китае является почти всеобщим, и нам трудно представить, насколько высок его уровень. Дешевые книги, большое число школ и недорогое обучение в них обеспечивают довольно значительные возможности для тех, кто хочет учиться. Законы, их суть и их тонкости хорошо известны населению, и правительство даже поощряет изучение юриспруденции как полезной науки. Люди, объединенные общим инстинктом, испытывают ужас перед политическими потрясениями. Один большой знаток в

таких вопросах, который не только жил в Кантоне, но и изучал тамошние дела, господин Джон Фрэнсис Дэвис, комиссар Ее Величества в Китае, утверждает, что он увидел нацию, в истории которой не было ни одной попытки осуществить социальную революцию или изменить форму правления. По его мнению, китайскую нацию лучше всего назвать народом, состоящим из убежденных консерваторов.

В этом заключается ее кардинальное отличие от цивилизации римского мира, в лоне которого правительственные перевороты происходили с невероятной быстротой вплоть до нашествия северных народов. Во всех уголках этой огромной империи всегда находились народы, недовольные существующим порядком и готовые на самые безумные действия. За многовековой период не осталось ничего в этом смысле неиспробованного и ни одного принципа, уважаемого всеми. Собственность, религия, семья вызывали большие сомнения в их легитимности, и внушительные массы людей, то на севере, то на юге, часто пытались силой реализовать новаторские теории. Ничто в греко-римском мире не имело под собой прочного основания, даже имперское единство, жизненно необходимое для общего блага, и не только армия с многочисленными Августами-самозванцами постоянно делала попытки сокрушить этот столп, этот палладиум общества, но и сами императоры, начиная с Диоклетиана, так мало верили в монархию, что сознательно вводили двойное правление, а затем управляли даже вчетвером. Повторяю: ни один институт, ни один принцип не был устойчив в этом несчастном обществе, которое не имело лучшего мотива целостности, чем физическая невозможность рухнуть, вплоть до того момента, когда нагрянули мощные силы, расшатали его и превратили в более стабильное целое.

Итак, мы рассмотрели два совершенно отличных друг от друга социальных организма — Поднебесную Империю и римский мир. К цивилизации Восточной Азии я бы прибавил брахманскую цивилизацию, которая заслуживает восхищения своей силой и своей глубиной проникновения. Если в Китае все или почти все население обладает определенным уровнем знаний, то же самое можно сказать и об индусах, каждый из них пропитан духом древности и четко знает, что он должен выучить, как мыслить и во что верить; среди буддистов Тибета и других районов горной Азии редко встретишь крестьянина, не умеющего читать. Там все имеют близкие взгляды на самые важные вопросы.

Существует ли такая же однородность у европейских наций? Этот вопрос совершенно излишний. Вряд ли в греко-римской империи можно увидеть такое разнообразие и многоцветье — я имею в виду не между разными народами, а внутри одной национальности. Я позже коснусь России и австрийских государств. А теперь посмотрим, как обстоит дело в Германии или Италии, особенно южной ее части, в Испании, хотя и в меньшей мере, ситуация почти такая же, то же самое относится и к Франции.

Итак, Франция: начнем с того, что различие в манерах поражает даже поверхностного наблюдателя; давно замечено, что между Парижем и остальной территорией существует пропасть, а у самых ворот города начинается нация, совершенно отличная от той, что живет за его стенами. Те, кто верит в политическое единство в стране и отсюда делает вывод о единстве идей и слиянии крови, глубоко заблуждаются.

Нет ни одного социального закона, ни одного формирующего принципа цивилизации, который воспринимался бы одинаково во всех наших департаментах. Нет смысла проводить сравнение между Нормандией, Бретанью, Анжевром, Лимузенем, Гасконью, Провансом — все знают, как мало похожи друг на друга жители этих мест и как различны их взгляды. Отметим только, что если в Китае, на Тибете и в Индии самые важные понятия относительно сохранения цивилизации известны всем классам, у нас дело обстоит совсем наоборот. Самые первостепенные, самые элементарные наши знания остаются тайной для подавляющего большинства сельского населения, как правило, люди там не умеют ни читать, ни писать и нисколько не озабочены тем, чтобы научиться, потому что не видят в этом никакой пользы и применения. В этом отношении я мало верю в обещания законотворцев, в наши псевдоинституты, зато доверяю своим глазам и фактам, зарегистрированным проницательными наблюдателями. Правительство исчерпало все возможности, чтобы

вытащить крестьян из сетей невежества; не только дети могут учиться в деревнях, но и взрослые в возрасте двадцати лет, записанные на военную службу, попадают в полковые школы, где есть прекрасные условия для получения самых необходимых знаний. Несмотря на эти усилия, несмотря на отеческую заботу со стороны органов управления, сельские жители ничему не учатся. Я видел — и все, кто жил в провинции, тоже видели, — как родители посылают своих детей в школу с нескрываемой неохотой и считают потерянным время, которое они там проводят; они забирают их оттуда под малейшим предлогом и разрешают учиться только в первых классах, а после школы юноша старается как можно скорее забыть то, чему он научился. Некоторые даже бравируют своим невежеством: например, демобилизованные солдаты не только не желают больше читать и писать, но делают вид, будто забыли французский язык, и часто это им удается. Я бы приветствовал с большой радостью столько усилий, впустую потраченных на обучение сельского населения, если бы не был убежден, что наука, которой их обучают, нашим крестьянам не подходит и что за их кажущимся безразличием скрывается неистребимая враждебность к нашей цивилизации. Я вижу доказательство моим словам в пассивном, молчаливом сопротивлении, но есть еще одно обстоятельство: там, где удается сломить это упорство, появляется другой, более убедительный фактор, приводящий меня в замешательство. Кое в чем попытки обучения бывают успешны. В наших восточных департаментах и крупных промышленных городах насчитывается большое число рабочих, которые охотно учатся читать и писать. Они живут в среде, которая демонстрирует им пользу образования. Но после того, как эти люди овладевают элементарными знаниями, как они ими распоряжаются? Они используют их для того, чтобы приобрести более глубокие враждебные чувства к социальному порядку — и на сей раз уже не инстинктивные, а активно осмысленные. Исключение можно сделать только для сельских жителей и рабочих северо-запада, где элементарные знания распространены больше, чем в других местах, где они лучше закрепляются и дают, как правило, хорошие плоды. Очевидно, это обусловлено тем, что жители тех районов стоят ближе к германской расе. Добавлю, что все, сказанное в отношении северо-западных департаментов, относится и к Бельгии и Нидерландам.

Итак, мы констатировали определенную неприязнь к нашей цивилизации, а теперь заглянем в глубину религиозных чувств и взглядов. Что касается веры, надо отдать должное христианской религии в том, что она не является категоричной и не втискивает людей в узкие рамки. В противном случае она столкнулась бы с опасными рифами. Епископам и священникам приходится бороться сегодня, как и век, и пять, и пятнадцать веков назад, против предубеждений и привычек, передаваемых по наследству и тем более угрожающих, что люди почти никогда в них не сознаются, поэтому переубедить их невозможно. Нет ни одного просвещенного священника, служащего в деревне, который бы не знал, с каким непробиваемым упрямством даже набожный крестьянин продолжает прятать и лелеять в себе какую-нибудь первобытную идею, выходящую на поверхность помимо его воли и только в редких случаях. Если заговорить с ним на эту тему, он будет все отрицать и никогда не поддержит разговор, оставаясь непоколебимо убежденным в своей правоте. Он всецело доверяет своему пастору, но тайно исповедует свою религию; отсюда молчаливость, которая во всех провинциях страны является самой характерной чертой крестьянина при встрече с городским жителем, называемым в деревне не иначе, как буржуа; отсюда непроходимая демаркационная линия между ним и самыми уважаемыми людьми его кантона. Это и есть отношение большинства народа к цивилизации, того самого народа, который слышит наиболее приверженным к ней; если бы мне сказали, что, согласно статистике, во Франции живет 10 миллионов душ, включенных в сферу социальных отношений, а 26 миллионов остаются за ее пределами, я бы решил, что первая цифра занижена.

Кроме того, если бы наши сельские жители были только грубыми и невежественными, можно было бы не тревожиться по поводу такого разделения и тешить себя надеждой на то, что постепенно их можно переделать и ввести в круг людей, уже просвещенных. Но в этой массе встречаются настоящие дикари: на первый взгляд их можно принять просто за неучей,

из которых можно что-нибудь вылепить, потому что у них отстраненные и ничего не выражающие лица, но если чуть глубже проникнуть в их мысли, в их частную жизнь, становится ясно, что, оставаясь в добровольном самозаточении, они вовсе не слабы и не беззащитны. Их симпатия и антипатия вырываются наружу очень редко, и вся их натура заключена в логичный круг глубоко укорененных идей. Коснувшись религии, я также должен отметить, какая огромная дистанция разделяет наши моральные доктрины и взгляды крестьян, насколько то, что они называли бы «деликатностью», отличается от того смысла, какой мы придаем этому слову! Наконец, с какой настороженностью они смотрят на того, кто не является, подобно им, крестьянами — так наши очень далекие предки смотрели на чужеземцев! Конечно, они не станут его убивать из страха, пусть даже мистического, который внушают им законы, не принимаемые, кстати, ими; но они его искренне ненавидят, опасаются его, а если есть возможность поглумиться над ним безнаказанно, они сделают это с превеликим удовольствием. Выходит, они злые? Судя по их отношению друг к другу, этого не скажешь: они обмениваются шутками и даже любезностями. Но дело в том, что они считают себя совсем другим человеческим видом — угнетенным, обиженным, слабым, имеющим право на хитрости, и в то же время сохраняющим гордость, граничащую с упрямством, и с презрением относящимся к чужакам.

В некоторых провинциях Франции крестьянин считает, что у него благороднее кровь и древнее род, чем у его сеньора. У крестьян семейная гордость сегодня соблюдается строже, чем когда-то в среде средневековой знати.

Однако не стоит заблуждаться: французское население по своей внутренней сути не имеет ничего общего с его внешним обликом — это пропасть, над которой висит цивилизация, а в глубине дремлют неподвижные воды, которые время от времени свирепо вспениваются. Самые трагические события заливали страну кровью, и в этих событиях земледельцы обычно занимали навязанную им позицию. Если речь не шла об их непосредственных и личных интересах, они вообще не вмешивались, даже не выражали никаких чувств. Многие наши деятели, напуганные и шокированные этим, высказывались в том смысле, что крестьяне развращены до глубины души, однако это совсем не так. Крестьяне смотрят на нас почти как на врагов. Они ничего не ожидают от нашей цивилизации и участвуют в ней только по принуждению, а по возможности считают себя вправе извлекать выгоду из ее потрясений. Если же мы будем рассматривать их вне этого антагонизма, порой активного, чаще всего инертного, нельзя не признать высокие моральные качества, пусть и выраженные весьма своеобразно, этих людей.

Все, сказанное мною о Франции, можно отнести ко всей Европе, и я исхожу из того, что современный мир охватывает бесконечно больше, чем он в состоянии объять, и в этом он похож на римскую империю. Следовательно, нельзя особенно доверять долговечности нашего социального состояния, а та малая толика уважения, которое оно внушает даже слоям, стоящим выше крестьян, кажется мне временным явлением. Нашу цивилизацию можно сравнить с недолговечными островками, которые вытолкнуты на поверхность моря подводными вулканами. Под действием разрушительных течений, лишённые силы, которая первоначально их поддерживала, они когда-нибудь развалятся, и торжествующие волны поглотят их обломки. Печальный конец, который до нас пережили многие благородные расы! Нет возможности избежать такой участи. Мудрость может лишь предвидеть, но не более того. Самая расчетливая осторожность не в силах поколебать незыблемые законы истории.

Таким образом, непонятная, презираемая или ненавидимая людьми, собравшимися под ее сенью, наша цивилизация, тем не менее, являет собой один из величайших памятников, созданных человеческим гением. По правде говоря, она проявляет себя не изобретательностью. Оставим в стороне это качество и признаем, что она возвеличила творческий дух и славу завоеваний как следствие этого духа. Понять все — значит все принять. Если она не создала точных наук, то она, по меньшей мере, придала им точность и избавила их от тумана, который, как ни странно, окутывал эти науки больше, чем любые

другие. Благодаря выдающимся открытиям она больше знает о материальном мире, чем прежние общества. Она разгадала часть главных законов природы, она сумела их сформулировать, описать и извлечь из них поистине волшебные силы, чтобы во сто крат увеличить силы человека. Постепенно, используя индуктивные инструменты, она реконструировала гигантские фрагменты истории, о которых древние даже не догадывались, и чем дальше она отходит от первобытных эпох, тем яснее она их видит и проникает в их тайны. В этом заключаются ее достоинства, и оспаривать их нет смысла.

Приняв этот аргумент, вправе ли мы сделать вывод о том, что наша цивилизация превосходит все существовавшие и существующие на земле? И да и нет. Да — потому что она, благодаря разнообразию составляющих ее элементов, опирается на мощный фундамент сравнения и анализа, который позволяет ей впитывать в себя почти все; да — потому что этот эклектизм способствует ее развитию в самых разных направлениях; еще раз да — потому что, благодаря германскому гению, слишком практичному, чтобы быть разрушительным, она создала моральный кодекс, мудрые положения которого были неизвестны до нее. Но я говорю «нет», когда эти заслуги доводят до объявления ее абсолютного и безоговорочного превосходства; я говорю «нет», ибо такого превосходства не вижу почти ни в чем.

В искусстве правления она рабски следует за бесконечными колебаниями, вызванными потребностями различных рас, которые ее составляют. В Англии, Голландии, Неаполе, России принципы еще достаточно устойчивы, потому что население указанных стран более однородно или, по крайней мере, принадлежит к группам одной категории, имеющим похожие инстинкты. Но в других местах, особенно во Франции, в Центральной Италии, в Германии, где царит этническое многообразие, теории власти никогда не поднимаются до истины, а политическая наука постоянно экспериментирует. Нашей цивилизации, неспособной внушить в себя веру, недостает той устойчивости, которая является одним из главных признаков, включаемых мною в определение цивилизации. Поскольку это роковое бессилие не знакомо буддистскому и брахманистскому обществам, поскольку его не знает и Поднебесная Империя, в этом смысле упомянутые цивилизации превосходят нашу. Там все согласны в своих политических взглядах. Там можно благополучно жить, если будет мудрая власть, т. к. в этом случае вековые институты приносят хорошие плоды.

Когда, оказавшись в плохих или неумелых руках, она вредит общественному благу, люди на нее жалуются и жалеют самих себя. Но никогда они не теряют уважения к своим институтам. Иногда они их исправляют, но никогда не ниспровергают и не заменяют. Надо быть слепцом, чтобы не видеть в этом гарантию долговечности, коей не отличается наша цивилизация.

Что касается искусств, наша отсталость по сравнению с Индией несомненна, как и по сравнению с Египтом, Грецией и Америкой. Ни в грандиозном, ни в прекрасном у нас нечего сравнить с шедеврами древних рас; когда дни наши будут сочтены, когда развалины наших памятников и наших городов покроют нашу землю, будущий путешественник, оказавшись в лесах и болотах на берегах Темзы, Сены и Рейна, не найдет ничего, что могло бы соперничать с величественными руинами Филы, Ниневии, Парфенона, Салсетты или долины Теночтитлан. Если в области позитивных наук у будущих эпох будет чему у нас поучиться, этого нельзя сказать о поэзии. Отчаянное восхищение, которое мы испытываем — и не без основания — к интеллектуальным достижениям чужих цивилизаций, еще одно тому свидетельство.

Поговорим теперь об утонченности нравов. Несомненно, в этом отношении равных нам нет. Наши вкусы — утонченные за счет нашего прошлого, в котором были моменты, когда роскошь, тонкость привычек и великолепие жизни воспринимались гораздо глубже и шире, чем в наши дни. По правде говоря, наслаждения были доступны не всем. То, что называется «благополучием», принадлежало немногим. Я с этим согласен, но надо признать как неопровержимый факт, что благородные нравы не только облагораживают быт избранных, но и возвышают дух масс, созерцающих, но не участвующих в празднике жизни. Кроме того, утонченность накладывает на всю страну отпечаток величия и красоты и превращается в

общее достояние. В этом смысле наша цивилизация, исключительно скрупулезная во внешних атрибутах, не имеет соперниц.

В заключение сказанного замечу: организующий характер любой цивилизации определяется самым очевидным признаком доминирующей расы; цивилизация изменяется, трансформируется по мере того, как эта раса сама подвергается изменениям; именно в рамках цивилизации в течение более или менее продолжительного периода продолжает действовать импульс, который когда-то дала ей исчезнувшая раса, и, следовательно, система, сформировавшаяся в обществе, представляет собой факт, который ярче всего свидетельствует о конкретных способностях и уровне народа — это лучшее зеркало, в котором народ отражает свою индивидуальность.

Мне кажется, мои рассуждения охватили слишком широкий круг вопросов. Между тем пора вернуться в русло моих прямых намерений.

Прежде всего я выдвинул следующее положение: жизнь и смерть обществ происходит в силу внутренних причин. Я назвал эти причины. Я обратился к их скрытой от глаз природе, чтобы сделать их более выпуклыми, и показал абсурдность тех предпосылок, которые обыкновенно им приписывают. В поисках признака, который мог бы обозначать их во всех случаях, я остановился на способности создать цивилизацию. Это и будет служить отправной точкой нашего дальнейшего путешествия. Итак, с чего мы начнем? Мы признали такую способность скрытой причиной жизни и смерти обществ и назвали ее естественным и постоянным признаком. Теперь перейдем к изучению интимной природы этой причины. Я отметил, что она заключается в достоинствах той или иной расы. Логика требует уточнить сразу, что я имею в виду под словом «раса». Это и будет служить предметом следующей главы.

Глава X

Анатомы о многопричинности происхождения человечества.

По мнению многих ученых, которые исходят из внешнего облика людей в самых крайних проявлениях, человеческие семейства или группы отличаются друг от друга настолько разительно и существенно, что просто невозможно говорить об их общем происхождении. Помимо потомков Адама эрудиты, сторонники этой теории, насчитывают несколько других генеалогических ветвей. Для них в человеческом роде нет первородного единства или, иными словами, не существует единого рода: есть три, четыре и даже больше родовых групп, из которых вышли совершенно разные поколения, и они, в результате смешения, образовали гибридные подгруппы.

Для подтверждения своей теории они пользуются общераспространенной точкой зрения, которая основана на очевидных и безоговорочных различиях между человеческими группами. Если мы встречаемся с желтокожим человеком с редкими волосами и такой же редкой бородой, с широким лицом, пирамидальным черепом, раскосыми глазами, настолько узкими, что глаза почти не открываются, с неуклюжей походкой и хрупкого телосложения, мы сразу узнаем определенный тип с легко запоминающимися основными внешними признаками. А вот и другой портрет: негр с западного побережья Африки, крупный, мощного телосложения, склонный к тучности. Кожа у него уже не желтоватая, а совсем черная, волосы не редкие и прямые, а, напротив, густые, обильные, курчавые, нижняя челюсть выступает вперед, череп имеет форму, называемую «прогнатической». Причард в «Естественной истории человека» характеризует его следующим образом: «Длинные кости вывернуты наружу, большая и малая берцовые кости выступают вперед и более выпуклы, чем у европейцев, икры очень высокие и доходят до подколенной впадины, ступни очень плоские, а пяточная кость не имеет дугообразной формы и составляет почти одну линию с другими костями стопы, которая, кстати, необыкновенно широкая. Примерно такими же

особенностями отличается и рука».

Если вы встретите человека, отвечающего этому описанию, вам невольно придет на ум портрет обезьяны и мысль о том, что негритянские расы Западной Африки произошли от ветви, которая не имеет ничего общего, если не считать некоторого сходства в общих формах, с монгольской группой.

Затем идут племена, внешность которых еще меньше, чем конголезский негр, может польстить самолюбию человека. Именно Океании принадлежит честь дать миру самые деградированные, самые уродливые и отталкивающие образчики, представляющие собой переходный этап между человеком и элементарным животным. Рядом со многими австралийскими аборигенами даже африканский негр предстает намного более развитым в этом отношении. Многим из этих обиженных судьбой народов этой части земли, открытой позже других, особенную уродливость придают: огромная голова, необыкновенная худоба, искривленное тело. Волосы прямые или курчавые, чаще всего пушистые, кожа черная с серым оттенком. Так описывает этих людей Причард.

Наконец, если после рассмотрения этих типов людей, обитающих на разных континентах, вернуться к жителям Европы, Южной и Западной Азии, мы найдем в них такое превосходство, как в смысле внешности, так и строения тела, что сразу же хочется согласиться со сторонниками теории о множественном происхождении рас. Причем дело не только в том, что последние упомянутые мною народы превосходят остальную часть человечества красотой, они не только дали миру модели для Венеры, Аполлона и Геракла, но и среди них с глубокой древности установилась определенная иерархия: в этой элите человеческих рас европейцы занимают первое место по изяществу форм и развитию мускулатуры. Следовательно, кажется совершенно логичным заявить, что группы, из которых состоит человечество, также отличаются друг от друга, как и различные виды животных в мире дикой природы.

Таков вывод, сделанный на основании замечаний общего характера, и в этом качестве опровергнуть его трудно.

Одним из первых систематизировал подобные исследования Кампер. Он не удовольствовался поверхностными фактами и свидетельствами — он решил обосновать свои заключения математическим путем и анатомически определить характерные различия между категориями людей. Он разработал строгую методику, не оставляющую места для сомнений, а его суждения приобрели ту силу и основательность, без которых не может быть науки. Кампер взял латеральную костистую часть головы и измерил развернутый профиль, используя две линии, названные им «фациальными». Их пересечение образует угол, величина которого должна определять меру развитости расы. Одна из этих линий идет от основания носа к слуховому каналу, другая проходит касательно к выступу передней части сверху, а снизу — к самой выступающей точке нижней челюсти. Посредством этого угла строится — и не только для человека, но и для всех видов животных — лестница, вершиной которой является европеец; чем острее угол, тем дальше та или иная раса отходит от типа, который, по мысли Кампера, служит верхом совершенства. Таким образом, самый маленький угол у птиц и у рыб. У млекопитающих различных видов он увеличивается. Некоторые виды обезьян достигают 45—50 градусов. За ними следует голова африканского негра, которая так же, как и голова калмыка, отличается углом в 70 градусов. У европейца этот угол доходит до 80 градусов. Теперь процитируем слова изобретателя данного метода, слова, столь лестные для нашего соплеменника: «Именно от этой разницы в 10 градусов зависит красота человека, которую можно назвать относительной. Что до абсолютной красоты, которая так поражает нас в античных статуях, например, в голове Аполлона и в Медузе Сосикла, она определяется еще большим углом, достигающим до 100 градусов».

Этот метод привлекает своей простотой. К сожалению, он противоречит фактам, что нередко случается с подобными системами. Другой исследователь, Оуэн, установил, что Кампер изучал строение костистой части головы обезьян только на молодых особях и что у взрослых рост зубов, расширение челюстей и развитие зигоматической дуги не

сопровождается соответствующим увеличением объема мозга, поэтому к человеческой голове не применимы цифры, выведенные Кампером: дело в том, что фациальный угол у черного орангутана или шимпанзе не превышает 30—35 градусов. Эта цифра слишком далека от 70 градусов (у негра и калмыка), чтобы можно было согласиться с Кампером.

Френология часто обращалась к теории голландского ученого. Специалисты, строя восходящий ряд от животных к человеку, находили соответствующие различия и в инстинктах. Между тем факты опять опровергали такую точку зрения. В частности, выдвигалось следующее выражение: у слона, который намного умнее орангутанов, фациальный угол острее, чем у них, а среди самих обезьян, если следовать логике Кампера, самые сообразительные, самые податливые к элементарному воспитанию, должны принадлежать к самым крупным особям.

Помимо этих двух больших недостатков в методе Кампера есть еще один уязвимый момент. Он не применим ко всем разновидностям человеческой расы, т. к. оставляет за пределами его категорий племена с пирамидальной головой, тогда как это довольно существенный признак.

Блюменбах, выступив против своего предшественника, в свою очередь предложил систему, основанную на изучении человеческой головы сверху. Свое изобретение он назвал «*norma verticalis*», или «вертикальный метод». Автор уверял, что сравнение ширины верхней части головы позволяет выявить главные различия в общей конфигурации черепа. Согласно Блюменбаху, изучение этой части тела дает столько данных, особенно это касается моментов, определяющих национальный характер, что невозможно свести все разнообразие к линиям и углам и что для получения удовлетворительной классификации следует рассматривать головы в таком ракурсе, который сразу может охватить максимальное количество различий. Его мысль выражена следующим образом: «Надо поставить ряд сравниваемых черепов так, чтобы скуловые кости находились на одной горизонтальной линии, как это бывает, когда черепа покоятся на нижней челюсти; затем встать сзади и скользить взглядом по вертексу каждого из них: таким образом можно охватить разновидности в форме элементов, которые в наибольшей степени отвечают национальному характеру — будь то в направлении челюстных и скуловых костей, или исходя из ширины овального контура, образуемого вертексом, а также в зависимости от уплощенной или выпуклой конфигурации фронтальной кости»¹⁵.

По мнению Блюменбаха, следствием этой системы является разделение человечества на пять больших групп или категорий, в свою очередь состоящих из определенного числа видов и типов.

Такая классификация тоже вызывает возражения. Ее, как и метод Кампера, можно упрекнуть в игнорировании некоторых важных признаков, причем частично это вызвано желанием учесть замечания Оуэна касательно изучения черепов не по верхней части, а по нижней. Один из главных результатов этой новой концепции заключался в окончательном проведении четкой демаркационной линии между человеком и орангутаном, после чего стало невозможно отыскать между ними какую-то связь, о которой говорил Кампер. В самом деле, одного взгляда, брошенного на два черепа — орангутана и человека, — если судить по их основанию, достаточно, чтобы увидеть кардинальные различия. У орангутана диаметр (передне-задний) более удлинен, чем у человека; зигоматическая дуга находится не в передней половине основания черепа, а составляет в средней его части одну треть общей длины диаметра; наконец, совершенно различно положение затылочного отверстия, чрезвычайно важное с точки зрения общего признака форм индивида и особенно влияния, которое оно оказывает на его привычки. У человека это отверстие располагается почти посередине основания черепа, а у орангутана отодвинуто в середину задней трети.

Разумеется, замечания Оуэна имеют ценность, но я бы предпочел самую последнюю из краниоскопических систем и, одновременно, самую удачную: речь идет о системе

15 Цитата взята из «Естественной истории человека» Причарда.

американского ученого Мортон, поддержанной Карусом. Ее суть состоит в следующем:

Для демонстрации различия между расами оба исследователя исходят из одной предпосылки: чем шире череп, тем выше стоит человек, которому принадлежит этот череп. Следовательно, вопрос ставится так: насколько развит череп у представителей разных рас?

Чтобы получить нужный ответ, Мортон взял определенное количество черепов, принадлежащих белым, монголам, неграм, краснокожим североамериканцам; затем он заткнул ватой все отверстия в черепах, кроме «foramen magnum», до самого верха насыпал внутрь хорошо высушенные зерна перца и сравнил полученное количество. В результате была получена следующая таблица:

СМ
ДИ
СН
ДИ
СМ
ЯМ
ИВ
ЗМ
ИИ
ЕС
ЕТ
СИ
ИМ
ИО
ИТ
СБ
СБ
Е
Р
Е
П
О
В
ИТ
СБ
ЛТ
Ы
Е
ИТ
СБ
Л
Т
А
Я
Р
А
С
А
:

М
О
Н
Г
О
Л
Ы
М
А
Л
А
Й
Ц
Ы
85
84
83
82
81
80
79
78
77
76
75
74
73
72
71
70
69
68
67
66
65
64
63
62
61
60
59
58
57
56
55
54
53
52
51
50
49
48
47
46
45
44
43
42
41
40
39
38
37
36
35
34
33
32
31
30
29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

Результаты, отмеченные в двух первых колонках, очень любопытны. Что же касается двух последних колонок, они не представляют для меня особого интереса, т. к. чтобы они как-то существенно дополнили вторую колонку, во-первых, Мортону следовало исследовать значительно больше черепов, и, во-вторых, он должен был указать социальный статус лиц, которым принадлежали эти черепа. Например, ему удалось раздобыть довольно представительные образцы: что касается белых и краснокожих, были использованы черепа, принадлежавшие людям далеко не низшего сословия, зато в отношении чернокожих и желтокожих, можно сказать, что он вряд ли мог располагать черепами вождей или мандаринов. Этот факт объясняет, каким образом американский абориген получил цифру 100, между тем как самый развитый монгол, обследованный Мортонем, заслужил лишь 93; то же самое относится к негру (94). Подобные результаты неточны, случайны и лишены научной ценности, а в таких вопросах необходимо учитывать индивидуальные характеристики. Поэтому я бы вообще вычеркнул вторую половину таблицы Мортоня.

Я также склонен усомниться в одном пункте касательно первой половины таблицы. Так, во второй колонке между цифрами 87, указывающей на объем черепа белого, 83 (желтокожего) и 78 (чернокожего) существует четкая и очевидная градация. Но цифры 83, 81 и 82, соответствующие монголам, малайцам и краснокожим, являются усредненными и очевидно неточными, поэтому монголов и малайцев Карус включает в одну расу, т. е. он объединяет 83 и 81. Тогда зачем нужно брать цифру 82 для характеристики отдельной расы и

создавать таким образом четвертую большую подгруппу?

Впрочем, это несоответствие служит подпоркой для слабых моментов системы Каруса. Саксонский ученый считает, что точно так же, как наша планета проходит четыре времени суток — день, ночь, вечерние сумерки и раннее утро, — так и человеческий род делится на четыре соответствующие подгруппы. Причем он видит в этом некий символ, что всегда опасно для серьезного ученого. Но Карус не устоял перед соблазном. Белая раса относится к «дневным» народам, чернокожие — к «ночным», желтокожие — к «утренним» или к «восточным сумеркам», а краснокожие — к «вечерним» или «западным сумеркам». Искусственность этой системы видна невооруженным глазом. Например, европейские нации в силу расцвета их наук и оформленности их цивилизации сопоставляются со светом, между тем как черные народы пребывают в спячке в темноте невежества, китайцы живут в сумерках, которые и определяют их довольно устойчивое, но несовершенное социальное состояние. Что же до краснокожих, понемногу исчезающих с земли, нельзя подобрать более удачного образа, чем заходящее солнце!

К сожалению, такое сравнение необоснованно, и Карус, обратившись к поэзии, несколько подпортил свою стройную теорию. Впрочем, следует признать то, что уже было отмечено в отношении остальных этнологических доктрин — Кампера, Блюменбаха, Оуэна: Карусу не удалось привести в систему всю совокупность физиологических различий, имеющих место в человеческих расах ¹⁶.

Сторонники этнического единства не замедлили воспользоваться этим недостатком и объявили, что поскольку нет возможности использовать наблюдения, относящиеся к костистой части головы, для создания убедительной системы исходного разделения человеческих типов надо рассматривать различия не как системные факторы, но как простые результаты независимых друг от друга вторичных причин, лишенных конкретики.

Однако победу торжествовать рано. Трудность в нахождении метода не всегда означает, что найти его вообще невозможно, хотя сторонники расового унитаризма с этим не согласны. Для подтверждения своих аргументов они выдвинули следующий тезис: некоторые племена, принадлежащие к одной расе, не относятся к одинаковому физическому типу, а, напротив, в довольно значительных пределах отклоняются от него. Например, без учета конкретных элементов в каждой смешанной группе они приводят в качестве доказательства различные ветви смешанной малайско-полинезийской группы и добавляют, что если в группах общего происхождения могут наблюдаться совершенно непохожие черепные и лицевые формы, тогда самые большие различия не свидетельствуют о первичной множественности происхождения; что если для европейцев негроидные или монгольские типы могут показаться совершенно различными, тем не менее это также не может служить доказательством разного происхождения, и что причины разделения человеческих рас следует искать не в столь отдаленном прошлом, поэтому физиологические отклонения можно считать простыми результатами определенных локальных причин, действовавших в течение определенного периода.

Перед лицом стольких логичных и совсем нелогичных возражений приверженцы идеи разного происхождения человеческих рас пытались расширить сферу своих исследований и аргументов и от изучения черепов перешли к изучению человека во всей его совокупности. Для того чтобы показать, что различия существуют не только в строении лица и черепа, они обратились к таким серьезным факторам, как форма таза, пропорциональность членов, цвет кожи, волосяной покров.

Кампер и другие анатомы давно признавали, что таз негра имеет свои особенности. Доктор Вролик, продолжая ту же мысль, отметил, что у европейцев различия между

¹⁶ Кстати, среди них есть почти незаметные, хотя и очень характерные. Я бы отметил небольшое утолщение по краям нижней губы, которое встречается у немцев и англичан. Этот признак германского происхождения можно заметить в некоторых портретах фламандской школы, в «Мадонне» Рубенса из Дрезденского музея, в «Сатирах и нимфах» из того же собрания, в «Лютнистке» Миерса и т. д. Ни один краниоскопический метод не в состоянии обнаружить такие детали, которые, тем не менее, характерны для наших смешанных рас.

мужским и женским тазом заметны гораздо меньше, а у представителей негритянской расы — у обоих полов — ярко выражено сходство с животными. Голландский ученый, исходя из того, что строение таза неизбежно влияет на процесс формирования зародыша, пришел к выводу об исходных различиях¹⁷.

Ему возражал, правда, без особого успеха, Вебер. Последнему пришлось признать, что некоторые формы таза чаще встречаются у одних рас, чем у других, но он лишь констатировал, что не бывает правил без исключений и что американцы, африканцы, монголы имеют такие же формы, как европейцы. Кроме того, Вебер, говоря об этих исключениях, нисколько не обращает внимания на тот факт, что телосложение есть результат смещения крови.

Что касается размеров конечностей, противники единого происхождения человеческого рода заявляют, что европейцы сложены лучше. Им возражают, что худые конечности вполне естественны у народов, которые питаются в основном растительной пищей или испытывают недостаток питания, и эта точка зрения также не лишена логики. Но когда речь заходит о чрезмерно развитом бюсте у представителей племени кечуа, критики, не желая признавать в этом характерный признак расы, становятся менее убедительными: в самом деле, было бы смешно считать, как они это делают, что объем груди у перуанских горцев в данном случае объясняется высотой Анд, о чем метко замечает Причард. На земле много горных народов, у которых совершенно иное телосложение, чем у кечуа. Например, швейцарцы, тирольцы, шотландцы, балканские славяне, племена, живущие в Гималаях, не имеют такого уродливого строения, как кечуа.

Перейдем к аргументам, касающимся цвета кожи. Унитаристы утверждают, что и здесь нет никакой специфики или характерного признака: во-первых, потому что цвет обусловлен климатическими особенностями и не является постоянным признаком, во-вторых, потому что цвет имеет бесчисленные оттенки, незаметно переходящие от белого к желтому, от желтого к черному, между которыми трудно провести линию раздела. Этот факт просто-напросто доказывает наличие бесчисленных гибридов, о чем унитаристы стараются вообще не говорить. Что же до специфичности волос, здесь в пользу исходного единства рас авторитетно высказывается господин Флуранс.

Мы рассмотрели кратко некоторые несостоятельные аргументы и теперь обратимся к научному краеугольному камню унитаристов. У них есть один сильный аргумент, и его стоит рассмотреть подробнее: я имею в виду легкость, с какой различные ветви человеческого рода порождают гибридов, и плодовитость этих самых гибридов.

Наблюдения натуралистов, кажется, доказали, что в животном или растительном мире метисы могут рождаться только от довольно близких друг другу видов и что даже в этом случае их плоды заранее обречены на бесплодность. Кроме того, было отмечено, что между близкими видами совокупление, хотя в принципе и возможное, противно природе и происходит только благодаря хитрости или насилию; это значит, что в свободном состоянии число гибридов еще более ограничено, чем в случае вмешательства человека. Из этого был сделан вывод: способность производить плодовитые особи следует включить в число специфических признаков.

Поскольку ничто не говорит о том, что человеческий род не подпадает под это правило, ничто до сих пор не поколебало логики, которая более остальных наносит удар по системе противников единства происхождения. Правда, есть утверждения, что в некоторых районах Океании женщины, родившие метисов от европейцев, уже не могут забеременеть от своих соотечественников. Если признать справедливость этого факта, стоит исследовать его глубже, но в настоящее время им не стоит пользоваться для оценки принципов появления гибридов.

ГЛАВА XI

17 Причард. «Естественная история человека».

Этнические различия имеют постоянный характер.

Унитаристы утверждают, что различие между расами очевидно и обусловлено лишь такими обстоятельствами локального характера, какие мы испытываем и сегодня, или же случайными отклонениями в конституции первого предка той или иной ветви. Для них все человечество способно в равной мере к усовершенствованию, повсюду первоначальный общий тип, не всегда явно выраженный, проявляет себя с одинаковой силой, и негр, американский абориген, тунгус, живущий на севере Сибири, могут и должны, при условии одинакового воспитания, соперничать с европейцем в красоте внешних форм и внутреннего содержания. Но эта теория совершенно беспочвенна.

Выше мы увидели самую надежную цитадель сторонников расового равенства: это многообразие смешанных рас и их плодовитость. Эта точка зрения, которая до сих пор сталкивается с большими трудностями, возможно, не всегда будет такой неопровержимой, и не стоило бы подробно останавливаться на ней, если бы за ней не стоял другой аргумент совершенно иной природы, который, признаться, беспокоит меня больше: есть мнение, что Священное Писание, а именно Книга Бытия, признает только один источник появления человеческого рода на земле.

Если священный текст категоричен, ясен, недвусмыслен, остается склонить перед ним голову: самые большие сомнения должны исчезнуть, разум должен умолкнуть и признать себя побежденным; итак, человечество произошло от единого источника, а все аргументы против ничего не стоят. И пусть лучше сгущается тьма над пытливой мыслью, поскольку нет смысла оспаривать столь высокий авторитет. Но если Библия истолкована неверно? Если Священное Писание написано вовсе не для того, чтобы прояснить этнические вопросы, и из него следует извлечь другой смысл?

Тот факт, что Адам — прародитель нашей белой расы, не подлежит сомнению. Очевидно, что и Библия высказывается именно так, потому что от него происходят все люди с белой кожей. Но при всем при этом нет никаких свидетельств того, что первые редакторы адамовой генеалогии причисляли к этой группе других людей, не принадлежащих к белой расе. Там ни слова не говорится о желтых народах, а далее я постараюсь доказать, что патриарх Хам не был чернокожим. Разумеется, переводчики и комментаторы, утверждавшие, что от Адама пошел весь род человеческий, включили в число его потомков прочие народы, появившиеся позже. Согласно их теории, потомки Иафета являются ветвями европейского древа народов, семиты появились в Передней Азии, хамиты, из которых сделали, без всяких на то оснований, меланийскую расу, обитают на просторах Африки. Как будто все в порядке, что касается одной половины земного шара. А что делать с другой? С той, что не укладывается в классификацию?

Пока я не буду останавливаться на этом. Ограничусь лишь таким замечанием: возможно, удастся, не выходя за рамки церковных доктрин, оспорить эту классификацию. Я попробую объяснить факты, приводимые унитаристами, в ином смысле, нежели они толкуются ими, и посмотреть, нет ли между человеческими расами фундаментальных физических и моральных различий независимо от происхождения человечества.

Этническая идентичность всех видов семейства собак считается доказанной — это отмечает, в частности, Фредерик Кьюве, — но кто решится констатировать у всех животных, независимо от видов, одинаковые формы, тенденции, привычки, свойства? То же самое можно сказать и о других видах, например, лошади, свинье, медведе и т. д. Идентичность в происхождении и разнообразие во всем остальном, причем разнообразие настолько глубокое, что оно может исчезнуть разве что вследствие скрещивания, но и в этом случае новые типы не могут обрести настоящую идентичность. Между тем, пока сохраняется чистота расы, специфические черты остаются постоянными и воспроизводятся из поколения в поколение без существенных отклонений.

Этот неоспоримый факт наводит на следующий вопрос: можно ли распознать формы и

инстинкты предков у животных, ставших домашними? По всей очевидности, ответа на него не существует. Невозможно определить, какими были формы и сущность первого человека и насколько отличаются от них типы, которые мы наблюдаем сегодня. Такая же проблема имеет место и для очень большого числа растений. Особенно человек, чьи истоки так хочется, обнаружить, не поддается никакой расшифровке в этом отношении.

У самых разных рас не возникало сомнений в том, что их пращур был почти во всем похож на них. И только в этом все они единодушны. Белые люди сделали своим предком Адама и Еву, которых Блюменбах отнес бы к кавказскому типу; в одной книге, фривольной внешне, но полной метких наблюдений и точных фактов — «Тысяча и одна ночь», — рассказывается, что некоторые негры считают Адама и его жену чернокожими, что если основатели человеческого рода были сотворены по образу божьему, то и Бог и его ангелы должны быть черными, и что пророк также вряд ли имел белую кожу.

К сожалению, современная наука не в состоянии устранить эту путаницу. Ни одна гипотеза не смогла прояснить этот вопрос, и по всей вероятности человеческие расы настолько отличаются от своего общего предка, — если только у них таковой был, — насколько они отличаются друг от друга. Остается объяснить такое отклонение первобытного типа, оставаясь на скромном и ограниченном плацдарме, который я занимаю, и допуская справедливость мнения унитаристов.

Причины этого явления обнаружить нелегко. Унитаристы, как я уже сказал, объясняют его воздействием климата, географическим положением и привычками. Нет возможности принять подобный аргумент¹⁸, учитывая, что изменения в конституции рас с самых незапамятных времен, вызванные указанными обстоятельствами, не имели такого значения, которое могло бы в достаточной степени объяснить столь глубокие расхождения. Сейчас мы в этом убедимся.

Возьмем два племени, еще близкие к первобытному типу, которые живут в разных условиях: одно в альпийской долине в глубине континента, другое на морском острове. Состав окружающего их воздуха совершенно разный, точно так же, как и их пища. Далее допустим, что у одного достаточно возможностей добыть пищу, у другого они скудные; затем поместим первое в холодный климат, а второе под тропическое солнце. Тогда получим полный контраст. С течением времени к естественному воздействию физических факторов добавится так называемый человеческий фактор, и постепенно оба народа приобретут некоторые специфические признаки, которые помогут различить их. Однако даже через несколько столетий в их конституции не произойдет никаких существенных органических изменений; доказательством служит тот факт, что встречаются народы, живущие на противоположных концах света, в совершенно различных климатических условиях, но их типы почти ничем не отличаются друг от друга. Это знают все этнологи. Им даже хотелось бы поместить готтентотов в Китае — настолько они похожи на жителей Поднебесной Империи¹⁹. Кроме того, наличествует большое сходство между портретом, который нам

18 Унитаристы для подтверждения своего тезиса постоянно сравнивают человека с животными. Я только что воспользовался таким приемом. Однако я не хотел бы злоупотреблять им, коль скоро идет речь об объяснении изменений видов через влияние климата, дело в том, что различие между животными и людьми имеет кардинальный и в высшей степени специфический характер. Существует география животного мира, так же как и география планет, но нет географии мира людей. Существует та или иная широта, на которой могут обитать те или иные растения, четвероногие, рептилии, рыбы, моллюски, человек же — во всех своих разновидностях — живет повсюду. Одного этого факта достаточно, чтобы объяснить огромное разнообразие человеческой конституции. Я совершенно согласен с тем, что виды, которые не могут выйти за границу того или иного меридиана или той или иной отметки рельефа, без того, чтобы не погибнуть, находятся под влиянием климата, что касается их форм и инстинктов, но именно потому, что человек совершенно не подвластен такому рабству, я отказываюсь проводить категорический знак равенства между его положением относительно сил природы и положением животных.

19 Эту мысль высказал Барроу, исходя из определенного сходства формы головы и цвета кожи у аборигенов мыса Доброй Надежды. Один путешественник даже заметил, в подтверждение этого предположения, что готтентоты носят прическу, напоминающую конусообразный головной убор китайцев.

оставили древние этруски, и аракуанами Южной Америки. Лицо, телосложение чероки как будто являются копией представителей некоторых народов Италии, например калабрийцев. А внешность жителей Оверни, особенно женщин, имеет более отдаленное сходство с общим типом европейцев, нежели с типом некоторых индейских племен Северной Америки. Таким образом, поскольку в совершенно несходных климатических условиях и в таких разных обстоятельствах повседневной жизни природа может создавать похожие типы, очевидно, что вовсе не нынешние внешние факторы придают специфические черты человеческим типам.

Тем не менее, нельзя не признать, что локальные обстоятельства могут усиливать или ослаблять некоторые особенности цвета 'кожи, предрасположенность к полноте, относительное развитие мышечной системы, груди, удлинненность ног или рук, физическую силу. Но повторю еще раз: это не есть определяющий фактор, и, судя по тем очень небольшим изменениям, которые эти причины привносят в телосложение людей, нет оснований полагать — и это еще одно свидетельство, — что они оказывали значительное влияние когда-либо в прошлом.

Если мы не знаем, какие революции могли произойти в физической организации народов в доисторические времена, то мы можем хотя бы заметить, что этот период охватывает всего лишь около половины возраста человеческого рода; и если в течение трех–четырёх тысяч лет стоит такая непроглядная тьма, нам остается еще три тысячи лет, чтобы мы могли сблизиться с другими нациями, и все свидетельствует о том, что существовавшие в ту пору расы, оставшиеся с тех пор в состоянии относительной чистоты, изменились незначительно, хотя некоторые переселились в другие места и, следовательно, попали под действие иных внешних факторов. Приведу в пример арабов. Как они представлены в египетских монументах, такими мы их видим сегодня не только в плодородных землях с влажным климатом Малабара и побережья Короманделя, на островах Индийского океана, во многих местах северного побережья Африки, где сегодня они в большей мере смешаны с другими расами, чем где-либо еще; их следы встречаются в некоторых местах Русильона, Лангедока и побережья Испании, несмотря на то, что приблизительно два столетия прошли после их вторжения. Влияние среды, если оно и имело место, как это считается, не могло бы определить такую долговечность типов. Меняя местожительство, потомки исмаелитского прародителя должны были изменять и свою внешность.

После арабов я отмечу евреев, еще более интересных в этом отношении, потому что они мигрировали в места с совершенно другим климатом, нежели в Палестине, и еще в меньшей степени сохранили свой образ жизни. Тем не менее, их тип остался прежним, вернее, претерпел незначительные изменения, которые не могли изменить общий характер расы ни в каком климате и ни в каких условиях. Такими мы видим воинственных рехавитов из арабских пустынь, такими предстают перед нами и мирные португальские, французские, немецкие и польские израелиты. Мне представился случай исследовать одного человека, принадлежащего к последней категории. Черты его лица выдавали его происхождение. Особенно красноречивы были его глаза. Этот северянин, прямые предки которого в течение нескольких поколений обитали среди снегов, по-видимому, загорел под лучами сирийского солнца. Таким образом, приходится признать, что лицо семита в общих и самых характерных чертах сохранило тип, который мы видим на египетских картинах, выполненных три, четыре и более тысяч лет назад, и этот тип остается в самых разнообразных климатических обстоятельствах. Идентичность потомков с предками не ограничивается чертами лица — она наблюдается и в строении тела, и в темпераменте. Немецкие евреи в целом более низкорослы и имеют более хрупкое телосложение, нежели представители европейской расы, среди которых они живут веками. Кроме того, они достигают зрелости намного раньше, чем их соотечественники других рас, как замечает Мюллер в своем «Справочнике по физиологии человека».

Впрочем, существует и диаметрально противоположное мнение Причарда. Этот физиолог в своем стремлении доказать единство человеческого рода пытается обосновать,

что возраст зрелости у обоих полов одинаков везде и для всех рас. Он использует аргументы из Ветхого Завета, что касается евреев и арабов, из религиозного свода Корана, согласно которому женщины могут вступать в брак в 18 и даже в 15 лет.

Эти два аргумента весьма спорны. Прежде всего библейских свидетельств на сей счет почти не существует, тем более, что там часто приводятся факты, выходящие за рамки обычного порядка вещей, и что беременность Сары в глубокой старости, когда самому Аврааму было 100 лет, — это такой эпизод, на который нельзя опираться в серьезном исследовании. Что же касается мнения и предписания мусульманского закона, я хочу заметить, что авторы Корана хотели не только констатировать физическую возможность, прежде чем дать разрешение на брак: они хотели, чтобы женщина достигла и умственной зрелости при принятии на себя столь серьезных обязанностей. Доказательством служит тот факт, что пророк озабочен религиозным воспитанием юных девушек вплоть до момента замужества. В таком случае ясно, что этот момент следует отложить как можно дальше и что законодатель считал очень важным развивать умственные способности и не торопить природу. И это еще не все. Свидетельствам, приводимым Причардом, можно противопоставить другие, более убедительные, пусть и не столь обоснованные.

Поэты Востока в своих любовных произведениях, показывая героинь в расцвете красоты, не заботясь о моральной зрелости, всегда изображают их более юными, чем предписывается в Коране: Зулейка и Лейла не достигли и 14 лет. В Индии контраст еще более разителен. Шакунда в Европе считалась бы девчонкой, почти ребенком. В той стране лучший возраст любви для женщины — от девяти до двенадцати лет. Итак, мы имеем распространенное и общепринятое мнение, бытующее у индусов, персов и арабов: весна жизни для женщин наступает в более раннем возрасте, чем в Европе. Долгое время наши писатели придерживались в этом смысле модели Древнего Рима. А римляне вслед за своими греческими учителями принимали в качестве возраста созревания 15 лет. После того, как северные идеи²⁰ оказали влияние на нашу литературу, мы встречаем в романах лишь восемнадцатилетних и более старших героев и героинь.

Если теперь вернуться к более серьезным аргументам, то и таковых мы найдем предостаточно. Помимо того, что говорилось выше о немецких евреях, можно добавить, что во многих землях Швейцарии физическое развитие жителей настолько замедленное, что у мужчин оно иногда не завершается даже в двадцать лет. Другим примером являются цыгане²¹. Представители этой расы отличаются таким же ранним физическим развитием, как и их родичи индусы, и даже под суровым небом России и Молдавии они сохраняют не только свои древние привычки и обычаи, но и черты лица и телосложение касты париев. Однако я не собираюсь оспаривать взгляды Причарда огульным образом. Скажем, с одним из его замечаний я согласен полностью: «Климатические различия не играют почти никакой роли в появлении физических изменений, которым подвержена во времени человеческая конституция». Это очень справедливая мысль, и я не собираюсь подтверждать ее, но ограничусь таким добавлением: как мне кажется, она несколько противоречит принципам, которые отстаивает этот американский физиолог и этнограф.

Нетрудно заметить, что в данном случае вопрос о постоянстве типов является

²⁰ Исключением, пожалуй, является Шекспир, пользующийся итальянскими канонами. Вот что говорит Капулетти в «Ромео и Джульетте». Я повторяю, что говорил и раньше. Мое дитя еще не знает жизни — Ей нет еще четырнадцати лет. Пускай умрут еще два пышных лета — Тогда женою может стать Джульетта На что Парис отвечает так: Я матерей счастливых знал моложе.

²¹ По наблюдениям Крапфа, протестантского миссионера в Восточной Африке, у племени ваникас мальчики двенадцати лет женятся на девочках того же возраста. В Парагвае иезуиты ввели обычай, сохранившийся до сих пор, выдавать девочек-аборигенок десяти лет за тринадцатилетних мальчиков. В этой стране есть вдовцы и вдовы 11 и 12 лет, как свидетельствует Орбиньи. В южной Бразилии девочки выходят замуж в возрасте 10—11 лет. Менструация у них начинается очень рано. Приведу еще один случай — в романе китайского писателя Ю-Кьяо-Ли отец шестнадцатилетней девочки опечален тем, что его дочь, дожив до такого возраста, так и не вышла замуж.

ключевым. Если считается доказанным фактом, что каждая из человеческих рас заключена в рамки некоей индивидуальности, из которых она может выйти только посредством смешения, тогда унитаристы должны согласиться с тем, что, поскольку человеческие типы целиком обусловлены наследственностью и остаются постоянными, то есть не подверженными изменениям и не зависящими от климата и от времени, человечество разделено на группы, точно так же, как если бы специфические различия были вызваны различным происхождением.

Сегодня это важное утверждение доказать совсем не трудно. Оно подтверждается египетскими скульптурами, изображающими арабов, и наблюдениями за евреями и цыганами. Кроме того, не стоит забывать, что росписи в храмах и подземельях долины Нила также свидетельствуют о постоянстве негроидного типа с курчавыми волосами, с выступающей вперед головой, толстыми губами и что обнаруженные недавно барельефы Хорсабада (Ниневия) подтверждают то, что уже засвидетельствовано на разных монументах Персеполиса, а именно, физиологическую идентичность ассирийских народов с нациями, которые сегодня живут на той же территории.

Если бы мы имели аналогичные документы о большом количестве живущих ныне рас, результаты оказались бы точно такими же. Т. е. постоянство типов было бы подтверждено лишней раз. Однако для нас достаточно имеющихся фактов, и теперь пусть противники выдвигают свои возражения.

Между тем таковых они не имеют и, пытаясь защитить свою доктрину, они противоречат себе с самых первых слов или вступают в противоречие с лежащими на поверхности фактами. Так, они утверждают, что евреи изменили свой тип под действием климата, а факты говорят об обратном. Они утверждают, что в Германии много израильтян со светлыми волосами и голубыми глазами. Но чтобы такое утверждение имело силу в смысле подтверждения теории унитаристов, необходимо признать климат единственной или, по крайней мере, главной причиной этого явления; с другой же стороны, ученые этой школы заявляют, что цвет кожи, глаз и волос ни в коей мере не зависят от географического положения и теплого или холодного климата. Они отмечают — и это бесспорный факт — голубые глаза и русые волосы у сингалайских племен и даже различные оттенки кожи от светло-коричневого до черного. С другой стороны, они признают, что самоеды и тунгусы, хотя и живут на побережье Ледовитого океана, очень смуглые. Следовательно, климат не имеет никакого отношения к цвету кожи, волос и глаз. Эти наблюдения следует либо считать ничего не значащими, либо связать их с определенной расой, а поскольку достоверно известно, что рыжие волосы нередко встречаются на Востоке, не стоит удивляться внешности немецких евреев. В данном случае это ничего не доказывает: ни постоянства типов, ни обратного.

Не более убедительными выглядят унитаристы, когда призывают на помощь исторические свидетельства. Впрочем, они приводят только два: одно относится к туркам, другое к мадьярам. Что касается первых, азиатское происхождение их не вызывает никаких сомнений. С такой уверенностью можно говорить об их близком родстве с финикийскими ветвями остяков и лапландцев. Первоначально они имели желтое лицо, выступающие скулы, невысокий рост, как у монголов. Согласившись с этим, вернемся к их нынешним потомкам: у них европейский тип лица, густая и длинная борода, миндалевидные, а не раскосые глаза, и вот, исходя из этого, раздается торжествующий возглас, что расы вовсе не постоянны, потому что турки претерпели такую явную трансформацию. Унитаристы рассуждают следующим образом: здесь имело место смешение с греческими, грузинскими и черкесскими семействами. Но тут же добавляют — такое смешение происходило редко: ведь не все турки были достаточно богаты, чтобы покупать жен на Кавказе, не у всех были гаремы с белыми рабынями, а с другой стороны, ненависть греков к завоевателям и религиозные различия не способствовали брачным союзам, поскольку оба народа, даже живущие сегодня вместе, разделены так же, как и в первый день после завоевания.

Эти аргументы скорее отличаются кажущимся правдоподобием, нежели солидностью.

Вряд ли можно всерьез говорить о финикийском происхождении турецкой расы. До сих пор такое происхождение доказано лишь одним—единственным аргументом: родством языков. Ниже я коснусь его и покажу, насколько он спорен и сомнителен. Тем не менее, если допустить, что праотцы этого народа принадлежали к желтому типу, то существует немало доказательств того, что у них были веские причины удалиться от него.

Между моментом, когда первые туранские орды спустились на юго—запад, и днем, когда они овладели городом Константина, т. е. между этими двумя датами, отделенными друг от друга многими веками, случилось немало событий, так что у западных турков была совсем другая судьба. Будучи по очереди то победителями, то побежденными, рабами или господами, они обосновались среди совсем не похожих на них народов. Согласно историческим сведениям, их предки огузы, выходцы с Алтая, во времена Авраама жили в огромных степях верхней Азии, простирающихся от Китая до Аральского озера, от Сибири до Тибета, древней загадочной страны, где и сегодня обитают германские народы. Кстати, барон Гумбольдт считает этот факт одним из выдающихся открытий нашей эпохи. С точки зрения истории, это, разумеется, так. И еще одно странное обстоятельство: как только писатели Востока начинают говорить о народах Туркестана, они тут же восхваляют красоту их телосложения и лиц²². Они используют красочные эпитеты, а поскольку эти авторы имели перед собой самые красивые типы древнего мира, т. е. имели материал для сравнения, то вряд ли они могли восхищаться отгалкивающими и откровенно уродливыми монголами. Таким образом, несмотря на лингвистические факторы, кстати, возможно неправильно истолкованные²³, здесь есть о чем задуматься. Впрочем, допустим, что алтайские огузы были представителями финской расы, и вернемся к мусульманской эпохе, когда турецкие племена обосновались в Персии и Малой Азии под различными именами и в не менее различных условиях.

Османы еще не существовали, а сельджуки, от которых им предстояло произойти, уже были сильно перемешаны с исламскими народами. Принцы этой нации, например, Гайаседин—Кейхосрев в 1237 г., свободно женились на арабских женщинах. Более того: поскольку мать другого сельджукского царя Аседдуина была христианкой, а власти, во всех странах более ревностно, чем простой народ, относившиеся к генеалогической чистоте, проявляли такую терпимость, можно предположить, что и подданные следовали их примеру. Постоянные походы давали им возможность брать рабынь на огромных территориях, где они проходили, и нет сомнений в том, что начиная с XIII в. древний огузский род, к которому принадлежали сельджуки Рума, был чрезвычайно пропитан семитской кровью.

Именно из этого рода вышел Осман, сын Ортогула и отец Османидов. Вокруг его палатки сплотилось совсем немного семейств. Его армия больше напоминала шайку, и если первые потомки этого кочевого Ромула сумели увеличить ее, то вовсе не методом, который практиковал брат Рема: т. е. не потому, что они впускали в свои шатры всех, кто хотел туда войти.

Я склонен предположить, что крах сельджукской империи привел в их ряды других представителей их расы. К тому времени и сама раса сильно изменилась; впрочем, соплеменников было недостаточно, т. к. начиная с этого времени турки стали охотиться за

22 Нуширван, царствование которого приходится на первую половину VI в. н. э., взял в жены Шахруз, дочь турецкого хана. Она была самой прекрасной женщиной своего времени. В «Шахнаме» немало подобных фактов.

23 Скифы, выходцы из Монголии, приняли арийский язык, так что нет ничего удивительного в том, что огузы могут быть арийским народом, говорившим на финском диалекте. Эту гипотезу, как ни странно, подкрепляет наивное замечание путешественника Рубрука, которого Святой Людовик отправил к властителю монголов «Я был поражен, — пишет этот монах, — сходством принца с преподобным Жаном де Бомоном». Гумбольдт, заинтересовавшись этой фразой, добавляет: «Это замечание заслуживает внимания, если вспомнить, что семья Чингиза относится к турецкой, а не монгольской расе». Другой эрудит подтверждает сей факт следующими словами. «Отсутствие монгольских черт также поражает нас в портретах Бабуридов, властителей Индии».

рабами, чтобы увеличить свою численность. В начале XIV в. Уркан по совету Халила Тьендерели по прозвищу Черный учредил милицию янычар. Сначала их было всего тысяча. Но в царствование Магомета IV в рядах милиции насчитывалось уже сорок тысяч солдат, а поскольку до сих пор турки были озабочены пополнением войска только за счет молодых христиан, уводимых из Польши, Германии и Италии, обращаемых в ислам, было по меньшей мере пятьсот тысяч глав семейств, которые в течение четырех столетий вливали европейскую кровь в жилы турецкой нации.

Этническое смешение этим не ограничивалось. Главной целью пиратов, которые вели масштабные операции в бассейне Средиземного моря, было пополнение гаремов, и ни одна выигранная баталия не обходилась без того, чтобы не увеличить численность правоверного населения. Большая часть пленников–мужчин отрекалась от своей веры, и после этого они считались турками. Затем победители забирали женщин, которых могли увести с собой. Часто добыча оказывалась настолько большой, что ее некуда было девать: случалось, что самую красивую девушку меняли на один сапог. Если вспомнить хорошо известную цифру турецкого населения, как в Азии, так и в Европе, которое никогда не превышало 12 миллионов, можно с уверенностью сказать, что вопрос о постоянстве расового типа не имеет никакого отношения — в смысле аргументов «за» или «против» — к истории такого смешанного народа, как турки. Эта истина настолько очевидна, что некоторое сходство, отмечаемое между османитами и представителями желтой расы, не связано с прямым финикийским происхождением: дело в том, что чужеродный элемент объясняется влиянием другой крови, поступившей, так сказать, из вторых рук — от славян или татар. Вот что я хотел сказать касательно этнологии турок–оттоман. Теперь переходим к мадьярам.

Точка зрения унитаристов основана на следующем рассуждении: «Мадьяры связаны происхождением с финнами, родственниками лопарей, самоедов, эскимосов — людей низкого роста и с широкими лицами и выступающими скулами, с желтоватой или грязно–смуглой кожей. Однако мадьяры имеют более крупное и стройное сложение, длинные, гибкие и сильные руки и ноги, черты лица, напоминающие представителей белых рас и весьма красивые. Финны всегда были слабые, забитые, угнетенные. Мадьяры занимают почетное место среди завоевателей. Они имели рабов, но сами рабами не были, следовательно... если мадьяры суть финны, если они и в физическом и моральном отношении настолько отличаются от остальных ветвей их общих предков, причина заключается в том, что они очень сильно изменились»²⁴.

Как бы то ни было, если бы такое изменение имело место, его было бы невозможно объяснить даже унитаристам, даже предполагая необыкновенную мобильность данного типа, потому что метаморфоза должна была произойти между концом IX в. и нашей эпохой, т. е. в течение всего лишь 800 лет; между тем хорошо известно, что за этот период наши соплеменники незначительно смешались с народами, среди которых они живут. К счастью для здравого смысла, нет оснований удивляться этому, т. к. аргумент, который я собираюсь опровергнуть, будучи изящным, порочен по своей сути: венгры не имеют ничего общего с финнами.

В одной статье Жерандо разбил наголову теории Шлетцера и его сторонников и, используя самые обоснованные суждения, заимствованные у греческих и арабских историков, мнение венгерских ученых, подтвержденные факты и даты, устойчивые перед лицом любой критики, наконец, филологические факты и свидетельства, доказал родство сиколов с гуннами и первородную идентичность трансильванского племени с последними завоевателями Паннонии. Итак, венгры — это гунны.

Здесь мы, без сомнения, столкнемся с новым возражением. Нам скажут, что из этого вытекает несколько иное родство мадьяр, однако от этого не менее близкое, с желтой расой.

24 «Как доказывают исторические и филологические факты, венгерская знать представляет собой ветвь мощного североазиатского ствола, тесно связанного кровным родством с тупыми и слабыми остяками и недалекими лапландцами» («Этнология, или наука о расах», Эдинбургский вестник, октябрь 1848 г.).

Но это ошибка. Если название гуннов есть имя народности, это также есть собирательное имя с исторической точки зрения, которое не обозначает однородную совокупность. В толпе племен, вставших под знамя предков Аттилы, среди прочих различали группы или шайки, называемые «белыми гуннами», в которых преобладал германский элемент²⁵.

По правде говоря, контакт с желтокожими группами изменил кровь, т. е. она утратила свою прежнюю чистоту: именно об этом красноречиво свидетельствует скуластое лицо мадьяр. Их язык очень близок тюркским диалектам, следовательно, мадьяры суть белые гунны, а эта народность, из которой несправедливо сделали желтокожую расу, поскольку она в силу добровольных или вынужденных браков смешалась с этой расой, состоит из метисов с германской основой. Язык имеет корни и словарный запас, отличающиеся от их преобладающего элемента, точно так же, как это имеет место в случае «желтых» скифов, которые говорили на арийском диалекте, и скандинавских племен, которые спустя несколько лет владычества приняли кельтско–латинский диалект покоренных ими народов. Ничто не дает основания предполагать, что время, воздействие климата и изменение обычаев могли превратить японца, или остяка, или тунгуса, или пермяка в нашего соотечественника. Вследствие слабости аргументов, выдвигаемых унитаристами, я прихожу к выводу, что постоянство типов внутри рас не подлежит никакому сомнению, и никакие изменения среды, какими бы глубокими и необратимыми они ни были, не в состоянии поколебать это постоянство до тех пор, пока не произойдет смешения одной ветви человеческого дерева с другой.

Таким образом, что бы ни говорили о единственности или множественности причин появления на земле рода человеческого, различные группы сегодня совершенно разделены, поскольку никакие внешние силы не могут соединить их вместе, привести к их ассимиляции.

Итак, нынешние расы представляют собой различные ветви одного или нескольких первородных и уже утерянных стволов, даже самые общие черты которых нам знать не дано. Эти расы, отличающиеся друг от друга внешними формами и пропорциями тела, строением черепа, внутренней конституцией, наличием или распределением волосяного покрова, цветом кожи и т. д., могут утратить свои главные признаки только в результате скрещивания.

Этого постоянства родовых признаков вполне достаточно для того, чтобы обеспечить глубокое несходство и неравенство, чтобы придать им силу естественных законов и применить к физиологической конституции народов те же различия, которые позже мы увидим в их нравственно–моральном характере.

Никто не станет отрицать, что этот серьезнейший и сложнейший вопрос окутан таинственным мраком, который скрывает причины — как физические, так и нематериальные. Некоторые причины, исходящие из области божественного, присутствие которых чувствует наш робкий ум, не имеющий никакого понятия об их природе, лежат в самой глубине мрака, окутывающего данный вопрос, и вполне вероятно, что движущие силы, через которые мы пытаемся найти ключ к тайне, являют собой всего лишь инструменты, внутренние пружины какого-то великого действия. Причины же всех вещей, всех движений, всех событий и фактов — это вовсе не бесконечно малые силы, как об этом часто шутят, но, напротив, они настолько мощны, настолько велики по сравнению с нашей слабостью, что мы можем только догадываться о них.

Человек пришел в этот мир недавно. Геология, руководствуясь в основном индуктивными методами, свидетельствует о его отсутствии во всех предыдущих формациях

25 Очевидно, что теперь предстоит пересмотреть точку зрения о народах Центральной Азии. Сегодня уже нельзя отрицать, что кровь желтых народов в той или иной степени перемешалась с кровью белых народов; в прошлом об этом не догадывались, но прежние взгляды пора изменить. Александр Гумбольдт в этой связи, имея в виду киргизов–казахов, упоминаемых Менандром Бизанским и Константином Порфирогенетом, сделал очень важное замечание: когда первый из этих авторов говорит о киргизской наложнице, подаренной тюркским каганом Дитубулом посланнику Земарху, которого в 569 г. отправил император Юстиниан II, он имеет в виду девушку–метиску. Дело в том, что дается точное описание турецких юных красавиц, так восхваляемых персами и не имевших ничего общего с монгольским типом.

земного шара; не находит она человека и среди ископаемых остатков прошлых эпох. Когда наши предки впервые появились на уже постаревшей земле. Бог, как сказано в Священных Книгах, поведал им, что они будут владеть ею и что все будет им подвластно. Это обещание владычества относилось скорее не к первым людям, а к их потомству, поскольку самые первые создания имели в своем распоряжении очень мало средств — и не только для того, чтобы властвовать над природой, но даже сопротивляться самым слабым ее силам. В прошлые времена под эфирным небом из земной и водной глубины выходили существа, более внушительные, нежели человек. Разумеется, большая часть гигантов исчезла в результате страшных потрясений, когда неорганический мир доказал свою мощь, никак не сравнимую с силой живой природы. Однако какое-то число этих монстров еще продолжало существовать. Слоны и носороги стадами бродили на всех широтах, даже мастодонт оставил следы своего пребывания в традициях американских аборигенов.

Этих приподнявшихся чудовищ было достаточно — более, чем достаточно, — чтобы внушить первым представителям человечества, наряду с боязнью и ощущением своей слабости, довольно трезвые сомнения относительно своего всевластия.

Оспаривать власть приходилось не только у зверей. В крайнем случае, с ними можно было сражаться, использовать против них хитрость за неимением силы и можно было не побеждать, но хотя бы избегать с ними встречи или убегать от них. Совсем иное дело — эта необъятная природа, которая со всех сторон окружала плотным кольцом первобытные группы людей и красноречиво напоминала им о своем непоколебимом всевластии. Продолжали действовать, хотя и не в той мере, что раньше, космические причины, за счет которых следует отнести древние потрясения. Более или менее сильные катаклизмы все еще нарушали топографию, изменяя взаимное положение суши и океана. То и дело поднимались моря и поглощали обширные пространства, то и дело из морских глубин извергались вулканы, выталкивая на поверхность горы, которые затем соединялись с континентами. Мир все еще находился в стадии работы, и знаменитое «Хорошо!», произнесенное Иеговой, не утихомирило его.

В такой ситуации отсутствие общего равновесия не могло не отразиться на атмосферных условиях. Жестокая борьба между землей, водой и огнем приводила к резким и неожиданным колебаниям влажности, засухе, холоду, жаре, а выделения из недр еще трепещущей от потрясений земли оказывали суровое воздействие на все живое. Все эти причины, потрясавшие мир и ввергающие его в страдания и катастрофы, усиливали давление природы на человека, и влияние среды и климата для наших предков было намного сильнее, чем сегодня. В своей книге «Рассуждения о революционных трансформациях земного шара» Кювье утверждает, что нынешнее состояние неорганических сил никоим образом не могло бы привести к подземным конвульсиям, близким по масштабу тем, которые имели место в далеком прошлом.

Эта облеченная ужасным могуществом природа могла и на человеческий род оказывать такое же влияние, какое она имела на остальной мир, но все это осталось в прошлом. Ее всемогущество настолько ослабло, что за долгую череду лет, равную примерно половине периода жизни человечества на земле, она не произвела таких трансформаций, сопоставимых с теми, что навсегда разделили человеческие расы²⁶.

Два момента не оставляют никаких сомнений — основные различия, которые разделяют ветви человечества, сформировались в первой половине периода нашей жизни на земле; и

26 Кювье. «Рассуждения о революционных трансформациях земного шара». А вот мнение барона Гумбольдта. «В эпоху, предшествующую появлению человеческой расы, воздействие земных недр на твердую и утолщающуюся земную кору, должно было изменить температуру атмосферы и превратить землю в среду обитания с условиями, близкими к нынешним тропическим, после того, как за счет солнечного излучения и охлаждения положение нашей планеты относительно центрального тела (солнца) начало почти исключительно определять климат на разных широтах. Именно в те доисторические времена упругие потоки, или вулканические силы земных недр, более мощные, чем сегодня, вырвались наружу через окисленную и еще не отвердевшую кору планеты» («Центральная Азия», том I, стр. 47).

чтобы определить время, когда в этой первой половине появились упомянутые физиологические различия, следует вернуться в эпохи, когда влияние внешних факторов было более активным, чем при нынешнем состоянии земного шара. И такой эпохой могла быть лишь та, в которую непосредственно происходило творение; она еще не отошла от последних катастроф, в ней еще ощущались их ужасные последствия.

Исходя из доктрины унитаристов, невозможно датировать разделение типов более поздним периодом.

Нельзя извлечь выгоду из случайных отклонений, которые порой наблюдаются у некоторых индивидов и которые, будучи постоянными и частыми, без сомнения, могли бы привести к появлению разновидностей, достойных нашего внимания.

Помимо таких феноменов, как наличие горба, были обнаружены и другие любопытные факты, которые на первый взгляд способны объяснить разнообразие рас. Например, Причард, излагая свидетельство Бейкера, рассказывает об одном человеке, чье тело, за исключением лица, было покрыто неким подобием панциря темного цвета, напоминающего густой и жесткий волосяной покров — нечувствительный, костистый и не выделявший крови при укальвании. В определенное время эта странная оболочка, достигнув толщины три четверти дюйма, отпадала, и на смену ей появлялась новая. От этого мужчины родилось четверо сыновей, похожих на отца. Выжил только один; но Бейкер, который видел его, когда тот был еще ребенком, не знает, дожил ли он до зрелого возраста. Бейкер приходит к заключению, что поскольку отец породил таких отпрысков, могла бы сформироваться особая семья, которая бы сохранила этот специфический тип, и что позже, по прошествии времени после забвения конкретных деталей, эту разновидность людей могли бы считать носителями специфических признаков человеческой расы.

Такое заключение допустимо. Только индивиды, столь отличные от человеческой породы, встречаются редко. Их потомство включается в общий порядок вещей, или цепочка обрывается в самом скором времени. Все, что отклоняется от естественного и нормального порядка, способно лишь заимствовать жизнь, но сохранять ее не может. Если бы это было не так, самые невероятные случаи давным-давно изменили бы основные физиологические условия существования человечества. Следует отметить, исходя из этих наблюдений, что одним из важнейших конститутивных условий таких аномалий является их преходящий характер, поэтому в такие категории нельзя включать шевелюру негра, его черную кожу, желтый цвет китайца, его широкое лицо и раскосые глаза. Все это постоянные признаки, в которых нет ничего аномального и которые, следовательно, не связаны со случайным отклонением.

А теперь подведем итог вышеизложенному.

Перед лицом трудностей самого распространенного толкования библейского текста, и возражений, обусловленных законом, который регулирует появление гибридов, невозможно категорическим образом утверждать множественность происхождения любого рода, в том числе человечества.

Поэтому ограничимся объяснением внутренних, т. е. глубинных, причин теми ярко выраженными различиями, постоянство которых, несомненно, представляет собой главенствующий характер, причем это постоянство не утрачивается и при скрещивании. Эти причины можно найти в «климатической энергии», которой обладает наша земля, по крайней мере, с тех пор, как на ней появились люди. Нет сомнения в том, что в ту эпоху неорганическая природа была намного могущественнее, чем когда-либо позже, в результате чего могли произойти этнические изменения, ставшие необратимыми. Возможно также, что существа, подвергшиеся в далекой древности этому устрашающему воздействию, приспособлялись к нему гораздо лучше, чем это могли бы сделать нынешние типы. Только что появившийся человек имел еще неустойчивые формы и, возможно, не принадлежал так явно ни к белой, ни к черной, ни к желтой расам. В таком случае отклонения, которые свели первородные признаки нашего рода к наблюдаемым ныне разновидностям, имели не больше преобразующих возможностей, чем их имеет, скажем, черная раса, чтобы превратиться в

белую, или желтая, чтобы слиться с черной. Исходя из этого предположения, Адам должен был быть одинаково похож на все сегодняшние человеческие типы или группы — они формировались вокруг него и удалялись друг от друга на расстояние, вдвое большее, нежели то, что отделяло его от каждой из этих групп. Так что же тогда сохранили представители разных рас от первобытного типа? Только самые общие признаки, составляющие и объединяющие человеческий род: некоторое сходство внешних форм, общих у самых далеких друг от друга групп, и возможность выражать свои мысли посредством артикулированных звуков, но ничего больше. Что же касается самых специфических признаков того первого типа, мы их утратили — как черные народы, так и народы с другим цветом кожи. Хотя все мы произошли от одного далекого предка, в результате разного рода обстоятельств мы получили то, что с тех самых пор составляет нашу собственную неповторимую природу. Итак, будучи потомками одновременно и первородной адамовой ветви и космогонической среды, человеческие расы имеют между собой очень мало общего. Правда, единственным подтверждением далекого родства можно назвать возможность порождать плодовых гибридов — и только. И ничего больше. В то самое время, когда разные условия среды определили каждой группе свой постоянный характер, свои постоянные внешние формы и черты, в том числе цвет кожи, эти же условия окончательно разорвали все узы первичного единства, которое с тех пор никак не влияет на этническое развитие. Таким образом, категорическое постоянство признаков и форм, подтверждаемое и гарантируемое самими древними историческими документами, служит печатью извечного разделения человеческих рас.

ГЛАВА XII

Каким образом расы разделились в физиологическом отношении, и какие разновидности они затем создали через посредство смешения. Неравенство рас в смысле силы и красоты.

Следует окончательно разобраться с вопросом космогонического влияния, поскольку в данной книге я буду пользоваться связанными с ним аргументами. Начнем с первого сомнения, которое пора рассеять: каким образом люди, живущие в одном месте по причине общего происхождения, могли подвергаться совершенно различным физическим воздействиям? Допустим, когда начали проявляться различия между расами, их общины были достаточно многочисленны, чтобы распространяться в места с иным климатом, но как случилось, что, преодолевая огромные трудности, например, непроходимые леса и болота, песчаные пустыни или снежные равнины, реки, озера и моря, они могли совершать путешествия, которые вряд ли по плечу цивилизованному человеку со всей его мощью? Чтобы ответить на подобные вопросы, рассмотрим, какими могли быть первые стоянки наших далеких предков.

Еще в далеком прошлом многие ученые, а позже такие серьезные исследователи, как Жорж Кювье, пришли к выводу, что для некоторых рас отправной точкой должны были служить горные системы. Так, белые люди, а также некоторые африканские племена, имевшие близкое нам телосложение, очевидно жили первоначально на Кавказе. Желтая раса скорее всего спустилась со снежных отрогов Алтая. В свою очередь, негры, относящиеся к прогнатическому типу, строили первые хижины на южных склонах Атласских гор, оттуда они и мигрировали; таким образом, в стародавние времена наиболее обжитыми были именно такие труднодоступные районы, где в таинственной тьме встречались бурные реки, пещеры, вечные снега, непроходимые ущелья, зато самое страшное и неизвестное для наших праотцов таилось на открытых равнинах, по берегам рек, озер и морей.

Как мне кажется, древние философы выдвинули такую теорию, а нынешние ученые подхватили ее в первую очередь потому, что для выживания в периоды великих при родных

катастроф люди должны были тянуться к вершинам, где их не могли достать наводнения. Однако это расширенное толкование сюжета о горе Арарат, возможно, применимое к эпохам, следующим за первобытными временами, т. е. к эпохам, когда большая часть земного шара была уже заселена, совершенно не подходит для того периода, когда человечество должно было появиться в относительно спокойных природных условиях, и заметим кстати, что указанное толкование противоречит идее о единстве человеческого рода. Кроме того, горы всегда, с самых незапамятных времен, внушали глубокий страх и суеверное поклонение. Именно в горах пребывали мифологические боги. Собrania греческих и брахманских богов происходили на покрытой вечными туманами вершине Олимпа и на горе Меру; на вершине Кавказа Прометей страдал от таинственного наказания за еще более таинственное преступление; если бы люди с самого начала обитали в таких высокогорных убежищах, вряд ли воображение вознесло бы их до самого неба. Трудно обожествлять то, что вы видели, хорошо узнали и попирали ногами; для горных жителей обитель божественных существ находилась бы в глуби вод и на равнинах. Следовательно, я склоняюсь к противоположной мысли — я полагаю, что свидетелями первых шагов человека были открытые и ровные места. Впрочем, об этом говорится и в Библии; теперь, когда мы установили первое место пребывания человека, вопрос о миграции решается намного проще, потому что ровные участки местности, обычно пересекаемые реками, выходят к морю, и больше не стоит ломать голову над тем, как предки преодолевали леса, пустыни и болота.

Есть два вида миграции или переселения: добровольная и вынужденная. Первый случай не имеет никакого отношения к периоду, о котором идет речь в Книге Бытия. Второй более подходит для дикарей — неосторожных, неловких и неопытных, — нежели для развитых народов. Достаточно одной семьи, уместившейся на плоту — несколько несчастных, застигнутых морской стихией, цепляющихся за стволы деревьев и подхваченных течением, — чтобы говорить о далеком переселении. Чем слабее человек, тем чаще он служит игрушкой неорганических сил. Чем меньше у него опыта, тем больше он подчиняется случаю, которого он не может ни предвидеть, ни избежать. Известны почти невероятные примеры того, как представители нашего рода путешествовали, помимо своей воли, на большие расстояния. Например, в 1696 г. две пироги с тремя десятками дикарей племени анкорсо — мужчин и женщин — были застигнуты непогодой и после долгого дрейфа оказались на одном из Филиппинских островов, Самале, отстоящем на три сотни лье от места, откуда они отправились в плавание. Другой пример: четверо людей из племени улеа, находившихся в лодке, были подхвачены бурей, в течение восьми месяцев скитались по морю, и наконец их прибило к острову Радак на восточной оконечности Каролинского архипелага; они совершили вынужденное путешествие длиной в 550 лье. Несчастные питались исключительно рыбой и пили бережно собираемые капли дождя. Когда дождей не было, они ныряли в глубину и пили морскую воду, которая, как говорят, там менее соленая. Конечно, по прибытии на Радак путешественники находились в плачевном состоянии, однако они быстро пришли в себя.

Двух этих примеров достаточно, чтобы согласиться с возможностью быстрого переселения некоторых групп в места с совершенно другими климатическими условиями. Однако если нужны еще доказательства, можно указать на легкость, с какой насекомые, панцирные, растения распространяются повсюду, и нет нужды доказывать, что для них это более сложная задача, чем для человека²⁷. Земноводные панцирные попадают в море в результате разрушения скал, затем течение выносит их на далекие отмели. Зоофиты, прикрепленные к раковине моллюсков или сбросившие свои почки в океан, далеко уносятся ветром и формируют колонии; и те же самые деревья неизвестных видов, те же самые разные

27 Гумбольдт не считает эту гипотезу применимой для растений. «То, что нам известно о пагубном воздействии, которое морская вода на протяжении 500—600 лье оказывает на плодovitость большинства семян, не говорит в пользу слишком обобщенной системы о миграции растений за счет пелагических течений» («Критический взгляд на историю географии Нового континента», т. II, стр. 78).

столбы, которые в XV столетии рухнули на берегах Канарских островов и служили пищей для размышлений Христофора Колумба, способствовали открытию нового мира и, возможно, несли на своей поверхности яйца насекомых, которые давали потомство далеко от места своего рождения, от родной земли.

Таким образом, первые человеческие общины без труда могли привыкнуть к любому климату, к любому месту проживания. Кстати, в наше время, при нынешнем состоянии земного шара, вовсе не расстояние определяет разницу в климате, в частности, что касается температуры. Не говоря уже о горных районах, например, Швейцарии, где в пределах одного–двух лье атмосферные и почвенные условия разнятся настолько, что в некоторых местах можно встретить смешение лапландской флоры и растительности, характерной для Южной Италии; то же самое можно сказать об Изола–Мадре, где на берегу озера Мажор, под открытым небом, растут апельсиновые деревья, большие кактусы и карликовые пальмы, которые видны с нашего западного побережья, хотя всем известно, насколько климат Нормандии более суровый, чем на острове Джерси. Если взять этот небольшой треугольник и абстрагироваться от ссылок на орографию, западный берег Франции являет собой удивительный контраст с точки зрения разнообразия растительности ²⁸.

А какими должны были быть контрасты на ограниченном пространстве в те жуткие времена, на которые приходится рождение человечества! На небольшой территории разыгрывались великие атмосферные революции, когда море отступало или, напротив, наступало; когда затопляло или, наоборот, иссушало соседние земли, когда горы поднимались — внезапно, беспорядочно громоздясь огромными массами, — или же опускались до уровня окрестной суши; когда, наконец, бурные колебания земной оси и, следовательно, общего равновесия планеты, т. е. изменения положения полюсов относительно эклиптики, сотрясали всю земную систему.

Таким образом, приходится отвергать все возражения, обоснованные тем, что в начальную эпоху существования мира вряд ли могли происходить изменения рельефа и температурного режима, и есть все основания считать, что первобытные человеческие семьи могли рассеиваться на большие расстояния и равным образом могли собираться вместе на ограниченной территории, где они подпадали под влияние очень многочисленных факторов. Именно таким путем могли формироваться вторичные типы, от которых произошли нынешние ветви нашего рода. Что касается человека, так сказать, первого поколения, т. е. ближайшего потомка Адама, у нас нет возможности сказать что-либо достоверное о его специфических признаках и определить, насколько похожи или не похожи на него представители каждой из новых групп, так что оставим его в покое. Поэтому наше исследование будет ограничено расами второй формации.

Таких характерных рас я насчитываю три. белую, черную и желтую ²⁹. Если я

28 Александр Гумбольдт такими словами излагает суть этого вопроса «Основой климатологии служат точные знания о неравномерности поверхности континента. Без этих гипсометрических знаний поднятие суши пришлось бы объяснить воздействием других причин, которые в низменных районах, где рельеф почти повторяет поверхность океана, влияют на кривизну изотерм (т. е. на линии одинаковой летней температуры)» («Центральная Азия», т. III, стр. 23) Обращая внимание на множество факторов, влияющих на температуру данной географической точки, великий берлинский ученый подводит читателя к мысли о том, что в расположенных близко друг к другу местах и независимо от отметки суши образуются очень разные климатические условия. Так, в Ирландии, в ее северо–восточной части на берегу Глекарка, есть место, где в отличие от окружающей местности произрастает мирт, такой же роскошный, как в Португалии, причем это место находится на широте Кенигсберга в Пруссии. «Зимой здесь бывают очень слабые морозы, однако летнего тепла недостаточно, чтобы выращивать виноград. Болота и небольшие озера на Фарерских островах не покрываются зимой льдом несмотря на то, что острова располагаются на 62 широте. В Англии, на берегах Девоншира мирт, японская камелия и т. п. легко переносят зиму».

29 В свое время я объясню, почему я не включаю краснокожих дикарей Америки в число чистых первородных типов. Я уже в какой-то степени высказал свое мнение на сей счет на предыдущих страницах. А теперь присоединюсь к мнению господина Флуренса, который также делит человечество на три основные группы европейскую, азиатскую и африканскую. Как мне кажется, эта терминология уязвима для критики, но по сути она правильная.

использую термины, основанные на цвете кожи, это не значит, что они представляются мне удачными, так как три категории, о которых идет речь, в качестве отличительного признака имеют не цвет, содержащий много оттенков; выше было отмечено, что существуют и другие более важные признаки. Но вместо того, чтобы изобретать новые названия, на что я вряд ли имею право, я предпочитаю выбрать в списке распространенных терминов те, которые будут если не идеальными, то хотя бы менее неудачными, чем другие — иными словами я предпочитаю именно эти, достаточно безобидные, вместо того, чтобы использовать названия, заимствованные из географии или истории, которые внесли столько беспорядка в вопрос сам по себе достаточно запутанный. Итак, я еще раз подчеркиваю, что «белыми» я называю людей, которых обычно причисляют к кавказской, семитской расам или расам Иафета. Черные — это хамиты; желтые — алтайцы, монголы, финны, татары. Это и есть три чистых и первородных элемента, из которых состоит человечество. Так что нет нужды предполагать двадцать восемь разновидностей, как это делает Блюменбах, или семь, как считает Причард: оба включают в свою классификацию гибридов. Возможно, ни один из трех первичных типов по своей сущности не представляет собой совершенного единства. Великие космогонические причины сотворили не только четко выраженные разновидности одного рода — в той мере, в какой осуществлялось их действие, они определили в каждой из трех основных разновидностей появление нескольких видов, которые, помимо общих признаков, обладали специфическими отличительными характеристиками. Эти варианты появились без вмешательства механизма межэтнического скрещивания: они исконно существовали во всех брачных союзах. Таким образом, сегодня напрасно искать их в смешанной совокупности, которую называют белой расой. Точно так же невозможно найти их в желтой расе. Возможно, чистым сохранился меланийский тип; по крайней мере, в нем осталось больше первичного, и его существование доказывает то, что в отношении двух других категорий человечества мы можем предполагать, исходя не из нашей интуиции, но из свидетельств истории.

Негры продолжали демонстрировать различные первичные разновидности, например, прогнатический тип с курчавыми волосами, или тип темнокожего индуса из Камауна и Декана, или тип полинезийского пелагийца. Скорее всего разновидности сформировались между этими видами за счет смешения; именно этим объясняются так называемые третичные типы как у темнокожих, так и у белых и желтых.

Существует весьма интересный факт, который сегодня служит надежным критерием степени этнической чистоты любой популяции. Речь идет о сходстве лиц, форм, конституции, жестов, осанки. Чем меньше смешанных союзов в нации, тем больше у ее представителей перечисленных выше признаков сходства. И напротив, чем сильнее она перемешана, тем больше в ней различий, что касается внешности, роста, осанки и, наконец, индивидуальности. Этот факт не вызывает сомнения и имеет очень важные последствия, однако это еще не все.

Первый вывод из этого факта имеет отношение к полинезийцам; дело в том, что полинезийцы — не чистая раса, т. к. они произошли от смешения белых и желтых. Следовательно, перенос всей совокупности признаков типа на различных ее представителей не указывает на чистоту расы, а лишь свидетельствует о следующем: элементы, более или менее многочисленные, из которых состоит эта раса, перемешались настолько, что их комбинация, в конце концов, превратилась в нечто однородное, а поскольку каждый представитель вида не имеет в своих жилах другой крови, кроме крови соседа, он ничем не отличается от последнего в физическом смысле. Точно так же, как братья и сестры часто похожи друг на друга, что вполне естественно, так и смешение двух рас—производительниц бывает настолько полным, что по закону равновесия образуется некий искусственный тип, обладающий признаками чистоты, и его печать лежит на всех рожденных от него.

Таким образом, третичный тип, формирование которого я проследил, мог очень рано приобрести признаки, которые ошибочно приписывали абсолютной и настоящей расовой чистоте, т. е. сходство индивидуальных характеристик, и это могло произойти в течение

очень короткого периода, тем более, что две разновидности одного типа относительно мало отличались друг от друга. Именно в силу этой причины случается, что если в семье отец не принадлежит к нации матери, дети будут похожи либо на одного, либо на другого родителя, и у них будет трудно определить идентичность физических признаков; между тем, если оба родителя вышли из одной национальной группы, эта идентичность будет хорошо заметна.

Прежде чем двигаться дальше, напомним одну важную закономерность: скрещивание приводит не только к слиянию двух разновидностей. Оно создает новые признаки, которые с этого момента становятся важнейшей характеристикой данного подвида. Примеры я приведу позже. А пока замечу следующее: нет нужды повторять саму собой разумеющуюся истину, что формирование этой новой общности может произойти окончательно только при условии предварительного слияния формообразующих типов, без чего третичная раса не состоится. Следовательно, для этого требуется время, и тем больше времени, чем больше численность сливающихся наций. До тех пор, пока смешение не будет полным и пока не установятся сходство и физиологическая идентичность отдельных признаков, нельзя говорить о новом подвиде, о появлении специфической общности, хотя и состоящей из разных элементов; бывает только неупорядоченное слияние, обусловленное незавершенным слиянием элементов, по своей сути чуждых друг другу.

У нас весьма смутное историческое представление о третичных расах. Мы можем лишь представить раннее развитие белокожей расы в тот период, который на всех широтах продолжался не очень долго. Цивилизаторские склонности этой «элитарной» расы постоянно подталкивали ее к смешению с другими народами. Что касается двух других типов — желтокожего и темнокожего, — об их «третичном» периоде нет никаких исторических свидетельств, поскольку они были дикарями³⁰.

За «третичными» расами следуют другие — назовем их по аналогии с вышеизложенным «четвертичными». Они являются плодом соединения двух крупных разновидностей. Полинезийцы как результат смешения желтого типа с черным, мулаты, рожденные от союза белых и черных, — вот элементы, составляющие «четвертичный» тип. Не стоит повторять еще раз, что новый тип более или менее полно объединяет в себе признаки, характерные для всех рас двойного происхождения.

Поскольку «четвертичная раса» также претерпела изменения в результате вмешательства нового типа, очень трудно определить в точности ее составные части и классифицировать их. Первичные признаки, или элементы, вошедшие в полученный состав, которые уже ослаблены в значительной мере, нейтрализуются все больше и больше. Они имеют тенденцию к исчезновению внутри смеси, которая и становится главной особенностью нового продукта. Чем больше размножается и скрещивается этот новый продукт (сиречь тип), тем сильнее выражается такая тенденция, и ей не видно конца. Население, формирующееся при этом, слишком увеличивается, чтобы в течение обозримого периода могло установиться равновесие. Оно являет собой жуткое зрелище этнической анархии. В отдельных людях часто встречается такая доминирующая черта, которая недвусмысленно напоминает о том, что в жилах этих людей (этого населения) течет кровь из всевозможных источников. У одного негритянская шевелюра, у другого монгольский тип лица, у одного глаза, характерные для германского типа, у другого рост семита. К тому же все

³⁰ Карус убедительно подтверждает справедливость закона, выдвинутого мною в отношении специфической способности цивилизаторских рас к смешению, когда он подчеркивает исключительное разнообразие усовершенствованного человеческого организма и простоту микроскопических корпускул, которые занимают низшую ступень бытия. Он выводит из этого следующую аксиому: «Всякий раз, когда между элементами органического целого имеет место максимально возможное сходство, их состояние нельзя считать высшим выражением полного развития, потому что речь здесь идет о примитивной и элементарной стадии». Впрочем, в другом месте он добавляет «Самое большое разнообразие, т. е. максимально возможное неравенство составных частей в сочетании с самым полным единством их совокупности всегда служит мерой совершенства любого организма». В политическом смысле это состояние общества, в котором правящие классы, организованные в четкую иерархию, совершенно отличаются этнически от народных масс.

они произведут новое потомство! Вот что представляют собой крупные цивилизованные нации, и этот феномен бросается в глаза особенно в их портовых городах, их столицах и колониях — там, где слияние происходит скорее всего. В Париже, Лондоне, Кадиксе, Константинополе, не выходя за пределы города и ограничиваясь наблюдением за так называемым местным населением, вы увидите признаки, относящиеся ко всем ветвям человеческого древа. У представителей низших классов вы найдете все — от «прогнатической» формы головы негра до скуластого лица и раскосых глаз китайца, потому что с незапамятных времен, главным образом с эпохи римского владычества, расы, самые далекие друг от друга, внесли свою толику крови в жителей наших больших городов. Следующие друг за другом нашествия, торговля, образующиеся колонии, чередование периодов мира и войны способствовали нарастанию беспорядка, и если бы было возможно взобраться немного выше по генеалогическому дереву первого появившегося в том или ином месте человека, пришлось бы немало удивляться отличию его от своих предков ³¹.

Итак, мы определили физические различия между расами, теперь остается решить, связан ли этот факт с неравенством — будь то в красоте форм или в физической силе.

Я уже отмечал, что из всех человеческих групп самыми красивыми являются те, которые принадлежат к европейским нациям и их потомству. Чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно сравнить различные типы на земном шаре, начиная с телосложения и внешности, которые до некоторой степени представляют рудиментарные признаки пелагической расы, до высокого роста и благородных пропорций Карла Великого, до удивительной соразмерности лица Наполеона, до величественности, которой дышит царственный облик Людовика XIV; существует ряд ступеней, по которым народы, не имеющие в жилах крови белой расы, могут подниматься к высотам красоты, никогда не достигая их.

Ближе всех стоят к ним наши ближайшие сородичи — выродившееся арийское семейство Индии и Персии и семитское население, менее всего затронутое контактами с черной расой ³². По мере того, как все эти расы удаляются от «белого» типа, черты их лиц и строение тел претерпевают отрицательные изменения, особенно это касается пропорций, которые, все больше накладываясь друг на друга и усиливая друг друга, в конце концов приводят к удивительному уродству, столь явно запечатленному во многих человеческих ветвях. Так что не стоит принимать всерьез учение, подхваченное Гельвецием в его книге «Дух», согласно которому понятие красоты есть идея чисто субъективная и не постоянная. Пусть читатели, у которых еще остались сомнения на сей счет, возьмут в руки превосходный труд Джиоберти «Эссе о прекрасном». Никто не продемонстрировал лучше, чем он, что прекрасное есть абсолютная и необходимая идея, которая не может иметь факультативное приложение; и именно благодаря принципам, солидно обоснованным пьемонтским философом, я без колебаний признаю превосходство белой расы над остальными, что касается красоты; впрочем, все остальные различаются в этом смысле между собой в той мере, в какой они приближены или удалены от модели. Следовательно, существует неравенство в красоте человеческих типов или групп — неравенство логичное, доказанное, постоянное и безусловное.

А как обстоит дело с неравенством в физической силе? Нет сомнения в том, что дикари Америки, так же как и индусы, намного уступают нам в этом отношении. В ту же категорию следует включить австралийских аборигенов. У негров тоже меньше мышечной силы, о чем

31 Физиологические признаки разных предков проявляются в потомстве согласно четким законам. Так, в Южной Америке дети от смешанного брака белого мужчины и негритянки в первом поколении могут иметь прямые и мягкие волосы, но в любом случае во втором колене проявится курчавость (А Орбиньи «Человек американский»; т. I).

32 Следует отметить, что самыми красивыми из метисов можно назвать детей, рожденных от браков белых с черными. Стоит лишь поставить рядом очаровательных мулаток и квартернонок с отпрысками желтокожих и белых, например, с русскими и венгерскими женщинами и сравнение будет не в пользу последних.

свидетельствуют многочисленные путешественники. Все эти народы отличаются гораздо меньшей выносливостью. Но есть разница между чисто мышечной силой, которая концентрируется в определенный момент, и выносливостью, т. е. силой, распределенной во времени и имеющей длительный характер. Это последнее качество более типично, чем первое, которое можно встретить даже у заведомо слабых рас. Тяжесть кулака, если брать это как единственный критерий силы, можно констатировать у диких негроидных народов, у недалеких умом новозеландцев, у ласкаров, у малайцев не в меньшей степени, нежели у англичан; между тем, если взять какую-то нацию в ее массе и судить о ней по тяжелым работам, которые могут выдержать ее представители, пальма равенства принадлежит народам белой расы.

Но даже среди этих народов имеет место неравенство между разными группами, что касается и силы и красоты, хотя оно выражено не так явно. Итальянцы более привлекательны, чем немцы, швейцарцы, французы или испанцы. Также и англичане превосходят по красоте тела славян.

Что до силы кулака, англичане выше всех прочих европейских народов, а французы и испанцы отличаются большей выносливостью в физических упражнениях, в лишениях, по отношению к самым суровым климатическим условиям. Французы показали это свойство во время роковой кампании в России. Там, где немцы и солдаты северных стран, привычные к низким температурам, погибли почти без остатка под снегом, наши полки, хотя и заплатили безмерную дань трагическим обстоятельствам отступления, сумели сохранить людей. Кто-то объяснял этот факт высоким уровнем морального воспитания и боевого духа. Однако объяснение это малоубедительно. Немецкие офицеры, погибавшие сотнями, имели не меньше понятия о воинском долге, чем наши солдаты. Отсюда вывод: французы отличаются определенными физическими качествами, более высокими, чем у немцев, благодаря которым они пережили и российские снега, и обжигающие пески Египта.

ГЛАВА XIII

Человеческие расы не равны по интеллекту; человечество не может совершенствоваться до бесконечности.

Чтобы лучше понять интеллектуальные различия между расами, в первую очередь следует определить, до какой тупости может опуститься человечество. Мы уже знаем, каких высот оно может достичь — я имею в виду цивилизацию.

До сих пор у большинства ученых прослеживалась явная тенденция утрированно принижать неразвитые расы. В первых сведениях о диких племенах краски были сгущены до предела: дикарям приписывали такую немощь ума и способности рассуждать, которая ставила их на одну ступень с обезьяной и немного выше слона. Справедливости ради скажем, что были и прямо противоположные описания. Если путешественник встречал теплый прием на каком-нибудь острове, если он замечал у жителей мягкость нравов и радушие, видел дикарей, которые могли выполнять кое-какую несложную работу и помогать матросам, тут же на аборигенов, как из рога изобилия, сыпались похвалы: их называли способными, восприимчивыми, талантливymi, и порой этот энтузиазм переходил все границы.

Иными словами, крайности были и с той и с другой стороны. Если некоторые жители Таити помогали отремонтировать парусную оснастку китобойного судна, нельзя только по этой причине считать весь народ способным к цивилизации. Если какой-то дикарь с острова Тонга-Табу благожелательно отнесся к чужеземцам, он не обязательно способен усвоить прогресс; точно так же нельзя низводить до стадии зверя аборигена с глухого побережья только за то, что он встретил стрелами первых пришельцев или за то, что те увидели, как он ест сырых ящериц и земляные лепешки. Разумеется, такая трапеца не

свидетельствует о выраженном интеллекте или о прогрессивных нравах. Но я уверен в том, что в самом отвратительном каннибале осталась искорка божественного огня, и из нее в определенный момент может зажечься разум. Нет таких дикарей на земле, у которых не имелось бы хоть каких-то, пусть самых примитивных, суждений об окружающих их вещах — суждений истинных или ложных, справедливых или ошибочных, но уже сам факт их наличия в достаточной мере доказывает, что искры разума не лишены все ветви человеческого рода. По этой причине самые отсталые дикари способны воспринять религию, отличаясь этим от самых умных животных.

Однако может ли зародыш одухотворенности, скрытый в глубине сознания каждого представителя нашего рода, развиваться до бесконечности? Все ли люди в одинаковой степени обладают неограниченной способностью к интеллектуальному развитию? Поставим вопрос по-иному, обладают ли различные человеческие расы интеллектуальной силой, равняющей их друг с другом? В сущности, это вопрос о безграничной способности рас к совершенствованию и об их равенстве. Мой ответ категоричен, ни в коем случае.

Идея бесконечного совершенствования весьма соблазняет наших современников, они приводят в качестве доказательства следующее, наша цивилизация имеет такие достоинства и такие успехи, каких не было у наших предшественников. При этом перечисляются все факты, кои характеризуют наши общества. Я о них уже говорил, но охотно повторю сказанное еще раз.

Нас уверяют, что в области наук мы имеем самые разнообразные познания, что наши нравы в целом мягкие, а мораль превосходит моральные принципы древних греков и римлян. Что же касается политической свободы, продолжают убеждать нас, мы имеем идеи, чувства, мнения, убеждения, терпимость, которые лучше всех прочих фактов доказывают наше превосходство. Нет недостатка в прекраснодушных теоретиках, считающих, что наши общественные институты открывают нам прямую дорогу в сад Гесперид, столь долго разыскиваемый и никогда не находимый с тех пор, как древние мореходы засвидетельствовали его отсутствие на Канарских островах.

Конец таким неумеренным претензиям может положить более или менее серьезное знакомство с историей.

Это правда, что мы обладаем большей ученостью, чем древние, но ведь мы использовали их открытия. Если у нас больше знаний, так это лишь потому, что мы являемся их продолжателями, учениками и наследниками. Следует ли из этого, что открытие возможностей пара и решение нескольких задач в области механики ведут нас к всезнанию? Более того: откроют ли эти успехи все тайны материального мира? После того, как мы завершили это победное шествие, для успеха которого надо сделать очень и очень много шагов, еще даже не обдуманых нами, сумеем ли мы перешагнуть этап чистой констатации физических законов? Нам предстоит — и мне очень хочется этого — намного увеличить наши силы и возможности, чтобы лучше понимать природу и заставить ее служить нашим нуждам. Нам еще предстоит исследовать землю вдоль и поперек или честно признать, что это невозможно. Нам следует обратиться к небу и, приблизившись на несколько тысяч метров к пределам атмосферы, решить многие задачи астрономии. Тем не менее, это не подвинет нас к бесконечности. Даже сосчитав все планетарные системы, которые движутся в пространстве, станем ли мы ближе к этой бесконечности? Разве мы узнали о великих тайнах этого мира нечто такое, что не было известно древним? Мне представляется, что мы лишь изменили методы, которыми пользовались до нас, чтобы пробиться к тайне. Но мы не сделали ни одного шага вперед в окружающей нас тьме.

А если допустить, что мы лучше понимаем отдельные факты, то, сколько же мы утратили понятий, хорошо известных нашим далеким предкам! Нет никакого сомнения в том, что во времена Авраама о первых исторических событиях знали больше, нежели знаем мы. Как много открытий сделано нами — либо с большими усилиями, либо совершенно случайно, — которые, в конечном счете, оказались забытыми и вновь найденными знаниями! Во многих областях мы просто отстаем от наших предков! Что мы можем поставить из своих

самых блестящих достижений рядом с теми чудесами, которые являют нам Египет, Индия, Греция, Америка и которые свидетельствуют о безграничном величии других памятников, исчезнувших в веках — причем в большей степени в результате нелепых и разрушительных действий человека, нежели времени! Что значат наши искусства рядом с искусством Афин? Что значат наши мыслители в сравнении с философами Александрии и Индии? Чем могут похвастать наши поэты перед Вальмики, Калидасой, Гомером, Пиндаром?

Мы идем другим путем. Мы употребляем наш разум на иные цели, иные исследования, отличные от целей и задач остальных цивилизованных групп человечества; но, изменяя почву, мы не сумели сохранить плодородие земель, возделываемых до нас. Т. е. наши завоевания сопровождаются поражениями. Итак, налицо слабое утешение — вместо прогресса мы отклоняемся в сторону. Чтобы можно было говорить об истинных приобретениях, необходимо, чтобы, сохранив во всей целостности главные богатства прежних обществ, мы смогли бы рядом с их достижениями поставить некие крупные завоевания, к которым равным образом стремились и мы и они; чтобы наши науки и наши искусства, опирающиеся на их науки и искусства, обнаружили новые глубины в царстве жизни и смерти, новые знания о возникновении живых существ и главнейшие принципы миропорядка.

Однако во всех этих вопросах современная наука уже не проявляет той пронизательности, которая отличала — по крайней мере, есть основания считать так — античные времена. Наша наука пришла самостоятельно только к следующему огорчительному признанию: «Я ищу и не нахожу». Поэтому нет реальных достижений в интеллектуальных завоеваниях человека. Разве что наша критика стоит гораздо выше, чем у наших предшественников. Это немаловажно, но критика предполагает классифицирование, а не приобретение.

Что касается наших якобы новых мыслей о политике, можно смело отнести на их счет еще большую разбросанность, чем в наших науках.

Великое множество теорий, коим мы любим хвастать, имело место и в Афинах после Перикла. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать те комедии Аристофана — сатирические гиперболы, — которые Платон рекомендовал всякому, пожелавшему ознакомиться с общественными нравами города Минервы. Впрочем, такую аналогию перестали проводить с тех пор, как появилось мнение, что огромное различие между нашим нынешним общественным порядком и состоянием Древней Греции заключается в факте рабства. Однако от этого демагогия сделалась еще более явственной. В ту эпоху к рабам относились точно так же, как сегодня относятся к пролетариям, и вспомним, как старались афиняне понравиться своему плебсу после битвы в Аргинузах.

Обратимся теперь к Риму и возьмем письма Цицерона. Каким идеальным умеренным «тори» выглядит этот римский оратор! Как похожа римская республика на наши конституционные государства, что касается партийных дебатов и парламентских битв! В Древнем Риме в недрах общества также волновалось население, состоящее из обремененных рабов, в которых бунт был всегда — если не в кулаках, то в душе. Но довольно об этом сбросе, тем более, что закон не признает за ними факта гражданского существования, он ничего не решал в политике и выходил на сцену только в дни волнений по наущению возмутителей спокойствия, рожденных свободными гражданами.

Что же мы имеем в результате? Если исключить рабов, посмотрим на людей, собиравшихся на Форуме — похоже ли их собрание на современный общественный порядок? Толпа, требующая хлеба, развлечений, дармовых денег и права наслаждаться; буржуазия, стремящаяся к разделу государственных должностей; патриции, подверженные постоянной трансформации и постепенно теряющие свои права вплоть до того момента, когда даже их сторонники в качестве единственной защиты согласились на отказ от всех привилегий и стали требовать одну вещь — свободу для всех.

Разве в хаосе нынешних взглядов и мнений, разнообразных до предела, встречается хоть одно-единственное, которое не высказывалось бы в Риме? Я упоминал письма из

Тускулума и назвал их выражением мнения прогрессивного консерватора. В сравнении с Суллой Помпей и Цицерон были либералы. Для Цезаря они были недостаточно либеральны. Для Катона либерализма в них было чересчур много. Позже, в годы принципата, мы увидим в Плиний–Младшем умеренного роялиста и сторонника порядка и спокойствия Он против избытка свободы и избытка власти и, будучи позитивным в своих доктринах, он сторонится рухнувшего величия эпохи Фабия, предпочитая ему прозаическое правление Траяна. Между тем так полагали не все. Многие, опасаясь нового Спартака, считали, что император должен быть твердым. Напротив того, провинциалы требовали и получали то, что мы называем сегодня «конституционные права», между тем социалисты видели своего глашатая ни в ком ином, как в галльском «цезаре» Юнии Постуме, который часто восклицал: «Богатые и бедные всегда враги!».

Короче говоря, всякий, кто имел мало–мальские претензии на участие в спектакле эпохи, отстаивал равенство всех людей, всеобщее право владеть благами этой земли, необходимость греко–латинской цивилизации, необходимость ее совершенствования и смягчения с тем, чтобы ее будущие успехи превзошли нынешние, а в конце концов речь шла об ее увековечивании. Такие идеи представляли собой не только утешение и гордыню язычников — они отражали глубокую надежду первых из самых известных отцов Церкви, выразителем мыслей которых был Тертуллиан.

Наконец, завершая картину, заметим, что самой многочисленной партией была партия равнодушных — людей слишком слабых, слишком брезгливых и боязливых или слишком нерешительных, чтобы разглядеть истину в ворохе разношерстных теорий, постоянно мелькавших перед глазами; эти люди использовали для своей выгоды порядок, когда он существовал, поддерживали — явно или неявно — беспорядок, когда он наступал, во все времена восхищались материальными достижениями, неизвестными их отцам, и, не желая размышлять и ломать голову, утешались благополучием сегодняшним.

Возможно, у нас было бы больше оснований верить в прогресс политических наук, если бы мы изобрели какие–то механизмы, неизвестные до нас или не использовавшиеся прежде. Увы, сия слава миновала нас. Ограниченные монархии существовали во все времена. Такие примеры можно отметить даже у некоторых американских народов, оставшихся, впрочем, варварами. Демократические и аристократические республики всех типов и форм были и в новом свете, и в старом. В этом отношении Тласкала являет собой типичный образец так же, как Афины, Спарта и Мекка до Магомета. Хотя правда в том, что мы несколько усовершенствовали науку правления, но этот штрих не может служить основанием рассчитывать на бесконечный прогресс. Так не лучше ли оставаться скромными и следовать словам самого мудрого из царей: «Нет ничего нового под солнцем».

Замечу в качестве отступления следующее. Иногда считают правление в Соединенных Штатах Америки чем–то оригинальным, уникальным и присущим нашей эпохе, причем самым замечательным в этой системе считают инициативу и ограничение даже простого вмешательства правительства или административных институтов в жизнь общества. Если внимательно присмотреться к изначальным формам всех государств, основанных белой расой, мы увидим ту же картину Самоуправление — это не изобретение Нью–Йорка оно существовало еще в Париже в эпоху франков. Хотя отметим справедливости ради, что американцы обращаются с индейцами более бесчеловечно, чем обращались с галлами вассалы Хлодвига. Однако следует учесть, что этническая дистанция между просвещенными республиканцами Нового Света и их жертвами гораздо больше, чем между победителями–германцами и побежденными.

Позже, когда мы обратимся к размышлениям об истоках арийских обществ, мы увидим, что все они начинались с чрезмерной независимости от магистрата и от закона.

Как мне представляется, все новинки в области политической мысли ограничиваются двумя крайностями, представленными двумя народами, один из которых живет на северо–востоке Европы, другой — в областях, прилегающих к Нилу, на крайнем юге Египта. Правители первого, обитавшие возле Казани, имели привычку отправлять на виселицу

мыслящих в качестве профилактической меры. Об этом пишет арабский путешественник Ибн Фозлан.

У другой нации был такой обычай когда царь больше не устраивал родичей и министров, они объявляли ему об этом и добавляли, что поскольку он не нравится «мужчинам, женщинам, детям, быкам, ослам и т. д.», самое лучшее для него — умереть и тут же помогали ему в этом.

Пора обратить взор на наши нравы. Их считают более мягкими, чем в остальных крупных человеческих обществах — вот еще одно утверждение, уязвимое для критики.

Есть риторики, которым хотелось бы сегодня, чтобы из правовых норм государств исчезла война как политический инструмент. Эту теорию они позаимствовали у Сенеки. На Востоке были мудрецы, которые проповедовали на этот счет идеи, совпадающие с понятиями моравских братьев. Но даже если приверженцы всеобщего мира сумеют отвратить Европу от оружия, им придется потратить много усилий для того, чтобы навсегда изменить человеческую природу со всеми человеческими страстями. Ни Сенеке, ни брахманам это не удалось. Сомнительно, что такая миссия под силу нам. Стоит лишь посмотреть на наши поля и улицы, где льется кровь.

Мне бы также хотелось видеть наши принципы чистыми и возвышенными. Но как обстоит дело в действительности?

Наши страны с начала современной цивилизации не могли прожить и пяти десятков лет без кровопролития в отличие от Италии римской эпохи, которая наслаждалась двумя столетиями мира; впрочем, это осталось, как ни печально, в прошлом.

Следовательно, состояние нашей цивилизации не свидетельствует о стремлении человечества к совершенствованию. Человек научился многим вещам и одновременно многие забыл. Он не прибавил ни одного чувства к уже имевшимся, ни одного члена к своему телу, ни одной способности к своей душе. Он всего лишь перешел на другую сторону выпавшего на его долю круга, а сравнение его участи с участью многих видов птиц и насекомых не дает повода для утешительных мыслей относительно его счастливого будущего.

В тот самый момент, когда были сотворены термиты, пчелы, черные муравьи, они инстинктивно нашли образ жизни, подходивший им. Термиты и муравьи внутри своих сообществ вначале нашли способ сооружения жилищ, источники пищи и систему сохранения яиц для воспроизводства, и натуралисты считают, что с тех пор все это не претерпело ни изменения, ни совершенствования. Так же и пчелы со своим монархическим правлением, которое знает случаи свержения монарха, но не знает социальных революций, ничуть не изменили своему образу жизни, удобному их природе. Метафизики раньше называли животных машинами и приписывали Богу причину их движения или «*anima brutorum*». Если сегодня внимательно присмотреться к нравам этих так называемых автоматов, придется не просто отказаться от этой вредной гипотезы, но и признать наличие разума у животных.

В самом деле, что можно сказать, когда в царстве пчел мы видим, как суверены вызывают гнев подданных, что предполагает либо мятежный дух у последних, либо неспособность первых исполнять свои обязанности? Что можно сказать, когда термиты оставляют в живых побежденных рабов, чтобы затем заставить их работать на себя или заботиться о термитах—детенышах?

Разумеется, наши государства имеют более сложное устройство, но вот я наблюдаю такую картину: грязный, кровожадный, погрязший в безделии дикарь бродит без цели с заостренной палкой, служащей копьем, по своей земле, даже не затронутой культурой; следом за ним, как тень, идет его жена, соединенная с ним только насилем³³; эта женщина

³³ У многих народов Океании брак происходит следующим образом. Мужчина замечает девушку, которая ему подходит. Он забирает ее у ее отца за мелкие подарки — особенно дорогим считается бутылка водки. Затем он уводит ничего не подозревающую девушку в кусты или за большой камень и сваливает ее с ног ударом палки, избивает до бесчувствия и только после этого радостный и счастливый жених несет окровавленную невесту к себе. Вот и вся брачная церемония.

несет на руках ребенка, которого она непременно убьет, если он заболит или надоест ей ³⁴; проголодавшись, супруги останавливаются, обрадованные, что нашли добычу, перед жилищем умных муравьев, разрушают его и пожирают муравьиные яйца и снова лениво уходят в свое логово, т. е. в расщелину скалы. И вот я задаю себе вопрос: может быть, эти погибшие насекомые более счастливы, чем глупое семейство их убийц; может быть, инстинкт животных, ограниченный минимумом потребностей, делает их более счастливыми, чем разум, с которым человечество появилось на земле во сто раз более уязвимым, чем остальные обитатели нашей планеты, более незащищенным перед лицом страданий и невзгод, вызываемых ветром, солнцем, снегом и дождем. О бедное человечество! Никогда ему еще не удавалось придумать способ одеть и обути всех на этом свете, спасти всех, без исключения, от голода и жажды. Разумеется, самый примитивный из дикарей гораздо более изобретателен, нежели животные, но животные знают то, что приносит им пользу, а нам это неизвестно. Они этим дорожат, а мы нет, даже когда это приходит нам в голову. Их всегда защищает инстинкт, помогая им находить самое необходимое. И в то же время на земле живут толпы человеческих существ, которые испокон веков так и не сумели выбраться из состояния обреченности и нищеты. Что касается земного существования, у нас не лучшие перспективы, чем у животных — перед нами горизонт, идти до которого дольше, но он также не беспределен.

Я не стану подчеркивать эту грустную реальность, заключающуюся в том, что обретая, мы постоянно теряем; тем не менее, именно этот факт обрекает нас блуждать в наших интеллектуальных дебрях и никогда не разобраться в них до конца. Если бы этот фатальный закон не существовал, тогда в один прекрасный день, пусть и весьма далекий, но тем не менее возможный, человек, овладев опытом прошлого, познав все, что в его силах, освоив все, что он может освоить, в конце концов научился бы разумно пользоваться своими богатыми возможностями, стал бы жить в ладах с природой, не боролся бы со своими собратьями, а только с нищетой, и, окончательно успокоенный, вкусил бы отдых — пусть и не достигнув вершины совершенства, но, по крайней мере, будучи в состоянии материального благополучия и душевного равновесия.

Однако такое блаженство, как бы эфемерно оно ни было, нам даже и не обещано, потому что по мере усвоения нового человек утрачивает уже усвоенное; потому что он не способен ничего приобрести в интеллектуальном отношении без того, чтобы ничего не потерять в плане физическом; а самое главное — он не в состоянии надолго удержать свои достижения.

Что до меня, то я считаю, что наша цивилизация никогда не погибнет, поскольку в нашем распоряжении есть печатный станок, пар и порох. Но что дал, в смысле цивилизации, печатный станок народам Китая, Японии? Ведь у них есть книги — много книг, причем гораздо более дешевых, чем у нас. Так почему же эти народы настолько примитивны и слабы, настолько близки к тому уровню, на котором человек цивилизованный, развращенный, слабый и ленивый, уступает в смысле интеллекта варварам, которые угнетают его, как только представится случай ³⁵? Почему же так происходит? А потому, что печатный станок есть средство, а не принцип. Когда он служит для распространения священных, здравых и спасительных идей, он приносит благотворные плоды и способствует цивилизации. Если же, напротив, состояние умов настолько низкое, что из печати не выходят ни философские, ни исторические, ни литературные произведения, способные питать гений нации, если продажная печать служит лишь размножению грязных и вредоносных сочинений, плодов воспаленного ума, отравленных плодов сектантской теологии, безудержно либеральной

34 Орбинья рассказывает, что индейские матери безумно любят своих детей и балуют их безмерно, становясь их рабынями, однако же если вдруг ребенок чем-то не угодит матери, она может его утопить, задушить или просто бросить в лесу.

35 Например, сиамцы — это народ, который стоит на самой низшей ступени индо-китайской цивилизации, однако все они умеют читать и писать.

политики, «либертинской» поэзии, то как и каким образом печатный станок может спасти цивилизацию?

Предполагается, что с той же легкостью, с какой он способен размножать шедевры мысли, печатный станок может их сохранять, а в эпохи интеллектуального недорода, когда общество ничего подобного им не порождает, он может и внушать их, по крайней мере, людям честным и ответственным. В сущности, так оно и происходит. Тем не менее, чтобы взять книгу о прошлом и прочитать ее ради собственного усовершенствования, необходимо обладать заранее самым большим благом на свете — просвещенной душой. В плохие времена, свидетельствующие о забвении общественных добродетелей, людям не до древних сочинений, и мало кто посещает библиотеки. Тогда много значит уже сама мысль о том, чтобы побывать в столь священном месте.

Впрочем, долговечность, предсказанная плодам открытия Гутенберга, пожалуй, слишком преувеличена. За исключением нескольких произведений, все остальные умирают очень быстро, как когда-то умирали рукописи. Особенно быстро исчезают из широкого употребления научные труды, выпущенные в нескольких сотнях экземпляров. Их можно найти, пусть и с большим трудом, в крупных собраниях. Точно так же дело обстояло с интеллектуальными сокровищами античности, и это лишний раз подтверждает тот факт, что вовсе не эрудиция может спасти народ, пришедший в упадок.

Посмотрите, что стало с мириадами прекрасных произведений, напечатанных начиная с того дня, как начал работать первый печатный станок. Большинство их забыты. Те, о которых сегодня еще вспоминают, уже не имеют читателей, а книга, за которой гонялись пятьдесят лет назад, даже своим названием не вызывает никаких воспоминаний.

Чтобы поднять престиж печатного станка, едва не запретили хождение рукописей, хотя трудно себе представить, насколько широко они были распространены. Во времена римской империи было очень много средств обучения, нередко были и книги, если судить по великому числу бродячих полунищих грамматиков, встречавшихся в самых глухих деревнях, которых можно сравнить с нынешними адвокатами, романистами и журналистами и чьи развращенные нравы, лишения и страсть к удовольствиям красочно описал в своем «Сатириконе» Петроний. Когда наступил полный упадок, еще можно было найти нужную книгу. Вергилия читали повсюду. Крестьяне, которые слышали о нем столько восторженных слов, считали его опасным чародеем. Его переписывали от руки монахи. Они также переписывали Плиния, Диокорида, Платона и Аристотеля. Они переписывали даже Катутла и Марциала. В средние века, судя по тому большому числу свидетельств, что остались после стольких войн, разрушений, пожаров в монастырях и замках, было великое множество литературных, научных, философских произведений, вышедших из-под пера людей незаурядных. Итак, чересчур преувеличено значение печатного станка для науки, поэзии, морали и истинной цивилизованности, и было бы более справедливым отметить его роль в смысле повседневных услуг, которое это изобретение оказало различным религиозным и политическим партиям. Повторю еще раз: печатный станок представляет собой отличный инструмент, но без рук и головы инструмент работать не может.

Нет нужды в пространных доказательствах, чтобы показать, что порох также не может спасти общество в минуты смертельной опасности. Разумеется, опыт обращения с ним не забывается. Но вряд ли есть сомнения, что дикие народы, которые обладают сегодня порохом, как и мы, будут пользоваться им исключительно в целях разрушения.

Что касается пара и прочих индустриальных достижений, я скажу о них то же самое, что о печатном станке — т. е. что это великие открытия, — и добавлю, что в истории было немало научных открытий и их плодов, которые канули в забвение, когда движение человеческой мысли, породившее их, остановилось навсегда и унесло навеки тайну, которая была их источником. Наконец, я хочу напомнить, что материальное благо всегда было лишь внешним придатком цивилизации и что не существовало общества, которое выжило исключительно потому, что оно знало способы быстрее передвигаться и хорошо одеваться.

Все существовавшие до нас цивилизации верили, что их незабываемые открытия

навечно запечатлели их на скрижалях времени. Все они верили в свое бессмертие. Инки, чьи паланкины мчались по превосходным дорогам длиной в несколько сотен лье, которые до сих пор связывают Куско и Кито, наверняка были убеждены в незыблемости своих достижений. Тем не менее, безжалостные века, подобно взмаху орлиных крыльев, сбросили их империю, вместе со многими другими, в самую глубокую пропасть небытия. Однако же и эти властители Перу имели свои науки, своих инженеров, свои могучие машины, которыми мы восхищаемся сегодня, не в силах разгадать их тайну. А ведь они знали секрет перемещения огромных масс. Они соорудили крепости, укладывая друг на друга глыбы длиной тридцать восемь и шириной восемнадцать футов. Руины Тихуанако являют собой именно такое потрясающее зрелище: огромные глыбы, перемещенные на расстояние нескольких лье. Но знаем ли мы, как справились с этим мастера народа, канувшего в лету? Нам известно об этом не больше, чем о способах и средствах сооружения гигантских, поистине циклопического размера стен, останки которых все еще противостоят времени в разных местах Западной Европы.

Таким образом, не стоит путать результаты цивилизации с ее причинами. Причины теряются, результаты же забываются, когда исчезает разум, взрастивший их, а если они сохраняются, то только благодаря новому разуму, который ими овладевает и часто придает им новый импульс. Человеческий интеллект, постоянно колеблющийся, кратковременный в пространстве и времени, не отличающийся вездесущностью, возвеличивает то, чем овладевает, забывает то, что упускает из рук и, устремляясь дальше по кругу, границы которого ему не дано прорвать, оплодотворяет лишь какую-то часть своих временных владений, оставляя бесплодной другую. И всегда человек одновременно и превосходит своих предков и уступает им. Следовательно, человечество никогда не может превзойти самого себя; значит, не способно человечество к бесконечному совершенству.

ГЛАВА XIV

Продолжение доказательств умственного неравенства рас. Различные цивилизации взаимно отталкиваются. Смешанные расы создают смешанные цивилизации.

Если бы человеческие расы были равны, история предстала бы нашему взору в виде очень впечатляющей, совершенной и славной картины. Тогда расы, будучи в равной мере умными и устремленными к своим истинным интересам, в равной мере способными найти способ побеждать и торжествовать, с самого первого дня творения наполнили бы землю роем процветающих и — что самое главное — возникших одновременно цивилизаций. В ту же эпоху, когда древнейшие санскритские народы создавали свою империю и покрывали — посредством религии и меча — Южную Индию посевами, городами, дворцами и храмами, когда первая империя ассирийцев украшала долины Тигра и Евфрата величественными сооружениями, когда колесницы и конница Немрода завоевали соседние народы, на африканском побережье, где живут негры с прогнатическим строением головы, появилось бы разумное и развитое общество, обладавшее большими средствами и возможностями.

Кельтские путешественники принесли бы на западную оконечность Европы, наряду с остатками восточной мудрости первобытных времен, все необходимые элементы великого общества и наверняка бы встретили среди иберийских народов, распространенных в те времена в Италии и на островах Средиземного моря, в Галлии и Испании, достойных соперников, богатых, как и они сами, древними традициями, искусных во всех областях человеческой деятельности.

Тогда объединенное человечество гордо шагало бы по земному шару, сильное своим общим разумом, создавая повсюду похожие друг на друга общества, и по прошествии некоторого времени все нации стали бы одинаково оценивать свои потребности и возможности, одними глазами смотреть на природу, завязали бы тесные контакты между

собой, которые столь необходимы и выгодны для прогресса и цивилизации.

Некоторые племена, в силу злосчастной судьбы оказавшиеся в суровых климатических условиях, в тесных ущельях скалистых гор, на побережье покрытых льдом морей, в бескрайних степях, обдуваемых холодными ветрами, были бы вынуждены дольше бороться с негостеприимной природой, чем облаканные судьбой народы. Но в конце концов и эти племена, будучи наделенными таким же разумом и такими же способностями, не замедлили бы найти средства сгладить суровость климата. Они обязательно употребили бы разумную активность, какую мы сегодня наблюдаем у датчан, норвежцев, исландцев. Они сумели бы укротить строптивую почву и сделали бы ее плодородной. В горах они, как, например, нынешние жители Швейцарии, пользовались бы выгодами скотоводства, или, по примеру жителей Кашмира, прибегли бы к возможностям промышленности; а если бы их страна оказалась безнадежно бесплодной, а ее географическое положение безысходно неблагоприятным, они смогли бы понять, что земля велика, что в ней много долин и равнин, и тогда они оставили бы свою родину и отправились на поиски мест, где их разумная деятельность принесла бы плоды.

Тогда нации, в равной степени просвещенные и богатые — одни за счет коммерции, благодаря морским гаваням, другие за счет сельского хозяйства, процветающего на плодородных просторах, третьи за счет промышленности, четвертые — благодаря удачному местоположению, — словом, все нации, несмотря на временные разногласия и войны, к сожалению, неотъемлемые от человеческой природы, очень скоро договорились бы о совместной жизни на земле. Близкие друг к другу цивилизации кончили бы тем, что объединились, образовав всеобщую конфедерацию, предмет вековых мечтаний. И не существовало бы никаких препятствий на этом пути, если бы все расы были наделены одинаковыми умственными способностями.

Впрочем, нарисованная картина абсолютно фантастическая. Первые народы, достойные так называться, были издавна объединены идеей общности, которая никогда не приходила на ум варварам, жившим по соседству. Они мигрировали из мест своего первоначального обитания и на своем пути встречались с другими народами, вернее племенами, которые так и не сумели осознать идею цивилизации, навязанную им пришельцами. Опровергая мысль о равенстве рас, способные к цивилизации народы вначале создавали свой общественный порядок на совершенно разных основах, затем многое перенимали друг от друга. Для тех групп, которые не были движимы внутренним порывом, сила примера ничего не значила. И испанцы, и галлы видели, как по соседству с ними финикийцы, греки, карфагеняне строят цветущие города. Но ни испанцы, ни галлы не стали копировать нравы и систему правления этих славных торговцев и мореплавателей, а когда пришли римляне, победители смогли преобразовать покоренные земли только посредством колонизации. Что касается кельтов и иберийцев, они доказали, что цивилизация возможна только при смешении крови.

Посмотрим, в какой ситуации оказались американские племена. Рядом с ними появился народ пришельцев, который стремится увеличить свою численность, чтобы стать сильнее. По их рекам взад-вперед проплывают тысячи судов. Они знают, что сила их хозяев несокрушима. У них уже нет никакой надежды на то, что чужаки уйдут с их родной земли. Они поняли, что весь огромный континент сделался добычей европейцев, и им остается лишь наблюдать за тем, как чуждые им институты делают жизнь человека независимой от количества дичи или рыбы.

Покупая водку, одеяла, ружья, они понимают, что даже их примитивные желания были бы легче удовлетворены в рамках нового общества, которое приглашает их, оплачивает их труд и называет аборигенов помощниками. Но они отказываются, они предпочитают уединение и уходят все дальше в глубь страны. Они бросают все, даже кости своих предков. Они знают, что вымрут, но какой-то таинственный ужас удерживает их в плену неодолимого отвращения, и, восхищаясь силой и превосходством белого человека, их сознание, вся их натура, их кровь, в конце концов, противятся даже мысли о том, чтобы иметь что-либо общее с белыми.

В испанской Америке аборигены испытывают меньшее отвращение к пришельцам.

Дело в том, что метрополия с самого начала оставила покоренные племена под управлением их собственных касиков и не пыталась их цивилизовать. Им разрешили сохранять древние обычаи и законы; от них требовали лишь обращения в христианство и определенную дань. То есть колонизации, по сути, не было, а угнетение выражалось в форме прихотей и капризов завоевателей. Вот почему индейцы испанской Америки не столь несчастливы и продолжают жить, тогда как их северные соседи, оказавшиеся под властью англосаксов стремительно вымирают.

Следует заметить, что колонизацию не воспринимают не только дикари. В настоящее время мы видим красноречивые тому доказательства в Алжире, где французы реализуют свою политику доброй воли и филантропии, а также в Индии и Батавии, где цивилизаторами выступают англичане и голландцы. И это самые яркие примеры и доказательства того, насколько несходны и не равны между собой человеческие расы.

Если рассуждать только исходя из варварской природы некоторых народов и считать это варварство изначальным и врожденным, тогда придется отказать им в наличии всякой культуры, однако такое мнение не является бесспорным. Многие дикие народности сохранили следы более просвещенного прошлого, нежели их нынешний образ жизни. Есть племена, даже весьма кровожадные, которые имеют непонятные и сложные для нас традиционные порядки, что касается вступления в брак, наследственности и политического управления, а их ритуалы, лишённые сегодня всякого смысла, уходят корнями в некую систему более высокого порядка. В качестве примера можно привести краснокожие племена, кочующие на угрюмых безлюдных просторах, где, как полагают, некогда жили аллеганийцы. Или другие народы, обладающие прикладными знаниями, явно заимствованными у кого-то; другого — например, жители Марианских островов. Они пользуются ими, так сказать, машинально, не задумываясь над их происхождением.

Таким образом, встречаясь с народностью, пребывающей в состоянии варварства, стоит присмотреться к ней внимательнее. Чтобы не впасть в ошибку, рассмотрим несколько примеров.

Существуют народы, которые, попадая в сферу деятельности родственной расы, в какой-то степени подчиняются ей, принимают некоторые новые для себя правила и усваивают некоторые знания; затем, когда господствующая раса начинает исчезать — либо в результате давления, либо за счет полного слияния с покоренным народом, — последний почти полностью утрачивает приобретенную культуру, в особенности ее принципы, и сохраняет то немногое, что он смог понять. Впрочем, такая ситуация возможна только между народностями, близкими по крови. Так действовали ассирийцы по отношению к халдеям, сирийские и египетские греки по отношению к грекам Европы, иберийцы, кельты, иллирийцы по отношению к идеям древних римлян. А если чероки, катавбасы, маскогеи, семинолы, начезы и им подобные племена сохранили некоторые следы аллеганийской цивилизации, я не склонен, исходя из этого, считать, что они являются прямыми потомками родоначальников расы; из этого следует, что какая-то раса могла быть цивилизованной и перестала быть таковой, я бы сказал, что если какое-то из перечисленных племен этнически еще близко стоит к древнему преобладающему типу, так только через опосредованную и побочную связь, без которой чероки впали бы в полное варварство. Что касается остальных, менее одаренных народностей, они представляются мне лишь фоном чужого населения, покоренного и присоединенного силой, на котором когда-то зиждился социальный порядок. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что эти социальные осколки сохранили — впрочем, так и не поняв их, — привычки, законы, ритуалы, созданные другими, более способными народами, хотя они не смогли понять их значимость и их секрет, и видели в них только предмет суеверного уважения. Это, например, относится к остаткам механических ремесел. То, что сегодня вызывает наше восхищение, может быть плодами деятельности развитой расы, которая давно исчезла. А иногда их происхождение уходит в эпохи, еще более отдаленные. Все, что относится к

горнорудному делу иберийцев, аквитанцев и бретонцев с Касситеридских островов, берет начало в Верхней Азии, откуда предки западных народов когда-то принесли секреты этой науки в процессе переселений.

Наибольший интерес среди полинезийцев вызывают жители Каролинских островов. Их мастерство в ткачестве, их резные барки и страсть к мореплаванию и коммерции являются той демаркационной линией, которая отделяет их от пелагийских негров. Не составляет труда обнаружить исток их талантов. Они обязаны этим малайской крови, попавшей в их жилы, а поскольку эта кровь была далеко не чистой, этническое наследие они сохранили, но не смогли его усовершенствовать, а скорее наоборот — оно с каждым годом хиреет.

Таким образом, если у иного варварского народа встречаются следы цивилизованности, это не служит доказательством того, что этот народ когда-то был цивилизованным. Он жил под властью родственного ему, но превосходящего его по развитию, племени, или, имея такое племя своим соседом, он робко и покорно учился у него. Нынешние дикие расы таковыми были всегда; рассуждая по аналогии, можно сделать вывод, что дикари останутся дикарями, пока не исчезнут с лица земли.

Результат этот неизбежен, когда два типа, между которыми отсутствует всякое родство, оказываются в активных отношениях; лучшей демонстрацией этого может служить судьба полинезийцев и американских аборигенов. Итак, из вышеизложенного вытекает следующее:

1. Нынешние дикие племена всегда пребывали в таком состоянии независимо от среды, в которую они попадали на своем историческом пути, и такими они останутся всегда.

2. Чтобы дикая нация могла выдержать даже временное пребывание в цивилизованной среде, нация, создающая такую среду, должна происходить из более благородной ветви той же расы.

3. Это же условие необходимо для того, чтобы разные цивилизации могли даже не смешаться, чего, кстати, никогда не бывает, но просто в достаточной степени измениться в результате контакта друг с другом, взаимно обогатиться, сотворить другие цивилизации, состоящие из их элементов.

4. Цивилизации, вышедшие из рас, совершенно чуждых друг другу, могут лишь соприкоснуться поверхностным образом, но никогда не проникнут друг в друга и всегда останутся взаимоисключающими. Поскольку последний пункт требует дополнительного разъяснения, остановимся на нем подробнее.

Многочисленные конфликты были причиной общения персидской цивилизации с греческой, египетской цивилизации с греческой и римской, римской цивилизации с греческой, затем цивилизация нынешней Европы вошла в соприкосновение с другими мировыми цивилизациями нашего времени, в частности с арабской.

Отношения греческого разума с персидской культурой были настолько же разнообразными, насколько навязанными внешними обстоятельствами. Прежде всего большая часть эллинского населения — самая богатая, если не самая свободная — была сосредоточена в городах сирийского побережья, в колониях Малой Азии и Понта, которые, быстро объединившись с государствами великого царя, находились под контролем сатрапов и до некоторой степени сохранили свою сущность. Со своей стороны, независимая континентальная Греция поддерживала очень близкие отношения с азиатским побережьем.

Но слились ли эти две цивилизации? Всем известно, что нет. Греки считали своих могущественных противников варварами, возможно, и последние отвечали им тем же. Политические нравы, форма правления, специфика искусств, размах и внутренний смысл общественного культа, частные нравы народов, смешанных друг с другом, тем не менее так и остались разными. В Экбатане основой основ была единоличная наследственная власть, ограниченная некоторыми традициями, но в сущности абсолютная. В Элладе власть была поделена между массой мелких суверенов. Правление, аристократическое у одних народов, демократическое у других, монархическое у третьих, тираническое у четвертых, являло собой — в Спарте, Афинах, Македонии — самую причудливую смесь. У персов культ государства, больше напоминающий первобытные принципы первородства, отличался той же

тенденцией к единству, что и власть правительства, и опирался на моральные и метафизические устои, не лишённые глубины и основательности. У греков символизм, основанный на разнообразных проявлениях природы, довольствовался тем, что воспевал формы. Религия оставляла гражданским законам заботу о совести, а вера, выполнив обязательные ритуалы и воздав должное условному богу или герою, полагала свою миссию законченной. Эти ритуалы, почести, боги и герои менялись через каждые полмиля. Если же в некоторых храмах, например в Олимпии или в Додоне, поклонялись не одной из сил и не одному из элементов природы, а самому космическому принципу, такое единство лишь подчеркивало раздробленность, поскольку практиковалось оно в отдельных местах.

Кстати, оракул из Додоны и Юпитер–Олимпиец происходят из чужих культов.

Что касается обычаев, нет нужды напоминать, до какой степени они отличались от персидских. Для молодых, богатых, сластолюбивых и космополитичных людей считалось позором принять образ жизни противников, которые были по–иному жизнелюбивы и утонченны, чем эллины. Вплоть до эпохи Александра, т. е. в течение славного периода греческого могущества — периода великого и плодотворного, — персы, несмотря на свое превосходство, не могли приобщить греков к своей цивилизации.

С приходом Александра этот факт получил неожиданное подтверждение. Когда Эллада покоряла Персию Дария, казалось, что вся Азия станет греческой, тем более, что победитель, пришедший однажды ночью в неистовство, позволил себе такие сильные агрессивные действия против местных памятников, что в них без труда можно было бы усмотреть столько же презрения, сколько ненависти. Однако поджигатель Персеполиса вскоре изменил свои взгляды, да так радикально, что в его планах можно было усмотреть желание просто–напросто подменить собой династию Ахеменидов и царствовать как его предшественник или как великий Ксеркс, включив Грецию в число своих владений. Вот так персидская социальность должна была поглотить эллинизм.

Но, несмотря на весь авторитет Александра, ничего подобного не случилось. Его генералы и солдаты не пожелали видеть своего предводителя в длинных развевающихся одеждах, с митрой на голове, в окружении евнухов, т. е. не захотели, чтобы он отрекся от своей родины. И он умер. Некоторые из его сторонников пытались осуществить его планы, однако были вынуждены отступить. В самом Деле, почему им удалось создать этот гибрид, это государство на азиатском побережье, включающее греческие колонии в Египте? Потому, что их подданные представляли собой пеструю смесь из греков, сирийцев, арабов, у которых не было иного выбора, кроме как пойти на культурный компромисс. Но там, где расы оставались по своему составу различными, такого не произошло. Каждая страна сохранила свои национальные нравы.

Еще один пример. До последних дней римской империи смешанная цивилизация, которая преобладала на всем Востоке, включая континентальную Грецию той поры, оставалась скорее азиатской, чем греческой, потому что в людях было больше первой крови, чем второй. Правда, надо признать, что мышление приняло эллинистические формы. Но нетрудно обнаружить в мысли той эпохи и тех стран восточный фон, который оживляет все, что принадлежит Александрийской школе, например, унитаристские доктрины греко–сирийских юристов. Таким образом, сохраняется пропорция, что касается количества соответствующих кровей: превосходство за преобладающим количеством.

Прежде чем закончить эту параллель в отношении контакта между цивилизациями, добавлю несколько слов об арабской культуре в сравнении с нашей.

Нет никаких сомнений во взаимном отталкивании цивилизаций. Наши предки, жившие в средние века, имели возможность воочию видеть достижения и чудеса мусульманского государства и не гнушались посылать своих детей на учебу в школы Кордовы. Но в Европе не сохранилось ничего арабского за исключением тех стран, где осталось немного измаелистской крови; брахманская Индия преуспела в этом не больше, чем мы: под властью магометан она успешно выстояла, несмотря на все их усилия.

Сегодня наша очередь действовать на развалинах арабской цивилизации. И мы сносим

их с лица земли, мы не в состоянии использовать их для себя. А между тем эта цивилизация сама не была «чистокровной» и поэтому была менее прочной.

Арабская нация, невеликая числом, ассимилировала расы, покоренные ее саблей.

Поэтому мусульмане — исключительно перемешанное население — имели смешанную цивилизацию, элементы которой идентифицировать нетрудно. Известно, что ядром победителей до Магомета не был пришлый или незнакомый народ. Его традиции были хорошо знакомы и хамитам и семитам, от которых он ведет свою родословную. Он имел тесные отношения, как с финикийцами, так и с евреями. В его жилах текла кровь и тех и других; он служил для них торговым посредником между Красным морем, восточным побережьем Африки и Индией. По отношению к персам и римлянам он выполнял ту же роль. Многие арабские племена принимали участие в политической жизни Персии при Арсасидах и сыновьях Сассана, в то время как один из его принцев — Оденат — назначил себя цезарем, одна из его дочерей — Зенобия, дочь Амру, правительница Пальмиры — покрыла себя славой среди римлян, а один из его представителей-авантюристов, Филипп, даже носил императорскую пурпурную мантию. Итак, эта смешанная нация, начиная с самой ранней античности, никогда не переставала поддерживать отношения с могущественными народами, окружавшими ее. Она участвовала в их повседневной деятельности и, наподобие тела, наполовину погруженного в воду, наполовину остающегося под солнцем, она тянулась одновременно к передовой культуре и варварству.

Магомет придумал религию, как нельзя лучше соответствующую идеям своего народа, в котором идолопоклонство было весьма распространенным, но и христианство, искаженное еретиками и иудаистами, имело немало сторонников. Религиозная тема пророка из Кореша представляла собой такую смесь, что согласие между законом Моисея и христианской верой — кстати, эта проблема всегда тревожила самых первых католиков и всегда присутствовала в сознании восточных народов — было здесь более сбалансированным, нежели в доктринах нашей Церкви.

Это была приманка, имеющая соблазнительный аромат, впрочем, любая теологическая новинка имела шанс завоевать поклонников среди сирийцев и египтян. Чтобы увенчать построенное здание, новая религия предстала перед людьми с саблей в руке, что явилось еще одной гарантией успеха для масс, не имеющих тесных связей и проникнутых ощущением бессилия.

Вот так ислам вышел из своих пустынь. Высокомерный, неизобретательный и с самого начала на две трети подчиненный греко-азиатской цивилизации, он находил на востоке и юге Средиземноморья многочисленных новобранцев, уже готовых воспринять такую сложную смесь. По мере распространения ислам все больше пропитывался этой смесью. От Багдада до Мон Пелье он распростер свой культ, заимствованный у Церкви, у Синагоги, в искаженных традициях Геджаза и Йемена, так он проповедовал свои персидские и римские законы, свою греко-сирийскую и египетскую науку, свою администрацию, с самого первого дня отличающуюся терпимостью, что вовсе неудивительно, когда в государственном теле отсутствует единство. Неправы те, кто удивлялся быстрому прогрессу мусульман в смысле утонченности нравов. Основная масса этого народа просто-напросто изменила привычки, и народ этот стал почти неузнаваем, когда начал играть роль апостола или радетеля на мировой арене, где уже давно не знали его под древними именами.

Разумеется, в этот конгломерат столь разных рас каждая вносила свой вклад в общее процветание. И все же — кто именно дал главный толчок, кто поддержал порыв пусть и не столь долговременный? Не кто иной, как небольшая группа племен арабского происхождения, вышедших из самой сердцевины полуострова, которые дали не ученых, но фанатиков, солдат, победителей и наставников.

Арабская цивилизация была не чем иным, как греко-сирийской цивилизацией, омоложенной, обновленной дыханием гения — довольно кратковременным, но более свежим — и трансформированной персидской примесью. Построенная таким образом, открытая многим влияниям, она не укладывается ни в одну социальную формулу, имеющую иное

происхождение; но и греческая культура не сочеталась с римской, столь ей родственной, которая много веков оставалась замкнутой в пределах одной империи. Здесь неоспорима невозможность для цивилизаций, созданных чуждыми друг другу этническими группами, когда‑либо смешаться друг с другом.

Когда история четко установит этот непреодолимый антагонизм между расами и их культурными типами, станет очевидно, что различие и неравенство коренятся в глубине этих составных отгалкиваний, а поскольку европеец не сможет цивилизовать негра, поскольку он в состоянии передать мулату лишь часть своих способностей, а этот мулат, имеющий в жилах кровь белой расы, не создаст потомство, способное воспринимать что‑либо большее, нежели культура метисов, пусть и устремленная к идеям белой расы, я считаю себя вправе заявить о неравенстве умственных способностей различных рас.

Повторю еще раз, что речь вовсе не о том, чтобы скатиться к методике, столь милой, к несчастью, для энтологов и, по крайней мере, смехотворной. Я не собираюсь рассуждать о моральной и умственной ценности отдельно взятых индивидов.

Что касается моральной ценности, я полностью и целиком вывожу ее за рамки вопроса, когда констатирую способность всех человеческих обществ в должной мере осознать значение христианства. Когда речь идет об умственной способности, я абсолютно отвергаю аргументацию, заключающуюся в следующем: всякий негр бездарен ³⁶. Иначе, следуя такой логике, мне пришлось бы признать, что всякий европеец умен, но упаси меня Бог от такой глупости.

Не думаю, что сторонники равенства рас поспешат показать мне тот или иной отрывок из той или иной книги миссионера или путешественника, откуда следует, что некий йолоф оказался искусным плотником, готтентот стал добрым семьянином, кафр умеет танцевать и играть на скрипке, а бамбара знает арифметику.

Я признаю все, что можно рассказать чудесного в этом смысле, что касается самых талантливых дикарей. Я отрицаю чрезмерную глупость, хроническую бездарность даже среди самых нецивилизованных племен. Я даже пойду дальше моих оппонентов, потому что я не сомневаюсь, что немалое число негритянских вождей по силе и обилию идей и мыслей, по мощи духа и интенсивности активных способностей превосходит средний уровень, коего могут достигнуть наши крестьяне, даже наши вполне грамотные буржуа‑горожане. Подчеркну еще раз, что мои рассуждения строятся вовсе не на зыбкой почве отдельных личностей или индивидов. Мне кажется недостойным для науки ограничиваться такими мелкими аргументами. Если Мунго‑Парк или Ландер выдали какому‑то негру удостоверение о наличии ума, кто мне поручится, что другому путешественнику, встретившему того же одаренного типа, не придет в голову совершенно противоположное мнение?

Впрочем, оставим эти ребяческие упражнения и сравним не отдельных людей, а группы. Только когда мы определим, в чем способны или не способны группы, в какой мере они осуществляют свои способности, каких умственных высот они достигают и какие другие нации управляют ими, начиная с исторических времен, вот тогда можно будет обсуждать детали и выискивать причины, почему лучшие представители какой‑нибудь расы стоят ниже, чем гении другой. Затем, сопоставив способности простых людей всех типов, можно решать, в чем эти способности равны, а в чем нет. Эта трудная и деликатная работа должна продолжаться до тех пор, пока вопрос о расах не прояснится с максимально возможной точностью и, возможно, с применением математических методов. Я не уверен, можно ли вообще получить неопровержимые результаты в этой области и можно ли, отложив в сторону общие факты, собрать воедино все нюансы, определить, осмыслить и классифицировать внутренние пласты каждой нации и ее индивидуальные характерные

36 Самое крайнее суждение о меланийских народностях, возможно, исходит от одного из патриархов эгалитаризма. Вот как Франклин характеризует негра «Это животное, которое чрезвычайно много ест и столь же мало трудится».

признаки. В этом случае можно будет без труда доказать, что активность, энергия, умственные способности наименее одаренных представителей господствующих рас превосходят умственные способности, энергию, активность представителей других рас.

Итак, мы видим человечество, разделенное на две четко отличающиеся друг от друга и очень неравные части или, лучше сказать, на ряд категорий, подчиненных друг другу, где степень умственного развития обозначает уровень или ступень.

В этой обширной иерархической структуре есть два важных фактора, постоянно действующих на каждый ряд. Речь идет о следующих факторах — вечных причинах того движения, которое сближает расы и стремится их смешать: приблизительное сходство основных физических признаков и общая способность выражать ощущения и мысли голосовыми модуляциями.

Я слишком много говорил о первом из этих феноменов, который пытался заключить в его истинные границы.

Теперь следует обратиться ко второму и посмотреть, какие существуют отношения между этнической силой и богатством языка: иными словами, надо выяснить, принадлежат ли самые богатые языковые идиомы самым сильным расам, а в противном случае надо понять и объяснить эту аномалию.

ГЛАВА XV

Языки, сами по себе неравноценные, отражают относительную ценность рас

Если бы полудикие народы, стоящие на самой низшей ступени этнической лестницы, отставшие как в мужском, так и в женском развитии человечества, несмотря на это сформировали для собственного пользования языки, глубокие в философском отношении, эстетически прекрасные и гибкие, отличающиеся богатством и точностью выражения, обилием разнообразных и благородных форм, пригодные для передачи всех высот и красот поэзии и четких мыслей, каких требуют политика и наука, тогда было бы очевидно, что эти народы обладают совершенно бесполезным даром — даром создавать и совершенствовать инструмент, ненужный и излишний для остальных их немощных способностей.

Тогда пришлось бы признать, что у природы есть свои пустые капризы, не имеющие цели, что некоторые загадки бытия ведут вовсе не к раскрытию непознанного, как это чаще всего случается, не к встрече с непознаваемым, но просто—напросто к абсурду.

На первый взгляд напрашивается именно такой досадный вывод, потому что, если рассматривать расы в их нынешнем состоянии, придется признать, что красота и совершенство языков далеко не всегда пропорциональны уровню цивилизованности. Если обратиться лишь к языкам современной Европы, мы увидим, что они вовсе не равноценны, и самые красивые и богатые не обязательно принадлежат самым развитым народам. А если сравнить эти языки с другими, распространенными в мире в различные эпохи, то становится ясно, что все они, без исключения, отстали в своем развитии.

Но еще более удивительно следующее: целые группы наций, оставшихся на более чем скромном культурном уровне, разговаривают на языках, значимость которых неоспорима. Таким образом, создается впечатление, что языки, состоящие из неравноценных элементов, распределены в человеческом обществе самым случайным образом: иногда жалкие бескультурные и жестокие создания рядятся в шелк и золото, а одежды из грубого сукна и пеньки носят в одухотворенных, ученых и мудрых обществах. К счастью, это всего лишь видимость, и как только мы становимся на позиции доктрины разнообразия рас и берем в помощницы историю, все становится на свои места — приведенные выше доказательства умственного неравенства человеческих типов получают лишнее подтверждение.

Первые филологи совершили двойную ошибку: во-первых, они предположили, по примеру воззрений унитаристов касательно идентичности происхождения всех групп

человечества, что все языки сформировались по одному и тому же принципу, во-вторых, они приписали изобретение языка влиянию чисто материальных потребностей.

Что касается языков, никакого сомнения в том, что существует исключительное разнообразие способов их создания, быть не должно. И хотя классификации, предлагаемые филологией, еще можно уточнять и пересматривать, нельзя допустить даже на секунду, что алтайская, арийская и семитская группы происходят из источников, близких друг к другу. Во всех отношениях они отличаются между собой.

В этих различных лингвистических окружениях лексикология имеет свои характерные формы. Различна и модуляция голоса, один народ для производства звуков пользуется главным образом губами, другой — сжатием горловых мышц, третий издает звуки через нос, и они идут как бы из верхней части головы.

Композиция частей речи также совершенно различна — нюансы мысли объединяются или же разделяются, существуют, особенно во флективной структуре существительных и в глагольной системе, убедительнейшие доказательства различия в логике и чувствительности, которая имеет место между человеческими семействами. Так что же из этого следует? А то, что когда философ, пытаясь путем чисто абстрактных рассуждений понять происхождение языков, начинает с идеально сконструированного человека, с человека, лишенного особых расовых признаков, т. е. просто человека, он уже впадает в абсурд и продолжает и дальше рассуждать в том же духе. Нет идеального человека, человека вообще, и если я убежден в этом, то основываюсь прежде всего на языковых различиях. Я знаю человека, говорящего на финском языке, человека, говорящего на арийском языке, и другого, изъясняющегося на семитском наречии, но абсолютного человека я не знаю. Поэтому я категорически не приемлю теории о едином происхождении языкового творчества всех народов. В действительности истоков языков было несколько, как было — и есть — несколько форм мышления и чувствительности³⁷.

Согласно другой доктрине, не менее ложной, развитие языка происходит в силу необходимости. Тогда получается, что «мужские» расы должны говорить на более точном, богатом и развитом языке, нежели расы «женские»; кроме того, материальные потребности связаны с предметами, которые имеют отношение к чувствам и проявляются, прежде всего, в поступках, поэтому лексика должна была бы составлять главную часть языковой структуры.

Грамматический механизм и синтаксис никогда бы не могли выйти за пределы самых элементарных и простых комбинаций. Сцепления более или менее связанных звуков всегда достаточно, чтобы выразить какую-то потребность, а жесты, будучи простой формой комментирования, с успехом могут сделать понятным то, что остается неясным из слов — об этом хорошо известно китайцам. В таком случае в зачаточном состоянии осталась бы не только синтетическая структура языка, но язык лишился бы гармонии, категории числа и ритма. В самом деле, какое значение имеет мелодика речи там, где требуется получить не более чем положительный результат?

Тогда языки представляли бы собой непродуманную, случайную совокупность звуков, употребляемых самым безразличным образом.

Кстати, у этой теории есть некоторые аргументы. Китайский язык, как язык «мужской» расы, в самом начале, очевидно, был создан в утилитарных целях. Слово в нем не поднималось над смыслом и осталось односложным. Лексика почти не развита. Отсутствует корень, который обычно порождает целые группы производных. Все слова являются корнями, они изменяются не посредством самих себя, но между собой, причем весьма

³⁷ Вильгельм фон Гумбольдт в одном из своих блестящих опусов прекрасно выразил суть этой истины. «Повсюду, — так пишет этот гениальный мыслитель, — ход времени соединяется в языках с процессом формирования национальных особенностей, и то, что характеризует наречия воинственных дикарей Америки и Северной Азии, не обязательно характерно для древних рас Индии и Греции. Невозможно объяснить в виде совершенно одинакового и даже, в какой-то мере, естественного процесса развитие определенного языка принадлежащего одной нации, либо другого языка, на котором изъясняются несколько народов» («Заметки о грамматических формах и о их влиянии на формирование мыслей»).

грубым способом последовательного сочетания. Язык отличается грамматической простотой, отсюда исключительное однообразие речи, что странно для ума, привыкшего к богатым, разнообразным и многочисленным формам, к метким сочетаниям в наречиях и к самой идее эстетического совершенствования. Однако надо добавить, что сами китайцы вряд ли согласятся с вышесказанным и что, следовательно, если их язык имеет целью выражение прекрасного (для тех, кто на нем говорит), если у него есть определенные правила, способствующие мелодическому развитию звуков, если он достигает этих результатов так же, как и другие языки, мы не имеем права отрицать у него стремление к их достижению. Поэтому правильнее было бы сказать, что в первичных элементах китайского языка есть что-то еще, кроме простого нагромождения артикуляций, имеющих только утилитарное применение³⁸.

Тем не менее я склоняюсь к тому, чтобы приписать «мужским» расам некую довольно выраженную эстетическую ущербность, которая может проявляться в конструкции их языков³⁹. Пример тому я вижу не только в китайском языке и в его относительной скудости, но и в том усердии, с каким некоторые нынешние расы Запада лишали латынь ее самых удивительных ритмических возможностей, а готику — ее звучности. Не стоит доказывать недостатки наших нынешних языков, даже самых красивых, по сравнению с санскритом, древнегреческим, тем же латинским, поскольку они как нельзя лучше согласуются с посредственностью нашей цивилизации и цивилизации Поднебесной Империи в области искусства и литературы. Между тем, допуская, что это различие, наряду с другими признаками, может характеризовать языки «мужских» рас, поскольку в этих языках существуют чувство гармонии — пусть и не очень сильное и реальная тенденция к созданию и поддержанию законов сцепления между звуками и конкретными условиями форм и классов для изрекаемых нюансов мысли, я прихожу к выводу, что даже в языках «мужских» рас чувство прекрасного и логического — проблеск ума — все еще ощущается и повсюду определяет природу языков в той же мере, что и материальные потребности.

Я только что говорил, что если бы эта последняя причина была единственно определяющей, в первые периоды существования человеческого рода случайным образом созданных артикуляций было бы достаточно для удовлетворения потребностей людей. Однако эта гипотеза не выдерживает критики.

³⁸ Я склонен считать, что односложная структура китайского языка не представляет собой какой-то специфический лингвистический феномен, и несмотря на эту интересную особенность, она не представляется мне главной. Если бы это было именно так, тогда китайский был бы изолированным языком и ограничивался бы идиомами, которые могут сочетаться с такой структурой. Однако известно, что это не так. Китайский язык входит в татарскую или финскую систему, которая имеет в своем составе пописиллабические, т. е. многосложные ветви. Кроме того, образчики такого рода встречаются и в группах совершенно иного происхождения. По мнению Понсо, один из мексиканских диалектов содержит признаки, которые я отмечаю в китайском языке, однако среди американских диалектов, точно так же, как и китайский среди татарских языков, этот мексиканский диалект (огоми), тем не менее, не является их составным элементом. Я не хочу придавать этому факту все то значение, каковым он, очевидно, обладает, потому что иначе пришлось бы допустить, что американские языки, будучи ультраполисиллабическими языками, они — единственные в мире, не считая языка эвекара, способные довести сочетание звуков и мыслей до полисинтетизма, представляют собой всего лишь обширную ветвь татарской группы. Следовательно, вывод из этого обстоятельства лишний раз подтвердил бы мое суждение о родстве китайского языка с языковыми системами соседних народов, а такое родство никоим образом не свидетельствует в пользу особой природы языка Поднебесной Империи. Приведу более веский пример из коптского языка, который вряд ли можно заподозрить в родстве с китайским. Итак, в коптском все слоги также представляют собой корни, которые изменяются посредством простых аффиксов, настолько подвижных, что даже при обозначении времени глагола детерминантная частица не всегда присоединяется к слову. Исходя из этого, я утверждаю, что моносиллабизм может встречаться во всех языках. Это нечто вроде физического увечья, вызванного еще не известными причинами, но вовсе не специфическая черта, отделяющая один язык от других.

³⁹ В романе «Вильгельм Мейстер» Гете пишет: «Немногие немцы и, возможно, немногие люди из современных наций обладают чувством эстетической целостности. Мы умеем хвалить и бранить только фрагментарно, также фрагментарно проявляется наше восхищение».

Звуки соотносятся с мыслями вовсе не случайно. Выбор их определяется инстинктивным осознанием определенной логической связи между внешними звуками, воспринимаемыми человеческим ухом, и мыслью, которую хочет передать его гортань или язык. В прошлом столетии эта истина стала поразительным открытием. К сожалению, возобладало этимологическое преувеличение, которым в то время увлекались, а вскоре проявились настолько абсурдные результаты, что они потерпели справедливое поражение. В течение долгого времени эта нива, столь яростно разрабатываемая первооткрывателями, была пугалом для людей здравомыслящих. Сейчас к ней возвращаются, и если извлечь горькие уроки из прошлого опыта, т. е. проявить сдержанность и осторожность, то можно получить весьма ценные плоды. Не будем доводить сами по себе справедливые замечания до уровня химер и признаем, что примитивный язык, в меру возможности, пользовался слуховыми впечатлениями при создании некоторых категорий слов и что при создании других он основывался на таинственных отношениях между определенными абстрактными понятиями и определенными звуками. Например, звук «и» кажется пригодным, чтобы выразить идею распада, звук «в» — нечто среднее между физическим и бесплотным, ветер, смутные желания, звук «м» — состояние материнства. Эта гипотеза, если ею пользоваться в разумных пределах, довольно часто оправдывает себя. Но разумеется, не стоит пользоваться ею без разбора, чтобы не оказаться в дебрях, где здравый смысл быстро теряется.

Эти факты, какими бы незначительными они ни представлялись, показывают, что не только материальные потребности определяли формирование языков и что люди использовали для этого свои благородные качества и способности. Они соотносили звуки с вещами и идеями вовсе не произвольным образом. Они исходили из определенного порядка, отражение которого они находили в самих себе. Поэтому некоторые из первых языков, пусть даже грубых, бедных, примитивных с нынешней точки зрения, содержали в себе все элементы, необходимые для того, чтобы будущие их ветви могли когда-нибудь развиться в разумную логическую систему.

Господин Вильгельм Гумбольдт с присущей ему проницательностью отмечал, что каждый язык существует в значительной мере независимо от желания людей, которые на нем изъясняются. Будучи тесно связанным с уровнем их интеллектуального развития, он выше их прихоти, и никто не в силах изменить его по своему произволу. В истории существует немало курьезных примеров таких попыток.

Племена бушменов придумали систему изменения своего языка для того, чтобы сделать его непонятным для тех, кто останется вне круга посвященных. Такая же тенденция наблюдается у некоторых кавказских народностей. Все подобные попытки привели лишь к добавлению дополнительного слога в начале, в середине или в конце слов. Если не считать этот «паразитный» элемент, язык оставался прежним и мало менялся как по сути, так и по форме.

Более серьезную попытку такого рода отмечает Сильвестр де Саси в балайбаланском языке. Это странное наречие создали суфиты для своих мистических книг и для того, чтобы окутать еще более плотным покровом таинственности произведения своих теологов. Они совершенно бессистемно придумывали слова, которые звучали как можно непонятнее. Между тем, если этот так называемый язык не принадлежал ни к одной ветви, если смысл, приписываемый вокабулам или словам, был совершенно произвольным, эвритмическое значение звуков, грамматика, синтаксис — словом, то, что придает языку особый характер, неизбежно представляло собой точную кальку с арабского и персидского языков. Следовательно, суфиты сотворили одновременно семитский и арийский жаргон, своего рода шифр, и ничего больше. Соплеменники Джелаледдина Руми так и не сумели создать особый язык⁴⁰.

40 Возможно, аналогичным балайбаланскому жаргоном является искусственный язык, которым пользуются в России барышники и коробейники, особенно во Владимирской губернии. Причем им пользуются только мужчины. Его корни чужды русскому языку, но грамматика целиком русская.

Из всего этого я делаю следующий вывод: сущность языка тесно связана с формой мышления народа и с самого начала содержала в себе, пусть и в зародыше, все необходимые средства передачи самых различных характерных черт образа мысли ⁴¹.

Так или иначе, все тупики и пробелы в умственном развитии человеческих рас находили отражение в их языках. В качестве примера можно назвать китайский, санскрит, греческий, семитскую языковую группу. В китайском языке я уже отмечал утилитарную тенденцию, соответствующую пути, по которому идет развитие мышления этой нации. Изысканность философских и теологических выражений санскрита, его богатство и эвритмическая красота — это тоже отражение гения нации. То же самое можно сказать о греческом, а недостаточная точность выражения в наречиях, на которых говорят семитские народности, отражает их характер.

Однако спустимся с заоблачных высот прошлых эпох и вернемся на более близкие к нашему времени исторические равнины; здесь мы можем присутствовать при рождении множества языков, и этот грандиозный процесс ясно показывает нам, насколько полно этнический гений выражается в языке.

Там, где происходит смешение народов, соответствующие языки проходят через революцию — иногда медленную, иногда быструю, но всегда неизбежную. Они изменяются и по прошествии некоторого времени умирают. Новая языковая система, приходящая им на смену, представляет собой компромисс между исчезнувшими типами, и каждая раса вносит свой вклад, который соответствует ее численности в рождающемся обществе. Так, начиная с XIII века в наших западных обществах германские диалекты уступили свои позиции не латыни, а романской группе ⁴², и этот процесс протекал по мере усиления галло-романской мощи. Что касается кельтского языка, он отступил не перед итальянской цивилизацией, а под натиском колонизации, от которой он просто бежал, хотя справедливости ради надо отметить, что в конечном счете он одержал победу благодаря численности говорящих на нем, потому что, когда завершилось слияние галлов, римлян и северных народов, ему удалось усовершенствовать свой синтаксис, приглушить резкий акцент, доставшийся ему от германских наречий, и чрезмерную звучность, принесенную с Апеннинского полуострова, и сохранить присущую ему гармонию, пусть и не столь выразительную. Эволюция французского языка — всего лишь результат такого скрытого, долгого и уверенного процесса. Причины, по которым современный немецкий язык избавился от раскатистых звуков, напоминавших готику времен епископа Улфилы, заключаются в наличии значительного слоя кимрийского населения при небольшом количестве германских элементов, оставшихся за Рейном ⁴³ после эпохи великого переселения народов в V в. н. э.

41 Не могу удержаться от искушения привести прекрасный отрывок из сочинения Г. О. Мюллера, в котором этот эрудит с большим чувством и тактом уточняет истинную природу языка. «Наше время, благодаря исследованиям индусских языков, а еще больше языков германских, показало, что языки подчиняются столь же непреложным законам, сколько сами органические существа. Между разными диалектами, которые однажды разделились и развиваются независимо друг от друга, продолжают существовать таинственные отношения, и благодаря им звуки и сочетания звуков взаимно определяют друг друга. Сегодня известно, что литература и наука, одновременно замедляя и отражая этот процесс, не в состоянии навязать языку какие-либо правила, превосходящие те, которые изначально предписала ему природа, мать всех вещей. Дело не в том, что языки, задолго до эпохи фантазии и дурного вкуса, не могут подвергаться воздействию как внутренних, так и внешних причин болезни и претерпеть глубокие пертурбации, дело в том, что до тех пор, пока в них есть реальная жизнь, их внутренней виртуальности достаточно для того, чтобы излечить всяческие недуги, собрать воедино разрубленные члены, восстановит единство и гармонию даже в том случае, если красота и совершенство этих благородных растений почти полностью исчезли» (Г. О. Мюллер «Этрусски», стр. 65).

42 Смешение наречий, параллельное смешению рас в той или иной нации, было отмечено еще в те времена, когда философская наука не существовала как таковая. Приведу следующий отрывок: «Общим правилом можно считать тот факт, что пропорционально числу чужеземцев, которые мигрируют в какую-либо страну, в язык этой страны проникают слова из их языка, проходят стадию натурализации и становятся повседневными для коренных жителей». (Кемпфер «История Японии», Гаага, 1729 г, I том, стр. 73).

43 Кеферштайн приводит доказательства того, что немецкий язык есть результат смешения кельтского и

Смешение народов на каждой отдельной стадии принимает разные формы в зависимости от распределения этнических элементов; лингвистические результаты этого процесса также отличаются множеством нюансов. Общим правилом можно считать тот факт, что ни один язык не в состоянии сохранить свою чистоту после близкого контакта с другим языком; даже если соответствующие основные элементы отличаются наибольшим несходством, изменение меньше всего затрагивает лексику, а если язык–паразит обладает достаточной силой, он непременно начнет подрывать эвритмическую структуру и даже грамматическую систему в ее самых уязвимых местах; следовательно, язык — это одна из самых деликатных и самых хрупких составных частей человеческой индивидуальности. Поэтому так часто можно наблюдать странную картину, когда благородный и высококультурный язык в результате соединения с варварским наречием опускается до полуварварского состояния, постепенно лишаясь своих самых лучших качеств, беднеет словами и формами, и проявляет, таким образом, неодолимую тенденцию к ассимиляции с менее развитым спутником, который ему достался при бракосочетании двух рас. Именно это произошло с валахским и ретским наречиями, с языком кави и с бирманским. Оба последних языка пропитаны санскритскими элементами, и несмотря на благородство этого союза, компетентные ученые мужи считают их более низкими в сравнении с делаварским.

Вышедший из группы ленни–ленапов племенной союз, который говорит на этом диалекте, первоначально находился на более высокой ступени, чем обе желтокожие группы, взятые на буксир индийской цивилизацией, и если, несмотря на это превосходство, этот союз во многом уступает им, то это объясняется тем, что обе упомянутые азиатские народности несут на себе печать социальных достижений благородной расы и пользуются ее достоинствами, почти не имея своих. Контакт с санскритом оказался достаточным, чтобы поднять их довольно высоко, тогда как ленапы, которые никогда не испытывали столь благотворного влияния, не смогли подняться в смысле цивилизованности выше нынешнего уровня. В качестве красноречивого сравнения отмечу, что желтокожие мулаты, учившиеся в колледжах Лондона и Парижа, оставаясь мулатами и ярко выраженными мулатами, могут в некотором отношении отличаться более высокой культурой, нежели многие жители Южной Италии, у которых гораздо больше внутренних достоинств. Поэтому, когда речь идет о дикарях, говорящих на более совершенном языке, чем язык более цивилизованных народов, надо разобраться в таком вопросе: является ли цивилизация последних плодом их собственных усилий или результатом влияния чужой крови. В последнем случае несовершенство первобытного языка и вырождение языка заимствованного прекрасно уживаются с довольно развитой социальной культурой⁴⁴.

Я уже отмечал, что каждая цивилизация имеет определенную ценность, поэтому не стоит удивляться тому, что поэзия и философия более развиты у индусов, у народов, говорящих на санскрите, и у греков, чем у нас, между тем как практицизм, критическое мышление и эрудиция больше присущи нашим народам. В целом у нас больше энергетических способностей, нежели у знаменитых властителей Южной Азии и жителей Эллады. Зато мы значительно уступаем им в области прекрасного, поэтому естественно, что наши языки занимают столь скромное место в нашем образе жизни и мышления. Еще более мощный взлет в сфере идеального мы видим в литературных произведениях Индии и Ионического полуострова, таким образом, язык, по моему глубокому убеждению, будучи очень значимым критерием общего развития рас, таковым является в очень узком смысле, в смысле эстетическом, и принимает на себя эту функцию, когда речь идет о сравнении готского. Того же мнения придерживается Гримм.

44 Именно это различие в уровнях между умственными способностями победителя и побежденного стало источником «священных языков» в начале эпохи великих империй. Это явление наблюдается во всех частях света У египтян был свой «священный язык», у инков Перу — свой. Этот язык, предмет суеверного почитания, исключительная собственность высших классов и касты жрецов и недоступный всем прочим, всегда свидетельствует о наличии чужой господствующей расы в том или ином районе Земли.

соответствующих цивилизаций.

Дабы не оставлять невыясненным этот спорный вопрос, я позволю себе вступить в дискуссию с бароном Гумбольдтом относительно его мнения о превосходстве мексиканского языка над перуанским: он считает это превосходство очевидным, хотя цивилизация инков намного превосходила цивилизацию обитателей Анауака.

Несомненно, нравы перуанцев были более мягкими, а их религиозные взгляды более мирными, нежели у жестокосердных подданных Монтесумы. Но, несмотря на это, их социальный порядок в целом не отличается такой энергией и такой гибкостью. Если их деспотизм, весьма грубый и примитивный, сводился лишь к стадному коммунизму, то ацтекская цивилизация знала очень утонченные формы правления. Военное искусство у них находилось на более высокой ступени, и хотя обе империи в равной степени отличались невежеством в письменности, поэзия, история и нравственность, очень развитые к тому времени, когда там появился Кортес, играли более важную роль в Мексике, чем в Перу, где все общественные институты проявляли склонность к беззаботности и эпикуреизму, что мало способствует работе ума. Отсюда нетрудно сделать вывод о превосходстве более активного народа над народом более инертным.

Впрочем, в этом случае мнение господина Гумбольдта есть следствие его определения цивилизации. Не желая продолжать дискуссию, я, тем не менее, хочу окончательно прояснить этот вопрос, потому что, если бы две цивилизации могли когда-либо развиваться параллельно прогрессу языков и независимо от своих достоинств, следовало бы отказаться от мысли о соответствии между степенями развития языков и умственного развития. Этот факт отрицать невозможно, хотя и в иной мере, нежели говорилось в отношении санскрита и древнегреческого в сравнении с английским, французским, немецким.

Между прочим, рассуждая подобным образом, не составит труда обнаружить у метисов причины того уровня развития, на котором находятся их языки. Не всегда можно, исходя из количественной пропорции смешения или их качества, обнаружить причины этого явления. Однако влияние этих причин имеет очень важное значение, и если выявить его не удастся, можно прийти к ошибочным выводам. Именно вследствие того, что существует достаточно тесная связь между языком и его носителем — расой, она сохраняется намного дольше, чем соответствующие народы сохраняют свою государственность. Эта связь дает себя знать и после того, как народы меняют свое имя. И только по мере изменения состава их крови она исчезает, умирает вместе с последним признаком национальности. Примером тому служит современный греческий язык: искаженный до крайней степени, лишенный лучшей части своего грамматического богатства, засоренный в лексикологическом отношении, даже обедненный в смысле количества звуков, тем не менее, он сохранил свои первородные признаки. (Между прочим, хотя в Древней Греции было много диалектов, но не такое количество, как в XVI в., когда их насчитывалось семьдесят, в XIII в. во всей Элладе и в особенности в Аттике многие говорили по-французски.) Можно сказать, что именно в пространстве духа Парфенон, пришедший в ветхость, служивший храмом, затем пороховым складом, сильно пострадавший от венецианских ядер, до сих пор вызывает восхищение и является непревзойденным образцом глубокомысленного изящества и простого величия.

Также случается, что не у всех народов существует верность языку предков. Это обстоятельство еще больше затрудняет попытки при помощи филологии найти истоки или определить относительные достоинства того или иного человеческого типа. Не только языки претерпевают изменения, этническую природу которых не всегда возможно обнаружить — встречаются и народы, которые, вследствие контакта с чужими языками, отказываются от своего собственного. Именно это произошло после победоносных походов Александра с просвещенной частью населения Западной Азии, например, с карийцами, каппадокийцами и армянами, то же самое можно сказать и о наших галлах. Между тем и те и другие внедрили в языки-победители чужеродный принцип, который, в конечном счете, также изменил их. Но если эти народы еще сохраняли, пусть и не во всей целостности, свой собственный

инструмент мышления, если другие, более стойкие — баски, берберы из Атласа, экхилиды Южной Аравии — до сих пор говорят так, как говорили их предки, есть группы, например, евреи, которые, кажется, никогда не придавали этому значения. И это безразличие поражает с первых дней переселения богоизбранного народа. Фарра, пришедший из халдейского Ура, так и не выучил в стране предков ханаанский язык, который стал национальным для детей Израиля. А те отказались от родной речи и приняли другую, которая, как хочется думать, претерпела воздействие древних воспоминаний и сделалась в их устах особым диалектом того очень древнего языка — материнского для древнейшего арабского, законного наследия племен, близких черным хамитам⁴⁵.

Этому языку евреи тоже не сохранили верность. По возвращении из плена толпы Зоровавеля забыли его на берегу вавилонских рек во время семидесятилетнего пребывания там. Патриотизм, усиленный изгнанием, сохранил весь свой пыл — все же остальное с поразительной легкостью отверг этот народ, странным образом одновременно гордый самим собой и космополитический по духу до крайнего предела. В заново отстроенном Иерусалиме появилось многочисленное население, говорившее на арамейском или халдейском наречии, которое, впрочем, не было лишено сходства с языком отцов Авраама.

Во времена Иисуса Христа этот диалект с трудом сдерживал натиск греческого диалекта, со всех сторон проникавшего в еврейскую систему мышления и речи. Теперь только в этих новых одеждах, в той или иной степени элегантных, несущих на себе более или менее сильную печать аттической претенциозности, еврейские авторы той эпохи создавали свои произведения. Последние канонические книги Ветхого завета, равно как и сочинения Филона и Иосифа, являются произведениями эллинистическими.

Когда разрушение святого города разбросало во все стороны нацию, отныне лишенную расположения Всевышнего, Восток не преминул собрать умственное богатство ее сынов. Еврейская культура порвала с Афинами и Александрией, и язык, идеи Талмуда, учение школы Тибериада снова стали семитскими, иногда арабскими и часто ханаанскими, если воспользоваться термином Исайи. Я имею в виду священный с тех пор язык, язык раввинов, религии, который считается национальным. Но в повседневной жизни евреи пользовались наречиями земель, в которые их занесла судьба. Следует отметить, что повсюду эти изгнанники обращали на себя внимание своим особенным акцентом. Язык, который они восприняли и изучили с раннего детства, так и не смог смягчить их голосовые связки. Этот факт подтверждает высказывание Гумбольдта о такой тесной связи расы и языка, что многие поколения так и не научаются правильно произносить слова, которых не знали их предки.

Как бы то ни было, евреи являют собой замечательное доказательство этой мысли, а именно: не всегда, с первого взгляда, можно установить точное соответствие между расой и языком, на котором она говорит, поскольку этот язык, возможно, и не принадлежит ей по праву рождения. После евреев я мог бы назвать еще цыган и немало других народов.

Теперь понятно, с какой осторожностью следует пользоваться понятием родства и даже сходства языков, чтобы сделать вывод об идентичности рас, потому что не только многие народы употребляют измененные языки, основные элементы которых были сформированы без их участия — примером служит большая часть народов Западной Азии и почти все народы Южной Европы, — но немало других приняли совершенно чуждые им языки, к формированию которых они вообще не имели никакого отношения. Конечно, этот последний случай очень редкий. Он является даже аномалией. Однако достаточно того, что такое бывает, чтобы поостеречься доказательств, напрашивающихся при виде таких отклонений. Тем не менее, поскольку факт аномален, поскольку он встречается не столь часто, как факты совершенно иного рода, т. е. факты сохранения национальных наречий даже очень слабыми народностями, поскольку мы наблюдаем, насколько языки соответствуют гению создавшего их народа и насколько они изменяются по мере того, как меняется кровь этого народа,

45 Сами евреи не называют свой язык еврейским, они называют его — и вполне справедливо — языком Ханаана, отдавая таким образом дань истине (Исайя, 19,18).

поскольку роль, которую они играют в формировании их производных, пропорциональна численному вкладу расы, который они вносят в новую смешанную систему, — все это позволяет сделать неопровержимый вывод о том, что ни один народ не может иметь язык, стоящий на более высокой ступени, чем он сам. Из этого позволю себе вывести следующие заключения.

Говоря о нации смешанного состава, мы отмечали, что цивилизация не существует для всех ее слоев одновременно. В то время, когда старые этнические факторы продолжают действовать на нижнем уровне социальной лестницы, они весьма слабо и чаще всего временно поддаются влиянию преобладающего национального гения. Выше я применил этот принцип к Франции и сказал, что из 36 миллионов жителей насчитывалось едва ли 20, которые принимали вынужденное, пассивное, временное участие в цивилизаторской деятельности на благо современной Европы. За исключением Великобритании, сплоченной значительным единством ее национальных типов — следствие ее островного положения, — еще более грустная картина наблюдается на остальной части континента. Раз уж я взял Францию в качестве примера, продолжу разговор об этой стране и попытаюсь показать, что мое мнение об ее этническом состоянии и суждение, высказанное мною только что в отношении всех рас в целом, что касается соответствия типа и языка, поразительным образом совпадают друг с другом.

Мы знаем мало, или лучше сказать, мы ничего не знаем достоверно, через какие стадии прошли кельтский язык и народная латынь⁴⁶, прежде чем сблизились и, наконец, слились Святой Иероним и его современник Сульпис Север свидетельствуют — первый в своих «Комментариях о Послании Святого Павла Галатам», второй в «Диалоге о достоинствах монахов Востока» — о том, что в их время в Галлии говорили по меньшей мере на двух «вульгарных» языках кельтском, сохранившимся в такой чистоте на берегах Рейна, что язык галло-греков, расставшийся со своей прародиной шесть сотен лет назад, во всем походил на свой праязык, и галльском, который, по мнению одного комментатора, не мог быть ничем иным, кроме как искаженным древнеримским или романским. Но этот галльский язык, отличавшийся от того, который употребляли в Треве, уже не был ни языком западным, ни языком Аквитании. Этот диалект IV века, возможно, сам разделенный на две большие группы, нашел себе место только в центре и на юге нынешней Франции. Именно от того общего источника следует вести начало течений, в различной степени латинизированных, которые сформировали позже, вместе с другими продуктами смешения и в разных пропорциях, язык дой и собственно романский. Вначале поговорим о последнем.

Чтобы этот язык появился, достаточно было лишь внести небольшие изменения в латинскую терминологию и изменить некоторые грамматические правила, заимствованные из кельтского и других языков, прежде неизвестных на западе Европы. Колонии империи внесли свой вклад в виде немалого числа итальянских, африканских, азиатских элементов. Набеги бургундцев и в особенности готов стали еще одним источником живой гармонии, звонких и раскатистых звуков. Их еще больше усилили сарацины. Таким образом, романский язык, отличавшийся от галльского, что касается эвритмии, вскоре приобрел особенный, специфический отпечаток. Конечно, его не обнаружишь в клятвах сынов Луи Дебоннэра или позже в поэзии Рембо до Вошера или Бертрана де Борна. Однако он уже чувствуется, его основные признаки сформированы, направление его развития четко определено. С тех пор в различных своих диалектах — лимузенском, провансальском, овернском — появился язык населения, столь перемешанного, что подобного ему нет на свете. Этот язык — гибкий, прозрачный, духовный, жизнерадостный, искрящийся, но лишенный глубины и философии, сверкающий подобно золоту, но золотом не являющийся, — мог выразить лишь то, что лежит

46 Не столь долг путь от народной латыни — «lingua rustica Romanorum», «lingua romana», одним словом, от древнеримского языка — к деградации, потому что элегантный язык с более точными и развитыми формами оказался бы более стойким. Отметим также, что каждый легионер приносил в колонии Галлии наречие своей родины, появление всеобщего усредненного диалекта ускоряли не только кельты, но и сами эмигранты.

на поверхности. В нем не было заложено серьезных принципов, он должен был остаться инструментом всеобщей индифферентности, построенном на скептицизме и насмешливости. И он с успехом исполнил свое предназначение. Говорящая на нем раса стремилась только к удовольствиям и внешнему блеску. Она была храброй до безрассудства, жизнерадостной и увлекающейся, страстной без предмета страсти и живой без убеждений, она располагала инструментом, вполне подходящим для того, чтобы служить ее стремлениям, но, несмотря на восхищение Данте, этот язык служил в поэзии только для рифмовки сатирических произведений, любовных песенок, воинственных призывов, а в религии — для того, чтобы поддерживать ереси альбигойцев, манихейцев, которые были лишены всяких литературных достоинств, что, впрочем, не помешало одному англичанину, не отличавшемуся католицизмом, поздравить папство с тем, что оно породило средневековье⁴⁷. Таким был в те времена романский язык, таким он является и сегодня. Он не прекрасен, но изящен, и достаточно внимательно присмотреться к нему, чтобы увидеть, как мало он пригоден для великой цивилизации.

Посмотрим, не в похожих ли условиях сформировался язык дой? Ответ будет отрицательным, и каким бы способом не произошло слияние кельтского, латинского, германского элементов, мы не можем судить об этом в силу недостатка литературных памятников эпохи создания языка⁴⁸, по крайней мере, ясно, что он рождался из антагонизма между тремя различными наречиями и что получившийся в результате этого продукт обладал характером и энергией, которые не были известны тем рыхлым составляющим, из которых образовался романский язык. В какой-то момент своего существования язык дой был весьма близок к германским принципам. В письменных памятниках, дошедших до нас, можно обнаружить один из лучших признаков арийских языков — мощь, пусть и ограниченную, менее выраженную, чем в санскрите, древнегреческом и немецком, но все еще достаточную для того, чтобы создавать составные слова. Существительные имеют флексии, указываемые аффиксами и, следовательно, способность к инверсии, утраченную в наше время, коей французский язык XVI в. наслаждался только в ущерб ясности речи. Его лексические запасы хранили много элементов, оставшихся от франкской расы. Таким образом, язык дой в самом начале был настолько же германским, насколько галльским, а кельтский оставался на втором плане, что, вероятно, объяснялось мелодическими требованиями языка. Самая большая похвала, которой можно удостоить эту языковую систему, — это удачное и дерзновенное предприятие господина Литтрэ, которому удалось литературно, стих за стихом, перевести на французский язык XIII в. первую песнь «Илиады», что вряд ли возможно сделать на сегодняшнем французском.

Этот язык, очевидно, принадлежал народу, который являл собой явный контраст с жителями Южной Галлии. Народная литература этой расы, глубже приверженная католическим идеям, вносящая в политику живые понятия независимости, свободы, достоинства, а во все общественные институты стремление к полезности, ставила перед собой цель: собрать воедино не фантастические изыски духа и сердца, не эскапады всеобщего скептицизма, но национальные идеи в том виде, в каком их понимали в ту эпоху и в каком они выглядели истинными. Этому похвальному стремлению нации и языка мы обязаны появлением блестящих рифмованных сочинений, особенно Гарэна Лоэрена, в чьих стихах чувствуется северное влияние.

К сожалению, если создатели этих традиций и даже первые авторы имели намерение сохранить исторические факты или воспеть положительные страсти, то собственно поэзия, любовь к форме и поиск прекрасного не всегда находят достаточно места в их

47 Маколей в «Истории Англии», т. I, пишет, что альбигойцы пользуются особым расположением революционных писателей, особенно в Германии (см. поэму Ленау «Альбигойцы»). Однако эта секта из Лангедока пополнялась в основном за счет рыцарей и высшего духовенства. Впрочем, их доктрины были антисоциальны, что вполне извинительно.

48 В предисловии к «Песне о Роланде» есть любопытные замечания на этот счет.

произведениях. Прежде всего, у литературы и языка дой наблюдалось желание играть утилитарную роль. Таким образом, расы, язык и письменность как нельзя лучше соответствуют друг другу в данном случае.

Но, что вполне естественно, германский элемент, значительно уступавший в количественном отношении галльскому и романскому, постепенно сокращался и в крови народа. Одновременно он терял свои позиции и в языковой сфере: с одной стороны, кельтский, с другой — латынь, все больше вытесняли его из этой сферы. Этот красивый и сильный язык — к сожалению, он известен нам только по периоду его высшего расцвета, — который мог бы и дальше совершенствоваться, начал увядать и деградировать к концу XIII столетия. В XV в. он превратился в местное наречие, в котором германских элементов почти не осталось. С тех пор это растроченное сокровище представляло собой некую аномалию рядом с прогрессирующими кельтским и латинским, нечто алогичное и варварское. В XVI в., в эпоху возврата к классическим исследованиям, французский язык пребывал в таком расшатанном состоянии, и появилась тенденция к его совершенствованию путем поворота в сторону языков древних. Эту задачу провозгласили литераторы того великого времени. Впрочем, они мало в этом преуспели, и XVII в., более благоразумный, чем предыдущий, и понимавший, что невозможно сопротивляться естественному порядку вещей, занимался только усовершенствованием языка, который каждодневно все больше принимал самые естественные формы преобладающей расы, т. е. те самые, которые некогда составляли грамматическую стихию кельтского.

Хотя вначале язык дой, затем французский обязаны своей стойкости более простым смешениям рас и наречий, из которых они вышли, тем не менее в них сохранялись и диалекты. Кстати, было бы честью для этих форм назвать их диалектами, а не местными наречиями. Причина их жизнеспособности коренится не в деградации преобладающего национального типа, свидетелями коей они были, а в определенной пропорции кельтского, романского и германского элементов, которые составляли и до сих пор составляют нашу национальность. По эту сторону от Сены преобладает пикардийский диалект со своей эвритмикой и лексикой, очень близкой к фламандской, а германские следы в нем настолько очевидны, что нет нужды их доказывать. В этом отношении фламандский остался верен языку дой, который в определенный момент, оставаясь самим собой, смог вобрать в себя, особенно в поэзии, формы и выражения разговорного языка, употребляемого в Аррасе.

На другом берегу Сены мы встретим больше провинциальных наречий кельтского происхождения. В бургундском, в диалектах провинций Во и Савойи даже лексика сохранила множество кельтских следов, которых не обнаружишь во французском и вообще в народной латыни.

Я уже говорил о том, что, начиная с XV в. влияние северной части Франции уступало место влиянию рас, обитавших за Луарой. Достаточно сопоставить сказанное выше о языке и то, что я еще раньше писал о крови, чтобы понять, насколько тесны отношения между физическим элементом и фактическим инструментом индивидуальности народа.

Я несколько увлекся рассмотрением Франции, но если обратить взор на всю Европу, мы увидим примерно ту же картину. Повсюду происходящие изменения языков не являются, как обычно считают, следствием действия времени: если бы дело обстояло так, такие языки, как экхили, берберский, эскара, нижнебретонский, давно бы исчезли, а они живут до сих пор. Изменения эти обусловлены революционными процессами в крови поколений.

Я не могу не отметить одну интересную деталь, которая должна получить свое объяснение на этих страницах. Я уже говорил о том, что некоторые этнические группы, повинувшись определенным обстоятельствам, отказались от своей речи и приняли другую, в той или иной степени чуждую им. В качестве примера я приводил евреев. Но существуют еще более удивительные случаи такого отречения. Есть на земле дикие народности, говорящие на языках, стоящих на более высокой ступени, нежели они сами — я имею в виду Америку.

У этого континента такая необычная судьба, что его самые активные народы развивались, если можно так выразиться, втайне от остального мира. У этих цивилизаций нет

письменности. Исторические времена начались там с большим запозданием и остались малоизвестны для нас. На земле Нового Света проживает большое количество племен, которые мало похожи друг на друга, хотя все принадлежат к общим истокам в различных комбинациях.

Орбиньи пишет, что в Центральной Америке есть группа, называемая им чикитской ветвью, которая состоит из народов, насчитывающих самое большое — пятнадцать тысяч душ и самые малочисленные — порядка трехсот, причем все они, даже маленькие, говорят на разных наречиях. Такая ситуация может быть лишь результатом невероятной этнической анархии.

Что касается этой гипотезы, не удивительно, что среди этих народностей есть такие, как, например, чикитос, у которых весьма сложный язык и, кажется, весьма развитый. У этих аборигенов мужчины не всегда употребляют те слова, которыми пользуются женщины. Во всех случаях, когда мужчина употребляет «женские» выражения, он несколько видоизменяет их значение. И это всегда делается самым искусным образом. К сожалению, наряду с этой красивой лексической системой мы видим примитивную систему числительных, сведенную к самым элементарным числам. Вполне вероятно, что в языке, внешне отточенном, этот признак неразвитости можно считать вековым проклятием, связанным с варварством нынешних носителей языка; когда мы наблюдаем такие странности, на ум невольно приходят величественные дворцы эпохи Возрождения, которые в результате революций окончательно перешли в собственность богатых крестьян. Глаз все еще восхищается изящными колоннами, резными сводами, смело сконструированными лестничными переходами, импозантными шпилями и гребнями, совершенно ненужными для нищеты, которая там поселилась, а через дырявую кровлю льет дождь, полы обрушиваются, штукатурка отстаёт от стен.

Итак, я позволю себе подчеркнуть, что филология в своих отношениях с природой той или иной расы лишней раз подтверждает факты физиологии и истории. Только это утверждение следует использовать с крайней осторожностью, ибо если нет иных аргументов, можно прийти к очень поспешным и поверхностным выводам. Конечно, нет сомнений в том, что состояние языка соответствует интеллектуальному состоянию группы людей, говорящих на нем, но не всегда эта связь одинаково тесная. Чтобы судить об этом отношении, надо обратиться к расе, которой и для которой был создан язык. Дело в том, что история предлагает нам, за исключением чернокожих и некоторых желтокожих народов, в лучшем случае квартеронские расы. Следовательно, мы имеем дело с производными языками, где закон их формирования можно четко проследить только в тех случаях, если эти языки появились относительно недавно. Из этого следует, что такие результаты, которые постоянно нуждаются в подтверждении историей, не могут считаться неопровержимыми доказательствами. По мере углубления в античность, по мере того, как тускнеет свет, филологические аргументы принимают все более гипотетический характер. Нам досадно ощущать свои ограниченные возможности, когда мы стремимся реконструировать историческое движение человеческих групп и познать составляющие их этнические элементы. Нам известно, что санскрит и зенд — это родственные языки. Это общее, т. е. поверхностное суждение. Что же касается их общего корня, нет никаких определенных фактов. То же самое можно сказать об остальных очень древних языках, например, об языке эскара. Нам известен только сам этот язык: поскольку у него нет аналогов, мы не знаем его генеалогии, не знаем, считать ли его первородным или же производным. Поэтому этот язык не может сообщить нам ничего определенного о характере языковой группы, к которой он относится, и о людях, говорящих на нем.

Что касается этнологии, она с благодарностью принимает помощь от филологических наук. Однако к ним следует относиться сдержанно и, по мере возможности, избегать делать только на их основании какие-либо выводы⁴⁹.

49 Не стоит забывать, что такие меры предосторожности относятся лишь к определению генеалогии народа, а не группы народов. Если какая-нибудь нация меняет свой язык, это явление никогда не происходило и не могло бы произойти в рамках целого семейства народностей, этнически идентичных и политически

Итак, это правило сопряжено с необходимыми оговорками. Но все изложенные выше факты свидетельствуют о том, что существует исконное соответствие между интеллектуальным уровнем расы и степенью развития ее природного языка; что, следовательно, языки обладают разным достоинством, как по форме, так и по глубине и содержанию — точно так же, как и расы; что изменения в них происходят за счет смешения с другими наречиями и языками — точно так же, как и в расах; что их качества и достоинства взаимопроникают друг в друга и взаимно исчезают друг в друге — точно так же, как кровь рас в результате слишком сильного взаимопроникновения гетерогенных элементов; наконец, когда язык высшей касты оказывается в распоряжении родственной ей группы, эта каста неизбежно будет деградировать. Если в конкретных случаях часто трудно вынести суждение о ценности народа исходя из ценности языка, которым он пользуется, все-таки можно с уверенностью утверждать, что в принципе это возможно. Таким образом, читателю предлагается следующая общая аксиома: иерархия языков находится в строгом соответствии с иерархией рас.

ГЛАВА XVI

Краткое повторение пройденного; относительные признаки трех крупных рас; социальные последствия смешения; верховенство белого типа и приоритет арийской группы в этом типе.

Я показал место, предназначенное нашему виду в органическом мире. Мы увидели, какие глубокие физические различия, и какие не менее очевидные моральные различия выделяют нас из всех прочих классов живых существ. Выделив наш вид, я изучил его как отдельную данность, т. е. как сам по себе, и физиология — пусть ненадежная в своих выводах, мало надежная в своих возможностях и даже порочная в своих методах — тем не менее, позволила мне определить три крупных совершенно обособленных типа: черный, желтый и белый.

Меланийская разновидность стоит на самой низшей ступени лестницы. Животный характер, запечатленный в форме таза ее представителей, определил ее судьбу с самого появления на свет. Ей никогда не суждено выйти за пределы самого узкого по интеллекту круга. Между тем нельзя считать элементарными животными негров с узким и покатым лбом, в средней части черепа которых наличествуют признаки мощного энергетического заряда. Если их мыслительные способности невелики или вовсе равны нулю, то их желания и, соответственно, их воля отличаются необузданностью. Некоторые их чувства развиты до такой степени, которая неведома двум другим расам: главным образом это касается вкуса и обоняния.

Но именно в самой жадности таких ощущений заключается поразительное доказательство неразвитости негра. Любая пища хороша для него, ничто ему не противно. Единственное, чего он хочет, — это есть и есть, не зная меры, есть с жадностью; дохлая кляча будет хороша для того, чтобы набить его желудок. Так же он относится и к запахам — его обоняние легко приспособляется не только к самым резким, но и к самым отвратительным. К этим основным чертам характера добавляются неустойчивость настроения, переменчивость его чувств, что делает порок и добродетель совершенно неразличимыми для него. Можно сказать, что усердие, с каким он преследует предмет своей страсти и своего вождения, служит залогом того, что он может быстро успокоиться и забыть о своем стремлении.

Наконец, он мало дорожит своей жизнью и жизнью другого человека; он убивает для независимых. Евреи отказались от своего языка, а группа семитских народов никогда не забывала своих родных диалектов.

того, чтобы убивать, и эта человекоподобная машина, легко приводимая в действие, перед лицом страданий проявляет либо трусость такого рода, которая заставляет человека укрыться в лоне смерти, либо чудовищную невозмутимость.

Желтая раса представляет собой антитезу этому типу. Череп уже не вытянут назад, а, напротив, выдается вперед. Лоб большой, костистый, часто выступающий, развитый в высоту, как бы нависает над треугольной лицевой частью, где нос и подбородок не имеют резких выступов, как у негра. Общая тенденция к тучности не является специфическим признаком этой расы, хотя встречается у желтокожих чаще, чем у других народов. Кроме того, можно отметить слабую физическую конституцию и предрасположенность к апатии. В моральном отношении желтая раса не имеет тех безрассудств, которые отличают меланийцев. Здесь обнаруживаются слабо выраженные желания, воля, скорее граничащая с упрямством, нежели с безрассудством, устойчивое, но спокойное стремление к материальным удовольствиям, тенденция к обжорству, но больше разборчивости в пище, чем у негров. Во всех делах — приверженность к посредственности, четкое понимание всего, что не является слишком возвышенным или глубоким; любовь ко всему полезному, уважение к порядку, осознание преимуществ, которые дает определенная доза свободы. Желтокожие очень практичны, в узком смысле этого слова. Они не предаются мечтаниям, не склонны к теоретическим рассуждениям, неизобретательны, но способны оценить и принять все утилитарное. Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. Очевидно, что они стоят выше негров. Наверное, любой цивилизатор охотно избрал бы такой народ в качестве основы своего общества, но это совсем не то, что может сформировать общество, придать ему энергию, красоту, жизнестойкость.

За ними идут белые народы. Для них характерны обдуманная энергия, или, лучше сказать, энергетический интеллект; чувство полезного, но в более широком смысле слова, а также более высоком, более дерзновенном, более идеальном, чем у желтокожих; упорство в сочетании с учетом препятствий и умение преодолевать их; большая физическая сила, исключительное инстинктивное тяготение к порядку, но не как залог отдыха и покоя, а как необходимое средство к самосохранению и одновременно ярко выраженный вкус к свободе, даже чрезмерной; явная враждебность к формализму, в который, как в спячку, охотно впадают китайцы, а также неприятие высокомерного деспотизма.

Белые люди отличаются также необычной любовью к жизни. Создается впечатление, что они лучше умеют пользоваться ею, лучше знают ей цену, поэтому больше дорожат своей и чужой жизнью. Их жестокость, когда она проявляется, ограничена сознанием необходимости определенных пределов, чего не встретишь у чернокожих.

В то же время они знают причины, по которым можно расстаться без колебаний с этой столь драгоценной для них жизнью. Первая из них — честь, которая под различными именами занимала огромное место в мышлении человечества с самого начала его появления. Нет нужды добавлять, что понятие чести и цивилизаторский смысл, заключенный в нем, неизвестны ни желтым, ни черным расам.

Чтобы довершить нарисованные портреты, замечу, что огромное превосходство белых людей во всем, что касается интеллекта, сочетается у них с не менее очевидным отставанием в силе ощущений. У белого человека более слабая чувственность, чем у негра или желтокожего. Следовательно, он меньше озабочен телесностью, хотя его конституция развита лучше.

Вот три составных элемента человеческого рода — то, что я назвал вторичными типами, поскольку счел себя обязанным оставить в стороне первородного человека или «адамита». Третичные же группы вышли из сочетания разновидностей каждого из названных трех типов. Четвертичные поколения родились из союза одного из этих третичных типов или одного чистокровного племени с другой группой, вышедшей из одного из двух чужеродных видов.

Ниже этих категорий ежедневно обнаруживаются другие. Одни, очень характерные, образующие новые отличительные типы, потому что происходят из завершенных видов

слияния; другие — незаконченные, неупорядоченные, можно сказать, антисоциальные, потому что их элементы — либо слишком разнородные, либо слишком многочисленные, либо слишком незначительные — не имели ни времени, ни возможности проникнуть друг в друга в такой степени, чтобы это привело к оплодотворению. Для множества всех этих пестрых метисных рас, которые составляют сегодня человечество, нельзя установить иных границ, кроме рискованной вероятности сочетаний чисел.

Было бы не совсем корректно утверждать, что все смешения плохи и вредны. Если бы три указанных больших типа, остающихся четко разделенными, не перемешались друг с другом, тогда превосходство, без сомнения, было бы на стороне самых способных белых племен, а представители желтой и черной рас вечно пресмыкались бы у ног малочисленных народов белой расы. Впрочем, история не допустила такого развития событий. Его можно представить, только признавая безусловное преимущество групп, сохранивших наибольшую чистоту крови.

Но от такой гипотетической ситуации никто бы не выиграл. Относительное превосходство, будь оно более очевидным, не могло бы принести те позитивные плоды, которые дал процесс смешения и которых нельзя не приветствовать, даже если они не уравнивают сумму недостатков.

Например, артистический гений, равно чуждый всем трем основным типам, родился в результате союза белых с неграми. Еще пример: в лице малайского типа из смешения желтой и черной рас появилась разновидность, превосходящая своих предков, а союз желтой и белой рас привел к появлению промежуточного типа, стоящего намного выше чисто финских народов и меланийских племен.

Я не отрицаю, что здесь мы видим хорошие результаты. Искусства и благородная литература как плоды смешения крови, улучшенные и облагороженные расы — все это можно только приветствовать. Низшие были возвышены. К сожалению, великие при этом опустились на более низкую ступень, и ничто не может компенсировать или поправить это бедствие. Поскольку я веду речь о том, что свидетельствует в пользу этнического смешения, добавлю к сказанному, что именно смешению мы обязаны смягчением нравов, мыслей, верований и особенно усмирением страстей и склонностей. Однако все это преходящие блага, и если я признаю, что мулат, из которого можно сделать адвоката, врача, коммерсанта, стоит больше, чем его дед-негр, абсолютно невежественный и ни к чему не пригодный, я должен также отметить, что брахманы Древней Индии, герои «Илиады» и персонажи «Шахнамэ», скандинавские воины, все эти славные призраки самых благородных, а ныне исчезнувших рас, являют нам более благородный и прекрасный образ человечества; они были носителями цивилизации и образцами величия, более активными, интеллигентными и адекватными, нежели смешанные народы нынешнего времени, хотя и в их жилах уже не текла чистая кровь.

Как бы то ни было, сложность состава человеческих рас есть историческое состояние, и одним из главных следствий такого положения вещей оказался хаотический беспорядок, в какой погрузилась большая часть первородных признаков каждого типа. В результате многочисленных союзов лучшие черты, как и недостатки, стерлись, размылись и даже обратились в свою противоположность. Первоначально белая раса обладала монополией на красоту, интеллект и силу.

После смешения с другими типами появились красивые, но слабые физически метисы, или метисы сильные, но недалекие умом, или умные, но уродливые и с признаками вырождения. Также оказалось, что даже максимально возможная доза крови белой расы, когда она скапливается в какой-нибудь нации не сразу, а постепенно, уже не дает ей исконных прерогатив. Часто случалось, что от этого лишь возрастал беспорядок в этнических элементах, а природные преимущества белой расы подпитывали такой беспорядок. Эту кажущуюся аномалию нетрудно объяснить, потому что каждый уровень смешения ведет, помимо сочетания различных элементов, к образованию нового типа, к развитию новых, ранее не встречавшихся признаков. Всякий раз, когда к продукту

преобразований такого рода добавляются другие элементы, появляется анархия; чем больше проявляется эта анархия, тем меньше становится ценность самых лучших привнесенных элементов, которые самим фактом своего присутствия увеличивают зло вместо того, чтобы компенсировать его. Если смешение в определенной степени благотворно для большей части человечества, поднимая ее на новую ступень и облагораживая его, это происходит только за счет того же человечества, потому что опускает и унижает его, вносит в его плоть нервозность, оскорбляет его в самых благородных проявлениях; если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей мириады ничтожных существ, чем сохранить расу принцев, чья кровь, поделенная по частям, обедненная, разжиженная, становится обесчещенным элементом подобной метаморфозы, не надо забывать то досадное обстоятельство, что процесс смешения не прекращается, что посредственности, созданные за счет всего лучшего, объединяются в новые посредственности и что из таких браков, все более и более деградирующих, рождается смесь, которая, наподобие Вавилонской башни, приводит к полному бессилию и заводит общество в безысходный тупик.

Вот чему учит нас история. Она показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго продержаться без ее участия, что общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода. Чтобы окончательно прояснить эти истины, достаточно перечислить цивилизации, которые существовали на земле, и, уверяю вас, список не будет очень длинным.

Из сонма народов, которые жили и до сих пор живут на земле, только десяток возвысился до состояния настоящего общества. Все остальные, более или менее независимые, вращаются вокруг них, как планеты вокруг солнца. Если эти десять цивилизаций обнаруживают либо жизненный элемент, чужеродный для воздействия белой расы, либо элемент смерти, который не связан с расами, близкими к цивилизаторским, придется признать, учитывая беспорядок, вызванный процессами смешения, что вся теория, изложенная здесь, ничего не стоит. Напротив, если ситуация такова, как я ее понимаю, благородство нашего рода безусловно подтверждается, и спорить с этим невозможно. Поэтому именно здесь мы находим единственное подтверждение и все необходимые доказательства справедливости нашей системы. Только таким образом можно проследить развитие фундаментального подтверждения того, что народы деградируют лишь в результате и пропорционально степени смешения их кровей и в зависимости от качества этих кровей; что независимо от этого качества самый сокрушительный удар, какой может поколебать жизнестойкость цивилизации, заключается в следующем: возникает ситуация, когда регулирующие элементы общества и элементы, обусловленные этническими факторами, достигают такой степени разношерстности, что их уже невозможно привести в гармонию, т. е. свести хотя бы к минимальному единообразию и, следовательно, добиться общности инстинктов и интересов, которая есть единственная предпосылка социальных связей. Ничего нет хуже, чем этот беспорядок, ибо, как бы он ни отягощал нынешнее время, для будущего он готовит еще худшие испытания.

Для демонстрации своих аргументов я начну с исторической части предмета. Признаю, что это весьма обширная тема, однако она находится в таком тесном сцеплении всех ее частей, стекающихся, подобно ручейкам, к одному устью, что ее обширность поможет мне лучше и основательнее изложить аргументы, которые я предлагаю вниманию читателя. Конечно, нам предстоит вместе с белыми мигрантами пройти большую часть земного шара. Но наши путешествия всегда будут начинаться в Верхней Азии, в центральной точке, где зародилась цивилизаторская белая раса. Одну за другой я буду вводить в исторический контекст местность, которая, будучи однажды средой обитания белого человека, никогда не сможет освободиться от его влияния. Там мы увидим, как действуют этнические законы в их сочетаниях вместе с вытекающими из них последствиями. Мы увидим, с какой неумолимой и монотонной последовательностью они осуществляют свою волю. Из этого захватывающего зрелища, из этой живой картины, которая заключает в свои рамки все страны мира, где

человек действительно проявил себя как хозяин, наконец, из сменяющих друг друга грандиозных эпизодов мы извлечем доказательства, нетленные, как алмаз, и, как алмаз, не боящиеся ядовитых укусов демагогических доктрин — доказательства, которые утвердят неравенство человеческих рас и превосходство одной из них над всеми остальными. Для этого автор складывает оружие критики и рассуждения и вооружается инструментом синтеза и утверждения. Теперь остается лишь определить территорию, на которой я буду действовать. Впрочем, это будет короткий список.

Я уже отмечал, что на земле существовало десять великих человеческих цивилизаций и все они связаны с деятельностью белой расы. Итак, перечислим их.

I. Индийская цивилизация. Она распространилась на острова Индийского океана, на север и на восток азиатского континента за пределы Брахмапутры. Ее центром было место обитания белой народности арийцев.

II. Египтяне. Вокруг них собираются эфиопы, нубийцы и несколько небольших народов, живших на западе оазиса Аммона. Это общество произошло от арийской колонии из Индии, созданной в верховьях долины Нила.

III. Ассирийцы, к которым присоединились евреи, финикийцы, лидийцы, карфагеняне, гимариты. Все они обязаны своему социальному интеллекту массовым вторжениям белой расы — потомков Хама и Сима. Что касается зороастрийцев — иранцев, которые властвовали в Передней Азии под именем мидов, персов, бактрийцев, то это опять была ветвь арийского семейства.

IV. От тех же арийцев произошли древние греки, которые подверглись воздействию семитских элементов.

V. Аналогию того, что происходило в Египте, мы видим в Китае. Одна арийская колония, пришедшая из Индии, принесла туда социальное мышление. Только вместо того, чтобы смешаться, как это случилось на берегах Нила, с черными племенами, она растворилась в массе малайцев и желтокожих, а кроме того, получила довольно мощную поддержку с северо-запада в лице элементов белой расы так же арийского семейства, но уже не индийских⁵⁰.

VI. Древняя цивилизация италийского полуострова, из которой вышла римская культура, представляла собой мозаику из кельтов, иберийцев, арийцев и семитов.

VII. Германские народы в V в. трансформировали гений Запада. Они были арийцами.

VIII. IX, X. Этими цифрами я обозначаю три американские цивилизации — аллеганийскую, мексиканскую и перуанскую.

Из семи первых цивилизаций — одних из самых древних в мире — шесть принадлежат, по крайней мере частично, арийской расе, а седьмая, т. е. ассирийская, обязана иранскому ренессансу, который стал ее самым блистательным историческим моментом. Почти весь европейский континент в настоящее время населяют группы, в которых преобладает «белый» элемент, хотя есть немало и неарийских элементов. Не было настоящей цивилизации у европейских народов без арийского влияния.

Во всех десяти цивилизациях ни одна из меланийских рас не фигурирует в качестве основательницы. А в число посвященных входят только метисы.

Точно так же мы не видим спонтанных цивилизаций у желтых народов, а там, где арийская кровь истощилась, наблюдается застой.

Вот тема, которую я собираюсь исследовать, пользуясь анналами мировой истории. На этом завершается первая часть моего труда.

⁵⁰ Читатель уже был предупрежден, что иногда мне приходится выдвигать априори, т. е. как уже доказанные, факты, которые будут обсуждаться ниже. Я прошу прощения за такую вольность, без которой мне было бы трудно продолжать путь. Все, что я могу сделать, — это как можно реже пользоваться априорными утверждениями. Арийское происхождение египетской и китайской цивилизаций требует доказательств, и я приведу их в свое время.

КНИГА ВТОРАЯ

Древние цивилизации от Центральной Азии до юго-западной окраины материка

ГЛАВА I. Хамиты

Первые следы истории человечества восходят к эпохе, предшествующей 5000 году до рождения Иисуса Христа⁵¹.

К этому времени люди уже начинают нарушать вековую тишину. Нижняя Азия напоминает человеческий муравейник. Постепенно этот муравейник перемещается на юг, в направлении арабского полуострова и африканского континента, а на востоке, начиная с плато, спускающихся по склонам Болора⁵², и дальше, словно эхо, к левому берегу Инда.

Итак, начнем наше исследование с черной, или, точнее, темнокожей, расы.

Эта невероятная смесь меланийцев до сих пор удивляет исследователей⁵³. Еще до появления какого-то бы ни было организованного общества, она, не довольствуясь целым принадлежащим ей континентом, перемещается в Южную Азию и становится полной ее владычицей, затем продвигается к северу, где сохранились древние племена той же крови, всеми забытые в горах Куэнь-Луня в Китае и за пределами Японских островов. Каким бы парадоксальным ни казался этот факт, он удостоверяет плодovitость этой многочисленной группы человечества⁵⁴.

Но независимо от причин, его породивших, независимо от регионов, где он имел место — будь то обжигающие южные долины или ледяные просторы севера, — в тех местах нет ни единого следа цивилизации, ни нынешней, ни вероятной в прошлом.

Среди темнокожих жителей Куэнь-Луня встречаются другие разновидности с курчавыми и пушистыми волосами (в Камауне, где их называют раватами и раджехи). Они, возможно, принадлежат к непальской ветви тумов. В королевстве Ассам, на юге провинции Куэда, живут саманги, дикари с курчавыми волосами, похожие на папуасов Новой Гвинеи. На Формозе есть негры, напоминающие харафорасцев. Темнокожие живут и на островах южнее Японии, а также в Седжистане, на берегу озера Зарех. Нравы этих народов чрезвычайно жестокие. Их политика — война на уничтожение, антропофагия — их мораль и их культ. В районах их обитания нет ни городов, ни храмов — нет ничего, что свидетельствует о социальности. Это варвары во всей своей неприглядности, у которых эгоизм слабости проявляется во всей жестокости. У примитивных народов другой крови, о которых вскоре пойдет речь, сложилось о них общее представление, смешанное с презрением, страхом и отвращением. Хищные звери показались бы слишком благородными в сравнении с этими племенами. В смысле внешности они напоминают обезьян, а что касается их нравственных

51 По мнению Клапрота, это событие датируется эпохой не ранее трех тысяч лет до н. э., но другие хронологи отодвигают время появления человека еще дальше в глубь веков, в частности, в результате раскопок в Египте. Это явно противоречит мнению Клапрота, т. к. все египетские памятники датируются самое раннее 4000 годом. Впрочем, хронология мало значит для нашего исследования, поэтому не стану отвлекать внимание читателя от сути вопроса.

52 Я имею в виду горную цепь, которая, начиная с северного Гиндукуша, тянется на север, пересекает Тянь-Шань и отклоняется на запад к озеру Кабанкул (Гумбольдт. «Центральная Азия», карта).

53 Самые поздние раскопки в центре и на юге Африки показывают, что население этих районов проявляло непонятное стремление к миграции в неизвестные времена.

54 Эта группа насчитывает много подвидов, поскольку негры с курчавыми волосами есть в Камауне, Ассаме и т. д., между тем как у большинства азиатских негров волосы прямые. Следовательно, неправы те, кто утверждает, что не существует азиатских негров с курчавыми волосами, как у африканцев, или с выступающим животом, как у пелайцев. Это очень смешанная раса, безусловно принадлежащая к третичному типу, которая во всех отношениях тяготеет к африканским и океанийским группам.

качеств, нам пришлось бы представить себе ночные кошмары ⁵⁵.

Если центральные области, даже на северо–востоке, оставались населенными такими многочисленными племенами, то северная часть Азии, включая побережье Ледовитого океана и Европы, почти целиком находилась во власти совершенно другого типа. Это желтая раса, которая покинула обширный американский континент и двинулась на восток и запад по берегам двух океанов, затем распространилась, с одной стороны, на юг, где, смешавшись с черной расой, породила многочисленное малайское семейство, а с другой — на запад, т. е. на еще не заселенные земли Европы.

Такое раздвоение маршрута желтой расы со всей очевидностью показывает, что на своем пути поток мигрантов встречался с мощным препятствием, которое заставляло их разделиться. На равнинах Манчжурии их разделила мощная сплоченная преграда, и немало времени прошло, прежде чем они заполнили центральные области, где сегодня живут их потомки. Таким образом, они многочисленными ручейками обтекали препятствие, занимая вначале пустынные места; именно по этой причине желтокожие народы стали первыми хозяевами Европы.

Эта раса оставила нам могилы и кое–какие орудия охоты и войны в сибирских степях, скандинавских лесах и болотах британских островов. Впрочем, судя по этим орудиям, нет оснований считать желтую расу более развитой, чем темнокожие жители юга. В те времена на большей части земли ни гений, ни интеллект не имели никакого значения. Власть определялась только насилием.

Сколько времени продолжалась такая ситуация? В определенном смысле ответить на этот вопрос можно просто: этот порядок вещей имеет место всюду, где черная и желтая разновидности пребывают в третичном состоянии. Итак, древняя история не дает нам утешительных выводов. Она может служить зеркалом нынешнего состояния значительной территории земного шара. Но наука не в силах сказать, когда именно началось варварство. По своей природе наука негативна, поскольку бездейственна. Она произрастает подспудно, и ее существование становится очевидным только в тот момент, когда проявляется активная сила, способная пробить брешь в ее оболочке. Таким моментом было появление среди черных народов белой расы. Только после этого темный хаос озарился рассветом. Итак, обратимся к истокам элитной группы человечества, чтобы увидеть эти первые лучи.

Эта раса имеет не менее древнее происхождение, чем две другие. До времени своего распространения она оставалась незаметной, готовя будущую славную судьбу человека в том уголке земного шара, который с тех пор погрузился в еще более таинственное забвение.

Между двумя мирами — северным и южным, или, если воспользоваться индийским выражением, между полуденной страной, землей смерти, и северной страной, землей несметных сокровищ, — простираются горные плато, изолированные от мира с одной стороны горами неизмеримой высоты, с другой — снежными пустынями и морем льда.

Суровый климат как будто специально благоприятствовал воспитанию сильной расы. Холодные яростные ветры, короткое лето, долгая зима — одним словом, больше бед, нежели благ, — все это вряд ли могло пробудить, создать, развить цивилизаторский гений. Но наряду с этими суровыми условиями, словно символ скрытых благ всякой суровости, негостеприимная земля хранит огромные минеральные богатства, главным образом драгоценные камни ⁵⁶.

55 Негры претендуют на то, что их предки произошли не от солнца или луны, а от зверей. Так народность сахи, живущая на берегу Красного моря недалеко от Массова, называет себя потомками в тринадцатом поколении некоего Асаора, сына львицы.

56 В книге «Центральная Азия», том I, Гумбольдт пишет: «Исследования последних лет в связи с металлорудными богатствами, скрывающимися в земле Северной Азии, наводят нас на мысль об исседонах, аримаспах и о тех грифонах, хранителях золота, которых прославил Аристей из Прокопеса и, спустя два столетия после него, Геродот. Я побывал в долинах на южных склонах Урала, где пятнадцать лет назад, почти на самой поверхности и совсем рядом друг с другом, нашли округлые куски золота весом 13, 16 и 24 фунта; весьма вероятно, что еще более крупные куски когда–то лежали на самой поверхности, изрытой сбегающими с

В горах водятся животные с ценным мехом и шерстью, которые в один прекрасный день дали миру мускус, столь ценный в Азии продукт. Но сколько чудес остаются неиспользованными, если нет умелых рук, способных обнаружить их и оценить.

Тем не менее, славу этим землям принесли не золото, не алмазы, не меха, не мускус, а тот факт, что они взрастили белую расу.

Отличающейся и от темнокожих дикарей юга и от желтокожих варваров севера, этой группе, в самом начале ограниченной клочком территории, чрезвычайно бесплодной, предстояло покорить всю остальную сушу, если Провидению было угодно когда-либо облагородить землю. Однако такая задача была явно не под силу даже для белых людей, если даже пяти тысяч лет оказалось недостаточно для ее осуществления.

Избранную человеческую группу, так же как и две других, подчиненных ей, трудно охарактеризовать и определить с достаточной точностью. Она включает в себя во всем мире множество сходных признаков, которые позволяют и даже вынуждают классифицировать ее под общим — несколько непонятным и очень неполным — именем: белая раса. Поскольку ее основные ответвления демонстрируют довольно разные способности и их удобнее характеризовать по отдельности, нет речи о полной идентичности истоков этой расы. Ведь мы видим четко выраженные различия внутри подвидов темнокожих и жителей северного полушария, поэтому логично предположить, что физиология белых также отличается множественностью типов. Позже мы вернемся к этому, а пока займемся общими признаками.

Первое, что бросается в глаза: белая раса никогда не предстает перед нами в рудиментарном состоянии, в каком мы наблюдаем остальные. С самого появления на исторической сцене она довольно развита и обладает основными элементами, которые позже, будучи усовершенствованы ее многочисленными ветвями, породят

разнообразные формы цивилизации.

Она еще обитала в глухих районах Северной Азии, но уже обладала познаниями в космологии, глубину которых нам приходится признать сегодня, потому что современное человечество знает лишь фрагменты той древней науки, сросшейся с религией⁵⁷.

Помимо идей о происхождении мира белые люди хранили память о первых предках — тех, что жили после сыновей Ноя, и патриархах, умерших до последней космической катастрофы. Есть основания полагать, что именами Сим, Хам и Йафет они называли не всех жителей нашей планеты, а только ветви единственной расы, которую они считали истинно человеческой, т. е. их собственной расы. Это доказывает глубокое презрение, которое они позже питали ко всем остальным расам.

Если иногда имя Хама соотносят то с египтянами, то с чернокожими, то это делается произвольно, в отдельно взятой стране, во времена не столь отдаленные и исходя из аналогии звуков, в которой нет ничего определенного и которой недостаточно для серьезных этимологических рассуждений.

Как бы то ни было, эти белые люди задолго до исторических времен имели два главных элемента всякой цивилизации; религию и историю.

Что касается их нравов, мы знаем один интересный факт: они не сражались пешими, подобно их северным и восточным соседям. На своих врагов они устремлялись, стоя в боевых колесницах; это относится к египтянам, индусам, ассирийцам, персам, грекам, галлам, и здесь можно предположить определенную утонченность военного искусства, что невозможно без больших познаний в обработке дерева, кожи, металлов. Первобытные белые

гор речками». Это и есть Хатака, золотая страна, согласно индийской мифологической географии. Там до сих пор много сокровищ, охраняемых гномами по имени «гуйакас» (от слова «гуй» — прятать), в которых можно узнать финнов, рудокопов маленького роста. Ту же функцию они выполняют в скандинавских преданиях.

57 По утверждению Эвальда, семиты считали своей родиной верхнюю землю на северо-востоке, т. е. ту область, откуда произошли зороастрийцы. Кроме того, у первых народов Передней Азии и арийцев есть общие тенденции, опередившие появление их языковых систем, например, понятие о четырех возрастах мира, о десяти первородных предках, потопе и т. д. (Эвальд, «История израильского народа»).

люди умели ткать и шить одежду и жили группами в больших селениях, украшенных пирамидами, обелисками и курганами из камней или земли.

Они приручали диких лошадей и вели пастушескую жизнь. У них были большие стада коров⁵⁸. Сравнительное изучение языков, которое ежедневно приносит все новые любопытные и неожиданные факты, показывает, что земледелием они занимались мало.

Между прочим, методы добывания этих сведений почти из небытия, которые можно назвать «доисторической историей», сравнимы с работой геологов: они дают не менее точные и неопровержимые результаты. Напри мер, использование военной колесницы практиковалось белыми народами, из которых вышли египтяне, индусы, галлы. Во–первых, эта идея не из тех бытовых потребностей, как, скажем, умение пить и есть, которые приходят на ум всем живым существам независимо от происхождения. Во–вторых, это одно из тех сложных изобретений, которые сохраняются в народе и способствуют его процветанию и могуществу.

Таким же образом можно с точностью восстановить образ жизни примитивных белых народов. Изучение индогерманских языков свидетельствует о наличии в санскрите, греческом, латинском, кельтских и славянских диалектах близких терминов, относящихся к скотоводству и политической жизни. Внимательно изучая слова вместе с их корнями, лингвисты определили происхождение простых или сложных понятий, передаваемых этими словами. Оказалось, что для передачи таких понятий, как «бык», «лошадь», «колесница» или «коляска», «оружие», первобытные белые народы имели слова или выражения, которые оставались привязанными к лексике большинства языков той же группы. Следовательно, их военные и скотоводческие привычки имели глубокие корни. Одновременно во всех этих языках отмечено богатое разнообразие форм, употребляемых во всех случаях, где речь идет о сельском хозяйстве, например, названия растений и сельскохозяйственных орудий. Значит, обработка земли появилась позже разделения большого типа на группы.

Этимологические исследования показали, как первобытные белые народы понимали Бога, что означали для них понятия «царь» и «вождь». Таким образом, сравнительное изучение языков принесло истории три результата:⁵⁹ доказательство родства белых народов, разделенных громадными расстояниями;⁶⁰ подтверждение наличия одинаковых условий, в которых эти народы жили до их переселения; свидетельство их ранней социабельности.

Это раса, обладающая первичными понятиями о религии, но теряющая связи с прошлым. Эти признаки всегда отличали и будут отличать арабов, евреев, индусов, греков, римлян, галлов, скандинавов. Белая раса, искусная в главных механических искусствах, пытающаяся превратить воинское дело в настоящее искусство, в отличие от потасовки дикарей, приручившая множество видов животных, стоит на такой высокой ступени в сравнении с остальными человеческими семействами, что следует понять раз и навсегда: всякое сравнение бессмысленно по одной лишь причине, что даже в детском возрасте в этой

58 Скотоводство — это изобретение белой расы; подтверждением служит тот факт, что многие желтокожие группы не употребляли молоко даже на довольно высокой ступени цивилизации. Жители некоторых районов Китая и Индокитая вообще не доят коров. Ацтеки не занимаются одомашниванием животных.

59 А. Гумбольдт отмечает: «Эти две многочисленные группы — англо–индусские народы и русско–сибирские племена — или политические системы в течение многих веков контактировали только через низменные земли Бактрии, т. е. через низменность, которая окружает Арал и тянется вдоль восточного побережья Каспия между Балком и Астрабадом и между Ташкентом и Туркменским перешейком. Это полоска суши, местами очень плодородная, по которой прорыл свое русло Оке... Это путь из Дели, Лахора и Кабула в Хиву и Оренбург... Азиатская письменность, которая точно очерчена совсем недавно, без сомнения, продолжается за пределами западного берега Каспия, но если спуститься с персидского плато через Тебриз и Эривань к Тифлису, мы встретим Кавказский хребет, доходящий почти до бассейна двух морей и являющий собой проторенную военную дорогу».

60 Я имею в виду горную цепь, которая, начиная с северного Гиндукуша, тянется на север, пересекает Тянь–Шань и отклоняется на запад к озеру Кабанкул (Гумбольдт. «Центральная Азия», карта).

расе не было следов варварства. С самого начала она обладала развитым интеллектом, что позволяло ей превосходить другие несравнимо более многочисленные расы, хотя еще и не благодаря владычеству над покоренными народами, так как в то время значительных контактов между ними не было, но за счет цивилизаторских способностей.

Пора вступить в открытую схватку пришла позже. За пять тысяч лет до нашей эры территория, где обитали белые племена, уже подвергалась нашествию. Под давлением родственных народов, которых в свою очередь теснили с севера желтокожие племена, эта группа двинулась на юг, покинув свои родные земли, перешла через равнины, известные на востоке как Туран, и, атаковав на западе черные народности, которые преграждали ей путь, оказалась в совершенно незнакомых местах ⁶¹.

В данном случае я веду речь о переселении потомков Хама, которых считаю белыми народами, а не черными, как принято думать. В древних текстах нет никаких намеков на то, что этот патриарх, их первородный предок, в силу отцовского проклятия изменил цвет кожи, т. е. получил физические признаки отвергнутых рас. Наказание за его поступок в полной мере проявилось гораздо позже, и стигматов еще не было в то время, когда хамитские племена отделились от остальной массы народов, ведущих родословную от Ноя.

Мое мнение подтверждают и угрозы, которыми прародитель белой расы, человек, спасшийся от потопа, осыпал часть своего потомства. Прежде всего, будем иметь в виду, что эти угрозы не были адресованы ни самому Хаму, ни его потомкам. Они имели скорее моральное действие, и только при помощи очень больших натяжек им можно приписать физиологические последствия. «Будь проклят Ханаан, — говорится в тексте, — и да будет он рабом рабов его братьев» ⁶².

Кстати, нигде Ханаан не означает негритянского или совершенно черного народа. Это имя исторически относится к метисам, конечно, с примесью меланийского элемента, но не тождественных ему, что подтверждает стих 5, гл. XX Книги Бытия.

Впрочем, в Священных книгах очень часто встречается наказание виновных через упадок их потомства, поэтому не буду приводить другие примеры.

Я считаю, что в Библии не говорится о том, что Хам лично станет черным или рабом, но только о том, что придет день, когда Ханаан, т. е. один го сыновей Хама, деградирует и по крови и по благородству и будет в услужении у своих двоюродных братьев. Добавлю еще одно последнее замечание. Потомство Хама не ограничивалось Ханааном. Кроме него у патриарха было еще три сына: Гус, Месраим и Фут, и нигде нет ни слова о том, что проклятие коснулось и их. Не кажется ли читателю странным тот факт, что истинный виновник и большая часть его детей оказались в стороне, а кара обрушилась на одного члена семьи — Ханаана, того самого, у кого были территориальные и религиозные разногласия с детьми Израиля? Следовательно, речь идет не о физиологии, а скорее о политике.

Итак, хамиты пришли в новые земли, заранее отягощенные проклятием в отношении крови и судьбы. Однако энергия, свойственная их «белой» природе, позволила им создать несколько сильных государств. Первая ассирийская династия, патриции городов Ханаана — вот главные вехи тех далеких времен, характер которых в каком-то смысле воплотился в Немроде ⁶³.

Эти крупные завоевания, эти дерзкие и далекие походы не могли быть мирными. Пришельцам противостояли племена, настолько же примитивные, насколько жестокие, что требовало еще больше принуждения. Естественно, что, встретившись с упорными чужаками,

61 Самые поздние раскопки в центре и на юге Африки показывают, что население этих районов проявляло непонятное стремление к миграции в неизвестные времена.

62 Бытие, гл. IX, ст. 25 (здесь и далее цитаты из Писания даются не в освященном традицией переводе).

63 Полковник Роулинсон в своем докладе Королевскому Азиатскому обществу отмечает, что Немрод — это имя собирательное, причастие прошедшего времени от ассирийского глагола и означает «те, кого обнаружили» или «поселенцы, первые владельцы» — иначе, первые белые жители нижней Халдеи.

которые пришли грабить их, эти племена противопоставили им неукротимую дикую ярость и вынудили переселенцев рассчитывать только на силу. Принять новый образ жизни они не могли, потому что для этого им не хватало ума. Следовательно, не приходилось надеяться на сознательное участие в цивилизаторском предприятии и оставалось только превратить обращаемых в живые механизмы, годные для черной работы.

Таким образом, как уже отмечалось, впечатление, которое белые хамиты испытали при виде своих отвратительных соперников, сродни тому, что ощутили позже индийские победители в отношении своих местных врагов, братьев тех соперников хамитов. Для пришельцев это были жестокие существа огромного роста. Это были чудовища, ужасающие своим уродством, своей силой и злобностью. Первое завоевание досталось с трудом по причине немалой численности врагов и силы их сопротивления, то яростного, то упрямо инертного, но не меньшей энергии потребовало поддержание порядка в созданном государстве. Единственным средством правления стало насилие. Вот почему Немрод, упомянутый выше, был в глазах Всевышнего посланцем с мечом в руках.

Все государства, вышедшие из лона этой первой миграции, отличались беспримерным деспотизмом.

Однако, будучи деспотами для своих рабов, хамиты скоро породили смешанное население, после чего положение бывших победителей стало менее устойчивым, а покоренные народы сделались менее угнетаемыми.

Между тем всемогущество власти не могло допустить потери прерогатив, которые как нельзя лучше соответствовали природе и духу черной расы. Поэтому идея о способе правления и правах на власть нисколько не изменилась. Только власть теперь осуществлялась не под знаменем превосходства крови. Ее принцип основывался уже на приоритете групп, а не народов. Подобная деградация всегда происходит в истории смешанных наций.

Древние белые хамиты постепенно теряли свои позиции и в конце концов исчезли совсем. Мулаты, их потомки, все еще носили их имя в качестве почетного титула, хотя все больше и больше народ насыщался черным элементом. Это происходило по воле самых многочисленных ветвей их генеалогического древа. С этого момента физическая печать, которая должна была отличать потомство Ханаана и подтверждать их рабское служение более благочестивым детям, навек отметила все народы, образовавшиеся от слишком тесного союза белых завоевателей с покоренными представителями меланийской расы.

Одновременно с материальным слиянием появилась совершенно новая мораль, которая завершила окончательное отделение новых метисных народностей от древнего благородного ствола. Я буду говорить о сближении языков. Первые хамиты принесли с северо-востока один из диалектов той речи, которая первоначально была общей для белых групп и следы которой еще и сегодня легко обнаружить в языках всех наших европейских народов. По мере того, как пришлые племена вступали в контакт с темнокожими, их родной язык претерпевал изменения, а когда они смешались с ними окончательно, то и вовсе утратили его. Их язык оказался искажен до неузнаваемости меланийскими диалектами.

В сущности, мы не совсем вправе применять к языкам потомков Хама замечания, которые напрашиваются, когда речь заходит о финикийском или ливийском наречиях. В эти смешанные наречия проникло много элементов, выработанных позже в результате семитских миграций, и здесь можно заметить, что привнесенные элементы имели совершенно иной характер, отличный от характера языков, созданных черными хамитами. Впрочем, я так не считаю. То, что нам известно о ханаанском языке, и исследования берберских диалектов свидетельствуют о наличии общей языковой системы, пропитанной семитским духом в большей мере, нежели обладали им сами семитские языки; следовательно, имел место еще больший отход от форм языков белых народов, и оставалось все меньше следов речи благородной расы. Я считаю эту лингвистическую революцию следствием почти полной идентификации с черными народами и ниже приведу доказательства.

Хамиты деградировали, и вот мы видим их среди рабов в плену рабского духа, хотя по-прежнему в роли властителей, в окружении черных наложниц, которые рожают детей и

внуков, имеющих все меньше и меньше общих черт с древними завоевателями. Однако в них еще есть кровь предков, поэтому они не дикари и не варвары. Они контролируют социальную организацию, которая исчезла много веков назад, но до сих пор на человечество падает тень чего-то чудовищного и безумного, хотя от этого не менее величественного.

Мир с тех пор не знал ничего подобного, ничего, сравнимого с плодами соединения белых хамитов с черными народами. Нигде больше не встретишь элементов такого союза, и неудивительно, что в гибридах двух типов уже ничего не остается от энергетики — как физической, так и моральной — первоисточника. Если черный элемент в целом сохранил свою чистоту и качества своих предков, то совсем иначе обстоит дело с белым типом. Наши нации, дальше всех отошедшие от своих истоков, представляют собой весьма неоднородные и очень мало гармоничные результаты целого ряда смешанных союзов — либо черных и белых, как на юге Европы, населенном испанцами, итальянцами, провансальцами, либо желтых и белых, как, например, англичане, немцы, русские на севере. Таким образом, метисы, отпрыски, условно говоря, белого отца, чья родословная вообще непонятна, не могут подняться до этнического уровня черных хамитов.

Браки этих людей совершались между типами, равными по силе и своеобразию. Конфликт между двумя характерами с особой силой выразился в потомстве и оставил в нем уже невозможный сегодня отпечаток мощи, источник безудержности. Сегодня мы наблюдаем убедительные доказательства этому: когда провансалец или итальянец становится отцом мулата, ребенок физически намного слабее, чем, если бы он родился от отца-англичанина. А дело в том, что белый тип англосаксонца, хотя тоже далекий от чистоты, не ослаблен заранее меланийскими элементами, как народы, населяющие юг Европы, и он в состоянии передать своим потомкам-метисам больше первородной силы. Однако, как уже отмечалось, вряд ли самый сильный нынешний мулат сравнится с черным хамитом из Ассирии, который с копьем в руках наводил ужас на многие рабские нации.

Чтобы нарисовать близкий к реальности портрет ассирийца, напомним библейский рассказ о других метисах, более древних, чем он, история которых теряется в глубине веков. Речь идет о существах, живших до всемирного потопа, предков каинитов и ангелов. В данном случае следует освободиться от романтического налета, которым окутано имя этих таинственных созданий благодаря христианским текстам. Ханаанское воображение, создавшее столь причудливую мозаику, воспринимало вещи по-иному. Для ханаанцев, как впрочем, и для евреев, ангелы были посланцами божественной сущности, однако скорее темными, нежели светлыми, больше облеченными в материальную силу, чем в чисто идеальную энергию. В этом качестве их представляли в уродливых формах, внушающих ужас, а не симпатию, как, например, херувимы с бычьей головой. Когда эти могучие создания соединились с дочерьми каинитов, появились гиганты, о характере которых можно судить по литературному отрывку, возможно, самому древнему на свете. Вот как обращается к своим женам один из потомков убийцы Авеля, видимо, близкий родственник этих опасных метисов:

«Услышьте мой голос, жены Ламеха, услышьте мое слово. Как я убил человека за свою рану и ребенка за его дерзости, так и семикратное возмездие Каину будет семидесятисемикратным для Ламеха!»⁶⁴.

Этот эпизод кажется мне самой точной характеристикой черных хамитов, поэтому, думается, здесь нетрудно увидеть тесную связь и близкое сходство между союзом, породившим их, и проклятым браком предков Ноя с тем другим, неизвестным нам типом, которого первобытное мышление, не без некоторого ужаса, поместило в ряд сверхъестественных существ.

64 Бытие, IV, 23, 24. Смысл этого отрывка даже не в жестокости. Здесь больше гордыни, чем чувства мести. Бог, осуждая Каина, вовсе не хотел его смерти: он обещал ему защиту, заявляя, что тот, кто убьет его, будет наказан семикратно. Ламех поставил себя даже выше своего прародителя, которого уважала вся семья, когда грозил своим врагам семидесятисемикратным наказанием.

ГЛАВА II. Семиты

Если хамиты растекались по всей Передней Азии и по арабскому побережью до самой восточной Африки ⁶⁵, то другие белые племена, идущие следом за первыми, достигли на западе армянских гор и южных склонов Кавказского хребта.

Эти племена называются семитами. Первое время их основная масса жила в горных районах верхней Халдеи. Именно оттуда в различные эпохи вышли их самые могущественные группы. Оттуда пошли потоки, которые, смешиваясь, сильнее всего и дольше всего влияли на испорченную кровь хамитов, а затем и на тип самых древних переселенцев этой расы. Эта плодovitая группа наложила свою печать на огромную территорию. Она оттеснила к юго-востоку армян, арамейцев, эламитов, элимейцев и других; она заполонила своим потомством Малую Азию. Ей покорились ликийцы, лидийцы, карийцы. Ее колонии были на Крите, откуда позже, под именем филистинцев, они вернулись, чтобы оккупировать Циклады, Феру, Мелос, Нигеру и Фракию. Они распространились по всему периметру Пропонтиды, в Троаде, вдоль греческого побережья, появились на Мальте, на Липарийских островах, в Сицилии.

В это же время другие семиты — иоктаниды — двинули до самой южной оконечности Аравии свои племена, призванные сыграть большую роль в истории древних государств. Эти иоктаниды с греческой и латинской античности были известны под именем гомеритов, и все то, чем эфиопская цивилизация не обязана египетскому влиянию, она заимствовала у этих арабов, которые образовали пусть и не самую древнюю часть нации, ядро черных хамитов, сыновей Куша, но во всяком случае самую славную ее часть, когда рядом с ними поселились арабы-исмаелиты, еще только формировавшиеся в ту эпоху. И эти примеры далеко не исчерпывают список семитских владений. До сих пор я ничего не сказал об их набегах в Италию, и следует прибавить, что, будучи властителями северного побережья Африки, они таким большим числом оккупировали Испанию, что даже в римский период там встречались их потомки.

Такое распространение было бы трудно объяснить — при всей плодovitости расы, — если отрицать, что эти народы долго сохраняли чистоту крови. Но во многих случаях это утверждение не выдерживает критики. Возможно, хамиты в силу какой-то природной брезгливости некоторое время сопротивлялись смешению со своими черными подданными. Для того, чтобы вести такую борьбу и держать дистанцию между победителями и побежденными, у них было немало причин. Сыграло роль и чисто отцовское чувство огорчения при виде несходства отпрыска с белыми предками. Тем не менее, страсть преодолела и этот барьер, как она преодолевает все на свете; в результате появилось смешанное население, более привлекательное, чем аборигены, во всех отношениях. Кроме того, ситуация была иной: черные хамиты не уступали пришельцам, как это случилось с предками их матерей перед лицом древних завоевателей. Они имели мощные государства, в которые влились цивилизаторские элементы белых основателей, в том числе роскошь, богатство, удовольствия. Мулаты не только не внушали ужас, но могли вызвать восхищение и зависть семитов, еще не привыкших к мирной жизни.

Смешиваясь с ними, завоеватели приобретали не рабов, но партнеров, давно познавших вкус цивилизации. Конечно, вклад семитов в этот союз был самым весомым и плодотворным, потому что он заключался в энергии и силе крови, более близкой к белому типу, хотя в нем не доставало утонченности. Семиты принесли новизну, перспективу, силу. Черные хамиты имели культуру, которая уже принесла свои плоды.

Это были большие и красивые города, украшавшие ассирийские равнины. Цветущие поселения располагались на побережье Средиземного моря. Сидон имел большие торговые связи и удивлял своим великолепием не меньше, чем Ниневия и Вавилон. В Сихеме, Дамаске, Аскалоне и других городах было активное и предприимчивое население, не чуждое всем

⁶⁵ Возможно, в очень древние времена хамитские группы породнились с кафраами.

радостям жизни.

В качестве отступления хочу заметить следующее: я не утверждаю, что эти знаменитые города были первыми столицами хамитских и семито–хамитских государств. Задолго до них, как свидетельствуют Библия и клинописные таблички, были другие столицы — Ниффер, Варка, Санхара (или Ланхара): знаменитый город, резиденция хамитского царя Хедарлаомера, правителя Элама (Исход, XIV), познавший расцвет до Ниневии. Кстати, столица Сеннахериба находилась в Кар–Дуниасе, а не в Вавилоне, что весьма примечательно для этой эпохи (Сеннахериб правил в 716 г. до Рождества Христова). Хотя Вавилон был построен раньше: полковник Роулинсон, основываясь на 13 стихе 23–й главы из книги Пророка Исайи, считает, что XIII в. до н. э. можно считать временем строительства этого города.

Итак, это мощное общество делилось на множество государств, которые в той или иной степени, но все без исключения, испытывали религиозное и моральное влияние основного центра, находившегося в Ассирии. Это был источник цивилизации, там были сосредоточены основные движущие силы развития, и этот факт, подтверждаемый многочисленными наблюдениями, согласуется полностью с мнением Геродота о том, что финикийские племена происходят оттуда. Ханаанский элемент оказался очень весомым, потому что черпал силу из самых первых истоков хамитской эмиграции.

Во всех уголках этой страны, и в Вавилоне, и в Тире, мы видим вкус к гигантским монументам, которые с такой легкостью возводились массами рабочих, находившихся на положении рабов. Никогда и нигде не было подобной возможности сооружать огромные строения, разве что в Египте, в Индии и в Америке, т. е. в абсолютно одинаковых обстоятельствах. Гордым хамитам мало было вознести к небу величественные сооружения — им понадобились высокие холмы, которые служили основанием для их дворцов, искусственные горы, вросшие в землю точно так же, как и горы естественные и соперничающие с последними возвышенностью своих очертаний. В окрестностях озера Ван до сих пор существуют подобные шедевры безудержного воображения в сочетании с безжалостным деспотизмом и необыкновенной глупостью. Эти гигантские курганы тем более достойны внимания, что они напоминают о временах, предшествующих отделению белых хамитов от остальной части группы. Мы встречаем такие курганы в Индии, мы наблюдаем их у кельтов. Они есть у славян, и нет ничего удивительного в том, что, увидев их на берегах Енисея и Амура, мы вновь встречаемся с ними у подножия Аллеганийских гор в качестве основания для мексиканских храмов.

Нигде, кроме как в Египте, курганы столь не внушительны, как у ассирийцев, которые сооружали их с особой изысканностью и надежностью. Подобно другим народам, они делали их не просто могилами или основаниями — это были подземные дворцы, служившие убежищем для властителей и знати от жаркого летнего солнца.

Их художественная потребность не ограничивалась архитектурой. Они были неподражаемы в скульптуре, в том числе в письменных рельефах. Скалы, горные склоны сделались огромными полотнами, запечатлевшими гигантских людей и надписи, которые до сих пор поражают воображение. На стенах сооружений изображены исторические эпизоды, религиозные церемонии, подробности частной жизни — все, что знаменовало собой бессмертие, которое мучило безграничное воображение этих людей.

Не меньшим величием отличалась и частная жизнь. Роскошь окружала их быт, и, пользуясь термином из экономики, подчеркнем, что семито–хамитские государства обладали чисто потребительским характером. Разнообразные ткани, яркие цвета, изящные узоры, изысканные прически, оружие, дорогое и сверх всякой меры украшенное, колесницы и мебель, духи и благовония, душистые ванны, заплетенные гривы лошадей и бороды всадников, страсть к драгоценностям, украшениям, кольцам, серьгам, подвескам, браслетам, тростям из ценных пород дерева, наконец, удовлетворение всех потребностей и прихотей абсолютной утонченности — таковы были привычки ассирийских метисов. При всем этом надо иметь в виду, что посреди элегантности и роскоши бытовал варварский обычай

татуировки, как стигмат, наложенный менее благородной частью их крови.

Свидетельство этого любопытного обычая несут на себе египетские рисунки; а меланийское происхождение подтверждается тем, что он распространен по всей Африке — как на западном, так и на восточном побережье. Один путешественник, Деграндпрэ, увидев негров, разукрашенных цветной татуировкой, на манер индейцев, объясняет это тем, что аборигены часто пересекали просторы континента вдоль экватора, именно поэтому жители Гвинеи практикуют обычай, которые конголезцы могли заимствовать от индейских мореплавателей. Поскольку нет на земле народа, украшающего себя цветными рисунками, нанесенными либо на кожу, либо, посредством укалывания, под кожу, который не принадлежал бы к черной или желтой группе, я делаю вывод, что татуировка — это обычай этих двух человеческих типов, которые научили ему белые расы, максимально смешанные с ними. Например, так украшают себя хамито-семиты и индусы, смешавшиеся с чернокожими, это характерно для кельтов, смешанных с желтокожими. Татуировку следует считать признаком смешанного происхождения и изучать ее интересно с этнологической точки зрения. Это хорошо поняли американские ученые. Формы и характер рисунков, используемых в одном племени нового континента или Полинезии, например, на лице или теле воинов, часто служат указанием происхождения и связей с другим народом, живущим далеко от первого. Мне довелось видеть замечательную коллекцию гипсовых масок Фробервиля, запечатлевших головы негров восточного побережья Африки. На лбу некоторых аборигенов нанесена серия продольных штрихов, подчеркнутых искусственным утолщением кожи, что практикуют многие пелагийские племена Океании. Это свидетельствует о первородной идентичности двух варварских групп, разделенных огромным океаном.

Чтобы удовлетворить их постоянно растущие потребности, существовала развитая торговля, задачей которой был поиск редкостных предметов во всех концах света.

Нижняя и Верхняя Азии непрестанно требовали все новых товаров — богатств, которые находили множество потребителей и ценителей, способных платить за них любую цену.

Однако рядом с таким материальным великолепием и артистизмом, существовали отвратительные язвы от болезней, вызванных вливанием черной крови. Древняя красота религиозных идей постепенно загрязнялась поверхностными потребностями мулатов. На место простоты древней теологии приходил грубый эманатизм, мерзкий в своих символах, представляющий божественные атрибуты и природные силы в монструозных образах, искажающих святыне идеи и чистые понятия таким нагромождением таинственности, недосказанности и не поддающейся расшифровке мифологии, что со временем истина оказалась недоступной даже для узкого круга. Я допускаю, что белые хамиты должны были чувствовать отвращение, когда они соединяли величие доктрин своих отцов с темным суеверием черных племен, и из этого чувства мог появиться первый принцип их любви к тайнам. Затем они быстро осознали, какое воздействие оказывает умолчание их священников на массы, более склонные бояться высокомерной сдержанности догмы, нежели искать в ней приятные стороны и надежду. С другой стороны, я также понимаю, что кровь рабов, которая когда-то ослабила властителей, вскоре внушила последним то же самое суеверие, против которого вначале ополчился культ.

То, что прежде было целомудрием, потом, при политическом посредстве, сделалось искренней верой; правители опустили до уровня подданных, и все уверовали в уродство, стали восхищаться бесформенностью, победоносной чумой, которая отныне слилась с искаженными доктринами и представлениями.

Неудивительно, что культ покрыл себя позором в глазах народа. И мораль этого народа, следующая всегда в русле веры, также деградировала. Человек, падающий ниц перед бесформенным куском дерева или камня, не может не утратить понятие добра, если понятие прекрасного уже утрачено. Между прочим, у черных хамитов было немало оснований для деградации! Этому способствовали их пастыри и властители. Пока верховная власть оставалась в руках белой расы, возможно, угнетение подданных служило улучшению нравов.

После того, как черная кровь все запятнала жестокими суевериями, врожденной жестокостью, алчностью к материальным радостям, власть в какой-то мере способствовала удовлетворению самых низменных инстинктов, а всеобщее рабство, не сделавшись легче и мягче, оказалось более деградирующим фактором. Словом, в ассирийских странах собрались все пороки.

Наряду с утонченной роскошью существовал обычай человеческого жертвоприношения, который обесчестил храмы самых богатых и самых цивилизованных городов и который практиковался белой расой только как заимствованный у других типов. В Ниневии и Тире, а позже в Карфагене это позорное явление имело политический характер и всегда сопровождалось очень торжественной церемонией. Его полагали необходимым для процветания государства.

Матери отдавали в жертву своих детей, и малышам вспарывали животы на алтарях. Сами матери перерезали себе горло, видя как их малютки стенают и бьются в пламени Ваала. У верующих членовредительство считалось высшим проявлением усердия в вере. Отрезать себе мужской орган означало богоугодное дело. Добровольно проделать на себе те ужасы, которые правосудие вершило в отношении провинившихся, оторвать себе ухо или нос и в луже крови посвятить себя Мелькарту Тирскому или Белу Ниневийскому — значило заслужить благосклонность этих ужасных фетишей.

Мы вели речь о жестокости, теперь поговорим об извращениях. То, что несколько веков позже описывал Петроний, имея в виду Рим, ставший азиатским, или события знаменитого романа Апулея по мотивам милесских басен, было обычным делом у ассирийских народов. Проституция — рекомендуемая, освященная и практикуемая в храмах — широко распространилась в обществе, и, согласно законам некоторых городов, это было религиозной обязанностью и достойным средством заработать приданое. Этот обычай не противоречил полигамии, хотя последняя предполагала ужасную подозрительность и мстительность. Продажность невесты не бросала тени на репутацию супруги.

Когда семиты, спустившиеся со своих гор, за 2000 лет до Рождества Христова⁶⁶ появились среди хамитов и даже в нижней Халдее⁶⁷ установили династию своей крови, но вые принципы белой расы внесли свежую струю в покоренные народы. Но их действие было не совсем агрессивным, ведь они имели дело с метисами, а не с варварами. Пришельцы могли бы все разрушить, вздумай они опереться на грубую силу. Они оказались умнее, им помог хороший инстинкт, который всегда был присущ этой расе; они дали последующим поколениям пример — кстати, ему последовали затем германцы — в том, чтобы не уничтожать стареющее и умирающее общество, в которое они вливали молодую кровь. Они стали учиться у побежденных и узнали много полезного. Судя по результатам, такая политика увенчалась полным успехом.

Их царствование было ярким событием, а слава их была так велика, что греки, собиратели азиатских древностей, приписывали им честь создания ассирийской империи, хотя они были только ее реставраторами. И эта ошибка свидетельствует об их вкусе к цивилизации и об историческом значении их трудов.

В хамитском обществе, судьбами которого им пришлось с тех пор вершить, они имели

⁶⁶ Некоторые ученые упоминают династию той эпохи, но не указывают ее этническое происхождение. Полковнику Роулинсону ничего не известно о семитской империи, существовавшей до XIII в. до н. э. На табличках он обнаружил упоминание о некоем царе, носившем почетный титул Дерсето или Семирамис, но его настоящего имени расшифровать не удалось. Полковник считает, что при этом монархе была построена Ниневия. Однако эта датировка не соответствует библейской хронологии.

⁶⁷ Клинописные таблички и «Исход» свидетельствуют о создании семитского государства в нижней Халдее или в соседней земле Сусиане. Долгое время место происхождения этой расы, т. е. верхняя Халдея, гористая местность, было щекотливой темой для семитских суверенов Ассирии, т. к. речь шла о соперниках, которых нужно было устранить; и я согласен с мнением Роулинсона о том, что один из самых известных вождей династии — его имя Амак-бар-бет-кира — возглавлял войска в походах к истокам Тигра и Евфрата, в Армению и в соседние с ней северные земли.

много функций. Солдаты, моряки, рабочие, священники, цари, продолжатели правящих наций, они оставили в политике Ассирии то, что было в ней ценного. А основную часть своей энергии направили на коммерцию.

Если Передняя Азия была крупным рынком западного мира и его главным центром потребления, то побережье Средиземного моря стало естественной базой товаров, поступающих из Африки, Европы и стран Ханаана, где сосредоточилась интеллектуальная и коммерческая активность приморских хамитов, и лакомым кусочком для ассирийских властителей. Это прекрасно поняли семиты Вавилона и Ниневии и направили все свои усилия на то, чтобы подчинить, либо непосредственно, либо через свое влияние, эти деятельные народы. А те, со своей стороны, старались сохранить свою политическую независимость перед лицом древних династий, ставших новой «белой» ветвью. Чтобы изменить ситуацию, халдейские завоеватели осуществили кампанию переговоров и походов, чаще всего удачных, которые прославили гений их расы под общим именем цариц Семирамид⁶⁸.

В связи с тем, что семиты смешались с цивилизованным населением, их воздействие на ханаанские города выражалось не только через силу оружия и политику. Они обладали большой энергией и действовали в зависимости от конкретных обстоятельств — большим числом и вполне мирно проникали в селения Палестины и за стены Сидона и Тира в качестве наемных солдат, работников, матросов. Этот способ проникновения приносил не меньшие результаты, чем завоевания для единства азиатской цивилизации и будущего финикийских государств⁶⁹.

В «Бытии» есть любопытный и красочный рассказ о том, как происходило мирное вытеснение некоторых племен или, лучше сказать, семитских семейств. В Священном Писании описывается, как одно из них, живущее в сердце халдейских гор, бродит из провинции в провинцию, очень подробно показывается нищенская жизнь, тяжкие труды и маленькие победы. Не могу не пересказать этот сюжет.

Итак, речь идет об одном человеке расы Сима из армянской ветви Арфаксада, процветающего народа Хебр, который жил в верхней Халдее, в горной местности Ур. Однажды этот человек задумал покинуть свою страну и переселиться в землю Ханаана⁷⁰. Писание не объясняет, какими причинами продиктовано решение семита. Конечно, для этого имелись серьезные основания, потому что позже сын эмигранта строго-настрого наказал своей расе никогда не возвращаться на родину, хотя в то же время велел своему наследнику выбрать жену в стране предков⁷¹.

Фарра — так звали путешественника — собрал сородичей и отправился в путь. С ним были Авраам, старший сын, Сарра, его дочь от наложницы, жена Авраама, и Лот, его внук, отец которого Аран умер за несколько лет до путешествия. Их сопровождали рабы, правда, немногочисленные, поскольку семья была бедная, несколько верблюдов и верблюдиц, ослы, коровы, овцы, козы.

Причину, по которой Фарра выбрал Ханаан, объяснить нетрудно. Он был пастух, как и его отцы, и собирался найти новую, богатую пастбищами, землю, мало населенную, чтобы там хватило места для его стад. Следовательно, Фарра принадлежал к наименее авантюрному слою своих соплеменников.

Кстати, он покинул верхнюю Халдею в возрасте 70 лет, с ним был его сын Авраам,

68 Ассирийцы трижды оккупировали Финикию: первый раз за 2000 лет до н. э., второй — около середины XIII в., третий — в 750 г.

69 Именно так следует понимать миф о Семирамиде — как персонификацию халдейского вторжения. Перед тем как стать царицей, она была служанкой.

70 Бытие, XI, 10.

71 Бытие, XXIV, 6.

который женился перед самым походом. Надежда Фарры уйти со своим караваном далеко не оправдалась. Старик умер в Харане на границе Месопотамии. Оставшиеся шли медленно, так как прежде всего заботились о скоте. Увидев удобное место, они ставили шатры и оставались там до тех пор, пока в колодцах не кончалась вода и животные не съедали траву.

Авраам, ставший предводителем, успел состариться под опекой отца. Ему было 75 лет, когда он освободился от этой опеки. За это время численность его рабов и его стада увеличились. Еще одним благоприятным обстоятельством оказался тот факт, что в полупустынных землях Ханаана обитали довольно мирные и малочисленные народы, не представляющие большой опасности.

Это были племена негров–аборигенов, хамитские народы, небольшие семитские группы, такие же переселенцы, как Авраам. Таким образом, сын Фарры, который в Уре, судя по всему, считался скромным пастухом, на новой земле оказался крупным собственником, важным человеком, почти царем. Между прочим, такое часто случается с людьми, которые, вовремя покинув неприветливые места, приходят в новую страну, полные энергии и решимости подняться на более высокую ступень.

Этими качествами Авраам был наделен сполна. Вначале он не обосновался в каком-то определенном месте. Бог обещал сделать его в один прекрасный день хозяином этой страны, предназначенной для его потомства, и Авраам захотел познакомиться со своей империей. Он обошел ее вдоль и поперек. Он заключил полезные союзы с многими кочевыми племенами и добрался даже до Египта. Одним словом, к обещанному сроку он был богат и влиятелен. У него было много золота, рабов и стад. Самое главное — он хорошо узнал эту землю и ее обитателей.

Впрочем, впечатление было тягостное, особенно когда он познакомился с жестокими и ужасными нравами хамитов. И то, что произошло с Содомом и Гоморрой, казалось ему вполне заслуженным наказанием за грехи этих городов, где Бог не нашел и десятка честных людей. Авраам не захотел, чтобы его потомство в единственном колене, которое было ему дорого, оказалось запятанным соседством с такими развратными соседями, и приказал своему помощнику отправиться на родину и привезти оттуда женщину его крови, дочь Вафуила, сына Милки и Нахора, т. е. свою внучатую племянницу: он еще раньше узнал о рождении девочки. Это говорит о том, что переселенцы не порывали связей с сородичами, оставшимися в Уре. Новости довольно быстро пересекали реки и долины, перелетали от халдейских жилищ до шатров Ханаана, преодолевая большие, расстояния, поделенные на множество мелких владений. Это служит доказательством активной жизни и единства идей и чувств в хамито–семитском мире.

Не буду далее пересказывать известную библейскую историю. Всем известно, что семиты–авраамиды в конце концов обосновались в земле обетованной. Добавлю лишь, что эпизоды переселения и события, предшествовавшие ему, поразительно напоминают то, что в наше время происходит с ирландскими или немецкими семьями в Америке. Если у них умный предводитель, их ждет удача, как детей библейского патриарха. Когда такого вождя нет, они терпят поражение» и исчезают наподобие тех семитов, чьи катастрофические неудачи упоминаются в Библии. В обоих случаях мы видим одну и ту же ситуацию, персонажи испытывают одинаковые чувства в похожих обстоятельствах. В глубине души у них трогательная тоска по далекой родине, куда они ни за что на свете не хотели бы вернуться. И одинаковая радость, когда приходят известия с родины, и одинаковая гордость за тех, кто остался дома.

Я описал странствия одной семьи пастухов, людей темных и довольно забытых. И не они определяли сущность семитской эмиграции в ассирийские или ханаанские земли. Эти пастухи жили замкнуто и не оказывали прямого воздействия на местное население. Поэтому неудивительно, что их соплеменники, умеющие владеть оружием, были более заметны в истории.

Одним из главных признаков упадка хамитов и причиной их неудачи в управлении ассирийскими государствами было забвение воинской доблести и отказ от вооруженных

действий. Это было типично для Вавилона и Ниневии, для Тира и Сидона, где торговцы, слишком озабоченные идеей обогащения, презирали воинское искусство. Их цивилизация уже обрела основы своего существования и отвергла профессию солдата, что позже произошло с итальянскими патрициями средневековья⁷².

Толпы авантюристов–семитов заполнили эту нишу, которую ежедневно расширяли господствующие идеи и нравы. И, разумеется, они встретили горячий прием. Карийцы, писидийцы, киликийцы, лидийцы, филистинцы в металлических шлемах, увенчанных перьями, одетые в короткие тесные туники–кольчуги, прикрытые круглыми щитами, вооруженные мечами, более длинными и тяжелыми, чем азиатские мечи, и дротиками, они встали на защиту столиц и обеспечили охрану торговых судов. Эти наемники играли очень большую роль во всех хамитских и семитских государствах Азии и Африки. Даже египтяне брали их на службу. Во времена Авраама маленькие палестинские княжества вверяли им свою защиту.

Возможно, одним из таких кондотьеров был Фихол, который в Библии назван военачальником Авимелеха (Бытие, XXI). Позже стража Давида также состояла из филистинцев. Все это показывает, насколько низок был воинственный дух в ту эпоху. Высшая финикийская знать осталась единственной частью нации, хранившей память о доблести предков, великих охотников Всевышнего, и умевшей обращаться с оружием. Они еще не потеряли вкуса к богато украшенным щитам, которые они вешали на башни и городские стены, и которые, по свидетельству современников, далеко сияли, как звезды⁷³. Остальное население работало. И наслаждалось плодами своих трудов и торговли. Когда политика требовала проявления мужества, захватов, переселения, цари и советы аристократов, насильно собрав какую-то часть народа — как правило, это был настоящий сброд, — придавали ей семитов в качестве охраны и опоры; а самые отчаянные из черных хамитов, встав во главе таких отрядов, часто отправлялись за моря, чтобы создать ядро новых местных патрициев и государство, смоделированное по политическим и религиозным обычаям своей родины.

Таким образом, семитские банды проникали повсюду, где осуществляли свою деятельность хамиты. Они вливались в общество покоренного народа, и оно становилось для них своим. Одним словом, белые племена второй волны имели одну историческую задачу — за счет притока своей крови, остающейся более чистой, как можно дальше распространить «белое» вторжение на юго–запад.

Долго считалось, что этот источник неистощим. Между тем ко времени первого переселения семитов в Согдиане и в нынешнем Пенджабе начали селиться некоторые арийские и другие белые племена. Арийско–эллинистские и арийско–зороастрийские народы искали выход на запад и оказывали силовое давление на семитов, вынуждая их покидать горные долины и спускаться на равнины и дальше к югу. Там появились самые крупные государства черных хамитов.

Нам неизвестно в точности, насколько упорным было их сопротивление эллинистским захватчикам. Скорее всего сопротивления почти не было. Семиты, хотя и превосходящие стойкостью черных хамитов, не могли сдержать натиск пришельцев. Они были меньше пропитаны меланийскими элементами, чем потомки Немрода, но все равно были заражены ими в достаточной степени, потому что забыли язык белой расы и приняли сложную языковую систему, смесь остатков «белых» языков с диалектами темнокожих, и сегодня, без серьезных на то оснований, эта система называется семитской.

Современные филологи подразделяют семитские языки на четыре основные группы: первая содержит финикийский, пунический и ливийский элементы, из которых произошли

72 Кстати, карфагеняне были не более воинственны, чем жители Тира, и использовали наемных солдат.

73 Книга Пророка Исайи.

берберские диалекты ⁷⁴; вторая включает в себя иврит и его наречия; третья — арамейские наречия; четвертая — арабский, геезский и амарийский.

Если рассматривать семитскую группу в целом, не обращая внимания на лексику, появившуюся в результате поздних этнических союзов с белыми народами, нет оснований утверждать, что существует большое различие между этой группой и так называемыми индогерманскими языками, принадлежащими виду, из которого, несомненно, вышли предки хамитов.

Семитская языковая система имеет значительные пробелы в своей организации и структуре. Очевидно, во время своего формирования она сталкивалась с языками, оказавшимися враждебными ей. Она вытеснила их, т. е. разрушила, но не сумела использовать их ценные качества. Поэтому семитские языки — это, в некотором смысле, языки неполные или не до конца сформировавшиеся.

Причем, речь идет не только о том, чего им недостает, но и о том, что они имеют. Одна из их типичных особенностей — богатство глагольных сочетаний. В древнеарабском языке существуют пятнадцать типов спряжения глагола, но речь идет о так называемом идеальном глаголе, хотя на практике ни один глагол не имеет такого количества флексий или возможностей изменения, какие предлагает грамматическая теория. Из этого следует, что все глаголы в этих языках ущербны, поскольку обременены множеством исключений из правил.

Аналогом семитской системы можно считать африканские языки. Здесь мы также видим поразительное количество глагольных форм, причем все глаголы легко приспособляются к любому типу спряжения. С другой стороны, там нет тех корней, очевидное родство которых с индогерманской группой опровергает концепции лингвистов, стремящихся сделать семитскую языковую группу совершенно уникальной и изолированной от языков нашей расы. В языках негров нет ничего, что бы намекало на их связь с языками ИНДИИ и Европы — напротив, прослеживается их близкое родство с языками Ассирии, Иудеи, Ханаана и Ливии.

Наконец, можно сделать следующий очень важный вывод: весь африканский континент, с юга до севера, с востока до запада, знает только один язык и говорит на диалектах сформировавшихся из одного источника. В Конго, в стране кафров, в Анголе, а также по всему побережью мы встречаем одни и те же формы и корни. Под это определение пока не подпадают нигритский язык, еще не изученный, и наречие готтентотов, но они и не опровергают его.

Попробуем резюмировать вышеизложенное.

I) Все, что нам известно об африканских языках, принадлежащих как темнокожим народам, так и чисто негритянским племенам, можно свести в одну систему. II) Эта система обладает основными признаками семитской группы. III) Многие из производных языков также включаются в семитскую группу.

Стоит ли добавлять еще что-нибудь, чтобы признать следующий факт: эта группа, как в своих существующих формах, так и в своих лакунах, ведет свое происхождение от совокупности составляющих ее этнических элементов, т. е. от смешения небольшой доли белой расы с превосходящим меланийским компонентом?

Чтобы представить таким образом генезис языков Передней Азии, нет нужды предполагать, что семитское население сразу утонуло в черной крови. То, что неоспоримо в отношении хамитов, не всегда является таковым для родственных им народов.

Способ их смешения с аборигенами — победоносное нашествие на центральные государства или проникновение в приморские страны в качестве полезных и даровитых работников — наводит на мысль о том, что они следовали примеру детей Авраама, т. е. изучали язык народа, к которому они приходили либо зарабатывать на жизнь, либо

⁷⁴ Берберские и амазигские народы семитского происхождения продвинулись далеко на юг, в Африканскую Сахару, и на запад до Канарских островов. Гуанки были берберами. Семитские нашествия повторялись на западном побережье Африки в продолжение, как минимум, тысячи лет.

властвовать ⁷⁵. Примеру древнееврейской ветви могли следовать все остальные группы семейства, и мне кажется, что диалекты, сформировавшиеся позже, не привели к появлению или, по крайней мере, расширению лакунов, которые я отмечал в организме семитских языков. Впрочем, это не просто гипотеза. Семиты, имевшие меньше всего хамитской крови, например, евреи, говорили на более развитом языке, чем арабы. Многочисленные союзы последних с окружающими их народами постоянно низводили язык к меланийским корням. Тем не менее, арабский еще не достиг «черного» идеала, а основная масса людей, говорящих на нем, далека от идентичности с африканцами.

Что касается хамитов, здесь ситуация иная. Чтобы создать лингвистическую систему, которую они передали семитам, они обязательно должны были перемешаться с черным элементом. Они должны были обладать более чистой семитской системой, и я бы не удивился, если, несмотря на наличие индогерманских корней в текстах из Би–Сутуна, пришлось бы признать, что язык некоторых текстов из самого далекого прошлого более близок негритянскому типу, чем арабский и тем более древнееврейский и арамейский.

Я уже показал несколько уровней приближения к семитскому совершенству. От арамейского, самого неразвитого из языков этого семейства, один шаг к чисто негритянскому. Позже мы увидим, каким образом от этой системы вместе с народами, менее всего смешанными с темнокожими, происходит постепенный переход к языкам белого семейства. Но пока оставим эту тему: этническое состояние семитов–покорителей описано в достаточной мере. Хотя они стоят выше примитивных ассирийцев, они тоже являются метисами. Они покоряли только слабые народы и всегда терпели поражение от населения более благородных кровей.

Но к 2000 г. до н. э. арийские зороастрийцы почти не обращали внимание на восточный горизонт. Они были заняты укреплением позиций, завоеванных в Мидии. Со своей стороны, арийские эллины стремились мигрировать в Европу. Таким образом, семиты в течение долгих веков были самыми цивилизованными на юго–западе.

Всякий раз, когда арийские эллины вытесняли их со своей территории, поражение оборачивалось для них плодотворной победой и приобретением новых работников в богатой Вавилонии. Банды изгнанников скрывали стыд поражения в глухих уголках земель, расположенных ближе к Кавказу и Каспийскому морю, и восхищали мир легкими победами при своем бегстве.

Итак, семитское нашествие происходило в несколько этапов. Подробности здесь не имеют значения: достаточно напомнить, что первая волна эмиграции накрыла государства нижней Халдеи. Вторая экспедиция — речь идет об Иоктанидах — дошла до Аравии ⁷⁶. Следующие привели новых господ на побережье Верхней Азии. Черная кровь часто и с успехом перебарывала оседлый образ жизни у самых смешанных народов: происходили не только массовые переселения, но иногда и малочисленные племена покидали насиженные места и обретали новую родину.

Семиты уже полностью овладели всем хамитским миром, где даже народы, оставшиеся непобежденными, испытывали их влияние. В это время в их землях появился народ, которому были суждены большие испытания и славные дела: я имею в виду ветвь древнееврейской нации, которая спустилась с армянских гор и во главе с Авраамом, получив имя «народ Израиля», продолжил свой путь в Египет, чтобы вернуться затем в страну Ханаана. Когда под руководством отца патриархов он прошел через эту землю, она была мало населена. Когда появился Иосиф, семиты уже заселили ее и начали обрабатывать ⁷⁷.

75 В эту эпоху арамейский уже сильно отличался от языка Ханаана (см. Бытие, XXXI, 47).

76 Приход Иоктанидов и основание их главных государств в Южной Аравии предшествовали эпохе Авраама.

77 В период между Авраамом и Моисеем Палестина была ареной переселения больших масс. Кстати, там обосновались многие народы, потомки Авраама, не израильты, например дети Цетуры, Исмаила, Лота и т. д.

Рождение Авраама Библия датирует 2017 годом, т. е. позже первых нашествий эллинов на горцев и, следовательно, в эпоху эллинских побед над хамитами и возвышения новой ассирийской династии. Авраам принадлежал к нации, из которой уже вышли Иоктаниды и ветви которой, оставшись на родине, позже создали различные государства: Пелег, Реху, Сарудж, Нахор и другие. Сын Фарры стал основателем нескольких народов, самые известные из них — дети Иакова, затем западные арабы, которые под именем Исмаилитов вместе с древнееврейскими Иоктанидами и кушитскими хамитами господствовали на полуострове, а позже определяли судьбы мира. Они дали новые династии ассирийцам, а с Магометом совершили последний ренессанс семитской расы.

Прежде чем продолжить наше путешествие по этногенезу народа Израиля, когда мы сделали отправной хронологической точкой дату рождения его патриарха, закончим рассмотрение остальных хамито–семитских народов.

Не следует забывать, что тогдашнее общество было разделено на множество независимых государств. Тем не менее, будем вести речь только о тех, что оставили глубокие следы своими делами и самим своим существованием. Начнем с финикийцев.

ГЛАВА III. Приморские ханаанеяне

Во времена Авраама хамитская цивилизация находилась в расцвете своего совершенства и своих пороков. Одной из самых заветных ее территорий была Палестина, где процветали ханаанские города благодаря своим торговым связям с многочисленными колониями. Нехватка населения в городах с лихвой компенсировалась тем счастливым обстоятельством, что у них не было конкурентов ни в производстве тканей, ни в красильном искусстве, ни в судоходстве ⁷⁸.

Все упомянутые выше источники богатства были сосредоточены в руках их создателей. Но в качестве примера того, насколько малоуспешная торговля определяет жизненную силу нации, можно заметить, что финикийцы, исчерпав первоначальную энергию, которая когда-то привела их с берегов Персидского моря на побережье моря Средиземного, не сохранили ничего от прежней политической независимости ⁷⁹. Конечно, они управлялись чаще всего по своим собственным законам и в своих прежних аристократических формах. Но в принципе ассирийское могущество положило конец их независимости. Они подчинялись распоряжениям с берегов Евфрата. Когда во время внутренних волнений они пытались сбросить это иго, единственной поддержкой для них был Египет, т. е. возможность заменить господство Ниневии на диктат Мемфиса. Другой альтернативы у них не было.

Помимо превосходства двух крупных империй, между которыми ютились ханаанские города, существовал еще один фактор, заставлявший финикийцев постоянно лавировать между могущественными соседями. Земли Ассирии и Египта — особенно Ассирии — представляли собой рынки сбыта для Сидона и Тира. Впрочем, ханаанеяне добирались и до других стран со своими пурпурными тканями, изделиями из стекла, благовониями и пряностями, от которых ломились их склады.

Однако, когда их длинные черные суда с высокой носовой частью касались почти девственного песка греческих берегов или побережья Италии, Африки, Испании, экипажи находили там довольно скудную добычу. Длинную барку вытаскивали на берег темнокожие гребцы в красных коротких туниках. Их встречали жадные и удивленные взгляды аборигенов, а высокомерные путешественники в окружении семитских наемников

⁷⁸ Я не упоминаю порты Газа и Аскалон, т. к. они были основаны после исхода с Крита, т. е. в результате завоеваний Елены Миносской в 1548 г. до Рождества Христова. Кстати, ассирийцы быстро овладели этими двумя городами и во многом способствовали их могуществу.

⁷⁹ Ассирия заставляла трепетать ханаанские государства; когда отсутствовало прямое владычество, ассирийское влияние все равно было сильным, в результате происходили раздоры, слабая партия поддерживалась в ущерб сильной, и если воцарялся мир, то он был еще опаснее, чем война.

раскладывали богатые товары перед взором царьков и вождей, собравшихся со всей округи. По мере возможности они требовали взамен драгоценные металлы, например, так происходило в Испании, богатой таким товаром. С греками обмен шел на скот, древесину или рабов, так же как и в Африке.

Если представлялся случай и если на стороне торговца был перевес, он со своими людьми беззастенчиво забирал красивых девушек, девственных царских наложниц или служанок, детей и юношей, пригодных к работе мужчин, чтобы увезти добычу на родину; так, с глубокой древности стали широко известны жадность, трусость и коварство хамитов и их союзников. И не удивительно, что эти торговцы внушали страх и ненависть в прибрежных странах, где им еще не удалось утвердить свое господство. Короче говоря, они занимались в чужих землях эксплуатацией местных богатств. Запад интересовал их только тем, что можно было оттуда взять, причем как можно дешевле. Наши страны давали им сырьевые материалы, которые в Тире, Сидоне и других ханаанских городах перерабатывали и продавали готовые изделия в Египте и Месопотамии.

Походы финикийцев не ограничивались Европой и Африкой. Благодаря своим очень древним связям с арабами–кушитами и потомками Иоктана они торговали благовониями, пряностями, слоновой костью и эбеном из Йемена или более удаленных мест, например, из Восточной Африки, Индии и даже Дальнего Востока⁸⁰. Но их внимание было приковано к западным странам, где они являлись монополистами, и именно между этими захваченными землями и обоими крупными центрами современной им цивилизации они осуществляли во всей полноте свою уникальную функцию.

Таким образом, их существование и их процветание оказались тесно связанными с судьбами Ниневии и Фив. Когда в этих странах наступали трудные времена и потребление падало, немедленно страдала промышленность и коммерция в Ханаане. Если цари Месопотамии были недовольны политикой финикийцев или хотели оказать на них давление, не прибегая к мечу, они принимали фискальные меры против притока западных товаров в ассирийские страны или в египетские провинции, что причиняло патрициям Тира гораздо больший вред и ущерб, чем целая армия с конницей и колесницами. Таков портрет древних финикийцев, столь гордых своей торговой деятельностью, столь развращенных и низких в своих пороках, обладающих призрачной независимостью и униженно склоняющихся перед могущественными потребителями.

Управление городов побережья с самого начала было сугубо теократическим. Это было в характере расы Хама. Дело в том, что первые белые завоеватели пришли в среду темнокожих с таким явным превосходством — и в образе мышления и в силе воли, — что суеверные аборигены не нашли ничего более разумного, чем объявить их богами. Поэтому американские племена с такой настойчивостью вопрошали испанцев, не спустились ли те с небес, и несмотря на отрицательный ответ, продиктованный христианской совестью, продолжали считать, что пришельцы скрывают свое божественное происхождение. Поэтому нынешние племена Восточной Африки называют европейцев богами⁸¹.

Белые хамиты, очевидно, без труда привыкли к такому почитанию. Но по мере того, как происходило смешение крови и чистая раса превращалась в мулатов, появлялись гибриды — сильные и уверенные в себе. Они имели общую генеалогию с древними завоевателями, и когда закончилось царствование богов, началась эпоха жрецов. Деспотизм изменил форму, но от этого не стал менее почитаем. В исторической памяти ханаанцев хранилось воспоминание и о такой неопределенной ситуации, когда они подчинялись авторитету Мел–карта и Ваала, а

80 В «Махабхарате» не упоминается ни Вавилон, ни Халдея. Но издавна существовала оживленная торговля между арийцами Индии и Западом через посредство финикийцев. У меня будет возможность поговорить о китайском фарфоре, обнаруженном в гробницах самых древних египетских династий.

81 Негры считают таковыми даже «махаласеев» — кафрское племя — только по той причине, что те одеваются в тканые одежды и имеют жилища со ступенями.

позже жрецам этих таинственных и могущественных существ⁸².

Появление семитов было еще одним шагом вперед. В сущности семиты были ближе к богам, чем иератические династии черных хамитов. Они позже отпали от общей ветви, и их кровь имела меньше примесей, чем кровь метисов, с которыми они делили богатства и власть. Тем не менее финикийские жрецы не согласились с таким превосходством в благородном происхождении, потому что «черный» элемент настолько преобладал в них, что они забыли Бога своих богов и их истоки и считали себя автохтонным народом. Кстати, это противоречит утверждению Геродота и свидетельствует о том, что финикийцы не были выходцами из Тилоса. Это означает, что они подчинились нелепым суевериям предков своих матерей. Для этих вырождающихся людей не могло быть и речи о белых переселенцах из Тилоса, пришедших на средиземноморское побережье. Мелкрат и его народ вышли из болот, на которых стояли, их жилища. В других землях и в другие времена индусы, греки, итальянцы и прочие народы имели аналогичное ошибочное мнение о своих истоках.

Но факты — упрямая вещь и не зависят от чьего-либо мнения. Семиты не могли стать богами, потому что в их крови не было чистоты, и несмотря на численное превосходство они не могли добиться безусловного поклонения. Черные хамиты отказали им в приеме в жреческую касту, принадлежность к которой много веков подряд была предназначена группам из того же семейства. Поэтому семиты пренебрегли теократией и поставили во главу угла силу оружия. После довольно острой борьбы управление финикийскими городами сделалось аристократическим, республиканским и абсолютным, в котором не осталось ничего от прежней тройственности составных элементов.

Однако такая форма правления не уничтожила полностью две другие и тем самым сыграла не революционную, а реформаторскую роль, обусловленную ее происхождением, близким к правлению черных хамитов, и с тех пор она пользовалась уважением. В рамках аристократии одно из самых почетных мест было отведено жрецам—священникам. Они занимали вторую ступеньку в государстве, а аристократические семьи продолжали пользоваться прежним почетом. Царская власть вовсе не играла главную роль. Возможно, сами черные хамиты не довели институт власти до необходимого совершенства, о чем свидетельствуют ассирийские государства.

Независимо от того, стоял ли во главе финикийских городов один человек или, как чаще всего бывало, корону делили два царя, выбранные из соперничающих домов, верховная власть была ограниченной и подконтрольной, ей доставались не имеющие значения прерогативы и роскошь без наличия свободы. Можно сказать, что семиты распространили на все подвластные им земли контроль за монархической властью, и что и в Ниневии, и в Вавилоне носители короны были лишь несамостоятельными представителями жрецов и патрициев.

Такой была организация, вышедшая из смешения черных хамитов Финикии с семитами. Цари, или, как их называли, суффеты, жили в великолепных дворцах. Подлинные хозяева государства не жалели ничего, чтобы осыпать роскошью две коронованные головы. Толпы рабов обоих полов, одетых в роскошные одежды, служили прихотям этих смертных, уставших от удовольствий. На страже их садов и гаремов стояли многочисленные евнухи. Корабли со всех концов света привозили женщин им на утеху. Они ели на золоте, украшали себя бриллиантами и жемчугами, аметистами, рубинами, топазами, а пурпур, воспетый древними, был единственным цветом их одежд. Кроме этой роскошной жизни и внешних почестей, предписываемых законом, они ничего не имели. Суффеты высказывали свое мнение по государственным делам — так же, как и другие аристократы, — но не более того;

82 Эвальд считает XIV главу Книги Бытия и другие фрагменты Библии изложением этих событий. Кроме того, по его мнению, эти тексты, связанные с ханаанскими народами, послужили основой космогонической и генеалогической части Библии, которая была отредактирована одним из левитов во времена Соломона. Когда мы будем вести речь об арийских нациях, станет ясно, почему богов Ассирии следует отождествлять с древними пришельцами белой расы. Очевидно, что богиня—рыба и богиня Дерсето, изображенные на скульптурах Хорсабада и Би—Сутуна, представляют собой патриархов, спасшихся после последнего потопа.

законодательная, судебная и даже исполнительная власть находилась в руках предводителей крупных домов.

Власть последних не имела границ. Как только договор, заключенный между ними, принимал статус закона, все население склонялось перед ним, и даже сами законодатели становились его жертвами. Нигде и никогда эта безличная машина не щадила отдельных людей. Суровые правила внедрялись даже в лоно семьи, самым тираническим образом определяли самые интимные отношения между супругами, давили на плечи отцов, деспотов своих детей, накладывали ограничения на человека и его совесть. На все государство, начиная с последнего матроса, самого забитого рабочего, до высокопоставленного жреца почитаемого бога, до надменного патриция, закон накладывал страшную печать, которую можно выразить так: «Сколько людей, столько и рабов!»

Вот так семиты, объединившись с потомками Хама, понимали и реализовали сущность правления. Я тем более настаиваю на этой концепции, что вместе с семитской кровью она проникла в институты почти всех народов древности и дошла до нынешней эпохи, когда она временно отступила перед более разумными и здоровыми понятиями германской расы.

Проанализируем истоки такой строгой организации. Очевидно, что все, что было в ней brutального и отвратительного, происходит из «черной» природы, склонной к абсолютному и к рабству, охотно поддающейся абстрактным идеям, понимать которые она не желает — может только бояться их и подчиняться им. Напротив, в более возвышенных элементах, наличие которых нельзя не признать, в попытке найти равновесие между царской властью, жречеством и вооруженной аристократией, в стремлении к порядку и законности мы наблюдаем инстинкты народов белой расы.

Ханаанские города притягивали к себе семитов, принадлежавших ко всем ветвям этой расы и, следовательно, перемешанных в разной степени. Выходцы из Ассирии несли в себе, вместе с хамитским элементом, совсем другую кровь, отличную от крови семитов, которые пришли из нижнего Египта и с юга Аравии и имели долгие контакты с курчавыми неграми. Северные халдеи с армянских нагорий и древние евреи имели больше «белой» крови. Пришельцы из областей, соседствующих с Кавказом, могли, прямо или косвенно, нести в своих жилах воспоминание о желтой расе⁸³. Они были выходцами из Фригии, а их матери были гречанками.

Каждая волна эмигрантов приносила новые этнические элементы, оседавшие в финикийских селениях. Помимо этих разнообразных связей с семитским семейством были еще коренные хамиты, хамиты из крупных государств Востока, и арабы–кушиты, и египтяне, и чистокровные негры. Короче говоря, два семейства — белое и черное — и даже следы желтой расы сочетались друг с другом в тысячах комбинаций в центре Ханаана, бесконечно варьируясь и постоянно размножаясь и порождая неизвестные дотоле разновидности.

Это происходило вследствие того, что Финикия давала приют и работу всем. Ее порты, фабрики и торговые караваны требовали много рабочих рук. Тир и Сидон были не только крупными приморскими и торговыми городами, наподобие нынешних Лондона и Гамбурга, но одновременно важными индустриальными центрами, как например, Ливерпуль и Бирмингем; они превратились в сточные русла для жителей Передней Азии, они находили занятие для всех, а излишки переправляли в колонии. За счет постоянных переселений они вливали туда свежие силы. Впрочем, не стоит слишком восхищаться столь плодотворной деятельностью. Эти преимущества постоянно растущего населения имели и обратную сторону: Тир и Сидон начали изменять политическую конституцию с намерением улучшить ее и закончили тем, что привели к ее полному краху.

Мы уже увидели, какие этнические трансформации преопределили конец

⁸³ Человек из страны Арпаксада (Бытие, X, 22); все народы, происходящие от Сима, в первом поколении, перечислены в порядке географического положения, начиная с юга и кончая северо–западом: Элам, живущий за Тигром, около Персидского залива; Ассур в Ассирии, выше по течению Тигра, к северу; Арпаксад в Армении, ближе к западу; Луд в Лидии; Арам спустился к югу, по течению Евфрата.

царствования богов, на смену которому пришло царствование жрецов, а оно, в свою очередь, уступило место сложной и мудреной организации, выразившейся позже в сфере власти, в появлении вождей и патрициев в городах. В результате таких реформ различие рас кануло в небытие. Остались только группы или семейства.

Перед лицом вечной и стремительной изменчивости этнических элементов аристократическое государство, последнее слово, крайнее выражение революционного духа первых семитских пришельцев, в один прекрасный день оказалось неспособным удовлетворить требования наступающих поколений, и стали заявлять о себе демократические идеи.

Вначале они нашли поддержку у царей. Те охотно восприняли принципы, которые могли унизить патрициев. Затем их подхватили толпы рабочего люда на мануфактурах и превратили их в стержень своего объединения. Активные деятели интриг и заговоров составляли особый класс общества, привыкший к роскоши, с вожделием смотревший на соблазны власти, но не имевший никаких прав, кроме права на милости, и презираемый в первую очередь аристократами: я имею в виду царских рабов, евнухов из дворцов, фаворитов или тех, кто стремился ими стать. Так выглядела партия, разрушившая аристократический порядок.

У противников этой партии было достаточно сил, чтобы защищаться. Желаниям и прихотям царей они противопоставляли безликое законодательство и зависимость от судейских чиновников. И они стали смыкать свои ряды. Против беспокойной массы рабочего люда у них были мечи и дротики многочисленных наемников, в первую «очередь карийцев и филистинцев, которые составляли гарнизоны в городах. Наконец, хитростям и козням царских рабов они противопоставили большой опыт в делах, недоверчивость, присущую человеческой природе, практический ум, несравнимый с неуклюжей хитростью противников — одним словом, сошлись в поединке интриги одних, жестокая сила других, нетерпеливая амбиция сильных, непомерная зависть слабых, а с другой стороны — огромное преимущество статуса господ, оружие, которое не легко одолеть, если оно находится в руках сильного.

Конечно, они бы сумели сохранить свою империю, как и любая аристократия, если бы победу определяла только энергия повстанцев, но исход дела решила их слабость. Поражение стало результатом смещения их крови.

Революция победила, только когда во дворцах появились люди, которые сокрушили их двери. В государстве, где торговля приносит богатство, а богатство — влияние, трудно избежать мезальянсов. Вчерашний матрос завтра становится судовладельцем, и его дочери, в виде золотого дождя, проникают в лоно самых высокомерных семейств. Впрочем, кровь патрициев Финикии уже была смешанной, поэтому им было трудно сопротивляться соблазнительным переменам. Полигамия, столь милая сердцу темнокожих или полутемнокожих народов, делает все меры предосторожности бесполезными.

Таким образом, в господствующих расах побережья Ханаана исчезла однородность, и демократия нашла в них своих сторонников. Аристократы начали находить приятность в смертельных для них доктринах.

Аристократия чувствовала эту открытую рану в своем боку и защищалась посредством депортации. Когда раскрывался или усмирялся заговор, виновников хватили, погружали на корабли под охраной карийцев и увозили в Ливию, Испанию, за пределы Геркулесовых столбов — в места столь отдаленные, что следы этих колонизаторов находили даже в Сенегале.

Мятежные аристократы в той вечной ссылке создавали патрициат новых колоний, и нет свидетельств тому, что, несмотря на всю свою либеральность они забыли суровые порядки своей родины.

Между тем наступил день, когда дворянству пришел конец. Нам известна дата окончательного поражения, известно, в какой форме это случилось, и мы можем назвать главную причину. Итак, дата — 829 г. до н. э., форма — аристократическая эмиграция,

основавшая Карфаген, главная причина — крайняя степень смешения населения под действием нового элемента, который в течение столетия создавал питательную среду для анархии этнических элементов.

Значительно усилились эллины. Они начали создавать колонии — эти форпосты их могущества, располагавшиеся на побережье Малой Азии, вскоре стали истоком мощной волны переселенцев в Ханаан. Пришельцы, отличавшиеся от семитов складом ума, телосложением и силой духа, оказали большую поддержку демократическим идеям и своим присутствием ускорили революцию. Первой жертвой демагогии пал Сидон. Победившая чернь изгнала аристократов, которые основали в Арадусе новый город, где нашли прибежище торговля и процветание, а старый город превратился в руины. Такая же участь вскоре постигла Тир.

Патриции, страшившиеся владельцев фабрик, простонародья, царских рабов и самого царя, после казни самого влиятельного из них — жреца Мелкарта, — будучи не в силах сохранять свою власть или спасти свои жизни перед лицом поколения, появившегося в результате смешения, решили покинуть страну. У них был флот и верные войска. И они, покоровшись судьбе, ушли вместе со своими сокровищами, увозя с собой административно-управленческий опыт и традиционное искусство торговли, и обосновались на побережье Африки, прямо напротив Сицилии.

Так совершилось героическое событие, подобных которому с тех пор не было. Хотя в современную эпоху были две попытки повторить его. Во время войны при Кьотце венецианский сенат обсуждал вопрос о том, чтобы отплыть на Пелопоннес вместе со всем народом, а позже такая же возможность рассматривалась в английском парламенте.

У Карфагена не было детства. Его правители заранее были уверены в могуществе своей воли. Они привезли с собой традиции древнего Тира. Их окружали почти исключительно чернокожие племена, стоявшие на более низкой ступени, и им не составило труда подчинить их себе. Наученное вековым опытом, правительство проводило в отношении подданных хамитскую политику твердости и непреклонности, а поскольку в городе Дидоне из осколков белой расы были только тирские и ханаанские аристократы, одновременно и жертвы и творцы демагогических потрясений, они установили безусловное иго. До самого момента своего падения они не сделали ни одного послабления для народа. Даже когда им приходилось призывать его к оружию, они оставались жестоки и непреклонны, потому что их авторитет опирался на этническое различие.

Анархия в Тире возобладала полностью после ухода аристократии, которая еще сохраняла остатки прежних качеств расы и прежде всего относительную однородность. Когда цари и простолюдины остались одни, на улицы выплеснулось все разнообразие происхождения и воспрепятствовало сколько-нибудь серьезной реорганизации. Хамитский дух, множество семитских ветвей, греческий характер — все это заявило о себе в полный голос. Не было никакой возможности договориться, и стало ясно, что вместо создания разумной и четкой системы правления население радовалось даже временному миру за счет временных компромиссов. После основания Карфагена у Тира уже не было новых колоний. Прежние постепенно отходили от него и одна за другой присоединялись к патрицианскому городу, который стал их столицей. Все было естественно и логично. Колонии не перенесли свое повиновение в другое место — сменилась только метрополия. Господствующая раса осталась прежней и в этом прежнем качестве продолжила колонизацию. В конце XIII в. она основала поселения в Сардинии, хотя ей еще не исполнилось и ста лет. Через пятьдесят лет она овладела Балеарскими островами. В VI в. она заселила ливийскими колонами все западные города, бывшие когда-то финикийскими. В новых поселенцах черная кровь преобладала еще в большей степени, чем в их сородичах на побережье Ханаана; когда незадолго до Рождества Христова Страбон писал, что большая часть Испании находилась под властью финикийцев, что в трехстах городах Средиземноморья не было других жителей, кроме финикийцев, это означало, что их население сформировалось на базе темнокожих, к которым добавились элементы белых и

желтых рас, а карфагеняне еще больше приблизили состав жителей к меланийской природе.

Именно хамитские патриции обеспечили на родине Ганнибала преобладание над всеми народами с более темной кожей. Тир, лишенный этой силы и ставший местом жительства совершенно перемешанных рас, погрузился в пропасть анархии.

Вскоре после ухода аристократов он навсегда впал в зависимость от чужеземцев — сначала ассирийцев, затем персов, позже македонцев. В течение небольшого срока, который остался ему, чтобы быть самостоятельным, всего лишь через 78 лет после основания Карфагена, он сделался знаменитым благодаря мятежному духу и непрерывным и кровавым революциям. Фабричные рабочие не раз совершали неслыханные зверства, устраивая резню богатых, захватывая их жен и дочерей, хозяйничая в жилищах своих жертв и купаясь в узурпированной роскоши. Короче говоря, Тир ужаснул весь Ханаан, славой и гордостью которого он был когда-то, а соседним странам он внушил ненависть и негодование, так что когда его осадил Александр, все соседние города поспешили помочь ему кораблями, чтобы поскорее покончить с ненавистным городом. Следуя местной традиции, сирийцы ликовали, когда полководец приговорил побежденных к распятию. Это была узаконенная казнь для взбунтовавшихся рабов, а тирцы именно таковыми и являлись.

Такие плоды принесло в Финикии беспорядочное и неумеренное смешение рас, столь сложное, что не оставалось времени для его превращения в совершенное слияние: это смешение привело к наложению друг на друга различных инстинктов, вкусов и антипатий самых разных человеческих типов и характеров и в конечном счете увековечило смертельную вражду.

Не могу не привести один любопытный исторический факт. Речь идет о холопском отношении к своим метрополиям — сначала Тиру, затем Карфагену. Подчинение было настолько слепым, что в течение нескольких столетий не было ни одного примера провозглашения этими колониями независимости несмотря на то, что в них жили не самые покорные подданные.

Нам известна история их создания. Сначала, это были временные поселения, наспех укрепленные с целью защиты кораблей от аборигенов. По мере того, как поселения увеличивались за счет торговых связей, они превращались в города. Политика метрополии способствовала росту этих городов, хотя принимались меры к тому, чтобы не допустить их чрезмерного усиления и независимости. Кроме того, власти стремились к увеличению их числа по всей стране для повышения прибылей от торговли. Потоки переселенцев редко сосредоточивались в одном месте — так, например, Кадикс в пору своего расцвета, когда по всему миру ходили легенды о его богатстве, представлял собой всего-навсего скромных размеров городок с небольшим постоянным населением⁸⁴.

Такие поселения оставались изолированными друг от друга. Поэтому они обладали исконным правом на полную взаимную независимость и к тому же питали неприязнь к метрополии. Но будучи свободными, они были бессильны и не могли обойтись без покровительства, и потому стремились примкнуть к своей сильной родине. Другой не менее важной причиной такой преданности можно назвать то обстоятельство, что эти колонии, основанные для торговли, имели только один крупный рынок сбыта — Азию, а путь туда проходил через Халдею. Чтобы выйти к рынкам Вавилона и Ниневии, чтобы добраться до Египта, было необходимо согласие финикийских городов, и фактории были охвачены одним желанием: найти политическую защиту и торговать. Поссориться с родиной означало закрыть перед собой двери в мир и смотреть, как богатства и прибыли стекаются в соседний город, более зависимый и, следовательно, более удачливый.

История Карфагена свидетельствует о такой жизненно важной необходимости. Несмотря на ненависть, которая как будто увеличивала пропасть между построенной на демагогии метрополии и ее строптивой колонией, Карфаген не желал рвать связи.

⁸⁴ Страбон, книга III. В ту эпоху город, который великий географ сравнивал по численности населения с Римом, занимал небольшой остров. Правда, он расширился при Бальбусе.

Плодотворные отношения прекратились, только когда Тир превратился в заброшенный амбар; и только после его краха, когда греческие города заменили его в области торговли, Карфаген Проявил желание к всевластию. Тогда он собрал под своим знаменем остальные города и поселения и стал признанным центром ханаанского народа и оставил себе это славное в прошлом имя. Его жители всегда называли себя «chanani»⁸⁵, хотя земля Палестины никогда им не принадлежала. Карфагеняне уважали Тир, с которым они не могли сосуществовать, не как очаг национального культа, а за свободный доступ товаров в Азию.

Итак, из первого обстоятельства вытекает второе, подтверждающее первое. Рассмотрим его.

Когда персидские цари овладели Финикией и Египтом, они предпочли считать Карфаген завоеванным «*ipso facto*». Они отправили послов к патрициям озера Тритонид, чтобы дать им кое-какие распоряжения и обещания защиты. В те времена Карфаген был очень сильным, и у него были основания не бояться армий великого царя: во-первых, из-за своих огромных ресурсов, во-вторых, потому что он находился далеко от центра персидской монархии. Между тем он подчинился и покорился. Потому что ему нужно было любой ценой сохранить благосклонность династии, которая могла закрыть перед ним восточные двери Средиземноморья. Карфагеняне, ловкие политики, руководствовались в этом вопросе примерно теми же мотивами, которые в XVII и XVIII вв. заставляли некоторые европейские нации, желавшие сохранить отношения с Японией и Китаем, пойти на шаги, унижительные для христианского сознания. Учитывая такое смирение со стороны Карфагена и его причины, легко объяснить, почему финикийские колонии всегда были далеки от мысли о мятеже.

Однако было бы большой ошибкой считать, что эти колонии пытались цивилизовать население, среди которого они обосновались⁸⁶. Из поэм Гомера мы знаем, что у них были только меркантильные заботы и что они внушали отвращение древним эллинам. Ни в Испании, ни на побережье Галлии они не оставили о себе лучшего мнения. Когда потомки Ханаана имели дело со слабыми племенами, они доводили тиранию до крайней степени жестокости и низводили аборигенов до уровня домашнего скота. Если они встречали сопротивление, их оружием было коварство. Но результат оставался тем же. Местное население всегда было для них тупой рабочей силой, которую они нещадно эксплуатировали, или врагами, которых они уничтожали.

Постоянной была вражда между местными жителями любой страны, куда они приходили, и этими жестокими торговцами. Это еще одна причина, почему колонии — слабые, изолированные, враждующие с соседями — оставались верноподданными метрополии, и это был тот мощный рычаг, посредством которого Рим опрокинул Карфаген. Политика итальянского города в сравнении с поведением его соперника была гуманной и тем самым завоевала симпатии, а затем обеспечила победу. Я вовсе не собираюсь осыпать незаслуженной хвалой римских консулов и преторов: они тоже были жестокими угнетателями, пусть и в меньшей степени, нежели ханаанская раса. Но истина в том, что эта нация мулатов — финикийцев или карфагенян — не имела ни малейшего представления о справедливости и ни малейшей склонности к тому, чтобы внести хоть какую-то разумную организацию в жизнь подвластных им народов. Она осталась приверженной принципам, унаследованным от семитов колена Немрода, которое впитало их с кровью темнокожих.

Если в истории финикийских колоний и есть примеры умелой организации, то они

85 Финикийцы называли свою страну именем «Chanani» или земля Ханаана; но другие народы того же семейства не соглашались с такой претензией. Помимо финикийцев раса Ханаана насчитывает много ветвей. См. перечисление в Книге Бытия, X, 15. Еще во времена Святого Августина простолюдины римского Карфагена называли себя «chanani».

86 Нет ничего абсурднее филантропического смысла, который некоторые современные ученые вкладывают в миф о Геркулесе Тирс-ком. Семитский герой и его спутники об этом и не помышляли

обусловлены специфическими обстоятельствами, которые с тех пор больше не повторялись. Греческие колонисты не отличались покорностью так же, как и современные народы. Дело в том, что весь мир был открыт для них, и им не надо было пересекать просторы родины, чтобы добраться до рынка для своих товаров.

Пожалуй, мне больше нечего сказать о самой энергичной ветви ханаанского семейства. Своими достоинствами и своими пороками она подтверждает вывод этнологии, а именно: в ней преобладала «черная» кровь. Отсюда неукротимая страсть к материальным радостям, нелепые суеверия, предрасположенность к искусствам, безнравственность, жестокость.

Белый тип сыграл в ее формировании незначительную роль. Мужской характер уступил место женским элементам, которые поглотили его. Правда, он внес в этот брачный союз практичность и жажду завоеваний, вкус к стабильности и то самое стремление к политическому порядку, которое сказало свое слово и сыграло свою роль в установлении основанного на законах деспотизма — роль, конечно, спорная, но безусловно эффективная. Чтобы закончить этот портрет, добавлю, что обилие несовместимых типов, связанное с различными пропорциями в общей смеси, породило хронический беспорядок, привело к социальному параличу и к такому плачевному состоянию, когда с каждым днем на первый план все больше выходила меланийская сущность. Вот в каком положении оказались расы, сформировавшиеся в результате ханаанских союзов.

Однако пора обратиться к остальным ветвям семейств Хама и Сима.

ГЛАВА IV. Ассирийцы; евреи; хорейяне

В древности бытовало единодушное мнение, что народы Месопотамии стоят выше всех остальных наций, вышедших из колен Хама и Сима. Финикийцы были предприимчивы, такими же были карфагеняне. Пережили периоды расцвета и славы еврейские, арабские, мидийские, фригийские государства. Одним словом, это были планеты, вращавшиеся вокруг большого региона, где совершались их судьбы. Но, без всякого сомнения, главной была Ассирия.

Чем же объясняется такое превосходство? Точный ответ на этот вопрос дает филология.

Я уже говорил о том, что система семитских языков представляет собой несовершенный продукт системы «черных» языков. Эта система претерпела изменения в арабском и стала еще более несовершенной в древнееврейском; далее по нисходящей мы придем к арамейскому, в котором деградация составных принципов выражена еще полнее. В данном случае мы напоминаем путника, находящегося в подземелье, где по мере его движения становится все темнее. Дальше снова появится свет, но уже на другой стороне пещеры, и этот свет будет иной природы.

Арамейский язык означает определенный отход от меланийского духа, однако в нем пока нет форм, кардинально чуждых этой системе. Если заглянуть немного дальше, в географическом смысле, мы сразу обнаружим древнеарамейский, и вот здесь уже есть кое-что новое. При внимательном рассмотрении мы узнаем индогерманский элемент, в чем не может быть никаких сомнений. Он еще слабый и ограниченный, но все равно он существует и бросается в глаза.

Продолжим наше путешествие. Рядом с арамейцами живут мидийцы. Прислушавшись к их языку, мы узнаем семитские звуки и формы. Те и другие более затуханы, чем в арамейском, и индогерманский элемент занимает в нем больше места ⁸⁷.

Вступая на земли, лежащие к северу от Мидии, мы находим зендский язык. И в нем присутствует семитский, на сей раз в очень малом количестве. Если отойти немного к югу,

⁸⁷ Сольси выдвинул новую гипотезу касательно индийского языка, в котором он обнаружил элементы тюркских языков. Если принять эту интересную гипотезу, необходимо прибавить к мидийскому языку еще одну составную часть. Но соотношение между индогерманским и семитским элементами внутри этого языка, о которых шла речь выше, остается неизменным.

мы встретимся с «пехлви», также индо–германским, но с большим количеством элементов из языка Сима. Но двинемся дальше на северо–восток, и в первых же районах Индии сразу найдем самый совершенный тип языков белой расы — речь идет о санскрите.

Чем дальше к югу, тем больше семитского духа, а по мере продвижения к северу «белые» элементы будут встречаться чаще и в более чистом состоянии. Ассирийские государства из всех хамито–семитских земель находились дальше к северу. На них постоянно набегали волны переселенцев, скрытых или очевидных, устремленных с северо–восточных гор. Там и следует искать первопричину их длительного, длиной в века, преимущества.

Мы уже видели, как часто происходили набеги. Семито–халдейская династия, которая положила конец исключительному господству хамитов около 2000 года, два столетия спустя была свергнута новыми толпами, спустившимися с гор.

История называет их «мидийцы». Факт появления индогерманских народов так далеко на юго–западе в столь ранние времена мог бы вызвать некоторое удивление, если, следуя старой классификации, мы проведем демаркационную линию между белыми народами разного происхождения и отделим семитов от народов, основные ветви которых населяли Индию, а позже Европу.

Как сказано выше, филология опровергает такой метод классификации, и мы с полным правом можем считать мидийцев основателями очень древней ассирийской

династии и, по примеру Моверса, семитскими халдеями или, вместе с Эвальдом, ассирийскими или индогерманскими народами в зависимости от подхода к этому вопросу. Они являются переходным элементом между двумя расами и равно принадлежат и той и другой. Поэтому не имеет значения, с точки зрения географии, являются ли последние семитами или первые арийцами.

Я не сомневаюсь, что с точки зрения качеств, присущих расе, мидийцы первой волны миграции превосходили семитов, в большей степени смешанных с темнокожими, хотя и были родственны им. Подтверждением тому может служить их религия, которая представляла собой магию. Напомню имя второго царя их династии — Заратуштры. Я не путаю этого монарха с известным религиозным законодателем, который жил намного раньше, но тот факт, что царь взял себе имя знаменитого пророка, свидетельствует о популярности его учения в народе.

Мидийцы не были испорчены чудовищными хамитскими культами, они имели более здоровые религиозные представления и понятия и отличались более высоким воинским духом и способностями к управлению.

Однако их власть не могла продержаться долго, хотя причины их быстрого упадка совсем другие.

Мидийская нация всегда была малочисленной — позже у нас будет повод поговорить об этом, — и если в VIII в. до н. э. она вновь подчинила себе ассирийские государства (спустя долгое время после 2234 г. до н. э.), то только потому, что этому способствовали окончательный упадок хамито–семитских рас, полное отсутствие сильных врагов и союз с арийскими народами, которых в эпоху первого нашествия мидийцев еще не было на юго–западе, куда они пришли позже вместе с другими персидскими племенами.

Таким образом, мидийцы были авангардом арийского семейства. Их численность была невелика, их не поддерживали родственные народы и не потому, что они еще не спустились к югу, но потому, что в те далекие времена, после ухода эллинских арийцев, чьи нашествия постоянно выталкивали массы семитов в ассирийские и ханаанские земли, существовала мощная цивилизация, оказывавшая сильное влияние на основную часть арийско–зороастрийских народов в областях между Каспийским морем и Гиндукушем, в частности, в Бактрии. Там царил большой город Балк — «Мать городов», если воспользоваться выражением из иранской традиции, которое передает и могущество и древность древней столицы магической религии.

Этот город был центром жизни, которая привлекала внимание и симпатии зороастрийцев и предохраняла их от смешения с ассирийским потоком. Помимо этой сферы

их деятельность ограничивалась восточным направлением и была устремлена к землям Индии, к странам Пенджаба, с которыми их связывали тесные родственные отношения, общая историческая память, древние привычки, сходство языка и даже религиозная нетерпимость и дух противоречия — естественное следствие этой нетерпимости.

В Передней Азии мидийцы были предоставлены самим себе: их положение было тем более непрочным, что с севера надвигались властолюбивые соперники, банды семитов, и подрывали их власть.

Эти семиты уступали им в численности. Однако их поток усиливался, и в конечном счете они уравнились в достоинствах с властителями и даже превзошли их.

Последние жили в городах Ассирии, правда, пользуясь некоторой поддержкой своего народа, но отдаленные от него большим расстоянием и затерянные в хамито-семитской массе. Изменился состав их крови, так же как у белых хамитов и первых халдеев. И в один прекрасный день семитские набеги, сначала отбиваемые, уже не встретили сопротивления. В тот день семиты пробили брешь, и меч победителей обрушился даже на простой народ, который растерялся и оказался бессилён перед хлынувшими ордами.

Ассирийские государства вновь начали приходить в упадок под властью последних индийских царей. Они снова познали расцвет и утвердили свою власть во всей Передней Азии только с притоком свежей благородной крови, которая пусть и не подняла их на более высокую ступень, но, по крайней мере, позволила им господствовать безраздельно. Вот так, непрерывно перерождаясь и возрождаясь, Ассирия властвовала на хамито-семитских землях.

Новое нашествие привело к большим территориальным завоеваниям.

Покорив страну мидийцев, семиты-завоеватели двинулись на север и восток. Они разорили часть Бактрии и дошли до границ Индии. Они снова покорили Финикию, и мысли, понятия, представления и нравы ассирийцев распространились еще шире и укоренились еще глубже, чем прежде. Смелые предприятия и крупные достижения чередовались с удивительной быстротой. Пока могущественные вавилонские монархи укреплялись на востоке, в окрестностях нынешнего города Кандагара, города, где жили кофейцы, руины которого обнаружил полковник Роулинсон, на Евфрате поднимался Мабудж, а дальше к западу — Дамаск и Гадара⁸⁸. Семитские цивилизаторы перешли Галис и создали на побережье Трояды, в лидийских землях, княжества, которые позже стали независимыми и хвалились тем, что не имеют к семитам никакого отношения⁸⁹.

Нет смысла проследивать смену ассирийских династий, которые столько веков удерживали власть в Передней Азии. Пока соседняя Армения и примыкающие к Кавказу земли поставляли более «белое» население, чем жители южных равнин, силы ассирийских государств постоянно пополнялись. Только династия арабов-исмаилитов (1520—1274 гг. до Рождества Христова) положила конец халдейскому владычеству. Таким образом, пришедшую в упадок расу сменили семиты с юга, менее деградированные, чем хамитский элемент, который был способен испортить любую кровь в Месопотамии. Но как только снова появились халдеи, более «чистые», чем исмаилитское семейство, оно тут же уступило им трон.

Итак, что касается сферы правления, т. е. там, где формируются цивилизаторские идеи, не может быть и речи о черных хамитах. Их массу совершенно поглотили последовательные наслоения семитов. Они составляют большую часть населения и не играют никакой активной роли. Такая участь ожидает всех завоевателей через несколько поколений. Вначале грязь завоеванной деградированной земли, по которой шагают победители, доходит им до щиколотки. Затем в нее погружаются ноги, и вскоре она накрывает их с головой. С

88 После Авраама Дамаском владели семиты из Армении. Позже династию Бен-Хадада свергла новая волна тех же семитов и заменила ее династией Деркетада. В греческую и римскую эпохи жители Дамаска отрицали исключительно древнее происхождение своего города и называли себя потомками Авраама — кстати, такое редко случается как у народов, так и отдельных людей.

89 Сандониды Лидии гордились ассирийским происхождением.

физиологической и моральной точек зрения это полная деградация. Во времена Агамемнона греков больше всего поразило в ассирийцах, пришедших на помощь Приаму, цвет кожи Мемнона, «сына Авроры». Авторы сказаний называют эти восточные народы эфиопами⁹⁰.

После разрушения Трои те же коммерческие причины, которые когда-то заставили ассирийцев способствовать созданию приморских городов в стране филистинцев и на севере Малой Азии⁹¹, обусловили тот факт, что они простили грекам уничтожение города и защищали Ионию. Их цель заключалась в том, чтобы положить конец монополии финикийских городов, в результате троянцев сменили победители. Так, азиатские греки стали основными торговыми партнерами Ниневии и Вавилона. Это есть первое встретившееся нам доказательство той часто повторяемой истины, что если идентичность рас приводит к идентичности судеб народов, она ни в коей мере не определяет идентичность интересов и, следовательно, взаимную неприязнь.

До тех пор, пока только финикийцы эксплуатировали западные земли, они продавали свои товары ассирийцам по очень дорогой цене, но позже, когда появились конкуренты в лице троянцев, затем греков, ассирийцы нашли более дешевый способ удовлетворить свои потребности.

Очевидно, что вся Передняя Азия находилась под диктатом ассирийцев. Народы, пользовавшиеся их покровительством, достигали успеха, а те, кто пытался выйти из-под их влияния, оставались слабыми. Впрочем, и независимость была очень относительной — даже у кочевых племен пустыни. Нет ни одной нации — будь то большой или малой, — которая бы не испытала воздействия населения и царей Месопотамии. Однако среди тех, которые меньше всего ощущали такое воздействие, первыми следует назвать сыновей Израиля. Они относились к своей индивидуальности более ревностно, нежели любое другое семитское племя. Они хотели сохранить чистоту в своих потомках. Они стремились изолироваться от всего, что их окружало. По одной этой причине они заслуживают отдельного разговора, даже если забыть о великих идеях, которые приходят на ум при упоминании этого народа.

Сыновья Авраама несколько раз меняли свое имя. Вначале они называли себя евреями. Но это название, разделяемое ими со многими другими народами, было слишком широким и неконкретным. Тогда они стали именоваться сыновьями Израиля. Позже, после того, как Иуда прославил свое имя и вытеснил из памяти народа всех патриархов, они стали иудеями. Наконец, после взятия Иерусалима императором Титом, вкус к старине, страсть к своим корням — что всегда свойственно стареющим народам и служит признаком бессилия, хотя свидетельствует о трогательной сентиментальности — заставили их снова принять имя «евреи».

Эта нация, несмотря на все ее претензии, никогда не имела собственной цивилизации, так же как и финикийцы. Она всего лишь копировала все, что происходило из Месопотамии, смешивая это с египетскими элементами. Нравы израильтян в моменты их расцвета, во времена Давида и Соломона, выдавали тирское и ниневийское происхождение. История знает, с каким трудом их священники дистанцировались от самых ужасных проявлений восточного происхождения.

Если бы сыновья Авраама, спустившись с Халдейских гор, сумели сохранить хотя бы относительную чистоту расы, которой они обладали, они, конечно, сохранили и расширили бы то превосходство над более цивилизованными и богатыми, но менее предприимчивыми ханаанскими народами, которое завещал им отец их патриархов, потому что те народы имели более темный цвет кожи. К сожалению, несмотря на фундаментальные законы и

90 Эфиопы — потомки Куша, т. е. арабы.

91 Этот естественный альянс между ассирийцами и греками, соперниками финикийцев, очень напоминает ситуацию на Кипре. Там издавна жили две группы: семитская и греческая. Греческие киприоты тяготели к ассирийцам, семиты — к Тиру.

предписания, несмотря на проклятие, лежащее на исмаилитах и эдомитах, незаконных и отверженных потомках Авраамского колена, евреи роднились только с ними⁹². С самого начала ситуация вынуждала их идти на союз с разными народами, которых они презирали, жить среди них, ставить рядом с ними свои шатры и пасти свои стада, и молодые люди двух семейств постоянно общались друг с другом. Кенайцы, потомки Амалека, и многие другие влились, таким образом, в народ, состоявший из двенадцати племен⁹³.

Затем закон первыми нарушили патриархи. Пестрая генеалогия свидетельствует о том, что Сарра была двоюродной сестрой своему мужу, следовательно, имела чистую кровь⁹⁴. Но если Иаков женился на Лии и Рахили, своих кузинах, и имел от них восьмерых из своих сыновей, четыре других ребенка, также считающиеся истинными отцами Израиля, родились от служанок Балы и Зельфы⁹⁵. Этому примеру последовали и его отпрыски⁹⁶.

В последующие эпохи мы встречаем и другие этнические альянсы, а во времена монархии им уже нет числа.

В царство Давида, простиравшееся до Евфрата, входило немало различных народов, и там не могло быть и речи об этнической чистоте. Вирус смешения пропитал все поры израильского организма. Сам принцип, правда, сохранился, а позже Зоровавель обрушил жестокие кары на мужчин, бравших в жены чужестранок. Но тем не менее целостность крови Авраама оказалась утраченной, и меланийского элемента в иудеях было не меньше, чем в хамитах и семитах, среди которых они жили. Они приняли их язык⁹⁷. Они приняли их нравы и обычаи, и все больше смешивались со своими соседями: филистинцами, эдомитами, амалекитами, аморейцами. Очень часто имитация чужих нравов доходила у них до религиозного экстаза. В сущности, евреи и язычники были скроены по одной мерке. Я склонен считать этот факт и доказательством и следствием: ни во времена Иосифа, ни при Давиде или Соломоне, ни в эпоху царствования Маккавеев иудеи не имели длительной власти над соседними народами, как бы слабы те ни были. Они ничем не отличались от исмаилитов и филистинцев.

Я уже объяснял, почему израелиты, сыновья Исмаила, Эдома и Амалека, состоявшие из тех же основных «черных» — хамитских и семитских — элементов, что и финикийцы и ассирийцы, всегда оставались на самой низшей ступени цивилизации расы, где вдохновляющая и руководящая роль принадлежала народам Месопотамии.

Дело в том, что «белые» элементы периодически подпитывали последних, но не сыновей Израиля. Поэтому им не удавалось удержать завоеванное, а когда у них появлялись возможность и желание усовершенствовать свои нравы, они предпочитали заимствовать их в ассирийской культуре, ничего не давая ей взамен — точно так же, как нынешние провинциалы копируют парижские моды. Не отличались большей цивилизованностью и тирцы, хотя они и были умелыми торговцами. Они воспринимали только то, что лежало на

92 Кстати, семья сына Фарры состояла только из выходцев одной ветви. Когда он заключил союз с Богом и подверг обрезанию всех мужчин своего дома, все они стали евреями, хотя в Библии подчеркивается, что среди них были рабы, купленные за серебро, и чужаки (Книга Бытия, XVII, 27). Из текста можно также заключить, что израильтская национальность определяется даже не столько происхождением, сколько фактом обрезания (Книга Бытия, XVII, 11 и XXXIV, 15). При таком положении дел невозможно было сохранить чистоту расы несмотря на все усилия.

93 Книга Бытия, XV, 19.

94 Книга Бытия, XX, 12.

95 Книга Бытия, XXIX, 3—13.

96 Напомню только один отрывок о происхождении Иосифа, где говорится о том, что он был любимым сыном Израиля и «чистым» в смысле происхождения. Однако он взял в жены египтянку.

97 Исайя называет древнееврейский языком Ханаана (36, II, 13).

поверхности, и то, чему они учились у Ниневии. Соломон, решив построить храм, призвал из Тира архитекторов, скульпторов и вышивальщиков. Вполне вероятно, что, увидев величественный Иерусалим, которым так гордились его жители, человек из Ниневии узнал бы в нем не совсем удачную копию того, что он видел в оригинале в больших метрополиях Месопотамии, куда с Запада, Востока, из Индии и даже Китая, по словам Исаяи⁹⁸, постоянно поступали замечательные плоды человеческого гения.

И в этом нет ничего удивительного. Малые народы, о которых идет речь, были семитами, слишком пропитанными хамитским духом, чтобы иметь возможность играть самостоятельную роль в культуре — впрочем, их собственная культура была в их глазах вполне достаточной и нуждалась разве что в небольших изменениях. Именно такие изменения локального характера низводили все совершенство Ниневии до уровня темных и бедных народов и искажали цивилизацию. Оказавшись в Вавилоне, финикийцы, евреи, арабы чувствовали себя равными местному населению, исключая только северных семитов, которые появились там самыми последними.

Но все равно это было подражание, потому что в этих разрозненных группах отсутствовала порода.

Прежде чем закончить разговор об израилитах, скажем несколько слов о некоторых племенах, которые издавна жили среди них к северу от Иордана. Скорее всего, это таинственное население представляло собой довольно «чистые» остатки меланийских семейств — темнокожих, которые когда-то были единственными хозяевами Передней Азии до прихода белых хамитов. Священные тексты оставили нам точное, характерное и неприглядное описание этих жалких народов.

Во времена Иова они жили только в горном районе Сеира и Эдома к югу от Иордана. Там их и встречал Авраам. Среди них жил Исав⁹⁹ — что, впрочем, не единственная его вина или ошибка, — и одной из его жен стала Оливема, дочь Аны, дочери Себеона, так что сыновья, родившиеся от нее — Иеус, Иеглом и Корей, — через свою мать были тесно связаны с черной расой.

Септуагинта называет эти народы хорейцами, Вульгата — хорейцами, и они часто упоминаются в Священном Писании. Они жили в скалах и прятались в пещерах. Их имя даже означает «троглодиты», т. е. пещерные люди. Их племена имели вождей и составляли независимые общества. Они круглый год бродили без определенной цели, воровали что придется, а при возможности убивали. Они были очень высокого роста. Путешественники боялись этих жестоких людей. Но самое яркое их описание приводится в Книге Иова¹⁰⁰.

«Они смеются надо мною, те, которых отцов я не поместил бы с псами стад моих».

«Бедностью и голодом истощенные, они бегут в места безводные, мрачные и пустынные...»

«Из общества людей изгоняют их и кричат на них, как на воров». «Они

98 Исаяя, XIX, 12.

99 Книга Бытия, XXXVI, 8.

100 Еще раньше хорейяне жили на обоих берегах Иордана вплоть до Евфрата на северо-востоке и до Красного моря на юге. Там, где в Священном Писании речь идет об аборигенах, часто упоминаются эти темнокожие народы. Второзаконие называет их также словом «эмимы», единственное число от которого означает «ужас». Т. е. «эмимы» — значит «внушающие ужас люди» (Второзаконие, 11,10,11). Существовало еще одно племя, издавна поселившееся на земле Ара, которая позже принадлежала аммонитам. Последние называли их «зомзомимы» (Второзаконие, II, 20). Наконец, хорейяне, эмимы и зомзомимы, эти ужасные и шумные люди, постоянно сравниваются с энасимами, гигантами с длинными шеями. Еще до появления израелитов они жили рядом с Хевроном. Частично они были уничтожены, а оставшиеся укрылись в филистинских городах, где они встречались в гораздо более поздние времена. Нет сомнения в том, что к этому семейству принадлежал великан Голиаф, с которым сражался пастух Давид. Кстати, Голиаф переводится как «изгнанный» или «беженец»

живут в рытвинах потоков, в норах земных и скалах».
«Они шумят в кустах и жмутся под терном».
«Люди отверженные, без имени, отребие земли»
(Книга Иова, XXX).

У этих дикарей семитские имена, но разве нельзя узнать в словах библейского святого портрет бошисмана и пелагийца? Действительно, между древним хорейянином и этими дикими неграми существует самая тесная связь. В этих трех ветвях меланийской породы мы видим не сам тип чернокожих, а степень деградации, до которой может опуститься эта ветвь человеческого рода. Я считаю, что непосредственной причиной деградации этих несчастных существ было то обстоятельство, что их угнетали хамиты, точно так же, как готтентотов угнетали кафры, а пелагийцев — малайцы. Между тем хорошо известно, что в подобном оправдании никогда не нуждались народы нашего семейства. Конечно, и среди них были жертвы, так же, как среди темнокожих и желтокожих. Покоренные, угнетаемые, уничтожаемые народы всегда встречались и встречаются до сих пор. Но если хоть капля крови белых существует в нации, деградация никогда не станет всеобщей, хотя может иметь место среди отдельных людей или даже групп. В ответ мне могут привести множество примеров того, что народы влачат жалкое существование, и скажут, что только несчастная судьба виновата в этом. Оппоненты будут рассказывать о том, как несчастные люди живут в лесах, питаются ящерицами и змеями, бродят нагишом, иногда даже забывают самые простые слова, необходимые для создания языка, а с ними и сами понятия, обозначаемые этими словами, и миссионер не находит другого решения этой проблемы, кроме суровости и деспотизма. Но это ошибка. Если присмотреться внимательнее, мы увидим, что народы, находящиеся в таком жалком положении, так и останутся неграми и финнами и что история не знает случаев, когда даже самые несчастные из белых народов жили в дикости; напротив, они всегда имели в себе способности и цивилизаторские элементы, которые сохранялись несмотря на любые испытания и беды. Именно в этом заключается убедительное свидетельство их абсолютного превосходства над остальными расами.

Хорейяне прекратили сопротивление и исчезли. Лишенные того немногого, что им оставили в наследство их родители, сыновья Исава, дети Оливемы, короче говоря, эдомиты (Второзаконие, 11,12), не выдержали цивилизации, как это происходит сегодня с аборигенами Южной Америки. Они не сыграли никакой политической роли. Их нашествия были всего лишь разбойничьими вылазками. История Голиафа показывает, что единственное их предназначение заключалось в том, чтобы подпитывать ненависть к израильтянам.

Что касается иудеев, они оставались в рамках влияния Ниневии, пока ими руководили семиты. Позже, когда скипетр перешел в руки арийцев–зороастрийцев, когда между властителями Месопотамии и юго–западными народами перестали существовать расовые отношения, наступил этап политического подчинения, и единство идей исчезло. Но пока рано говорить об этом. Прежде чем спуститься в те глубины времен, где им предстоит найти свое место, нам нужно рассмотреть много вопросов, в первую очередь тех, что имеют отношение к Египту.

ГЛАВА V

До сих пор речь шла только об одной цивилизации, образовавшейся из смешения белой расы хамитов и семитов с темнокожими, которую я назвал ассирийской. Ее влияние можно считать беспрецедентным по своим последствиям даже для нашего времени.

Однако ее нельзя назвать самой древней на земле, и равнины юго–западной Азии были не первыми, где появились и достигли расцвета мощные государства. Позже мы будем говорить об исключительной древности индусских государственных институтов, а пока остановимся на системе правления в Египте, которая образовалась примерно в одно время с ниневийскими государствами. В первую очередь рассмотрим истоки цивилизаторской нации, жившей в долине Нила.

Довольно точный ответ на этот вопрос мы найдем в физиологии: статуи и рисунки древности неопровержимо доказывают присутствие белого типа ¹⁰¹. Очень часто в качестве образца красоты и благородства внешних черт называют известную статую из Британского Музея, называемую «Юный Мемнон». Изображенные в других скульптурах ранней античности жрецы, цари, военачальники принадлежат к белой расе, если не в чистом виде, то во всяком случае к ее разновидности, которая недалеко ушла от нее ¹⁰². Однако широкие лица, большие уши, выраженные скулы, пухлые губы часто фигурируют в изображениях людей в подземельях и храмах и свидетельствуют о большой пропорции черной крови обеих разновидностей — темнокожих с прямыми и курчавыми волосами ¹⁰³. В этом отношении нет ничего убедительнее, чем сооружения в Мединет-Абу. Таким образом, можно предположить, что египетское население включало в себя следующие элементы: темнокожие с прямыми волосами, негры с пушистой шевелюрой и белый элемент, который обеспечил жизнеспособность всей этой смеси.

Трудность заключается в том, чтобы определить, к какой ветви семейства принадлежал последний элемент. Блюменбах сравнивает голову Рамсеса с индусским типом. Это замечание, справедливое само по себе, к сожалению, недостаточное основание для того, чтобы сделать вывод, поскольку исключительное разнообразие египетских типов в разные времена постоянно колеблется между двумя полюсами: меланийским и белым. Во всех случаях, даже в голове, приписываемой Рамсесу, черты лица, красивые и очень близкие к белому типу, тем не менее, уже претерпели сильные изменения в результате смешения и знаменуют собой начало деградации. Кроме того, нельзя забывать о том, что физиогномические признаки часто не могут служить объективными характеристиками, когда речь идет о нюансах. Если физиология показывает, что в жилах египтян текла кровь белых, то она не может ответить, из какой ветви пришла эта кровь: хамитской или арийской.

Тем не менее, она в целом опровергает мнение о том, что предки Сесостриса были китайскими поселенцами; кстати, сегодня эта гипотеза даже не обсуждается всерьез.

История — наука более эксплицитная, чем физиология, но и она не в состоянии объяснить истоки египетской нации. Многовековые исследования и попытки так и не привели к согласию относительно хронологии царств и царей, а еще больше относительно синхронизма, который объединяет фактографию долины Йила с событиями, происходившими в других местах. Этот уголок земного шара всегда был одним из самых загадочных и притягательных для науки.

По мнению одних исследователей, кульминационной точкой цивилизации, искусств и военного могущества Египта следует считать эпоху между царствованием Осиртасена, фараона XVIII династии, и Рамсеса III (XIX династия): т. е. между 1740 и 1355 г. до Рождества Христова ¹⁰⁴. Но период сооружения пирамид уходит еще глубже в историю, и гениальные попытки Бунзена расшифровать загадки веков относятся к этим памятникам. Следуя методу, который обычно применяется к трудам Эратосфена, можно вычислить, что

101 Уилкинсон считает египтян азиатским народом и приводит отрывок из Плиния, который отмечает, что жители долины Нила, от Сиены до Мероз, были арабами. Другой ученый, Лепсиус, утверждает то же самое в отношении всей долины Нила до Хартума, а возможно, и еще южнее, вдоль русла Голубого Нила.

102 Лепсиус отмечает, что на рисунках в подземельях древней династии изображены египтянки с желтой кожей, а в эпоху XVIII династии они уже краснокожие.

103 Среди негритянских народов, представленных на древних па мятниках, торесы, тарео, эфиопы или кушиты относятся к явно прогнатическому типу с курчавыми волосами.

104 Речь идет о периоде, предшествующем изгнанию гиксосов, который называют Новая Империя. Возраст пирамид еще старше, а начало XII династии датируется 2200 г.

пирамиды к северу от Мемфиса, считающиеся самыми древними, были построены около 2120 г. до н. э. Суфисом и его братом Сенсуфисом. Таким образом, в 2120 г. до н. э. Египет уже представлял собой довольно развитое государство, способное осуществить работы, самые удивительные из человеческих дел.

Следовательно, белые поселенцы пришли сюда до этой эпохи, потому что каждая группа пирамид относится к разным периодам¹⁰⁵. Существовала гипотеза, что одна из хамитских ветвей дошла до долины Нила между Сиеной и морем и основала там египетскую цивилизацию, но она не выдерживает никакой критики. Зачем понадобилось этим хамитам, создавшим сильное государство, порывать все связи с другими народами их расы, отгораживаясь таким образом от проторенной дороги и уходя от средиземноморского побережья, от дельты Нила, чтобы построить государство, во всех отношениях враждебное цивилизации черных хамитов? Как могли они сделать своим язык, настолько отличавшийся от наречий их сородичей? Убедительного ответа на эти вопросы не существует. Таким образом, египтяне не являются хамитами, и их истоки следует искать в другом месте.

Древнеегипетский язык включает в себя три части. Одна принадлежит к «черным» языкам. Другая, обусловленная контактом этих «черных» языков с наречием хамитов и семитов, дает ту смесь, которую называли по имени второй из вышеуказанных рас. Наконец, существует третья часть, очень таинственная и самобытная, но во многих отношениях она свидетельствует об арийских корнях и родстве с санскритом¹⁰⁶. Это важное обстоятельство, будь оно солидно доказанным, могло бы положить конец дискуссии и реконструировать маршрут белых поселенцев Египта от Пенджаба до устья Инда, а оттуда в долину верхнего Нила. К сожалению, это еще не совсем ясно и может служить лишь версией. Однако вполне возможно, что доказательства вскоре отыщутся¹⁰⁷.

Долины нижнего течения Нила долгое время считались частью страны Миср. Но это было ошибочное мнение. Места, где египетская цивилизация познала расцвет в самые древние времена, находятся гораздо выше, чем дельта. За пределами арабского побережья, где бесплодная почва не привлекала переселенцев, древняя цивилизация занимает не очень большое пространство и не достигает Средиземного моря. Возможно, она не стремилась порвать все связи с прародиной. Несмотря на пески и скалы, окаймляющие залив, через который могли проникать иммигранты, торговые портовые города существовали и здесь (например, Филотерас), и все они были связаны с плодородным центром, где и происходило главным образом переселение благодаря созданным в пустыне поселениям или промежуточным станциям, например, Вади-Джазус, о котором известно, что его колодцы привел в порядок Амун-Гори (1686 г. до н. э.). Это было еще в то время, когда египтяне не владели побережьем Палестины. Есть основания полагать, что изумрудные копи в Джебель-Забара эксплуатировались еще до нашей эры. В захоронениях фараонов XVIII династии в

105 Садившийся на трон царь начинал сооружение пирамиды, которая должна была служить ему гробницей. Он вначале строил ее средней высоты, имея время закончить строительство. Если он ус певал, он ее заканчивал, расширяя в ширину и в высоту. Завершив работу, он принимался за другую пирамиду, продолжая работы до конца своих дней. После его смерти заканчивали только внешнюю облицовку, но следующий фараон занимался своим строительством и не увеличивал размеры неоконченного сооружения.

106 6) Барон Экштайн не согласен с таким утверждением Балена, но также признает, пусть и косвенным образом, индийские корни. Вот что он пишет: «Хотя коптский язык принадлежит к антиподам санскрита, у меня есть тысячи оснований для того, чтобы именно в бассейне Инда искать источник древней цивилизации, перенесенной позже в долину Нила». Эту точку зрения разделяет Уилкинсон, считая египтян индусскими поселенцами.

107 7) Не следует забывать, что коптский, или демотический, язык, единственный инструмент, с помощью которого можно расшифровать иероглифы, — это лишь диалект, вырождающийся отросток священного языка, и необходимо проверить, не больше ли санскритских следов в этом наречии.

изобилии находят лазурит и другие драгоценные камни, происходящие из Индии. Я не говорю здесь о фарфоровых вазах, попавших сюда, вне всякого сомнения, из Китая и обнаруженных в подземельях, возраст которых не установлен. Одного этого факта достаточно, чтобы с полным правом датировать эти памятники и их содержимое очень далекой эпохой.

Прибытие азиатской семьи в Египет

Исходя из того, что создали египтяне в центре долины Нила, я делаю вывод, что они не принадлежали к хамитским и семитским народам, которые переселялись в западную Африку по побережью Средиземного моря. Из того факта, что все их резные фигуры несут на себе явно кавказскую печать, можно заключить, что цивилизаторская часть этого народа имела «белое» происхождение. А арийские следы в их языке свидетельствуют о их первородном родстве с санскритским семейством. Чем глубже мы изучаем народ Исиды, тем большее количество находок подтверждают эту версию.

Я уже говорил, что в самые далекие исторические времена египтяне имели мало связей — или вообще их не имели — с хамитскими или семитскими народами и районами, где эти народы обитали; между тем они, по всей вероятности, поддерживали продолжительные отношения с приморскими юго-восточными народами. Их деятельность была настолько естественно направлена в эту сторону, а ее последствия имели настолько большое значение, что во времена Соломона наблюдался очень высокий объем торговли между двумя странами.

Констатируя санскритское происхождение цивилизаторского ядра расы, не следует отрицать, что начиная с очень древней эпохи эта раса сильно пропиталась черной кровью и смешалась с многочисленными хамитскими отпрысками и сыновьями Сима. В этой связи я упоминал о свидетельствах арабского происхождения жителей долины Нила от Сиены до Мероэ. Книга Бытия находит семитов среди сыновей Месраима, сыновей Хама (X, 13, 14). Несмотря на столь смешанное происхождение сами египтяне считали себя автохтонным народом. Они действительно были таковым как наследники по крови меланийских аборигенов. Однако если обратиться к самой благородной части их генеалогического дерева, придется отказаться от подобного мнения по этому вопросу и считать их иммигрантами, причем не столько с севера и востока, сколько с юго-востока.

Жестокой религии ассирийцев египтяне противопоставили величественный культ, пусть и не настолько идеальный, но, по крайней мере, более гуманный, который вытеснил в эпоху Древней Империи, при первых наследниках Менеса¹⁰⁸, негритянский обычай иератических массовых убийств и с тех пор никогда не пытался его возродить.

Конечно, общие принципы религиозного искусства, практиковавшиеся в Фивах и Мемфисе, не препятствовали изображению уродливого, но они и не стремились к ужасному, и хотя образ Тифона и других еще можно назвать отталкивающим, египетское божество отличается скорее гротескными формами, а не конвульсиями дикого зверя или гримасами людоеда. Эти отклонения вкуса, смешанные с истинным величием и определяемые, скорее всего, количеством черной крови, отступают на задний план перед благородством белой части, которая превосходила хамито-семитское влияние и демонстрировала мягкость, отказываясь от жестокости и вынуждая черный элемент отступать в сторону смешного.

Примеры эфиопских и египетских народных типов

Однако было бы преувеличением воздавать слишком высокую хвалу населению долины Нила. Если с точки зрения нравственности стоит предпочесть смешное обществу обществу злему, то с точки зрения силы это нельзя считать достоинством. Вина и несчастье ассирийцев

¹⁰⁸ Между основателем египетского царства и мифическим законодателем Древней Индии, Ману, находят большее сходство в именах.

заключается в том, что они пали ниц у ног таких чудовищ, как Астарта, Ваал, Мелькарт, этих ужасных идолов, изображения которых обнаружены и в Сардинии, и у стен Хорсабада, но и жители Фив и Мемфиса, со своей стороны, виновны в том, что, возможно, по причине родства с местной расой, боготворили то, что есть самое низкое как в растительном, так и в животном мире. Не стоит упоминать здесь культ кобры, распространенный среди народов Индии и Египта и унаследованный ими от своих предков, жителей общей прародины¹⁰⁹. Не будем касаться также крокодилов и прочих ужасов, составлявших культ негров. А также суеверное обожание таких, в общем невинных, представителей животного мира, как козел, кот или скарабей; или овощей, которых можно назвать элементарно низменными и вульгарными как с точки зрения формы, так и прочих достоинств — вот свидетельства негритянского влияния в Египте, которое можно увидеть и в Ханаане и в Ниневии. Здесь царствует абсурд, и только белый элемент служит разграничительным знаком. В этом и заключается разница между ассирийцами и египтянами.

Я вовсе не смешиваю культ Аписа, и тем более почитание коровы и быка, с обожествлением растений. Конечно, преклонение перед божеством часто принимает уродливые формы, граничащие со страхом¹¹⁰. Но в основе любви египтян к коровьему роду лежит нечто большее, нежели простой фетишизм. Ее можно объяснить древними пастушескими обычаями белой расы, которые так же, как и преклонение перед коброй, имеют индийское происхождение. Впрочем, источником этих суеверий не является жестокость.

Примеры эфиопских и египетских народных типов

Такую же оговорку я бы сделал в отношении других, столь же поразительных фактов сходства, например; образ Тифона, любовь к лотосу и прежде всего характерная космогония, близкая к идеям брахманизма. По правде говоря, иногда бывает рискованно делать слишком прямые выводы из таких сравнений. Часто идеи могут путешествовать по миру в состоянии, близком к смерти, и возрождаться на благодатной почве, пройдя перед этим большие расстояния. Таким образом, оказываются пустыми ожидания, питаемые в отношении присутствия идей в двух далеких друг от друга местах, и попытки констатировать идентичность рас у двух совершенно разных народов. Однако в данном случае мы вряд ли ошибаемся. Самая неблагоприятная гипотеза относительно прямых связей между индусами и египтянами должна была бы предполагать, что теологические представления первых пришли через священную землю в Гедрозию, затем через различные арабские племена и, наконец, попали к последним. Между тем гедрозийцы были невежественными варварами, остатками черных племен¹¹¹. Арабы целиком восприняли хамитские понятия, и у них не обнаружено

109 Шлегель в «Предисловии к Египетской мифологии Причарда» отмечает, что индусы не знают обычая обрезания, распространенного в Египте, в котором усматривают, впрочем, несправедливо, иудаистское влияние. Как и татуировка, этот ритуал происходит от негритянских обычаев и полностью соответствует образу жизни этой расы. Гигиенические соображения, которые сегодня при водятся в качестве его оправдания или объяснения, мне кажутся малоубедительными, независимо от того, подвергаются обрезанию только мужчины или мужчины и женщины, как это имеет место у многих африканских племен. Я усматриваю в этом обычае не более чем желание выделиться или просто отметить себя знаком телесно го увечья. У племени экхилис обрезание практикуется на взрослых мужчинах весьма жестоким образом. Крайняя плоть надрезается в присутствии родственников и невесты жертвы, и малейший при знак боли считается позорным фактом. Случается так, что через несколько дней человек, подвергшийся такой операции, умирает.

110 Возможно, читатель заметил, что только современные народы сумели создать барьер между уважением и обожанием. Чувство уважения у народов с большой примесью черной или желтой крови часто принимает крайние формы независимо от того, что его внушает: страх или любовь. У одних оно приводит просто-напросто к обожествлению, у других — к суеверному культу предков.

111 В более поздние времена арийцы добирались до этих народов. Но не оставили никаких следов своего пребывания.

никаких следов тех теологических принципов, о которых идет речь. Следовательно, они пришли прямо из Индии без всякого посредничества. Это еще один убедительный аргумент в пользу арийского происхождения народа фараонов.

Я не склонен считать окончательным доказательством одну особенность, которая на первый взгляд поражает воображение. Это существование каст в обеих странах. По-видимому, этот институт несет на себе печать оригинальности, которая позволяет считать его продуктом из единого источника и в то же время сделать вывод о его наличии у нескольких, не связанных друг с другом народов. Но при тщательном размышлении можно без труда убедиться в том, что генеалогическая организация социальных функций есть всего лишь прямое следствие идеи неравенства рас и что повсюду, где есть победители и побежденные, особенно когда оба полюса государства оказываются разделенными физиологическими барьерами, у сильных появляется желание сохранить власть для своих потомков и сохранить по возможности чистой свою кровь, достоинство которой они считают единственной причиной своего владычества. В какой-то момент почти все ветви белой расы испытали на себе тяжесть этой системы исключительности, и если они не зашли в этом отношении так же далеко, как охранители Вед или сторонники Осириса, так только потому, что уже проживали среди родственного населения. Можно сказать, что все белые общества начинали претендовать на исключительность слишком поздно, это касается и египтян и брахманов. Их претензии на исключительность могли родиться только из отрицательного опыта, поэтому представляли собой бесполезную попытку.

Итак, существование каст само по себе не предполагает идентичность народов, т. к. касты есть у германцев, этрусков, римлян — не только в Фивах или в Видеха. Однако на это можно возразить таким образом: если идея разделения должна родиться везде, где есть две неравные расы, то по-иному обстоит дело с практической реализацией этой идеи — именно в этом можно найти большое сходство систем Египта и Индии, где существовало постоянное принуждение человека заниматься тем, чем занимались его предки. Но есть и различие: в Египте сын должен был исполнять те же функции, что и отец, тогда как мать могла происходить из другой среды (исключая семью пастуха). Это исключение против пастухов, вынужденная параллель запрета на посещение ими храмов, подтверждает терпимость общих правил. Примеров тому немало: цари женились на негритянках, как Аменоф I. Цари были мулатами, как Аменоф II, и общество закрывало на это глаза.

Наконец, приведем два последних и, конечно, самых сильных доказательства.

Египетские анналы приписывают честь учреждения каст одному из первых царей (III династия) — Сесонхозису, согласно мифу о путешествии аргонавтов, или Сесотрису, по мнению Аристотеля.

Второй аргумент: столь ранняя эпоха, когда арийские переселенцы должны были покинуть устье Инда, чтобы двинуться на запад, отрицает санскритское происхождение законов, поскольку таковых еще не было в той стране.

Я вовсе не собираюсь подкреплять свою точку зрения таким слабым аргументом. И, протестуя против слишком прямолинейных выводов из факта одновременного существования каст в Индии и Египте, я не собираюсь утверждать, что некоторые следствия, вытекающие из такого факта, не могут служить весомым подтверждением общности происхождения: например, одинаковое преклонение перед служителями культа, их долгое владычество в обеих странах и подчинение, в котором им удавалось держать военную касту, даже тогда, когда та была у власти: такого триумфа никогда не знало хамитское духовенство, и именно это составляло славу и силу цивилизаций Инда и Нила. Дело в том, что арийская раса вообще отличается религиозностью, и жрецы постоянно вмешивались в частную жизнь людей и держали под контролем даже обычаи и привычки. В Египте, так же как в Индии, служители храмов регламентировали всю повседневную жизнь вплоть до выбора пищи. Короче говоря, хотя количество каст в этих странах различно, иерархия приблизительно

одинакова ¹¹². Вот, пожалуй, и все, что можно сказать по этому, на первый взгляд второстепенному вопросу, который проясняет отдельные фрагменты и факты сходства двух цивилизаций.

Самые древние памятники египетской цивилизации находятся в верхней и нижней частях страны. Одной из столиц Древней Империи был город Фивы, основанный Сесортесеном I, первым царем фиванской династии, XII династии Манефона, в 2300 г. до н. э. Игнорируя север и северо-восток страны, первые династии оставили следы противоположного направления своей активности, и их связи с Индией должны были осуществляться через земли арабов-кушитов, восточное побережье Африки и, вероятно, некоторые крупные острова ¹¹³.

Однако там нет свидетельств, за исключением Синайского полуострова, целенаправленных завоеваний в отличие от южного и западного направлений на Африканском континенте, где египтяне вели себя как хозяева. Таким образом, главная арена древнеегипетской цивилизации тянется полосой вдоль Нила до моря и поднимается выше Мероэ, где расширяется на запад под пальмы оазиса Аммона.

Древние, учитывая эту ситуацию, дали географическое название «Куш» Верхнему Египту и части Среднего Египта, а также Абиссинии, Нубии и районам Йемена, населенным потомками черных хамитов. Между прочим, по мнению Уилкинсона, это название относилось и к Неджу и Йемену, а также к самой ближней части Азии.

Примеры эфиопских и египетских народных типов

Священное Писание называет Немрода кушитом. Ученые долго ломали голову над тем, что понимать под этим названием, и так и не пришли к единому мнению. С этим названием, так же как с некоторыми другими (Индия, Сирия, Эфиопия, Иллирия), связаны различные варианты, без конца менявшиеся со временем и с направлением в политике. Лучше всего отказаться от реконструкции точных границ Куша и признать, что среди входящих в эту страну территорий Египет, несомненно, занимает первое место и объединяет их в общую цивилизацию; я склонен считать, что это слово включает в себя и сам очаг, и завоевания этой древней культуры, которая обратилась исключительно к югу, а не к побережью Средиземного моря.

Величественными останками этой древней славы являются пирамиды. Они были сооружены при первых династиях, которые, начиная с Менеса до эпохи Авраама и немного позже, до сих пор служат предметом дискуссий ¹¹⁴. В этом отношении стоит отметить, что здесь, как и в Ассирии, на вершине власти находятся боги, ниже стоят жрецы, еще ниже военачальники ¹¹⁵. Это проявление негритянской идеи, которая выражена здесь в той же форме и связана с похожими обстоятельствами. Боги — это белые люди, священники — мулаты, представители иератической касты. Цари — это военачальники, которым общество белого происхождения доверило управлять империей, т. е. телом, оставляя душу на попечение соперников. Можно предположить, что борьба была долгой и упорной, что священники яростно отстаивали корону и трон, а военная верхушка проводила гибкую

112 Уилкинсон пишет, что в Египте в самую низшую касту входили свиноводы. Согласно Геродоту, там насчитывалось семь классов, Диодор называет три или пять каст, Страбон — три, Платон в «Тимее» — шесть, включая подразделения ремесленников и тех, кто занимался искусствами.

113 Роселмени обнаружил имя Сесортесена на стеле в Нубии около Вади-Халфа. Видимо, этот же фараон захватил Синайский п-ов. Добыча меди на Синае началась в эпоху Древней Империи.

114 Из самых древних пирамид некоторые построены из сырого кирпича, что делает их близкими захоронениям белых народов.

115 Перед самыми древними именами, в овалах, стоит титул священника, а не царя.

политику. Суверен мог принадлежать к одной или другой касте — жрецов или военных. Но если суверен был из второго класса, ему, прежде чем сесть на трон, требовалось заручиться поддержкой служителей храмов и обучиться священнодействиям. Только сделавшись иерофантом по форме и сути, удачливый солдат мог назваться царем и в продолжение оставшейся жизни оказывать безграничное уважение религии и ее служителям; в своей личной жизни и самых интимных привычках он никогда не нарушал правила, авторами и хранителями которых были жрецы. Соперники властителя никогда не спускали с него глаз. Его зависимость была особенно ощутимой, когда речь шла об общественных делах. Ничто в стране не происходило без участия иерофанта; он был членом высшего совета, и его голос был решающим в спорах; цари знали, что после их смерти они подлежат суду, но не своих подданных, а священников, и в нации, имевшей столь необычные идеи о потусторонней жизни, можно легко предположить, какой ужас вызывала у самого сурового властителя мысль о процессе, который в присутствии его бессильного трупа мог лишить его самого большого счастья — величественного захоронения и последних почестей. Его судьбы постоянно оставались начеку, и остерегаться их приходилось всю жизнь.

Итак, существование египетского фараона — скованного, окруженного соглядатаями — было бы невыносимо, если бы ему не была дана определенная компенсация. Если оставить в стороне религиозные права, монарх был всемогущ, и люди всегда оказывали ему самые изысканные почести, стоя на коленях. Конечно, он не был богом, и его не боготворили при жизни, но его считали абсолютным судьей в делах жизни и смерти, а также чем-то священным, поскольку он сам был жрецом. Самые влиятельные лица государства были недостаточно благородны, чтобы служить ему самым унижительным образом. Его сыновьям выпадала честь бежать за его колесницей, глотая пыль и держа в руках зонтики от солнца.

Эти нравы были близки тому, что происходило в Ассирии. Абсолютный характер власти и беспрекословное повиновение подданных были настолько же выражены в Ниневии. Между тем там не наблюдалось рабской зависимости царя от священников, а если обратиться к другой ветви черных семито-хамитов, если перенестись в Тир, там мы также найдем царя-раба, но там властвует аристократия, а понтиф Мелькарта не является главенствующей силой.

Что касается сходства и различия с этнической точки зрения, то сходство можно увидеть в бесправии подданных и в абсолютности власти. Власть над невежественным населением абсолютна и в Египте, и в Ассирии, и в Тире. Причина заключается в том, что во всех странах, где черный элемент находился или находится под властью белых, правление приобретает характер жестокости — с одной стороны, в связи с необходимостью добиться подчинения, а с другой, из страха, что невежественные подданные завоюют права неограниченной власти.

Источник различий в том, что цивилизаторская ветвь в Египте превосходила во всем потомков Хама и Сима. Поэтому санскриты-египтяне принесли в завоеванные земли более высокую организацию и мораль, и известно, что всюду, где единственно возможной формой правления является деспотизм, власть духовенства, даже в самых крайних проявлениях, несет в какой-то мере спасительную функцию, так как в ней, по крайней мере, больше интеллекта.

После царей и жрецов Египта не надо забывать аристократов, которые, наподобие кшатриев Индии, были единственными, кто имел право носить оружие и защищать страну. В своей среде они были более или менее равны, зато, не жалея сил, угнетали тех, кто стоял ниже. Простой люд в Египте был несчастен до крайней степени, и его существование, почти не гарантированное законами, зависело от прихоти высших классов. Он был обречен на рабский труд, сельскохозяйственные работы пожирала его здоровье; простой народ жил и умирал в хижинах от истощения и болезней, и никто о нем не заботился, а роскошные дома, которые он строил, прекрасные плоды, которые он выращивал, ему не принадлежали. Того, что ему доставалось, едва хватало на питание. Так описывают жизнь низших классов в Египте древнегреческие авторы, в том числе Геродот. Справедливости ради напомним

жалобы истощенных от голода евреев, которым пришлось питаться в пустыне манной. Эти кочевники тогда сожалели об утраченных оковах плена. Но они забыли о том, что покинули страну Миср, спасаясь от невыносимого гнета, который в принципе был обычным образом жизни местного населения. Местные жители не могли последовать примеру детей Израиля и, будучи расой, менее благородной, они в меньшей степени страдали от тягот. Исход израильтян с этой точки зрения может служить доказательством решимости, с какой гений народов, близких к белому семейству, может избегать рабства в его крайних проявлениях.

Политический режим, навязанный простому народу в Египте, был не менее жестоким, чем в хамитских и семитских странах, что касается рабства и несправедливости. Однако, по сути он был менее кровавым, потому что религия, мягкая и милосердная, обходилась без тех чудовищных массовых убийств, какие были угодны богам Ханаана, Вавилона и Ниневи ¹¹⁶. В этом смысле египетский крестьянин, рабочий или раб не знали ужасов азиатского гнета — но только в этом смысле. Им не грозил жертвенный кинжал, зато всю свою жизнь они пресмыкались перед высшими кастами.

Их использовали как тягловый скот на тяжелых работах по сооружению памятников, которыми будут любоваться в грядущих столетиях. Это они перемещали огромные блоки для статуй и монолитных обелисков. Эти черные или почти черные работники гибли толпами, строя каналы, а те, у кого была более светлая кожа, рисовали чертежи, распоряжались и следили за работами, а по их завершении принимали на себя славу творцов. И пусть сегодня человечество содрогнется, представив себе это зрелище. Но, отдав дань возмущению и сожалению, можно понять ужасные причины, которые вынуждали народные массы Египта и Ассирии терпеливо сносить жестокий гнет: у плебса этих стран была неодолимая этническая потребность подчиняться прихотям своих хозяев за то, что эти хозяева имели при себе нечто вроде талисмана, дающего им право на угнетение, а именно, достаточное количество белой крови.

Такая ситуация имела место в самые славные периоды египетского могущества. В самые лучшие времена ассирийской империи троны Вавилона и Ниневи не видели более благородных царских лиц, чем те, которыми мы и сегодня любуемся на величественных скульптурах Бени-Хассана ¹¹⁷.

Но совершенно очевидно, что эта чистота крови, пусть и относительная, не могла сохраняться долго. Сама кастовая организация не способствовала этому. И, если бы единственной причиной ее существования было влияние индийского типа, египетская цивилизация не продержалась бы так долго, и упадок ее начался бы задолго до Рамсеса III, который завершает самую величественную эпоху Египта, т. е. задолго до XIII в. до н. э.

Эту цивилизацию поддерживала кровь ее азиатских врагов — хамитов и семитов, которые не раз и разными способами возрождали ее. Я не собираюсь рассуждать о национальности гиксосов, но не может быть сомнений в том, что они принадлежали к расе, близкой к белым народам ¹¹⁸. С политической точки зрения, их появление было бедой, но одновременно освежало местную кровь. Велись войны с азиатскими народами, и хотя вряд

¹¹⁶ Участь пленников также была менее тяжелой, как утверждает Уилкинсон. Их просто продавали в рабство, но без таких эксцессов, какие мы видим на ниневийских памятниках, где победители тащат за собой пленников за кольцо, продетое через нижнюю губу.

¹¹⁷ Окончательный тип Египта сформировался при III династии, которая, по мнению Бунзена, началась через 90 лет после первой.

¹¹⁸ В подземельях Бени-Хассана есть изображения боев с участием гладиаторов с очень светлой кожей, голубыми глазами, рыжей бородой и волосами. Лепсиус считает их представителями семитской расы, возможно, предками гиксосов. Перед тем, как сокрушить Древнюю Империю и заставить египетские династии искать убежища в Эфиопии, гиксосы мирным путем селились в стране и, вполне возможно, смешались с местным населением. Кстати, замечу, что, судя по цитированным памятникам, в землях Передней Азии во времена фараонов жили группы людей с более светлой кожей, чем сегодня. Они только что спустились с северных гор и еще не вступили в тесный контакт с меланийским населением.

ли можно говорить о больших завоеваниях до самого Каспийского моря, о чем иногда пишут, поскольку нет никаких следов ни в истории, ни в памятниках Азии, свидетельствующих о пребывании там армии фараонов, но удачные походы Сесостриса, Рамсесов и других царей были источником притока во внутренние номы пленников из Ханаана, Ассирии и Аравии, и их кровь в какой-то степени смягчила дикую черную кровь, которую постоянно вливали в жилы нации низшие классы, особенно соседние абиссинские и нубийские племена.

Следует также иметь в виду двойной — хамитский и семитский — приток, который в течение многих веков питал Средний Египет. Именно таким путем наполовину белые орды распространились по западному берегу Африки, а образовавшееся в результате этого население позже дало государству наследников Менеса смешанную расу, в которой не было индийской крови и все достоинство которой заключалось в многочисленных смешениях с цивилизаторскими народами Нижней Азии.

Из таких последовательных притоков «белых» принципов появились народы, которые предотвратили преждевременный упадок кушитской цивилизации и одновременно, поскольку эти притоки никогда не были особенно мощными, египетский дух мог постоянно держаться в стороне от демократических тенденций, которые окончательно восторжествовали в Тире и Сидоне, потому что местные простолюдины никогда не поднимались до такого уровня, чтобы им могла прийти дерзкая мысль сравниться с господами. Все революции происходили между высшими кастами, иератическая и царская система не подвергалась опасности. Если иногда во главе какого-нибудь дома вставали меланийские династии, например, Тирхаках¹¹⁹, их власть длилась недолго: это было случайное возвышение некоторых племенных вождей в результате политических пертурбаций, и у таких властителей никогда не возникала мысль использовать свое положение для того, чтобы установить равноправие наподобие того, что имело место в Финикии после уличных беспорядков. Этим тоже можно объяснить политическую стабильность в Египте.

Эта стабильность быстро превратилась в стагнацию, потому что Египет по-настоящему развивался, только когда у власти была индийская ветвь, которая его основала, а того, что дали ему остальные белые расы, было достаточно для того, чтобы продлить цивилизацию, но не развивать ее.

Тем не менее даже в период упадка, когда египетское искусство после XIX династии, т. е. после Менефтахы (1480 г. до н. э.) почти не оставило памятников, которые могли бы соперничать, ни по совершенству исполнения, ни по масштабности, с памятниками предыдущих эпох, Египет всегда оставался настолько выше стран к югу и к юго-западу от него, что не переставал быть для них источником их существования.

Однако цивилизаторскую функцию Египта нельзя назвать монопольной, и здесь необходимо отметить, что цивилизация в Абиссинии имеет два истока. Один, без сомнения, египетский, и он был самым богатым, а второй также заслуживает упоминания. Он был связан прежде всего с очень древней эмиграцией черных хамитов, арабов-кушитов, затем семитов, арабов-химиаритов: и те и другие перешли Баб-эль-Мандебский пролив и принесли народам Африки то, что сами усвоили из ассирийской культуры. Судя по положению этих народов на южном побережье Аравии и обширной торговле, которую они вели с Индией и которая, видимо, привела к созданию санскритского города Нагара, вполне вероятно, что и их представления и понятия приобрели арийскую окраску параллельно с этническим смешением этих торговцев с индийскими группами. Во всяком случае, на примере финикийцев мы видим, какой степени развития могли достичь эти народы, родственные ассирийцам: они оказались способными лишь понять и воспринять то, что создали более белые ветви, т. е. народы Месопотамии. Как бы ни были способны финикийцы, они не поднялись выше этого уровня, а если учесть, что их кровь постоянно

119 Согласно Уилкинсону, предшественниками Тирхакаха тоже были эфиопы — Сабакоф и Себек. Кстати, Тирхакаха, отдавая должное египетскому гению, добровольно уступил власть и вернулся в Эфиопию.

обновлялась и улучшалась за счет притока наполовину белых эмигрантов (чего не доставало химиаритам, поскольку их смешение с индусами не было столь плодотворным), приходится заключить, что арабские цивилизации, в том числе ассирийская, не идут ни в какое сравнение с расцветом ханаанских городов ¹²⁰.

Если судить об их численности, переселенцы, которые перешли Баб–эль–Мандебский пролив и обосновались в Эфиопии, принесли туда слабо развитую цивилизацию, и черные расы Нубии и Абиссинии не претерпели бы существенных изменений ни в физическом, ни в нравственном отношении, если бы соседство с Египтом не обогатило скромные достижения цивилизаций Мисра и Аравии.

Я не хочу сказать, что Абиссиния и окружающие земли сделались местом обитания развитого общества. Дело не только в том, что культура этой страны никогда не отличалась оригинальностью, и не в том, что она всегда ограничивалась простым и весьма отдаленным подражанием тому, что происходило в арабских городах побережья, в арийской Индии и в египетских столицах — Фивах, Мемфисе, а позже в Александрии, — но даже это подражание было неполным и неумелым.

Я знаю, что сделал очень рискованное заявление, которое не замедлит вызвать негодование тех, кто славословит негритянскую расу: не секрет, что в силу политических хитросплетений покровители этой малой части человечества, не моргнув глазом, представили абиссинскую цивилизацию как типично африканскую, рожденную интеллектом их любимцев и предшествующую любой другой культуре. Более того, закусив удила, они распространили эту так называемую черную цивилизацию на весь Египет и затащили даже в Азию. А истина в том, что физиология, лингвистика, история, памятники, здравый смысл единодушно отвергают такое обращение с прошлым. Но изобретателей этой оригинальной системы не так-то просто остановить. Игнорируя науку и вооружившись беспримерной дерзостью, они дойдут до того, что скоро сделают Аксум столицей мира. Я упоминаю об этих гипотезах только для того, чтобы не обсуждать их всерьез ¹²¹.

Те, кто хочет не просто позабавиться, могут обратиться к науке, согласно которой абиссинская цивилизация происходит из двух упомянутых мною источников — египетского и арабского, — причем первый намного старше второго. Трудно с достаточной точностью установить, когда происходили первые переселения кушитов из Азии и химиаритов. По мнению Скалигера (XVII в. н. э.), нашествие иоктанидов в эту африканскую страну имело место во времена царствования Юстиниана. Другой автор, Лудольф, опровергает это и придерживается мнения Конрингиуса. Чтобы не приводить здесь все его рассуждения, я отмечу только два основных: во–первых, аргумент относительно очень ранней эпохи химиаритской эмиграции, во–вторых, его характеристика древнеэфиопского языка, которая противоречит моему утверждению о преобладании египетского элемента в абиссинской

120 Возможно, когда-нибудь самыми славными событиями нашего времени будут признаны эти удивительные открытия, которые сегодня обогащают прежде сухую и скучную область древней истории. В Южной Аравии обнаружены бесчисленные развалины и резные надписи. Химиаритская история выходит из тьмы небытия, где она была почти целиком скрыта от наших глаз, и в скором будущем то, что мы узнаем об этой древности, не только далекой, но более удивительной для нас, чем Ниневия и даже Фивы, потому что она имела более местный характер и была связана с индийским влиянием, будет представлять особый интерес в совокупности исторических хроник человечества.

121 Уилкинсон решительно протестует против теории негрофилов. Лепсиус в своих «Египетских письмах» высказывается не менее категорично о пирамиде Асура: «Результат нашего осмотра, произведенного при свете луны и факелов, не был утешителен. Я пришел к выводу, что этот памятник, самый знаменитый из памятников древней Эфиопии, являет собой лишь обломки относительно недавнего сооружения». И несколькими строками ниже добавляет: «Итак, совершенно очевидно, что было бы неправильно опираться на древние памятники для подтверждения гипотез о славном прошлом Мероз, жители которого якобы были предшественниками и творцами египетской цивилизации». Лепсиус полагает, что самые старые эфиопские сооружения следует датировать эпохой не ранее, чем царствование Тирхахаха, который получил царское воспитание в Египте, и его расцвет приходится на VII в. до н. э.

цивилизации.

Остановимся сначала на первом моменте: Лудольф очень ловко парирует рассуждения Скалигера по поводу молчания греческих историков о химиаритской эмиграции в Абиссинию. Он доказывает, что здесь речь идет о простом, накопленном за долгие века забвении факта, слишком часто повторявшегося в прошлом, которому не придавали большого значения. В эпоху, когда греки начали заниматься этнологией народов, которые, с их точки зрения, жили на краю света, эти события были уже столь далеки для них, тем более, что они мало интересовались чужой историей. Так что молчание эллинских путешественников ничего не доказывает и никак не затрагивает вопросы физического сходства и родства языков, т. е. аргументов, очень важных для Лудольфа. Именно об этом и есть смысл говорить, и это будет моим вторым пунктом.

Родство между арабским и древним эфиопским языком, или языком «геез», не обусловлено происхождением — это простое следствие природы двух наречий, объединяющее их в одну и ту же группу. Если язык геез входит в семитское семейство, это не означает, что он обязан этим фактом арабскому языку. Местное население страны (чисто черная раса) создавало для него основу, или скелет, и обрамление, или внешнюю оболочку. Оно усвоило все его элементы и принципы даже еще лучше, чем химиариты, поскольку последние искажали чистоту «черного языка» арийскими элементами, оставшимися в их памяти, и для того, чтобы бросить в почву языка цивилизованной Эфиопии семена чужеродного влияния, даже не потребовалось бы вмешательства семитов. Отметим попутно, что эти же самые семитские элементы встречаются и в древнеегипетском языке. Таким образом, не отрицая того, что химиариты оставили в языке Эфиопии следы своего «белого» происхождения, следует отметить, что такие же отпечатки могли быть результатом египетского влияния. Кроме того, некоторые элементы — и не только арийские, но особенно санскритские, отложившиеся в древнеегипетском языке и перешедшие затем в геез, — делают этот язык системой тройного происхождения. А национальный язык является отражением этнических корней: он больше нагружен семитскими, т. е. черными элементами, чем арабский и в особенности египетский, и имеет меньше санскритских следов, чем последний.

При XVIII и XIX династиях (1575—1180 гг. до н. э.) абиссинцы оказались под властью фараонов и платили им дань. На памятниках есть сцены, изображающие, как аборигены приносят царским сборщикам податей диковинные богатства своей страны. По виду сборщики очень близки к негритянской расе и одеты в туники из прозрачного муслина, сотканного в Индии или в городах Аравии и Египта. Эту короткую, до колен, одежду поддерживает кожаный пояс, богато и искусно украшенный. На плечи наброшена шкура леопарда, на груди бусы, на запястьях браслеты, с ушей свисают большие металлические серьги, а голова увенчана павлиньими перьями. Хотя этот варварский наряд не соответствовал вкусу египтян, подражание чувствуется во всех основных элементах костюма, например, в тунике и поясе. Кстати, некоторые иерофанты заимствовали у негров леопардовую шкуру.

Сама дань не свидетельствует о развитии народа. Это в основном редкие животные, скот и рабы. Войска, формировавшиеся из местных жителей в качестве вспомогательной силы, не имели строгой организации, свойственной египтянам или семитам, и сражались без всякого плана. Т. е. в эту эпоху ничто не указывает на высокий уровень развития — даже в простой имитации обычаев завоевателей.

Следует обратиться к более поздним временам, чтобы отыскать какую-либо четкую этническую причину прогресса, о которой я упоминал выше.

Царь Псамматик (664 г. до н. э.), первый из саитской династии (XXVI по Манефону), вызвал недовольство армии своим предпочтением ионическо-греческим и карийско-семитским наемникам, в результате чего в Абиссинию хлынула волна военной эмиграции: 240 тысяч солдат, бросив жен и детей, ушли на юг и не вернулись. С этого времени следует датировать блестящий век Абиссинии, и с этого момента можно говорить о памятниках на

этой земле¹²².

240 тысяч опытных воинов–египтян, принадлежавших к военной касте, конечно имевших в жилах черную кровь и, возможно, примесь белой расы, полученную через хамитов и семитов, пришли в Абиссинию, где уже дало всходы влияние высшей расы, и все это стало определяющим фактором активности, которая сломала застывшую систему черной расы¹²³. Но все равно удивительно и необъяснимо, каким образом особенная цивилизация могла родиться из этой смеси, где продолжал преобладать черный элемент. Памятники представляют собой лишь посредственную имитацию того, что мы наблюдаем в Фивах, Мемфисе и других местах. Нет никаких следов, никаких свидетельств творчества самих абиссинцев, и самая большая их слава, сделавшая их имя известным, заключается в том, что они были последним из народов Африки, у которого благодаря исключительно кропотливым исследованиям удалось обнаружить следы настоящей политической и интеллектуальной культуры.

В эпоху римской империи получила большое развитие мировая торговля, в которой, вслед за химиаритами, определенную роль играли абиссинцы. В это время окончательно закатилось солнце Древнего Египта. Греческие поселенцы, колонны, дошли до Нубии, и семитский элемент, принесенный ими, начал вытеснять память о фараонах. Язык геез имел письменность, заимствованную у арабского. Однако, несмотря ни на что, уроженцы страны почти ничем не проявили себя, их вклад оказался настолько стерт временем, что они остались загадкой даже для самых ученых и дотошных географов.

Появление христианства не способствовало повышению уровня их культуры. Справедливости ради отметим, что еще какое-то время, будучи верными своей привычке все получать из Египта и тронутые апостольским рвением первых миссионеров, они в целом приняли новую веру. Благодаря соседству арабских племен, вместе с которыми они осуществили несколько походов при императоре Юстиниане и тем самым упрочили свои древние связи, они восприняли кое-какие еврейские идеи, которые дали плоды позже и которые естественным образом соответствовали семитской части их крови.

Христианство, принесенное отцами–пустынниками, этими жуткими отшельниками, привыкшими к самой суровой жизни, к самым чудовищным самоистязаниям и членовредительству, поразило воображение этих людей. Скорее всего, они остались бы равнодушными перед мягкими и возвышенными добродетелями другого святого, но страдания Святого Антония или Марии Египетской имели над ними неограниченную власть; поэтому католицизм, столь великолепный в своем разнообразии, столь универсальный и полный в своих религиозных проявлениях, так и не сумел добраться до сердец этих спутников газели, гиппопотама и тигра, точно так же, как позже он не смог убедить, несмотря на старания Адама из Бремена, скандинавов. Абиссинцы, наполовину уже отпавшие от египетской цивилизации после ослабления верхних провинций Древней Империи фараонов и больше ориентированные на Йемен, в продолжение долгих веков находились в промежуточном состоянии между полным варварством и кое-какой социальной организацией, и чтобы завершить трансформацию, понадобился свежий приток семитской крови. Это вливание произошло через 600 лет после Иисуса Христа, и виновниками стали арабские мусульмане.

Я не буду останавливаться на нескольких завоеваниях, которые осуществили абиссинцы на арабском полуострове. Нет ничего удивительного в том, что из двух народов, живущих рядом, иногда временные победы одерживает наименее благородный. Абиссиния никогда не пользовалась плодами своих побед в Йемене. Только добавление черной крови

122 22) По мнению Лепсиуса, изгнанные гиксосами династии нашли приют на границе с Абиссинией и оставили там несколько памятников.

123 23) В Абу–Симбел на левой ноге одного из четырех колоссов Рамсеса, второго, если идти к югу, есть греческая надпись и несколько ханаанских надписей, свидетельствующих о том, что за беглыми воинами отправились в погоню греческие и карийские солдаты, служившие у Псамматика.

было результатом этих событий и ускорило возвышение химиаритов. Кстати, владычество абиссинцев в Йемене продолжалось недолго: с 529 г. по 589 г. н. э.

В эпоху ислама отношения арабских народов с Эфиопией приняли совсем другой этнический смысл. Ни Греция, ни Рим при всем их блеске и величии не смогли привести абиссинцев в лоно своих цивилизаций. Семиты Магомета осуществили это обращение и добились не столько религиозного усердия, сколько забвения африканцами старых социальных форм. Произошло сильное смешение крови пришельцев и местного населения. Они прекрасно поняли друг друга, у них была одинаковая логика, они одинаково воспринимали реальность. Индийская кровь потускнела и уже не могла претендовать на ведущую роль. Одежда, нравы, принципы правления и вкусы арабов вытеснили воспоминания о прошлом, но трансформация была неполной. Собственно говоря, мусульманская цивилизация никогда не проникала здесь глубоко. В своем самом высшем проявлении она являла собой этническую смесь, слишком отличную от образа жизни абиссинцев. Последние ограничились тем, что усвоили семитскую часть мусульманской культуры, и до сегодняшнего дня, как христиане, так и магометане, они никогда не были ничем иным, кроме как завершением, последним элементом, пограничным символом этой греко-семитской цивилизации; с самой глубокой древности, куда скоро мы вернемся, они оставались только отголоском египетского совершенства, питаемым памятью об Ассирии, передаваемой из поколения в поколение. Фантастическое великолепие двора Отца Жана, если он действительно был великим Негусом, существовало только в воображении путешественников-романтиков прошлых времен.

Впервые наши ученые нашли в Эфиопии одну из тех стран, которые были придатками чужой крупной цивилизации, отражая ее в той мере, в какой лунный диск отражает солнечный свет. Абиссиния — то же самое для Египта, чем является для Китая Аннам, чем служит Тибет для Китая и Индии. Эти имитаторские или смешанные общества имеют в себе такие качества, которые дают возможность любителям системности опровергать исторические факты. На такой почве ученые обычно искажают еле заметные проявления того или иного влияния и придают им первостепенное значение. На такой почве находят аргументы в защиту современной теории, согласно которой дикие народы суть народы выродившиеся и которая аналогична другой теории, что посредственные люди — это великие гении, оказавшиеся в неблагоприятных обстоятельствах.

Такое мнение во всех случаях — будь то применительно к аборигенам обеих Америк, полинезийцам или абиссинцам — представляет собой языковой выверт или глубокое заблуждение. Вместо того, чтобы придавать внешним обстоятельствам некую фатальность, которая всегда тяготела над народами Восточной Африки, следует сказать, что виной тому несовершенство, исконно присущее их природе, что эти народы никогда не были полностью цивилизованными, что их самые многочисленные этнические элементы всегда были совершенно не способны к совершенствованию, что благотворные последствия притока лучшей крови были слишком слабы, чтобы продолжаться долго, что они выполняли роль простых неумелых подражателей, имитировавших образ жизни народов, составленных из более благородных элементов. Однако даже в этой абиссинской нации, и прежде всего в ней, потому что это есть крайний рубеж, энергия белой крови заслуживает восхищения. Конечно, то, что за долгие века осталось от нее сегодня, разбавлено в невероятной степени. И не удивительно: через какие каналы — химиаритов, египтян, арабов-мусульман — прошла эта кровь, чтобы попасть к ним! Тем не менее там, где черная кровь смогла заключить этот славный союз, его плоды ощущаются в течение столетий. Если абиссинец стоит на самой нижней ступени среди представителей прибрежной цивилизации, то в среде черных он выше всех. Ему удалось разрушить все самое низкое в меланийском виде. Черты его лица облагородились, рост увеличился; он уже не подчиняется закону, согласно которому простые расы обнаруживают лишь небольшие отклонения от застывшего в своей неподвижности национального типа, между тем как в разнообразии нубийских лиц наблюдаются даже благородные — в данном случае — черты смешанного происхождения. Что касается

умственного развития, оно, хотя и невысокое и с определенного момента бесперспективное, было на голову выше, чем у галласских племен, покорителей страны, более черных и в большей степени варваров.

ГЛАВА VI

Египтяне не были завоевателями; почему их цивилизация оставалась стабильной.

Мы не будем рассматривать западные оазисы, в частности оазис Аммона. Там царил чисто египетская культура, и она объединяла, пожалуй, только семьи священнослужителей, группировавшиеся вокруг храмов. Остальная часть населения не знала ничего, кроме слепого повиновения. Поэтому предметом нашего рассмотрения будет, собственно говоря, Египет, в отношении которого этот вопрос еще предстоит решить: в какой мере величие египетской цивилизации соответствовало количеству крови белой расы у жителей страны? Иначе говоря, всегда ли эта цивилизация, вышедшая из индийской миграции и подверженная воздействию хамитских и семитских элементов, деградировала по мере того, как на первый план выступала «черная» основа, существовавшая в виде трех главных элементов?

До Менеса, первого царя I династии, Египет уже был цивилизованной страной и имел по крайней мере два крупных города: Фивы и Фис. Новый монарх объединил под своей властью несколько небольших государств, которые до этого были разделены. Язык в основном уже сформировался. Таким образом, индийское вторжение и союз с хамитами имели место раньше этого очень древнего периода, который и стал финалом этих событий. До сих пор не было речи об истории. Все страдания, опасности и труды первого государства, как у ассирийцев, происходят в эпоху богов или героическую эпоху.

Такая ситуация характерна не только для Египта, но и для всех рождающихся государств.

Пока продолжается становление, колонизация не завершена, природа не освоена, пищи мало, аборигены не укрощены, а сами завоеватели рассеяны по болотистым местам и поглощены борьбой за выживание, не может быть истории.

Но этот период закончился. Как только труды начали приносить плоды, люди стали чувствовать себя в относительной безопасности, к которой стремились все их инстинкты, и утвердилась постоянная система правления, начинается история в полном смысле этого слова, и нация приходит к осознанию себя как организованной общности. То же самое происходило и происходит в обеих Америках после открытия континента в XV в.

Доисторические времена не имеют для нас большой ценности — либо потому, что они принадлежат расам, не способным к цивилизации, либо они для белых народов представляют собой периоды становления и не могут быть сведены в логические факты, имеющие ценность для потомков.

Начиная с первых египетских династий цивилизация зашагала вперед так быстро, что вскоре появилась иероглифическая письменность, которую, впрочем, предстояло совершенствовать. Нет никаких свидетельств того, что ее избирательный характер изменился в течение короткого времени и приобрел простую графическую форму.

Сегодня справедливо признается первостепенная важность найти способ фиксации мысли для любой цивилизации, тем более если это простой способ. Ничто так не характеризует глубину мышления народа и его способность удовлетворить разносторонние потребности в жизни, как алфавит, сведенный к максимально простым элементам. В этом отношении египтянам не приходится хвастаться своим изобретением. Их письменность очень сложная и не всегда ясная и ставит их на одну из низших ступеней лестницы развитых наций. Ниже их стоят только перуанцы с цветными шнурками и мексиканцы с загадочными рисунками. Выше следует поместить китайцев, потому что они, по крайней мере, быстро перешли от фигуративной системы к обычному изображению звуков; конечно, новая система

была несовершенной, но во всяком случае она позволила свести письмо к ограниченному числу ключевых элементов. Как бы ни был значителен этот шаг, его результат намного уступает логичным комбинациям семитских алфавитов и даже клинописному письму, хотя и последнее не может сравниться с реформированным греческим алфавитом, последним словом в письменности, превосходящим и санскритскую систему. А все дело в том, что ни одна раса, кроме западной, не обладает одновременно и абстрактным мышлением и чувством полезности.

Признавая иероглифическую письменность солидным основанием для того, чтобы египетская нация заняла свое место среди цивилизованных народов, следует также признать, что это изобретение, учитывая самые последние усовершенствования, ставит его авторов не ниже ассирийцев. Что касается этой бесплодной по сути идеи, можно сказать следующее: если бы черными народностями Египта не управляли, еще до Менеса, белые, не был бы сделан этот первый шаг в создании иероглифов. Но, с другой стороны, если бы неспособность черной расы не подавляла природное стремление арийцев к совершенству, иероглифическая письменность, а вслед за ней и искусства Египта не погрузились бы в неподвижность, которая является специфической чертой цивилизации Нила.

Пока страной правили только местные династии, пока она питалась идеями, возвращенными в своей почве и порожденными своей расой, ее искусства могли изменяться лишь в частностях, но не в целом. Они не знали ни одного существенного новшества. При II и III династиях они были грубыми, при XVIII и XIX эта грубость несколько смягчилась, а при XXIX, которая предшествовала Камбизу, упадок выражается лишь в извращении форм, но не в появлении дотоле неизвестных принципов. Местный гений состарился и не изменился. Он возвышался, доходил до кульминационной точки, когда преобладал белый элемент, оставался устойчивым, пока этот элемент исполнял цивилизаторские функции, и опускался всякий раз, когда верх брал черный гений, но не совершенствовался. Потому что неблагоприятное влияние постоянно опиралось на меланийскую основу.

Такая загадочная застылость всегда поражала наблюдателей. Этому удивлялись еще греки и римляне, а поскольку ничто не остается без объяснения, стали обвинять в этом жрецов.

Несомненно, египетское духовенство было сторонником покоя и стабильности и врагом новшеств, как и всякая аристократия. Но ведь и в хамитском, семитском и индийском обществах были хорошо организованные и влиятельные священники. Так почему в этих странах цивилизация шагала вперед, проходя через множество стадий, почему развивались искусства, а письменность меняла формы и совершенствовалась? Просто дело в том, что в тех странах могущество священнослужителей, как бы велико оно ни было, ничего не могло поделаться с воздействием крови белых жителей, которая служила неистощимым источником жизни. Сами священники, проникнутые потребностью расширения своего влияния, участвовали в творчестве и созидании. Предположить неодолимые препятствия в наличии каких бы то ни было институтов — значит принизить значимость и силу извечных принципов социальной жизни.

Когда в силу каких-то человеческих факторов цивилизация замедляет свой ход, она находит в самой себе достаточно сил для их преодоления, поскольку создана только для того, чтобы извлекать выгоду из таких социальных институтов; можно с уверенностью сказать, что если тот или иной режим долго держится, значит, он устраивает тех, кто его поддерживает. Египетское общество получило немного новой белой крови и не могло отвергнуть то, что оно изначально считало хорошим и завершенным и что продолжало таковым ему казаться. Эфиопы и негры, самые древние и самые многочисленные завоеватели, не могли трансформировать империю. Они ее разграбили, и перед ними встала альтернатива: либо уйти, либо подчиниться существовавшим до них правилам. Взаимоотношения этнических элементов в Египте не изменились вплоть до завоевания Камбиза, когда усилился приток черной расы, поэтому нет ничего удивительного в том, что

всякое движение начало замедляться, затем остановилось совсем, и искусства, письменность, вся система цивилизации до VII в. до н. э. развивались в одном направлении, не отходя от условностей, составлявших до этого основание страны, которые затем, как это обычно случается, сделались самым характерным элементом национальной сущности.

Имеются свидетельства того, что начиная со II династии влияние побежденных, т. е. черной расы, уже ощущалось во всех институтах и, учитывая тиранию господствующих классов и их презрение к народу, можно предположить, что для того, чтобы обеспечить повиновение, взгляды подданных должны были находить выражение в действиях правящей верхушки, т. е. представителей белой расы, которым приходилось до некоторой степени разделять чувства черной массы. Такими представителями могли быть только мулаты. Например, Юлий Африканский сообщает следующее о царствовании Кайехоса, второго царя финитской династии: «Начиная с этого монарха, называемого также Абревиатор, узаконено, что быки Апис в Мемфисе и Мневис в Гелиополисе, а также козел Мендезий являются богами».

К сожалению, прусский ученый и дипломат Бунзен недостаточно точно перевел эту фразу. Между тем Юлий Африканский имеет в виду тот факт, что культ священных животных существовал и раньше, но официально был признан только в названную эпоху. Из этого можно заключить, что для негритянской расы религия всегда была связана с поклонением животным, и если пришлось принимать специальный декрет, чтобы придать этому культу юридическую силу, значит в те времена он не пользовался симпатией верхушки общества, которая была белого происхождения, поэтому тем самым был нанесен удар по арийским понятиям истины, разума и прекрасного в сознании нации. Это было следствием изменений в составе крови населения. Из белой активная часть общества превратилась в метисов, затем, по мере дальнейшей деградации черной крови, почетное место в храмах заняли бык и козел.

Мне кажется, я привел достаточно убедительные причины упадка уже при первом царе Менесе, хотя это было только началом, в том числе началом долгих веков славы¹²⁴. И здесь нет никакого противоречия. Мы знаем, как медленно происходило в ассирийских государствах этническое слияние. Это была настоящая борьба между различными элементами, и ее исход нетрудно представить, учитывая численное соотношение сил. Победа превосходящего элемента означала конец цивилизации, и до тех пор, пока действовала система, построенная на чужих принципах, превосходящая сила, выражавшаяся в инертности, терпела в локальном масштабе поражение за поражением. Она смогла лишь очертить круг, из которого не мог выйти ее противник и который, постепенно сужаясь, должен был раздавить его. Именно это произошло с белым элементом, определявшим судьбу египетской нации и противостоявшим меланийским принципам. Как только эти принципы начали смешиваться с ним, они навязали его стремлению к совершенствованию пределы, которые он не мог переступить. Они обуздали его гений и ограничили его возможности. Они хотели, чтобы он по-прежнему продолжал воздвигать свои пирамиды, идею которых он принес с Урала и Алтая. Они также хотели, чтобы основные достижения, датированные самой ранней античностью, продолжали совершаться, однако постепенно ценность замысла уступила место масштабности, и по прошествии семи или восьми столетий начался упадок. После Рамсеса III, к середине XIII в. до н. э.¹²⁵, египетскому величию пришел конец. С тех пор творчество стало жить по старым канонам, которые забывались с каждым днем¹²⁶.

124 Небезынтересно вспомнить, какого расцвета добились государства долины Нила. На небольшой территории – 50 миль вдоль побережья и 120 миль в длину от Средиземного моря до Сиены – Геродот насчитал 20 тысяч городов и селений в эпоху Амасиса. В нынешней Франции, в 12 раз большей по площади, насчитывается только 39 тысяч. Во времена Гомера население Фив составляло 2800000 жителей.

125 По хронологии Уилкинсона, он правил за 1235 лет до Рождества Христова, т. е. XIX династия. Лепсиус относит его царствование к XX династии, в XV в. до н. э.

126 При Осиртасене I (1740 г. до н. э.) построены великолепные памятники. К этой эпохе, самое блестящей в истории искусств, относятся скульптуры Бени-Хассана. Это начало Новой Империи. Уже не строятся огромные

Ярые поклонники Древнего Египта, конечно, будут раздосадованы одним замечанием, которое представляет собой контраст ореолу этой страны в нашем воображении. Речь идет о почти полной изоляции, в которой Египет пребывал относительно современных ему цивилизованных государств. Я имею в виду Древнюю Империю, и я, так же как и в случае с ассирийцами, собираюсь обсуждать эпоху не позже VII в. до н. э.¹²⁷

Великое имя Сесостриса символизирует всю историю раннего Египта; мы привыкли представлять колесницу этого завоевателя многочисленных народов под сенью египетских знамен, мчащуюся от пустынь Нубии до Геркулесовых Столбов, до крайнего юга Аравии, от пролива Баб-эль-Мандеб до Каспийского моря, и въезжающую в Мемфис, окруженный в ту пору фракийцами и теми загадочными пеласгами, родину которых, как пишут, египетский вождь поставил на колени. Это поистине захватывающее зрелище, но, увы, в действительности все было далеко не так ясно и однозначно.

Начнем с того, что не совсем известна личность завоевателя. До сих пор спорят о том, когда он правил и каково его настоящее имя. Он жил задолго до Миноса, как полагает один греческий автор, между тем другой помещает его в глубь мифологических времен. Одни называют его Сесострис, другие — Сесоосис, третьи хотят видеть в нем одного из Рамсесов, но которого именно? Современные историки, запутавшись в этих вопросах, делают этого таинственного персонажа Осиртасеном или Сесортесеном, или же Рамсесом II или III. Одним из самых солидных аргументов касательно завоеваний этого царя служат стелы, которые он установил по маршруту своих походов. Действительно, обнаружены такие памятники, приписываемые делу рук властителей Нила, в Нубии, около Вади-Хальфах, и на Синайском полуострове. Но еще один памятник, известный также и тем, что о нем упоминает Геродот, около Бейрута, окончательно признан в наши дни как свидетельство победы одного ассирийского триумфатора. А Моверс, между прочим, приписывает эту стелу Мемнону и считает ее современницей Троянской войны. И вообще выше Палестины не обнаружено никаких египетских следов.

При всей своей осторожности я осмелюсь сказать, что из всех доказательств каких-то завоеваний фараонов в Азии ни одно не представляется мне достаточно убедительным¹²⁸.

Все они опираются на шаткие аргументы, все заводят завоевателей слишком далеко и слишком щедро раздают им завоеванные территории, чтобы не вызвать недоверия.

Мне кажется, есть две причины, побудившие египтологов чрезмерно восхищаться знаменитым народом, чью историю они изучают и чьи достоинства преувеличивают. Первая: выражение «северные народы», записанное на иероглифических таблицах в память о военных походах, которое, естественно, наводит на мысль о северо-востоке. Вторая: некоторые этнические или географические названия, в которых находят намек на известные азиатские народы. Таким образом, историкам следует быть осторожными в отношении сходства имен и названий или каких-то сходных физиологических черт на рельефах.

сооружения, но искусство уже миновало период расцвета. Осиртасен I у Уилкинсона – то же самое лицо, что Сесортесен Бунзена.

127 Лепсиус отмечает, что при древней династии цивилизация была в основном не воинственной, и добавляет, что греки даже не подозревали о славном периоде страны до гиксосов. Новая Империя началась в 1700 г. до н. э. с изгнания гиксосов, ее первым царем был Амосис.

128 Бунзен вполне убедительно пишет о предполагаемых завоеваниях египтян на побережье Азии: «Нам кажется неправомерным объявлять азиатскими имена народов, указанные на этих памятниках (могила Неротпа в Бени-Хассане), если на них не упоминаются такие известные земли, как Ханана и Нахараим (Ханаан и Месопотамия), искать среди этих имен другие нации в Иране и в Туране. Можно ли считать югом северную Ливию, Сиренаику, Сиртику, Нумидию, Гетулию — одним словом, все северное побережье Африки? Можно ли считать это страной негров? Или египтяне думали только о северных странах Азии, о Палестине и Сирии, куда они могли совершать набеги? Зато достоверно известно, что они избегали всяких контактов с Северной Африкой!»

При этом упомянутые доказательства сталкиваются с очень серьезной трудностью: где искать покоренные египтянами народы? Я, например, этого не знаю, если не считать нескольких небольших государств Сирии; а на всем историческом пространстве ассирийских народов, вплоть до VII в., не видно других завоевателей, кроме семитов и частично арийцев, так что всемогущество загадочного Сесостриса становится более чем сомнительным фактом. В эти смутные времена, в эпоху высшего расцвета Фив и Мемфиса, основные усилия страны были направлены на юг, во внутреннюю Африку, иногда, в меньшей степени, на восток, между тем как дельта служила переходным мостом для народов различных рас, перемещавшихся по северному побережью Африки ¹²⁹.

Кроме экспедиций в Нубию и в Синайские земли не следует забывать гигантские работы по сооружению каналов и осушению земель, например, Файум, обживание этого бассейна, а также большое строительство, результаты которого остались в пирамидах. Все эти мирные труды первых династий говорят о том, что этот народ не имел ни желания, ни времени совершать далекие походы, тем более что не видел для таковых никаких практических оснований.

Впрочем, оставим на время все эти возражения и остановимся на Сесострисе и его завоеваниях, как они изображаются. Нет сомнений в том, что эти завоевания были кратковременными, несмотря на туманные намеки о якобы многочисленных основанных городах, совершенно неизвестных в Малой Азии, и о колонизации Колхиды, которую, по словам греков, захватили черные народы, возможно, эфиопы, т. е. люди, которые, так же как и эфиоп Мемнон, скорее всего были ассирийцами.

Итак, все рассказы, в которых монархи Мемфиса предстают чуть ли не предыдущим воплощением Тамерлана, противоречат миролюбивому и созерцательному характеру, их вкусу к сельскохозяйственным занятиям и домашней религиозности и основаны на невероятной путанице идей, дат, фактов и народов. До XVII в. до н. э. египетское влияние (опять исключим Африку) было очень слабым ¹³⁰. Оборонительные работы, осуществленные царями на восточных границах, чтобы защитить страну от песков и особенно от чужеземцев, также характерны для народа, который стремится предотвратить нападение. Следовательно, египтяне добровольно отгородились от восточных народов, и их цивилизация ограничивалась территорией, на которой она родилась, и не распространила свои достижения ни на север, ни даже на запад Африки ¹³¹.

Как все это отличается от ассирийской культуры, которая объединила на своей огромной территории такое количество народов, какого в последующие времена не могла включить в свою сферу Греция, а затем Рим. Ассирия властвовала в Малой Азии, открыла двери в Африку и Европу и там обильно распространила и свои достоинства и свои пороки;

129 Первые завоевания в Эфиопии, по мнению Лепсиуса, восходят к Древней Империи: Сесортесен III, царь XII династии, построил валы Семлеха, а позже стал местным божеством. Бунзен отсылает Сесортесена не только на Синайский полуостров, но по всему северному побережью Африки вплоть до того места, напротив которого находится Испания. Затем этот царь якобы побывал и в Азии и в Европе до самой фракции. Но это уже слишком.

130 Оно ощущалось разве что в Финикии, а небольшие еврейские или ханаанские народы почти целиком ориентировались на ассирийские идеи. Эти малые пограничные государства подвергались стольким потрясениям, а также соблазнам, что, учитывая их непосредственное соседство с Египтом, нет ничего удивительного в таком влиянии. Впрочем, и здесь нужны оговорки. Некоторые якобы чисто египетские обычаи могут вполне иметь и другой источник. Форма колесниц могла

131 В VIII в. до н. э. у египтян даже не было военного флота, хотя в этот период Дельта входила в их империю. Мореплавателями были только ханааняне, семиты или греки, занимавшиеся торговлей. Египтяне при давали мореплаванию такое малое значение, что в целях защиты от пиратов просто перегородили устье Нила плотинами. Таким образом, войны, которые вел Египет, носили скорее оборонительный, нежели агрессивный характер, а целью влияния фараонов в финикийских городах была нейтрализация ассирийцев, а не достижение позитивных результатов.

она всюду внедрялась на долгие времена, и по сравнению с ней египетская цивилизация, имевшая локальный характер, оказалась примерно в такой же ситуации, в какой позже находился Китай по отношению к остальному миру.

Причина этого проста, если искать ее в этнической сфере. Из ассирийской цивилизации, продукта смешения белых хамитов с черными народами, затем с различными ветвями семитов, вышли народы сложного состава, которые, расталкивая друг друга, распространились во все концы — от Персидского залива до Гибралтарского пролива. А египетская цивилизация так и не смогла обновить свой созидательный элемент, который постоянно находился в обороне и терял свои позиции. Будучи продуктом смешения ветви индийцев–арийцев с черными расами и, в меньшей степени, с хамитами и семитами, она приобрела особенные черты, которые с самого начала были зафиксированы в ней, и она долго развивалась замкнуто до того, как подверглась натиску чужих элементов. Она уже была зрелой, когда началось вторжение или проникновение семитов — я имею в виду гиксосов, которые сокрушили Древнюю Империю. Эти притоки могли бы трансформировать ее, будь они более мощными. Но они были слабы, и кастовой организации, при всем ее несовершенстве, долго удавалось их нейтрализовать.

Между тем в Ассирию проникали с севера пришельцы и становились царями, жрецами, аристократами. В Египте они сталкивались с законами, которые закрывали перед ними ворота в страну как перед «нечистыми»; даже когда, несмотря на строгие меры, оставшиеся в силе до царствования Псамматика (664 г. до н. э.), чужакам удавалось устроиться рядом с властителями страны, оставаясь вне каст и объектом презрения, они еще долго не могли внедриться в местное общество. Я думаю, что тем не менее они там преуспели, но какой ценой и с каким результатом? Чтобы имитировать элементы, порожденные эллинской кровью, в Финикии. Вместе с ними, объединившись с черными, они способствовали растворению расы, которую они могли бы возродить, если бы пришли сюда раньше и были более многочисленны. Если бы с первых лет правления Менеса к арийско–хамитско–черной смеси прибавилась хорошая доза семитской крови, Египет внутренне бы преобразился и встряхнулся. Он не остался бы в изоляции, а завязал бы прямые и тесные связи с ассирийскими государствами.

Чтобы лучше понять высказанную мысль, проанализируем состав двух народов.

Е
А
И
О
П
И
Р
Н
Ж
Ц
Ы
О
С
Н
О
В
Н
О
И
Э

П
е
м
е
н
т
=
ч
е
р
н
ы
й
А
р
м
и
ц
ы
,
в
р
е
в
о
т
с
к
о
д
я
щ
и
м
я
К
и
о
л
и
ч
и
с
л
е
н
н
о
е
г
и
л
о

Д
О
И
Н
С
К
И
И
Й
Э
Э
Е
М
М
Н
Н
Т
Т
Х
А
М
И
Г
Ы

В
Е
С
Ю
С
Т
Б
К
Ю
К
Н
В
М
Т
К
О
И
И
Н
Е
П
Л
О
Р
О
Г
В
О

Д
Б
В
Г
В
О
О
М
О
И
И
Г
Э
Л
Е
М
Е
Н
Г
Щ
Е
Р
И
И
Е
В
Б
О
И
Ь
А
И
О
И
Г
К
О
Ы
И
И
О
А
С
Г
О
Е
И
И
Н
О
С
О
Р
В

С
Г
В
О
Ф
А
С
Н
Н
Ы
Е
О
В
Н
Б
Б
Ц
Е
И
О
А
Д
С
К
М
А
С
С
Е
С
Е
С
М
И
И
Ы
Р
Ф
А
С
Н
Е
О
Ф
А
Н
И
Ы
Е
В
В
О

Из этой таблицы можно сделать еще один вывод: хамитская кровь имеет тенденцию к исчезновению у обоих народов, а вместе с этим элементом исчезают и общие черты, которые создал именно этот элемент и только он мог их поддерживать, поскольку в обоих обществах семитское влияние выражалось по-разному. В Египте оно было незначительным и растворилось в общей массе, а в Ассирии оно распространилось очень широко, достигнув Африки и Европы, и стало связующим звеном для многих народов, своего рода союзом, из которого была исключена страна фараонов, обреченная на слияние черного и арийского элементов и на постепенное истощение благотворного принципа. Египет заслуживал восхищения только в самой ранней античности. В те времена это была настоящая земля чудес. Но, увы, все его силы и качества сконцентрировались в одной точке. Ряды его создателей не пополнялись. Упадок начался рано, и уже ничто не могло остановить его, тогда как ассирийская цивилизация прожила долго, претерпела много трансформаций и, будучи более безнравственной, но более активной, сыграла более значительную роль.

В этом нетрудно убедиться, если мы рассмотрим ситуацию в Египте в VII в., уже тогда безнадежную, и увидим, насколько бессильной была египетская цивилизация, неспособная ни на что даже во внутренних своих делах и уступившая власть и влияние завоевателям и поселенцам-чужестранцам, а позже дошедшая до такого забвения, что само слово «египтянин» стало означать не потомка славной и древней расы, а отпрыска новых жителей семитского, греческого или римского происхождения. И этот факт наложил еще одну неблагоприятную печать на образ Египта: Египтом стали называть не верхнюю часть страны, древнюю и классическую землю, родину пирамид, где расположены Мемфис и Фивы, а Александрию вместе с морским побережьем, которое в период славы и расцвета было заброшено и служило плацдармом для семитских вторжений. Таким образом, Ниневия, счастливая соперница, завладела и именем, и населением, и территорией Египта. Несмотря на стену Гелиополиса, Миср сделался легкой добычей песков и семитов, потому что не нашлось нового арийского элемента, который бы спас египтян от жалкой участи, уготованной им меланийскими принципами.

ГЛАВА VII

Этнические отношения между ассирийскими народами и Египтом. Искусства и лирическая поэзия — результат смешения белых с черными.

Для западного человека вся древняя цивилизация мира сводится к следующим славным именам: Ниневия и Мемфис, Тир и Карфаген, Аксум и города хими аритов — это всего лишь интеллектуальные колонии двух главных центров. Приступая к характеристике представляемых ими цивилизаций, я уже касался вопроса их соприкосновения друг с другом. Но до сих пор не было речи об исследовании их взаимоотношений. Теперь мы дошли до того момента, когда начинается их упадок, когда значение одного падает, а роль другого продолжает расти благодаря пришельцам, хотя и под другим именем и в другой форме. И

автору, по примеру поэтов–рыцарей, пора перенестись с берегов Евфрата и Нила в горы Мидии и Персии и углубиться в степи Верхней Азии в поисках новых народов, которым предстоит изменить лицо политического мира и мировых цивилизаций. Я считаю своим долгом уточнить и определить причины общего сходства между Египтом и Ассирией.

Белые группы, которые создали цивилизации в обеих странах, принадлежали к различным разновидностям расы: без этого постулата невозможно объяснить их глубокие различия. Не считая цивилизаторского духа, которым они обладали в равной мере, у них были отличительные черты, характеризующие их творение. В обоих случаях основа была меланийской и не могла стать причиной различий, и когда пытаются обнаружить различие между их меланийским населением, находят лишь темнокожих с гладкими волосами в Ассирии и негров с курчавой головой в Египте, и нет никаких свидетельств того, что этнические различия между ветвями черной расы предполагают разную степень цивилизаторских способностей. Повсюду, где изучаются последствия смешения народов, оказывается, что черная основа, несмотря на некоторые расхождения, создает сходство разных обществ, придавая им только негативные способности, которые совершенно чужды белому виду. Поэтому перед лицом цивилизаторской ничтожности черных приходится признать, что источник различий следует искать в белой расе, что и среди белых существуют разновидности; и если обратиться к Ассирии и Египту, мы увидим более упорядоченный, более мягкий и мирный, более позитивный принцип небольшой арийской ветви, пришедшей в долину Нила, и отдадим ей первенство над семействами Хама и Сима. Чем дальше история раскрывает перед нами свои страницы, тем больше мы убеждаемся в этом.

Возвращаясь к черным народам, я спрашиваю себя, какие общие отличительные признаки их природы запечатлелись в цивилизациях Ассирии и Египта. Ответ напрашивается сам собой, т. к. базируется на очевидных фактах.

Конечно, это не особый вкус к предметам воображения, не безудержная страсть ко всему, что может привести в движение те части человеческого ума, которые легче всего воспламенить, не поклонение всему, что находится в сфере чувств, и, наконец, не приверженность материализму, который остается таковым при всех облагораживающих его украшениях. Вот что объединяет две самые древние цивилизации Запада: в обеих мы видим последствия такого сходства. В обеих — грандиозные памятники искусства, изображающие человека и животных, живопись и скульптура, украшающая храмы и дворцы и почитаемая населением. Мы замечаем одинаковую любовь к изощренным украшениям, роскошным гаремам, в обоих случаях мы находим женщин на попечении евнухов, стремление к покою, растущую неприязнь к войне и военным заботам и, наконец, те же самые доктрины управления: деспотизм, то иератический, то царский, то аристократический, но всегда безграничный, непомерная гордыня высших классов, беспримерная покорность низших. Искусства и поэзия должны были служить — и служили — самым очевидным, реалистичным и постоянным выражением географического местоположения и эпохи.

В поэзии царит полное отречение души в пользу окружающего мира. Возьмем наугад в качестве примера финикийский жалобный плач в память Суфул, дочери Кабирхиса, начертанный на ее могиле в Эриксе:

*Горы Эрикса стекают. Повсюду слышен звон кифар,
и песни, и жалобы арф в доме Мекамоша.
Есть ли еще подобная ей? Ее величие напоминало огненный
поток.
Сильнее, чем снег, блистал ее взгляд... Твоя покрытая грудь
была как сама сердцевина снега.
Наподобие увядшего цветка, наша душа поражена твоей
потерей; душа разбита стоном погребальных песен.
По груди текут наши слезы.
Вот образец лапидарного стиля семитов.*

В этой поэзии все пылает, все направлено на то, чтобы затронуть чувства, все внешнее. Такие строфы не имеют цели пробудить разум и перенести его в идеальный мир. Если слушатели не плакали, не рыдали, не разрывали на себе одежды и не покрывали лица пеплом, значит, эта поэзия не достигала своей цели. Оттуда эта тенденция перешла в арабскую поэзию — лиризм без границ, нечто вроде интоксикации, которая граничит с безумием и иногда парит в запредельных высотах.

Что касается изобразительных средств в таком огненном стиле, с крикливыми и чрезмерно экспрессивными выражениями и безудержными ощущениями, потомки Хама и потомки Сима находили сходные образы, напоминающие извержение вулкана и превосходящие по силе выразительности все, что могло внушить энтузиазм или отчаяние певцам других народов.

Поэзия фараонов оставила меньше следов, чем ассирийская, все главные элементы которой мы находим либо в Библии, либо в арабских компиляциях из Ки-таб-Алагхани, Хамаса и других. Но Плутарх пишет о песнях египтян, и есть основания полагать, что спокойный характер этого народа диктовал своим поэтам слова, если и не более разумные, то во всяком случае более живые и теплые. Впрочем, как в Египте, так и в Ассирии, поэзия имела только две формы — лирическую или дидактическую, которую можно назвать исторической: в последнем случае речь шла о том, чтобы излагать факты в напевной и удобной для запоминания форме. Ни в Египте, ни в Ассирии не встречаются прекрасные и великие поэмы, для создания которых требуются способности и качества, не сравнимые с теми, что рождают лирическое излияние. Ниже мы увидим, что эпическая поэзия есть привилегия арийского семейства, поэтому она находит высшее свое выражение у народов этой ветви, в которых присутствует меланийский элемент.

Рядом с этой литературой, такой доступной для ощущений и такой пустой для размышлений, существуют живопись и скульптура. Было бы неправильно рассматривать их по отдельности, потому что если скульптура находилась на довольно высоком уровне, чтобы восхищаться ею, то этого нельзя сказать о ее сестре, которая являлась простым придатком к рельефному изображению, была лишена оттенков и перспективы, а если иногда встречается отдельно в храмовых подземельях, то все равно выполняет орнаментальную функцию и выглядит сиротливо без скульптуры.

Впрочем, сомнительно, что и скульптура могла обойтись без цветового сопровождения и что ассирийские или египетские художники согласились бы представить на суд своих зрителей-материалистов произведения, облаченные лишь в цвета камня, мрамора, порфира или базальта, поэтому разделять эти виды искусства или ставить живопись на один уровень со скульптурой — это значит не понимать их духа. И в Ниневии и в Фивах статуи, горельефы и барельефы можно представить только раскрашенными в самые богатые цвета.

Как безудержно устремлялась египетская и ассирийская чувственности к любым соблазнительным проявлениям материи! К таким образам, всегда стремящимся к крайней степени возбуждения, искусство приходило не через размышление, но через зрение, и когда оно попадало в цель, наградой ему был всеобщий энтузиазм и почти невозможное поклонение. Путешественники, приезжающие сегодня на Восток, с удивлением отмечают, какое глубокое и порой аномальное впечатление оказывают на местных жителей фигурные изображения, и нельзя не признать, вслед за Библией и Кораном, спиритуальную полезность запрета на изображение человеческих фигур у народов, которые столь упорно стремятся перейти грань простого восхищения и сделать из изобразительных искусств самый мощный деморализующий инструмент.

Подобные принципы одновременно и благоприятны и вредны для искусства. Они благоприятны, т. к. без возбуждения масс творчество невозможно. Они вредны, они отравляют и убивают воображение, потому что погружают его в пропасть опьянения, отвлекают его от поиска красоты, т. е. абстракции, которая не имеет отношения к гигантизму форм и магии цвета.

Истории искусства следует еще многое выяснить, и при каждой своей победе она

оказывается перед очередной лакуной. Тем не менее, начиная с Винкельма, она сделала много открытий, которые не один раз меняли ее доктрины. Она уже не считает Египет родиной греческого совершенства. Обогащенная новыми знаниями, она ищет эти истоки в свободном выражении ассирийских творцов. Сравнение эгипетических статуй с барельефами Хорсабада наводит на мысль о их близком родстве.

Славу цивилизации Ниневии составляет тот факт, что она далеко продвинулась по дороге, ведущей к Фидию. Однако не к этому стремилось ассирийское искусство. Оно хотело чего-то великолепного, грандиозного, гигантского, возвышенного, но не прекрасного. Посмотрим на скульптуры Хорсабада, и что же мы увидим? Во-первых, мастерство и свободу выражения. Условности в них немного по сравнению с тем, что мы видим в храме-дворце Карнака и на стенах Мемнониума. И все-таки позы здесь неестественные, а мышцы слишком выделены. Идея силы, угнетающей мощи исходит от всех этих чрезмерных членов, напыщенно напряженных. В туловище, в ногах и руках желание художника изобразить жизнь и движение выходит за все границы. А голова? О чем говорит нам голова? О чем говорит лицо, обитель красоты, идеального замысла, возвышенных мыслей, обожествленного разума? И голова и лицо молчат. Нет никакого выражения в бесстрастных чертах. Как и борцы из храма Минервы, они не говорят ничего, тела сражаются, но лица не страдают и не торжествуют. Потому что нет никакого намека на душу — речь идет только о теле. Творцы изобразили факт, а не мысль, и доказательством того, что в этом кроется единственная причина гибели ассирийского искусства, служит следующий факт: оно достигло совершенства во всем, что не есть интеллектуальное, что обращено исключительно к чувству. Если внимательно рассмотреть орнаментальные детали Хорсабада — вычурные цветы и арабески, — придется признать, что эллинский гений сумел только копировать и ничего не прибавил к этому совершенству.

Поскольку в ассирийском искусстве полностью отсутствует моральная идеализация, оно, несмотря на его высокие качества, не смогло избежать многочисленных чудовищных преувеличений, которые всегда его сопровождали и стали его могилой.

В таком духе кабиры и тельхины-семиты изготовили для греков, своих дальних сородичей, эти механические идола, шевелившие руками и ногами, послужившие толчком для Икара и скоро ставшие объектом презрения для нации, основанной на мужском принципе и не принявшей таких безделушек. Что касается «женских» ветвей Хама и Сима, я совершенно уверен, что эти творения им никогда не надоедали: они не видели ничего абсурдного в имитации истинно материального мира.

Вспомним Мальтийского Ваала с париком и бородой, окрашенными в светлые, красноватые или золотистые тона; вспомним те бесформенные камни, одетые в роскошные одежды и выставленные в качестве богов в храмах Сирии, и перейдем от них к уродливым иератическим куклам из оружейной палаты Турина, тогда будет ясно, что все эти отклонения вполне отвечали наклонностям хамитской расы и ее сестры. Они обе любили ужасное и шокирующее и за неимением грандиозного бросались в страшное и утоляли свои чувства даже отвратительным. Это было естественным дополнением к культуре животных.

Данные соображения относятся и к Египту, с той лишь разницей, что в этом, более склонном к порядку, обществе мерзкое и бесформенное не нашло такого развития, как в Ниневии и Карфагене.

Таким образом, цивилизации Евфрата и Нила в равной степени характеризуются преобладанием воображения над разумом, чувственности над духовностью. Признавая, что искусства никогда еще не достигали такой мощи и что, дойдя до опасной черты, они стали сильнее, чем теология, мораль, политика и социальная сфера, мы должны задать вопрос: в чем главная причина этой особенности древних государств?

Я думаю, что у читателя уже есть на него ответ. Однако интересно посмотреть, не было ли чего-нибудь похожего в других местах и в другие времена. Если исключить Индию, в том числе Индию эпохи, последующей за настоящей арийской цивилизацией, ничего подобного в истории не наблюдается. Нигде и никогда человеческое воображение не

было так свободно от всяких оков и не испытывало такого жадного стремления к материальной стороне жизни и к извращению. Это свойственно в первую очередь Ассирии и Египту. Установив этот факт, прежде чем сделать выводы, рассмотрим еще одну сторону вопроса.

Если вслед за греками и самыми компетентными судьями мы признаем, что экзальтация и энтузиазм — это и есть жизнь гения искусств, что этот гений граничит с безумием, тогда его творческие истоки следует искать не в организующем принципе нашей природы, а в глубине наших чувств, в дерзких взлетах чувств, которые примиряют разум и видимость, чтобы извлечь из этого союза нечто, что нравится нам больше, чем действительность. Итак, мы увидели, что в обеих древних цивилизациях именно белый элемент — хамиты, арийцы, семиты — служил организующим, дисциплинирующим и законотворческим фактором. Отсюда неизбежно следует вывод: источник искусств чужд цивилизаторским инстинктам.

Этот источник скрыт в крови черных. Эта всеобщая мощь воображения, характерная для первых цивилизаций, не имеет иной причины, кроме растущего влияния меланийского принципа.

Если это предположение обоснованно, тогда сила воздействия искусств на массы всегда прямо связана с количеством черной крови. Чем больше места занимает в этническом составе народов меланийский элемент, тем сильнее проявляется буйство воображения. Это можно подтвердить историческим опытом. Составим следующий список, в первую строку которого внесем ассирийцев и египтян. Рядом с ними впишем индийскую цивилизацию периода после Сакья–Муни.

За ними следуют греки.

Ниже — итальянцы средневековья.

Еще ниже — испанцы.

Затем французы нашей эпохи.

Наконец, в самом нижнем ряду окажется опосредованное вдохновение и произведения, основанные на «ученом» подражательстве, не принимаемые народными массами.

Меня могут упрекнуть в том, что я возложил незаслуженную корону на курчавую голову негра и окружил его хором Муз. Однако не столь уж и высока эта честь. В этом хоре мы не увидим самых благородных Пиерид, тех, которые предпочитают мысль и красоту страстям.

Конечно, черный элемент необходим для того, чтобы раса сформировала свой художественный гений, и мы видим, сколько огня, страсти и безрассудства скрывается в нем и насколько воображение, отблеск чувственности и стремление к материальному помогают получать впечатление, которое производят искусства и которое достигает силы, неизвестной остальным семействам человечества. В этом заключается мой исходный пункт, и если бы не существовало других факторов, негра, несомненно, следовало бы считать лучшим лирическим поэтом, музыкантом, скульптором. Но есть еще кое-что, значительно меняющее суть вопроса.

Действительно, негр — человеческое существо, более всего подверженное художественному волнению, но при условии, что его разум способен постичь смысл и значение этого волнения. Если вы покажете ему Юнону Поликтета, вряд ли он восхитится ею. Он не знает, что значит Юнона, и мраморная фигура, предназначенная для того, чтобы передавать трансцендентные идеи прекрасного, еще более чуждые ему, оставит его столь же холодным, как, например, алгебраическая задача. Если ему перевести стихи из «Одиссеи», особенно эпизод встречи Улисса с Навсикаей, вершину обдуманного вдохновения, он просто уснет. Чтобы пробудился интерес, а затем симпатия, необходима работа ума, а у негра плохо обстоит дело с этим предметом: ум его ограничен и не способен подняться над самым примитивным уровнем, ибо для этого необходимо размышлять, понимать, сравнивать, извлекать выводы. Художественная чувствительность данного существа, сама по себе невероятно сильная, всегда ограничена примитивными потребностями. Она воспламеняется, она превращается в страсть, но от чего? От странных, чрезмерно раскрашенных

изображений. Она будет трепетать от восхищения перед уродливым куском дерева, и это будет восхищение, какого не испытывала утонченная душа Перикла у подножия Юпитера Олимпийского. Дело в том, что мысль негра может возвыситься до бесформенного образа, до куска дерева, а при виде истинно прекрасного она останется глуха, нема и слепа в силу своей природы. Не случайно из всех искусств, которые предпочитает меланийская натура, первое место занимает музыка, поскольку она ласкает его слух чередованием звуков и не требует работы его мозга. Негр очень любит ее и наслаждается ею, однако ему чужды те изящные условности, благодаря которым европейское воображение облагораживает наши ощущения.

Мы, европейцы, сделали искусство чем-то, настолько тесно связанным с высшим проявлением разума и достижениями науки, что только силой абстракции мы можем включить в него танец. Для негра, напротив, танец, как и музыка, является предметом неудержимой страсти. Дело в том, что чувственность сильнее всего выражается в танце. Поэтому он занимал главенствующее место в общественной и частной жизни ассирийцев и египтян, и там, где античный мир Рима сталкивался с этим удивительным и опьяняющим видом искусства, мы также встречаем его среди семитского населения Испании, главным образом в Кадиксе.

Таким образом, негр в высшей степени обладает чувственными способностями, без которых нет искусства, а с другой стороны, отсутствие умственных способностей делает его совершенно невосприимчивым к культуре искусства, даже к оценке того возвышенного, что может дать благородный человеческий ум. Чтобы его способности приобрели настоящую ценность, он должен был объединиться с расой, наделенной другими качествами. В этом союзе меланийский вид являл собой женскую часть, и хотя его различные ветви в разной мере смешаны с белым элементом, именно последний представляет мужской принцип. Получившийся результат включает в себе не все качества обеих рас. Здесь имеется двойственность, которая и объясняет последующую его плодовитость. Менее бурный в проявлении чувственности, чем чистые представители женского принципа, менее выраженный в интеллектуальной мощи, чем мужской принцип, результат смешения сочетает в себе обе сущности, которые служат основой для художественного творчества, недоступного для каждой из этих ветвей в отдельности. Конечно, я изобразил некое абстрактное, идеальное существо, которое встречается очень редко.

Во всяком случае, если можно представить себе сочетание таких качеств у отдельных людей, то таких народов просто не может быть. В массе людей этнические элементы находятся в непрерывном движении, и трудно уловить моменты, когда они приходят в равновесие, тем более, что такие моменты настолько скоротечны и непредсказуемы, что не стоит о них говорить — лучше рассматривать периоды, когда один из элементов, явно преобладая над другим, на долгое время определяет судьбу нации.

Обе древние цивилизации, обильно пропитанные меланийским духом и вдохновленные и управляемые мощью белой расы, обязаны преобладанию черного элемента экзальтацией, которая их характеризует, следовательно, чувственность — их главный и общий признак.

Египет продержался меньший срок, чем черные хамитские народы, получившие мощный приток семитской крови. Правда, страна также получила арийскую поддержку, но постоянный приток меланийской крови придал нации ту самую неподвижность, из-за которой она освободилась от грандиозности только для того, чтобы погрузиться в гротеск.

Благодаря белым нашествиям ассирийское общество приобрело больше свободы художественного вдохновения. И также выиграло от этого: если в смысле возвышенного ничто не сравнится с величием пирамид и некоторых дворцов-храмов в Верхнем Египте, то этим прекрасным памятникам недостает живости барельефов Хорсабада; что касается украшений ниневийских зданий — мозаика и глазурированные кирпичи, — я уже говорил, что даже греки смогли лишь копировать эти шедевры, но не достигли такого изысканного вкуса.

К сожалению, меланийский принцип был слишком силен и стал преобладающим. Великолепные ассирийские скульптуры, которые следует отнести к античности, предшествующей VII в. до н. э., знаменует довольно короткий период. После указанного века

наступил глубокий упадок, и в конце концов восторжествовал культ уродливого, столь характерный для черной расы.

Отсюда вытекает следующее: для того, чтобы обеспечить истинное царство искусств, необходимо было смешение черной крови с кровью белой, причем последней должно было быть больше, чем в лучшие времена Мемфиса и Ниневии. Только при этом условии могла сформироваться раса, обладающая бесконечным воображением и чувствительностью в сочетании с большим умом. Такое смешение произошло позже, когда в истории появились южные греки.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Цивилизация, распространившаяся от Центральной Азии на юг и юго-восток

ГЛАВА I

Арийцы; брахманы и их общественная система

Мы дошли до эпохи, когда мидийцы штурмом взяли Вавилон, когда ассирийская империя начала меняться по форме и содержанию. Сыновья Хама и Сима навсегда покинули первые ряды народов. Вместо того, чтобы управлять государствами, они превратились в негативный, дезорганизующий фактор. На арену вышли арийцы; теперь мы можем рассмотреть их ближе — уже не только как ветвь, участвовавшую в создании Египта, но как самое знаменитое и благородное семейство белой расы. Мы получим о них неполное представление, если сразу приступим к мидийцам, не изучив всю группу, малой частью которой они были. Поэтому начнем с самых мощных ветвей семейства. Для этого нам придется отправиться в районы на востоке Индии, где появились самые крупные группы арийских народов:

Но первые шаги мы направим за пределы Индии, по тому, что брахманская цивилизация, в определенной мере чуждая западному миру, значительно оживила восточный регион и, столкнувшись там с расами, которых ассирийцы и египтяне видели только мельком, она оказалась в тесном контакте с желтыми ордами. Изучение этих отношений и их результатов представляет особую важность. Мы увидим, насколько превосходство белой расы утвердилось в отношении монголов, так же как и черных народов, в какой мере это доказывает история, а затем соответствующее состояние обеих низших рас и производных от них народов.

Трудно определить синхронизм между первыми переселениями хамитов и арийцев; не менее трудно обойтись без попытки сделать это. Пришествие индусов в Пенджаб произошло настолько давно, за пределами всякой позитивной истории, что филология отодвигает этот факт в глубокую древность. Это событие можно датировать эпохой до 4000 г. до н. э., и скорее всего арийцы примерно в это же время, в силу тех же обстоятельств, оставили прародину белого семейства и спустились на юг — одни к западу, другие к востоку.

Арийцы, более удачливые, чем хамиты, в течение долгих веков наряду со своим национальным языком, священным приложением к первобытному наречию белой расы, сохранили физический тип, который позволил им избежать смешения с черным населением. Чтобы объяснить этот феномен, следует признать, что аборигены отступали, рассеивались или уничтожались завоевателями, или они жили разобщенными в высокогорных долинах Кашмира, первой индийской страны, куда пришли арийцы. Кстати, нет никаких сомнений в том, что древнее население этих земель принадлежало к черному типу¹³².

132 В Гималаях встречается много темнокожих или мулатов, которые явно ведут родословную от аборигенов.

Об этом свидетельствуют меланийские племена, которые еще и сегодня встречаются в Камауне, Они состоят из потомков тех беженцев, которые не последовали примеру соотечественников и не ушли в Виндхукские горы и в Декан, а предпочли высокогорные ущелья, где можно было найти надежное убежище и долго сохранять свою этническую индивидуальность.

Прежде чем еще дальше продвинуться в Индию, рассмотрим все первобытное арийское семейство в тот момент, когда оно уже двигалось на юг, хотя в то время, когда оно приступило к захвату долины Кашмира, основная их масса еще не вышла за пределы Согдианы.

Арийцы уже отделились от кельтских народов, которые двигались на северо-запад в обход Каспийского моря с севера, между тем как славяне, мало отличавшиеся от этой последней и многочисленной семьи народов, перемещались в Европу более северным путем.

Итак, арийцы, еще до того как они пришли в Индию, не имели ничего общего с народами, которым предстояло сделаться европейцами. Они составляли многочисленную общность, совершенно непохожую на остальную часть белой расы, потому их следует обозначить особым именем. К сожалению, это не учли самые известные ученые. Сосредоточившись на филологии, они дали всем языкам расы общее, но очень неточное название «индогерманские», не обратив внимания на то обстоятельство, что из всех народов, говоривших на этих языках, только один был в Индии, тогда как остальные даже и не приближались к ней. И это стало основной причиной последующих научных ошибок. Языки белой расы индийскими являются не в большей степени, чем кельтскими, а я считаю их гораздо менее германскими, нежели греческими¹³³.

Преимущество термина «арийский» состоит в том, что его выбрали сами племена, к которым он относится, и что он сопровождал их всюду, где бы они ни проживали. К тому же это самое удачное для них название: оно означает «почитаемый», т. е. арийские народы состояли из людей почитаемых, людей, достойных уважения, а также, возможно, людей, которые могли получить силой то, чего они заслуживали, но не имели. Если такое толкование не содержится в самом слове, оно вытекает из фактов.

Белые народы, называвшие себя так, понимали значение этого слова. Они заслужили его своим могуществом и только позже забыли его, приняв другие наименования. Индусы называли священную страну, т. е. собственно Индию, «Ариа-Варта», или «Земля почитаемых людей»¹³⁴. Позже, когда они разделились на касты, имя «Ариа» закрепилось за большей частью нации — «вайсиями», последней категорией истинных индусов, дважды рожденных, читавших «Веды».

Древним именем, которым называли себя арийцы-иранцы — к ним принадлежали мидийцы, — было «Αρτοι». Другая ветвь этого семейства — персы — также стали называть себя «Αρταιοι», а когда они отказались от этого названия, его корень сохранился во многих именах людей, например, Артаксеркс, Арио-барзан, Ар-табаз, и они передали его скифам-монголам, принявшим их язык, а затем его употребляли арийцы-сарматы.

133 Если так уж необходимо назвать группы языков по имени народов, было бы логичнее квалифицировать арийскую ветвь как «индокельтскую». По крайней мере, так мы обозначили бы обе крайние географические точки, однако по многим причинам это название было бы еще менее приемлемым.

134 Вот что говорится в «Монава-Дхарма-Шастра»: «Между двумя Божественными реками, Сарасвати и Дрисхадвати, лежит земля, которую мудрые назвали Брахмаверта, потому что ее посещали боги» (т. II, гл. II, § 17). Речь идет о территории, первоначально населенной чистыми арийцами без черной или желтой примеси. Затем в § 21 читаем: «Страна, которая лежит между Химават и Виндхиа, к востоку от Винасана и к западу от Прайага, носила название Медхиадеса, т. е. «центральная область»». И § 22: «От восточного до западного океана, между упомянутыми горами, лежит земля, которую мудрые назвали Ариаверта, или населенная «почитаемыми людьми»» («Manava‑Dharma‑Sastra», Лондон, 1825).

В своих космогонических представлениях иранцы считали самой первой страной на земле область, которую они называли «Airyanem Vaejo» и помещали ее далеко на северо-востоке, у самых истоков Окса и Йаксартеса¹³⁵. Они вспоминали, что там лето продолжалось всего два месяца в году и что все остальное время там стояла суровая зима. Таким образом, для них страна почитаемых людей осталась древней родиной, а индусы в более поздние времена, привыкшие к этому названию и забывшие его корни, перенесли его на свою новую родину.

Этот корень «аг» повсюду следовал за различными группами расы. Греки сохранили его в слове «Арес», которое обозначает высоко почитаемое существо, бога битв, храброго героя; слово «аг» первоначально означало совокупность качеств, необходимых для настоящего человека, — доблесть, твердость, мудрость, а позже означало «добродетель» вообще. Он фигурирует в слове «ага», которое относится к почитанию сверхчеловеческих способностей и сил; наконец, я нахожу родовое название арийского семейства в таких словах, как «агуа», «аурианем», производных от «аг» и «ага» (и «ага»). Греки, отделившись в античную эпоху от общего ствола, не забыли его наименование ни в своем мышлении, ни в названии своей нации.

Это исследование можно продолжить, и тогда мы найдем корень «аг», «ig» или «ег» в немецком слове «Ehre», что доказывает следующее: чувство гордости, основанное на моральных достоинствах, всегда занимало большое место в мыслях самой лучшей из человеческих рас¹³⁶.

Как показывают многочисленные свидетельства, есть надежда на то, что в один прекрасный день будет найдено обобщенное и вполне заслуженное имя для этого народа, — которое, кстати, он когда-то дал сам себе, — взамен таких названий, как Иафетиды, кавказцы и индогерманцы. В конечном счете это позволит лучше понять генеалогию человечества, а пока я позволю себе выделить особую группу среди всех белых народов, которые заслужили свою славу и запечатлели ее на камне, в своих законах и в своих книгах. Исходя из этого, я постараюсь дать название этой расе с учетом ее составных элементов на тот момент, когда она, отделившись от остальной части семейства, двинулась на юг.

Насчитывается много племен, которые пришли в Индию, и тех, которые пошли по стопам семитов, дошли до южного побережья Каспийского моря, а оттуда в Малую Азию и в Грецию, и называли себя эллинами. Некоторые спустились на юго-запад, добрались до Персидского залива, а другие, оставаясь в течение веков в районе Имау-са, предстали перед европейцами под именем сарматов. Таким образом, индийцы, греки, иранцы, сарматы составляют одну расу, отличающуюся от всех остальных представителей своего вида и превосходящую их всех.

Что касается физического сходства, здесь нет никакого сомнения: благородство черт, стать, физическая сила — это можно считать общими характеристиками семейства, а местные отклонения от них являются следствием смешения с аборигенами. В Индии они смешались с черными, в Иране с хамитами, семитами и тоже с черными, в Греции с белым населением, которое я не стану уточнять, и с семитами. Однако всюду сохранилась основа типа, и, даже выродившись, она породила такое потомство, как современные кашмирцы и

135 В исторические эпохи встречается много названий арийских народов этой страны, которую на Западе называли Туран и которую до сих пор ошибочно считают населенной исключительно желтыми на родами. По мнению Плиния, «Agick», «Antariani», «Agamki» напоминают зендское слово «airyanem». Бурнуф замечает, что в арийских географических названиях часто встречаются такие слова, как «Agr» (лошадь), «arvat» или «aurvat» (вода), «pati» (господин). Птолемей на шел такие примеры в Скифии и даже в Серикии: «аг» и др.

136 Тот же корень мы видим в зендском «hig» или «ig», что перешло в латынь — «herus» и в немецкий — «Herr».

большая часть северных брахманов, как те люди, что жили при первых наследниках Кира и изображены на сооружениях Накши–Рустама и Персеполиса; наконец, заметим, что люди, вдохновившие ваятелей Аполлона Пифийского, Юпитера Афинского, Венеры Милосской, составляют лучшую часть человечества.

У арийцев была бело–розовая кожа: такими были самые древние греки и персы, такими запечатлены древние индийцы. Волосы, как правило, были светлые — вспомним, что эллины отдавали предпочтение именно этому цвету волос и наделяли им своих самых почитаемых богов. И сегодня еще светлые волосы можно встретить в Индии, особенно на севере, т. е. там, где арийская раса лучше всего сохранила свою чистоту. В Каттиваре встречаются рыжеволосые и голубоглазые люди.

У индусов идея красоты до сих пор ассоциируется со светлой кожей и светлыми волосами, о чем свидетельствуют описания избранных детей, столь частые в буддистских легендах. В них описывается, например, божественное создание в младенческом возрасте с золотистого цвета кожей. Его голова напоминает зонтик (т. е. круглая, не похожая на пирамиду, что характерно для черной расы). У него длинные руки, широкий лоб, близко расположенные брови и выступающий нос.

Поскольку это описание (примерно VII в. до н. э.) относится к расе, лучшие элементы которой были в значительной мере перемешаны, нет ничего удивительного в таких несколько преувеличенных требованиях, как кожа золотистого цвета и сведенные вместе брови. Что касается остальных Деталей, речь идет о белой расе, и это дает повод думать, что арийцы в своей массе обладали этими признаками.

Эта разновидность человечества, отличавшаяся красивой внешностью, была наделена не менее выдающимся разумом. Она обладала неистощимой живостью и энергией, а ее система правления отвечала всем потребностям столь предприимчивых людей.

Во главе арийцев, разделенных на племена или небольшие группы, жившие в больших поселках, стояли вожди с очень ограниченной властью, которая не имела ничего общего с абсолютизмом, процветавшим у черных или желтых народов. Самым древним санскритским названием царя или властителя было слово «*vic patī*», что сохранилось в зендском «*vic patīs*», а литовским словом «*wiespati*» до сих пор называют землевладельца¹³⁷. Греческая монархия героической эпохи, очень близкая иранской монархии до Кира, имела весьма ограниченную власть, в «Рамаяне» и «Махабхарате» цари избираются жителями городов, брахманами и даже соседними царями: здесь нет и речи о всевластии и самовластии, и это напоминает германскую организацию перед реформой, наподобие той, что осуществил у нас Хлодвиг.

Между прочим, в «Манаве–Дхарма–Шастре» больше приверженности идее абсолютной монархии, чем в великих поэмах, однако еще нет строгих принципов нынешних восточных государств. «К царю, даже если это ребенок, следует относиться с почтением и не считать его простым смертным: он есть божество в человеческом облике». Но ниже законодатель добавляет: «Пусть царь, поднявшись с ложа на рассвете, с уважением выслушает брахманов, изучивших все три Веды и этнические науки, и пусть повинуется их решению» (§ 37). И далее в § 54: «Царь должен назначить семь или восемь министров, которые должны принести клятву, касаясь рукой священного изображения или предмета. Это будут люди, чьи предки служили царям, люди, упоминаемые в священных книгах, доблестные и владеющие оружием, благородного происхождения». В § 56: «Пусть он постоянно советуется с этими министрами в вопросах войны и мира, организации войска, доходов, защиты своего народа и приумножения приобретенных богатств». В § 57: «Обдумав мнения своих советников — вначале самостоятельно, затем, обсудив их сообща, — пусть он принимает самые мудрые

137 В арийских языках прослеживаются обе части этого составного слова: «*vvq*», означавшее «дом», превращается в «множество домов», например, латинское «*vicus*» и производное от него «*civis*», т. е. «житель». «*Pati*» — в санскрите «стоящий у власти» — в армянском становится «*bod*», в славянском «*rod*», в литовском «*patin*», в польском «*pan*», в готском «*fathus*».

решения во всех делах». В § 58: «Пусть царь, согласно шести основным правилам, поставит во главе совета одного брахмана, избранного среди прочих». В § 59: «Пусть он всецело доверяет ему во всех делах и вместе с ним принимает окончательное решение».

Арийских царей, живших в своих селениях среди стад быков, коров и лошадей и являвшихся судьями в бурных спорах, которые часто сопровождали жизнь скотоводов, окружали люди более воинственные, чем пастухи.

Когда я веду речь об арийской нации, об арийском семействе, я не хочу сказать, что различные племена, составляющие его, жили в мире друг с другом, хотя в ведических гимнах пишется обратное. Вражда сопутствовала их повседневной жизни, и самым достойным объектом восхищения этих людей был воин на колеснице, который в сопровождении колесничего осыпал стрелами соседние племена. В «Зенд-Авесте» такой воин называется «rathaestao», т. е. тот, кто ездит на колеснице. Возничий всегда фигурирует на египетских, ассирийских, персидских изображениях, в греческих и санскритских поэмах, в «Шахнамэ», в скандинавских сагах и рыцарских романах средневековья, а в Индии он являлся важной фигурой в воинском деле.

Итак, арийцы воевали между собой, а поскольку они не были кочевниками и старались как можно дольше пробыть на новой земле, поскольку их храбрость постоянно сталкивалась с сопротивлением местного населения, они сами были инициаторами всех своих походов, военных кампаний, побед и поражений.

Добродетелью у них считалась воинская доблесть, а доброта и благородство прежде всего связывались с храбростью: с этим мы встречаемся в более поздние времена в итальянской поэзии, где «добрый Ринальдо» — это то же самое, что «il gran virtuoso» у Ариосто. Самые высокие награды и почести были уготованы самым активным героям. Их называли «qouga», т. е. «небесные», потому что, когда они погибали в битве, они попадали в Сваргу, великолепный дворец, где их встречал Индра, царь богов, и эта честь была настолько велика, что ни богатые приношения, ни знания, ни мудрость не давали смертному права занять на небе место, которого удостаивались «сурь». Ни одно достоинство не могло сравниться со смертью в бою. Но и этим не ограничивались прерогативы доблестных воинов. Они могли не только отправиться в качестве почитаемых гостей в обитель богов — они могли сместить с трона самих богов, и даже всемогущий Индра постоянно боялся, что какой-нибудь герой-смертный отберет у него скипетр.

Между этими арийскими идеями и содержанием скандинавских мифов наблюдается поразительное сходство. И не просто сходство, а абсолютную идентичность приходится констатировать между понятиями этих двух племен белого семейства, разделенных веками и расстоянием. Впрочем, такая дерзкая концепция отношений человека со сверхъестественными существами встречается в такой же большой мере у греков героической эпохи. Прометей, похищающий небесный огонь, оказывается хитрее и предприимчивее, чем Юпитер; Геркулес силой отбирает Цербера у Эреба; Тесей заставляет дрожать Плутона, сидящего на троне; Аякс ранит Венеру; а Меркурий, хотя он и бог, не осмеливается противостоять храбрости спутников Менелая.

В «Шахнамэ» также изображаются герои, бросающие вызов адским силам и побеждающие их.

Эта дерзость у всех белых народов определяется, несомненно, их убежденностью в своем превосходстве и могуществе. И меня не удивляет тот факт, что негры так легко признают божественную природу завоевателей, пришедших с севера, когда те воспринимали как нечто обязательное свое сверхъестественное могущество, а иногда, в силу некоторых воинских или моральных подвигов, считали себя способными подняться до богов, которые наблюдают за ними, помогают им и опасаются их. Вообще можно сказать, что искренние люди обыкновенно легко принимают за действительность то, во что верят. Тем более, когда черный житель Ассирии и Египта с трепетом слушает, как его господин заявляет, что если он еще не бог, то скоро им станет. Абориген видит, как господин правит, властвует, учреждает законы, вырубает леса, осушает болота, строит города — одним словом, выполняет ту

цивилизаторскую работу, на которую сам он не способен, — и говорит сородичам: этот человек ошибается, потому что ему не надо становиться богом — он уже бог. И аборигены боготворят его.

При таком преувеличенном чувстве собственной значимости можно было бы предположить, что сердце белого человека склонно к безбожию. Но это не так: белые, как правило, очень набожны, и их очень сильно занимают теологические идеи. Мы уже убедились, как заботливо они сохраняли древние космогонические воспоминания, которыми обладало семитское племя евреев, частично получившее их из собственных источников, частично от хамитов. Со своей стороны, арийская нация оставила следы в Книге Бытия. Вот что пишется в «Ригведе»: «В ту пору не существовало ни бытия, ни небытия. Не было ни вселенной, ни атмосферы, ничего вверху; ничего и нигде... Смерти не было, как не было бессмертия, ни различия между днем и ночью. Но Это уже трепетало, пока без дыхания, будучи единственным по отношению к самому себе, заключенному в самом себе. Не было ничего больше. Все было покрыто тьмой и погружено в непроницаемые воды. Но эта скрытая масса проявлялась силой созерцания. Желание («ката», любовь) родилось в начале ее сущности, и это было первородное семя, семя созидающее, которое мудрецы, осознавшие его в своих сердцах, посредством медитации, различали в лоне небытия как связь с Существованием». Эти мысли выражены глубже и ярче, чем у Гесиода и в кельтских сказаниях, хотя в принципе это одно и то же. Впрочем, арийцы искали в религии, прежде всего метафизические идеи и моральные предписания. Сам по себе культ был очень простым.

Такой же простой в те далекие времена была организация пантеона. Несколько богов во главе с Индрой скорее руководили миром, чем властвовали над ним¹³⁸. Гордые арийцы сделали из неба республику.

Однако эти боги, которые имели честь властвовать над высокомерными людьми, были обязаны людям почестями. В отличие от того, что произошло позже в Индии, и в полном соответствии с тем, что было в Персии и особенно в Греции, эти боги отличались безупречной красотой. Арийцы хотели их видеть похожими на себя. Они не знали на земле никого, превосходящего их; соответственно, они считали, что и на небе нет ничего совершеннее. Но сверхъестественным существам, управляющим миром, требовались прерогативы. Арийцы видят их в еще более прекрасном, чем самая совершенная человеческая форма, — в самом источнике красоты и, возможно, жизни: они нашли его в свете и использовали для наименования высших существ корень «dou», что означает «освещать»¹³⁹.

Идея света прижилась в языках расы и стала свидетельством единства религиозных понятий у белых народов. У индусов это — «Devas», у эллинов — Зевс, у литовцев — «Diewas», у галлов — «Duz», у ирландских кельтов — «Dia», в «Эдде» — «Туг», в верхнегерманском — «Zio», у славян — «Dewana», в латинском — «Diana». Всюду, куда проникла белая раса, где она властвовала, встречается эта священная вокабула, по крайней мере, в первородных языках. В землях, где имели место контакты с черным элементом, она противостоит сочетанию «A1» меланийских аборигенов¹⁴⁰. Вторая вокабула выражает суеверие, а первая — мышление; вторая — плод воспаленного воображения и граничит с абсурдом, первая вытекает из разума. Когда «Deus» и «A1» смешивались, что, к сожалению, происходило часто, в религиозной доктрине происходила такая же путаница, как

138 Очевидно, предшественником Индры был Вурунас, или Вуранас; у древних индусов он стал Варуной, у древних греков — Ураном: с физической точки зрения это — небо, которое покрывает землю.

139 Некоторые этимологи выводят слово «dou» от «dha», т. е. «устанавливать», «создавать».

140 В Абиссинии для этого используют слово «egzie» или «amlak», т. е. просто «господин». Вероятно, эти слова вытеснили древний термин в силу тех же причин, по которым евреи заменяли именем «Адонай» имя «Иегова» в Библии.

и в социальной организации в результате смешения черной расы с белой. Ошибка была тем плачевнее, что в таких случаях преобладало «А1». Когда же верх одерживало «Deus», результат был менее разрушительным.

Итак, «Deus» есть выражение и объект самого высокого почитания у арийской расы. Мы исключим из нее иранское семейство — по особым причинам, о которых речь пойдет в свое время ¹⁴¹.

В эпоху, когда арийские народы уже подходили к Согдиане, от них отделились эллины. Они пошли по пути, который должен был привести их к своей судьбе: если бы они продолжали вместе с остальными племенами двигаться на юг, им бы не пришлось в голову повернуть на северо-запад.

Двигаясь прямо на запад, они взяли бы на себя роль, которую позже сыграли иранцы. Они не построили бы такие государства, как Сицион, Аргус, Афины, Спарта, Коринф.

Я предполагаю, что за этим событием стоят причины, которые определили древнюю эмиграцию белых народов. Но если бы желтокожие завоеватели стали преследовать беглецов, все белые народы — арийцы, кельты и славяне — также устремились бы на юг и заполнили бы эту часть земли. Однако этого не случилось. В ту же эпоху, приблизительно тогда, когда арийцы спускались к Согдиане, кельты и славяне шли на северо-запад и находили дороги, если и не совсем свободные, то хотя бы менее защищенные. Поэтому следует признать, что давление, заставившее эллинов отправиться на запад, шло не из северных земель, а от собратьев-арийцев.

Эти народы, в равной степени храбрые, постоянно враждовали между собой. И это приводило к разрушению селений, государства распадались, а побежденным приходилось терпеть иго или спасаться бегством. Эллины оказались самыми слабыми и выбрали второе: они простились с землей, которую не могли защитить от воинственных собратьев, сели в свои колесницы, взяли свои луки и стрелы и двинулись в горы на западе. Эти горы занимали семиты, которые изгнали оттуда хамитов, частично покорив их, а последние еще раньше сделали то же самое с чернокожими аборигенами. Семиты, побежденные эллинами, не стали сопротивляться этим доблестным беглецам и двинулись обратно в Месопотамию; чем дальше продвигались эллины, вытесняемые иранскими народами, тем больше они теснили семитов, в результате чего ассирийский мир все больше заполнялся этой смешанной расой. Впрочем, мы уже рассмотрели эти события. Итак, пусть переселенцы продолжают свой путь. Нам известно, куда он приведет их.

Разделившись, две большие группы все еще составляют арийское семейство — я имею в виду индусов и зороастрийцев. Завоевая новые земли и считая себя одним народом, эти племена оказались в Пенджабе. Там они обосновались на пастбищах, орошаемых Синдхон, пятью его притоками и еще одной, седьмой, рекой, название которой неизвестно, но скорее всего это либо Ямуна, либо Сарасва-ти. Эти красивые места глубоко врезались в память зороастрийцев-иранцев и оставались в их сердце еще долгое время после того, как они навсегда покинули их. Для них Пенджаб был всей Индией — других земель они не видели. Их познание в этой области определили географические понятия западных народов, и «Зенд-Авеста», основываясь на рассказах предков, дает Индии эпитет «семикратная».

Этот регион, предмет стольких воспоминаний, стал свидетелем нового разделения арийского семейства, и более свежие исторические хроники позволяют выяснить, какие факторы были причиной противостояния ¹⁴². Итак, начинаем рассказ о самой древней

141 Арийская раса дала Божеству и другое имя — «Gott», по-готски «Gouth», что соотносится с санскритским «Gouddhah». Это означает «Скрытый». Бурнуф находит корень этого слова в санскритском «quaddhata», т. е. «Вечно существующий».

142 Именно здесь по-настоящему начинается существование индийских народов. Филология ищет их в этнических корнях по другую сторону северных гор, хотя, согласно хроникам, эти народы считаются автохтонными. Скорее всего в ведические времена брахманизм еще не последовал примеру ханаанейян, греков и италийских народов, т. е. не делал своими традиции низших рас, которые он покорял.

религиозной войне.

Характер набожности, присущий белой расе, лучше всего выражается в ее мышлении, и мы приступаем к его рассмотрению. Мы уже отметили бледный, но вполне различимый отсвет религиозности у метисов, потомков хамитов, обнаружили ее образцы у семитов, а теперь увидим античную простоту верований и то первостепенное значение, которое придавали ей арийцы, собравшиеся на своей первой стоянке перед исходом эллинов. В тот период культ отличался простотой.

Вся социальная организация была обращена на практические дела и рассматривалась с практической точки зрения. Так же, как предводитель общины, судья большого селения являлся всего лишь избираемым чиновником, окруженным почетом, основанном на его храбрости, мудрости и количестве его слуг и стад; а воины, отцы семейства, видели в своих дочерях только помощниц в пастушеских делах, обязанных доить коров и коз. Таким образом, если они и почитали культ, то не представляли себе, что религиозные функции могут отправляться специальными людьми, т. е. каждый из них был своим собственным священником и считал свою совесть достаточно чистой, а сердце достаточно умным и благородным, чтобы без посредников общаться с великими бессмертными богами.

Но то ли за время, прошедшее между уходом греков и захватом Пенджаба, арийское семейство за счет длительных контактов с аборигенами уже утратило свою чистоту и свою физическую и моральную сущность в результате притока чужих мыслей и чужой крови, то ли происшедшие изменения были естественным развитием прогрессивного гения арийцев, но во всяком случае древние понятия о природе священничества изменились незначительно, и наступил момент, когда воины перестали считать себя вправе исполнять жреческие функции: так появилась каста жрецов.

Эти новые пастыри умов и совести людей сразу сделались советниками царей и усмирителями народов. Их называли «purehitas». При них изменилась суть культа: культ усложнился, а искусство жертвоприношений стало наукой, полной непонятных ритуалов, опасных для простаков. В акте поклонения люди уже опасались совершать формальные ошибки, которые могли оскорбить богов, и чтобы избежать такой опасности, стали прибегать к услугам пурохит. Вероятно, в практике теологии и литургии этот специальный служитель имел познания в медицине и хирургии, сочинял религиозные гимны и стал трижды почитаем царями, воинами, населением благодаря достоинствам в области религии, морали и науки. Это была эпоха, когда появились самые древние гимны «Вед».

Итак, если священник взял в свои руки почетные функции, обеспечивающие ему восхищение и симпатию, свободные люди также выиграли от потери некоторых прежних своих прав, и по примеру пурохит, завладевших частью общественной жизни, отцы семейства, освободившись от многих забот, стали совершенствоваться в материальных искусствах, в науке управления, в воинском деле и в области завоеваний.

Впрочем, пурохита поначалу не казался чем-то опасным. Он жил уединенно рядом с богатыми и могущественными вождями, которые обеспечивали его простую мирную жизнь. Он не носил оружия, т. к. вышел из дружественного племени. Он происходил, возможно, из семьи виспати или его рода, он был сыном, братом, родственником воинов. Он передавал свои знания ученикам, которые были вольны в любое время уйти от него и снова взять в руки лук и стрелы. Поэтому брахманизм незаметно даже для тех, кто его исповедовал, закладывал основы власти, которой предстояло сделаться чрезмерной.

Один из первых шагов, который сделали священнослужители в прямом управлении общественными, т. е. земными делами, свидетельствует о совершенствовании политической и моральной системы у современников той эпохи, которую немецкие мыслители удачно называют «серым преддверием времен» (die graue Vorzeit).

Виспати поняли, что больше нет смысла использовать грубую силу и хитрость в отношении населения, которое постепенно превращалось в их подданных. Народное избрание было заменено посвящением, которое обеспечило пастырям народа особые права на всеобщее уважение, а легитимность властителя теперь подтверждалась чем-то;

вроде коронования, которое осуществляли пурохиты ¹⁴³. С тех пор власть царей резко возросла, потому что они стали участниками священнодействий, и для этого им даже не пришлось свергать богов. Одновременно были заложены основы светской власти священников, и мы сегодня знаем, чем она может стать в руках просвещенных мирных людей, обладающих опасным рвением в добре, которые, зная, что для нации, более всего поклонявшейся доблести, никакая, даже освященная причина не может служить извинением трусости, уже начали практиковать суровые доктрины воздержания и отказа от всего мирского. Такая набожность должна была привести к тяжким увечьям, к пыткам, возмущающим и ум и сердце. Но пурохиты до этого еще не дошли. Они были священниками белой нации, им и в голову не приходила мысль о таком беззаконии. Таким образом, могущество священников отныне имело прочное основание. Его охотно усиливала светская власть, удовлетворенная полученным посвящением.

Скоро стало ясно, что для того чтобы получить что-то, необходимо от чего-то отказаться. Не все цари относились благосклонно к вершителям жертвоприношений, но жрецам достаточно было найти отклик в народе своей твердостью или кому-то из них умереть мученической смертью от прихоти тирана, чтобы общественное мнение, преисполненное признательности и восхищения, сделало кумиров из пурохит.

Они, как нечто естественное, приняли роль, которую им предоставили. Однако я не верю ни в эгоистические намерения целого класса, ни в то, что незначительные причины могут дать значительные результаты. Когда в обществе происходит длительная революция, это значит, что страсти триумфаторов оказались сильнее личных интересов, иначе они не пользовались бы такой популярностью. Принципы, на которых арийские священники строили свою судьбу, не были ни ничтожными, ни смешными — напротив, они завоевали глубокую симпатию гения расы, и сами священнослужители той эпохи обладали редкими способностями к искусству правления, а также гибким умом, ученостью, проницательностью и логикой, доходившей до фанатизма.

Эти люди философского ума видели, что арийские народы находятся в окружении черных племен, численно намного превосходящих белую расу, которая обосновалась на землях Семиречья и дошла до устья Инда. Кроме того, они видели, что среди арийцев мирно живут другие местные племена, не столь многочисленные, которые уже начинают смешиваться с некоторыми семьями, скорее всего с беднейшими, наименее почитаемыми и наименее гордившимися своей принадлежностью к завоевателям. Они замечали, насколько мулаты стоят ниже своих белых родителей по красоте, уму и храбрости; они размышляли над последствиями влияния метисов на покоренное или независимое черное население. Возможно, они были свидетелями того, как некоторые удачливые метисы становились царями.

Движимые стремлением сохранить господствующую роль белой расы, они придумали общественное устройство с иерархией, основанной на умственных способностях. Они предполагали доверить высшие должности самым умным и предприимчивым. Тем, кто был небогат умом, но имел крепкую руку, сердце, жаждущее воинских приключений, и честолюбие, они доверяли заботу о защите общественного порядка. Людям мягкого нрава, склонным к мирным трудам, мало расположенным к ратным подвигам, было предназначено кормить государство и обогащать его торговлей и ремеслом. Затем из большого числа тех, чей мозг работал плохо, кто был робок и недостаточно богат, чтобы оставаться свободным, священники сформировали группу, стоящую на нижней ступени, и решили, что этот низший класс будет зарабатывать свой хлеб, выполняя тяжелые или даже унижительные работы, необходимые для общества.

Итак, у задачи нашлось идеальное решение, и нельзя не оценить такой социальный

143 Посвящение в царский сан, о котором много говорится в «Рамаяне», практиковалось и в недавние времена.

организм, управляемый разумом и обслуживаемый слабыми умами. Вся трудность заключалась в том, чтобы осуществить эти абстрактные замыслы на практике. В этом потерпели неудачу все западные теоретики, а пурохиты сумели, как они считали, сделать это.

Исходя из принципа — неоспоримого для них, — что лучшие качества принадлежат арийцам, а всякая слабость и неспособность присущи черным, они, следуя логике, решили, что ценность человека находится в прямой зависимости от чистоты крови, и основали на этом принципе кастовую систему.

Свои классы они называли «варна», что значит «цвет», позже это слово приобрело другое значение «каста»¹⁴⁴.

Чтобы сформировать первую касту, они объединили семьи пурохит — Гаутамы, Бхригу, Атри, — известных своими литургическими песнопениями, передаваемыми по наследству как ценное достояние. Они считали, что кровь этих избранных более арийская, более чистая, чем у остальных.

Этому классу, этой «варне», этому «белому цвету» они прежде всего дали не право на власть, что с течением времени было бы естественным, а по меньшей мере принцип такого права и то, что могло к нему привести, а именно: монополию на жреческие функции, на царское посвящение и право сочинять и исполнять религиозные гимны и передавать потомкам их секрет; наконец, они объявили себя священными и непогрешимыми личностями, отказались от воинской повинности, окружили себя всем необходимым для медитирования и изучения наук, включая политические¹⁴⁵.

На ступень ниже стояли цари со своими семьями, причем все без исключения, так как это означало бы компрометацию царского посвящения и угрозу для создаваемой системы. Рядом с царями законодатели поместили самых известных воинов, влиятельных и богатых людей: предполагалось, что этот класс («варна») имеет меньше белой крови, либо, если даже он и сохранил расовую чистоту, все равно заслуживает только второй ступени, поскольку умственные способности и религиозность ценились выше физической силы. Такая мысль могла родиться только среди великой и благородной расы. Членов военной касты пурохиты называли «кшатрии», или «сильные люди». Они вменили им религиозный долг владеть оружием, изучать военное искусство; право руководить людьми было им предоставлено при условии специального посвящения, при этом законодатели опирались на социальные доктрины расы, чтобы не дать военным абсолютную власть¹⁴⁶.

Они объявили, что каждая варна обеспечивает своим членам особые привилегии, перед которыми бессильна царская воля. Царю запрещалось ущемлять права священников–жрецов. Ему не позволялось посягать на права кшатриев или более низких каст. Монарха окружали

144 В языке кави термин «варна» сохранил свой первоначальный смысл.

145 Основная черта брахманов — умение читать мантры. Дары, приносимые брахманам, стали обязательными. Доброе дело в отношении представителя обычной касты считалось простой добродетелью, в отношении жреческой касты — двойной добродетелью, в отношении изучающего «Веды» добродетель возрастала стократно, а если речь шла об аскете, такие дары были бесценны.

146 Вот какие замечательные заповеди предлагает «Манава–Дхарма–Шастра» военной касте (возможно, это компиляция более старых установлений): «Никогда не покидать поле боя, защищать народ и чтить священников — вот высший долг царей и их счастье» (Гл. 12, § 88). § 89: «Эти хозяева мира, бесстрашные в битвах, не отворачивающие лица перед врагом, после смерти попадают прямо на небо». § 90: «Пусть никто в бою не поразит врага заостренным деревом, или стрелой с коварно искривленным наконечником, или отравленным или горящим копьем». § 91: «Пусть всадник или воин на колеснице не нападает на пешего врага, на врага ослабевшего, на того, кто просит пощады, сцепив руки, на того, чьи волосы закрывают глаза, на того, кто устал и сидит на земле, на того, кто скажет «Я — твой пленник»». § 92: «Того, кто спит, или потерял свою кольчугу, или кто наг, безоружен или просто наблюдает за битвой, но не участвует в ней, а также того, кто сражается с другим». § 95: «Пусть он, памятуя о долге арийцев, людей почтенных, никогда не убьет того, кто сломал свое оружие, кто скорбит о чем-то своем, кто тяжело ранен, кто обуян страхом и кто повернулся спиной». § 98: «Таков древний и непреложный закон воинов. Ни один царь не должен отступать от этого закона, когда он вступает в битву с врагами».

министры или советники, без помощи которых он не мог принимать решения и которые принадлежали к классу пурохит или воинов.

Законодатели на этом не остановились. Именем религиозных законов они предписывали царям определенные правила поведения в личной жизни. Регулировалась даже пища, а более всего осуждалось любое отступление от их предписаний. По моему мнению, самое мудрое в этих законах заключается в том, что священнослужители не монополизировали эти знания. Они понимали, что нельзя запретить доступ к образованию тому, кто способен к учению, а также и неспособному: если знание есть сила и дает авторитет, так только при условии, что об этом судят другие, способные их оценить.

Итак, пурохиты не только запрещали образование кшатриям, но, напротив, рекомендовали: они позволяли им читать священные книги, обязывали объяснять их, а также благосклонно взирали на занятия светскими науками: поэзией, историей, астрономией. Так формировался класс военных — умных и храбрых людей, — которые лояльно относились к духовенству. Тем не менее, интересы этой касты не во всем совпадали с планами религиозных реформаторов, и рано или поздно в этом смысле последние могли столкнуться с опасностью. По-иному обстояли дела с варной, стоящей на ступень ниже военной касты. Речь идет о касте «...», состоящей из людей с более темной кожей, чем два первых социальных класса; они, возможно, были менее богаты и влиятельны в обществе. Несмотря на это, их родство с высшими кастами было явным и неоспоримым, и в новой системе они считались элитой, или «дважды рожденными» («*dvija*»); вообще, это слово обозначало превосходство расы над аборигенами, составляющими основу нации, над которыми стояли жрецы и воины. Именно по этой причине название «арийцы», от которого отказались кшатрии и пурохиты — первые стали называть себя «сильными», вторые «брахманами», — сохранилось за третьей кастой.

Закон Ману, который появился после рассматриваемой нами эпохи, хотя он основан на древнейших авторитетах, определяет образ жизни касты вайсиев. Им поручалась забота о домашнем скоте, поскольку складывавшиеся обычаи и нравы не позволяли заниматься скотоводством высшим классам, как это делали их предки. Вайсии занимались торговлей, ссужали деньги под проценты и возделывали землю. Таким образом, в их руках концентрировались большие богатства, поэтому им предписывалось приносить дары и жертвоприношения богам. Им разрешалось читать «Веды», а для того, чтобы они могли спокойно вкушать скромные, прозаические, но весьма прибыльные преимущества своего положения, брахманам и кшатриям строго-настрого запрещалось ущемлять их права и вмешиваться в их деятельность, а приобретать что бы то ни было — например, зерно или изделия — можно было только через них. Итак, начиная с ранней древности, арийская цивилизация в Индии опиралась на многочисленную буржуазию, хорошо организованную и защищенную, имевшую большие права и пользовавшуюся покровительством религии. Кстати, резкое усиление этой касты не ускользало от внимания законодателей Индии, и в «Манав-Дхарма-Шастра» (§ 418) царям рекомендовалось следить за тем, чтобы торговцы и ремесленники не преступали закон, выполняя свои обязанности. Кроме того, надо отметить, что этот класс, не в меньшей степени, чем кшатрии, допускался к образованию и, благодаря своему более спокойному образу жизни, извлекал из учения больше пользы.

В окончательной форме индийское общество состояло из этих трех высших каст. Кроме них не было арийцев, не было «дважды рожденных». Между тем не следовало сбрасывать со счетов аборигенов, которые пребывали на низшей ступени социальной лестницы, хотя в какой-то степени многие из них уже кровно сроднились с завоевателями. Никак нельзя было отвергать этих людей, привязавшихся к господам и получавших от них хлеб насущный, чтобы избежать осложнений. Впрочем, дальнейшее показало, что брахманы вовремя почувствовали, насколько для них самих было важно сохранять отношения с многочисленным черным населением, тем более, что аборигены от этого еще фанатичнее служили завоевателям. В этом сказывалась суть меланийцев. Брахман, наставник для кшатриев и вайсиев, для черной толпы был богом.

Брахманы сформировали четвертую касту из этой толпы подсобных работников, крестьян и бродяг. Это были «судры», или «дазасы», т. е. «прислужники», обреченные на самую тяжелую работу. Строго запрещалось дурно обращаться с ними, их постоянно опекали, оберегали от голода и нищеты. Чтение священных книг им было запрещено, их считали «нечистыми», т. к. они не были арийцами.

Учредив эти классы, основатели кастовой системы объявили ее вечной и неизменной: место в каждой касте было наследственным и требовало, чтобы к ней принадлежали оба родителя. Но и это было еще не все. Точно так же, как цари не могли править, не получив посвящения от брахманов, никто не имел права пользоваться привилегиями своей касты без соответствующей церемонии. В главе II, § 26 «Манава–Дхар–ма–Шастра» сказано следующее: «Согласно мудрым ведическим предписаниям, необходимо проводить церемонии, которые очищают тело людей из всех трех классов в этой жизни и готовят его к будущей». Таким образом, посвящение в свою касту требовалось не только для счастья в этой жизни, но и для того, чтобы обеспечить счастливую судьбу в следующей. Церемонии начинались уже с предполагаемого момента зачатия. Собственно говоря, именно они и формировали сущность индуса независимо от кастовой идеи. А вот § 37: «Каждый брахман, или его отец вместо него, должен заботиться о совершенствовании в священных знаниях. «Кшатрия» — в своем воинском искусстве, «вайсия» — в своем торговом деле; обряд посвящения для них проводится соответственно в возрасте пяти, шести и семи лет».

Тех, кто забыл об этих обязанностях, исключали из индийского общества. Вот что говорится в «Манава–Дхарма–Шастра»: «Церемонию посвящения нельзя откладывать: для жреца крайний срок — 16 лет, для солдата — 21 год, для торговца — 24 года» (гл. II, § 38). И далее в § 39: «После этого срока все юноши из трех упомянутых каст, которые не прошли вовремя обряд посвящения, становятся «вратиа», или отверженными, и заслуживают осуждения добродетельного человека». Нечистых, будь они даже брахманы по отцу и матери, называли «вратиа» т. е. разбойниками, грабителями, убийцами, и вполне вероятно, что этим изгоям общества часто приходилось брать в руки оружие, чтобы существовать. Они составляли основу многочисленных племен, ставших чужими для индусов.

Такова в общих чертах классификация, на базе которой наследники пурохит собирались построить свой общественный строй. Прежде чем говорить о результатах и успехах, о рациональности этой системы, о беспрецедентных возможностях, энергии и несокрушимом терпении, которых не жалели брахманы для укрепления и расширения своего детища, рассмотрим некоторые общие вопросы.

С этнографической точки зрения главной слабостью системы было то, что она опиралась на фикцию. Брахманы не были и не могли быть истинными арийцами, за исключением тех семей «кшатриев» и «вайсиев», чья чистота была неоспорима: дело в том, что они в силу занимаемого положения в обществе или своих богатств вынуждены были занимать то, а не иное положение. С другой стороны, мне кажется, что знаменитые расы Гаутамы и Атри имели в своей генеалогии предков, происходивших от отцов–воинов и родившихся во времена, когда такие союзы были официально разрешены, и что, кроме всего прочего, эти предки имели в своей крови меланийские элементы: среди потомков Гаутамы и Атри тоже были метисы. Но разве от этого они в меньшей мере являются обладателями священных гимнов, сочиненных их предками? Разве не выполняли они почетных жреческих обязанностей при могущественных царях? Разве сами они не были могущественными? Они числились среди корифеев новой партии, и нет оснований предполагать, что они добровольно уйдут из высшей касты.

Тем не менее, если рассматривать ситуацию только применительно к индийским понятиям, можно сказать, что как только образовались касты брахманов, кшатриев, вайсиев, градация чистоты крови сделалась официальной: брахманы стали считаться более «белыми», чем кшатрии, последние более «белыми», чем представители третьей касты, а те, в свою очередь, стояли выше, чем четвертый класс, состоявший почти целиком из черных. К этому следует добавить, что сами брахманы не были чисто «белыми» и имели в жилах примесь

других кровей. В отличие от остальной части вида — кельтов, славян и тем более других членов арийского семейства, например иранцев и сарматов — они присвоили себе право на особую национальность, чтобы выделиться из общей массы. Они стояли выше всех современных им арийских племен, но уступали первородному типу и уже не имели древней силы и энергии.

Они начали приобретать многие качества черной расы. В них больше не было той прямоты суждения, того хладнокровия, которые отличали белую расу в ее чистом виде, и, судя по грандиозности их планов построения общества, в их расчетах большое место занимала игра воображения и оказывала сильное влияние на их идеи. Они выиграли в смысле кипучести мысли, кругозора и дерзости. Они выиграли в смысле смягчения своих древних инстинктов. Но высших добродетелей стало у них меньше, и если что-то утратили брахманы, то в еще большей степени это касается кшатриев и вайсиев. Мы уже отмечали, рассматривая Египет, что основным следствием притока черной крови явилась феминизация типа. Как правило, она не порождает трусов, но видоизменяет прежде спокойную и уверенную силу, добавляет в нее страстности. Хамитов мы узнали только в тот период, когда они уже утратили специфические признаки своих прародителей, поэтому нельзя делать выводы, исходя из их изучения. Тем не менее, та безмятежная изнеженность, смешанная с жестокостью, какую мы в них увидели, характерна сегодня для этнически соответствующих классов индусской нации. Поэтому можно справедливо предположить, что в начале своей истории хамиты прошли через такой же период, что и брахманская каста. Что касается семитов, у них это ощущается сильнее. Итак, все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: примесь черной крови в небольшом количестве развивает белую расу в том смысле, что обогащает ее воображением, делает более артистичной и как бы окрыляет ее. В то же время она обезоруживает ее в смысле способности рассуждения, уменьшает практицизм, наносит непоправимый удар по ее деятельному характеру, снижает физические возможности расы, а также почти всегда отнимает у людей, вышедших из такого союза, способность и право соперничать с белой расой в терпеливости, твердости и проницательности. Я полагаю, что брахманы, еще до формирования каст вступив в близкие контакты с меланийцами, подготовили себя к поражению в борьбе с расами, сохранившими больше белой крови.

Несмотря на эти оговорки, если рассматривать только индийские народы, то будет понятно восхищение перед законодателями. Среди прочих каст и населения, не относящегося ни к одной касте, они и вправду являют собой величественное зрелище. И не стоит упоминать, что с течением времени, с неизбежным вырождением типов, которое возрастало, несмотря на все их старания, брахманы тоже выродились; однако путешественники и английские чиновники, эрудиты, изучающие великий азиатский полуостров, постоянно отмечают, что внутри индийского общества каста брахманов сохраняет неоспоримое преимущество над всем, что ее окружает. Сегодня, запятнанные союзами, которые так ужасали их предков, брахманы все же отличаются от своего народа физическим совершенством. Только в этой касте еще можно встретить вкус к наукам, уважение к письменным памятникам, знание священного языка, а достоинства их теологов и грамматиков отмечали и Колбрук, и Уилсон, и другие индуисты. Британская администрация даже доверила им преподавать в колледже Форт-Уильям. Конечно, блеск прежней славы потускнел. Остался только отблеск, который становится все слабее по мере роста социальной дезорганизации в Индии. Однако иерархическая система, созданная древними пурохитами, сохранилась. Ее можно изучать во всей целостности, и чтобы по достоинству оценить ее, достаточно хотя бы приблизительно вычислить, сколько времени она существует.

Эпоха Кали относится к 3102 г. до н. э. По сути, она началась только после великих войн между кауравами и пандавами. Если брахманизм в ту эпоху еще и не достиг своего расцвета, то уже был сформирован в своих главных чертах.

Кашмирская эра начинается за 2448 лет до Рождества Христова. Это уже после великой войны героев, следовательно, мы получим временной интервал 654 года между ее началом и

эпохой Кали.

Как бы ни были неточны эти даты, других у нас нет, и по мере того, как проясняются исторические сумерки, у нас остается все меньше сомнений в их достоверности.

Итак, после пробела, довольно продолжительного, в XIV в. до н. э. мы видим организованную систему брахманизма, литургические тексты уже написаны, ведический календарь составлен. Поэтому нет смысла обращаться к более поздним временам.

Мы сочли эпоху Кали слишком обширной, и не будем больше возвращаться к ней. Уменьшим количество лет, связанных с ней, и остановимся на кашмирской эре. Если перейти к более поздним временам, тогда теряет смысл вся египетская хронология. Не станем вспоминать о том, что брахманизм уже существовал задолго до этой эпохи, и будем считать, что между 2448 г. до н. э. и 1852 г. н. э. прошло 4300 лет, что брахманская организация до сих пор живет, что сегодня ее можно сравнить с Египтом при Птолемах третьего столетия до н. э., с первой ассирийской организацией в разные времена, в частности в VII в. Таким образом, отдавая должное египетской цивилизации и вписывая ее в весь длительный период, предшествующий переселению, а также весь период начала ее развития до Менеса, можно заключить, что она длилась с 2448 г. до 300 г. до н. э., т. е. 2148 лет. Что касается ассирийской цивилизации, даже если отодвинуть ее истоки в очень древние времена — хотя она не могла отстоять по времени на много веков от кашмирской эры, — придется признать, что она была кратковременной.

Единственным пунктом для сравнения остается египетская организация, и она отстает от исходного типа на 2152 года. Я признаю, что такие расчеты весьма произвольны. Но не следует забывать, что цель этой произвольности в том, чтобы сознательно и намного сократить продолжительность эпохи брахманизма: я специально предполагаю одновременность создания каст с кашмирской эрой и — также искусственно и против всякого правдоподобия — полагаю, что имеет место синхронизм между первыми достижениями брахманизма и рождением цивилизации в долине Нила; наконец, я связываю с III в. до н. э. эпоху, когда истинные египтяне уже утратили свою сущность. Иными словами, определяя срок жизни индусского общества лишь на 2500 лет продолжительнее, чем существование Ассирии, и на 2000 лет дольше, чем Египта, я сокращаю его на несколько веков. Тем не менее я на этом настаиваю, поскольку я оперирую только достоверными цифрами, пусть и неполными, но и они дают мне возможность сделать нижеследующие выводы.

Три рассматриваемых общества живут в той мере, в какой сохраняется белый принцип, служащий их основой.

Ассирийское общество, постоянно подпитывавшееся притоками разной крови, развернуло лихорадочную активность. Затем под натиском очень сильных мела-нийских элементов, сделавшись ареной бесконечных этнических войн, оно стало менять направление, форму и цвет, и наконец появилась арийско-мидийская раса, которая придала ему новый вид. Вот обычная участь смешанного общества: вначале бурная деятельность, затем застой и оцепенение и наконец смерть.

Египет в этом смысле служит промежуточным пунктом для сравнения, т. к. организация этого государства основана на полумерах. Кастовая система обеспечивала очень ограниченное этническое влияние, поскольку применялась не в полной мере, что делало возможными разнородные союзы. Возможно, арийское ядро было слишком слабое, чтобы иметь абсолютную власть, и было ослаблено смешением с черными элементами. Египетская цивилизация, более жизнеспособная, более логичная и монолитная, менее уязвимая и менее разнородная, чем ассирийская, вместе с тем, оказалась менее заметной и активной; меньше следов оставила она в мировой истории, зато была более благородной и продолжительной.

Теперь переходим к третьему пункту нашего исследования — к Индии. Здесь отсутствует компромисс с чужой расой, на первом месте здесь брахманы, на втором — кшатрии. Вайсии и даже судры также занимают свое определенное место. Каждая каста вносит свой вклад в общее равновесие и поддерживает его. Общество укрепляет свои основы

и процветает наподобие буйной растительности в этом благодатном краю. Пока европейцы были знакомы только с краешком восточного мира, они восхищались древними цивилизациями финикийцев, египтян и ассирийцев. Этим народам приписывали всю славу прошлых эпох. Глядя на пирамиды, европейцы поражались тому, что могли существовать люди, построившие такие грандиозные сооружения. Но позже мы раздвинули горизонт, обнаружили на берегах Ганга достижения Древней Индии, существующие уже много столетий, и наши восхищенные взоры остановились на стране между Индом и нижним течением Брахмапутры. Именно там человеческий гений сотворил чудеса, до сих пор поражающие воображение. Именно там достигли высшего расцвета философия и поэзия, а деятельная и мудрая буржуазия касты вайсиев долгое время собирала все богатства древнего мира — и золото, и серебро, и драгоценные камни. Но есть один вклад брахманизма в историю человечества, который превосходит все его отдельные достижения. Речь идет об обществе, почти бессмертном относительно всех остальных. Только две опасности грозили ему: нападение нации, имевшей более чистую белую кровь, и этническое смешение.

Первая опасность возникала неоднократно, но если чужеземцам часто удавалось подчинить себе индусское общество, то они так и не смогли разложить его изнутри.

Вторая опасность также присутствовала. Впрочем, она уже присутствовала в зародыше в первобытной организации. Не удалось ее избежать или хотя бы остановить ее развитие в результате смешения крови, которое постепенно приводило к вырождению высших каст Индии. Тем не менее, если кастовая система не смогла полностью нейтрализовать зов природы, она в значительной мере подавила его. Разрушительный процесс происходил чрезвычайно медленно, и поскольку превосходство брахманов и кшатриев над остальным индийским населением до сих пор остается неоспоримым, трудно представить окончательный распад этого общества. В этом состоит убедительное доказательство превосходства белого типа и благотворности разделения рас.

ГЛАВА II. Развитие брахманизма

Что касается системы, созданной пурохитами и превратившейся в брахманизм, мы вели речь только о самом принципе, но не о трудном процессе его реализации. Чтобы рассмотреть его, я выбрал не момент начала формирования этого процесса и его развития, а эпоху его апогея. Теперь вернемся в лоно истории и ближе познакомимся с системой.

Могущество пурохит сформировалось на двух устоях: разумная религиозность арийской расы, с одной стороны, а с другой, преданность, менее благородная, но более фанатичная, метисов и аборигенов. Их власть опиралась на вайсиев, всегда искавших поддержки против военной касты, и на судрасов, отличавшихся чувством суеверного страха и восхищения перед людьми, ежедневно общавшимися с Богом.

Без такой двойной поддержки пурохиты даже не могли бы и подумать о независимости, а если бы им и пришла такая мысль, они не смогли бы осуществить ее. Ощущая поддержку, они осмелели. Однако в это время внутри многочисленной группы арийцев разразилась большая смута. И в результате батальи, вызванных религиозными распрями, зороастрийские народы откололись от индийского семейства и ушли из Пенджаба и соседних с ним земель. Они направились на запад, навсегда порвав со своими братьями, чья политическая организация их больше не устраивала. Если задаться вопросом о причинах раскола, если спросить, почему то, что было по нраву одним, не устраивало других, то вряд ли можно получить однозначный ответ. Однако я почти не сомневаюсь в том, что зороастрийцы, оставаясь дальше к северу, т. е. в арьергарде арийцев–индусов, не сохранили в себе вместе с большей чистотой крови достаточно разума, чтобы отказаться от установления иерархии по рождению, надуманной, с их точки зрения, и, следовательно, бесполезной и не популярной. Если бы в их рядах не было черных судрасов, вайсиев–кафров и мулатов–кшатриев, если бы все они были белые и равные, тогда они могли бы согласиться с тем, чтобы во главе их социальной организации стояли брахманы. В любом случае, очевидно, что новая система

внушала им отвращение, которого они не скрывали. Признаки такого отношения мы видим в реформе, вдохновителем которой был Зороастр, Зердушт или Зеретоштро.

Но раскольники, так же как индусы, не сохранили древний арийский культ. Возможно, они хотели свести его к более точной формулировке. Все в новой религии–магии дышит протестом и враждой к брахманизму¹⁴⁷. В священном языке зороастрийцев бог индусов «Deva» стал «Дивом», т. е. злым духом, а слово «таапи») получило значение «небесный», а его корень у брахманистских народов сохранил значение «ярость» или «гнев»¹⁴⁸.

Итак, раскол произошел, и два народа с тех пор продолжали жить отдельно и вступали друг с другом в отношения только с оружием в руках. Тем не менее, даже отвечая неприязнью на неприязнь, оскорблением на оскорбление, они всегда помнили об общем происхождении и не отказывались от родства.

Кстати, следует отметить, что по всей вероятности незадолго до этого–раскола начал формироваться пракритский язык, а собственно арийский язык, если он вообще когда–нибудь существовал иначе, чем в виде совокупности наречий, прекратил свое существование. Но еще долго санскрит преобладал в виде разговорной речи, что не мешало множиться производным наречиям и диалектам, а священный язык тем временем постепенно превращался в книжный.

Как были бы рады брахманы, если бы уход зороастрийских народов избавил их от всякой оппозиции. Но пока они боролись только с одним противником, хотя было немало желающих разрушить их систему. До сих пор они сталкивались только с одной формой протеста, а другие еще не проявились.

Арийцы продолжали движение к югу и востоку, и это движение, которое длилось до XVIII в. н. э. И которое, возможно, продолжается в скрытой форме до сих пор, пока существует брахманизм, сопровождалось — и частично было вызвано — давлением других народов с юга, прибывавших с древней родины. В «Махабхарате» рассказывается об этом великом запоздалом переселении. Эти пришельцы, возглавляемые сыновьями Панду, очевидно, шли путем своих предшественников и пришли в Индию через Согдиану, где основали город, который назвали Панда по имени своего патриарха. Что касается расы, к которой принадлежали эти завоеватели, здесь нет никаких сомнений. Их название означает «белый человек». Брахманы легко узнавали этих противников и считали их отпрысками прародителей индийской нации. Они даже признавали родство пришельцев с ортодоксальной королевской расой куравов. Их женщины были крупными, белокожими и белокуроыми и пользовались той свободой, которая у тевтонов — наполовину подавленная у римлян — была продолжением древних нравов белого семейства.

Эти пандавы ели любое мясо, т. е. питались и быками, и коровами, что считалось самым большим кощунством у индийских арийцев. В этом отношении зороастрийские реформы не затрагивали старую систему, что было еще одним и убедительным в ретроспективе доказательством того, что эта цивилизация, построенная на общих религиозных идеях, издавна объединила обе ветви независимо от исконных идей расы. Пандавы не уважали священных животных и еще меньше почитали кастовую иерархию. Их священники не были брахманами и даже пурохитами. Поэтому в глазах индусов они были «нечистыми», и бросали тень на брахманскую цивилизацию.

В конечном счете, разразилась война, ее театром был весь север, юг и восток полуострова до Видехи и Висалы, а участвовали в ней все народы, как арийцы, так и аборигены. Борьба была тем более долгой, что у завоевателей были естественные союзники в лице многих арийских племен в Гималаях, враждебно относившихся к брахманской системе. Многие метисные народы были заинтересованы в разрушении этой системы: все разбойники

147 В «Зенд–Авесте» есть остатки брахманистских верований, которые отсутствуют в нынешней религии парсов.

148 Зороастрийцы дали имя «Индра» злomu гению.

любого цвета кожи становились сторонниками пандавов ¹⁴⁹.

Куравы защищали цивилизацию, но в конце концов потерпели поражение. Пенджаб и большие территории по соседству с ним оказались в руках более белых и, следовательно, более активных завоевателей, и, вынужденная уступить, индусская цивилизация отодвинулась дальше на юго-восток. Однако она сохранилась благодаря устойчивости рас, ее составлявших. Ей оставалось только ждать, и ее реванш в отношении потомков пандавов стал блестящей победой. Пандавы, свободные от любых священных ограничений, быстро смешались с местными племенами и деградировали в этническом отношении. Брахманы одолели их. Они вовлекли выродившихся потомков Панду в сферу своей деятельности, навязали им свои идеи и догмы, вынудили организоваться по своим правилам и увенчали свой успех тем, что навязали им жреческую касту. Между прочим, в Кашмире нынешние представители высших слоев имеют более темную кожу, чем остальные жители. Все дело в том, что их предки пришли с юга ¹⁵⁰.

На севере отношения между кастами были не такими, как на юге. Здесь брахманы ничем не отличались от массы населения, которое никогда не подчинялось добровольно своим жрецам, и глубокое презрение к ним со стороны истинных индусов, а еще больше их низкий моральный уровень — эти факторы и определили вечное наказание потомков пандавов за попытку разрушить брахманскую систему. Кстати, следует отметить, что хорошо известная классификация греческих писателей, которые делили индусов на три категории — рыбаков, земледельцев и горцев, — скорее всего относится только к группам, имевшим очень мало арийского и жившим на западных окраинах Индии.

Итак, победу брахманов над пандавами определила в большей мере чистота расы, нежели однородность этнических элементов. У первых все инстинкты были упорядочены и, не противореча друг другу, имели особые сферы применения; вторые были обречены чрезмерным смешением крови. Аналогичную ситуацию мы видели в последний период истории Тира.

Начиная с этого времени многочисленные арийские народы окончательно отделились от индийской национальности и утратили прежнее достоинство и уважение. В эту категорию следует включить белые племена, жившие между Сарасвати и Гиндукушем, и некоторые из тех, что населяли берега Инда, т. е. всех, кто для древних греков и римлян являлись жителями Индии ¹⁵¹. Ниже этих народов стояли многочисленные «нечистые» жители, а еще ниже — аборигены ¹⁵².

149 Возможно, пандавы были обязаны своей победой подкреплению с севера, например кулиндасов, обосновавшихся на востоке ближе к истоку Ганга. «Махабхарата» называет их чистой расой, но далекой от индусской культуры.

150 Население Кашмира и Пенджаба поддерживало разнообразные контакты с желтыми народами, а также с черными и мулатами. В более поздние времена туда вторглись греки-бактрийцы и саки, затем арабы, афганцы, балуки. В результате страна индусов первой узнала власть арийских племен, а сегодня мы видим, что именно здесь арийцы сильнее всего перемешались с другими расами. Уже в эпические времена дарадаты Пенджаба считались отщепенцами.

151 «Что касается «пандитов» (кашмирцев), принадлежащих к касте брахманов, они отличаются невероятным невежеством, и любой из прислуживающих нам индусов выглядел благороднее их. Они едят все, кроме говядины, и пьют «арак», что в Индии позволительно лишь самым низшим кастам». (Из письма В. Жакмона, 1831 г.)

152 Население, с которым сражался Александр Великий, было полуарийским, но настоящие индусы считали этих людей «вратиями». Это были малли (малавы) и подданные Поруса. Малавы составляли часть бахилаков вместе с ксудраками (или оксидраками). «Манав-Дхарма-Шастра» обвиняет их брахманов в несоблюдении религиозного закона. Греки и индусы плохо знали друг друга. В далекие времена народ, живший за Синдхом, называл западные народы — хамитов и семитов — «Javana». Значение этого слова неясно, и если оно означает западные народы вообще, тогда его следует отнести и к северным и южным племенам. «Jawa» — значит «вторгаться». Позже джаванами называли арабов. В Библии так именуются семиты Кипра и Родоса, а также испанские турдеты. А в одной надписи Дария «Jouha» означает островных греков; скорее всего поселенцы,

Таким образом, для брахманов, строгих логиков, общество делил ось на три большие категории: чисто индийская народность, включающая в себя три освященные касты и дополнительную касту, признаваемую в силу необходимости; затем идут арийские народы, или вратии, которые имели большое количество местной крови, поздно приняли священный закон, не всегда его соблюдали и, самое худшее, были его противниками. В данном случае слово «вратия», т. е. вор, грабитель, казалось истинным индусам недостаточно сильным, поэтому таких людей называли еще «дасиу», что равносильно оскорбительному ругательству, которое этимологически близко к зендскому «данджу», «дакиу», «дахиу» — так зороастрийцы называли свои провинции.

Наконец, ниже презираемых дасиу стояли аборигены. Это были полные дикари, и их число было очень велико. Чтобы судить об их моральных качествах, достаточно посмотреть сегодня на их прямых потомков в Декане, в горах Виндхиа и в центральной лесной части полуострова, где они бродят, собравшись в шайки. Не смотря на многие века, которые прошли с тех пор, как Рама победил жителей Цейлона, в их образе жизни ничего не изменилось. Не буду упоминать все племена этой категории — ограничусь несколькими.

Племя кад–эрили–гару, говорящее на тамильском наречии. Они не носят одежду, спят в пещерах и кустах, питаются кореньями, дикими фруктами и животными. Не исключено, что это потомки Анака, хорейне, о которых говорится в Библии¹⁵³.

Катоди, живущие под деревьями. Они едят живых рептилий.

Каухиры: не умеют даже защититься от диких зверей, которые часто их пожирают.

Кандасы: приносят человеческие жертвы, крадут индийских детей или покупают их у париев и убивают.

Этими примерами можно ограничиться.

Брахманы объединяли их всех под общим именем «Mlekhas» (этимологически «слабые»), т. е. дикари или варвары (Barbara). Последний термин укоренился во всех языках белой расы.

«Barbara», «Varvara» означает человека с курчавыми волосами; то же значение имеет слово «рарца». Можно предположить, что первые не белые люди, с которыми столкнулись арийцы, принадлежали к черной расе. К ним относятся и африканские берберы.

Учитывая огромную численность аборигенов, индийские политики понимали, что нет смысла игнорировать их и что разумнее оставить отвращение в стороне и каким-то образом приобщить их к арийской цивилизации. Но каким путем? Что им можно было предложить? Все блага земные были распределены. Впрочем, брахманы были готовы предложить им даже высокие привилегии, из тех, что и арийцам приходилось добывать физической силой: я имею в виду знак божественности с той оговоркой, что его можно было получить лишь после смерти, вернее, после ряда перевоплощений. После того, как был узаконен догмат о переселении душ, люди, входившие в категорию «Mlekhas», убедились, что все классы индийского общества живут согласно новой вере, и также принимали ее.

Истинно верующий и добродетельный брахман, умерщвляющий плоть, гордился тем, что после смерти он попадет в число высших существ. Кшатрия заново рождался брахманом и обретал надежду на более высокое перевоплощение, вайсиа в следующей жизни становился кшатрием, судра — вайсием. Впрочем, ошибки и прегрешения приводили к противоположному результату. Так почему же абориген не мог стать судрой и так далее? Иногда он попадал в последний класс еще при жизни. Когда какой-нибудь народ начинал группироваться и требовалось включить его в систему индийского государства, несмотря на догмат, приходилось идти на то, чтобы допустить аборигенов в самый низший из

жившие на побережье, получили это имя от персов и в свою очередь перенесли его на жителей континента. Еще позже индусы считали джаванами греков. В последних книгах «Махабхараты» так называются бактрийцы–македонцы, причем они изображаются храбрым и ученым народом.

153 Еще больше напоминает потомков Анака племя, которое обитало в южном течении Ямуны в пустыне Дандака. Это были жестокие гиганты, часто нападавшие на жилища аскетов–брахманов.

классов.

Но система обещаний лучшей доли после перевоплощения могла работать лишь при наличии доброй воли тех, кого она касалась. И в Индии это стало возможным.

Приобщение аборигенов к цивилизации происходило двумя путями. Первый был менее эффективным и заключался в том, что воины–кшатрии, составлявшие регулярную армию, которая включала в себя пехоту, кавалерию, вооруженные колесницы и слонов, а также вспомогательные части из аборигенов, отправлялись в поход на врага. После победы гражданский и религиозный закон запрещал военным ассимилировать «нечистое» население. Кшатрии просто отбирали власть у непокорного вождя, заменяли его одним из его сородичей и уходили, забрав добычу и удовлетворившись ненадежными обещаниями покорности и лояльности¹⁵⁴.

Брахманы действовали по–другому. Они небольшими группами уходили за пределы священной земли Арьяварта или Брахмаварта. Они добрались до густых лесов, до болотистых мест, где тропическая природа вырастила сказочные деревья, фрукты, цветы, где жили красивые птицы, бродили газели, а также опасные тигры и змеи, строили там уединенные жилища и предавались бесконечным молитвам, медитации и просветительству. Они в любую минуту могли стать жертвой местных дикарей.

Полуголые брахманы сидели у своих хижин, чаще всего в одиночестве, иногда с учениками, такими же безоружными, как они сами, и столь же незащитными. Тысячи миссионеров погибли. Кстати, согласно легендам и поэмам, аскеты имели дело с людоедами. Но на место одного убитого приходили десять новых, которые оспаривали право на хижину, ставшую теперь святилищем, и колонии расширялись и множились по мере того, как брахманы овладевали умами своих диких врагов. А те, пораженные суеверным страхом, наконец, захотели узнать, что же представляют собой эти загадочные люди, столь безразличные к страданию и к смерти, и что их привело сюда. Тогда анахореты внушали им следующее: «Мы самые благородные из людей, и нет нам равных на земле. Мы имеем право на высшие почести. В предыдущих жизнях мы были такими же ничтожными, как и вы. Благодаря добродетелям мы постепенно возвышались и достигли того, что даже цари пресмыкаются у наших ног. Мы всегда стремимся к тому, чтобы стать богами. Наши страдания в этом краю направлены на достижение этой цели. Вы можете убить нас — мы все равно добьемся этого. Слушайте нас, верьте нам, покоритесь, служите нам, и вы станете такими же, как мы»¹⁵⁵.

Дикари слушали, верили и покорялись. Арьяварта завоевывала новые земли.

Анахореты становились ветвью местного брахманства. Для управления и охраны новой территории приходили кшатрии. Чаще всего местные вожди занимали место в воинской касте. Появились новые вайсии, причем чистота крови уже не имела значения. В небрежении чистотой упрекали даже брахманов, и эти упреки были обоснованы. Так, в эпические времена Ломапада, местный вождь обращенных ангасов, женился на Санте, дочери арийского царя Айодхиа. В той же «Рамаяне» говорится, что одна из жен героического царя Дасаратха была из народа кекайя.

Вообще, то, этот народ был арийским, но жил за пределами священной земли Сарасвати и считался «вратия». Так, в VIII в., во время индийской колонизации земель желтых народов к востоку от Кали, в Непале и Бутане, брахманы брали в жены местных девушек, а их потомство получало право вступить в воинскую касту.

Таким образом, во имя своего принципа, делая этот принцип основополагающим для социальной организации, аскеты–брахманы создавали систему, которая объединяла

154 Сомнительно, что именно поход Рамы против ракшасов, черных демонов, живших на юге, предопределил появление арийцев на острове Ланка (Цейлон). Победитель сбросил с трона Равана, отдал империю брату этого великана и вернулся на север.

155 Отрывок из «Манав–Дхарма–Шастра».

множество людей, тем более, что ее члены были далеки от ратных трудов и вели строгую жизнь. Однако при всем том, что эта система уже преодолела множество препятствий, ее в будущем ждали новые, еще более трудные.

Кшатрии видели, что если при такой социальной организации им была уготована самая важная роль, то основная власть принадлежала жречеству. Они должны были выполнять то, что решали брахманы; их называли царями, но в глазах народа они были на втором месте после священников. Еще более неприятным для них было то обстоятельство, что брахманы служили вечными посредниками между властителями и простым народом и даже их солдатами, между тем как те же брахманы, посредством терпения и отказа от земных радостей, становились отцами Арьяварты, используя результаты работы своих мужественных миссионеров среди аборигенов. Рано или поздно такая ситуация должна была привести к смягчению строгих правил и к расшатыванию брахманской системы.

Брахманы, например, дошли до того, что начали возводить вождей аборигенов в ранг кшатриев; более того, они проявили еще большую терпимость к арийцам этой касты, а именно: давали многим усердным в религиозности и науках право подняться до брахмана. Так можно интерпретировать эпизод с Висвамитрой в «Рамаяне». При этом следует признать, что взамен они оговорили для себя право жениться на дочерях кшатриев и самим становиться царями. Кроме того, становясь зятьями властителей, они не имели ничего против того, чтобы дети от их браков исключались из жреческой касты, следуя закону «деградации». Но привилегии воинской касты, а также царского достоинства, оставались за ними.

Итак, в Древней Индии благосклонно относились к объединению двух каст, а во многих случаях брахманы становились соперниками кшатриев в борьбе за высшую власть «материального» порядка. Было ясно, что сохранение принципов во всей их строгости может поставить под угрозу существование самой системы. Чтобы избежать этой опасности, брахманы призвали на помощь логику, разум и гибкость.

Было введено такое правило: сын от брака отца кшатрии и матери—брахманки не может быть ни царем, ни священником. Он мог стать бардом или царским конюшим. Будучи выродившимся брахманом, он мог стать ученым историком, изучать светскую поэзию, сам сочинять стихи, декламировать их своему господину и собравшимся на праздник кшатриям. В то же время он не имел права изучать литургические гимны и священные науки. Будучи неполным кшатрием, он имел право носить оружие, садиться на лошадь, управлять колесницей, сражаться во втором ряду, но не мог надеяться на то, чтобы самому командовать воинами. Ему была предоставлена большая честь: самоотверженность. Совершать подвиги для своего господина и воспевать его, вот был удел такого человека. Его звали «сута». В индийском эпосе нет более мягкого, благородного, нежного и печального персонажа. Это было олицетворение женской преданности в суровом сердце героя—воина¹⁵⁶.

При всей своей изобретательности такой порядок должен был обернуться беспорядком, и хотя связанные с ним компромиссы были изначально ему присущи, не было сомнения в том, что для его сохранения требовались срочные меры — необходимо было закрыть зияющую рану на теле социальной системы. Именно с этой целью брахманы придумали класс чандалов, который разрушительным образом завершил иерархию «нечистых» каст.

Град оскорблений сыпался на арийцев—отступников и необращенных аборигенов. Но все они, включая угрозу изгнания из общества и даже смерти, были пустяком по сравнению с тем, что ожидало несчастных детей представителей четырех узаконенных каст, запятнавших себя запретным союзом. Даже подходить к этим существам считалось постыдным делом, позором, смыть который кшатрия мог, лишь убивая тех, кто был в этом уличен. Им запрещалось входить в города и деревни.

Увидев их, любой человек мог спустить на них собак. Колодец, из которого они пили, объявлялся оскверненным. Если они строили себе жилище, его можно было разрушить. Наконец, на земле не было более мерзких чудовищ, на которых с такой силой ополчалась

целая социальная и политическая теория. Причем все эти страшные кары были направлены не столько против несчастных чандалов, сколько на их будущих родителей. Надо признать, что если презренная каста и испытывала на себе тяжесть кровавой длани закона, то такие случаи были редки. В данном случае теория безуспешно боролась с мягкими индийскими нравами. Чандалов презирали и ненавидели однако они выжили. У них были деревни, которые можно было сжечь, но их не жгли. Остальные люди даже не особенно сторонились их и терпели их присутствие рядом с собой. Им дали возможность заняться ремеслом. В нынешней Индии такие «нечистые» занятия, как, например, работа мясника, приносят большую прибыль чандалам. Многие из них разбогатели на торговле зерном. Другие играют важную роль в переводческом деле. На более высоких ступенях социальной лестницы можно встретить богатых чандалов — счастливых, независимых от кастовой идеи и уважаемых. Есть индийские династии, принадлежащие к «нечистой» касте, что не мешает им иметь советников-брахманов. Следует, правда, отметить, что такой порядок вещей был результатом потрясений, начиная с эпохи вторжений. Что касается терпимости на практике и мягкости нравов перед лицом теоретической жестокости закона, они имели место во все времена.

Появление этой ужасной касты имело серьезные последствия, но я не сомневаюсь в том, что этого было недостаточно, чтобы сохранить в индусском обществе базовую иерархию и стать препятствием для рождения новых каст, по крайней мере, в провинциях, которые присоединились к Арьяварте.

В этом смысле брахманы, как и прежде, сделали все, что смогли. Не стану повторять сказанное выше о Бутане и Непале — в других землях произошло то же самое. Тем не менее, не надо забывать, что независимо от количества чужой крови в арийцах на той или иной территории арийского элемента всегда было больше в жилах брахманов в первую очередь, кшатриев во вторую, чем у остальных каст, этим объясняется неоспоримое превосходство, которое даже сегодня, после стольких бурных событий, демонстрирует брахманское общество. Если этнический уровень всей системы снизился, то общий беспорядок был только преходящим и временным.

Объединение рас внутри каждой касты происходило скорее там, где принципы оказывались слабее; цивилизация испытывала взлеты и падения, но не претерпевала коренных изменений, потому что в каждой категории смешение инстинктов довольно быстро уступало место настоящему единству. Иными словами, сколько было каст, столько и смешанных рас, находящихся в состоянии равновесия.

Категория чандалов отвечала настоящей потребности в системе, которая должна была показаться особенно неприемлемой для военных. Множество законов и ограничений стояло на пути кшатриев в осуществлении их воинских и властных прав, унижало их личную независимость, мешало им удовлетворять свои страсти и прежде всего ограждало от них дочерей и жен их подданных. После долгих колебаний они засобирались свергнуть иго и, взявши в руки оружие, объявили войну жрецам, отшельникам, аскетам, философам, чьи дела исчерпали их терпение. Таким образом, после победы над зороастрийскими и прочими еретиками, над жестокими невежественными аборигенами, преодолев трудности на пути создания для каждой касты своего русла между берегами закона, брахманы столкнулись с гражданской войной; войной самой опасной, потому что она велась между человеком вооруженным и человеком безоружным.

История Малабара сохранила дату — если не самой борьбы, то, по крайней мере, одного из ее эпизодов. В анналах этой страны рассказывается о том, что большой раскол произошел между кшатриями и мудрецами на севере Индии, что все воины были уничтожены, а победители во главе с Парасу Рамой, знаменитым брахманом, которого не надо путать с героем «Рамаяны», после своей победы укрепились на южном побережье и создали там республиканское государство. Это произошло в 1176 г. до н. э. И ознаменовало начало малабарской эры.

Это поражение брахманов было только одним из эпизодов войны, и таких эпизодов было немало. Все указывает на то, что их противники, почти такие же арийцы, как брахманы,

не были лишены способностей и не полагались слепо только на силу оружия. Кшатрии ловко внедрились в самый стан врага, в его теологическую цитадель — для того, чтобы искоренить влияние брахманов на вайсиев, судр и аборигенов и для того, чтобы успокоить свою совесть и оправдаться от упреков в безверии, что было очень важно в такой глубоко религиозной стране.

Известно, что во время пребывания в Согдиане и позже основная масса зороастрийских и индусских племен исповедовала довольно простой культ. Хотя в нем было больше заблуждений, чем в первобытных верованиях белой расы, тем не менее он был не такой сложный, как религиозные понятия пурохит, которые начинали строить брахманизм. По мере того, как индийское общество взрослело и все больше «черной» крови аборигенов запада и юга, а также желтого элемента с востока и севера поступало в жилы народа, изменялись религиозные потребности. Мы уже видели на примере Ниневии и Египта, какие уступки приходилось делать для удовлетворения нужд черного элемента. Это было началом умирания арийских народов. Они продолжали оставаться чисто абстрактным понятием, а антропоморфизм, хотя он, возможно, и присутствовал в идеях, еще не проявился. Боги были красивы и этим походили на арийских героев. Изображать их еще никому не приходило в голову.

Когда на сцене появились черный и желтый элементы, пришлось изменить систему, чтобы сами боги вышли из идеального мира, в котором обитали арийцы. Независимо от различий между черным и желтым типом и независимо от того, какой из них преобладал, аборигены были едины в том, что боги должны быть скорее ужасными, жестокими и непохожими на человека, нежели красивыми и добрыми, и отличающимися от людей только большим совершенством, чем формой. Эта доктрина была исключительно метафизической, а скудный опыт художников еще больше затруднял ее реализацию.

Иногда объясняют все эти отталкивающие языческие изображения Индии, Ассирии и Египта, все эти отвратительные неприятности, плод воображения восточных народов, чисто метафизическими причинами, т. е. желанием представить вместо образов символы, которые дают пищу для трансцендентных размышлений. Такое объяснение не кажется мне солидным. Мне даже представляется, что оно навязывает извращенный вкус возвышенным умам, которые, желая проникнуть в самые глубокие тайны, тем не менее не чувствуют в себе острой необходимости сделать свои физические ощущения более грубыми и материальными. Но разве нельзя было использовать не столь отталкивающие символы? Разве только скандальным образом можно выразить мощь природы, силы Божественного и его многочисленные атрибуты? Разве эллины изобразили мистическую статую «тройственной» Гекаты с тремя головами, шестью руками и ногами и исказили ее лица жуткими конвульсиями? Разве они усадили ее на страшного Цербера и повесили ей на грудь ожерелье из черепов и дали в руки орудия пытки со свежими следами крови на них? Точно так же христианство не прибегало к ужасам, изображая божественную троицу. И не сделало карикатуру из святого Петра. Эллинизм и католическое христианство прекрасно обошлись без уродства в сюжетах, которые были не менее метафизическими, чем индусские, ассирийские, египетские догматы. Итак, в безобразии образов нельзя винить природу абстрактного мышления, потому что все дело в устройстве глаз, умов и сердец, к которым обращены эти образы. Черные и желтые аборигены могли понимать только уродливое — оно было создано для них, и оно стало для них необходимым.

Таким образом, индусам нужно было не только создать теологическую персонификацию, но и размножить ее, чтобы сделать более доступной для восприятия. Немногочисленных богов древних времен — например, Индры со своими спутниками — уже было недостаточно для передачи идей, которые в изобилии порождала расширяющаяся цивилизация. Когда идея богатства стала доступной для масс, которые научились ценить ее предпосылки и следствия, эту мощную движущую социальную силу поставили под охрану небесного покровителя и придумали Куверу, богиню, полностью отвечающую вкусу черной

расы¹⁵⁷.

Между тем в таком размножении богов следует видеть не только чрезмерность. По мере того, как становился тоньше брахманский дух, он пытался вновь овладеть древней истиной, которая когда-то ускользнула от арийской расы, и, создавая низших богов на потребу аборигенам или вначале терпя, а затем принимая автохтонные культы, брахманизм укреплял свои позиции. Он вел поиски все выше и выше, и, думая о силах, о небесных существах, превосходящих Индру, Агии, он нашел Брахму, придав ему самые возвышенные черты, какие только были доступны философии; и в тот мир эфирного созидания, где инстинкт прекрасного лепил такое великое существо, допускалось очень мало безобразного.

Долгое время Брахма оставался для толпы неизвестным богом. Его изображение появилось позже. Низшие касты не понимали и игнорировали его; он был в основном богом аскетов, которым был необходим и которые не собирались его свергать. Они прошли весь путь высших существований, они сами узнали, что значит быть богом, и теперь мечтали только об одном: слиться с ними наконец отдохнуть от жизни, которая была тяжела даже для них, познавших небесное существование.

Если высшее Божество брахманов было недоступно пониманию низших классов и, возможно, даже вайсиев, оно было доступно возвышенному уму кшатриев: оставаясь участниками ведических наук, они обладали менее активным чувством религиозности, чем их соперники, но были достаточно образованны, чтобы не выступать открыто против понятия, значение которого они хорошо понимали. Они пошли в обход и при помощи теологов из воинской касты или брахманов-отступников трансформировали суть Вишну, второстепенного кшатрийского бога, поставили ему метафизический трон и подняли его на ту же высоту, где пребывал небесный покровитель их врагов. Теперь он был равным Брахме, и воинская каста больше не чувствовала себя ущемленной в смысле теологической доктрины.

Это был хорошо обдуманый шаг, и он сопровождался долгой и упорной борьбой; он угрожал власти брахманов и крахом всему индийскому обществу. На одной стороне был Вишну со свободными и вооруженными кшатриями, на другой — Брахма со своими мирными жрецами и беззащитными классами вайсиев и судр. Аборигены имели выбор между двумя системами: первая предлагала им религию, такую же организованную, как и прежняя, абсолютное освобождение от кастовой тирании и в перспективе возможность для самого последнего из людей добиться всего даже в течение нынешней жизни, не дожидаясь следующего перевоплощения. Другой режим не сулил ничего нового для простых людей, он даже не мог обвинить соперников в безбожии, потому что у них был один пантеон — только верховный бог был другой, — он даже не мог обеспечить защиту слабым или проявить либерализм, т. к. отныне либерализм был оружием тех, кто обещал униженным все блага. Итак, если брахманы утратили доверие черных подданных, то какое воинство они могли противопоставить царским мечам?

Такие ситуации часто встречаются в истории. Однако стоит отметить, что из двух воюющих политических партий меньше ошибок делали брахманы. Их заслугой было также то, что они жертвовали частностями, чтобы сохранить основу. В результате долгих распрей жрецы и воины пришли к соглашению.

Брахма стоял на одной ступени с Вишну. Спустя многие годы, после революций, о которых мы говорить не будем, т. к. они не имели чисто этнического характера, к ним присоединился Шива¹⁵⁸, а еще позже появилась философская доктрина, которая объединила эти три божественных существа в троицу, обладающую способностью творения, сохранения

157 Брахманизм вел долгую борьбу, прежде чем принять антропоморфизм; видимо, Шлегель был прав, когда говорил, что и индийские памятники не могут соперничать по древности с египетскими. Впрочем, он был не прав, добавив: «И с ниневийскими».

158 По свидетельству Лассена, это божество имеет связь с культом черных аборигенов. На юге его боготворят под именем Линга, и брахман никогда не войдет в храм, где находится его изображение.

и уничтожения мира, и в результате свела брахманскую теологию к древней идее одного, единого, бога, охватывающего всю вселенную.

Брахманы окончательно отказались от мысли сохранить высшую власть, а кшатрии стали считать ее своим атрибутом от рождения. При этом кастовый режим сохранился во всей строгости и целостности.

Индийское общество, основанное брахманами, с честью выдержало один из самых опасных кризисов в своей истории. Оно восстановило свои силы, оно было однородным, и его будущему ничто не угрожало. На юге оно колонизировало большую часть плодородных земель и вытеснило непримиримых врагов в пустыни и болота, в заснеженные Гималаи, в горы Виндхиа. Оно оккупировало Декан, овладело Цейлоном и принесло туда свою культуру. Все свидетельствует о том, что с того времени оно продвинулось до дальних островов Явы и Бали, обосновалось в нижнем течении Ганга и по течению Брахмапутры проникло на земли желтокожей расы, которая до сих пор была известна индусам по небольшим районам на севере, востоке и на южных островах. Кстати, арийцы никогда не имели в Индии компактной территории. Во многих местах их поселения были окружены местным населением. В Декане их раньше вообще не было.

По мере того, как осуществлялась эта деятельность, тем более трудная, что новые территории были обширнее, расстояния больше, а всего труднее были климатические условия, расширялась морская торговля, в частности, с Китаем, и еще в 1400 г. до н. э. В Индию поступали чудесные дары земли, продукция рудников и ремесленников: все, чем славилась Поднебесная Империя и другие цивилизованные страны мира. Индийские торговцы посещали и Вавилон¹⁵⁹. На побережье Йемена они обосновались основательно. Процветающие государства полуострова славились сокровищами, чудесами и радостями жизни — плодами цивилизации, созданной по строгим правилам веры и истины, но национальный характер сделал ее мягкой, почти «патерналистской». По крайней мере, такое впечатление появляется при чтении великих исторических эпосов и религиозных легенд эпохи буддизма.

Цивилизация их ограничивалась этими внешними блестящими эффектами. Будучи вскормленной теологической наукой, она черпала из этого источника силы тот самый гений всего великого: это можно сравнить с тем, как средневековые алхимики воспринимали свой великий труд, цель которого заключалась не только в получении золота. При всех своих достижениях, при всех своих поражениях, которые она переносила с таким достоинством, и всех победах, плоды которых она так счастливо использовала, индийская цивилизация рассматривала как нечто незначительное все то, чего она добилась, и в ее глазах настоящий и окончательный триумф предстоял в ином мире.

В этом заключался великий смысл брахманского детища. Разделив людей на категории, брахманы максимально использовали эту систему для совершенствования человека и подготовки его к опасному пути, началом которого была агония, который должен был привести к более высокому предназначению, если человек прожил без грехов, или к более низкому уделу, который давал возможность покаяться. Какой же силой должна была обладать эта идея для верующего, если даже сегодня индус из самой презренной касты, питаемый надеждой на лучшее перевоплощение, презирает господина-европейца, который платит ему, или мусульманина, который его бьет!

159 Опытными мореплавателями были вайсии: в одной буддистской легенде рассказывается о торговце, который совершил семь морских путешествий. Индусы могли иметь связи с халдеями, у которых был морской флот (Исайя, XIII, 14) и колония в Герра на западном побережье Персидского залива, где имела место торговля с Индией. В ней участвовали финикийцы до и после своего исхода из Тилоса. Офир из священных книг находился на берегу Малабара, а поскольку еврейские названия привозимых оттуда товаров звучат на санскрите, а не на деканском языке, из этого следует, что высшие классы страны состояли из арийцев в ту эпоху, когда туда приходили корабли Соломона. Стоит также отметить, что первые колониальные поселения на юге Индии появились на морском побережье, и это указывает на то, что их основатели были мореплавателями. Вполне вероятно, что они издавна пришли к устью Инда и основали там первые империи, например, Потапа.

Итак, смерть и посмертное осуждение являются основными принципами жизни индуса, и судя по безразличию, с каким он относится к земному существованию, можно сказать, что он живет только для того, чтобы умереть. Здесь есть очевидное сходство с тем духом отрешенности, который царил в Египте: египтянин тоже был устремлен к будущей жизни, видел ее будто наяву и в каком-то смысле подготавливал ее. Параллель очевидна, или лучше сказать, обе линии идей пересекаются под прямым углом и исходят из общей вершины. Равнодушие к земному существованию и прочная вера в обещания религии придают истории нации логику, прямоту, независимость и возвышенность. Когда человек мысленно живет одновременно в двух мирах, он взором и душой видит за чертой могилы не мрак, но блеск новой жизни, его мало пугают страхи, присущие рационалисту, и он считает кончину только переходом к иному существованию. Самые славные моменты человеческих цивилизаций случаются тогда, когда жизнь еще ценится не так высоко, чтобы кроме ее сохранения не видеть иных целей. Откуда же берется такое отношение к жизни? Всегда и всюду оно определяется количеством арийской крови в жилах народа.

Таким образом, теология и метафизические исследования были фундаментом индийского общества. На них строились политические и социальные науки. Брахманизм не разделял сознание гражданское и религиозное. Китайская и европейская идеи разделения церкви и государства была для него неприемлема. Без религии брахманское государство немислимо. С религией был связан каждый шаг в личной жизни индуса. Религия была всем, она проникала везде, давала смысл всему; она одновременно и унижала и возвышала даже чандала, и этот ничтожный человек получал основание для гордости и находил существ более низких, чем он, и достойных презрения.

Под сенью науки и веры поэзия нашла великих творцов в священных обителях отшельников. Анахореты, спустившись с невиданных высот медитации, покровительствовали светским поэтам, поощряли их и даже соперничали с ними. Вальмики, автор «Рамаяны», был почтенным аскетом. Оба рапсода, Кусо и Лаво, которым он поручил заучивать и декламировать свои стихи, были сыновьями самого Рамы. В царских дворцах тепло принимали интеллектуалов, а часть брахманов занималась только поиском талантов. Поэмы, элегии, другие произведения занимали место рядом с объемистыми плодами суровых наук. Драма и комедия, озаренные светом настоящих гениев, с блеском изображали нравы настоящего и великие деяния прошлого. Достойное место в ряду знаменитых мемуаристов занимает Калидаса. Хотя надо заметить, что понятие индусов об истории отличается от нашего отсутствием стройного и последовательного изложения фактов и событий.

Однако я не могу сказать, что такой расцвет независимой свободной мысли, каким бы выдающимся он ни казался нам, не способствовал последнему крупному восстанию, одному из самых разрушительных, какие испытал брахманизм. Я приступаю к разговору о рождении буддистских доктрин и об их политических следствиях.

ГЛАВА III. Буддизм; его поражение; нынешняя Индия

Мы оказались в эпохе, которая по сингалийскому летоисчислению относится к VII в. до н. э., а по другим буддистским календарям, распространенным на севере Индии, к 543 г. до н. э.¹⁶⁰ К этому времени очень опасные идеи проникли в ветвь индийской науки, называемую философией санкхья. Два брахмана, Патанджали и Капила, проповедовали, что принципы Вед бесполезны для совершенствования человека и что для лучшего перевоплощения достаточно индивидуального, не скованного правилами, аскетизма. Согласно этому учению, все люди имеют право, не страшась потусторонних последствий, презирать принципы брахманизма и делать то, что брахманизм запрещает.

¹⁶⁰ Это эпоха Кира. В те же времена Скилакс пришел к Эритрейскому морю и принес на Запад первые сведения об Индии, которые через персов дошли до Гекатея и Геродота. В это время Индия переживала расцвет своей цивилизации и могущества.

Такая теория могла разрушить общество. Однако она была слишком научной и не проникла в политику. Но то ли в идеях, породивших ее, было нечто большее, нежели случайная догадка, или очень практичные люди глубоко их восприняли, случилось так, что один принц самого знатного происхождения, принадлежавший к ветви солнечной расы, по имени Сакья, сын Суддодхана, царя Капилавасту, начал приобщать население ко всему, что было либерального в этой доктрине.

По примеру Капилы он учил, что ведические наставления бесполезны; он считал, что ни литургические тексты, ни аскетические упражнения, ни страдания не помогут преодолеть препятствия земной жизни; что для этого достаточно соблюдать моральные законы, в которых больше говорится о любви к другим, чем к себе. В качестве высших добродетелей он проповедовал свободу, воздержание, науку, энергичность, терпение и сострадание. Впрочем, в вопросах теологии и космогонии он принимал учение брахманизма за исключением его чрезмерных обещаний. Он утверждал, что поведет людей не только в лоно Будды, откуда, как учила старая теология, в случае недостатка достоинств приходится вновь начинать ряд земных существований, но в самую сущность совершенного Будды, где находится нирвана, т. е. полное и вечное небытие. Таким образом, брахманизм представлял собой очень сложный пантеизм, а буддизм еще больше усложнял его, доводя до пропасти отрицания.

Но каким образом Сакья собирался распространять свои идеи? Он начал с отрицания трона; он облачился в грубую одежду желтого цвета, которую он находил на свалках и кладбищах или шил сам. Он взял в руки посох и стал жить только на подаяние. Он заходил в города и деревни и проповедовал свою мораль. Встречаясь с брахманами, он дискутировал с ними, и присутствующие часами слушали эти споры. Скоро у него появились ученики. Многие были из воинской касты, а также из вайсиев, которые в то время были богаты, влиятельны и пользовались уважением. Чаще всего он находил сторонников в низших слоях населения. Как правило, он внушал им, что в предыдущей жизни они принадлежали к высшим классам и что они достойны вернуться туда благодаря тому, что слушают его. Поскольку он отвергал Веды, для него не существовало разделения на классы, и он признавал только превосходство добродетели.

Можно представить, как действовали на воображение простых людей такие речи. Сакья обратил в свою веру огромное количество людей, а после его смерти верные ученики продолжали его дело и расширили влияние за пределы Индии, где буддистами стали цари вместе со своим двором.

Однако брахманская организация оставалась настолько мощной, что реформисты не осмеливались проявлять такую же враждебность на практике, как в теории. В принципе отрицалась религиозная необходимость каст. В области политики реформа также не находила для себя применения, и несмотря на некоторые потрясения в области догматов основы общества оставались незыблемы.

Такое положение свидетельствует об исключительной силе брахманизма ¹⁶¹. Спустя двести лет после смерти Сакья в стране, где был буддистский царь Пиадасси, брахманы пользовались почетом, и настоящая война, нетерпимость и преследования начались только в V в. н. э. Таким образом, буддизм в течение по крайней мере 800 лет существовал рядом с древней системой и не имел достаточно силы, чтобы вступить в открытую борьбу.

Не было речи о недостатке желания. Число приверженцев буддизма продолжало возрастать. Им внушалось: «Слушайте, и вы поднимитесь выше». В рядах брахманов было немало людей невежественных, среди кшатриев, воинов были такие, кто не умел воевать,

161 В индийском обществе не было недостатка в революционных элементах, т. к. большое влияние получили средние классы, главы ремесленнических цехов, торговцы и мореплаватели. Но все здание стояло прочно. Существует буддистская легенда, где речь идет о влиянии «вайсиейской» буржуазии в эпоху, когда формировался буддизм. Надо отметить, что легенды о буддах представляют собой такой же исторический интерес, какой мы испытываем к жизнеописаниям святых эпохи Меровингов. В обоих случаях — у арийцев-франков и арийцев-индусов — мы видим предпочтение философской части истории и одинаковое пренебрежение к хронологии.

среди вайсиев встречались ленивые или неспособные ¹⁶². Все это делало секту привлекательной для высших классов.

Увеличивалось число монастырей. Туда приходило все больше верующих, а для восхваления новой религии использовались искусства, которые создала и усовершенствовала древняя цивилизация. Пещеры Магатании, Бауга на пути в Уджеин, гроты Элефанта — все это буддистские храмы. Весь пантеон брахманизма, увеличившийся вдвое за счет новой мифологии — всех будд, всех бодхисатв и прочих плодов воображения, присущего в основном черной расе, — превратился в разрушительную силу. Брахманы поняли, что пора спасать общество, созданное ими. Началась борьба — ее начало приходится на V в., — которая закончилась только в XIV в.

Можно сказать, что буддизм заслужил свое поражение, потому что оказался бессильным перед последствиями. С самого начала он черпал силы среди отщепенцев, он перестал быть универсальной религией и закрыл для себя все пути к совершенствованию. Кроме того, он не смог сразу разрушить кастовую систему и был вынужден принять ее на практике, осуждая ее теоретически ¹⁶³. Цари-кшатрии и обращенные брахманы должны были, рано или поздно, затосковать о своих прежних привилегиях.

Буддизм по всем позициям проигрывал битву, а во II в. он исчез с территории Индии. Он нашел прибежище в таких колониях, как Цейлон или Ява, которые были тоже созданы брахманской культурой, но там победу одержали еретики благодаря этническому составу жрецов и воинов. Диссидентский культ также сохранился на северо-востоке Индии, но там — например, в Непале, — он вырождается и уступает место брахманизму. Короче говоря, он существует там, где отсутствуют касты: в Китае, Аннаме, на Тибете, в Центральной Азии. Всюду он доказывает слабость системы, основанной только на морали и разуме.

Буддизм, в конце концов, захотел создать себе фундамент. Но, увы, было слишком поздно: он создал абсурд. В противоположность истинной философии в буддизме онтология вытекает из нравственного закона, а не наоборот. В результате мы видим бездушную теологию искусственного порядка и полубессмысленные тексты в виде распространенного у монголов цилиндра, который приводится в постоянное движение силой воды и передает на небо содержание начертанных на нем молитв, о чем свидетельствует один миссионер из конгрегации Сен-Лазар. Как же низко пала здесь рационалистическая теория, отрицающая все школы и претендующая на право наставлять народы! Такой оказалась судьба буддизма.

Брахманизм не замедлил воспользоваться ущербностью своего противника. Он проявил мудрость и в неблагоприятных обстоятельствах проводил ту же политику, которая оказалась успешной во время бунта кшатриев. Он смог пойти на большие уступки. Он не стал насиловать или унижать умы людей. Пользуясь синкретизмом, он сделал из Сакья-Муни воплощение Вишну. Таким образом, брахманизм дал возможность тем, кто хотел вернуться в его лоно, поклоняться своему идолу и избавил их от презрения. Затем, постепенно, в его пантеон вошли многие из буддистских богов с той оговоркой, чтобы они не занимали высокого места в иерархии. Наконец, ему удалось сделать так, что от буддизма в Индии почти не осталось следов. В общественном мнении памятники, созданные этой сектой, являются делом рук ее счастливого соперника ¹⁶⁴. Так что же еще можно сказать о

162 Когда брахманы упрекали Сакья в том, что он окружал себя «нечистыми» или ведущими плохой образ жизни, тот отвечал: «Мой закон есть закон милосердия ко всем». Так, этот закон сделался чем-то вроде доступной религии, которая вербовала сторонников среди высших классов, среди людей, отвергавших всяческие ограничения брахманизма в силу того, что только ценой невероятной строгости и суровости можно получить прощение за ошибки в нынешней жизни и стать достойным к переходу на более высокую ступень. Буддисты подходили к этому проще. Они осуждали чрезмерные лишения, а на их место ставили простое раскаяние и признание ошибок. Кстати, это они придумали исповедь.

163 Например, буддисты утверждали, что бодхисатвами можно было родиться только в семье брахмана или кшатрии.

164 Бюрнуф считает, что Будда, как воплощение Вишну, появился не раньше 1005 г. эры Викрамадита, т. е. 943 г. н. э.

могуществе, терпении и мудрости школы, которая, просуществовав более двух тысячелетий, одержала столь убедительную победу? Я не вижу ничего подобного в истории человечества — ничего, что делает такую честь человеческому разуму.

Есть ли в прошлом примеры стойкости, с какой брахманизм сохранил свою сущность в течение столь длительного времени, не уступив ни пяди в двух основных областях: доктрине и политической системе? С чем можно сравнить его готовность отдать должное самым ценным идеям своего противника и отказ от самолюбия в тяжелые минуты своего поражения? Я, например, таких не знаю. В продолжение долгой борьбы брахманизм проявил двойную мудрость, которую высоко оценила английская аристократия, а именно: сумел сохранить прошлое и приспособился к требованиям настоящего. Короче говоря, он обладал настоящим организаторским духом и в награду за это получил признание созданного им общества.

Своим триумфом он в основном был обязан принципу изоляции, чего не доставало буддизму. На его стороне была и чистота арийской крови, тогда как буддисты вербовали сторонников главным образом в низших кастах и игнорировали законы разделения и отрицали их религиозное значение. В Индии брахманизм знаменовал собой превосходство белой расы, хотя уже подверженной изменениям, а буддисты, напротив, искали поддержки в низших классах. Буддистский бунт не мог увенчаться успехом до тех пор, пока арийский тип, несмотря на чужеродные элементы, сохранял, благодаря изоляции, основную часть своих достоинств и добродетелей. Хотя из этого не следует, что долгое сопротивление буддизма не принесло своих плодов. Я не сомневаюсь, что возвращение в лоно брахманизма многочисленных племен жреческой касты и кшатриев, которые так долго пренебрегали этническими предписаниями, посеяло дурные семена. Однако арийская природа была достаточно сильна и остается сильной в наше время, чтобы сохранить свою организацию во время ужасных испытаний, выпавших на долю народа.

Начиная с 1001 г. н. э., Индия перестала быть страной, закрытой для западных наций, а великий завоеватель Александр даже не подозревал о чудесных достижениях «нечистых» народов, западных вратиев, которых он победил. Сын Филиппа Македонского так и не дошел до священной земли. Между тем как Махмуд Гназневид, мусульманский принц смешанной расы, более белой, чем та, из которой вышли брахманы и кшатрии, во главе армий, поддерживаемых мусульманским фанатизмом, огнем и мечом прошел по полуострову, уничтожая храмы, истребляя священников и воинов, сжигая священные книги — так начались преследования, которые с тех пор почти не прекращались. Для любой цивилизации трудно устоять перед внутренним натиском в результате проявления человеческих страстей, но многократно труднее, когда она находится под пятой чужаков-завоевателей, которые вознамерились до конца уничтожить ее. Есть ли в истории примеры столь долгого и счастливого сопротивления самым разрушительным факторам? Я знаю только один — это имело место в Индии. Со времен жестокого султана Гизни брахманское общество не знало ни минуты покоя и посреди постоянных атак сумело вытеснить буддизм. После персов Махмуда пришли турки, монголы, афганцы, татары, арабы, абиссинцы, затем снова персы Надир-Шаха, португальцы, англичане, французы. На севере, на западе и юге происходили непрестанные набеги, чужеземные орды то и дело наводняли провинции страны. Целые народы, не выдержав этого, отрекались от национальной религии. Кашмирцы стали мусульманами, за ними синдхи, затем другие племена Малабара и побережья Короманделя. Апостолы Магомета повсюду — и не без успеха — проповедовали опасные идеи. Брахманизм ни на мгновение не складывал оружия — напротив, на востоке, в северных горах, в частности после покорения Непала горкхасами в XIV в. он продолжал свою успешную деятельность. Приток полуарийской крови в Пенджабе привел к появлению эгалитарной религии Нанека. Брахманизм оправился от этого удара и все успешнее противостоял мусульманской вере.

Мы знаем, с какой непоколебимой уверенностью он в течение сотни лет сопротивляется

европейскому натиску, и я не верю, что хоть один человек, родившийся в Индии, допустит мысль, что эту страну возможно трансформировать и цивилизовать на наш манер. Многие наблюдатели, которые хорошо знают Индию, убеждены, что такое случиться не может.

Однако брахманизм переживает общий упадок; его великие личности ушли; абсурдные или изуверские суеверия, теологические выверты культа, обязанные черному элементу, одержали победу над древней философией с ее возвышенностью и благородной дерзостью. Негроидный тип и желтый принцип заняли большое место в высших классах, и во многих отношениях бывает трудно, порой даже невозможно, отличить брахманов от представителей низших слоев. Но извращенная природа этих выродившихся рас никогда не сможет преодолеть превосходящую силу белых народов, пришедших из Европы.

Однако если в силу обстоятельств, чуждых ходу местной политики, на этих обширных землях прекратится господство англичан, и страна будет предоставлена самой себе, по прошествии более или менее продолжительного времени брахманизм, единственный социальный порядок, который имеет базу в Индии, в конечном счете восторжествует.

Вначале материальное могущество, принадлежащее рохиллам на западе и сикхам на севере, окончательно перейдет к этим племенам. Тем не менее, мусульманская цивилизация слишком деградирована, слишком связана с самыми низшими слоями населения, чтобы продолжаться долго. Брахманизм терпеливо готовит свою победу. Пользуясь кривой саблей врагов, удары которой он так стойко выдержал, он уже отвоевал свои позиции у махраттов и раджапутов, а затем отвоюет большую часть потерянной территории. Впрочем, он не чужд переменам, и если он примет в ранг высших каст воинственных обращенных представителей арийских рас севера и нарождающийся активный класс англоиндусов, сумеет ли брахманизм выдержать мощный приток низших типов и не превратится ли в нечто посредственное? Такая ситуация не исключена. В этом случае надо признать, что этнический беспорядок возрастает, и прежнее единство цивилизации уходит в прошлое.

Однако это есть неизбежное следствие заложенных в нем принципов и событий, о которых я говорил. Если же отвлечься от гипотез, оставить будущее в покое, и ограничиться уроками, которые можно извлечь из истории Индии, что касается рас, мы получим следующие неопровержимые факты.

Прежде всего, необходимо признать, что арийское семейство — самое благородное, самое одаренное в смысле ума и самое энергичное в белой расе. В Египте, где мы впервые встретились с ним, на земле Индии, где мы только что рассматривали его, мы признали в нем высшие философские способности, высокую мораль, мягкость в установлениях, жизнестойкость — словом, явное превосходство над аборигенами, будь то в долине Нила или на берегах Инда, Ганга и Брахмапутры.

В Египте мы увидели его уже парализованным слишком большим количеством черной крови, и с течением времени смешение становилось все более выраженным и окончательно поглотило основополагающий принцип египетской цивилизации. В Индии дело обстояло по-другому. Из горной долины Кашмира на полуостров хлынул мощный арийский поток. Несмотря на уход зороастрийцев он всегда оставался сильным, и кастовая система, несмотря на постепенное разложение, была главной причиной того, что высшие классы индусского общества сохранили свои достоинства. Если какая-то часть чужой крови под влиянием революций и попадала в жилы брахманов и кшатриев, это обстоятельство не приводило к разрушительным результатам. Движение арийских или полуарийских племен с севера подкреплялось древним белым принципом, и мы отметили, что пандавы глубоко внедрились в Арьяварту. Затем на всем протяжении горной границы, постоянно появлялись другие белые народы и спускались в Индию, принося с собой белую кровь.

Что касается вредоносного смешения, индийское семейство страдало не столько от соседства с желтыми народами, сколько от присутствия черных, и хотя метисы не могли похвастаться силой, присущей чистой расе, оно порождает потомство, не лишенное достоинств; потомки смешивались с индийской культурой и принимали ее основные принципы, хотя китайские элементы неизбежно проникали в брахманскую цивилизацию.

Таковыми были махраты и бирманцы.

Итак, сопротивляемость Индии чужеземным набегам, сила, которая крепнет, уступая натиску, сосредоточена на северо–западе, севере и западе, т. е. среди арийских народов более или менее чистого происхождения: синдхи, рохиллы, горцы Гиндукуша, сикхи, раджпуты, горкасы Непала, за ними следуют махраты и, наконец, бирманцы, которых я называл выше. На этой компактной территории превосходство, несомненно, принадлежит самым арианизированным выходцам с севера и северо–запада. Все семейства, присоединившиеся к арийской расе, отличаются необычной этнической стойкостью. Свидетельством тому является религия некоторых низших народов, живущих в северных горах. Местные племена, остающиеся верными своей древней истории, со всех сторон окружены желтыми народами, которые вытеснили их в заснеженные горы и в ущелья; это наши последние и несчастные родичи, они поклоняются в первую очередь древнему герою по имени Бхим–Сем. Этот сын Панду представляет собой персонификацию белой расы во время последней масштабной миграции, которую она предприняла в этой части земного шара.

Остается юг Индии, район, который простирается вдоль Ганга до Калькутты и охватывает обширную территорию в центре и Декан. В этих регионах обитают многочисленные племена черных дикарей, там огромные непроходимые леса и почти отсутствуют диалекты, происходящие от санскрита. Население говорит на многих языках, в той или иной степени облагороженных печатью священного языка: тамильский, малабарский и сотня других. Разноцветье кожи жителей вначале удивляет европейца, который в их телосложении не видит никаких следов однородности даже среди высших каст. Здесь больше всего смешения с аборигенами. Здесь отсутствуют энергия и мужество, здесь царят суеверия, и все говорит за то, что эти люди не способны к независимому существованию. Брахманизм не имеет поддержки в этих местах, поскольку доля черной крови в своей массе намного превосходит то, что мы наблюдаем на севере, откуда арийские племена никогда не спустились так далеко на юг.

Однако сегодня в этих южных районах Индии появился новый этнический элемент, имеющий большое значение, о котором уже упоминалось выше. Речь идет о метисах, рожденных от отцов–европейцев и туземных матерей и снова скрещенных с европейцами и аборигенами. Эта прослойка увеличивалась с каждым днем и проявляла особые качества и острый живой ум, которые так привлекали внимание ученых и политиков, и в которых заключалась причина будущих потрясений в Индии.

С материнской стороны происхождение этих людей было далеко не блестящим: это были представительницы низших каст, служащие для удовлетворения прихотей победителей. Если некоторые женщины принадлежали к более высокому социальному рангу, они были мусульманками и не отличались качеством кровей. Тем не менее, в этих индианках было меньше черного элемента, так что можно заметить огромную дистанцию между потомством бенгальской женщины из низшей касты и отпрысками негритянки из племени Йолуф или бамбара.

Со стороны отца могут наблюдаться большие различия в количестве белого элемента, передаваемого ребенку. Отцом мог быть англичанин, ирландец, француз, итальянец или испанец — отсюда происходили эти различия. Чаще всего преобладает английская кровь, которая в Европе сохранила больше всего арийского, поэтому метисы обычно бывают красивыми и умными. В этом я присоединяюсь к мнению, которое связывает будущее Индии с этим новым населением. Однако следует заметить, что эта смешанная раса подвержена той же опасности, которая привела к краху почти все мусульманские нации. Только брахманизм обладает секретом, как избежать этого.

Итак, мы классифицировали индийские расы и отметили моменты, когда при благоприятном стечении обстоятельств там может вспыхнуть живая, пусть и слабая, искра, и теперь пора вернуться к столь долгой жизни цивилизации, которая существовала еще до героической эпохи Греции и которая, если не считать этнические нюансы, сохранила до наших дней свои принципы и никогда не сворачивала с пути, потому что главная раса

оставалась достаточно компактной.

После Геродота этот замечательный колосс гения, мощи, красоты явил западному миру образ одной из своих жриц, которая поразила европейцев своей красотой несмотря на плотные одежды. Позже, благодаря мусульманским завоеваниям, почти неизвестным в Европе, и новым открытиям, результаты которых, как правило, приходили на Запад в искаженном виде, эта загадочная страна еще больше овладела воображением европейцев, хотя знаний все еще было недостаточно.

Но после того, как вот уже двадцать лет филология, философия, статистика начали систематическое изучение общества и природы Индии, по-прежнему без надежды познать такую богатую и большую тему, произошло необычное: чем больше мы знаем, тем сильнее восхищаемся, хотя обычно бывает наоборот. Привыкшие к непродолжительному существованию наших цивилизаций, мы твердили слова о бренности всего человеческого, а когда приподнялся огромный занавес, скрывавший от нас Азию, когда нашим взорам предстали Индия и Китай со своими незыблемыми институтами, мы не знаем, как воспринимать открытие, столь для нас огорчительное.

В самом деле, какое это унижение для систем, каждая из которых объявляла себя несравненной! Какой урок для греков, римлян, для всех нас — увидеть страну, которую в течение восьмисот лет терзали грабеж, истребление, нищета, которая насчитывает более ста сорока миллионов жителей и, возможно, в пору своего расцвета кормила вдвое больше, но которая никогда не переставала хранить безграничную верность своим религиозным, социальным и политическим доктринам и даже в период упадка сохраняет свой национальный характер! Итак, повторю еще раз: какой это замечательный урок для западных государств, обреченных по причине неустойчивости религиозных взглядов на то, чтобы непрестанно менять формы и направление подобно перемещающимся дюнам на берегу Северного моря!

Впрочем, не стоит слишком строго судить одних и слишком возносить других. Долгое существование индийской цивилизации есть естественный закон, который редко проявляет себя с такой полнотой. В этой стране всегда доминировала одна раса и принципы оставались неизменными, между тем как в других местах происходили быстрые и беспорядочные перемены, не успевали сформироваться институты и менялись взгляды и инстинкты сменявшихся поколений.

Однако Индия была не единственной страной, где мы можем восхищаться этим феноменом: я имею в виду Китай. Пора посмотреть, не привели ли здесь одинаковые причины к одинаковым результатам. Исследование будет тем более поучительным, что между Индией и Поднебесной Империей лежит огромный Тибет, где можно встретить характерные признаки обеих стран. Но прежде чем понять, связана ли эта двойственность с этническим принципом, нам необходимо узнать исток социальной культуры в Китае и определить, какое место среди цивилизованных наций мира занимает эта страна.

ГЛАВА IV. Желтая раса

По мере того, как индийские племена продвигались на восток, и после того, как, пройдя по горам Виндхиа, они пересекли Ганг и Брахмапутру и пришли в страну бирманцев, они вступали в контакты с различными племенами, еще неизвестными для нас. Разнообразие этих племен, как в физическом, так и в моральном отношении, свидетельствует о том, что и среди них действует закон неравенства рас.

Новое семейство народов, о которых пойдет речь, весьма характерное по облику, цвету кожи и интеллектуальным качествам, предстает перед нами, как только мы, покинув Бенгалию, двинулись на восток. Поскольку общие черты объединяют многие народы, мы дадим им общее название, не обращая внимания на очевидные различия между ними. Итак, мы имеем дело с желтыми народами, которые составляют третий элемент населения земли.

Вся империя Китая, Сибирь, вся Европа, за исключением, может быть, самых южных ее

окраин — вот обширная территория, которую населяет желтая раса в тот период, когда белые переселенцы ступили на земли к востоку, северу или югу от заснеженных горных долин Центральной Азии.

В целом это низкорослая раса: некоторые ее представители похожи на карликов. Телосложение и мышечная сила несравнимы с тем, что мы видим у белых людей, а в их лицах есть что-то гротескное и даже уродливое. Словом, природа в этом случае решила не растрачивать своих сил и возможностей, или Создатель ограничился черновым наброском. Невыразительный нос и рот, маленькие глаза, вставленные в широкое плоское лицо, редкие, прямые и жесткие черные волосы (впрочем, у некоторых племен, напротив, устрашающего вида грива закрывает даже спину) — вот характерный облик желтой расы¹⁶⁵.

Что касается интеллекта, здесь мы также наблюдаем очень характерные особенности, настолько отличающиеся от характеристик черной расы, что если последнюю я назвал «женской», то желтую уместно причислить к «мужским». Абсолютное отсутствие воображения, общая тенденция к удовлетворению естественных потребностей, упорство и последовательность в отношении повседневных дел, определенный инстинкт личной свободы, выражающийся у большинства племен в приверженности к кочевой жизни, а у более цивилизованных народов в уважении к домашнему очагу, слабая активность, отсутствие любознательности и страсти к украшениям, столь характерной для негров — вот основные черты всех ветвей монгольского семейства. Отсюда глубоко укорененная гордость за приземленные стремления и за умение удовлетворять их. Все, что не входит в круг знакомых вещей и понятий, кажется им бессмысленным и вызывает у них только жалость и сочувствие. Желтые народы больше довольны самими собой, чем негры, чье пылкое воображение постоянно влечет их за пределы существующих вещей.

Но надо признать, что эта общая тенденция к повседневности и узость мышления, следствие отсутствия воображения, придают желтым большую социальность, чем у негров. Даже самые неспособные из них в продолжение столетий имели одну-единственную цель — прокормиться, одеться и найти жилище, и, в конечном счете, добились в этом больших результатов, нежели люди не менее ограниченные по природе, но без конца обуреваемые размышлениями, которые подсказывает им необузданное воображение. Поэтому желтые народы более искусны во многих делах, и мы с удивлением находим на их землях древние следы горнорудных работ.

Это можно назвать первобытным и национальным пред назначением желтой расы.

Эти низкорослые люди — хорошие кузнецы и ювелиры, а, судя по тому, что они пронесли эти навыки через века до наших дней (кстати, восточные тунгусы и жители Охотского побережья, дучеры и другие народности искусны в кузнечном деле не меньше, чем пермяки в скандинавских песнопениях), можно заключить, что во все времена финские народы составляли пассивную часть некоторых цивилизаций.

Откуда же пришли эти народы? С великого американского континента. Такой ответ дают физиология и лингвистика; такой вывод можно сделать из того факта, что с самых древних времен, еще до той эпохи, которую мы называем первобытной, массы желтого населения собрались на крайнем севере Сибири, а оттуда двинулись на запад.

Они считали себя потомками обезьян и очень гордились этим. Поэтому неудивительно, что в индийском эпосе, где речь идет о местных помощниках героического супруга Ситы в его походе против Цейлона, эти люди называются просто армией обезьян. Возможно, Рама действительно воспользовался помощью желтых племен, живших на южных склонах Гималаев, чтобы победить черные народы на юге Декана.

Как бы то ни было, эти племена были очень многочисленны, что я собираюсь

¹⁶⁵ К этим признакам Пикеринг добавляет отсутствие бороды. Зато он не считает раскосые глаза характерной чертой, но, видимо, здесь надо учесть примесь черной крови, благодаря которой глаза принимают другую форму. По мнению Пикеринга, в настоящее время желтая раса населяет две пятые земного шара. Очевидно, он причисляет сюда и многие смешанные народности.

продемонстрировать.

Существует неоспоримый факт, что белые народы всегда были оседлыми и поэтому никогда не покидали по доброй воле свои земли. Самое древнее известное становище белой расы находилось в горной долине Центральной Азии, и если они ушли оттуда, то потому лишь, что их прогнали. Я допускаю, что некоторые семейства могли оказаться жертвами насилия своих сородичей. Я допускаю это в отношении эллинских племен и зороастрийцев, но нельзя предположить такую ситуацию в отношении всех белых переселенцев. Целая раса не должна была уйти из родных мест почти одновременно, и, тем не менее, это случилось перед 5000 г. до н. э. В эту эпоху и во времена, близкие ей, хамиты, семиты, арийцы, кельты и славяне покидают свои земли. Белая раса разбредается в разные стороны, оставляя родные долины желтым. Причиной могло быть только очень сильное давление со стороны диких племен.

С другой стороны, физическая и моральная слабость многочисленных завоевателей настолько очевидна и доказана, что их вторжение и конечная победа обусловлена только явным численным превосходством. Поэтому нет сомнения в том, что Сибирь кишела финскими племенами, о чем имеются исторические свидетельства. Я лишь замечу следующее: допуская победу желтых народов над белыми и рассеяние последних, необходимо принять один из двух вариантов.

Либо территория, на которой жили белые народы, простиралась далеко на север и очень мало на восток, достигая в первом направлении среднего Урала, а во втором не доходя до Куэнь-Луня, что, по-видимому, обусловило определенное движение в северо-западные степи.

Либо эти народы, скопившиеся на вершинах Муцтагха, в горных долинах этой цепи и во всех трех районах Тибета, были очень немногочисленные и имели недостаточно пищи.

Вначале я объясню, почему я ограничил ситуацию двумя вариантами. Затем изложу причину, почему следует отбросить вторую гипотезу и принять первую.

Я уже говорил, что желтая раса обитала главным образом в Китае; кроме того, черный тип с курчавой прогнатической головой, т. е. пелагийский вид, распространился до Куэнь-Луня, с одной стороны, и до Формозы, с другой ¹⁶⁶, в Японию и дальше. Даже сегодня это население можно встретить в тех далеких странах.

Уже тот факт, что негры так далеко продвинулись во внутреннюю Азию, служит убедительным доказательством связи хамитов и семитов с этими народами низшей расы: я имею в виду очень давнюю связь, потому что она ослабла еще до пришествия завоевателей в долину Тигра и Евфрата.

Теперь перенесемся из долин Вавилонии в Китай и обратимся к результатам постепенного смешения черного и желтого типов, т. е. к метисам, которые населяют Юн-Нань и которых Марко Поло называет «зерден дамы». Еще дальше мы встретим другое семейство, имеющее не меньше признаков смешения, которое живет в китайской провинции Фо-Кьень и, наконец, окажемся среди разнообразия этих групп в южных районах Поднебесной Империи, в Индии к востоку от Ганга, на архипелагах Индийского океана от Мадагаскара до Полинезии, от Полинезии до западных берегов Америки вплоть до острова Пасхи ¹⁶⁷.

Таким образом, черная раса занимает весь юг старого мира и встречается далеко на севере, между тем как желтая, обитающая вместе с первой на востоке Азии,

166 Во внутренней части острова живут совершенно черные люди. Жители побережья принадлежат к малайскому виду и похожи на харафоров. В Индии за Гангом довольно много негритянских племен. Это небольшая раса с курчавыми волосами, не имеющая постоянных жилищ, питающаяся рептилиями и червями. Видимо, географы не могут объяснить чрезвычайное распространение меланийского семейства в Азии. Действительно, это загадочный факт, если относить его на период после исторических времен, но он объясняется просто, если считать, что это случилось в более древнюю эпоху.

167 Пикеринг считает, что овахи Мадагаскара являются малайцами.

распространилась на все острова в направлении Северного полюса. Если считать, что центр, исток меланийского вида, находится в Африке и что именно оттуда началось его распространение, что, кроме того, желтая раса одновременно с метисами, жившими на островах, также продвигалась на север и восток Азии и в Европу, тогда придется признать, что белое семейство, чтобы не затеряться в толпе низших рас, было вынуждено призвать на помощь весь свой гений и мужество и объединиться.

Не будем касаться разделения хамитских и семитских масс, которые по перевалам Армении спустились в южные и западные районы. Но зато рассмотрим массовое смешение с черной расой, которое имело место в долинах Эфиопии, а на севере по всему африканскому побережью за пределами Атласских гор и в Сенегале; рассмотрим плоды этого смешения в Испании, нижней Италии, на греческих островах, и мы убедимся в том, что белая раса не ограничивалась несколькими племенами. Мы также увидим, что к перечисленным выше следует прибавить арийские народы всех южных ветвей, и кельтов, и славян, и сарматов, и другие менее известные, но не менее значимые народности, которые остались жить среди желтых.

Следовательно, белая раса была достаточно многочисленной, а поскольку оба вида — черный и финский — не давали ей возможности перейти Муцтагх и Алтай на востоке и Урал на западе, она двинулась на север до среднего течения Амура, озера Байкал и Оби.

Такой географический маршрут имеет важные последствия, о чем речь пойдет ниже.

Я уже констатировал практические способности желтой расы. Тем не менее, признавая ее превосходство над черной расой, я отказал ей в способности занять высокое место на лестнице цивилизации, потому что ее интеллект не менее ограничен, чем у негров, и потому что ее инстинкт полезного слишком нетребователен.

Однако следует смягчить суровость такого суждения, когда речь идет уже не столько о желтом типе или черном типе, но о малайцах как плодах смешения обоих типов. Действительно, если возьмем, к примеру, монгола, жителя Тонга–Табу, и пелагийского негра или готтентота, жителя того же Тонга–Табу, даже самого неразвитого, первый имеет явное преимущество.

Видимо, недостатки обеих рас компенсируются и смягчаются в их общем потомстве, которое имеет больше способностей к сравнению, пониманию и выводам. Изменения к лучшему мы видим и в физическом типе. Волосы у малайцев жесткие и волнистые, но не курчавые, а нос более выражен, чем у калмыков. У некоторых островитян, например, на Таити, он почти не отличается от прямого носа представителей белой расы. Глаза уже не так сильно раскосые. Скулы по–прежнему выдаются, но это общая черта обеих рас–производительниц. В зависимости от доминирующей крови — черной или желтой — в том или ином племени преобладают те или иные физические и моральные черты. Вообще для всех этих групп характерными остаются два выраженных признака, свидетельствующих о двойном происхождении: имея больше интеллекта, чем у негров и желтых, они унаследовали от одних необузданную жестокость, от других холодную невозмутимость и бесчувственность.

Мы завершили рассмотрение народов, фигурирующих в истории Восточной Азии; переходим к рассмотрению их цивилизации. Высшее ее выражение мы найдем в Китае. Здесь исходный пункт ее культуры, здесь она достигла наивысшего развития.

ГЛАВА V. Китайцы

Прежде всего, хочу заметить, что я не согласен с одним довольно распространенным мнением. Китайскую цивилизацию считают самой древней на земле, я же вижу ее начало в эпохе после расцвета брахманизма, после создания первых хамитских, семитских и египетских государств. И вот мои доводы. Само собой разумеется, что не стоит больше обсуждать хронологические и исторические выкладки последователей Тао–Се. Для них циклы в 300 тысяч лет абсолютно ничего не значат. Эти весьма продолжительные периоды

составляют среду, в которой действуют правители с головой дракона и с туловищем, обвитом чудовищными змеями, поэтому лучше оставить эту тему философам, но не следует ни в коем случае строить на ее основе позитивные заключения ¹⁶⁸.

Самой разумной основой датировки для рассуждения о древности Поднебесной Империи является царствование Цин–Ши–Хуань–Ти, который для того, чтобы положить конец феодальным заговорам и сохранить единство, свое детище, решил подавить древние доктрины, сжег большую часть книг и оставил только анналы династии Цин, из которой происходил сам. Это событие случилось за 207 лет до Рождества Христова.

С тех пор, согласно китайской методике, исторические факты можно считать вполне реальными. С этого времени история более или менее сходится, чего не скажешь о более ранних временах: чем глубже мы забираемся в прошлое, тем меньше ясности. Однако все-таки можно добраться до императора Яо. Он правил сто один год и взошел на престол в 2357 г. до н. э. За пределом этой даты мы уже не встретим конкретных цифр ¹⁶⁹. Хроники утверждают, что досадный пробел, который, будучи восполнен, мог бы привести к первым дням существования мира, есть следствие знаменитого сжигания книг, оплакиваемого из поколения в поколение и ставшего излюбленным предметом китайской риторики. Но по моему мнению, этой катастрофы недостаточно, чтобы объяснить беспорядок в первых исторических хрониках. Все народы мира могут похвастаться своими сгоревшими книгами, все потеряли цепочку своих династий, однако все они сохранили достаточно осколков своей истории, чтобы оживило прошлое под живительным дуновением критики, чтобы прошлое понемногу показало нам свой истинный лик. У китайцев же мы не видим ничего подобного. Там, где заканчиваются времена позитивной истории, сразу наступает темнота, и мы имеем дело не с мифологической эпохой, как это имеет место у других народов, но с противоречивыми хронологиями, с настоящим абсурдом, в котором нет ничего живого.

Рядом с этим претенциозно загадочным отсутствием письменных исторических свидетельств наблюдается полное и весьма многозначительное отсутствие памятников. И это также характер китайской цивилизации. Хроники любят ссылаться на древности, а с древностями дело обстоит плохо: самые ранние датируются не позже VIII в. н. э. Таким образом, получается, что в этой, в основном спокойной, стране ни в резных памятниках и статуях, ни в вазах или орудиях труда нет ничего, что могло бы сравниться по возрасту с тем, что может предъявить, причем с законной гордостью, наш Запад, переживший такие бурные и разрушительные события.

В материальном смысле Китай не сохранил ничего, что хотя бы отдаленно поведало нам о тех загадочных эпохах, в которых некоторые ученые прошлого столетия находили исторические факты, пользуясь свидетельством мозаичных изображений ¹⁷⁰.

Поэтому оставим в стороне бесплодные поиски сходства между различными системами на основе исторических текстов и попытки добраться до времен, предшествующих Цин–Ши–Хуань–Ти, и обратимся к фактам из достоверной истории других народов.

Китайцы считают, что первым человеком на земле был Пан–Ку. Хотя он и был самым первым, они помещают его в такие обстоятельства, которые предполагают присутствие других более низких существ, и возникает вопрос, не были ли они потомками обезьян, т. е.

168 Согласно легендам Ну–Уа, сестра Фу–Хи и его наследница была духом. Она набрала в болоте желтой грязи и при помощи веревки сделала из нее первого человека.

169 По мнению Лассена, нельзя требовать от китайцев позитивной истории ранее 782 г. до н. э. Он же утверждает, что, по всей вероятности, начало первой династии приходится на 2205 г. до н. э. В любом случае это несравнимо с датами в индийских, египетских и ассирийских анналах.

170 Под это рассуждение не подпадают ирригационные работы в бассейне Хуаньхэ, которые, возможно, относятся к очень давним временам. Но это не памятник в полном смысле слова. Это сооружение, которое перестраивалось много раз после своего появления.

желтокожими, гордившимися столь необычным происхождением.

На этот вопрос история дает положительный ответ. Местные историки утверждают, что во время появления китайцев на этих землях уже обитали племена миао, которым были чужды самые простые понятия о социальной жизни. Они жили в норах и пещерах, пили кровь пойманных животных, а при отсутствии их питались травой и дикорастущими плодами. Что касается формы правления, она отличалась крайним варварством. Миао сражались ветками деревьев, победитель становился вожаком и оставался им, пока не приходил более сильный. Они не имели никакого почтения к мертвым: их уносили в кусты и оставляли там.

Мимоходом отметим, что здесь мы наблюдаем историческую реальность примитивного человека Руссо и его последователей: человека, который живет в среде равных ему и поэтому признает только временную власть, основанную на праве дубинки. Однако если эта теория находит подтверждение у миао и у черных племен, она чужда белым народам.

Итак, среди этих потомков обезьян Пан–Ку с полным правом должен был считаться первым человеком. Китайская легенда ничего не сообщает о его рождении. Он изображается не творением, но творцом, т. к. подчеркивается, что именно он приступил к организации человеческих отношений. Откуда же он взялся, если, в отличие от библейского Адама или автохтонных финикийца и афинянина, он не вышел из лимона? На сей счет легенда хранит молчание; правда, не объясняя, где он родился, она, во всяком случае, указывает, где он умер и был похоронен: в южной провинции Хо–Нань.

Это обстоятельство достойно внимания, аналогию ему можно найти в «Манава–Дхарма–Шастра». Этот религиозный кодекс индусов, составленный после появления великих поэм, но основанный на очень древних документах, упоминает, что Маха–Цин, большая страна Китай, была завоевана племенами отколовшихся кшатриев, которые перешли Ганг, некоторое время бродили в Бенгалии, затем прошли через горы на востоке и рассеялись в южной части Поднебесной Империи. Так они цивилизовали местные народы.

Это свидетельство тем более весомое, что оно исходит от брахманов, а не из другого источника. Нет никаких оснований считать, что им льстила честь цивилизации чужих земель, которая принадлежала их соплеменникам, отвергшим законы нации. Все, что не отвечало их принципам, было им противно; точно так же, как они забыли свое родство с многими белыми народами в древности, они сделали бы то же самое и в данном случае, если бы отделение значительной части племен, принадлежавших ко второй касте, случилось в более поздние времена, когда индийская цивилизация уже укрепилась. Таким образом, все подтверждает свидетельство законов Ману, отсюда вытекает, что в эпоху после первых героических времен Индии Китай уже был цивилизован пришельцами индусской расы — кшатриями, белыми, арийцами, — следовательно, Пан–Ку, этот первый человек, называемый законодателем в китайской легенде, был либо одним из предводителей, либо персонификацией белого народа, обосновавшегося в Китае, в Хо–Нане, и выполнявшего ту же роль, что играла раньше индийская ветвь в верхнем течении Нила¹⁷¹.

Таким образом, легко объяснить очень древние контакты Индии и Китая, поэтому нет необходимости прибегать к гипотезе о морских путешествиях между странами. В долине Брахмапутры и по течению Иравадди находятся равнины и многочисленные проходы в страну бирманцев, по которым туда могли проникать вратии из Хо–Наня и которыми они уже пользовались при исходе из Арьяварты.

Итак, в Китае, как и в Египте и во всех регионах, которые мы уже рассмотрели, честь основания цивилизации принадлежит белой ветви, благословенной Провидением. Бесполезно считать количество отщепенцев арийских племен, которые после прибытия в Хо–

171 Из китайских текстов можно заключить, что страна была цивилизована между 30 и 28 столетиями до н. э. чужестранцами, пришедшими с северо–запада, которых называли «людьми с черными волосами». Кроме того, покорителей называли «сто семейств». Следовательно, китайцы признают, что цивилизаторы не были местными.

Нань смешались с аборигенами и утратили свою чистоту, тем более, что это смешение способствовало их цивилизаторской миссии среди желтого населения. Кроме того, они не были единственными представителями славной расы, которые пришли в эти далекие земли.

Сегодня в верхних долинах, граничащих с Тибетом со стороны Бутана, как и в заснеженных горах, расположенных дальше на запад, встречаются редкие малочисленные племена, имеющие признаки арийского происхождения. Они живут среди черного и желтого населения, и их можно сравнить с кусочками кварца, содержащего крупинки золота, принесенного издалека. Возможно, их занесли сюда этнические бури и расовые катастрофы.

Но дальше к северу еще совсем недавно, около 177 г. до н. э., многочисленные белые народы с белокурыми или рыжеватыми волосами и голубыми глазами обитали по западным границам Китая. Писатели Поднебесной Империи называют пять таких народностей. Прежде всего следует отметить географическое положение, которое они занимали в рассматриваемую эпоху.

Самые известные из них — юэ-чи и у-суни. Они жили к северу от Хуанхэ на границе пустыни Гоби.

За ними к востоку от у-суней надо упомянуть ху-тэ¹⁷².

Еще выше, севернее у-суней, к западу от Байкала, жили тинь-лини.

Дальше за Енисеем жили кьянь-хуани, или хакасы: низкорослые люди с рыжими волосами, белым лицом, зелеными или голубыми глазами. Они смешались с китайскими солдатами Ли-Линя в 97 г. до н. э.

Наконец, дальше к югу, на земле нынешнего Кашгара, за Тянь-Шанем, обитали янь-цан, сарматы-аланы, чья территория простиралась до Каспийского моря.

Таким образом, в относительно недавние времена — в XI в. до н. э. — после великих переселений белой расы, истощивших ее, в Центральной Азии еще оставались довольно многочисленные и мощные ветви, которые заселили Тибет и северную часть Китая; в Поднебесной Империи, в ее южных провинциях, в начале ее исторической эпохи жили арийско-индийские народы, а кроме того, логично предположить, что древние белые народы с севера и запада, спасаясь от желтокожих врагов, часто проникали в Китай и объединялись с автохтонными племенами. Можно сказать, что на востоке Азии повторилось то же, что произошло на юго-западе с хамитами, сыновьями Сима, эллинами и зороастрийцами. В том и другом случае нет сомнения в том, что белое население на восточных границах в древнейшие времена проживало более компактно, чем в начале новой эры. Этого факта достаточно, чтобы показать вероятность и даже необходимость частых набегов и смешений. Впрочем, кровь белой нации поступала в жилы китайцев не только за счет давних союзов. В близкие к нам времена также имели место подобные факты. В 1286 г. в царствование Кубилая в Фо-Кьене появилось много индусов и малайцев. Поэтому население этой провинции значительно отличается от жителей других земель Китая. При династии Тхань (618—907 гг.) с желтым населением смешалось много мусульман, которых сегодня называют «хой-хой». Они стали похожи на китайцев обликом, но не образом мышления. Они более энергичны, в силу чего окружающее население боится и уважает их. Наконец, в Китай проникли и другие семиты при династии Чэу (с 1122 г. до н. э. до 255 г. н. э.). Они оказали очень большое влияние на государство и его создание. Сегодня многие из них стали мусульманами. В результате смешения крови произошли большие изменения в языке. Южные диалекты сильно отличаются от верхнекитайских, и житель провинции Фо-Кьень, Куэнь-Тунь или Ян-Нань так же мало понимает пекинца, как берлинец шведа или голландца.

Тем не менее, я не сомневаюсь в том, что преобладающим было влияние кшатриев на юге. Именно на юге страны зародилась цивилизация, оттуда она распространилась дальше.

¹⁷² Риттер идентифицирует их с готами, с ним согласен барон фон Гумбольдт, хотя, как мне кажется, это мнение основано лишь на силлабическом сходстве. У-суней, живших на северо-западе Китая, упоминает Вэн-Сэку, историк династии Хань, и называет их белокожими людьми с рыжей бородой и голубыми глазами. По его расчетам, их было 120 тысяч семей.

Разумеется, кшатрии не были носителями брахманизма. Однако они усвоили главное: превосходство одной касты над другими и саму организацию каст. Подобно египтянам, они откололись от основной массы арийских народов в эпоху, когда брахманизм еще не полностью сформулировал свои принципы. Поэтому в Китае мы увидим мало сходства с социальной системой индусов, но если положительных параллелей мало, зато много отрицательных.

Когда в силу теологических разногласий зороастрийские племена порвали с сородичами, они настолько их ненавидели, что дали священные имена брахманских богов злым духам. Кшатрии Китая, смешавшись с желтыми народами, рассматривали действительность скорее с мужской, нежели женской точки зрения, скорее политической, нежели религиозной, поэтому представляли собой такую же непримиримую оппозицию, как зороастрийцы. Свое неприятие брахманской иерархии они выражали отрицанием самых естественных идей.

Они не захотели признать различие рангов или наличие «чистых» или «нечистых» по рождению. Доктрину своих идейных противников они заменили абсолютным равенством. Однако, поскольку в силу белого происхождения в них жила неистребимая мысль о неравенстве рас, они восприняли нелепую идею о том, что отцов облагораживают дети, вместо того, чтобы сохранить верность древнему понятию о гордости детей славой отцов. В этой идее нет ничего общего с понятиями желтых народов. Кроме того, эта идея абсурдна даже с точки зрения китайцев. Благородство — это почетная прерогатива для тех, кто им обладает. Если связывать ее единственно с достоинствами, тогда нет необходимости придумывать для этого отдельную категорию в государственной системе для того, кто пользуется ею. Если, напротив, мы хотим обеспечить ей продолжение в последующих поколениях, нет смысла апеллировать к предкам, потому что они не могут пользоваться ею. Другой очень сильный аргумент: для тех, кто пользуется такой привилегией, нет необходимости украшать ею предков, если в стране все предки без различия являются объектом официального и национального культа и пользуются уважением и даже поклонением. Таким образом, ретроспективный титул благородства мало что добавляет к почету, который их уже окружает. Поэтому в китайской идее не надо искать то, чего в ней нет, а надо видеть только оппозицию брахманским доктринам, которые были ненавистны переселенцам—кшатриям, стремящимся сокрушить их. Этот факт тем более убедителен, что наряду с фиктивным признаком благородства китайцы учредили другой, вполне реальный, основанный на прерогативе происхождения. Имеется в виду аристократия, состоящая из сыновей, внуков и всех потомков по мужской линии из императорских домов, семей Конфуция, Мэнь—Цеу и других уважаемых людей. По правде говоря, этот очень многочисленный класс наделен только абстрактными почетными привилегиями, однако при этом обладает чем-то непререкаемым и в силу своего признания доказывает, что такая система является искусственной и противоречит естественным проявлениям человеческого разума.

Если считать отказ от брахманизма антибрахманской идеей и свидетельством ненавистных воспоминаний о родине, нельзя объяснить той же причиной патриархальную форму правления Срединной Империи. В таком серьезном случае, как выбор политической системы, где речь идет о том, чтобы найти соответствие не отдельным теориям и не приобретенным идеям, а потребностям рас, которые, будучи объединены в одно целое, составляют государство, именно общественный разум должен судить и решать, допускать или отвергать то, что ему предлагают, и ошибка длится только некоторое время. В Китае система правления в течение столетий претерпела лишь частичные изменения: ее следует считать соответствующей желаниям национального гения.

Законодатель берет в качестве авторитета право отца семейства. Он делает неоспоримой аксиомой то, что этот принцип был сутью социального порядка и что человек имеет на детей, которых он произвел на свет, кормил и воспитал, такие же права, что и принц в отношении своих подданных, которых, так же как детей, он бережет и охраняет их

интересы и саму жизнь. Само это понятие в принципе не является китайским изобретением. Оно принадлежит арийской расе, а поскольку каждый отдельный человек этой расы имел влияние, о каком он и думать бы не посмел среди инертных желтых и черных жителей, авторитет отца семейства и являлся прототипом системы правления. В глазах арийца–индуса, сармата, грека, перса, мидийца и даже кельта отцовская власть есть принцип политической власти, но вместе с тем нельзя их отождествлять. Глава государства — это не отец: он не имеет ни заинтересованности, ни отцовских чувств. Глава семьи очень редко желает зла своему потомству, но может случиться так, что царь, даже не имея злого умысла, правит таким образом, что это наносит вред интересам отдельного человека, и начиная с этого момента ценность арийца, его достоинство, исчезает: ариец перестает быть самим собой.

В силу таких причин воин белой расы отказывается от патриархата, поэтому первые цари индийских государств являлись всего лишь избираемыми чиновниками, отцами своих подданных в очень узком смысле, обладавшими ограниченными полномочиями. Позже там набрали силу раджи. Но это случилось, когда среди их подданных было меньше арийцев и больше метисов и черных. В сущности, политическое чувство арийской расы не отвергает патриархат: просто арийцы толкуют это понятие со многими оговорками.

Впрочем, такую организацию общественной власти мы видим не только у индийских арийцев. В государствах Передней Азии и на берегах Нила также применялся патриархальный принцип. Однако первоначальная идея претерпела там изменения, которые в корне отличаются оттого, что имело место, как в Китае, так и в Индии.

Будучи менее либеральным, чем в Индии, понятие патерналистского правления было выработано людьми, чуждыми возвышенной рассудительности основной расы. Оно не могло быть выражением умеренного и мирного деспотизма, как в Китае, потому что требовалось обуздать толпы жителей, плохо понимавших полезное и подчинявшихся только грубой силе. В Ассирии власть была ужасной, безжалостной: с мечом в руках она заставляла подчиняться себе. Она не терпела обсуждения и не знала ограничений. В Египте не было такой жестокой власти. Там арийская кровь поддерживала хоть какой-то порядок, и касты, не столь категоричные, как в Индии, особенно жрецы, пользовались некоторым уважением и неприкосновенностью, в чем можно видеть пусть и слабое, но отражение благородства белого вида. Что касается черного населения, фараоны всегда третировали его, как рабочий скот, — так же, как относились к их сородичам на берегах Евфрата, Тигра и Средиземного моря.

Патриархальный принцип применительно к неграм сделался абсолютным деспотизмом — безжалостным, безграничным и кровавым.

В Китае вторая часть этого принципа была совершенно другой. Арийская семья, которая принесла его с собой, не захотела отречься от прав и обязанностей победителей–цивилизаторов. Но она не приняла и черный принцип в силу того, что у местных жителей был другой характер и другие наклонности¹⁷³.

Малайская смесь, т. е. продукт соединения черной и желтой кровей, являлась тем элементом, который переселенцам–кшатриям предстояло приспособить к своим нуждам и цивилизовать, смешиваясь с ним. Можно сказать, что в ту эпоху слияние двух низших рас было не таким полным, как сегодня, и что во многих местах на юге Китая, где действовали индусы–цивилизаторы, племена, остатки племен или даже отдельные люди каждой из рас оставались довольно «чистыми» и успешно противостояли противоположному типу. Однако в результате этого неполного смешения рождались потребности и чувства, очень близкие тем, которые появились позже в результате окончательного смешения, и белые столкнулись там совсем с другими проблемами, нежели те, что стояли перед их собратьями–победителями в Западной Азии.

Мы уже определили сущность малайской расы: будучи лишенной сильного воображения, она все-таки осознала преимущества упорядоченной организации. У

173 Китайцы называли эти арийские племена людьми «с длинными лошадиными лицами».

нее есть вкус к благополучию, как у всей желтой расы вообще, причем к благополучию исключительно материальному. Она терпелива, инертна, легко приспосабливается к закону и к социальному порядку.

С такими людьми не было нужды прибегать к жестокому деспотизму, к которому привели глупость черных и постепенное порабощение хамитов, слишком близко породнившихся со своими подданными. Напротив, в Китае, когда смешение начало беспокоить арийский дух, оказалось, что этот благородный элемент по мере его распространения в массах впитывал в себя врожденные свойства местных народов. Он не передавал им свою гибкость, благородную энергию, вкус к свободе. Тем не менее, он укреплял их инстинктивную любовь к порядку и антипатию к издержкам воображения.

У китайцев очень прозаическая натура, чрезмерность ужасает их, поэтому несправедливый монарх немедленно теряет авторитет и уважение.

В этой стране принципом правления был патриархат, поскольку цивилизаторами были арийцы, которые жили среди низших народов, но на практике абсолютизм властителя не проявлялся ни в сверхчеловеческой гордыне, ни в отталкивающем деспотизме и был ограничен узкими рамками в силу того, что малайская природа не провоцировала эксцессов, а арийский дух, смешиваясь с ней, находил средю, осознающую, что спасение государства есть соблюдение законов на всех уровнях населения.

Итак, власть в Срединной Империи организовалась. Царь — отец подданных; он имеет право на их абсолютное подчинение и служит для них проводником божественной воли, поэтому приближаться к нему можно лишь на коленях. Теоретически он может все, чего захочет, но в действительности возможности его не безграничны. Народ ропщет, мандарины выказывают недовольство, министры, ползающие у ног императора, громогласно осуждают незаконное поведение отца нации, и этот отец стоит перед выбором: либо довести свои прихоти до крайности и тем самым порвать со всем священным и неприкосновенным, чему его учили с детства, либо столкнуться с открытым бунтом.

Китайские историки много пишут о том, что абсолютная власть императоров была ограничена общественным мнением и нравами, о том, что тирания в Китае никогда не пользовалась уважением, потому что природа подданных не была к ней приспособлена. Конечно, император считается властителем Срединной Империи и даже всего мира, отсюда все, что ему не подчинялось, рассматривалось как проявление варварства и нецивилизованности. Но если китайская бюрократия изощряется в выражениях верноподданничества по отношению к сыну Неба, то обычай не позволяет ему относиться к самому себе подобным образом. Его речи исполнены исключительной скромности: царь считает себя недостойным исполнять высшие функции, доверенные ему его августейшим родителем. Он почтительно разговаривает со своими детьми—подданными.

Следовательно, власть его ограничена, и нет нужды объяснять, что в такой империи принципы власти в основном никогда не менялись. Самое святое — традиция, и тирания усматривается даже в отходе императора от обычаев предков. Короче говоря, сыну Неба позволено все, за исключением посягательства на освященные традиции.

Поэтому естественно, что китайская цивилизация, с самого начала опиравшаяся на малайские народы, а позже на агломерацию желтых рас, смешанных с арийцами, неизменно стремилась к материальной пользе¹⁷⁴. Если в крупных западных цивилизациях администрация и полиция были на втором плане, то в Китае власть принадлежала чиновничеству, а война и дипломатия, в отличие от других стран, были отодвинуты также на второй план.

Непреложный и вечный принцип заключался в нормальном функционировании

174 Я уже отмечал, что в различные эпохи проникновение белой крови в население Китая было довольно значительным. Однако большинство составляла желтая раса: вначале она составляла основу общества, затем пришли монголы и еще более усилили роль желтой расы. Например, первое вторжение татар имело место в 1352 г. до н. э. А в 398 г. до н. э. из Сибири пришла династия Вей.

государства, для этого каждый человек должен был иметь пищу, одежду и кров; сельское хозяйство и промышленность пользовались покровительством правительства. Но главным условием было спокойствие и безмятежность, и все меры принимались против всего, что могло нарушить порядок. Если черная раса и имела какое-то влияние в империи, то ее принципы не были долговечны. Напротив, желтые народы с каждым днем завоевывали новые позиции и, осознавая полезность установленного порядка вещей, охотно принимали материальное благополучие как залог спокойствия. Философские и религиозные воззрения, постоянные источники пожара в любом государстве, всегда были бессильны перед апатичностью народа, который имел рис для пропитания и хлопок для одежды и не помышлял о сопротивлении властям во имя некоей абстракции¹⁷⁵.

Китайское правительство позволяло проповедовать все, высказывать самые абсурдные вещи при условии, что ни одно новшество не приведет к социальным следствиям. Как только возникала угроза порядку, администрация действовала беспощадно и подавляла потенциальную опасность с неслыханной жестокостью, пользуясь поддержкой общественного мнения. Бдительность китайской полиции общеизвестна, также известно, с какими трудностями сталкиваются русские и англичане на юго-востоке страны.

В Индии брахманизм также создал администрацию, стоящую выше, чем то, что было в хамитских, семитских или египетских государствах. Однако эта административная система не занимала первого места в государстве, где созидательная деятельность разума требовала большего внимания. Поэтому не стоит удивляться тому, что индусский гений в своей свободе и гордости, в своем стремлении к великим делам и в своих сверхчеловеческих теориях отводил материальным потребностям второстепенное место. Кстати, этому способствовала и примесь черной крови. В Китае материальная организация достигла совершенства, и, учитывая различия рас, мне кажется, что в этом смысле Поднебесная Империя добилась лучших результатов, чем нынешняя Европа. Во всяком случае, Китай нельзя сравнить с Римской империей.

Между тем нельзя не признать, что зрелище это не вызывает особого восхищения. Желтые толпы мирные и покорные только потому, что лишены чувств, выходящих за рамки физической полезности. Их религия есть отражение ситуации, которая напоминает заповеди женовских моралистов, считающих высшим благом экономию, воздержанность, осторожность, умение зарабатывать. Знаменитая китайская вежливость — это воплощение таких принципов. Она не имеет ничего общего с куртуазными манерами нашего средневековья: с благородным почтением свободного человека к людям, равным ему, со сдержанным уважением к тем, кто выше по положению, и со снисходительной любовью к низшим. В данном случае мы видим чрезмерный эгоизм, который выражается в пресмыкательстве перед высшими, в нелепых церемониях в отношении с равными и в надменном презрении к низшим. Таким образом, вежливость в Китае — чисто формальная процедура, служащая для того, чтобы каждому указать его место, а не проявить искреннее чувство.

Повседневные церемонии установлены в законодательном порядке.

Особую важность для китайцев имеет литература. Она не является средством совершенствования, как в других странах, но мощным инструментом застойности. Правительство показывает себя другом просвещения. Среди 300 миллионов жителей империи мало людей, которые не умеют читать и писать хотя бы в той мере, какая требуется в повседневной жизни, а правительство заботится о том, чтобы такая образованность распространилась как можно шире. Кроме того, правительство следит за тем, чтобы каждый подданный знал законы. Книги доступны всем, общественные чтения происходят в новолуние, чтобы внушить подданным основные правила, как-то: долг детей перед родителями и соответственно граждан перед императором и чиновниками. Таким образом, в

175 В. Шлегель отмечает, что идея счастья выражается в Китае чашкой вареного риса и открытым ртом, а идея власти — в образе бамбуковой палки и еще жестом, который означает «перемешивать воздух».

каком-то смысле китайский народ более образован, чем европейцы. В древней Азии, в Греции и Риме такого нельзя представить себе.

Простой человек знает, что необходимо сдать экзамены, чтобы подняться на более высокую ступень. Это является важным стимулом. Люди учатся тому, что имеет пользу, что знали предыдущие поколения, а само желание создать что-нибудь новое рассматривается как нарушение закона или даже предательство¹⁷⁶.

В области изящной словесности в почете буриме и изящные безделушки. Элегии бессодержательны, описания природы скорее скрупулезны, чем живописны. Ценностью обладает только роман. Китайцы лишены воображения, но сильны в наблюдательности и изяществе выражения. На этом прерывается полет китайской музыки. Драматургия плоска и посредственна, а поэзия парит в облаках среди разноцветных драконов, не имея сил подняться выше.

Философия, особенно философия моральная, которая очень почитаема, состоит из избитых максимум дидактического свойства. Зато заслуживают уважения естественные науки: прежде всего за счет наблюдательности, точности и терпения. Но теоретической науки по сути нет, так же как нет речи об астрономии. Что касается истории, китайцы сами признают, что поручают составлять и упорядочивать свои хроники миссионерам—иезуитам.

В сфере искусств мы видим еще меньше предметов для восхищения. Можно отметить точность воспроизведения цветов и растений, что высоко ценится в Европе. Есть прекрасные портретные произведения, где схвачен характер человека, которые превосходят наши плоские дагерротипные шедевры. Вот, пожалуй, и все. Большие живописные полотна вызывают странное ощущение, в них отсутствуют гений, энергия, вкус. Скульптура ограничивается банальными и чудовищными изображениями. В архитектуре отдается предпочтение восьмирядным пагодам, которые, кстати, не совсем являются местным изобретением и несут на себе черты индийского влияния; правда, они отличаются богатством деталей, и если при первом взгляде они могут произвести впечатление своей новизной, то затем они отталкивают эксцентричной монотонностью. Кроме того, в китайских строениях нет ничего прочного, что может выстоять века. Китайцы слишком осторожны и расчетливы, чтобы вложить в строительство больше средств, чем требуется с точки зрения полезности; это относится и к бесчисленным каналам, пересекающим империю, и к плотинам, особенно на реке Хуанхэ.

В материальной области китайская администрация добилась выдающихся результатов, какими не может похвастаться ни одна древняя или современная нация; я уже говорил о распространении образования, о благополучии народа, о свободе в сфере разрешенного, о достижении в промышленности и в агрикультуре, в частности, что касается конкурентоспособности таких китайских товаров, как хлопок, шелк, посуда. В этом отношении китайцам есть чем гордиться.

Согласно историческим анналам Поднебесной Империи, белая раса, создавшая китайскую цивилизацию, не смогла противостоять натиску желтых народов, которые не принесли ничего нового, кроме распространения белых принципов среди разнородного населения. Сами они легко восприняли чужую цивилизацию, т. к. она была близка их природе.

Когда арийцы приступили к цивилизации черных и желтых племен, иначе говоря малайцев, они принесли с собой патриархальную систему правления, отличавшуюся особенной гибкостью. Мы видели, что такая система у черных народов быстро превращается в безграничный деспотизм, а у малайцев, особенно у чисто желтых племен, этот деспотизм имеет более мягкие формы.

Первая политическая система этой страны отличалась фрагментарностью власти, распыленной по многим княжествам, в той или иной степени подчинившимся верховному

¹⁷⁶ Любовь к посредственному возведена в принцип. Китайский министр Као-Яо обозначил это в следующем декрете: «Народ един в лоне золотой середины. Наказания нужны для того, чтобы люди придерживались золотой середины».

правлению. Аналогичную картину мы наблюдали в Ассирии, где хамиты, а затем семиты, создали множество отдельных государств, которые в разные эпохи подчинялись либо Вавилону, либо Ниневию, а после смутных времен при потомках Соломона образовались 32 государства на обломках завоеваний Давида. В Египте до Менеса страна была разделена на несколько княжеств; то же самое произошло в Индии, где арийский тип сохранился лучше всего. При брахманах так и не произошло полного территориального объединения.

В Китае дело обстояло по-другому, что лишнее раз подтверждает неприятие единства арийцами: напомним в этой связи римское изречение «Reges et greges».

Победители арийцы, покоряя низшие расы, никогда не оставляли власть в руках одного человека. Поэтому в Китае, как и в других завоеванных землях, территория дробилась на части, находившиеся под хрупкой властью императора: так было начиная со времени нашествия кшатриев до Цин–Ши–Хуань–Ти (в 246 г. до н. э.), то есть до тех пор, пока белая раса обладала достаточной жизнеспособностью¹⁷⁷. Но когда произошло слияние с малайским и желтым семействами и не осталось даже наполовину белых групп, феодальная система в виде большого количества небольших царств утратила всякий смысл существования.

Начиная с этого момента Китай обрел нынешнюю политическую форму¹⁷⁸. Однако революционные преобразования Цин–Ши–Хуань–Ти только положили конец наследию белой расы, и единство страны ничего не прибавило к форме правления, которая осталась патриархальной. В результате последние следы независимости и личного достоинства, присущие арийской расе, навсегда исчезли в массе желтого населения.

Кстати, произошло то же самое, что у нас в 1789 г., когда новаторский дух в первую очередь считал необходимым уничтожить старые территориальные единицы. В Китае было уничтожено все, что могло напомнить о национальных различиях или княжествах. Были созданы чисто административные провинции и округа. Однако есть и различие. Китайские департаменты очень большие, а наши очень маленькие. Матуань–Линь признает, что такая организация не совсем удобна в смысле контролирования.

Однако и наша система вызывает немало критических замечаний.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В Юнь–Нане малайская раса получила первые уроки у арийцев; позже в результате завоеваний и присоединений численность желтого семейства быстро увеличилась, в результате чего в течение какого-то периода нарушилось равновесие и появились варварские обычаи.

Так, на севере умерших князей нередко хоронили вместе с их женами и воинами: этот обычай был наверняка заимствован у финнов. Кроме того, считалось за честь, когда император отправлял попавшему в немилость мандарину саблю, чтобы тот покончил с собой. Но такие жестокие обычаи продержались недолго. По мере того, как новые желтые племена вливались в китайскую нацию, они принимали обычаи и нравы китайцев. Затем, когда эти идеи овладели массами, наступил застой.

В XIII в. н. э. азиатский мир потрясла ужасная катастрофа. Монгольский хан Темучин собрал под свои знамена огромное количество племен Верхней Азии и начал завоевание Китая, которое довершил Хубилай. Монголы стали хозяевами в стране, и здесь можно было задаться вопросом, почему они, вместо того чтобы учредить свои институты, сразу приняли

¹⁷⁷ Сегодня китайцы живут в условиях императорской демократии, но в XII в. до н. э. у них не было равноправия. Народ находился в полном рабстве, люди не имели права на собственность, а также на всеобщее образование. Как и все остальные народы, они получили политическое равенство только после исчезновения крупных рас.

¹⁷⁸ С этого момента начинается национальная политическая философия. Вдохновителями централизованной императорской власти был Конфуций и позже Мень–Цеу. Феодализм для них был не менее отвратителен, чем для политиков нынешней Европы. Цин–Ши–Хуань–Ти самым энергичным образом сокрушил местных сеньоров. Начал со сжигания книг: архивов знати и свидетельств их бывшей славы. Были отменены алфавиты провинций и названия древних территорий. Страна была разбита на 36 административных департаментов во главе с мандаринами, которые часто менялись. В столицу было перевезено 120 тысяч знатных семейств и им было запрещено покидать ее.

систему мандаринов, почему они в этом смысле подчинились покоренным, приспособились к порядку китайцев и к их цивилизации и, в конце концов, по прошествии нескольких веков, были с позором изгнаны оттуда.

Вот мой ответ: монгольские, татарские и другие племена, составлявшие войска Чингисхана, почти целиком принадлежали к желтой расе. Однако поскольку основные ветви коалиции, монголы и татары, включали в себя белый элемент, например, хакасов, цивилизация была достаточно долговременной и способной объединить под одним знаменем разные племена и бросить их на достижение одной цели. Без присутствия белых принципов в желтом населении было бы вообще невозможно создать большую победоносную армию, которая в разные времена выступала из Центральной Азии: гунны, монголы Чингисхана, татары Тимура — все эти спаянные воедино, но разношерстные орды.

В этом конгломерате тон задавали главные племена в силу присутствия белого элемента, который придавал им энергию, однако этого элемента было недостаточно для того, чтобы создать цивилизацию. Можно сказать, что желтых победителей буквально опьяняла примесь белой крови и тем самым обеспечивала их превосходство над соплеменниками чисто желтой расы. Но повторяю: они не сумели последовать примеру германских народов, которые приняли римскую цивилизацию и приспособили ее к своей культуре. Хотя надо отдать им должное в том, что они смогли понять благо социального порядка и с самого начала с уважением отнеслись к организации общественных отношений китайцев.

Между тем, если и есть родство или сходство между полуварварскими народами Центральной Азии и китайцами, то об идентичности говорить не приходится. У последних белая и, в особенности, малайская примесь ощущается намного сильнее и, следовательно, у них больше способности к цивилизации. У первых есть определенная склонность к китайской цивилизации, однако в меньшей степени к тому, что имеется в ней арийского, нежели к монгольским этническим корням.

Поэтому они всегда были варварами в глазах побежденных, и чем больше они старались учиться у китайцев, тем сильнее их презирали. Таким образом, они жили изолированно среди сотен миллионов местных жителей, сосредоточившись в укрепленных лагерях, и не отказывались от применения оружия. При этом стремление имитировать изнеженный образ жизни китайцев привело к тому, что достаточно было легкого толчка, чтобы изгнать их из страны, несмотря на то, что они уже пустили там корни и были рождены от местных женщин. Такова история монголов. Такой мы увидим историю маньчжуров.

Чтобы пояснить свою мысль относительно склонности желтых завоевателей из Центральной Азии к китайской цивилизации, напомним о других завоеваниях этих кочевников за пределами Поднебесной Империи. Обычно слишком преувеличивают их дикость. Например, гунны или племена хьюнь-ню ¹⁷⁹ были совсем не такими тупыми и жестокими всадниками, какими их представляют на Западе. Конечно, они стояли на низкой социальной ступени, но тем не менее у них были довольно развитые политические институты, разумная военная организация, большие палаточные города, процветающая торговля и даже религиозные святилища. То же самое можно сказать и о других финских народах, например, киргизах — более развитой расе, чем все остальные, т. к. в ней больше примеси белой крови ¹⁸⁰. Однако эти народы, осознавая преимущества мирного правления и оседлой жизни, постоянно ополчались против всякой цивилизации, когда сталкивались или вступали в контакт с племенами, отличными от желтой расы. В Индии татары никогда не выражали склонности к брахманизму. Орды Тамерлана поспешили принять ислам. Они никоим образом не ответили на стремление семитских народов передать им свою веру.

179 Ритгер идентифицирует хьюнь-ню, тху-кью, уйгуров и хоэ-хэ. Он считает эти народы тюркскими. Впрочем, такое мнение мне кажется спорным.

180 Тюркские, монгольские, тунгусские и маньчжурские языки содержат большое количество индогерманских корней.

Победители ни в чем не изменили свои нравы, манеру одеваться и язык. Они оставались в изоляции и отвергли местную блестящую литературу, казавшуюся им абсурдной. Они вели себя как безразличные ко всему хозяева на земле покоренных народов. Насколько это чувство превосходства далеко от почтительного уважения, которое те же самые желтые племена испытали, столкнувшись с китайской цивилизацией!

Я уже приводил причины этнического порядка, которые помешали маньчжурам, как и монголам, создать настоящую империю в Китае. Если бы не существовало духовного родства между двумя расами, маньчжуры, не внесшие никакого вклада в идейную систему страны, приняли бы существующий порядок, не побоялись бы слияния с разными слоями китайского общества и сделали бы одним народом. Но поскольку они ничего не давали и очень мало брали и, несмотря на статус победителей, стояли на более низкой ступени, дело закончилось тем, что их просто изгнали.

Можно задать вопрос: что бы случилось, если бы произошло нашествие белой расы и осуществился бы дерзкий план лорда Клайва?

Этот великий человек считал, что достаточно армии в 30 тысяч солдат, чтобы покорить всю Среднюю Империю. И его расчет не кажется нелепым, если вспомнить о трусливости этих бедных людей, не желающих отвлекаться от безмятежного переваривания пищи, которое они сделали своей единственной целью в жизни. Предположим, что такой план успешно осуществился. В каком положении оказались бы эти 30 тысяч человек? По мнению лорда Клайва, они должны были вести гарнизонную жизнь в городах и портах и, возможно, совершать походы в глубь страны для того, чтобы обеспечить повиновение, свободный обмен товаров и сбор налогов. Вот и все.

Такая ситуация не могла бы продолжаться долго. 30 тысяч — слишком мало, чтобы господствовать над тремя сотнями миллионов, составляющими однородную массу в смысле чувств, инстинктов, потребностей.

Даже при многократном увеличении армии, она оставалась бы в изоляции и в конце концов была бы вынуждена уйти. А теперь представим другое: лорд Клайв отрекается от британской короны и желает царствовать сам, как император Китая, над покорным его мечу населением. В этом случае дело могло бы обернуться иным образом.

Если все солдаты принадлежат к европейской расе или если среди англичан будет много индийских или мусульманских сипаев, тогда в первом поколении они найдут в себе достаточно сил, чтобы добиться повиновения. Они будут насильно внедрять новые принципы в систему правления. Будучи европейцами, они будут возмущаться претенциозной посредственностью существующей системы, педантизмом местной науки и трусливостью, обусловленной бездарными военными институтами. И сумеют реализовать, правда, в новой форме грандиозный замысел Цин–Ши–Хуань–Ти.

Во втором поколении их число намного возрастет. Метисы, рожденные от местных женщин, будут надежными посредниками между ними и аборигенами. С одной стороны, метисы обладают разумом отцов, с другой, разделяют патриотические чувства матерей и тем самым смягчают иногда излишнюю суровость европейского мышления и лучше приспособляются к местному образу жизни. Затем, из поколения в поколение, чужестранный элемент будет все больше растворяться в массе населения, изменяя ее состав, и древняя китайская система окончательно отойдет в прошлое, потому что арийская кровь кшатриев уже давно истощилась.

При всем этом, как я отмечал выше, серьезные изменения в китайской крови не могут быть основой цивилизации европейского типа. Для того, чтобы изменить три сотни миллионов душ, вряд ли достаточно всех цивилизованных народов, собранных вместе, а метисы, между прочим, никогда не дают потомства, равного их отцам.

Поэтому я делаю следующие выводы:

1. В Китае нашествия желтой расы не меняли и ни когда не изменят многовековое состояние страны.
2. При определенных условиях нашествие белых может изменить и даже сокрушить

китайскую цивилизацию, но только через посредство метисов.

На практике эта гипотеза вряд ли осуществима, учитывая огромную численность населения.

Таким образом, китайской нации, видимо, суждено до конца сохранять свои институты. Ее можно покорить, можно владычествовать над ней, но я не вижу никакого средства преобразовать ее.

Этой неизбежности административных форм она обязана тому единственному факту, что в этой стране преобладала одна и та же раса с тех пор, как арийцы направили ее на путь социального развития, и любая чужеродная идея была бессильна свергнуть Китай с этого пути.

Китай, так же как и Индия, являет собой убедительный пример всемогущества этнического принципа в судьбах народов. Эта страна, благодаря счастливым обстоятельствам, добилась того, что не удалось брахманам со всей их энергией.

Чтобы защитить свои порядки, последним пришлось искусственными мерами оберегать чистоту своей расы. Кастовая система, всегда трудно реализуемая и часто иллюзорная, имела большой недостаток: она выталкивала из индусского семейства многих людей, которые позже помогли чужеземным захватчикам и усилили беспорядок. Тем не менее, брахманизм почти достиг своей цели, и следует отметить, что цель эта была более высокой, нежели та, у подножия которой находятся китайцы. В продолжение долгих веков Китай пребывал в мире и спокойствии только потому, что в течение четырех тысяч лет сталкивался в конфликтах с племенами, слишком малочисленными для того, чтобы растормошить сонную массу китайского населения. Поэтому оно осталось более однородным, чем индусское семейство, а следовательно — более спокойным и стабильным, но и более инертным.

Одним словом, Китай и Индия — красноречивые примеры того, что расы не меняются сами по себе, а если меняются, то лишь в частностях; что они не могут трансформироваться и никогда не отходят в сторону от пути, предназначенного каждой из них до окончания века.

ГЛАВА VI. Истоки белой расы

Итак, мы знаем, что рядом с ассирийской и египетской цивилизациями формируются общества меньшей значимости; мы знаем также, что Индия и Китай окружены государствами, одни из которых следуют примеру индусов, другие стремятся к китайскому идеалу, хотя при этом балансируют между двумя системами.

В первую группу входят Цейлон, Ява (ставшая сегодня мусульманской)¹⁸¹, некоторые острова архипелага — Бали¹⁸², Суматра — а затем и другие.

Во вторую следует поместить Японию, Корею, Лаос.

Третья включает в себя Непал, Бутан, оба Тибета, королевство Ладакх, государства Индии восточнее Ганга и часть архипелага Индийского океана, откуда малайцы перевозят китайские или индийские товары в Полинезию.

Мы знаем, что Ниневия влияла на Тир, а через Тир на Карфаген, вдохновляла гиппаритов, детей Израиля, и утратила всю свою энергию в этой стране. Мы видели, как Египет распространил цивилизацию на Нижнюю Африку. Этому же закону подчиняются малые государства Азии.

На Цейлон, Яву, Бали первые поселенцы—брахманы принесли свою культуру и кастовую систему. Значение таких поселений ослабевало по мере уменьшения количества индийской крови.

181 Начало яванской эры Айе–Сака приходится на 78 г. н. э., эпоху брахманской цивилизации, когда на острове жили пелагийские негры, которые вели примитивный образ жизни. Брахманские законы на Яве до сих пор запрещают представителям высших классов есть собак, крыс, ящериц, гусениц. Но брахманизм, как и буддизм, не пустил корней на этом острове. В начале XII в. н. э. яванцы приняли буддизм.

182 На Бали сохранились обычаи и религия брахманов, несмотря на магометанское или европейское влияние.

Задолго до прибытия арийцев кровь черных аборигенов изменялась за счет нашествий желтых народов, и во многих местах малайские метисы начали вытеснять чисто меланийские племена. По этой причине общества, создавшиеся позже под влиянием белых метисов, несмотря на все усилия отцов-основателей, отличались от тех стран, где основу составляла чисто черная раса. Малайская натура, более хладнокровная, более рассудительная и апатичная, плохо приспосабливалась к кастовому разделению, а когда появился буддизм, ему быстро удалось внедриться в полужелтые массы.

Эта религия не добивалась таких успехов там, где не было меланийских принципов. Цейлон и Ява долго оставались бастионами Будды. Поскольку на обоих островах существовал арийско-индусский принцип, там почитали культ Сакьи; на Яве есть красивые памятники — Боро-Будор, Маджапахит, Брамбана, — а также замечательная литература, в которой перемешаны идеи брахманизма и новой религии. Позже на Цейлон и Яву пришли арабские завоеватели, которые принесли ислам, и малайская кровь, разбавленная брахманскими, буддистскими и семитскими элементами, подняла ее носителей на ступень выше остальных народов этой расы.

В Японии вся внешняя структура взята у китайцев, которые в различные времена приносили ее из Поднебесной Империи. Но там есть также совершенно другие этнические элементы, обуславливающие значительные различия. Государство все еще находится в феодальном состоянии, и знать отличается воинственным характером. Двойная система правления — светская и религиозная — сталкивается с определенными трудностями. У китайцев была заимствована и политика подозрительности к иностранцам, и власти делают все, чтобы изолировать подданных от европейцев. Очевидно, это соответствует образу мышления японцев, поэтому Индия идет путем китайской цивилизации по причине большого притока желтого населения и одновременно сопротивляется этому благодаря наличию этнических принципов, не принадлежащих к финскому элементу. В японцах большая доза черной крови, а в высших классах есть и белые элементы¹⁸³.

Первые исторические сведения о стране датируются эпохой не ранее 660 г. до н. э., поэтому сегодняшняя Япония находится в ситуации, в какой был Китай под властью пришлых кшатриев до эпохи императора Цин-Ши-Хуань-Ти. Это может быть подтверждено тем фактом, что первоначально белые поселенцы цивилизовали малайское население, составившее основу страны, и что в начале исторических времен в Ассирии, Египте и даже в Китае существовали одинаковые мифы. Первыми властителями земли были боги, затем полубожественные существа. Развитие поэтического воображения, которое непонятно для людей чисто желтой расы, я объясняю наличием меланийского элемента. И это не просто гипотеза: например, Кемпфер констатирует присутствие черных на одном северном острове Японии в далекие времена. Так можно объяснить физиологические и моральные особенности, определяющие самобытность японцев¹⁸⁴.

Кстати, этот уголок земли очень мало изучен и хранит в себе больше тайн, чем его китайский прототип, которые, в свою очередь, могут дать ответы на упомянутые выше этнографические вопросы. Когда появится возможность лучше изучить Японию и соседние с ней архипелаги, мы сможем решить вопрос об американских корнях.

183 Кемпфер в своей «Истории Японии» повторяет распространенное в то время мнение о том, что все народы ведут происхождение из Ассирии, и пишет следующее. «Вскоре после потопа, смещение языков вынудило вавилонян отказаться от мысли построить башню до самого неба и разбрестись по всей земле: греки, готы и эсклавоны ушли в Европу, другие в Азию и Африку, третьи в Америку. То же самое сделали и будущие японцы, судя по всему, после долгих и трудных странствий они добрались до этой далекой земли и, увидев ее благоприятное положение и плодородие, избрали эти острова местом своего жительства»

184 На основе собственных наблюдений Пикеринг считает японцев близкими к полинезийским малайцам в расовом отношении. Вполне возможно, что до прихода индусов на Яву там жили японцы. Одно из древних названий острова — Ча-По. Там есть два района, называющиеся Джа-Пан и Джи-Панг. Известно, что в далекие эпохи японцы совершали плавания по всему архипелагу.

Так же, как и Япония, Корея является копией Китая, хотя и менее интересной во многих отношениях. Поскольку арийская кровь пришла в эти удаленные районы опосредованным образом, мы видим там результаты весьма неудачного подражания. Я уже отмечал, что Лаос стоит на более низкой ступени, еще ниже можно поставить жителей архипелага Льеу–Кьеу.

Те страны, где индийский и китайский принципы пользуются уважением местного населения, также чужды стабильности — высшего достижения цивилизаций, которые они так высоко ценят. Идеи, доктрины, нравы отличаются там чрезвычайной пестротой. К востоку от Ганга преобладают малайцы, и там наблюдаются различия, определяющиеся преобладанием желтых или черных элементов. Когда верх берет влияние с востока, брахманский дух отступает, что имеет место в течение последних веков во многих провинциях, где остались величественные руины и надписи, свидетельствующие о пребывании санскритской расы или, по крайней мере, изгнанников–буддистов.

Иногда верх одерживает белый элемент. В настоящее время его влияние ощущается в Ассаме, аннамитских государствах, в Бирме ¹⁸⁵, в Непале последние также привели к развитию брахманизма, но в какой форме! Желтая раса заимствовала у него самое худшее.

На севере, ближе к центру Гималаев, в неприступных горах, где находятся святилища ламаистского буддизма, мы видим воплощение искаженных доктрин Сакьи — это имеет место до самого побережья Ледовитого океана и Берингова пролива.

В различные времена арийские набеги оставили в самом центре этих гор многочисленные племена, смешавшиеся с желтой расой. Именно здесь следует искать исток тибетской цивилизации и причину ее влияния. В свое время китайцы оттеснили гений индусского семейства и при поддержке большинства этнических элементов завоевывают все более обширную территорию.

Вокруг Хлассы индийская культура уже потерпела поражение ¹⁸⁶. Ближе к северу она исчезает совершенно; это случилось, когда из степей хлынули кочевники Центральной Азии. В этих холодных землях царят искаженные китайские идеи наряду с реформированным буддизмом, почти лишенном индусских принципов.

Хочу повторить еще раз: этих победителей, воинов Аттилы, Чингисхана, Тимура–Хромца, оказавших такое большое влияние на судьбы мира, даже западного, мы часто представляем себе в утрированном виде — как тупых варваров, какими они не были на самом деле. Но, отдавая должное желтым всадникам, я признаю, что в их культуре не было ничего самобытного и что строители храмов и дворцов, руины которых лежат в монгольских степях, были китайцами. Кстати, замечу, что ни один местный народ не продвинулся так далеко, как киргизы. Их князья, в частности Аблай, построили в пустыне буддистские монастыри, от которых сегодня остались развалины. Некоторые из этих памятников еще в прошлом веке, когда их увидел академик Мюллер, представляли собой большие пустынные

185 В цивилизации Ассамы заметны брахманские формы. Цари считают себя потомками богов Индии, но их история начинается только с эпохи Викрамадитья (200 лет до н. э.). Здесь есть следы недавних переселений кшатриев; затем брахманизм на некоторое время ушел в тень, чтобы возродиться в XVII столетии. Сиамцы, несомненно, самый примитивный народ на земле среди относительно цивилизованных, хотя почти все они умеют читать и писать. Этот факт противоречит точке зрения английских и французских экономистов, которые считают его убедительным критерием нравственного и интеллектуального уровня народа. Кстати, следы брахманизма можно встретить даже в Тонкине, правда, в очень искаженном виде.

186 По мнению Риттера, религиозные идеи Тибета свидетельствуют о чрезвычайном смешении рас. Здесь мы видим индийские понятия, следы древнего местного идолопоклонничества, китайское влияние, а также элементы католицизма, принесенные в XIV в. европейскими монахами и не противоречившие реформе Цонг–Каба. В V в. калмыки и джунгары почти полностью уничтожили буддизм. С этого времени, особенно в царствование Сронг–Дцан–Гамбо, с севера Индии, т. е. из Бутана и Непала, начался приток переселенцев. Но с каждым днем китайское влияние ощущалось все сильнее. История женитьбы Сронг–Дцан–Гамбо — это символ двойного происхождения нынешней цивилизации Тибета. Этот монарх женился сразу на двух женщинах: одну звали Дара–Нипол, т. е. «белая», она была дочерью властителя Непала; вторая, по имени Дара–Вен–Чинга, или «зеленая», родилась в императорском дворце в Пекине. Эти две царицы и основали Хлассу, где архитектура несет на себе китайскую и индийскую печати.

залы, наполовину разрушенные, не имевшие крыши, зато все они были полны книг¹⁸⁷. Эти книги служили кочевникам для того, чтобы делать пыжи для патронов и заклеивать окна.

Откуда же появилось стремление к цивилизации у многочисленных воинственных племен XVI в., которые жили в суровых условиях на плодородной земле? Выше уже было сказано: в результате смешения этих рас с остатками белых народов¹⁸⁸.

Мимоходом коснемся проблемы, которая является очень важной и трудноразрешимой.

В предыдущей главе мы назвали шесть белых народов, известных китайцам, которые в сравнительно недавние времена жили у северо-западных и восточных границ страны.

Два народа — ю-чи и у-суни, — жившие на левом берегу Хуаньхэ рядом с пустыней Гоби, подверглись нападению гуннов и юнь-ню — племени тюркской расы. Уступив превосходству в численности, отрезанные от сородичей, ю-чи ушли на юго-запад, а у-суни еще дальше в том же направлении: на северные склоны Тянь-Шаня.

Но продвижение врага не давало им покоя и на новой родине. Через десяток лет ю-чи снова напали на них. Они перешли Тянь-Шань, прошли по новой стране у-суней и с юга вступили в Сихунь, оказавшись в Согдиане. Там обитал народ белой расы, который китайцы называли «шу», а греческие историки — «геттами», или индоскифами. Это «кеты» из «Махабхараты», нынешние «гаты» Пенджаба, «утсавараны-кета» Западного Кашмира. Геты под натиском ю-чи отступили в земли метисов и выродившихся потомков бактрийцев-македонцев. Сокрушив их, они создали там империю.

В это время у-суни успешно отражали натиск гуннов. Они расселились по берегам реки Или и основали там довольно крупное государство. Как и первобытные арийцы, они были воинственными и оседлыми скотоводами, их вожди носили титул, который в китайской транскрипции произносится «куэнь-ми» или «хуэнь-мо» — здесь легко угадывается корень германского слова.

Очень быстро этот храбрый народ добился расцвета. В 107 г. до н. э., т. е. через 170 лет после переселения, их могущество достигло такого уровня, что китайцы опирались на них в борьбе против гуннов. Между императором и вождем у-суней был заключен тесный союз, и из Срединной Империи привезли принцессу для белого властителя, которая получила титул «куэнь-ти».

Но очень скоро дух личной независимости, присущий арийской расе, решил участь монархии. При внучке китайской принцессы народ разделился на две ветви, возглавляемые разными правителями, и в результате этого злополучного раскола северную часть страны захватили желтые варвары, называвшие себя «сянь-пи», которые благодаря численному превосходству изгнали местное население. Вначале беглецы отступили на запад и север. После четырехсотлетнего пребывания на новой земле их снова прогнали. Одна их часть нашла убежище за рекой Яксарт, в Трансоксиане; остальные дошли до Иртыша и дальше до киргизских степей, где в 629 г. н. э. они попали под власть тюрков и исчезли, смешавшись с победителями.

Что касается другой ветви у-суней, ее также поглотили завоеватели, с которыми она смешалась, как вода озера смешивается с впадающей в нее крупной рекой.

Рядом с у-сунями и ю-чи, когда те жили на Хуаньхэ, были и другие белые племена. Тинь-лини занимали земли к западу от озера Байкал, кху-те — равнины на запад от у-суней, чу-ле — ближе к югу, где сегодня находится Кашгар, кьянь-куани, или хакасы, поднялись к Енисею, где позже смешались с киргизами. Наконец, янь-цаи, т. е. аланы-сарматы, дошли до северной оконечности Каспийского моря.

187 У этого ученого была своя особая манера исследовать незнакомые земли. Он приезжал в город или деревню и окружал себя доступным комфортом. Затем отправлял на разведку капрала и три десятка казаков и скрупулезно записывал все, что ему докладывали.

188 Свидетельства этому факту можно встретить в тюркских и монгольских языках, в тунгусском и маньчжурском. В них очень много индогерманских корней. Что касается физиологии, можно отметить, что у некоторых сегодняшних жителей Монголии голубые или зеленые глаза, светлые или рыжеватые волосы.

Не надо забывать, что речь здесь идет о 177—200 гг. до н. э. и что все перечисленные белые народы при первой возможности создавали государства. Теперь перейдем к аргументу, вытекающему из вышесказанного.

В древние времена до прихода белых народов черная раса занимала южную часть земли, граница которой в Азии проходила по нижнему побережью Каспийского моря, с одной стороны, а с другой, по горам Куэнь–Луня и Японским островам; желтая раса в ту же эпоху продвинулась до Куэнь–Луня и побережья Ледовитого океана, а в Европе она обитала в Италии и Испании, что предполагает ее присутствие в северных землях; что касается белых народов, они встречались даже по границам Турана и захватывали совершенно незнакомые им земли, поэтому вполне очевидно, что их первые поселения надо искать на плато в центре Азии. На юге граница этих территорий проходит от Аральского моря до верхнего течения Хуаньхэ и Кукунара. На западе граница идет от Каспийского моря до Урала. На востоке она резко сворачивает от Куэнь–Луня к Алтаю. Северную границу определить труднее, и мы постараемся сделать это.

Белая раса была очень многочисленна, что является неоспоримым фактом ¹⁸⁹.

Доказательства я представил выше. Кроме того, она вела оседлый образ жизни и, несмотря на значительную утечку населения, многие белые племена остались на северо–западе Китая и жили там еще долгое время после того, как желтым племенам удалось сломить сопротивление главной группы белой расы, изгнать ее и обосноваться в Южной Азии. Таким образом, в XI в. н. э. ю–чи и у–суни занимали не совсем обычное географическое положение на левом берегу реки Хуаньхэ, выдвигаясь к верхней части Гоби, т. е. прямо на пути желтых завоевателей, и к центру Китая; такое положение можно было бы считать вынужденным, результатом сильных ударов, которые вытолкнули обе белые группы с древней и более удобной территории, если бы относительное положение шести других народов, упомянутых мною, не говорило о том, что все эти племена большого разбросанного семейства расселились естественным образом в соответствии с древним территориальным делением белой расы в эпоху совместного проживания. Таким образом, белые народы еще в древности распространились от озера Кукунор к востоку, между тем как на севере в более поздние времена они соседствовали с Байкалом и верхним течением Енисея. Теперь, когда мы уточнили границы, посмотрим, нет ли на этой территории материальных следов наших далеких сородичей. Я понимаю, что это очень трудно сделать, но задача вполне реальная, если учесть любопытные и загадочные открытия, которые в прошлом веке привлекли внимание Петра Великого.

Казаки, покорители Сибири, в конце XVI в. обнаружили земляные и каменные курганы посреди пустынных степей по берегам рек. Они встречаются и на среднем Урале. Некоторые, причудливо сложенные из блоков серпантина и яшмы, имели пирамидальную форму и доходили до 500 шагов от подножия до вершины.

По соседству с этими захоронениями видны остатки массивных валов и шахт, содержащих золото, серебро и медь.

Казаки и российские власти в XVII в., возможно, не обратили бы особого внимания на эти безвестные остатки древности, за исключением, пожалуй, рудников, если бы не одно интересное обстоятельство. У киргизов был обычай раскапывать могилы, для некоторых из них это было чем–то вроде профессии. Они извлекали оттуда золотые, серебряные и медные украшения или орудия труда. Скорее всего, железных вещей там не было. В могилах простых людей ценных находок не попадалось, поэтому воры оставляли их в покое, и они сохранились до наших дней. А богатые захоронения безжалостно раскапывались, т. к. там

189 Сибирь, где она обитала, занимает огромное пространство. Там было достаточно пищи для множества людей. В долинах нынешней Монголии, которые китайцы называют «Земля растений», есть бескрайние пастбища, где пасутся бесчисленные стада. Рожь и овес можно выращивать далеко на севере. В Кашгаре, Хотене, Аксу, Куче, на широте Сардинии, выращивают хлопок и шелкопряд. Дальше к северу, в Яркенде, Хами, Карачаре, созревают гранаты и виноград. За Енисеем, к востоку от Саянска, особенно за Байкалом, Сибирь становится гористой и более живописной.

было немало ценного.

Казаки не замедлили присоединиться к этим разрушительным поискам, но Петр Великий, узнав об этом, строго запретил уничтожать или присваивать плоды раскопок и приказал отправлять их в Санкт–Петербург. Таким образом, в столице появился любопытный музей «чудских» древностей, представляющих и материальную, и историческую ценность. Эти памятники древности получили название «чудские», или «даурские», в честь финских народов, т. к. другие их авторы были неизвестны¹⁹⁰.

Между тем открытия этим не ограничивались. По мере продвижения на восток находили все больше захоронений, остатков укреплений и рудников. На Алтае — обнаружили даже развалины городов, и пришло понимание того, что эти загадочные следы цивилизованного человека охватывают огромную территорию: от среднего Урала до верхнего течения Амура, занимая всю Азию и свидетельствуя о том, что ныне пустынные и бесплодные сибирские равнины когда–то были местом развитой цивилизации. Южная граница древних памятников еще не установлена. В Семипалатинске, на Иртыше, в Томской губернии много больших земляных и каменных насыпей. На Тарбагатае и в Каинде найдены колоссальные руины древних городов¹⁹¹.

Все это материальные факты, которые требуют ответа на вопрос: какие многочисленные и цивилизованные народы оставили нам эти укрепления, города, могилы, золотые и серебряные вещи?

Чтобы ответить на него, воспользуемся методом исключения. Нет оснований приписывать все эти чудеса великим империям желтой расы Верхней Азии. Они также оставили следы своего существования: мы хорошо их знаем и не можем спутать с теми, о которых идет речь. Они имеют другой вид и другое расположение. То же самое можно сказать о следах кратковременного расцвета отдельных народов, например, киргизов. Буддистские монастыри в Аблай–Китка никак не спутать с чудскими сооружениями¹⁹².

Давайте оставим в покое новые времена и поищем в далекой древности эпоху, к которой могут относиться эти памятники. Риттер полагает, что жители этой загадочной северной империи могли быть «аримаспами» Геродота.

Я позволю себе возразить достопочтимому немецкому эрудиту, который, должно быть, и сам не уверен в своей правоте. Отец истории пишет, что севернее индусов живут аримаспы — Геродот дает их описание, — севернее аримаспов живут грифоны, еще выше — гипорборей. Все это полуфантастические народы, которыми поэты Индии заселили Уттара–Куру¹⁹³. Я не вижу никаких оснований приписывать этим призрачным существам, за которыми скрываются реальные люди несомненно белой расы, то, что совершили исторические народы или племена. Логичнее видеть в исседонах, аримаспах, грифонах, гипербореях осколки древнего белого общества, народов, родственных зороастрийским арийцам, сарматам¹⁹⁴. Это

190 Чудские захоронения и рудники на севере доходят до 58°, на юге до 45°. С востока на запад они тянутся от среднего течения Амура до Волги и восточных склонов Урала.

191 Эти памятники можно разделить на две группы, и самые древние свидетельствуют о развитой цивилизации.

192 Риттер сделал меткое замечание: каким образом такие желтые народы, как, например, калмыки, совершенно лишённые воображения, могли создать миф о грифонах или быть аримаспами.

193 Греки черпали свои знания у народов Центральной Азии через бактрийцев, поэтому они во многом совпадают с «Махабхаратой». Уттара–Куру, первобытная страна кауравов, или аттакори Плиния, — это Хатака, золотая земля. Рядом с ней обитают рисикасы с роскошными волосами, очень похожие на аримаспов.

194 Нет сомнений в том, что первый слог названия аримаспов содержит указание на принадлежность к белой расе. И сегодня в северной Сибири встречается корень «ар». Вотяки называют себя «арры», а свою страну «Арима». Это, конечно, не означает, что вотяки являются арийским народом, но они могут быть метисами, потомками белых и желтых, сохранившими название родины предков. В монгольском языке «аре» означает «мужчина», а «арион» — «чистый».

можно подтвердить тем обстоятельством, что до сих пор географы помещали эти племена на землях вокруг Согдианы, но никак не на севере Сибири. Об этом же речь идет у Геродота. Рассказы об Аристее из Проконнеса в изложении Геродота относятся к эпохе, когда белые народы Азии жили раздробленно и подвергались давлению соседей, поэтому не могли создать что-нибудь значительное и оставить следы крупной цивилизации на таких больших просторах.

Если бы эти народы были настолько сильны, какими их изображает Риттер, китайцы непременно имели бы с ними широкие связи, а греки, узнавшие столько нового и полезного от китайцев, в которых можно узнать «безволосых, сообразительных и очень мирных аргипеев» Геродота, привели бы множество подробностей об истории памятников «чуждской культуры». Поэтому я не считаю вероятным, что в VI в. до н. э. вся Центральная Азия была местом обитания большого цивилизованного народа, расселившегося от Енисея до Амура, о котором ничего не известно ни грекам, ни персам, ни индусам.

Если нет возможности связать эти памятники с эпохой Геродота или отнести их ко времени Александра, когда этот завоеватель дошел до края Согдианы и не встретил ничего подобного, тогда приходится погрузиться в более далекое прошлое и признать Сибирь первым местожительством белой расы, когда ее различные народности жили вместе и у них еще не было причин уйти оттуда и разойтись в разные стороны.

Эту гипотезу подтверждают все находки, добытые из чудских, или даурских, могил и развалин. Рядом со скелетами лежат лошадиные черепа, седла, сбруя, монеты с изображением розы, медные зеркала, часто встречающиеся у китайцев и этрусков, а также в тунгусских юртах, где эти предметы служат для магических культов. Их много даже в самых бедных даурских могилах¹⁹⁵. Еще более знаменательно то, что в прошлом веке на одном памятнике, имевшем форму обелиска, и на надгробных камнях обнаружили пространственные надписи. Такая же надпись фигурирует на вазе, извлеченной из одного захоронения, и господин Гримм утверждает, что между ними и германскими руинами существует если не полное, то хотя бы частичное сходство¹⁹⁶. Еще один красноречивый факт: среди самых распространенных орнаментов — козьих, оленьих и других рогов на предметах из металла — фигурирует сфинкс. Он изображен также на ручке зеркал и высечен на камнях.

Для таинственных обитателей древней Сибири сфинкс означал защиту потомства. Он не щадит себя и в конце концов возрождается. У персов на стенах Персеполиса, или в Египте, где он молчаливо взирает на пустыню, или у греков на Сифероне, сфинкс кажется недоступным и загадочным, а у аримаспов, как зорко подметил Геродот, на его плечо уже можно положить руку и назвать имя его хозяина. Скорее всего, он принадлежит всей белой расе, является ее наследием, и хотя еще не раскрыто его значение, можно с уверенностью заявить, что сфинкса можно встретить всюду, где побывали арийские народы.

Итак, северные азиатские степи, сегодня такие унылые и безлюдные, но не такие бесплодные, как считалось раньше, — это и есть та земля, о которой говорят иранцы: Арьянемваего, колыбель их предков. Рассказывается, что Ариман наслал на нее зиму, и лето там продолжалось менее двух месяцев. Это Уттара-Куру брахманов: земля, расположенная на крайнем севере, где царит самая полная свобода для мужчин и женщин, свобода под контролем разума, потому что там обитают риши, древние святые. Это Гермения эллинов, родина гипербореев, жителей крайнего севера, высших существ, чья жизнь длинна, добродетельность велика, знания бесконечны, судьба счастлива. Наконец, это земля на востоке, о которой германские суевы рассказывают с безграничным уважением, потому что

195 У бурятов мало юрт, где не было бы таких зеркал. Лама ловит в них отражение Будды, затем льет на них воду, сливает ее в сосуд, в котором она будет хранить священный образ.

196 Этот шведский капитан-путешественник, первый заговоривший о чудских памятниках, сделал интересное замечание в Исландии в древние времена писали на рыбьих костях нестираемой красной краской, такие же таблички встречаются у пермяков, на берегах Енисея, в истоках Ирбита и в других местах Сибири.

она взрастила их славных предков, самых достойных из людей, семнонов.

Итак, мы познакомились с четырьмя арийскими народами, которые после раскола в семействе, больше никогда не соприкасались друг с другом и которые обосновались в северных землях к востоку от Европы. Если отвергнуть этот факт, тогда я больше не знаю, что может служить надежной основой для истории.

Сибирь хранит на своих молчаливых землях священные памятники эпохи, не менее древней, чем эпоха Семирамиды, не менее величественной, чем эпоха Немрода. Мое восхищение вызывают не глина, не резной камень, не плавленный металл. Я размышляю о том, что существовала цивилизация в те далекие геологические времена, когда на земле еще происходили катаклизмы и пустыня Гоби только-только освобождалась от огромного моря. К XVI в. до н. э. хамиты и индусы появились на пороге южного мира. Мало времени остается до предела, который религия и естественные науки определили для жизни земли — какие-нибудь два тысячелетия, — и именно в этот период происходит мощный рывок в социальном развитии, не оставляющий ни малейшего шанса первобытному варварству. Я не раз говорил о социальности и достоинстве, присущим белой расе, и надеюсь, что окончательно подтвердил этот факт. Дикое человекообразное существо, первого человека философов-материалистов, чей призрак служит им для того, чтобы отвергать все, что достойно уважения в общественных институтах, мы изгнали в краали готтентотов, в тунгусские хижины и пещеры пелагийцев, и теперь должны признать, что научные открытия подтверждают правоту Книги Бытия.

Священная книга не допускает дикарей в эпоху рождения мира. Первый человек действует и рассуждает не в силу слепых капризов и животных страстей, а сообразно с установленными правилами, которые теологи называли «естественным законом» и истоком которых является не что иное, как откровение, создающее мораль на более прочной основе, чем абсурдное право на охоту и ловлю рыбы, предлагаемое проповедниками социализма. Откроем Книгу Бытия и во второй главе узнаем, что если оба предка голые, так лишь потому, что они невинны или «не ведают стыда». Как только райское существование заканчивается, основатели белой расы не уходят бродить по пустыне: они сразу осознают необходимость работать и сразу цивилизуются, т. к. понятия о сельском хозяйстве и скотоводстве уже заложены в них. Библия настолько категорична в этом вопросе, что создателем первого города является Каин, сын первого человека, и этот город носит имя Еноха, внука Адама.

Нет смысла рассуждать о том, буквально или иносказательно следует понимать этот текст. Я ограничусь констатацией того, что, согласно религиозной традиции, которая и есть наиболее полный рассказ о первом периоде человечества, цивилизация рождается, так сказать, вместе с расой, на что указывают все факты.

Еще несколько слов о желтой расе. Начиная с самого раннего прошлого на ее пути стоит мощная плотина в виде белой цивилизации, и чтобы преодолеть ее, желтым приходится разделиться на два потока и затем хлынуть в Европу и Восточную Азию вдоль Ледовитого океана, Японского моря и берегов Китая. Но учитывая устрашающее количество, которое устремилось на север Монголии, нельзя считать, что эти толпы появились и продолжали множиться только на землях тунгусов, остяков, якутов и на Камчатке.

Следовательно, исходным местом пребывания желтой расы является американский континент. Из этого факта я делаю следующие выводы.

Белые народы, вначале изолированные от сородичей, принадлежавших к двум другим видам, в результате космических катастроф и еще не встречавшие ни желтых, ни черных племен, не могли себе представить, что на земле есть люди, которые отличаются от них. Такое мнение при первых встречах с финнами и неграми еще более укрепилось. Белые не могли допустить и мысли о том, что эти существа — такие же люди, как и они сами, тем более, что те отличались враждебностью, жестокостью, уродством и с гордостью называли себя детьми обезьян. Позже, когда начались конфликты, высшая раса заклеяла обе низшие, особенно черные племена, словом «варвары», которое так и осталось знаком справедливого презрения. Но при этом не следует забывать о том, что желтая раса, напористая

победительница, оказавшись среди белых народов, напоминает реку, которая на своем пути размывает золотоносные пески и при этом обогащается. Поэтому так часто эта раса предстает в истории наполовину цивилизованной и способной к цивилизации, играющей важную, пусть и разрушительную роль, между тем как черная раса, имеющая мало контактов с белыми народами, до сих пор пребывает в глубокой летаргии.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ **Полусемитские цивилизации Юго–запада**

ГЛАВА I.

История существует только у белых народов. Почему почти все цивилизации появились в западном полушарии

Теперь оставим эти живущие изолированно народы, менее других подверженные этническому смешению, которые в течение многих веков смогли сохранить свой образ жизни. Такое редкое зрелище мы уже видели в Индии и Китае. Предметом нашего рассмотрения будут народы, которые связали свои интересы, идеи, доктрины и судьбы с нациями совершенно иного типа и чьи общественные институты не были долговечны. Начиная с VII в. до н. э. мы будем свидетелями бурной истории большинства белых народов, где преобладает нестабильность и непостоянство цивилизаторской идеи. Рассуждая о событиях в Индии и Китае, мы оперировали десятками столетий, а теперь будем измерять срок жизни цивилизаций в пять–шесть веков. Мы увидим, что самые выдающиеся политические творения живут две сотни лет, а затем трансформируются или умирают. Нас ослепит кратковременный блеск Греции и республиканского Рима, затем, перейдя к новым временам, мы утешимся тем, что хотя наши социальные системы живут недолго, они все же оставляют неизгладимый след в истории, особенно начиная с VII в. до н. э., когда происходила полная трансформация роли белой расы в делах западного мира.

Запад всегда был мировым центром, и это заявление обоснованно, хотя все народы могут в той или иной мере претендовать на это для индусов Арьяварта — сердцевина подлунного мира, вокруг этой священной страны располагаются двипасы, соединенные с центром, как лепестки лотоса со стеблем божественного растения. Для китайцев вселенная сосредоточена вокруг Поднебесной Империи. Такими же мыслями тешились греки: их храм в Дельфах был пупком Великой Богини. То же можно сказать о египтянах. Роль нации на земле не может определяться географическим положением, ни один народ не может претендовать на постоянную цивилизаторскую миссию, и в этом вопросе я позволю себе оспорить знаменитый труд Джоберти. Только с моральной точки зрения можно утверждать, отбросив патриотические чувства, что центр тяжести социального миропорядка находился в пределах западных земель, перемещаясь в различные эпохи между двумя крайними точками: Вавилон — Лондон, с востока на запад, и Стокгольм — Фивы в Египте, с севера на юг.

Западный мир в очерченных мною границах представляет собой шахматную доску, на которой сталкиваются самые важные мировые интересы. Это озеро, которое то и дело выходит из берегов и изливает свои воды на остальную часть земли, иногда опустошая ее, но всегда оплодотворяя. Это сад, где все растения — лекарственные и ядовитые, питательные и смертельные — находили своих садовников. Здесь сконцентрированы самые важные события, самые разнообразные факты и конфликты. В Китае и Индии также происходило немало потрясений, следы которых мы находим с большим трудом. У цивилизованных народов Запада не было ни одной серьезной битвы, революции или смены династии, которые бы не дошли до нас из глубины в тридцать столетий, причем с такими подробностями, которые до сих пор удивляют читателя, а его взор и сегодня восхищается утонченными

формами скульптур.

Чем же объяснить такую разницу? Тем, что в восточной части мира постоянная этническая борьба происходила только между арийским элементом, с одной стороны, и черными и желтыми принципами, с другой. Нет нужды напоминать, что там, где черные народы вели борьбу между собой, где желтые племена также были изолированы от других, и там, где сегодня преобладают черно–желтые метисы, история невозможна. Такие конфликты бесплодны, поэтому настоящая цивилизация там не может появиться. Примером тому служат Америка, большая часть Африки и Азии. История возникает только из соприкосновения с белой расой.

В Индии ей противостояли низшие народы. Вся ее энергия была направлена на защиту от вторжения и от чужеродных принципов. Эта политика проводилась очень энергично с осознанием грозящей опасности и, можно сказать, с чувством безнадежности, которое можно было бы считать чем–то романтическим, если бы не столь убедительные результаты. Хотя надо отметить, что эта борьба не привела к появлению, собственно говоря, истории. Участвующие в ней белые народы, как сказано выше, проживали компактно, и единственной их задачей было победить и выжить. У них не было желания фиксировать факты. Кроме того, если верно, что у счастливых народов нет истории, то так же верно, что им просто неинтересно рассказывать о том, что и так известно им всем. Развитие унитарной цивилизации не связано с большими нововведениями и резкими переменами в мышлении, доктринах и нравах. Поэтому индийские хроники имели теологическую и поэтическую форму и были лишены хронологии.

В Китае издревле занимались сбором фактов. Это можно объяснить тем, что китайцы рано вступили в отношения с народами, не слишком многочисленными, чтобы покорить Китай, но достаточно сильными, чтобы постоянно тревожить их, и эти народы приходили не только с саблей в руках, но и приносили свои идеи. Китай далеко от Европы, тем не менее, он сталкивался с самыми разными переселенцами, и чем больше читаешь китайские хроники, тем больше встречаешь в них сведений о наших корнях, которых не дает нам история Арьяварты. Благодаря им мы изменили мнение о гуннах и аланах, узнали подробности о славянах, а также о сарматах.

Впрочем, древние сведения, сохранившиеся в литературе Поднебесной Империи, больше относятся к северо–западным землям Китая, нежели к южным районам. Это связано с частыми контактами китайцев с белыми или смешанными племенами, жившими рядом с ними.

Итак, мы имеем следующую картину, что касается исторических хроник: полное молчание черных или желтых народностей; за ними следуют: Индия с цивилизаторами, у которых почти нет истории, т. к. они мало общались с другими ветвями своей расы; затем Египет, где также мало исторических сведений по тем же причинам; Китай — здесь мы уже видим кое–какую хронологию по причине постоянных контактов с арийцами; и наконец западный мир — Передняя Азия и Европа, где история уже существует в полном смысле этого слова. Здесь совершенно иная картина, начиная с VII в. до н. э., когда многочисленные группы белых метисов конфликтовали друг с другом и без конца изменяли форму своих цивилизаций в результате конфликтов, между тем как черные и желтые племена оказывали на белых победителей латентное воздействие, которое проявилось только с течением времени. Одним словом, история начинается в западных землях, и с тех времен в ней будут фигурировать в основном арийцы, семиты (хамиты уже слились с ними), кельты, славяне — все народы, которые создавали свои цивилизации и всегда соперничали с другими. Этот глубокий непрекращающийся антагонизм скрупулезно регистрировался, тогда как другие народы, не переживавшие таких бурных событий, не считали нужным хранить в памяти даже свои победы. Таким образом, западная часть Азии и Европы представляет собой арену, на которой решались самые важные вопросы человечества. Именно там происходила история.

Там шла постоянная борьба амбиций, там осуществлялись грандиозные планы в той мере, в какой преобладал белый элемент: не следует забывать, что высшая раса давно

утратила свою чистоту и всюду опирается на разнородную этническую основу, которая незаметно парализует ее. В эпохи, когда белая раса действовала в полную силу, мы наблюдаем на Западе, где сошлись все цивилизующие течения, взаимное обогащение различных ветвей белой расы. Так, в лучшие времена Греции Афины овладели высшими достижениями египетской науки и индийской философии.

В Риме умели использовать открытия, сделанные в самых удаленных уголках земли. В средние века, когда гражданское общество во многих отношениях было ниже, чем при Цезарях и Августе, тем не менее происходило накопление знаний! Ученые все глубже проникали в сокровищницу восточной мудрости, бесстрашные путешественники, подталкиваемые гением авантюризма, присущим их расе, совершали далекие путешествия. Но разве можно сравнить с гигантами Древнего Рима даже французского короля или папу XII в., которые поощряли такие предприятия?

Но давайте вернемся в VII в. до н. э., В эпоху, когда на просторах западного мира начинается позитивная история, когда государства уже не могут существовать долго, когда столкновения народов и цивилизация происходят через короткие периоды времени, а периоды бесплодия и плодовитости в одной и той же стране чередуются и сменяют друг друга в зависимости от пропорции белых элементов в черной или желтой массе.

Я не собираюсь повторять свои аргументы против теории о роли географического положения для формирования цивилизации, поскольку Париж, Лондон, Вена, Берлин или Мадрид не укладываются в эту схему, согласно которой вместо них мы бы увидели такие торговые центры, как Кадикс, Гибралтар или Александрия, и история постоянно бы вращалась вокруг них. В конце концов, это действительно места, имеющие самое благоприятное расположение для торговых обменов. Но, к счастью, дело обстоит по-другому, и у человечества есть более важные интересы, чем экономика. Более возвышенные движущие силы определяют развитие мира, и Провидение еще на заре времен установило правила социального притяжения, а именно: самая важная точка на земном шаре не обязательно должна иметь самые благоприятные условия для купли и продажи, для циркуляции товаров или для их производства. Такой точкой всегда было место, где в данный момент обитала самая чистокровная часть белой расы, самая сильная и способная. И таким местом могли быть холодные полярные земли или знойные районы на экваторе. Это было место, где сходились все идеи, тенденции и усилия, и не было климатических или географических препятствий для того, чтобы туда через моря, реки и горы поступали товары из самых дальних стран.

Постоянные изменения социальной значимости больших городов — это убедительное опровержение претенциозных мнений экономистов, которые человеческую жизнь в целом и даже жизнь целых народов обосновывают принципом производства и потребления, а слово «честь» у них теряет свое исконное значение. Личную экономию они возводят в высшую добродетель, воспевают осторожность, бережливость и мирную жизнь, тем самым считая преданность и верность общественным идеалом, мужество и стойкость едва ли не грехами. Чтобы не углубляться в эти вопросы, повторю еще раз: независимо от удобного местоположения в смысле торговли, цивилизации древности всегда стремились к западу просто потому, что сами белые племена перемещались в этом направлении, и, только достигнув нашего континента, они встретились с желтыми метисами, которые внушили им утилитарные идеи, с оговоркой принимаемые белой расой и отвергаемые семитами. Поэтому неудивительно, что по мере продвижения на запад белые народы становятся все более прагматичными и все менее артистичными. Но это ни в коей мере не обусловлено влиянием климата. Причина только в том, что они все больше смешиваются с желтым элементом и отходят от меланийских принципов.

Попробуем составить список, который поможет прояснить мою мысль. Иранцы были более реалистичны и имели больше «мужских» признаков, чем семиты, а те в свою очередь превосходили в этом отношении хамитов. Итак, мы имеем следующий порядок:

черные,

хамиты,
семиты,
иранцы.

Затем следует монархия Дария, пропитанная семитским элементом; она передает эстафету грекам, которые, несмотря на то, что уже претерпели смешение ко времени Александра, содержали в себе меньше меланийских элементов.

Вскоре греки, оказавшись в массе азиатского населения, в этническом отношении опустятся ниже римлян, которые раздвинут границы империи еще дальше на западе, несмотря на дальнейшее смешение и семитизацию сохранили бы свое владычество, если бы не появились более белые соперники. Вот почему арийцы–германцы создали свою цивилизацию на северо–западе.

Еще раз напомним, что географическое положение народов в минимальной степени влияет на их политическое, интеллектуальное или торговое могущество, как мы видели это в Китае, где преимущество перешло от Юн–Наня к Пе–Че–Ли, и в Индии, где сегодня северные районы более развиты, хотя изначально пальма первенства принадлежала югу. Точно так же и в западной части мира климат не играл большой роли. Вавилон, где вообще нет дождей; Англия, где постоянно льет с неба; Каир, где печет солнце; Санкт-Петербург, где свирепствует холод, — вот красноречивые аргументы в подтверждение вышесказанного.

То же самое можно сказать о плодородии. Голландия свидетельствует о том, что гений народа преодолевает все трудности, строит города на воде и создает процветающее государство на болотах. Другое доказательство — Венеция, где вообще нет суши, нет даже болот, но есть государство, поражающее своим блеском и долгожительством.

Итак, очевидно, что только расовыми причинами можно объяснить жизнестойкость народов; история создавалась и творилась там, где собирались вместе несколько групп белой расы; история становится позитивной в среде белых народов, и только память об их деяниях имеет значение для человечества. Из этого следует, что история в разные времена благоволит больше к той нации, в которой осталось больше белой крови.

Прежде чем перейти к рассмотрению перемен, происшедших в VII в. до н. э. В западных обществах, извлечем уроки из некоторых вышеизложенных принципов, для чего подвергнем анализу этнический состав зороастрийцев.

ГЛАВА II. Зороастрийцы

Бактрийцы, мидийцы, персы составляли группу народов, которые одновременно с индусами и греками отделились от остальных белых семейств Верхней Азии. Они также спустились с северных окраин Согдианы. Эллинские племена повернули на запад через горы вдоль южного берега Каспийского моря. Индусы и зороастрийцы продолжали жить вместе и называться общим именем «aryas» или «airyas» в течение долгого периода до тех пор, пока религиозные распри не приобрели невыносимую остроту и не привели к образованию отдельных народов¹⁹⁷.

Зороастрийские народы занимали довольно большие территории, северо–восточные границы которых определить очень трудно. Возможно, они простирались до Муцтагха и нижних плоскогорий, откуда позже они пришли в Европу под именами сарматов, аланов и асов. На юге границы известны лучше: от Согдианы их земли охватывали Бактрию и страну мардов до пределов Аракозии и Тигра. Но эти обширные земли включали в себя большие пустынные территории, не приспособленные для большого числа людей. Там есть песчаные пустыни, пересекаемые каменистыми горами. Арийцы не могли обосноваться в тех местах;

197 В «Зенд–Авесте», проповедующей протестантский закон, говорится, что в древности вера была другой. Она называлась верой «древних людей», пискадийцев. Вряд ли речь идет о брахманизме. Скорее всего это была доктрина, породившая брахманизм, культ пурохит, возможно, даже их предшественников. «Зенд–Авеста» ясно называет пискадийцев «Древними людьми» в отличие от тех, которые жили до раскола с индусами и которые имеют отношение к сыновьям Ману, лишенного, согласно «Ригведе», своей доли отцовского наследства.

таким образом, гений расы был навсегда исключен из деятельности, которая позже привела к появлению мидийских и персидских монархий. Провидение уготовило им честь создания европейской цивилизации.

Даже отделившись от индусов, зороастрийцы, жившие на востоке, мало чем отличались от первых. Тем не менее жители Арьяварты, признавая их как сородичей, решительно отказывались видеть в них соотечественников. Этим приграничным племенам было тем легче оставаться наполовину зороастрийцами, что религиозная реформа, определившая судьбу целого свободолюбивого народа, не способствовала созданию таких прочных социальных связей, как в Индии. Напротив, можно предположить, что, поскольку бунт был направлен против тиранической доктрины, протестантский дух, в силу естественного закона обратной реакции, отверг строгую дисциплину брахманов. Действительно, зороастрийские народы очень враждебно относились друг к другу. Каждый из них, согласно природе белой расы, вел бурную жизнь среди богатой природы под властью избираемых или наследственных вождей, которые считались с общественным мнением. И каждое племя стремилось к независимости. В таком состоянии они постепенно спустились на юго-запад, где встретились с ассирийцами.

До этой встречи первые поселенцы столкнулись в окрестностях Гедрозии с черным населением или хамитами и смешались с ними ¹⁹⁸.

По этой причине южные зороастрийцы, те, которые разделили славу Персии, очень рано приняли определенную дозу меланийской крови. Еще до завоевания Вавилона основная их масса, особенно сильно пропитанная этим элементом, опустилась почти до состояния семитов.

Об этом свидетельствует тот факт, что бактрийцы, мидийцы и персы были единственными зороастрийцами, которые сыграли историческую роль. Остальные остались сородичами этих славных семейств.

Может показаться странным, что эти арийцы, имевшие в жилах черную кровь, которую они получили непосредственно или через выродившихся хамитов и семитов, сумели занять такое видное место в истории. А если предположить у всех этих племен одинаковую степень смешения, тогда будет трудно объяснить с этнической точки зрения их владычество над ассирийцами.

Но чтобы получить ответ, достаточно сравнить зороастрийские языки, что, впрочем, я уже делал в предыдущих разделах.

Зендский язык, на котором говорили бактрийцы, жители Балка, названного на Востоке «матерью городов» ¹⁹⁹, самые могущественные из древних зороастрийцев, почти не содержал семитских примесей, зато диалект Персии имел их, хотя в меньшей мере, чем мидийский, в свою очередь менее семитизированный, чем пехливи; таким образом, кровь будущих завоевателей Передней Азии в своих самых благородных южных ветвях сохранила достаточно арийского, чтобы объяснить их превосходство.

Мидийцы, и особенно персы, были продолжателями древней славы бактрийцев, которые первыми в семействе ступили на путь магизма, а затем утратили все свое влияние. Их наследники оставались арийцами, конечно, в меньшей степени, чем северо-восточные зороастрийцы и даже греки, хотя не меньше, чем их современники индусы, но в большей, чем их сородичи на берегах Нила. Большим и непоправимым недостатком мидийцев и персов при их выходе на мировую политическую арену была их небольшая численность и

198 Филолог Клапрот отмечает чрезвычайное смешение всех наречий Передней Азии либо с арийскими или семитскими, либо с финскими элементами. Последнее обстоятельство имеет место в древнеармянском языке, который, по его мнению, имеет много общего с языками северной части Азии.

199 Бактрийцы, по-зендски «*bakhdi*», — это бахликасы из «Махабхараты». Они были предками последних куравов и паиду. Здесь явно указывается на их арийское происхождение. Некоторые ученые связывают бахликасов с афганцами, чье национальное название — пуштуны. Название Балка, которое дали городу бактрийцы, не самое древнее. Раньше город назывался Зариаспе.

выраженное вырождение остальных зороастрийских племен юга, их естественных союзников. Тем не менее, какое-то время они оставались властителями. В них еще оставалось кое-что от лучших признаков белой расы — религия, более близкая к истокам, чем верования семитов.

Уже в далекие времена одна мидийская династия царила в Ассирии. По причине малочисленности ее подчинили себе халдейские семиты, спустившиеся с северо-западных гор. С этого времени известная религиозная доктрина связывается с именем Зороастра, которое носил первый царь этой арийской династии; его не надо путать с религиозным реформатором, но наличие этого имени в 2234 г. до н. э. может указывать на то, что мидийцы и персы в VII в. придерживались той же монотеистской веры, что их предки.

Бактрийцы и арийские племена, граничившие с ними на севере и востоке, создали и развили эти доктрины. В далекой древности в их среде появился пророк, это было тогда, когда под властью кайанийских царей зороастрийские народы, включая прародичей сарматов, стояли на пороге отделения от индусов²⁰⁰.

В это время национальная религия вследствие реформы стала чуждой культу пурохит и превратилась в простое теологическое понятие всей белой расы в северных землях, но, несмотря на это, она была несравненно благороднее, нравственнее и возвышеннее, чем семитская. Об этом говорит тот факт, что в VII в. она пользовалась большим уважением, чем политеизм эллинских народов. Благодаря ей нравы не были подвержены такому упадку и сохраняли свою чистоту.

Мидийцы жили племенами в отдельных селениях, согласно древней организации арийских рас. Они избирали вождей так же, как их предки избирали своих виспаев.

Кстати, слово «виспай» в «Шахнамэ» означает царское достоинство. Они были воинственны и независимы, хотя и не лишены уважения к порядку, это доказывает тот факт; что они использовали право голоса при создании постоянной монархии, основанной на принципе наследственности, о чем красочно повествует Геродот. Все это мы наблюдаем у древних индийцев, у египетских арийцев, у македонян, фессалийцев, эпитротов и германских народов. Всюду форма правления определяется выбором народа, почти всюду отдается предпочтение монархии. Для всех этих народов преобладающими являются два принципа или инстинкта — наследование и установленный порядок, которые определяют социальные институты. Мидийцы, скотоводы и воины, оставались свободными людьми в полном смысле этого слова даже в тот период, когда по причине своей малочисленности им пришлось покориться халдеям, после чего, по прошествии шестнадцати столетий, они снова овладели тронem Ассирии.

Этот народ, с тех пор, как был изгнан из Ниневии, не терпел поражений. Он упорно придерживался своего культа, что бывает очень редко и скорее всего объясняется его однородностью. Он сохранил свободолюбие при всех правителях, т. е. мидийская нация осталась арийской. После того, как она оправилась от анархии, ее взоры обратились на соседние земли. Мидийцы начали с того, что покорили соседей, включая персов²⁰¹, и еще больше усилили свои позиции. Затем, когда они поставили под свои знамена другие народы, они атаковали ниневийскую империю.

В этих войнах в Передней Азии, в этих скорых завоеваниях и скоро создаваемых и также скоро исчезающих государствах многие авторы видят всего лишь случайные события, не имевшие глубокой связи. Я абсолютно не согласен с подобной точкой зрения.

200 Название «кайанийский» происходит от «Кай», частицы, предшествующей имени многих царей этой зороастрийской династии, например, Кай-Каус или Кай-Хосров. В зендском языке она имеет форму «Кава», что аналогично санскритскому «Кави» (Солнце). Небезынтересно сопоставить это слово с египетским «Фра». Кайанийские цари дали первый толчок к сепаратизму зороастрийцев. Они положили начало многим традициям, которые описаны в «Шахнамэ».

201 В «Махабхарате» персы названы «парасикасы», но в ту эпоху войн между пандавами и сыновьями Куру этот маленький народ был еще неизвестен. Поэтому в индийской поэме он просто упоминается.

Последние семитские переселенцы уже спустились с гор Армении и смешались с ассирийским населением. В прибрежных районах Каспия и на Кавказе больше не оставалось потенциальных эмигрантов. Эллины завершили свое путешествие, а семитов, оставшихся в этих землях, никто больше не изгонял. Поэтому в Ассирию

уже много веков не поступала свежая кровь, и преобладание черных элементов довершило упадок древних рас²⁰².

В Египте ситуация была аналогичной. Но поскольку кастовая система, несмотря на свои недостатки, еще держала общество в установленных рамках, правители Мемфиса, ощущая свою неспособность сопротивляться ударам судьбы, предпочли поставить заслон в лице маленьких сирийских царств между собой и ниневийской державой, которую они боялись больше всего. За этим заслоном они продолжали вести привычный образ жизни, все ниже опускаясь по лестнице цивилизации по мере того, как увеличивалось присутствие черного элемента.

Больше всего их пугали ниневийцы, но не только они. Египтяне также оказались беззащитными перед греческими пиратами, арийцами, называвшими себя «цари морей», как позже называли их сородичей скандинавских арийцев, и египтяне приняли решение запереть устье Нила. Благодаря таким чрезмерным предосторожностям потомки Рамсеса надеялись продлить свое хрупкое существование.

Рядом с двумя крупными империями западного мира, уже в значительной мере ослабленными, эллины находились примерно в таком же состоянии, в каком были мидийцы перед созданием унитарной монархии. Они отличались такой же непоседливостью, таким же свободолобием, имели такие же воинственные наклонности и амбиции в отношении других народов и в силу раздробленности не могли предпринять масштабных походов, не считая небольшие поселения в устье рек, впадающих в Эвксинское море, в Италии и на азиатском побережье, где их города зависели в основном от Ниневии и Вавилона, тем более что Ассирия нуждалась в них для того, чтобы составить конкуренцию торговым городам Финикии.

Именно в тот период, когда ни одна из крупных империй не была в состоянии напасть на соседей, мидийцы стали претендентами на мировое господство. И им представился очень удобный случай; правда, одна сила, совершенно неожиданно появившаяся на сцене, едва не смешала все карты.

Кимриты, киммерийцы, кимбры, или кельты, белые племена, смешанные с желтыми, племена, на которые никто не обращал внимания, вдруг появились в Нижней Азии из Тавриды и, разграбив Понт и все прилегающие земли, осадили Сард и взяли его.

Эти свирепые завоеватели сеяли на своем пути страх и ужас. На их беду с ними произошло то же самое, что случилось с другими. Они были одновременно и победителями и побежденными, преследователями и беглецами. Захватывая территории, они уже думали о том, где найти убежище. В степях, которые позже стали Сарматией, им нанесли поражение многочисленные племена монголов, или скифов, и они отступили в земли семитов, покорили их, но враги настигли их и там. Таким образом, не успела Передняя Азия оправиться от опустошительного нашествия кельтов, как оказалась под пятой желтых орд. Последние, преследуя противника, разрушили много городов и захватили богатую добычу.

Кельтов было меньше, чем врагов. Они были разбиты и рассеяны. После чего скифы беспрепятственно продолжали свой победный путь, а их победы больше всего нарушали планы мидийцев. В это время Киаксар осадил Ниневию, последнее препятствие перед тем, как завоевать Ассирию. Встретившись с упорным сопротивлением, он снял осаду и обратил оружие против скифов. Но фортуна отвернулась от него; потерпев полное поражение от этих варваров — как он их называл, — он отступил, предоставив им возможность продолжать

202 Этот упадок был настолько глубок и настолько связан с этнической анархией, что египтяне, не менее выродившиеся, но более однородные, на какое-то время одержали верх над своими давними и грозными врагами. В VII в. они усилили свое влияние в Финикии. И мидийцы не замедлили воспользоваться этим.

разрушительное нашествие. Они дошли до границ Египта, но фараоны уплатили выкуп, и захватчики оставили страну в покое, обратив жадные взоры на другие страны. Это монгольское нашествие было ужасным, хотя продолжалось недолго: 28 лет. Мидийцы, несмотря на поражение, во многих отношениях превосходили скифов и не могли долго выносить их иго. На этот раз победа была на стороне Киаксара, который изгнал желтых всадников на северное побережье Эвксинского моря. После победы мидийцы вместе с другими племенами, смешанными с финским элементом, приступили к осуществлению своего плана, между тем как зороастрийцы, избавившись от беспокойных сородичей, продолжили свои прерванные дела. Киаксар снова осадил Ниневию и захватил ее.

С этого времени датируется владычество южной арийско-зороастрийской расы, которую я теперь буду называть иранцами. Теперь предстояло решить, какая группа этого семейства возьмет верх. Мидийцы не отличались особой чистотой крови, поэтому они не могли рассчитывать на верховенство, но они были более цивилизованы благодаря контактам с халдейской культурой, что и обеспечило им преимущество в самом начале. Во-первых, у них была стабильная форма правления, а их нравы и обычаи были более утонченными, чем у других групп их семейства.

Однако все эти достоинства, обусловленные их родством с ассирийцами, о чем свидетельствует их язык, были приобретены ценой мезальянса, который ослабил их в сравнении с другим иранским народом — персами. В результате, согласно закону этнического превосходства, потомки Киаксара потеряли власть над Азией, и она перешла в руки более арийской ветви. Трон занял Кир, по отцовской линии принадлежавший к персидской нации, а по матери к известному царскому дому. Впрочем, крутых перемен во властных структурах не произошло: оба народа были по-прежнему близки, а персы вовремя осознали необходимость учиться у мидийцев, более опытных в государственных делах.

Цари из династии Кира ²⁰³ не считали для себя позором ставить на высокие государственные должности талантливых мидийцев. Таким образом, имел место настоящий раздел власти между двумя независимыми племенами и другими более семитизированными иранскими народами ²⁰⁴. Что касается семитов и хамитов или черного населения, которые составляли подавляющее большинство покоренных народов, они служили той основой, на которой зиждилось зороастрийское владычество.

Для населения Ассирии, выродившегося, трусливого, развратного и одновременно обладавшего артистичностью, было довольно необычно оказаться под властью воинственной расы, которая проповедовала простую религию и мораль, близкую к идеализму, что вовсе не было присуще их собственным религиозным понятиям.

С приходом иранцев прекратились ужасные жертвенные ритуалы, т. к. они вызывали омерзение у сторонников магического культа. Примером такой нетерпимости можно назвать тот факт, что позже Дарий, подчинив себе Финикию, отправил посланцев к карфагенянам с запретом приносить человеческие жертвы их богам; в глазах персов такие жертвоприношения были тем более отвратительны, что оскорбляли любовь к ближнему и чистоту святого пламени костра ²⁰⁵. Возможно, впервые после появления политеизма в царских указах зашла речь о человечности. И это был один из характерных признаков новой

203 Имена первых персидских царей указывают на первородство зороастрийских народов с индусами и другими арийскими группами. Отца Ахеменидов звали Куру, как и вождя куравов, которые когда-то в древности завоевали Индию.

204 Надо признать; что бактрийцы, самые древние из цивилизованных зороастрийцев, также находились под властью династии Дария. Согласно одной гипотезе, Ахемениды были вассалами персидских царей.

205 Дарий также запрещал им есть собачье мясо. Когда ослабло персидское влияние, у карфагенян возобновился финикийский обычай убивать во время иератических церемоний одновременно сотни детей. Грекам тоже не удалось убедить карфагенян отказаться от столь чудовищного ритуала, который существовал, хотя и тайно, еще в эпоху Тиберия и вместе с семитской кровью распространился в римских колониях.

системы правления в Азии. Отныне вменял ось в обязанность уважать каждую личность и прекратить публичные ужасы, под каким бы предлогом они ни творились. Не меньшее новшество заключалось в том, что великий царь взял в свои руки администрацию. Начиная с этого времени грандиозное перестало пользоваться почетом, и жизнь стала приобретать позитивный характер.

Особое внимание уделялось защите всех интересов. В указах Кира и его потомков уже чувствуется строгий расчет. Политику диктует здравый смысл и до некоторой степени успокаивает бурные страсти, которые прежде выплескивались через край.

По мере того, как снижается помпезность власти и прогрессирует материальная организация, резко падает уровень искусств. Памятники персидской эпохи представляют собой слабое подражание древнему арийскому стилю. На барельефах Персеполиса уже нет изысканных украшений. Фигуры тяжелые, грубые, громоздкие. Это уже не творение скульпторов, а поделки неумелых ремесленников, и поскольку великий царь не окружал себя художественными произведениями, как это делали его халдейские предшественники, следует признать, что у него не было к тому ни желания, ни вкуса.

Часто говорят, что искусства всегда расцветают при властителях, любящих помпезность; что когда пользуется спросом роскошь, находятся и творцы шедевров. Однако есть примеры, когда монархи, готовые не скупиться на искусство, тем не менее, жили среди слабых произведений артистического гения своих подданных. Возможно все дело в личном восприятии прекрасного, и персидские властители довольствовались копией предыдущих династий. Словом, персидская монархия была богатой, но не более того.

Попробуем разобраться в причинах. Мы уже видели, что арийская нация, склонная к позитивизму, но не к безудержному воображению, не является артистичной. Рассудительность и рассудочность — это в ней есть; высокий уровень понимания и восприятия — тоже есть; есть и способность распознавать преимущества даже в чуждых и незнакомых ей вещах, что является одним из самых плодотворных ее качеств. Но когда арийская раса не имеет ни капли черной крови, она лишена художественного гения. Об этом я уже писал многократно, пожалуй, даже слишком часто. Я представил ядро этого семейства, ставшее основой будущих индусских, греческих, иранских, сарматских государств, как в высшей степени неспособное создавать достойные материальные произведения искусства; как бы ни были величественны руины на берегах Енисея и на Алтае, в них нет и намека на художественную ценность. Если в Египте и Ассирии произошел мощный взлет в материальном воспроизведении мысли, если в Индии также наблюдался подобный расцвет, то это объясняется только примесью черной крови, которой было много в Ассирии, меньше в Египте и еще меньше на индийской земле, что обусловило различия между этими странами. В первом случае искусство быстро достигло апогея, затем, также быстро, пришло в упадок, опустившись до чудовищных извращений там, где было слишком сильно меланийское влияние. Во втором арийские элементы, истоки жизни и цивилизации местных народов, были численно невелики, и искусство быстро поглотила черная масса. Тем не менее это произошло не так быстро, благодаря кастовому разделению, как в Ассирии. В Индии, где барьер перед натиском негритянского принципа был также достаточно прочен, в брахманской среде художественный гений развивался очень медленно. Толчком для его развития послужило появление Сакья-Муни: как только Буддисты призвали низшие племена разделить с ними «Нирвану» и допустили их в свою среду, искусства пережили такой же взлет, как в Ниневии, также быстро достигли зенита и по тем же причинам скоро впали в безумие.

Когда в Азии власть взяли в свои руки иранцы, они оказались в гуще населения, где искусства полностью деградировали под влиянием черных элементов.

Здесь можно возразить, что, будучи арийцами, они принесли семитам белую кровь, предназначенную для возрождения и, следовательно, должны были установить в Ассирии равновесие этнических принципов, как это было у черных хамитов в их лучшие времена или, еще лучше, у халдеев эпохи Семирамид.

Но ассирийские народы были очень многочисленны, а численность завоевателей, иранских племен, невелика. Все, что было плодотворного в жилах иранцев, потерялось в азиатских массах, но не смогло усовершенствовать их, и политическое влияние пришельцев продолжалось недолго.

Я уже упоминал их небольшую численность, опираясь на авторитет Геродота.

Изображая в своей VII книге переход армии Ксеркса через Геллеспонт, историк перечисляет народы, вставшие под знамена царя. Он описывает, как персы или мидийцы командуют войсками, как переходят по двум мостам через Босфор солдаты, согнув спины под ударами хлыстов своих командиров—иранцев. Но сколько солдат насчитывает Геродот среди мидийцев, не считая военачальников благородного происхождения? Сколько зороастрийцев среди этого полчища щитов, которых бросил в наступление сын Дария? Я насчитал только 24 тысячи, но что это значило при численности армии в миллион с лишним человек? В смысле численности ничего, с точки зрения военной — все. Если бы эти 24 тысячи воинов не парализовала остальная инертная масса, тогда победа могла быть на другой стороне. Как было ни было, если правящая нация не могла выставить солдат в достаточном количестве, она не была способна выполнить задачу возрождения массы азиатских народов. Поэтому у нее была одна участь: затеряться в этой массе.

Мы не находим там надежного барьера между иранцами и их подданными. Эту роль могла бы выполнить религия, если бы жрецы—маги не были исполнены духа прозелитства, присущего всем догматическим религиям, что и навлекло на них, несколько столетий спустя, ярый гнев мусульман. Они захотели обратить в свою веру ассирийцев. Им удалось отвлечь их от ужасных культов древности, но вряд ли это можно назвать успехом: он не принес ничего хорошего ни инициаторам, ни неопитам, которые скоро испортили иранскую кровь и извратили новую религию, приспособив ее к своим неистребимым суевериям²⁰⁶.

Итак, не много времени прошло между триумфом и концом иранских народов. Тем не менее, пока их сущность не была так сильно подорвана чужой кровью, их превосходство в цивилизованном мире было неоспоримо: соперников они не имели. Вся Нижняя Азия повиновалась им. Небольшие королевства за Евфратом — оплот, тщательно оберегаемый фараонами, — перешли под власть сатрапов. Свободные города финикийского побережья были присоединены к персидской монархии вместе с государствами мидийцев. Пришел день, когда независимым остался только Египет, старый соперник, который халдейские династии могли бы сокрушить одним ударом, несмотря на то, что Египет содержал наемные греческие отряды. И вот перед этим дряхлым колоссом постоянно отступали самые воинственные семитские полководцы.

Персы не отступили. Судьба благоволила к ним. Египетский упадок завершился. У страны на Ниле больше не было сил сопротивляться. Правда, оставались еще греческие наемники, и фараон, кроме того, заменил греками почти всех карийцев и филистимлян. Этим ограничились все попытки сопротивления. Египтяне не могли сражаться сами и не могли оправиться от поражения.

Персы поработили их и надругались над их культом, законами к обычаями.

Внимательно читая Геродота, поражаешься, с каким презрением оба народа относились к остальной части человечества, причем и персы и греки называли друг друга варварами, то ли забывая, то ли игнорируя свое древнее родство. Мне кажется, что и те и другие презирали остальные народы за отсутствие свободолобивого духа, за слабость перед лицом несчастья,

206 Напомню в этой связи Геродота, который следующим образом описывал обычаи персов: они не возводят своим богам ни статуй, ни храмов, ни алтарей. Они даже считают безумцами тех, кто это делает. В отличие от греков они не думают, что боги похожи на людей. Они приносят Юпитеру жертвы на самых высоких горных вершинах и называют Юпитером все небо. Они также приносят жертву солнцу, луне, земле, огню, воде, ветру. Однако они добавили к этому культ Венеры Небесной или Урании, который они заимствовали у ассирийцев и арабов. Венеру ассирийцы называют Милитта, арабы Алитта, а персы Митра. Таким образом, культ Митры, который позже заразил весь древнеримский Запад, сначала попал к персам. В этом чувствуется семитская кровь. Видимо, в царствование Дария I магизм уже сблизился с эллинизмом и фетишизмом через культ Анаит.

изнеженность в период процветания и трусость в бою. И греки и персы невысоко ценили ассирийцев и египтян. Дело в том, что оба народа находились в то время на одном уровне цивилизации. Несмотря на различия, арийская суть оказалась сильнее примесей, что позволяло им одинаково подходить к основным вопросам социальной жизни. Они были как два брата с разной судьбой и оставались братьями по характеру и наклонностям. Иранские арийцы занимали на Западе место старшего в семье: они властвовали над миром. Греки были младшим братом, которому предстояло надеть славную корону, и они готовились к этому высокому предназначению. Что касается остальных народов, живших в поле зрения двух арийских групп, для первой они были объектом завоеваний, для второй предметом эксплуатации. Не следует забывать об этом параллелизме, без которого не понять перемещения центра тяжести в более поздние времена.

Также не надо забывать, что презируемый ими семитский мир имел богатый опыт цивилизации, имел за плечами и труды, и победы, и славу, что черные хамиты, семиты и египтяне уже собрали свой урожай. Посевы же двух западных арийских групп еще созревали. Более того, идеи Ассирии и Египта распространились повсюду, куда проникла кровь их творцов: в Эфиопии, в Аравии, на средиземноморском побережье, на западе Азии и в южной Греции к зависти последующих государств и обществ, которые были обречены на то, чтобы считаться с этим обстоятельством. Итак, несмотря на пренебрежительное отношение к семитским народам и изнеженным жителям Египта, арийцы–иранцы и арийцы–греки вошли в большой интеллектуальный поток этих народов, оказавшихся на задворках по причине этнического дисбаланса и чрезмерного количества меланийской крови. В конечном счете задача гордых иранцев и активных греков сводилась к тому, чтобы бросить в бескрайнее стоячее озеро Азии несколько живительных элементов.

Арийцы–иранцы, а затем арийцы–греки дали Ассирии и Египту то, что позже арийцы–германцы подарили Риму.

Когда вся западная часть Азии перешла под власть персов, исчезли причины старой вражды между азиатской и египетской цивилизациями. Слабые попытки, предпринятые в долине Нила для восстановления национальной независимости, представляли собой конвульсии обреченного. Оба древних общества западного мира тяготели к объединению, потому что их расы уже не имели прежних непреодолимых различий. Если бы персы были более многочисленны, если бы, по примеру более ранних завоевателей, они могли вступить в борьбу с семитскими массами, такого бы не случилось.

Не успели иранцы — горстка людей — захватить эти земли, как со всех сторон их окружил могучий ассирийский дух: он схватил их и швырнул в свой водоворот. Уже в царствование сына Кира, в эпоху Камбиза, властно проявилась натура хамитизированных семитов: их стремление к породнению, которое, к счастью, не состоялось. Как свидетельствует Геродот, арийский дух выдержал натиск внутреннего врага.

Задача заключалась в том, чтобы дать народам подходящую форму правления. Никакой проблемы не было для ассирийцев, которые сразу встали бы на сторону простого абсолютного деспотизма, а воинственным завоевателям пришлось бы хорошенько подумать над этим. Столкнулись три мнения: демократия (Отан), олигархия (Мегабиз) и монархия (Дарий). Победила последняя точка зрения, однако помощники Дария были настолько одержимы идеей независимости, что, вручая власть избранному царю, они выторговали для Отана и его семейства право остаться вне действия верховной власти за исключением обязанности соблюдать законы.

Поскольку при Геродоте таких стремлений у персов уже не наблюдалось, великий историк из Ионии благоразумно предупреждает, что этот рассказ может показаться читателям весьма неправдоподобным, и он не особенно настаивает на нем.

После этих событий империя несколько лет жила благополучно, затем семитский беспорядок поглотил иранцев. Начиная с царствования сына Ксеркса становится очевидно, что персы больше не могут быть властителями мира, и между годом взятия Ниневии мидийцами и этой эпохой ослабления не прошло и полутора веков.

Здесь история Греции уже тесно связана с ассирийским миром. Отныне афиняне и спартанцы будут фигурировать в делах ионийских колоний. Здесь мы оставим иранскую группу и займемся новым арийским народом, самым достойным, вернее, единственным ее антагонистом.

ГЛАВА III. Автохтонные греки; семитские поселенцы; арийцы–эллины

Самое древнее население Греции состояло наполовину из семитов, наполовину из греков²⁰⁷. Царство Сицион основали семиты, это было первое цивилизованное поселение Греции, правили там чисто семитские или местные династии, чьи имена встречаются в легендах: Инак, Фороней, Агенор, Данай, Кодр, Кекропс. Все, кто не пришли из Азии, считаются автохтонными и составляют основную массу расцветших государств. Но удивительно то, что в древнейшие времена нет никаких исторических следов арийцев–эллинов. Они не упоминаются ни в одном мифе. Они совершенно неизвестны в континентальной Греции и тем более на островах. Для встречи с ними надо обратиться к эпохе Девкалиона, который во главе лелегийцев и куретов — местные, т. е. не арийские племена — обосновался в Фессалии уже после образования таких государств, как Сицион, Аргос, Фивы и Афины. Пришел он, кстати, с севера.

Таким образом, начиная с основания Сициона в 2164 г. до н. э. до прибытия Девкалиона в 1541 г., т. е. в продолжение 600 лет, мы видим в Греции только местные доарийские народы и хамито–семитских поселенцев.

Где же обитали и чем занимались арийцы–эллины в течение этих шести столетий? Действительно ли они находились далеко от своей будущей родины? История молчит на их счет настолько глухо, что можно подумать, будто их появление связано с именем Девкалиона, что это произошло неожиданно и что до этого о них никто не слышал. Затем, опять же так внезапно, Девкалион на покоренной земле дает жизнь Эллену, у того рождаются сыновья — Дор, Эол, Ксуф, последний становится отцом Ахея и Иона; эти ветви расы — дорийцы, эолийцы, ахейцы и ионийцы — начинают оспаривать территории, прежде населенные исключительно автохтонными племенами и ханаанеями. Итак, арийцы–эллины наконец отыскались.

Не стоит удивляться отрывочности этих сведений. Это обычная мнемоническая форма рассказа, когда народы сохраняют в названии свое происхождение. Однако нет никаких сомнений в том, что вторжение и расселение белых племен происходили совсем не так. Обычно агрессор долго бродит вдоль границ страны, будущей жертвы, прежде чем пересечь их. Арийцы–эллины не были исключением из этого правила.

До появления Девкалиона в Фессалии имя его народа не упоминается, поэтому оставим попытки отыскать его и посмотрим, кем был сам Девкалион, который, как и Эллен, остался в памяти последующих веков, т. к. он стал эпонимом расы. Начнем с его сыновей, основателей различных эллинских племен²⁰⁸.

207 Во всех древних источниках, касающихся Эллады, упоминаются загадочные местные племена. Гесиод считает автохтонным самое первое население Аркадии: он называет этих жителей пеласгами. Эрехтей, Кекропс — имена вождей автохтонных племен. Автохтонными считаются пеласги, лелегийцы, куреты, кауконны, аоны, теммикийцы, гиганты, фракийские беотийцы, телебы, эфиры, флагийцы и др. После появления арийцев–эллинов многие местные народности быстро исчезли. Гекатей, Геродот и Фукидид полагают, что существовала доэллинская эпоха, когда от мыса Мале до Олимпа жители говорили на разных языках. После 776 г. до н. э. во всей Элладе уже не было поселений без арийцев–эллинов. Что касается этнической природы аборигенов, см. следующую книгу, где речь идет о самых древних жителях Европы.

208 Имена персонажей арийско–эллинской генеалогии, очевидно, символические, они обозначают основную черту и как бы объясняют биографию каждого эпонима. Это, кстати, характерно для всех народов, что касается их родооснователей. Таким образом, Девкалион — не только создатель эллинской расы, но и патриарх, объединяющий в себе древние космогонические воспоминания, свидетель потопа (в семитско–греческой традиции эту роль играет Огигес), Девкалион соответствует богу–рыбе, Ною евреев, и его имя происходит от древнего слова, означающего «новое вино» или, в устаревшей форме, «крутиться», «человек,

Все они произошли от Девкалиона и Пирры, дочери Пандоры. Дор начал расселять свои племена вокруг Олимпа около Парнаса. Эол царствовал в Фессалии. Ксуф дошел до Пелопоннеса. Эллен, отец этих троих героев, породил их от юной женщины, чье местное происхождение подтверждается ее именем: легенда называет ее Орсея, т. е. горянка. Пандора тоже не из эллинского рода. Она вышла из лимона и не имеет никакого отношения к арийцам: она была автохтонной и вышла замуж за брата своего создателя. Таким образом, патриархи эллинского семейства не являются чистокровными. Что касается Пандоры, она стала женой чужеземца, ее дочь Пирра вышла за другого чужеземца, и супруги после потопа сотворили людей из камней: при этом нельзя не вспомнить китайский миф о Пан–Ку, который смастерил первых людей из глины, хотя сам был человеком. Разделенные огромным расстоянием арийско–греческая и арийско–китайская идеи нашли идентичное воплощение.

Девкалион, первый грек, или первый представитель смешанной расы, наполовину семит, был сыном Прометея и Климены, вышедшей из Океана²⁰⁹. Здесь явно чувствуется отклонение от первоисточника, что касается происхождения Прометея. Если Девкалион стал эпонимом своих потомков, значит у него была иная этническая природа, чем у отца. И это совершенно очевидно. Однако примесь семитской или местной крови не может определять его родословную: ее надо искать в отцовской линии, иначе Девкалион не был бы назван прототипом человека в эллинской легенде, а в греческих рассказах семитского происхождения он фигурировал бы после ханаанейских героев, согласно хронологии. Следовательно, Девкалион обязан особым почетом своему отцу, и его следует называть по отцовской расе.

Прометей был титаном, так же как и его брат Эпимефей, по женской линии от них произошли арийцы–эллины. Следовательно, никто не может оспорить, что арийцы–эллины до Девкалиона, арийцы–эллины, еще не так тесно связанные ни с семитами, ни с аборигенами, — это титаны²¹⁰.

Здесь мы видим очевидное родство.

На данный момент установлено, что греки — смешанные потомки этой славной и беспокойной расы. Однако еще есть сомнения, были ли сами титаны этими эллинами, некогда порвавшими с арийским семейством на склонах Имауса, чье долгое путешествие, как предполагается, проходило в горах на севере Ассирии и вдоль Каспийского моря. По правде говоря, если бы генеалогия титанов совершенно затерялась в веках, этот факт в любом случае можно было бы подтвердить филологическими и физиологическими данными, но поскольку на сей счет имеются ясные исторические свидетельства, я не премину воспользоваться ими.

Титаны были сыновьями древнего арийского бога, известного в Индии — в ведических текстах его зовут Варуна, — которого почитали предки белой расы и чье имя эллины сохранили в течение долгих веков: это Уран. Титаны, сыновья Урана, самого древнего бога арийцев, также были арийцами «и говорили на языке, который имеет большое сходство с санскритом, зендским, кельтским и древнеславянским».

Титаны, завоеватели горных областей северной Греции, люди воинственные и неукротимые, оставили в памяти семитского населения Эллады и в собственном потомстве

который крутится, опьянев от нового вина». Пандора переводится «которой все дано», т. е. она не имеет индивидуальности, она — женщина, принадлежащая тому, кто ее создал или цивилизовал.

209 Прометей — значит «ясновидящий». Он — сын Иафета, общего отца белого семейства, как считают Гесиод и Аполлоний. Его матерью была Азия, что недвусмысленно указывает на его этнические и географические корни. По другим источникам, он — сын Урана. Об этом мы поговорим позже.

210 Гесиод производит слово «титан» от термина, означающего «тот, кто стирает руки». Так зороастрийские арийцы называли своих предков, возможно, современников и братьев титанов Кая или Кава, носивших титул царей Псевдо–Орфей и Диодор считают титанов первыми людьми или «протолюдьми». В фессалийском наречии сохранились следы этой древней идеи «титан» у фессалийцев означает «господин», «вождь».

ту же самую подсказку о своем происхождении, которую запечатлели в истории других народов древние белые хамиты, первые индусы, египетские арийцы и арийцы Китая²¹¹. Их обожествляли, их ставили выше всех человеческих существ, тем самым отдавая должное самым первым народам белой расы и их многочисленному, хотя и не столь славному потомству.

Титаны занимали северную часть Греции. Их поход на юг возглавлял Девкалион вместе с местными воинами, отличавшимися от предводителя по крови. Впрочем, он и сам был метисом. Титаны смешивались с другими племенами и постепенно теряли свою славу в северных землях Эллады — в Хаонии, Эпире, Македонии: перед тем, как исчезнуть, они передали свои качества местным народам²¹².

Эти народы не были жителями Фракии и Тавриды и не принадлежали к чисто желтой расе. К этому времени кельты и славяне дошли до Эвксина, до греческих гор и Адриатики. Они продвинулись еще дальше. Массовое переселение северных белых племен под сильным натиском монгольских орд заставило арийцев, живших на юге, на азиатских плоскогорьях, спуститься вдоль хребтов Гинду–Куша; переселения происходили еще тогда, когда титаны появились за пределами Фракии. Кельты в XVII в. до н. э. и славяне, которые встречались в Испании еще раньше, издавна покинули свою родину в Сибири и отправились в путь по северным берегам Понта Эвксинского. По этой причине в жилы арийцев–эллинов попала желтая кровь через племена, имевшие тесные контакты с финскими народами²¹³.

После Девкалиона, начиная с XVI в. до н. э.²¹⁴, племена, обосновавшиеся в Македонии, Эпире, Акарнании, Этолии, одним словом, на северных землях, собрали в себе основные арийские черты и первыми стали называться эллинами.

Среди этих черт преобладал воинственный дух. Образцом эллинской доблести является храбрый быстроногий фессалиец. В «Илиаде» он изображен бесстрашным воином, презирающим опасность, обожающим битвы и верным долгу. Его можно сравнить с героями индусской эпопеи, «Шахнамэ» и поэзии трубадуров.

Вообще отличительной чертой этого семейства была энергичность. В соединении с ясным умом она всегда и всюду рекомендуется правителям. Север Греции во все времена поставлял югу самых стойких солдат, причем в большом количестве, и еще долгое время после того, как остальная территория страны уже находилась под властью семитских элементов, на севере были отважные воины. С другой стороны, надо признать, что если северяне были сильны в бою, в командовании, организации и управлении, то они никогда не отличались способностями в других мирных делах. Среди них нет знаменитых художников, скульпторов, актеров, ораторов, поэтов или историков. Единственное, что сумел сделать их

211 Вполне вероятно, что образцом законодательства титанов можно считать три заповеди Дракона, запечатленные на века. «Уважай своих родителей, воздавай богам должное на земле, не причиняй зла быку». Это соответствует и индусским и зороастрийским законам, в этих словах арийский дух. Известно, что греки не сразу отказались от традиции почитать быка. Когда им приходилось приносить это животное в жертву, они устраивали паллиативную церемонию, в которой главный жрец, поразив быка, убегал, оставляя топор человеку, для которого был организован этот спектакль.

212 От них произошли арийцы–эллины — в некотором смысле новый народ, обязанный своей энергией древним элементам. Все характерные особенности этой расы отражены в ее религии, появившейся одновременно с ней. Это был культ Зевса.

213 Вполне вероятно, что греческий язык содержит фракийские и иллирийские корни, унаследованные от контактов арийцев–эллинов и даже титанов с населением, говорившем на этих наречиях. Мюллер справедливо отмечает, что эллины вернули фракийцам их древнюю поэзию и цивилизацию. Для поклонников Орфея земля к северу от Гема была колыбелью моральной культуры.

214 Невооруженным глазом видна убогость древнейших памятников Греции по сравнению с Индией, Ассирией, Египтом и даже Китаем и Бактрией. Например, Сицион в 2164 г. до н. э. построили ханаанеяне, а арийцы–эллины пришли шесть столетий спустя.

лирический гений, — это породить Пиндара, который был редким исключением в Беотии. В Афинах царил кадмейский дух, который не отличался ни изысканным языком, ни вдохновенной мыслью, зато поставлял наемников для всей Азии и иногда давал крупных государственных мужей для Эллады. Границей распространения духа северных греков были Фивы²¹⁵.

Итак, север всегда отличался милитаристскими и зачастую грубыми инстинктами и практичностью, все это объясняется союзом белой расы с желтыми принципами. В результате мы видим ярко выраженную практичность и совсем мало чувственного воображения. Кроме того, в тех районах Европы, где еще в глубокой древности царили эллины, мы наблюдаем этническую и моральную антитезу тому, что происходило в Индии, Персии и Египте. Такой же контраст присутствует в народах южной Греции. Он становится разительным по мере того, как мы с континента попадаем на острова, а с островов в азиатские колонии.

Я уже упоминал «Илиаду» для того, чтобы дать характеристику арийских и одновременно финских признаков у северных греков. Чтобы представить арийско-семитский дух южных греков, достаточно противопоставить Ахиллу и Пирру хитрого Улисса. И мы получим типичного грека финикийской закалки, в роду которого наверняка было больше матерей ханаанских, нежели арийских. Храбрый, но только в минуты необходимости, преимущественно коварный, обладатель цветистого языка — как неосторожны были те, кто внимал ему! Никакая ложь его не смущает, никакая подлость его не останавливает. Он знает все. Быстрота его ума удивительна, и безгранично его упорство в достижении цели. При всем этом он — ариец.

Однако продолжим рисовать этот портрет.

В нем говорит семитская кровь, когда он мастерит свое брачное ложе в оливковой роще — настоящий шедевр, инкрустированный слоновой костью. Красноречивый, обладающий художественным талантом, коварный и опасный, соплеменник и соперник торговца-пирата из Сидона, сенатора, который правил Карфагеном, ловкий и сообразительный, непоколебимый в своих взглядах, способный управлять своими страстями и умирять чужие страсти, хладнокровный, когда это выгодно, скромный, потому что гордыня есть неловкая кичливость разума. Вот вам портрет арийца. Никакого сомнения в том, что Улисс должен одолеть Аякса, истинного арийца-финна. Греческий тип, к которому относится сын Лаэрта, создан для более высокой и стремительной, но более хрупкой фортуны, чем его соперник. Греция обязана своей славой арийскому элементу, объединившемуся с семитской кровью, а большое внешнее влияние этой страны — это результат деятельности монголизированных северных племен.

Очень давно, задолго до того, как первые племена арийцев-греков, происходившие от союза аборигенов с титанами, пришли в Аттику и Пелопоннес, ханаанские переселенцы уже направляли свои барки к греческим берегам. Сегодня почти никто не считает, что среди этих чужеземцев были египтяне. Последние не были колонизаторами, они оставались у себя дома, они долго не могли овладеть морским побережьем даже своей земли. Нижнюю часть дельты облюбовали народы семитской или хамитской расы. Здесь пролегал великий путь в западную Африку. Если какие-то отчаянные путешественники и приплывали в Грецию, это не были египтяне, а скорее всего финикийцы. Все имена древних правителей Греции, которые не были аборигенами, исключительно семитские: Инак, Азей, Фегей, Ниоб, Агенор, Кадм, Кодр. Исключение составляет Фороней, которого ассоциируют с египетским Фра, и Апис. Но Фороней — сын Инака, брат Фегея, отец Ниоба. Короче говоря, до VII в. до н. э. не могло быть постоянных контактов между Грецией и страной фараонов.

215 Фивы действительно служили четким водоразделом для двух рас. О двойном происхождении города рассказывается в двух легендах одна арийская, которая приписывает честь создателей Амфиону и Зевсу, вторая семитская, согласно которой первым его царем был ханаанец Кадм. Здесь перемешаны азиатские, эллинско-арийские и местные традиции, которые сделали древнюю историю и мифологию греков почти непонятными. В новые времена эта путаница только возросла под влиянием символизма и аллегорий.

Имя Инак близко к слову «анак»²¹⁶, Эвальд и другие эбраисты придают этому большое этническое значение. Если бы это имя имело номинативное значение, т. е. указывало на расовую принадлежность, тогда оно свидетельствовало бы о родстве с чисто черными племенами, изгнанными из Ханаана и бродившими по лесам и жившими в пещерах Сеира. Однако это маловероятно, и не следует путать имя Инак со словом «анак», а если искать между ними какую-либо связь, то она находится гораздо глубже, чем в простом сходстве слогов.

Следовательно, колонисты, пришедшие с юга и востока, состояли исключительно из черных хамитов и перемешанных семитов. Они находились на самых разных уровнях цивилизованности и отличались невероятным разнообразием расовых типов.

В те далекие времена ни в одной другой стране не было таких этнических пертурбаций и постоянных перемещений населения. С островов или с азиатского континента постоянно прибывали новые толпы, насыщенные черной кровью, а с севера шли другие племена, перемешанные с желтыми элементами, славяне и кельты — все они несли с собой свои привычки и нравы²¹⁷.

Чтобы объяснить такое обилие национальностей на тесном полуострове, почти изолированном от мира, не надо забывать, какие грандиозные перемены принесли финские народы в южную часть континента. Фессалийские и македонские воины в окрестностях Акарнании были первыми жертвами учащавшихся набегов; черные хамиты и семиты, прибывшие с востока и юга, бежали от аналогичных событий искать счастья в Греции, а их земли стали добычей еврейских или арабских захватчиков.

Эти толпы вооруженных беглецов в Пелопоннесе, Аттике, Арголиде, Беотии, Аркадии вступали в сражения друг с другом. В результате появились новые победители и побежденные, изгнанники и угнетенные, которые устремлялись на запад, в Сицилию, Италию, Иллирию или возвращались в Азию. Эллада напоминала глубокие ямы на дне реки, куда устремляются огромные массы воды, создавая водовороты.

И не было там ни отдыха, ни покоя. Героические времена только начинаются, история, пренебрегая людьми, сохраняет только богов. Позже Муза, наконец, успокоилась и заговорила разумным языком, изображая греческие народы.

1. Эллины. Арийцы, впитавшие в себя желтые принципы, сохраняя, тем не менее, белую сущность и немного семитской крови.

2. Аборигены. Славянско-кельтское население, насыщенное желтыми элементами.

3. Фракийцы. Арийцы, смешанные с кельтами и славянами.

4. Финикийцы. Черные хамиты.

5. Арабы и евреи. Смешанные семиты.

6. Филистимляне. Более чистые семиты.

7. Ливийцы. Почти черные хамиты.

8. Критяне и другие островные племена. Семиты, похожие на филистимлян.

Эта картина далеко не полная²¹⁸. В ней нет ни одного чистого элемента. Из восьми —

216 В ханаанском языке «анак» означает «великан», т. е. сильный человек.

217 Этот хаос не кончался, выражаясь во множестве диалектов. Не стоит даже говорить о том, что их разделение на четыре группы — ионийскую, дорийскую, эолийскую и аттическую — это искусственная схема филологов, которая ни в коей мере не отражает истинного положения вещей.

218 Я разделяю мнение Грота и не считаю, что пеласги составляют отдельную нацию или расу. Они встречаются в разных местах и часто совершенно отличаются друг от друга. Вот как их описывает энциклопедия Эрша и Грубера: «Пеласги — это просто тень, лишенная всякой исторической реальности. Это «каши», т. е. «древние», «предки», «аборигены». Слово «пеласги» было ошибочно принято за название народа или расы. Хронологически оно относится к древним временам Греции и племенам, которые когда-то обитали в этой стране без указания на происхождение. Позже это название стали применять к определенным племенам точно так же, как в прошлом веке считали, что готы — это скифы, геты и т. д., и даже находили остатки этого германского народа в Крыму».

шесть содержат в разной степени меланийские принципы, два — желтые элемента, а еще два — белый элемент, привитый к хамитской расе, т. е. весьма ослабленный, три народа представляют собой смесь белой и семитской крови, два относятся к арийской ветви, а три объединяют в себе оба последних источника. Из всего сказанного я делаю следующие выводы.

В целом доминирует белый принцип, арийская сущность разделяет первенство с семитской, поскольку вторжения арийцев–эллинов были наиболее массовыми и создали основу населения Греции. Тем не менее семитской крови настолько много, что она оказывает значительное влияние. Разумеется, это суждение относится к южной Греции, Аттике, Пелопоннесу, колониям, короче говоря, к Греции художников и ученых. На севере меланийские элементы почти отсутствуют. В эпоху Троянской войны эти районы вызывали большую озабоченность южных греков, чем азиатские народы.

Дело в том, что в тот период, когда писал Геродот, Греция сама была азиатской страной, и ее политика осуществлялась при дворе великого царя. Все, что происходило внутри — все, что осталось великим и благородным в памяти потомков, — было незначительным и вторичным в сравнении с внешними событиями, нити которых держали персы.

После того, как Египет превратился в провинцию Ахеменидов, в западном мире больше не было двух цивилизаций, как прежде. Соперничество между Евфратом и Нилом прекратилось; не было ни Ассирии, ни Египта, вместо этого воцарился компромисс азиатского типа. Однако ассирийский принцип все еще сохранял свое влияние. Малочисленные персы не смогли его трансформировать или обновить. Они оказались достаточно сильны, чтобы придать ему импульс, какого они не получили от халдейских династий, и под тяжестью этого загнивающего колосса одряхлевший Египет рухнул и превратился в прах. На земле больше не существовало третьей цивилизации, которая могла бы заменить старые державы. Перед лицом Ассирии Греция не представляла собой такую же самобытную культуру, как египетская, и хотя греки отличались своими достоинствами, большая часть их составных элементов была заимствована у семитских народов средиземноморского побережья.

И доказывать этот факт уже не стоит.

Сами греки большое внимание уделяли «завоеваниям цивилизации» — как они это называли, т. е. заимствованию азиатских богов, догматов, ритуалов, в том числе чудовищных фантазий, пришедших от соседних народов, забыв об арийской простоте своих предков. Они предпочитали азиатский образ мышления. Они охотно участвовали в делах, интересах, конфликтах громадного континента; несмотря на сознание собственной значимости и на то, что они считали всех остальных варварами, греки с почтением смотрели на Азию.

Пока ассирийцы были независимы, греки были слабы и малочисленны, но когда эллины разделили счастливую судьбу арийцев–иранцев, у них появился выбор: противостоять или подчиниться государствам Передней Азии. Выбор определила их слабость. Они согласились с победоносной и непререкаемой властью великого царя и стали жить под сенью его могущества — если не в качестве подданных, то во всяком случае в качестве «протеже».

Хочу повторить, что все способствовало этому. Родство с азиатами было очень тесным, цивилизация стояла на азиатском фундаменте, наконец, без поддержки персов им не удалось бы развивать свое государство, т. к. Ассирия традиционно поддерживала ионийские колонии. Итак, судьба колоний зависела от судьбы метрополий ²¹⁹.

Между арийцами–греками и арийцами–иранцами было согласие. Связующим звеном являлась семитская масса, которой и те и другие правили в своих странах и которой рано или

219 13) Лучше всего это доказывает поведение большинства греческих государств во время персидской войны. В битве при Платее против афинян и их союзников сражались 50 тысяч пеших воинов и многочисленная эллинская конница. Эти войска предоставили не ионийцы, а беотийцы, локридцы, малийцы, фессалийцы, т. е. вся восточная Греция. К ним можно прибавить фосийцев. Следовательно, сопротивление оказали только Пелопоннес и Аттика. Позже эту битву, где меньшая часть Греции воевала с большей, превратили в национальную славу.

поздно предстояло поглотить их.

Может показаться странным, что я веду речь о владычестве арийцев–греков над семитами после того, как показал, что большую часть их цивилизации составляли семиты. Чтобы устранить это противоречие, напомним приведенное выше замечание. Говоря о том, что греческая культура имеет в основном семитское происхождение, я сделал одну оговорку, которую мы рассмотрим сейчас; речь идет о том, что первобытная история эпического эллинизма включает в себя три совершенно арийских элемента: государственное мышление, военный талант и литературный гений. Эти элементы обусловлены соединением двух арийских инстинктов: разума и стремления к полезному.

Основой государственной доктрины арийцев–эллинов была личная свобода. Хорошим и законным считалось все, что могло обеспечить это право в максимально возможной мере. Все, что его ограничивало, отвергалось. В этом заключается ощущение героев Гомера, и это мы видим только в самом начале арийских обществ.

На заре героических эпох и даже долгое время после них греческие государства управляются в соответствии с принципами, которые имели место в Индии, Персии и, в определенной степени, в самом начале становления китайского общества, а именно: монархическая власть, ограниченная авторитетом вождей племенных семейств, силой традиций и религиозными установлениями. Здесь можно отметить национальную раздробленность и явные следы феодальной иерархии, столь естественной для арийцев и являющей собой надежный щит против главных недостатков этой самой раздробленности как следствие независимого духа. Мы видим реализацию этих принципов во власти Агамемнона, царя царей, а также на примере храброго правителя Итаки. В крупных городах правит общественное мнение, хотя газет там не было, зато не было недостатка в амбициозных красноречивых ораторах ²²⁰. Чтобы лучше понять, чем был греческий царь перед лицом множества трудностей, достаточно вспомнить «дворцовый» бунт Улисса против любовников Пенелопы. Здесь мы видим, на какой зыбкой почве зиждилась власть правителя, несмотря на то, что на его стороне были и право и здравый смысл.

В этом молодом бурлящем обществе арийский гений успешно вдохновлял эпических поэтов. Гимны, адресованные богам, содержали скорее изложение событий, нежели хвалу. Время лирики еще не пришло. Греческий герой сражался, стоя на арийской колеснице, рядом с возничим благородных, часто королевских кровей, так же, как брахманский сута; его боги были скорее духовными знаками, не имеющими определенной формы, малочисленными и легко сводимыми в группу, которая происходит из окрестностей Гималаев.

В ту очень далекую эпоху цивилизаторская вдохновляющая мощь надвигалась с севера: на юге ее не было. Она приходила из Фракии с Орфеем, Музами и Линеем. Греческие воины были высоки ростом, белокожи и белокуры. В их глазах отражалось синее небо, и эта черта настолько запечатлелась в памяти последующих поколений, что, когда черный политеизм вместе с растущим потоком семитских переселенцев охватил все области и все умы и установил свои святилища на месте простых каменных нагромождений, которыми довольствовались предки, наивысшим выражением прекрасного, величественного для олимпийцев оставался типичный ариец с голубыми глазами, белокурыми волосами — высокий, статный, сильный.

Отметим другой, не менее красноречивый признак. В Египте, Ассирии, Индии считалось, что белые люди — это боги, или существа, способные стать богами, и допускалась возможность борьбы и победы белых воинов над небожителями. Такие же понятия мы видим в первобытных обществах Греции — я уже говорил это в связи с титанами и повторю еще раз в отношении их прямых потомков, Девкалионидов. Они храбро сражались

²²⁰ Афины в самом начале представляли собой скопление нескольких селений. Спарта состояла из пяти поселений и никогда не была городом. То же самое можно сказать о Мантинее. Тегее и даже Мегаре и Танагре. Аркадийцы долгое время жили в поселках, равно как и эпироты. Что касается свободы мнений, Гесиод и Гомер открыто высказывались против злоупотреблений власти и даже против самого ее принципа.

со сверхъестественными существами и персонифицированными силами природы. Диомед ранил Венеру; Геракл убил священных птиц с озера Стимфалиды, он задушил гигантов, детей Земли, он наводил ужас под сводами подземных дворцов; Тесей, который промчался по всему свету с мечом в руках, — это истинный скандинав. Одним словом, арийцы–греки, как и их прародители, настолько высоко ценят права сильного, что для них нет ничего невозможного.

Люди, столь жадные до славы, почестей и независимости, естественным образом стремились возвыситься друг над другом и требовали непомерных почестей. Им было недостаточно ограничить социальную власть и сделать ее зависимой от выборов, они хотели, чтобы их почитали и славил не только как арийцев — свободных воинов, — но как элиту в массе свободных воинов–арийцев. Такие амбиции заставляли каждого прилагать все усилия, а поскольку для того, чтобы достичь предполагаемого идеала, не было иного пути, кроме как быть идеальным арийцем, большое внимание уделялось чистоте крови.

В исторические времена это понятие исказилось. Чем древнее была семья, тем было больше оснований, чтобы считаться благородным. В этом случае можно говорить об азиатских корнях, в том числе некоторых известных афинских семейств. Но на заре формирования нации право называться чистым арийцем было единственным залогом неоспоримого превосходства. Идея расовой чистоты существовала и у самых древних греков и во всех белых группах. И этот инстинкт встречается в полной мере только в этой группе и изменяется по мере смешения с желтой и черной расами, которым он всегда был чужд.

Таким образом, греческое общество, еще совсем молодое, иерархизировалось по благородству рождения. Рядом со свободой и с особенно ревнивой свободой арийцев–эллинов нет ни тени свободы между остальными обитателями земли и их удачливыми господами. Скипетр в принципе давался на выборах, однако в силу почтения к древним родам неизменно находился в руках нескольких семейств. Идея родового превосходства приводила арийцев–греков к таким же результатам, которые мы видели в Египте и Индии, т. е. у них также существовали кастовые различия и негласные законы, запрещающие смешение рас. Более того, они применяли эти законы до последнего времени своего политического существования. Были жреческие семейства, которые роднились только между собой, и гражданский закон всегда был суров к отпрыскам граждан, связанных браком с чужеземцами. Между тем хочу тут же сказать, что эти ограничения были не очень строгими. В этом смысле их нельзя сравнить с законами Нила и Арьяварты. Арийско–греческая раса, несмотря на осознание своего превосходства над семитским населением, которое окружало и пропитывало ее со всех сторон, имела недостаточно опыта в сравнении с другими древними цивилизациями. Последние пользовались своим, так сказать, внешним преимуществом, которое не позволяло игнорировать их и отказаться от союза с ними. Кастовая система всегда оставалась в зачаточном состоянии и не развивалась. В интересах эллинизма слишком часто приходилось соглашаться на мезальянсы. В этом отношении ситуация сильно напоминала ту, в которой позже оказались германцы.

Как бы то ни было, у арийцев–греков чрезвычайно сильна была идея благородства крови, граждане подразделялись только по достоинствам происхождения — индивидуальные добродетели стояли на втором месте. Повторяю еще раз: равенство провозглашалось в полной мере. Каждый, кто гордился своим происхождением, не желал слиться с толпой.

Каждый претендовал на то, чтобы быть свободным и пользоваться почетом и восхищением, и каждый стремился прибрать к рукам как можно больше власти. Очевидно, это было трудно реализовать в таком обществе, и даже сам царь, пастырь народа, прежде чем высказывать свое намерение, должен был узнать, угодно ли оно богам, жрецам, людям высокого звания, воинам, народной массе. К счастью, еще оставались другие ресурсы, рабы, покоренное местное население, наконец, чужеземцы. Вначале поговорим о рабах.

Во–первых, раб ни в коем случае не принадлежал городу. Любой человек, рожденный на этой земле от свободных родителей, имел неоспоримое право жить свободным. Его рабство было бы незаконным, преступным и не могло продолжаться долго. Если вспомнить,

что древнегреческий город заключал в своих стенах нацию (определенное племя) и что эта нация (это племя) считала себя уникальной, видела в себе целый мир, тогда здесь можно применить следующий принцип: «Белый человек создан только для независимости и власти; он не должен подчиняться в своих действиях другим людям».

Конечно, этот закон не был местным изобретением. Его можно встретить в других местах, во всех социальных группах семейства. Из этого я делаю вывод, что не разрешалось низводить до рабства белого человека и что угнетение, касавшееся представителей черной и желтой расы, не считалось нарушением естественного закона.

После разделения различных белых семейств каждая нация оказалась среди местных масс или метисов единственной представительницей рода и не гнушалась ничем в осуществлении своих прерогатив силы во всей их полноте, даже в отношении сородичей, встречавшихся на пути и не признаваемых за таковых, потому что они принадлежали к другим ветвям. Таким образом, хотя по правилам рабы могли быть только желтыми и черными, среди них встречались метисы, а затем и белые. Это происходило в результате злоупотребления принципом, который давал привилегии жителям города.

Однако в принципе в рабство не брали население колоний, союзников, тех, с кем греки поддерживали добрососедские отношения, а еще позже это правило распространилось на все греческие народы.

Дело в том, что еще в Центральной Азии белые народы во времена совместного проживания не позволяли себе поработать сородичей, т. е. белых людей, и арийцы–греки, следуя этому древнему закону, также не поступали таким образом со своими соотечественниками.

Зато положение, в котором находились первые обитатели Эллады — илоты и пенесты, — напоминало рабство. Существенная разница заключалась в том, что эти угнетенные не жили в доме воина, как это было с рабами ²²¹: они жили под собственным кровом, возделывали землю, платили подати и в этом смысле были похожи на серфов средневековья. Выше их стояло сословие, напоминающее буржуазию, также лишенное политических прав, но эти люди были богаче и к ним относились лучше, чем к крестьянам.

Проживавшие в Греции чужеземцы имели аналогичные права, однако все они — рабы, пенесты, буржуа, чужеземцы — находились под властью эллинов.

Таким образом, арийцы–греки, ставившие превыше всего личную свободу, осуществляли внутри государства свою власть, когда не было войн или завоевательских походов. Воин в своем доме–крепости был маленьким царьком. Его приближенные арийцы пользовались уважением даже со стороны пастыря народа. Своим высокомерием греческая супруга была похожа на Клитемнестру. Будучи задетой в своих чувствах, она умела мстить, как дочь Тиндара. Эта героиня древних времен и есть та надменная женщина с белокурой волосами, голубыми глазами, белыми руками, которую мы уже видели рядом с пандавами, а позже встретим у кельтов и германцев. Покорность была не для нее ²²².

Это — благородное создание, сидящее рядом со своим воинственным супругом и домашним очагом в окружении детей, до самой смерти подчиняющихся родительской воле. Но выйдя из дома предков, сын должен был создать свой домашний очаг и продолжить то,

221 Это был дом, напоминающий крепость рыцарских времен, окруженный хижинами. Обычно он возвышался над окружающей местностью и строился из каменных глыб. Вероятнее всего города созданы трудом ханаанских колонистов. Кстати, в Италии эти впечатляющие сооружения, называемые пеласгийскими, или циклопическими, долгое время приписывали аборигенам. Но местные племена занимались земледелием и не могли выполнять такую работу, т. е. честь их создания принадлежит либо арийцам–эллинам, либо их отцам, титанам. На всем полуострове память о циклопических стенах тесно связана с историей тирренийцев. Ворота Микен — это также эллинское сооружение.

222 Греческая женщина у Гомера несравнимо выше супруги цивилизованных или семитизированных эпох. Посмотрите на Пенелопу и Елену в «Одиссее» или на царицу феаков. В ней больше суровости, сдержанности и свободы. Это положение в какой-то мере сохранилось у македонцев, судя по роли, которую Олимпия играет в делах Александра. См. также нравы дорийцев Спарты.

чему он научился у родителей. Ниже детей на ступенях подчинения стояли рабы, хотя их положение нельзя назвать слишком тяжелым. Их могли купить за серебро или золото, или обменять на быков и кобыл, или они могли оказаться военнопленными — в любом случае рабы были скорее подданными, а не объектами любой господской прихоти.

Впрочем, одним из характерных признаков молодого общества является непонимание продуктивности той или иной политики, и это «счастливое незнание» делало жизнь греческих рабов довольно сносно²²³.

Дело в том, что хозяин дома считал долгом вежливости по отношению к гостям не доверять благополучие дома рабам. Он не гнушался никакой работой и всегда трудился наравне со слугами, а рабыни ткали вместе с супругой господина.

Кроме того, господина и слуг объединяли общие мысли и общий язык. Воин знал о мире и о жизни не больше своих рабов. Если в дом приходил поэт, путешественник, мудрец, рабы собирались после трапезы вместе с хозяевами и слушали поучительные рассказы.

Но что же оставалось господину? Ему оставались все prerogatives положения. Он был единственным в доме, кто имел право приносить жертвы. Он защищал общину и, увешанный оружием, в роскошных одеяниях, он принимал свою долю общей свободы и почета, которые были привилегией всех граждан города или поселения. Повторю еще раз он не был жестоким от природы, так что единственным несчастьем раба было чувство подчиненности. А если боги даровали рабу талант, красоту или ум, он становился советником — нечто вроде фригийца-горбуна в доме Ксанфа.

Таким образом, ариец-грек, суверен в своем доме, свободный человек на площади, настоящий феодальный сеньор, безраздельно владычествовал над своими рабами, детьми, серфами и буржуа.

Пока сохранялось влияние Севера, ситуация оставалась примерно одинаковой по всей стране, но как только потоки переселенцев из Азии и всевозможные волнения внутри страны нарушили установленный порядок, а семитские инстинкты начали набирать силу, все резко изменилось.

Во-первых, усложнилась религиозная система. Простые арийские понятия остались в прошлом. В принципе они изменились еще в ту эпоху, когда титаны появились в Греции. Но пришедшие им на смену верования, все еще сохранявшие духовность, все больше ослаблялись. Кронос, согласно теологической формуле, узурпировавший скипетр Урана, в свою очередь был свергнут Юпитером. Появилось множество святилищ, неизвестные доселе проповедники находили своих сторонников, и объявились совершенно новые ритуалы. В школах эту лихорадку идолопоклонничества называют зарей цивилизации.

Впрочем, я с этим не спорю, очевидно, что азиатский гений был настолько же зрелым и даже прогнившим, насколько неопытным и не знающим своего будущего был гений арийско-греческий. Последний еще не пришел в себя после долгого путешествия, сделанного его создателями через множество земель и треволнений. Кстати, я не сомневаюсь, что если бы у него была передышка, прежде чем он оказался под ассирийским влиянием, он сумел бы ускорить наступление европейской цивилизации. И он внес бы большой вклад в судьбы эллинских народов. Возможно, не были бы столь впечатляющи их победы в области искусств, но политическая жизнь была бы более достойной уважения и более долгой. К сожалению, арийцев-греков было намного меньше, чем азиатских переселенцев²²⁴.

223 Кстати, это объясняется общим предрассудком арийских народов: для них право собственности достигается завоеванием на поле боя.

224 Наука сделала большой прогресс в понимании эллинской мифологии. Установлено четкое различие между догматами, культами и ритуалами, пришедшими из Азии, и теми, которые происходят из европейского сознания. Но остается самое трудное и, в то же время, самое интересное. Известно, что кабирские и телькинские мистерии — семитского происхождения и что додонийский оракул, скорее всего, связан с «северными» принципами. Теперь надо отделить арийскую сущность от финских примесей. Пропорция различных религиозных элементов — семитского, арийского, финского — и будет точным составом крови греков.

Я не датирую трансформацию инстинктов греческих народов тем днем, когда началось смешение с семитами, или когда дорийцы обосновались в Пелопоннесе, а ионийцы в Аттике. Я начну с момента, когда результаты всех этих факторов изменили расовое соотношение. Именно тогда пришел конец монархическому правлению. Такая форма власти, уравновешенная широкой личной свободой, больше не удовлетворяла темперамент — горячий и необузданный — смешанной расы. Отныне население требовало чего-нибудь нового. Азиатский дух навязал остаткам арийского разума компромисс, выгодный ему, и оставил своему союзнику лишь видимость свободы, чтобы только удовлетворить эту потребность белой расы.

На смену умеренности пришла чрезмерность. Гений Сима привел к полному абсолютизму, и этот процесс был необратим, отныне вопрос заключался в том, в чьих руках находилась власть. Передать ее царю или гражданину, возвысившемуся над остальными, — это означало потребовать невозможного от разнородного населения, которое все еще не могло стать единым даже на небольшой территории.

Эта мысль претила свободолюбивым традициям арийцев. Со своей стороны, семитский дух также не был склонен к этому, он привык к республиканским формам правления на берегах Ханаана. Будучи неспособным подчиниться принципу династической наследственности, он отвергал институт, который никогда не был обусловлен свободным выбором народа, но всегда порождался завоеванием и насилием. Исключением не является и европейское царство. Поэтому в Греции придумали искусственное понятие «отчизна»²²⁵, и гражданам было предписано — законом, предрассудком, общественным мнением — жертвовать ради этой абстракции своими вкусами, идеями, привычками, самыми интимными отношениями и самыми естественными потребностями, и такое самоотрицание сделалось разменной монетой другого обязательства, которое требовало безоговорочно отдавать свое достоинство, имущество и свою жизнь ради отчизны.

Отчизна забирала человека из семьи еще в юном возрасте на потребу дрессировщиков в гимназии. Когда он вырос, она женила его по своему усмотрению. Когда ей требовалось, она отбирала у человека жену, чтобы передать другому, или вменяла ему заботу о чужих детях, или передавала его собственных детей в другие хиреющие семьи. Если какой-то предмет в доме не нравился родине, она его конфисковывала и жестоко карала его владельца. Если в вашей лире было две «лишних» струны, вас ожидала ссылка. Наконец, если какой-то неосторожный гражданин осмеливался считать себя слишком честным человеком, отчизна, потеряв терпение, отправляла несчастного в дальние земли с запретом возвращаться домой!

А если жертва выражала недовольство, приговором были смерть, часто сопровождаемая пытками, позор, разорение всей семьи, которая должна была радоваться, что удалось избежать более сурового наказания со стороны патриотов.

Но каким образом вознаграждала отчизна человека за такие жертвы?

Действительно, каждому давалось право с гордостью называть себя афинянином, или лакедемонянином, или аргийцем, или коринфянином. Однако в соседнем краю за это можно было получить и порку кнутом. Словом, это гордое название гарантировало почет в одной стране и презрение или ненависть в другой. Но превыше всего гражданин мог гордиться тем, что он — свободное существо, потому что у него нет господина и потому что пресмыкался он только перед отчизной.

Третья и последняя привилегия: если он подчинялся законам своего общества, независимо от их справедливости, он имел право называться образцовым и несравненным. В этом заключаются все преимущества, хотя я привел далеко не полный перечень наказаний.

225 В монархические времена слово, которое впоследствии стало означать «город», затем «государство», означало всего лишь замок знатного человека. В феодальную эпоху слово «отчизна» почти не употреблялось, оно вошло в обиход, когда галлороманы окрепли и начали играть важную роль в политике. Только после их победы патриотизм стал считаться добродетелью.

Таким образом, слово «отчизна» было чисто теоретическим понятием: оно не означало ничего, в чем есть плоть и кровь. Оно не могло ни говорить, ни ходить; когда оно гневало, нельзя было даже попросить у него прощения. Многовековой исторический опыт показывает, что нет худшей тирании, чем та, которая действует от имени фикции — ни к чему не чувствительной, равнодушной, безжалостной и ненасытной в своих претензиях. Дело в том, что фикция, будучи неспособной блюсти свои интересы, доверяет их соблюдение живым уполномоченным лицам. Они, поскольку действуют не в силу своего эгоизма, приобретают огромные права. Они всегда правы, когда наносят удар от имени идола, чьими жрецами себя называют. То есть отчизне нужны представители. Арийский дух, который уступил натиску чудовищных ханаанских принципов, благосклонно принял предложение передать бразды правления самым знатным семействам государства, что вполне отвечало его естественным понятиям. По правде говоря, в эпохи, когда он был предоставлен самому себе, он не признавал, что почетный признак происхождения дает исключительное право на власть над соплеменниками. Отныне же он был в достаточной степени извращен, чтобы принять абсолютные доктрины, и независимо от того, шла ли речь о высших должностных лицах, называемых царями или архонтами, или исполнительная власть находилась в руках совета благородных граждан, отчизна осуществляла свое всемогущество через глав знатных семейств; одним словом, система правления в греческих поселениях была скопирована с правления финикийских городов.

Прежде чем продолжить, я должен сделать одно очень важное замечание. Все вышесказанное относится к ученой, цивилизованной Греции, более чем наполовину семитизированной. Что касается северной Греции, хранительницы древних устоев, в те времена находившейся в тени, это не имеет к ней никакого отношения. Эта часть территории, оставшаяся более арийской, чем юг, жила по иным законам.

Южная граница перемещалась на север под давлением семитского населения. Чем выше к северу, тем чище была древнегреческая кровь. Но в целом уже и Фессалия была затронута недугом, и старые традиции можно было встретить только в Македонии и Эпире.

На северо-востоке и северо-западе эти провинции также сосуществовали с враждебными элементами. Фракийцы и иллирийцы, покоренные и трансформированные кельтами и славянами, больше не являлись арийцами. Однако контакты с белыми и даже желтыми элементами не имели для северных греков таких пагубных последствий, как это было на юге в результате смешения с азиатами.

Итак, македонцы и эпироты сохраняли больше верности инстинктам древней расы. У них сохранилась царская власть, республиканской формы правления они не знали, как не знали и чрезмерных проявлений власти абстрактного тирана по имени «отчизна». В этих малоизвестных землях не было аттического великолепия, зато правление там зиждилось на благородных понятиях свободы, в которых не было кичливости. Одним словом, в ту эпоху южные греки, почти не осознавшие, насколько они утратили чистоту крови, сомневались в том, что македонцев и их союзников следует считать соотечественниками, а не полуварварами, хотя они признавали за этими народами высокую воинскую доблесть. Эти народы имели еще одно достоинство, которое в ту пору не замечалось: если семитская Греция, несмотря на потоки пролитой крови, не могла соединить воедино разнородные племена, македонцы отличались спаянностью и все больше расширяли сферу своего могущества, включая в нее соседей. В этом смысле, следуя древним этническим традициям, они повторяли судьбу предков, иранских арийцев, которые в свое время объединили родственные народы, а затем двинулись на завоевание ассирийских государств. Таким образом, там, в македонских горах, горел арийский факел — факел в политическом смысле.

Однако вернемся на юг, где абсолютная власть отчизны вершилась аристократами, «лучшими из людей», по греческому выражению. Разумеется, они вершили ее с жестокостью, достойной азиатского духа. Если бы местное население сохранило арийские корни, в результате произошли бы великие потрясения, и спустя некоторое время раса отвергла бы чуждую ей систему. Но полусемитская толпа на это была не способна. Именно поэтому до

нынешнего времени в Греции ни аристократия, ни народ не восставали против произвола. Все противоречия сводились к вопросу, кому должна принадлежать власть.

Аристократы, оспаривая право первооселенцев, подкрепляли свои претензии традициями и при этом сами ощущали, насколько трудно отстаивать эту доктрину перед лицом постоянной опасности, заложенной в самой системе абсолютизма. Всякое насилие содержит в себе специфическую силу: эта сила по причине искажений и даже простого ее употребления, порождает разрушительные последствия, избежать которых можно лишь постоянным напряжением всех средств.

Поэтому единственная возможность добиться стабильности — это концентрация всей энергии населения. Поэтому неограниченные полномочия всегда сосредоточивались в руках одного человека. Чтобы избежать неприятностей, приходилось прибегать к другому опасному, презираемому и проклинаемому людьми средству — тирании.

Причины и основы тирании так же легко обнаружить и предвидеть, как невозможно их избежать. Когда в результате вечного соперничества городов отчизна оказывалась в опасности, совет знатных граждан уже был не в состоянии справиться с кризисом — нужен был один гражданин, взявший в свои руки всю власть. С этого момента жители надеялись, что, когда минует опасность, спаситель отечества добровольно откажется от власти. Увы, такого не случалось.

Правда, очень часто тираны, несмотря на всю нелюбовь к ним со стороны греков, правили с большей мягкостью и мудростью, чем политические собрания. Но в любом случае их правление сопровождалось заговорами и репрессиями. Редко они умирали своей смертью, еще реже трон занимали их наследники. Итак, сделаем следующий вывод: коллективное правление было правилом, тирания — исключением, и исключения были более частыми, чем правила.

По мере того как греческие государства с трудом сохраняли или заново завоевывали свой правовой статус, поток семитов на полуостров все усиливался. Он грозил крутыми изменениями, аналогичными тем, что мы видели в финикийских городах. И эта тенденция все сильнее втягивала в себя эллинские страны южной части. Однако первыми жертвами оказались ионийское побережье и Аттика.

Конечно, крупные переселения и массовая колонизация давно прекратились, но вместо них началось невиданное по масштабу индивидуальное расселение людей разных классов и сословий. Города уже не могли сдерживать этот поток, лишая вновь прибывших политических прав — ничто не могло остановить нашествие чужой крови. Она тысячами разных путей просачивалась в жилы граждан Греции. Самые благородные семейства, уже в значительной мере смешанные, все больше теряли свои генеалогические принципы. Большая их часть исчезла, остальные обеднели и смешались с массой населения. А оно тем временем все увеличивалось благодаря развитию торговли.

Аристократия безнадежно ослабела. Большую силу набрали средние классы.

И в один прекрасный день встал вопрос: почему только аристократы представляют отчизну, почему богатые граждане лишены этого права?

Конечно, благородные граждане больше не могли претендовать на прежнюю исключительную знатность, потому что многие их соотечественники также овладели этой привилегией. Семитская кровь преобладала в хижинах — теперь она завоевывала и дворцы.

От этого происходили большие потрясения, и вскоре богатые одержали победу. Но как только они получили право решать судьбы отчизны и защищать порядок от гнусной тирании, новые массы сограждан снова стали задавать себе тот же вопрос «Почему?» и в свою очередь завоевали такое же право, пробив брешь в стане тимократов. Стало очевидно, что следом за бедными гражданами придут полуграждане, поселившиеся в стране чужеземцы, затем рабы и прочий сброд.

Остановимся недолго на этом вопросе и рассмотрим его с другой стороны.

Единственной и часто главной причиной длительного существования самоуправного и жестокого режима служит необходимость иметь достаточно сил, чтобы противостоять

внешним или внутренним врагам. Но приводила ли к такому результату греческая система? Перед Грецией стояли три проблемы: первая связана с ее ситуацией относительно остального цивилизованного мира, т. е. Азии; вторая — отношения греческих государств между собой; третья — внутренняя политика каждого суверенного города-государства.

Мы уже знаем, что отношение всей Греции к великому царю всегда определялось униженным подчинением. Из Фив, Спарты, Афин — отовсюду в Сузу и обратно сновали послы, припадая к стопам властителя Персии с просьбой решить в их пользу споры между городами. Чаще всего до царя они не доходили. Протекции сатрапа побережья было достаточно, чтобы добиться преимуществ перед соперниками. Тиссаферн давал распоряжения, и перепуганные государства-республики повиновались Тиссаферну. В итоге эта высшая власть не препятствовала греческо-семитскому элементу играть основную роль в азиатской массе. Аннексия запаздывала только потому, что остатки арийской крови все еще служили достаточным основанием национальной раздробленности. Но на юге этого уже не было, и можно было предположить, что однажды Эллада и Персия объединятся.

Тем не менее, греческие города, уцепившись за свои крохотные патриотические деспотии, шагали вразрез с арийскими традициями: они не были заинтересованы в объединении государств. То, что происходило в Македонии, контрастировало с ситуацией в остальной части Греции. Ни один город не претендовал на власть над большой территорией. Все хотели увеличить свои масштабы, и это грозило соседям уничтожением. Так, когда походы лакедемонян завершались успехом, побежденные пополняли стада рабов. Легко представить, что каждый город защищался до последнего. Объединение было невозможно. Знаменитые изысканные греки эпохи Перикла вели себя на войне как дикари. Все победы заканчивались массовым побоищем.

Теперь посмотрим, к чему приводила внутренняя политика? Мы видели, что из десяти лет в течение шести была тирания, а остальное время ушло на споры и раздоры между аристократами и богатыми гражданами, между богатыми и народом. Когда в каком-нибудь городе верх брала одна партия, другая искала убежища у соседей и набирала там сторонников для борьбы с удачливыми соперниками.

Греческий гражданин постоянно либо возвращался из ссылки, либо готовился туда отправиться. К чему же еще могла привести такая ситуация — постоянное противостояние в обществе, падение нравов и политическая система, не уважающая прав человека? К тому, что непрерывно и беспрепятственно возрастало персидское влияние, существовала национальная раздробленность, связанная с неравномерным сочетанием этнических элементов и мешающая греческим народам развиваться в равной степени. По этим причинам объединение расы было невозможно.

Наконец, ослабление внешнего влияния сопровождалось неспособностью обеспечить внутреннюю стабильность. Перед нами грустный итог, и требуется исключительное красноречие историков, чтобы гордиться им. Эти ловкие художники слова не имели права ни обсуждать и, тем более, ни осуждать вопиющий деспотизм своей отчизны. И только вывернутая наизнанку логика и злонамеренность могут рекомендовать афинскую анархию в качестве примера для наших государств.

К нарисованной мною картине осталось добавить несколько слов о некоторых разрушительных последствиях патриотического абсолютизма для нравов.

Подменив искусственной гордостью гражданина законное чувство достоинства мыслящего человека, греческая система совершенно развратила мораль: все, что делается на благо отчизны, — это хорошо. Все вопросы совести остаются нерешенными, пока человек не узнает, какой образ мыслей предписывает отчизна.

Например, как обстояло дело с уважением к собственности? В принципе она считалась неприкосновенной, но если воровство сопровождалось хитростью, коварством или насилием, оно считалось доблестью. Надо ли хранить супружескую верность? По правде говоря, измена не считалась преступлением. Но если супруг слишком сильно привязывался к жене и больше времени проводил с ней, чем в общественных местах, ему могло грозить наказание.

Я уже не говорю о представлениях обнаженных девушек на стадионе: конечно, их цель заключалась в том, чтобы продемонстрировать физическую красоту, но как относиться к тому, что происходило после таких представлений, когда несчастные становились жертвами самых диких прихотей. Впрочем, чтобы получить об этом представление, читатель может познакомиться с диалогами Демоса со своими слугами у Аристофана.

Греческий народ, будучи арийским, имел достаточно здравого смысла, а будучи семитским, обладал достаточным разумом, чтобы не понять, что его положение не из лучших и что в этом виновата политическая система. Но как содержимое сосуда не может охватить сам сосуд, так и греки не могли вылезти из самих себя и не осознавали, что источник зла заключается в абсолютизме принципа власти. Они искали лекарство в другом. В лучшую эпоху, между Марафонской битвой и Пелопоннесской войной, все знатные люди склонялись к тому неопределенному мнению, которое сегодня мы назвали бы «консерватизмом». Они не были аристократами в строгом смысле этого слова. Ни Эсхил, ни Аристофан не желали восстановления вечного или даже десятилетнего правления архонта, но они верили, что в руках людей богатых власть может функционировать лучше, чем в руках матросов из Пирея.

Никто не замечал истинного зла и не мог его заметить, потому что это зло гнездились в самой природе эллинских народов. Все создатели новых систем, начиная с Платона, проходили мимо этого факта; более того, они даже считали его главным элементом своих реформ. Сократ, возможно, был единственным исключением. Пытаясь отделить идею от порока и добродетели, от политики и возвысить внутреннего человека до гражданина, этот риторик, по крайней мере, предвидел немало трудностей. Отчизна не пощадила его, и я уверен, что во всех отчизнах всегда найдутся люди — кстати, к ним несправедливо причисляют Аристофана, — которые потребовали бы его осуждения. Сократ был антагонистом абсолютного патриотизма. В этом качестве он заслужил свою участь. Однако было что-то настолько чистое и благородное в его доктрине, что честные люди, помимо своей воли, поддались ее воздействию. Когда он умер, народ оплакивал его, собравшись в театре Вакха, когда хор из трагедии Еврипида «Паламед» исполнял печальную песнь: «Греки, вы послали на смерть самого мудрого соловья Муз, который никому не сделал зла, самого мудрого человека в Греции». Если бы небо воскресило его, никто бы не стал его слушать. А теперь это был соловей Муз, красноречивый оратор и логик. Его оплакивал художественный дилетантизм, его оплакивали сердцем; что касается политической стороны дела, он был тем, чем он был: неотъемлемой частью самой природы рас, отражением их недостатков и достоинств.

Я продемонстрировал мало уважения к эллинам, что касается общественных институтов, а теперь я имею право выразить безграничное восхищение этим народом, коль скоро речь заходит о его духовности и разуме. Я склоняю голову перед искусствами, которые он вознес так высоко.

Если своим порокам греки были обязаны семитской части своей крови, то именно она определила их выдающийся талант впечатлительности, вкус к проявлениям физической природы, их постоянную потребность к умственным наслаждениям.

Чем глубже я проникаю в истоки — наполовину белые — ассирийской античности, тем больше нахожу красоты и благородства, больше силы в произведениях искусства. И в Египте искусство стоит тем выше, чем больше арийская кровь пропитана чужеродным элементом. Так и в Греции гений достиг высшего совершенства во времена, когда преобладала семитская кровь, но не совсем поглотила арийскую: это было при Перикле и на той территории, куда больше проникали эти элементы, т. е. в ионийских колониях и в Афинах.

Сегодня уже нет сомнений в том, что подобно тому, как основы моральной и политической системы пришли из Ассирии, так и художественно-артистические принципы были заимствованы оттуда же. В этом отношении раскопки и открытия в Хорсабаде, установив очевидную связь между барельефами ниневийского стиля и произведениями из храма Эгины и школы Мирона, совершенно прояснили этот вопрос. Но поскольку греки были более привержены белому арийскому принципу, чем черные хамиты, в них было

больше организующей силы, и греки успешно сопротивлялись излишества, которым предавались их победители. Они тем более заслуживают уважения за такое сопротивление, что в них жило искушение поддаться им: и эллины создавали иератические куклы с подвижными членами и другие чудовищные предметы сакрального назначения. К счастью, изысканный вкус народа не принял этих извращений. Греческое искусство в целом не приняло ни отвратительных и возмутительных символов, ни примитивных монументов.

Его упрекали в меньшем спиритуализме, чем мы видим в святилищах Азии. Этот упрек несправедлив или, по меньшей мере, вызван путаницей понятий. Если спиритуализмом назвать совокупность мистических теорий, тогда все правильно, но если — что соответствует истине — считать, что истоки этих теорий следует искать в воображении, лишенном разума и логики и подчиняющемся только чувственности, тогда надо признать, что мистицизм не есть спиритуализм и что нельзя обвинять греков в том, что они впадали в сферу чувственности, отвергая ее. Напротив, они в большей степени, чем азиаты, были лишены основных недостатков материализма, и культ Юпитера Олимпийского благороднее, чем культ Ваала. Впрочем, я уже говорил об этом.

Между тем и греки не были слишком явными спиритуалистами. У них была сильна семитская идея: она выражалась в мощи священных мистерий, которые проводились в храмах. Население принимало эти ритуалы, хотя иногда смягчало их, если физическое уродство внушало слишком большой ужас. Что касается морального уродства, мы уже видели, что к нему в Греции относились терпимее.

Это редкое совершенство артистизма опиралось на умеренность арийского и семитского элемента и некоторые желтые принципы. Такое равновесие, то и дело нарушаемое очередным притоком азиатов в ионийские колонии и континентальную Грецию, в конце концов исчезло, уступив место упадку.

Можно приблизительно подсчитать, что художественно-литературная деятельность семитизированных греков началась в VII в. до н. э., когда был пик славы Архилока, за 718 лет до Рождества Христова, и славы двух создателей бронзовых статуй — Феодора и Рекуса — за 691 год до н. э. Упадок начался после македонской эпохи, когда азиатский элемент восторжествовал окончательно — в конце IV столетия до н. э. Эти четыреста лет отмечены непрерывным ростом азиатского влияния. Стиль Феодора в Юноне Самосской был простым воспроизведением статуй, посвященных Тиру и Сидону. Чтобы найти исток революционного взлета искусств, создавшего чисто греческий стиль, следует вернуться в эпоху Фидия, который первым освободился от ассирийского влияния, сильно заметного у эгинетов и во всей Греции, и от подражаний ассирийскому искусству, распространенных на финикийском побережье.

Фидий закончил Минерву для Парфенона в 438 г. до н. э. Вместе с ним началась его школа, а прежняя система продолжала существовать как бы на обочине. Таким образом, греческое искусство было семитским, пока не появился великий художник, друг Перикла. Следовательно, с начала VII до V столетия в Греции не было оригинального искусства, а национальный гений творил лишь с 420 до 322 г., года смерти Аристотеля. Разумеется, эти даты не отличаются точностью и указаны здесь только для того, чтобы объединить духовное движение — развитие и литературы и искусств — в общий временной промежуток. Во всяком случае 420 г., когда творил Фидий, и 322 г., когда умер наставник Александра, отделены друг от друга сотней лет.

Иными словами, эпоха прекрасного была кратковременной и совпала с равновесием всех составных расовых принципов нации. Когда это время прошло, исчезло творчество, оставив после себя имитацию — часто очень удачную, но всегда рабскую, имитацию невозвратимого прошлого.

Может сложиться впечатление, будто я абсолютно игнорирую лучшую часть эллинизма, оставляя в стороне эпоху эпических произведений. Она предшествует Архилоку, т. к. Гомер жил в X в. до н. э.

Но я ничего не упускаю, хотя повторю еще раз: славной эпохой литературы и искусств

Греции был период, когда умели строить, ваять, отливать в бронзе, рисовать, писать лирические песни, философские и исторические книги. Но одновременно я признаю, что до этой эпохи — задолго до нее — был период, когда арийский гений, не будучи скован семитскими объятиями, посвятил себя эпическому творчеству и продемонстрировал великолепные неподражаемые достижения в этой области, хотя и оказался невежественным и неспособным во всех остальных областях творчества. История греческого духа состоит из двух почти противоположных по существу этапов: эпос, вышедший из того же источника, что и Веды, и «Рамаяна», и «Махабхарата», и саги, и «Шахнамэ», и песни трубадуров — т. е. из арийского источника. Позже наступила эпоха семитского вдохновения, когда эпическое искусство стало архаизмом, а азиатские лирические и изобразительные искусства окончательно взяли верх.

Гомер — неважно, один конкретный человек, или общий псевдоним нескольких сказителей — творил в тот момент, когда на побережье Азии обосновались потомки арийских племен, пришедших из Греции. Судя по историческим свидетельствам, он родился между 1102 и 947 г. Эолийцы пришли в Трою в 1162 г., ионийцы в 1130 г. Примерно на тот же период приходится творчество Гесиода, родившегося в 944 г. в Беотии, стране, которая из всех южных окраин Греции дольше сохраняла прагматический дух, обусловленный арийским влиянием.

В период, когда особенно сильно ощущалось это влияние, было создано множество произведений, и еще большее количество утеряно бесследно. Мы хорошо знаем «Илиаду» и «Одиссею», но не знаем трагедию «Эфиопки» Арктиния, «Маленькую Илиаду» Леския, «Кипрские стихи», «Возвращение победителей Трои», «Фивиаду», «Эпигонов», «Аримаспов»²²⁶ и многих других. Такой была литература самой Древней Греции: дидактической и повествовательной, позитивной и рациональной, пока она оставалась арийской. Позже мощный приток меланийской крови направил ее в русло лиризма, навсегда отвратив от прежней достойной дороги.

Нет смысла дальше говорить на эту тему. Достаточно признать превосходство эллинского вдохновения над всем, что было сделано впоследствии. Гомеровских высот никому не удалось достигнуть. Все, что творилось позже, является прекрасным, но не возвышенным. Конечно, и поздние творения останутся непревзойденными, т. к. больше не было в истории такого сочетания рас, подобного тому, что стало их причиной.

ГЛАВА IV. Семитские греки

Я намного опередил время и попытался охватить историю эллинской Греции во всем ее масштабе после того, как продемонстрировал причины ее политического скудоумия. Теперь вернемся назад к вопросам государственности и проследим, как состав крови влияет на жизнь в Греции и других народов той эпохи.

Мы определили диапазон художественности, теперь сделаем то же самое в отношении различных стадий в развитии системы правления. Мы увидим, к каким ужасным потрясениям в судьбе общества приводит смешение рас.

Если начать с прибытия арийцев–эллинов во главе с Девкалионом и датировать этим событием начало героических времен, когда греки жили согласно предписаниям предков из Согдианы в условиях ограниченной индивидуальной свободы и очень гибких законов, тогда это начало восходит к 1541 г. до н. э.

Первобытная эпоха в Греции ознаменована борьбой между аборигенами, семитскими колоннами, издавна поселившимися здесь и прибывавшими сюда ежедневно, и арийскими завоевателями.

Южные территории сотни раз переходили из рук в руки. В конце концов, арийцы–эллины, уступавшие в численности и цивилизованности, оказались изгнанными или

226 Особенно жаль потери этой поэмы. Из нее мы могли бы многое узнать об арийцах Центральной Азии.

наполовину поглощенными в массе аборигенов, наполовину рассеянными в семитских селениях: таким образом, сформировалась большая часть греческих народов²²⁷.

Благодаря вторжению гераклидов и дорийцев монголизованный арийский принцип на короткое время взял верх, но, в конечном счете, снова отступил под натиском ханаанейян, и умеренное правление царей навсегда уступило место абсолютному республиканскому режиму.

В 752 г. Афинами правил первый архонт, избранный на 10-летний срок. Семитское правление началось в самом финикийском из греческих городов. Окончательно оно утвердилось позже — у дорийцев Спарты и Фив. Героическая эпоха вместе с ее последствиями, т. е. умеренным монархическим правлением, продолжалась 800 лет. Я не веду речь о более арийской эпохе титанов: достаточно напомнить об их сыновьях, эллинах, чтобы показать, что в их руках долгое время находилась власть.

Аристократическая система не отличалась таким долгожительством. Начавшись в Спарте в 867 г. и Афинах в 753 г., она закончилась именно в последнем упомянутом городе, величественном и славном; она превратилась в архонтат Исагора, сына Тисандра, в 508 г., просуществовав 245 лет. С тех пор, вплоть до краха эллинской независимости, верх часто одерживала аристократическая партия, которая даже преследовала своих противников, но в сущности это было нечто вроде фракционной группировки, периодически сменявшейся тиранами. С тех пор нормальным состоянием общества, если вообще слово «нормальное» можно применить к хаосу и насилию, была демократия.

В Спарте могущество аристократии под сенью остатков монархии было гораздо стабильнее. И население было в большей мере арийским²²⁸. Законы Ликурга окончательно утратили силу только в 235 г., продержавшись 632 года.

Что касается ситуации в Афинах, можно сказать следующее: в ней столько постыдных политических явлений рядом с непревзойденными интеллектуальными достижениями, что на первый взгляд можно подумать, будто для этого потребовались столетия. Однако, если датировать начало этого режима архонтатом Исагора (508 г.), его окончание можно связать с битвой при Хероне в 339 г. Система правления, конечно, и позже продолжала называться республикой, но самое главное — кристаллическое соответствие нации — было утрачено, и когда граждане Афин взяли в руки оружие, чтобы противостоять власти македонцев, те рассматривали их не как врагов, но как бунтовщиков. С 508 по 339 г. прошло 169 лет.

Из этого периода следует вычесть годы, когда правили богатые, затем годы, когда у власти были то писистратиды, то тридцать тиранов, поставленных лакедемонянами. Сюда не входит также монархия Перикла, которая длилась около 30 лет. Таким образом, на демократическое правление приходится от силы половина этих 169 лет, причем и этот период то и дело прерывался моментами ошибок и преступлений властных институтов. Вся энергия нации уходила на то, чтобы привести Грецию к рабству.

Организованное и управляемое таким образом эллинское общество около 504 г.

227 Эллинские народы часто считали себя автохтонными, но внимательное изучение показывает, что они произошли от божества или от местной нимфы. В первом случае прародителем может быть ариец или семит, во втором — результат смешения с аборигенами. Таким образом, можно вспомнить ханаанского пирата Инака, сына Океана и Тефиды. Он вышел из моря. Напомним, что Дардан был сыном Юпитера или Зевса, арийского бога. То есть он сам был арийцем и происходит из Самофракии, Аркадии или даже Италии — одним словом, с Севера. В Лаконии перед дорийским нашествием встречаются полуавтохтонные народы — ни чисто арийские, ни чисто семитские. Они восходят к Лелеху и местной нимфе Клеохарии.

228 Спартанцы были сородичами фессалийцев. По крайней мере, алевадийцы называли себя гераклидами, как и цари Спарты, существует большое сходство между сервильной системой илотов и периаков, с одной стороны, и фенестов, перребов и магнетов, с другой. Дорийцы, в социальном отношении превосходившие остальные эллинские племена, относились к последней волне миграции. Они даже не упоминаются в «Илиаде». Этим они похожи на пандавов. Очевидно, они захватили Пелопоннес с моря, так же как арийцы-индусы появились на юге Индии. Интересно отметить, что арийцы, происходившие из континентальных земель, легко становились бесстрашными и умелыми мореходами.

оказалось в жалком состоянии перед лицом иранского могущества. Континентальная Греция трепетала в страхе. Ионийские колонии платили дань или были подданными восточного соседа.

Конфликт должен был вспыхнуть по причине естественного притяжения полусемитской Греции к азиатскому побережью, к ассирийскому центру, а от побережья Азии, в определенной степени иранизированного, к Элладе. Вскоре нам предстоит увидеть первую успешную попытку аннексии. К этому все уже было готово, но, к всеобщему удивлению, события разворачивались противоположно тому, что следовало ожидать.

Персидская империя, разросшаяся сверх всякой меры и чрезвычайно опасная, повела неправильную политику. Ксеркс, обуянный неистовым юношеским пылом, не слушал советов мудрых придворных. Несмотря на то, что греки предавали друг друга, совершали непростительные ошибки и проявляли невероятную трусость, царь, вместо того, чтобы обрушить на них регулярные войска, пожелал потешить взор своим могуществом. С этой целью он собрал толпу в 700 тысяч воинов и погнал их через Геллеспонт, соорудив гигантскую переправу, разгневался на бурное море и в результате, к всеобщему изумлению, потерпел поражение от людей, еще более удивленных такой невероятной удачей.

Греческие писатели очень ярко и волнующе описывают то, что произошло при Фермопилах, Марафоне, Платее. Такое красноречие естественно для столь спиритуальной нации. Но, по правде говоря, эти выдающиеся победы были всего лишь случайностью, и естественный ход событий, т. е. неизбежное следствие этнической ситуации, от этого ничуть не изменился²²⁹.

После битвы при Платее мы видим следующее положение.

Самая могущественная империя должна поглотить самую слабую; как в свое время семитизированный Египет подчинился персидской монархии, управляемой арийским духом, так и Греция, где давно воцарился семитский принцип, должна признать превосходство семейства, из которого вышли матери ее народов, поскольку в Афинах, Фивах и даже в Лакедемоне не больше чистых арийцев, чем в Сузе, и в действие вступает закон численности и размеров территории.

Это была драка двух братьев. Эсхил осознал кровное родство, когда вкладывал в уста матери Ксеркса такие слова:

«Мне кажется, я вижу двух девственниц в роскошных одеяниях. Одна одета по персидской моде, а другая по обычаю дорийцев. Обе превосходят статью остальных женщин. Красота их безупречна. Обе они — сестры одной расы»²³⁰.

Несмотря на неожиданный исход персидской войны, Греция, в силу семитского элемента в своей крови, рано или поздно была вынуждена разделить судьбу Азии. Сюрпризы на этом не закончились, и снова итог оказался не таким, каким следовало его ожидать.

Сразу после отступления персов восстановилось влияние двора в Сузах на эллинские города; как и прежде, царские послы давали приказы, которые беспрекословно выполнялись. Местные народы продолжали ненавидеть друг друга, не упускали ни одной возможности навредить друг другу; приближался момент, когда истощенная Греция должна была сделаться персидской провинцией и, возможно, возрадоваться этому обстоятельству как залогоу покоя и мира.

Со своей стороны, персы, учитывая свои недавние поражения, вели себя настолько же осторожно и сдержанно, насколько безрассудно вели себя их малые соседи. В своей армии

229 Битва при Платее произошла 22 ноября 479 г. до н. э., а опьянение греков от этой победы не прошло и сегодня. Но кроме того, что большая часть Греции была в союзе с персами, Спарта, самый сильный из их врагов, поспешила заключить сепаратный мир в 477 г., т. е. два года спустя после победы. Если Афины дольше сопротивлялись этому порыву, то только потому, что это было им выгодно. О характере этой политики можно судить по указу Перикла, согласно которому афинский народ отказывался давать отчет об использовании общих средств греческой лиги.

230 «Персы», Эсхил.

они держали многочисленные вспомогательные отряды эллинов, они им хорошо платили и осыпали почестями. Они часто использовали их против ионийцев и со злорадным удовлетворением видели, что совесть их наемников не выказывает никаких признаков пробуждения.

Изгнанники из Аттики, Беотии, Пелопоннеса постоянно пополняли наемные отряды, и их воинский талант и доблесть в первую очередь были направлены против их родных городов. Наконец, когда один знаменитый изгнанник, известный государственный деятель, прославленный воин, почитаемый писатель и оратор, попросил у великого царя защиты, ему было оказано невиданное ранее гостеприимство; когда крутой политический поворот вернул этого человека в родную страну, он принес с собой, в глубине своей совести, конец цепи, другой конец которой был прикован к подножию персидского трона. Таковы были отношения между двумя народами. И в твердом разумном правлении персов мы видим больше арийских признаков, чем в системе власти городов южной Греции, которые уже были накануне того, чтобы заплатить горькую цену за свои парадные победы, когда судьба опять улыбнулась им.

Пока южные греки деградировали и прославляли себя, жители севера, которые оставались в тени и считались полуварварами, с чем они, кстати, не спорили, жили в своей монархической системе, и в один прекрасный день они достигли такого могущества, что овладели всей Грецией и предстали перед азиатами в новом свете, в качестве достойного противника. Когда македонцы завоевали Грецию, в этом проявилась сущность их крови. Победители разительно отличались от южных греков, и это доказали их политические институты.

Южные эллины после очередного завоевания фазу принимались за разрушение. По малейшему поводу они могли снести с лица земли город и обратить его жителей в рабство. Точно так же вели себя семитские халдеи в эпоху своих побед. Евреи испытали это на себе во время вынужденного переселения в Вавилон; то же самое делали сирийцы, совершая набеги на Кавказ. Такой же была политика карфагенян.

Завоеватели—семиты в первую очередь думали о разрушении и только потом принимались за преобразования. Персы видели выгоду побед в другом. Разумеется, и у них можно найти немало примеров подражания ассирийцам, однако в целом они ограничивались тем, что лишали власти местные династии, оставляя государственную организацию нетронутой. Царство сохраняло монархические формы, республики оставались республиками, покоренные страны лишались только независимости, т. к. персы разделяли их на сатрапии для удобства управления: в таком положении находились ионийские колонии во времена войн Дария и завоеваний Александра.

Македонцы остались верны арийскому духу. После битвы при Хероне Филипп ничего не разрушил, никого не обратил в рабство, не лишил завоеванные города их прежних законов, а граждан их обычаев. Он просто установил свою власть с тем, чтобы умиротворить покоренные народы и поставить их на службу своим планам.

Словом, северные греки подчинили себе остальную часть Греции, не меняя существовавших там социальных установлений. Трудно привести более убедительное доказательство относительной чистоты благородной крови. Это был воинственный и прагматичный народ, не обладавший ни художественными, ни литературными талантами, но отличавшийся глубоким политическим чутьем.

Примерно ту же картину мы наблюдаем у иранских племен некоторых эпох. Впрочем, не следует делать поверхностные заключения: если сравнить две нации в период их становления, когда первая под властью Филиппа овладела Грецией, а вторая немного раньше, под предводительством Фраорта начала свои завоевания, то иранцы покажутся нам более могущественными и достойными восхищения.

Это впечатление справедливо. В отношении религии духовные или спиритуалистские доктрины мидийцев и персов превосходили македонский политеизм, хотя и последний, в свою очередь, будучи привязан к тому, что на юге называли «старыми божествами», был меньше проникнут семитскими идеями, чем афинская или фиванская теологии. Чтобы быть

точным, необходимо признать, что религиозные доктрины Македонии были почти лишены вывертов воображения, зато компенсировали это наполовину финскими суевериями, которые по непонятности и мрачности не уступали сирийским фантазиям. В целом, македонская религия уступала персидской, т. к. содержала в себе кельтские и славянские элементы.

Что касается уровня цивилизации, здесь также имеет место отставание. Иранские народы, с одной стороны, соприкасались с вратиями и отступниками—индусами, которые несли на себе отблеск брахманизма, а с другой — с ассирийскими народами и, находясь между двух ярко горевших очагов, соприкасались с развитыми культурами.

Будучи сородичами вратиев, восточные иранцы не теряли связей с ними. Будучи данниками ассирийцев, западные иранцы также испытывали влияние этой расы.

Македонцы находились в менее выгодном положении. Они не соприкасались с развитыми народами, не считая южных границ. С остальных сторон их окружали варвары. Поэтому они впитали в себя дух цивилизации в меньшей степени, чем иранцы, которые получили его в результате «двойного брака» и переделали его на свой манер.

Кроме того, в Азию стекались сокровища со всего мира, а Македония находилась в стороне от торговых путей: иранцы становились богаче, а их будущие завоеватели пребывали в бедности.

Но, несмотря на такие преимущества, доставшиеся мидийцам при Фраорте, исход борьбы между их потомками, т. е. подданными Дария, и воинами Александра, не вызывал сомнений. Победа по праву досталась последним, потому что когда началась война, различия в чистоте их арийской крови почти не было. Иранцы, которые уже во время взятия Вавилона Киаксаром, были в меньшей степени белыми, чем македонцы, и более семитизированными, когда 269 лет спустя, сын Филиппа ступил на территорию Азии. Без гения Александра, который ускорил события, это все равно бы произошло — пусть и позже, — учитывая огромную разницу в численности двух народов—соперников, но сомнений в исходе быть не может.

Азиатская кровь заранее была обречена, точно так же, как когда-то она оказалась под игом иранцев, которые с тех пор ассимилировались с выродившимися расами покоренной страны.

Здесь снова вступает в силу принцип неравенства рас. Семитская раса в своих многочисленных поколениях больше оплодотворила хамитское население, чем иранское вторжение. Когда греки покорили Азию, они были немногочисленны, и их победа не привела к колонизации. Их небольшие группы, оказавшись в изоляции в огромной империи, сразу влились в массу местного населения. Великий Александр осознал, что его триумф означает конец Эллады, что его меч довершил дело Дария и Ксеркса, что если Греция не пала, находясь под властью великого царя, то она пала теперь, когда ее поглотила собственная победа. Семитская кровь поглощала все, что встречалось на пути. Марафон и Платея потускнели и стерлись в памяти после Арабелл и Иссы, и грек—победитель, македонский царь, сам сделался великим азиатским царем. Не было больше ни Ассирии, ни Египта, ни Персии, но не было и Эллады: западный мир с тех пор слился в единую цивилизацию.

Александр умер, его соратники разрушили политическое единство; они сквозь пальцы смотрели на то, как вся Греция вместе с Македонией, завоеванной семитским элементом, превращается в придаток азиатского побережья. Единое общество, разнообразное в своих нюансах, но объединенное общими формами, распространилось на этой части земного шара, которая от Бактрии до гор Армении охватывала всю Нижнюю Азию, страны на Ниле, их колонии в Африке, Карфаген, острова Средиземного моря, Испанию, Фосийскую Галлию, эллинизированную Италию, эллинские земли. Долгая борьба трех родственных цивилизаций, которые до Александра спорили за право называться самой достойной, завершилась слиянием сил, в равной мере истощенных большим количеством семитской крови, принесшей с собой большую дозу черных элементов, и из этого грандиозного объединения возникла новая ситуация.

Новое общество не обладало чувством величественного, характерного для древней

Ассирии и Египта, и в то же время не отличалось и стремлением к физическому и моральному безобразию, присущему этим слишком меланийским народам. И в добре и во зле оно опустилось на ступень ниже за счет двойного влияния иранцев и греков. От последних оно унаследовало умеренность в области искусств, что выразилось в копировании эллинских методов и форм, но, с другой стороны, оно несло на себе печать семитского вкуса — любовь к усложненности, к утонченному мистицизму, претенциозному многословию и безумным философским доктринам. В поисках выражения оно достигало иногда блистательных высот, но не отличалось глубиной и вдохновением гения. Основным его достоинством был эклектизм: оно всегда гордилось тем, что знает секрет, как примирить непримиримые элементы — осколки обществ, чьей смертью оно питалось. В нем жила неистребимая любовь к арбитражной рассудочности. Эта тенденция чувствуется в литературе, философии, морали, в системе правления. Эллинское общество употребляло всю свою энергию на сближение и объединение далеких друг от друга идей и интересов, что само по себе очень хорошо и полезно в такой среде, но совершенно непродуктивно, тем более что это предполагает отказ от своего предназначения.

Участь таких непродолжительных обществ, составленных из лоскутков, в том, чтобы истощать свои скудные силы без пользы: не мыслить, поскольку у них нет своих идей, не идти вперед, потому что у них нет цели, но сшивать и перешивать, горестно вздыхая, изношенные пестрые лоскутки, которые постоянно расползаются. Первый же спаянный однородными элементами народ, может легко разорвать эту непрочную ткань.

Новый мир стремился к единству. Он хотел выразить все материальное в словах. Чтобы выразить идею максимально возможного интеллектуального совершенства, стали употреблять термин «аттический». Это был идеал, на который не могли претендовать современники и соотечественники Перикла. Немного ниже стояло слово «эллин», еще ниже такие производные от этого слова, как «эллинский», «эллинизированный», которые характеризуют степень цивилизации. Человек, рожденный на берегу Красного моря, в Бактрии, в стенах египетской Александрии, на побережье Адриатики, считал себя — и его считали — настоящим эллином. Пелопоннес превратился в обычную малоизвестную территорию, его жители были не более чистыми греками, чем сирийцы или лидийцы, и это положение оправдывалось состоянием рас.

При первых преемниках Александра во всей Греции не оставалось ни одного народа, который имел бы право отречься от родства с сомнительными «эллинизированными» элементами из Олбии или Дамаска. Варварская кровь поглотила все. На севере смешение со славянским и кельтским населением привело эллинизированные расы к грубости и жестокости, которые царили на берегах Дуная, между тем как на юге браки с семитами обусловили деградацию, похожую на ту, что мы видели на азиатском побережье, хотя в сущности это были малозначительные факторы, подрывающие арийский дух. Если бы победители Трои вышли из ада, они нашли бы, и в Микенах и в Спарте, одних выродившихся граждан.

Как бы то ни было, основы единства цивилизованного мира были заложены. Этому миру был нужен закон, но на что мог опереться такой закон? Откуда он мог появиться, если вместо государств имело место нагромождение руин, в котором исчерпали жизненные силы все древние племена? Как извлечь из меланийских инстинктов, которые пропитали все, вплоть до самых глубоких складок социального порядка, умный и твердый принцип и сделать из него непререкаемое правило? Это было невозможно; в первый раз в мире появился феномен, который с тех пор повторялся еще два раза: массы людей, не объединенных ни политической религией, ни твердыми социальными принципами, не имеющих иной цели, кроме как выжить. Греческие цари, за неимением лучшего, приняли всеобщую толерантность во всем и ограничили свои полномочия требованием почтения к своему могуществу.

Государства, которые хотели быть республиками, остались таковыми; один город сохранял аристократические формы, другой выбрал чистую монархию. В такой ситуации

властители ничего не отвергали и ничего не утверждали. Ни Птолемеи, ни Селевкиды не вмешивались в дела граждан или подданных, если эти дела не затрагивали царские законные или сверхзаконные доходы и привилегии.

В течение долгого периода, пока существовала эта ситуация, встречались и выдающиеся личности, но они не пользовались любовью или почетом, поэтому не могли изменить положение вещей. Часто возникает вопрос, почему некоторые эпохи не рожают ничего выдающегося. Ответ, как правило, бывает таким: по причине недостатка свободы или потребности. Одни отдают должное афинской анархии за то, что она породила Софокла и Платона, и утверждают, что не будь непрерывной смуты в Италии, Петрарка, Боккаччо и Данте не удивили бы мир своими великими произведениями. Другие, напротив, объясняют величие века Перикла благородством этого государственного деятеля, взлет итальянской музыки — протекцией Медичи, классический век нашей литературы — благоприятным влиянием Короля-Солнца, Людовика XIV. Таким образом, в окружающей среде можно найти объяснение и оправдание всему — и анархии и деспотизму.

Существует еще одна точка зрения: нравы той или иной эпохи можно объяснить предпочтением, которое современники отдают тем или иным занятиям — войне, литературе, искусствам. Я бы разделил это мнение, если бы оно было до конца обоснованным; к сожалению, когда при этом возникает вопрос об основной причине, определившей состояние нравов и идей, его сторонники не отвечают, что она целиком заключается в равновесии этнических принципов. Мы уже говорили об определяющей причине уровня народа.

Когда Азия разделилась на несколько государств исходя из разного состава крови их населения, в каждой стране — в Египте, Греции, Ассирии, на иранских землях — появился мотив или потребность к конкретному виду цивилизации, к тому или иному направлению развития, к концентрации интеллектуальных сил общества на конкретных целях, и все это было обусловлено сочетанием этнических элементов.

Что касается национального характера, он определялся ограниченным числом этих элементов и долей каждого из них в общей массе. Египтянин XX в. н. э., бывший приблизительно на треть арийцем, на треть белым хамитом и на треть негром, не похож на египтянина VIII столетия, чья природа была наполовину меланийской, на одну десятую белой хамитской, на треть семитской и в остальном арийской. Нет нужды напоминать, что дело вовсе не в точности этих цифр — этим я хочу лишь подчеркнуть свою мысль.

Но египтянин VIII в., даже выродившийся, тем не менее имел свою национальность. Конечно, в нем уже не было качеств своих предков, однако этническое сочетание, из которого он вышел, оставалось присущим ему. Начиная с V в. ситуация изменилась. В эту эпоху арийский элемент настолько раздробился, что утратил всю свою активность. Его роль ограничивалась тем, чтобы лишать чистоты остальные элементы, т. е. лишать их свободы действий.

Те же самые выводы можно сделать в отношении греков, ассирийцев, иранцев. Но здесь можно задать вопрос: почему в эпоху становления единства рас не появилось ни одной единой нации, обладавшей всеми достижениями древних цивилизаций, собранных воедино? Почему вся Передняя Азия, объединенная с Грецией и Египтом, была не в состоянии осуществить малую часть того, что сделала каждая ее часть, будучи отдельной, тем более, что каждая была раздираема внутренними конфликтами?

Причина этого парадокса заключается в том, что единство действительно имело место, но с отрицательным знаком. Азия внешне объединилась, но не стала единой.

Посмотрим, почему произошло объединение. Только потому, что более сильные этнические принципы, которые уже сформировали в разных местах самобытные цивилизации или, получив эти цивилизации, так сказать, в готовом виде, изменили их или даже усовершенствовали, оказавшись в разлагающей массе слабых элементов и потеряв энергию, предоставили национальный дух самому себе — без направления, без инициативы, без сил. Повсюду три главных принципа — хамитский, семитский и арийский — отrekliсь от прежней инициативы и перестали благотворно питать кровь населения. Между тем

низшие этнические принципы продолжали подпитываться там, где прежде находились древние цивилизации. Грек, ассириец, египтянин, иранец V в. мало напоминал своих предков, живших в XX в.: они все больше походили друг на друга равным недостатком активных принципов; этому способствовало то, что они сосуществовали в похожих массах населения, хотя их разделяли порой малозаметные различия. Они не хотели менять существующее положение вещей, но не могли объединиться между собой; поэтому, вынужденные жить вместе, слишком слабые, чтобы навязать свою волю, все они склонялись к скептицизму и терпимости и считали самой полезной добродетелью «атараксию», как назвал такое состояние души Секст Эмпирик.

У малочисленных народов этническое равновесие устанавливается только после исчезновения всех цивилизаторских пружин, поскольку цивилизаторский принцип, непременно почерпнутый в благородной расе, всегда слишком незначителен, чтобы его можно было безнаказанно разделять. Однако пока он сохраняет относительную чистоту, он играет основную роль, следовательно, препятствует установлению равновесия с низшими элементами. Что может случиться, если объединение происходит только между расами, которые, пройдя через первую трансформацию, оказываются истощенными? Новое равновесие, видимо, может установиться (я сказал «видимо», потому что в истории такого еще не было) только ценой вырождения, к тому же обычно это влечет за собой почти полный возврат к самому низшему этническому элементу, который всегда самый многочисленный.

В Азии этим самым многочисленным элементом был черный. Хамиты, с самого начала своего нашествия, встретились с ним на севере; возможно, и семиты вступили с ним в контакт в то же время.

Два первых семейства Центральной Азии, более многочисленные, чем все прежние волны белой миграции, спустились так далеко на запад и на юг Африки, что еще не известно, где искать предел их продвижения. Однако анализ семитских языков позволяет утверждать, что черный принцип повсюду одержал верх над белым элементом хамитов и их союзников. Для греков, так же как и для их собратьев иранцев, арийские нашествия были мало плодотворны в сравнении с населением, меланизированным более, чем на две трети, в среде которого они оказались. Поэтому, как и следовало ожидать, изменив в течение определенного времени состав населения, с которым они соприкасались, они сами затерялись в среде разрушительного элемента, который еще раньше поглотил их белых предшественников. Это произошло во времена македонцев и происходит сегодня.

Под властью греческих или эллинизированных династий ситуация была не столь плачевной, как нынешняя. Окончательное, фатальное, неизбежное и все усиливающееся преимущество меланийского принципа — вот итог существования

Передней Азии и соседних с ней территорий. Можно сказать, что с того дня, когда первый хамитский завоеватель объявил себя господином первобытных черных племен, побежденные не теряли ни минуты, чтобы вернуть свои земли и отплатить завоевателям. Из дня в день они добивались своей цели — терпеливо и неуклонно, как всегда природа осуществляет такую миссию. Начиная с македонской эпохи все, что происходит из Передней Азии или Греции, служит расширению меланийского влияния.

Мы вели речь о различии между пагубным единством азиатов и эллинизированных народов: отсюда истекают две противоположные тенденции, усиливающие анархию этого общества. Никто не терпит поражение, никто не торжествует победу: все довольствуется хрупким, то и дело меняющимся правлением, которое живет за счет бесплодного компромисса. Единая монархия невозможна, потому что ни одна раса не в состоянии питать ее. Нигде нет четкого проявления национальности.

Всюду происходит постоянный передел территории. Нет стабильности, нет движения.

В истории известны только два исключения из этого правила: нашествие галатов и появление парфян²³¹, арийского народа, смешанного с желтой расой, который был

231 Они говорили на языке пехлви, затем перешли на парси, в котором больше семитских корней — результат долгого пребывания арсакидов в Ктесифоне и Селевкии. По мнению Жюстэна, исходным материалом был

семитизирован, как и его предшественники, а затем также растворился в пестрой массе.

Однако и галаты и парфяне были слишком малочисленны, чтобы надолго изменить ситуацию в Азии. Если бы на сцене не появилась новая мощная и активная белая сила, такая участь постигла бы мировую цивилизацию. Пока в Передней Азии воцарилась анархия — предвестник окончательного упадка, — Индия медленно, но также неотвратимо, шла к тому же исходу. Только Китай продолжал двигаться своим путем, умело избегая отклонений и больших опасностей. Но Китай не представлял собой мир, он оставался в изоляции, жил сам по себе, озабоченный лишь пропитанием своего населения.

Такой была ситуация, когда в затерянном уголке средиземноморского полуострова забрезжил свет. Вначале слабый, он разгорался все сильнее, распространяясь все дальше и дальше, и вдруг озарил западную часть земного шара. Это произошло там, куда для греков каждый вечер спускался Гелиос — на ложе нимфы Океана. Там возшла звезда новой цивилизации. Затрубила в фанфары победа, объявив имя «Латиум», и на арену вышел Рим.

КНИГА ПЯТАЯ

Семитизированная европейская цивилизация

ГЛАВА I. Древние жители Европы

Долгое время считалось, что невозможно обнаружить между фракийским Босфором и морем, граничащим с Галицией, и от Зунда до Сицилии ни одного места, где люди, принадлежавшее к желтой, монгольской, угорской, финской расе, т. е. люди с узкими глазами, небольшим плоским носом, невысокого роста, когда-либо формировали постоянные нации. Это мнение, которое стали в какой-то мере отрицать только в последние годы, не подтверждалось никакими доказательствами. В его основе лежало почти абсолютное незнание фактов. Речь идет о самых разных фактах, которые в совокупности составляют убедительное доказательство²³².

Определенная группа очень древних и бесформенных памятников, встречающихся почти во всех районах Европы, издавна привлекала внимание ученых. С другой стороны, с ними связано немало легенд. Это либо неотесанные камни в виде обелисков, сложенные посреди поляны или на берегу водоема, либо нечто, напоминающее гранитные своды из нескольких блоков. Эти блоки отличаются гигантскими размерами и не несут на себе следов обработки. К той же категории относятся нагромождения камней или валунов, уложенных таким образом, что они вибрируют при малейшем толчке. Эти памятники, большей частью исключительно впечатляющие даже для невнимательного взора, навели ученых на предположения, связанные либо с никийцами, либо с римлянами, возможно с греками, или кельтами, или даже со славянами. Но крестьяне, хранящие верования отцов, отвергают такие мнения и приписывают эти загадочные объекты феям и карликам. Ниже мы увидим, что крестьяне правы. Согласно Клементу Александрийскому, о них сложены предания столь же легендарные, как греческая философия. Этот отец Церкви сравнивает их с орехами, мало привлекательными по внешнему виду для христианина, но если расколоть их, мы найдем внутри вкусные и питательные плоды.

скифский, но скифы говорили на арийском диалекте. В «Махабхарате» упоминаются парфяне под именем «парада». Эпопея идентифицирует их с саками, т. е. монголами. Этнический состав парфенян — это итог деятельности многих туранских рас.

232 Шаффарики одним из первых доказал очень давнее распространение азиатских финнов в Европе, но он рассматривал только северные земли и утверждал, что желтая раса спустилась гораздо дальше на восток и юг, чем обычно предполагается. Мюллер отмечает следы лапонских поселений в самой южной части Скандинавии вплоть до Шонена. Потт приписывает азиатское происхождение всем финским племенам Европы и полагает, что это семейство продвинулось далеко на юг.

Архитектура финикийцев, греков, римлян, кельтов и даже славян не имеет ничего общего с упомянутыми памятниками. Мы знаем произведения этих народов разных эпох; мы знаем, для чего они служили, но в данном случае ничто не указывает на назначение этих объектов. Кроме того, камни, поставленные вертикально, пирамиды из камней и дольмены встречаются в тех местах, где никогда не проходили победители Тира и Рима, или торговцы из Марсея, или кельтские воины, или трудолюбивые славяне. Поэтому к этой проблеме следует подойти по-новому.

Если исходить из общепризнанного факта, что все древности Западной Европы, о которых здесь идет речь, по своему стилю предшествуют римским завоеваниям, тогда мы имеем надежную хронологическую базу и ключ к решению проблемы. Я настаиваю на этом обстоятельстве, хотя дело касается только датировки стиля, но ни в коем случае не даты сооружения того или иного конкретного памятника. Вначале необходимо рассмотреть вопрос в общих чертах, а затем конкретизировать.

Поскольку армии Цезарей захватили всю Галлию и часть Британских островов в I столетии до н. э., галльские и британские древности восходят к более ранним временам. Но в Испании также есть памятники, идентичные указанным.

Римляне овладели этой землей задолго до того, как пришли в Галлию, а до них сюда принесли свою кровь и свои принципы карфагеняне и финикийцы. Следовательно, народы, которые соорудили испанские дольмены, не могли сделать этого после первых переселений финикийцев. Впрочем, не будем углубляться дальше III в. до Рождества Христова.

Более определенная ситуация — в Италии. Никто не сомневается в том, что сооружения, похожие на галльские. И испанские, не предшествуют римскому и, тем более, этрусскому периоду. Т. е. их надо перенести из III в. по крайней мере, в VIII в. до н. э.

Но поскольку сооружения на Британских островах, в Галлии, Испании и Италии относятся к тому же типу, они естественно наводят на мысль о том, что их строители принадлежат к той же расе. При этом возникает желание определить область распространения этой расы исходя из Местоположения памятников, которые свидетельствуют о ее присутствии. Поэтому ученые начинают вести поиски за пределами этих четырех стран, и результат получается поразительным.

Территория, оказавшаяся в центре внимания, простирается от обоих южных полуостровов Европы, охватывает Швейцарию, Галлию, Британские острова, всю Германию, Данию, юг Швеции, Польшу и Россию, переходит через Урал, проходит по северной Сибири, пересекает Берингов пролив, включает в себя прерии и леса Северной Америки и заканчивается в верхнем течении Миссисипи, а возможно, и еще ниже.

Следует признать, что если оставить в покое финикийцев, греков и римлян и соотносить столь обширные территории с кельтами или славянами, тогда надо быть готовыми к тому, чтобы обнаружить и другие аналогичные сооружения. Будь они кельты или славяне, аборигены должны были повсюду оставить следы своей культуры, сравнимые с теми, что мы видим во Франции, Англии, Германии, Дании, России, которые можно приписать только им. Но дело в том, что эта теория ничем не подтверждается.

На тех же землях, где существуют сооружения из каменных глыб, встречается множество построек разных типов, свидетельства человеческого таланта, которые, радикально отличаясь друг от друга в различных местах, со всей очевидностью указывают на существование отличных друг от друга народов. Так, в Галлии есть руины, совершенно не похожие на славянские, которые, в свою очередь, отличаются от сибирских, а те от американских.

Таким образом, становится ясно, что еще до контактов с развитыми нациями с побережья Средиземного моря, финикийцами, греками и римлянами, в Европе жили разные многочисленные племена. Одни из них занимали только некоторые районы континента, между тем как другие оставили следы повсюду, причем задолго до VIII в. до н. э.

Теперь предстоит определить, какие из упомянутых сооружений самые древние, какие встречаются в ограниченных местах и какие распространены повсюду.

Те, что встречаются редко, отличаются определенным мастерством, более высоким техническим совершенством и социальным предназначением, чем памятники, распространенные во многих местах. К тому же последние редко несут на себе следы металлических инструментов, а некоторые относятся к двум эпохам, где бронза и железо предстают в самых причудливых формах, и эти формы не оставляют ни малейшего сомнения в том, что они не принадлежат ни кельтам, ни славянам, потому что это подтверждает классическая литература.

Следовательно, поскольку кельты и славяне были последними хозяевами Европы до VIII в. до н. э., оба периода, которые названы археологами «бронзовый» и «железный» века, относятся и к этим народам. Они охватывают последние времена древней античности наших стран, и более ранний период можно назвать по аналогии «каменным веком». Именно к этой эпохе относятся памятники, о которых мы ведем речь.

Здесь есть один неясный вопрос. Привычка ничего не замечать в Европе докельтовского и дославянского периода убеждает некоторых мыслителей в том, что три века — каменный, бронзовый и железный — знаменуют всего лишь градации в культуре одних и тех же рас. По этой логике это были еще дикие предки умелых рудокопов, талантливых творцов, чьи произведения вызывают наше восхищение. Их варварство объясняют периодом социального детства, когда были неизвестны технические возможности, появившиеся позже.

Эту гипотезу, неприемлемую и по многим другим причинам, безусловно опровергает одно возражение²³³. Между бронзовым и железным веками разница только в количестве используемых материалов и в совершенстве результатов труда.

Движущая мысль не изменяется: она продолжается, модифицируется, совершенствуется, движется от хорошего к лучшему. Зато между каменным и бронзовым веками видны бросающиеся в глаза контрасты, и в сущности нет перехода одного в другой: созидательный дух преобразуется «изо всего во все».

Поэтому каменный и бронзовый века связывают совсем не те отношения, которые имеют место между бронзовым и железным веками. В первом случае существует переход от одной расы к другой, а во втором мы видим просто прогресс внутри рас, если не полностью идентичных, то по крайней мере очень родственных. Поэтому нет сомнений в том, что славяне обосновались в Европе как минимум 14 тысяч лет тому назад. С другой стороны, кельты уже сражались на Гаронне в XVIII в. до н. э. Итак, мы пришли к следующему выводу, математическому результату всего вышесказанного: памятники каменного века, что касается их стиля, предшествуют 2000 г. до н. э. Раса, построившая их, издавна обитала на этих землях, а поскольку они встречаются все чаще по мере продвижения к северо-западу, северу и северо-востоку, эта же самая раса занимала с самых древних времен и эти регионы. Если хотя бы приблизительно определить вероятную эпоху ее расцвета, тогда можно с уверенностью принять период за 3000 лет до н. э., как предлагает один датский ученый²³⁴.

Теперь остается определить этническую природу этих древних народов, в таком большом количестве распространенных в нашем полушарии. Они, конечно, очень близки различным группам желтого вида — невысокие, приземистые, некрасивые люди ограниченных умственных способностей, но обладавшие практичным умом и ярко

233 Кеферштайн пишет: «Если проследить движение науки и искусства в Европе, нигде мы не увидим по степени его развития, а скорее колебания, при которых состояние дел опускается или возвышается подобно морским волнам. Некоторые обстоятельства способствуют прогрессу, другие — упадку. Невозможно обнаружить переход абсолютно диких народов к стадии скотоводов или охотников, затем оседлых людей, наконец, земледельцев и ремесленников. Как бы глубоко мы ни проникали в первобытные времена, за пределы времен героических, мы встречаем только оседлые и социальные народы, обладающие этими способностями».

234 Вот что пишет Вормсааз: «Если кельты имели оседлые жилища на западе Европы более двух тысяч лет тому назад, насколько древнее должен быть народ, который жил здесь до кельтов? Много лет прошло, прежде чем кельты распространились по Западной Европе и сделали землю плодородной. Поэтому без всякого преувеличения можно отнести период 3000 лет тому назад к каменному веку».

выраженными «мужскими» инстинктами²³⁵.

Недавно в Дании и Норвегии обратили внимание на огромные нагромождения ракушек, смешанных с костяными и кремниевыми ножами очень грубой работы. Встречаются останки скелетов оленей и кабанов с удаленными внутренностями. Господин Вормсааз, анализируя это открытие, сожалеет, что аналогичные находки до сих пор не встречались на побережье Франции. Он считает, что их следует искать прежде всего в Бретани, добавляя: «Всем известно, как много таких скоплений ракушек и костей в Америке. Они содержат в себе грубые орудия на подобие тех, которые обнаружены в Дании и Норвегии, что свидетельствует о поселениях древних племен».

Эти памятники настолько необычны и поражают воображение, что становится понятным, почему они так долго скрывались от глаз. Тем ценнее этот подарок для науки, т. к. это доказывает, что на севере Европы есть следы, аналогичные тем, какие находят до сих пор на побережье нового мира в окрестностях Берингова пролива. Кроме того, это дает возможность интерпретировать другую находку такого же рода, еще более интересную, сделанную совсем недавно под Намюром. Бельгийский ученый Спринг извлек из грота груды обломков, заваленных слоем сталагмита и слоем ила, содержащих фрагменты кальцинированной глины, органического угля, кости быков, баранов, свиней, коз, оленей, зайцев, а также женщин, юношей и детей. Интересный факт, отмеченный в Дании и Норвегии: все мозговые кости раздроблены — как человеческие, так и животные, и Спринг справедливо заключает, что это была кладовая людоедов. Это — черта, совершенно чуждая всем племенам белого семейства, даже самым свирепым, но часто встречающаяся у американских народов.

Что касается других фактов, обнаружены интересные земляные курганы, которые по небрежности исполнения не имеют ничего общего с арийскими захоронениями Верхней Азии, а также пышными могилами в Греции, Трое, Лидии, Палестине, которые свидетельствуют если не о художественном вкусе создателей, то, по крайней мере, о понимании грандиозного и величественного. Между тем упомянутые выше памятники — это простые нагромождения земли и глины. Под ними находятся не сожженные трупы, рядом с которыми обнаружены следы пепла. Кстати, отсутствие признаков сожжения костей считается одной из особенностей финских захоронений, т. к. кельты и славяне сжигали своих покойников. Часто мертвые тела лежат на ложе из веток. Это обстоятельство напоминает погребальные вязанки аборигенов Китая. Таких примитивных захоронений много по всей Европе. Аналогичные сооружения есть в верхнем течении Миссисипи, и чрезвычайная хрупкость скелетов, которые при малейшем прикосновении рассыпаются в пыль, указывает на их древность.

Эти курганы, всегда похожие друг на друга, насыпанные в Америке, на севере Азии и в Европе, подтверждают мнение, что когда-то на этих территориях жила одна и та же раса и эта раса была желтой. Повсюду курганы соседствуют с длинными земляными валами, иногда двойными или тройными, которые тянутся по прямой на несколько миль. Они встречаются между Вислой и Эльбой, в Ольденбурге, в Ганновере.

Таким образом, из этих достаточно многочисленных и согласующихся между собой фактов следует такой вывод: желтые племена, пришедшие из Америки и скопившиеся на севере Азии, в далеком прошлом заполнили всю Европу, и именно им принадлежат эти грубые памятники из земли или неотесанных камней. Пора отказываться от соблазна видеть в них результаты спорадической культуры кельтских и славянских народов. Теперь, установив этот факт, двинемся вслед за финскими племенами на запад и рассмотрим внимательнее результаты их деятельности, которые сегодня удивляют нас. Одновременно мы узнаем, хотя бы в общих чертах, какой была социальная жизнь первых жителей Европы.

Медленно двигаясь через заснеженные степи и болота северных регионов, их орды большей частью шли ровным и легким путем. Они шли по берегам моря и больших рек,

235 Я достаточно говорил о физических характеристиках желтой расы.

выбирая менее лесистые дороги и удобные переходы в горах и скалах. Они были недостаточно развиты и энергичны, чтобы проложить путь через труднопроходимые препятствия, и единственным их инструментом был кремневый топор, кое-как при вязанный к толстой ветке дерева. Для переправы через реки или болота они пользовались примитивными лодками из толстого ствола срубленного дерева, выдолбленного или выжженного огнем. Такие суда, доходящие до 10 м длиной, обнаружены в торфяниках Англии и Шотландии. Некоторые имеют деревянные ручки с обоих концов, облегчавшие переноску.

Когда требовалось свалить дерево, финны применяли способ, который до сих пор распространен у диких племен их родного континента. Кремневым топором они выдалбливали небольшие углубления в стволе дуба или сосны, затем долго и терпеливо подкладывали в дупло раскаленный древесный уголь.

Судя по сохранившимся признакам, желтые племена устраивали стоянки на морском или речном берегу, хотя финские следы встречаются и в глубине материка, в маловодной местности. Остатки их поселений есть в центре Франции: в долине Возж, Юра, Лемана. Некоторые сегодня оказались на дне швейцарских озер.

Приведем краткий обзор главных находок, которые могут принадлежать только аборигенам желтой расы и которые все археологи относят к каменному веку. Я уже упоминал нагромождения съедобных ракушек, костей четвероногих и людей вперемежку с ножами из камня, кости и рога, кремневые топоры и молотки, лодки из стволов деревьев, остатки жилищ на сваях, которые впервые обнаружены на берегах озер Гельвеции. К ним следует прибавить наконечники стрел из острых камней или рыбьих костей, наконечники копий и гарпуны из таких же материалов, пуговицы для кожаных одежд, кусочки янтаря с отверстиями или сплошные, глиняные шарики, выкрашенные в красный цвет, которые нанизывались на нить и служили ожерельями. Наконец, это сосуды часто очень вместительные, т. е. некоторые использовались как гробы.

Но самое большое впечатление производят архитектурные сооружения. Их основная черта, определяющая их особый стиль, заключается в абсолютном отсутствии кладки. В этих постройках использованы только цельные и очень крупные глыбы. Таковы менгиры или пеульвены, называемые по-немецки «Hünensteine»²³⁶ — обелиски из неотесанного камня значительной высоты, на четверть вкопанные в землю, кромлехи, или «Hünenbette», — камни, сложенные в круг или квадрат довольно большой площади. Еще есть дольмены — тяжелые коробчатые сооружения из трех–четырёх фрагментов породы, уложенных под прямым углом, накрытые сверху пятой массивной глыбой; внутри они вымощены плоскими, похожими на плитки камнями, иногда к ним пристроен коридор такого же типа. Часто эти чудовищные строения открыты с одной стороны, а иногда вообще не имеют входа. Это, наверняка, могильные сооружения. В некоторых районах Бретани они расположены группами штук по тридцать, не меньше их в Ганновере. Большая их часть сохранилась, когда их обнаружили, несожженные скелеты.

Как по своей массивности (это самые крупные произведения финской расы), так и по своему содержанию! дольмены следует считать одним из самых убедительных свидетельств присутствия желтых народов в той или иной местности. Несмотря на самые тщательные раскопки в них не нашли ни одного металлического предмета, кроме самых примитивных орудий и инструментов — примитивных как по форме, так и по материалу. Дольмены встречаются по всей Европе.

Перейдем к кернам или пирамидальным сооружениям, которые распространены не меньше. Это скопления камней разных размеров. Внутри некоторых находят трупы, причем всегда не обгоревшие, рядом с которыми захоронены костяные или кремневые предметы.

236 Слово «huns» вовсе не означает «гунны», как обычно считают. Оно происходит от кельтского «hen», т. е. древний, старый, или от «hup» спящий. Оно перешло во фризский со значением «мертвый». «Hünensteine» переводится как камень «древних», «спящих» или «мертвых», т. е. не имеет никакого отношения к гуннам.

Иногда мертвое тело покоится под небольшим дольменом, сооруженным в центре керна. Чаще всего тело лежит на стене, но иногда голова прижата к согнутым коленям. Последний обычай широко распространен у американских аборигенов. Встречаются сплошные груды камней, очевидно служившие простым памятником или ориентиром. Например, в Ирландии встречаются огромные массы такого типа.

Сочетание дольмена и керна часто подсказано типом местности, так же как сочетание дольмена и кургана ²³⁷. Такие примеры можно отметить почти повсюду: в Лациуме, около Чивита-Веккия недалеко от Рима, вблизи древнего Альциума и Санта-Мартинелла. Они есть в Кьюзе и около Пратины, на месте Лавиния ²³⁸.

Скелеты, извлеченные из дольменов, позволяют констатировать наличие у первых жителей Европы определенных талантов, которых в них прежде не предполагали. Они умели делать хирургические операции. В американских курганах обнаружены черепа со вставными зубами. В одном дольмене возле Мантуи найден труп взрослого мужчины, у которого сломана берцовая кость, и перелом искусно залечен.

Для нас тем более удивительно обнаружить у желтой расы такие знания, что ничего подобного не отмечено у чистых или смешанных потомков меланийской группы. Последние абсолютно ничего не знают о человеческом организме и его строении. Это связано с ужасом, который внушают им мертвецы: этот ужас порожден суевериями, которые долгое время не давали им вмешиваться в эту опасную сферу. Между тем как желтые народы, защищенные своим флегматичным характером от подобных вывертов воображения, вполне трезво и даже торжественно подходили к останкам побежденных врагов. Антропофагия давала им богатые возможности изучить строение человека и применять эти знания на практике. Подобными навыками отличаются нынешние обитатели южной Сибири. Их анатомические знания настолько же широки, насколько глубоки.

Остается всего лишь шаг от привычки видеть скелеты, дробить кости в поисках мозговой части до умения вылечить сломанный череп или заполнить альвеолу. Здесь не требуется ни выдающегося ума, ни большой культуры. Тем не менее интересно отметить, что финны умели делать такие вещи, которые до сих пор остаются загадкой, например, пломбирование больных зубов у самых древних римлян, о чем есть упоминание в одном из пунктов законоуложения «Двенадцать табличек». Этот медицинский метод, неизвестный жителям великой Греции, заимствован у сабинских племен, или расенов, а те могли перенять его только у первых желтокожих хозяев полуострова. Вот так из зла рождается добро, так остеология берет исток в антропофагии.

Если мы вправе сделать подобные выводы из анализа скелетов, обнаруженных в дольменах, тогда мы имеем право ожидать от них дополнительных данных для физиологической характеристики этнического характера людей, которым принадлежали эти останки. К сожалению, полученные результаты не оправдали ожидания, потому что они чрезвычайно скудны.

Первая трудность в том, что сохранил ось очень мало целых тел. Чаще всего речь идет о трупах, подверженных неизбежным изменениям в результате долгого пребывания в земле. Кроме того, очень часто исследователи, по причине невежества или неловкости, неосторожно обращались с останками. Одним словом, на данный момент физиология не прибавила ничего нового к результатам других дисциплин, изучающих пребывание финнов на всем европейском континенте. Эта наука до сих пор не доказала типичную идентичность скелетов, найденных в разных местах, и даже не может нам помочь в определении численности первобытного населения. Чтобы сформулировать точку зрения на этот счет, необходимо

237 Керны сооружались в каменистой местности. Их много на юго-западе Швеции, зато нет в Дании.

238 Согласно Варрону, все погребальные сооружения, имеющие признаки дольмена, обычно засыпались землей в виде кургана, которые позже разрушались. Это лишнее свидетельство присутствия финских племен в Италии.

вернуться к свидетельствам памятников, число которых удивительно велико.

Сам факт широкого распространения дольменов позволяет утверждать, что захватчики дошли до центра, до горных районов нашей части мира. У них не было достаточных материальных средств для таких завоеваний, поэтому они должны были использовать подавляющее преимущество в численности, и именно большая численность вынуждала их распространяться вглубь континента.

Этот сильный аргумент подтверждается еще одним материальным фактом, пополнившим список финских памятников.

В Лотарингии, в долине Сейль, где сегодня расположены такие города, как Диез, Марсель, Муайенвик и Вик, в первобытные времена, когда сюда еще не ступала нога человека, простиралось огромное и бездонное болото, образованное многочисленными солеными источниками. В окружении холмов этот уголок был труднодоступен.

Финское племя облюбовало его как надежное убежище от врагов и сумело сотворить на его месте устойчивую сушу.

Переселенцы использовали глину с окрестных возвышенностей и вручную слепили огромное количество островков суши. Еще сегодня на фрагментах, извлекаемых из ила, находят различимые следы человеческих пальцев. Затем эти фрагменты обжигались на огне и превращались в ровные кирпичи размером примерно 25x25 см. Их как попало бросали в грязь без всякого цементирующего вещества. Таким образом, на болоте образовалась мощная корка, которая постепенно отвердела до такой степени, чтобы выдерживать многие города с населением до 30 тысяч человек.

Если осуществить масштабные раскопки на этой территории, можно ожидать открытия впечатляющих свидетельств пребывания финских племен.

Конечно, эти древние жители, чьи следы мы находим главным образом на берегах морей, рек, озер и даже посреди болот, что указывает на их предпочтение воде, должны были отличаться грубыми вкусами, однако им нельзя отказать в социабельности или в энергии, даже если они были лишены чувства прекрасного. Ясно, что искусство не имело никакого отношения к этим народам, судя по примитивным образцам, которые они нам оставили.

В дольменах часто встречаются украшенные орнаментом глиняные сосуды. Почти постоянно мы видим простейшие спиральные линии — двойные или тройные, иногда дополняемые завитками. Эти арабески поразительно похожи на узоры, которыми американские аборигены украшают свою посуду: Эти спирали кажутся пределом воображения финнов, они выполнены не только на горшках и вазах, но и на некоторых архитектурных сооружениях. Вполне вероятно, что эти сооружения относятся к более поздним временам, когда у аборигенов появились соответствующие орудия и инструменты или им помогали кельты, что нередко случается в переходные периоды. Так, большой дольмен в Нью-Гранж, в Ирландии, украшен не только спиральными линиями, но имеет вход в виде стрельчатой арки. На другом, неподалеку от Даута, изображен крест, вписанный в окружность. В музее Ключни хранится кость с выгравированным изображением лошади. Все это дурно выполнено и отличается превосходством воображения над совершенством исполнения, что характерно для произведений меланийского типа. Впрочем, нет уверенности в том, что речь в данном случае идет о финском наследии, хотя этот предмет обнаружен в гроте, который можно отнести к очень древнему периоду.

До сих пор мы обосновывали присутствие желтой расы в Европе в далекой древности только методом сравнения и исключения, но этот метод не совсем убедителен.

Поэтому здесь нужны более убедительные и прямые доказательства. К счастью, недостатка в них нет.

Самые древние традиции кельтов и славян, первых белых народов, обитавших на севере и западе Европы, которые лучше всех сохранили в памяти все, что происходило на этом континенте, богаты преданиями о неких существах, совершенно отличных от них. Эти рассказы, передаваемые из уст в уста, из поколения в поколение, неизбежно утратили фактографическую точность и претерпели значительные изменения. Каждый век

что и то терял из наследия предыдущего, и финны, которые прежде представляли собой только отдельный исторический фрагмент, превратились в персонажи сказок, в сверхъестественные существа.

Они давно перешли из мира реальности в туманную сферу мифологии нашего континента. Они стали карликами — чаще всего бесформенными, капризными, злобными и опасными, иногда, напротив того, добрыми, мягкими, симпатичными и очаровательными²³⁹, но в любом случае карликами, которые живут в памятниках каменного века, которые днем спят под дольменами, в подземельях, а ночью бродят по ландам, по труднодоступным тропам, по берегам озер и рек, в чащах роц и лесов.

Крестьяне Шотландии, Бретани, Германии считают, что карлики воруют детей и подменяют их своими младенцами. От них очень трудно уберечься: единственный способ — забить до смерти крошечное существо, которое подложили несчастной матери. Цель этих карликов — дать возможность своему потомству жить среди людей, и, согласно легендам, украденного младенца используют для улучшения породы этих низших существ.

На первый взгляд может показаться, что ими движет не совсем объяснимая зависть к нашему роду, тем более, что в смысле долгожительства и сверхъестественных возможностей они превосходят потомков Адама. Но вопрос стоит так: либо принимать предания такими, какие они есть, либо отвергать их. На мой взгляд, разумнее последнее: этнические амбиции карликов — это не что иное, как ощущение, которое бытует сегодня среди лапонов.

Будучи уверены в своем уродстве и своей ничтожности, представители этих племен получают удовлетворение оттого, что они будут иметь от женщин высшей расы отпрыска, который будет превосходить их во всем.

Память о карликах лучше всего сохранилась в тех странах Европы, где больше кельтских корней. Это — Бретань, Ирландия, Шотландия, Германия. Эта тенденция меньше ощущается на юге: во Франции, Испании, Италии. Она сохраняется у славян, которые подверглись нескольким нашествиям и пертурбациям, хотя эта традиция пропиталась чужеродными понятиями. Такая ситуация объясняется очень просто.

Северные и западные кельты, подверженные главным образом германскому влиянию, не могли избавиться от древних воспоминаний. То же самое можно сказать о славянах. Но семитизированные жители южной Европы издавна познакомились с легендами, пришедшими из Азии, которые отличаются от преданий древней Европы и, тем не менее, оказали на них огромное влияние.

Эти карлики, похитители детей, убежденные в своем ничтожестве по сравнению с белой расой и в то же время обладающие невероятными тайнами, могуществом, мудростью, тем не менее не считаются существами ущербными. Они — работники, чаще всего рудокопы²⁴⁰. Они могут быть фальшивомонетчиками. В недрах земли они могут изготавливать превосходное оружие, предназначенное не для их расы, но для тех, кто может им пользоваться.

Рассказывают, что деревенские музыканты, возвращавшиеся со свадьбы после полуночи, видели в поле на скрещении двух дорог толпу карликов. Другие очевидцы видели их рядом с дольменами, их обычным обиталищем — карлики таскали гранитные глыбы и, видимо, извлекали из земли золотую руду. Такие случаи чаще всего рассказывают в Германии. Почти всегда отмечалось, что эти трудолюбивые человечки совершенно лысые. Надо сказать, что небольшое количество волос — это специфическая черта большинства финнов.

239 См. «Сон в летнюю ночь» и «Бурю» Шекспира. См. «Отважный Робин Гуд» в собрании Томаса Перей (Лондон, 1847 г.). Карлики фигурируют в истории всех народов Европы. Если карлики храбрые, добрые, значит, здесь есть влияние скандинавских мифов или восточных сказок. В итальянских, кельтских и славянских преданиях отношение к ним совсем иное.

240 Шотландские горцы приписывают псевдо-кельтские памятники своей страны таинственному народу, жившему на их земле задолго до них, который они называют «drinnach», т. е. «работники».

Иногда за ночной работой заставляли уже не рудокопов, а прачек, которые с усердием стирали белье на берегу озера или болота. Ирландским, шотландским, бретонским, немецким, скандинавским или славянским крестьянам необязательно было выходить из дома ночью, чтобы увидеть такое зрелище. Многие карлики работали на ферме, на кухне, в конюшне у селян. Они отличались старательностью, чистоплотностью, исполнительностью и помогали выполнять самые тяжелые и черные работы. Но у них есть недостатки, и немалые. Карликов обычно считают лживыми, коварными, трусливыми, жестокими, исключительно прожорливыми, пьющими до беспамятства и похотливыми, как козы Феокрита. В этом смысле очень убедительны истории о влюбленных русалках — если оставить в стороне литературный орнамент, — которые широко известны и в Германии, и в Шотландии, и в Бретани.

Поэтому карлики по своим достоинствам и порокам являются точным портретом народа рабского духа, эти традиции сформировались в эпоху, когда он большей частью оказался под игом переселенцев белой расы. Это подтверждается, равно как и достоверность легенд и преданий, очевидными и недвусмысленными фактами из истории карликов. Филология, мифология и даже история греков, этрусков и сабинян свидетельствует об этом.

В Европе карлики известны под четырьмя главными именами, такими же древними, как и пребывание белых народов на нашем континенте. Корни их принадлежат к фонду самого древнего языка благородной расы. Если отбросить в сторону незначительные изменения в форме, речь идет о следующих словах: «pigmees», «fad», «gen» и «par».

Первое мы встречаем в «Илиаде», где поэт, описывая крик и шум в стане троянцев, готовящихся к битве, пишет: «Точно так же поднимаются в небо крики журавлей, когда, спасаясь от зимы и непрестанных дождей, они летят, курлыча, к реке Океан и несут смерть и гибель пигмеям».

Это сравнение, характеризующее поведение троянцев, говорит о том, что во времена Гомера пигмеи были хорошо известны. Эти маленькие существа обитали на берегу реки Океан к западу от страны эллинов, а поскольку журавли в конце зимы летят на север, пигмеи жили и в северных землях, т. е. в Западной Европе. Именно там мы и находим плоды их трудов. В древности о них упоминал не только Гомер. О них пишет Гекатей Милетский как о крошечных трудолюбивых человечках, которые жнут при помощи топора. Евсгахий помещает пигмеев в северные земли, примерно на широте Тулы. По его описанию, это исключительно маленькие люди, которые живут очень долго. Наконец, и сам Аристотель не обошел их вниманием. Он вовсе не считает их существами сказочными, а их маленький рост объясняет, как это ни нелепо, небольшими размерами их лошадей. Поскольку философ жил в эпоху, когда, согласно научной моде, все происходило из Египта, он называет их родиной долину Нила. С его легкой руки и Страбон и Овидий дают об этих существах совершенно фантастические сведения, о которых говорить мы не будем.

Слово «пигмей» означает расстояние от ладони до локтя. Таков должен был быть рост маленького человечка, но нетрудно представить, как искажалось в легендах все, что связано с величиной и количеством. Даже самая точная история не обходится без преувеличений и ошибок такого рода. «Пигмей» — это мальчик-с-пальчик французских сказок и «Daumling» немецкого фольклора. Первобытная утраченная форма слова «пигмей» восходит к санскритскому «pit» (в женском роде «ра»), что значит «желтый», и к местоименным формам санскритского, зендского и греческого языков — «aham», «azem», выражающим абстрактное понятие «существо», от которого происходит готское «guma», т. е. «человек»). Итак, «пигмей» — это значит всего-навсего «желтый человек».

Стоит отметить, что местоименный корень слова «guma» в славянских языках сближается с санскритским «gap», что сохранилось в немецком в виде «gnome». Т. е. «пюм» — это то же самое, что «пигмей» и по названию и по сути.

Разберем слово «fad» в кельтском языке. Галлы так называли людей — мужчин и женщин — одержимых. Это то же самое, что «vates» у итальянских народов оккультная способность проникать в тайну, т. е. в «fatum». И сегодня во многих французских диалектах

так называют человека, обладающего сверхъестественными способностями, но потерявшего рассудок. «Fada», «fadet» — одновременно и колдун и идиот, т. е. в любом случае существо фатального порядка.

Следуя этой логике рассуждения, мы находим те же самые обобщенные понятия в другой лексикологической форме — у белых аборигенов Италии. Это «faunus» или «fauna» женского рода. Издавна ученые отмечали любопытный факт: эти низшие божества—супруги зовутся одним и тем же именем, чему нет второго такого примера в классической мифологии. Единственное объяснение в том, что речь идет не о людях, а о народностях. Греческая параллель слова «фавн») — это «Пан», или народность «эгипаны», то же самое, что «фавны». Замена «п» на «ф» часто встречается в этих языках.

Фавн, так же как и Пан, — это гротескные, уродливые создания, стоящие ближе к животным; они пьяницы, дебоширы, грубияны, жестокие, хотя знают будущее и предсказывают его. Здесь нетрудно узнать моральный и физический портрет желтой расы, какой ее увидели первые белые переселенцы. — Неискоренимая склонность ко всякого рода суевериям, приверженность к магии, колдовству — вот характерные черты финской расы во всех странах, где она встречается. Кельты—метисы и славяне в эпохи упадка неизбежно впитывали в себя религиозные идеи побежденных и их именем называли своих магов — наследников или имитаторов варварского культа. В похотливости ундин И русалок виден тот порок, в котором всегда преуспевали женщины желтой расы и который, по некоторым гипотезам, обусловил обычай увечить ноги китайских девочек, а там, где нет общественных ограничений, как, например, на Камчатке, он выливается в оргии, которым предавались менады Фракии или неистовые женщины, убившие Орфея. Фавны отличаются неумеренным потреблением вина и обжорством, что характерно для монгольского семейства, и у них ярко выраженная склонность к сельскохозяйственным и домашним занятиям и к материальному миру.

Обе формы — «faunus» и «pan» — этимологически родственны таким словам, как «knorrigan» и «knoridwen» так армориканские крестьяне называют магов—карликов в своих странах ²⁴¹. Галлы называют их «gwtrachan»). У латинян это «genius», у французов «genie».

В этих гениях, низших духах, нетрудно распознать финнов. Древность этого понятия, его обобщенный характер и повсеместное распространение во всех европейских землях — «faunus», «pan», «gen», «genius», «fee», «knorrigan», «fairy» — не оставляют никаких сомнений в том, что оно опирается на достоверные исторические факты.

В заключение разберем слово «nar». Оно идентично с «nanus» и кельтским «пап» (карлик) и в нынешних древнегерманских диалектах означает «сумасшедший». Это трудолюбивое существо, обладающее магическим даром, но глупое, ограниченное, необузданное и жестокое; оно всегда отличалось небольшим ростом и почти полным отсутствием волос.

Из Аквитании отправимся в страну скифов, т. е. в восточную часть Европы, которая простирается от Понта Эвксинского до Балтики. Геродот рассказывает о том, что в этих странах есть колдуны, которые пользуются огромной популярностью, к ним прислушиваются, у них просят совета, и называются они «neures». Кстати, белые, которые жили среди аборигенов, несмотря на очень большое доверие к их предсказаниям, относились к ним с крайним презрением, а иногда с исключительной жестокостью. Если

предсказания не сбывались, несчастных сжигали живьем. Сами невры считали, — что их дар обусловлен физическим состоянием, близким к женской истерии. Возможно, это напоминало конвульсивные движения пророчиц—сивилл. Такими недугами чаще страдают желтые народы, чем другие расы. Поэтому им особенно подвержены русские по сравнению с остальными смешанными народами Европы.

Итак, это существо, встречающееся у всех древних наций белой группы в Европе и называемое «пигмей», «гений», «фад» или «нар», имеет одни и те же физические и

241 Иногда корриганов называют «duz», т. е. «боги», что происходит от арийского «дэвы».

моральные качества, одни и те же пороки и добродетели; оно действительно существовало в давние времена. Невозможно приписать коллективному воображению стольких народов, которые никогда не имели контактов с незапамятного периода после их разделения в Верхней Азии, такой достоверный образ. Это предположение отвергается элементарным здравым смыслом. Это отвергает и лингвистика. Кстати, в силу родства некоторых звуков — гласных, полугласных и согласных — можно составить следующий лингвистический ряд:

pit — gen, fit — gen, fi — gen, fi — ouen, gan, fiun — fen.

В последнем слове нет ничего мифического. Это древнее название настоящих финнов, о чем свидетельствует Тацит: «У финнов мы наблюдаем удивительную дикость и отвратительную нищету: ни орудий, ни лошадей, ни жилищ. Из пищи — только трава, из одежд — шкуры, вместо кровати — земля. Единственный источник существования — стрелы с костяными наконечниками за неимением железа. Охотой занимаются и мужчины, и женщины, и каждый имеет свою долю добычи.

Единственная защита от диких зверей — ветки деревьев».

Сегодня слово «финн» утратило первоначальный смысл, а сами финны — это большей частью германские или славянские метисы. Итак, мы изобразили аборигенов Европы со всеми их физическими и моральными характеристиками. На сей раз у нас не было недостатка в сведениях. Может быть, нам недостает физических портретов этих магов-карликов? Однако они также сохранились.

Между Женовой и горой Салев, на естественном возвышении, находится необработанный каменный блок, который несет на себе грубый барельеф с четырьмя стоящими фигурами — сгорбленными, без волос, с большими плоскими лицами; в обеих руках они держат цилиндрический предмет. Этот памятник связывают с остатками некоторых древних церемоний, которые практиковались во всех кантонах, где было кельтское население.

У этого барельефа есть аналогии — грубые статуи, называемые «бабами», которые сегодня можно видеть на холмистых берегах Енисея, Иртыша, Самарки, Азовского моря, по всему югу России. В обоих случаях перед нами явный монгольский тип.

Медная чаша, найденная в кургане в Оренбургской губернии, украшена аналогичной фигурой, а чтобы не осталось никаких сомнений относительно изображенных персонажей, напомним, что в московском музее хранится одна из таких «баб» с головой животного — образ невра, которые обладали способностью превращаться в волков. Эти изображения — чисто монгольской природы, о чем свидетельствуют не только памятник на горе Салев, русские каменные изваяния, но и тот цилиндрический предмет, который мы отмечали выше. В бретонских легендах основным атрибутом корриганов называется небольшой мешок, в котором находятся конские волосы, ножницы и другие предметы магических культов. Если отобрать у них этот мешок, тогда нет предела их горю, и они делают все, чтобы вернуть его. В таких мешках нынешние шаманы хранят свои магические принадлежности.

Таким образом, и каменные «бабы» и женовский камень это неопровержимый материальный портрет первых жителей Европы, которые принадлежали к финским племенам.

ГЛАВА II. Фракийцы; иллирийцы; этруски; иберийцы

Наконец, в южной Европе появляются четыре народа, достойные этого статуса, которые оспаривают у финнов владение этой землей. Невозможно определить, даже приблизительно, эпоху их появления. Можно лишь предположить, что их самые первые поселения предшествуют 2000 г. до Рождества Христова. Что касается названий, их сохранила греческая античность и отобразила в религиозных мифах.

Это фракийцы, иллирийцы, этруски и иберийцы. В своих истоках и, возможно, во время их пребывания в Азии, фракийцы представляли собой большой и сильный народ. Об этом

свидетельствует Библия, где они названы в числе сыновей Иафета ²⁴². Желтые племена, когда они сохраняли свою расовую чистоту, в целом не были воинственными, причем воинственный дух уменьшается по мере увеличения их крови в том или ином населении, поэтому есть основания считать, что фракийцы не состояли с ними в близком родстве. Греки часто упоминали о них в исторические времена. Они нанимали их вместе с выходцами скифских племен в качестве полицейских и нигде нет упоминания об их внешнем уродстве, характерном для финской расы. Исходя из этого, я прихожу к выводу, что фракийцы не были финнами. Этнический вопрос решался бы проще, если бы сохранились памятники, связанные с ними — хотя бы остатки их языка. Однако в этом смысле мы ничем не располагаем. Судя по скудным лингвистическим следам, фракийцы происходят от арийцев. С другой стороны, у них было большое расположение к греческим нравам и обычаям. Об этом пишет Геродот, который не сомневается в том, что фракийцы — это геты, т. е. несомненные арийцы. Греческие хроникеры с глубоким уважением отзываются о древних фракийцах, таким образом, можно сказать, что, несмотря на непоправимый упадок, вызванный смешением, эти фракийцы были метисами белых и желтых народов; вначале доминировал белый элемент, затем, с течением времени, он уступил место мощному кельтскому наступлению и славянским элементам.

Не меньше трудностей при определении этнического характера иллирийцев, однако, они совсем другого рода и требуют иных средств для их преодоления. Иллирийцы сегодня называются арнаутами, или албанцами, т. е. от них остались и народ, и его язык.

Прежде всего, поговорим о физической индивидуальности. Албанец в своих чисто национальных чертах значительно отличается от населения соседних стран. Он не похож ни на сегодняшнего грека, ни на славянина. У него осталось мало сходства с валахом. Многочисленные союзы, физиологически сближающие его с соседями, сильно изменили его первородный тип, однако не смогли уничтожить самые характерные черты. Во-первых, у него высокий рост, хорошее телосложение, костистое лицо, отличающееся от калмыцкого типа, хотя и несет на себе его следы. Можно сказать, что албанец имеет такое же отношение к монголу, как последний к турку и особенно к венгру. Выступающий нос, большой, четко очерченный подбородок, красивые, хотя несколько грубоватые черты, как у мадьяра, т. е. никакого сходства с утонченным греческим типом. А поскольку доказано, что мадьяр имеет в своих жилах монгольскую кровь, т. к. происходит от гуннов, я утверждаю, что албанец — это результат аналогичного смешения.

К сожалению, изучение языка не может подтвердить эту точку зрения, т. к. он сильно искажен и до сих пор мало исследован. Прежде всего из него следует исключить слова, заимствованные из тюркского, современного греческого, славянских наречий, которые проникли в иллирийский недавно и в большом количестве. Затем пришлось бы отбросить эллинские, кельтские и латинские корни.

Остается основа, которую все равно трудно анализировать и о которой до сих пор нельзя сказать ничего определенного, за исключением того, что этот язык не родственен древнегреческому. Поэтому нельзя отнести его к арийской группе. Но тогда, возможно, что он имеет какое-то отношение к финским языкам. Этот вопрос не решен и поныне. Так что в настоящий момент лучше отказаться от поспешных филологических выводов и ограничиться теми, которые мы уже сделали в области физиологии. Итак, я заявляю, что албанцы — это белый народ, арийцы, непосредственно смешанные с желтыми, а если он и принял от соседей язык, не являвшийся для него родным, то в этом нет ничего необычного: такое случалось со многими народами и племенами ²⁴³.

242 В Библии они фигурируют как «Фирь». Геродот утверждает, что после индийцев фракийцы — самый многочисленный народ на земле.

243 Иллирия очень часто меняла размеры своей территории и свои границы. В нее входили самые разные народы, объединенные одним названием. В самом начале это была страна на берегу Адриатики, между Неретвой и Дриной на юге. На востоке она граничила с трибаллийцами. Затем ее территория расширилась до Эпира и Македонии. После II в до н. э. она включала в себя много провинций, в том числе Фракию. Константин

Фракийцы и иллирийцы в достаточной степени сохранили свои арийские корни, а первые принимали активное участие во вторжении арийцев–эллинов в Грецию.

Вторые, смешавшись с греками–эпиротами, македонцами и фессалийцами, помогли им овладеть Передней Азией. Если в исторические времена обе группы — фракийцы и иллирийцы, — несмотря на свою энергию и ум, занимали подчиненное положение и ограничивались тем, что поставляли (в особенности вторые) множество своих лучших представителей вначале в Грецию, а затем римлянам и византийцам и, наконец, в Турцию, это обстоятельство следует отнести за счет их раздробленности, относительной слабости групп и пребывания в среде плодovitых племен, которые вытесняли их на горные и неплодородные территории. В любом случае фракийцы и иллирийцы, если рассматривать их отдельно от примесей, представляли собой две ветви человечества, одаренные, сильные и благородные, в которых четко прослеживается арийская сущность.

Теперь отправимся на другой конец южной Европы к иберийцам, тогда мы увидим, что исторический туман несколько рассеивается. Не стоит упоминать, сколько сил было потрачено для того, чтобы определить происхождение этого загадочного народа, представителями которого — справедливо или несправедливо — считаются нынешние эскарйцы, или баски. Название этого народа встречается на Кавказе, и были попытки найти дорогу, которой он прошел из Азии в Испанию. Кстати, Эвальд полагает, что кавказские иберийцы должны принадлежать к эбрийской ветви. Но все эти гипотезы слишком запутаны и неоформлены. Лучше известен тот факт, что иберийское семейство наводнило полуостров, населило Сардинию, Корсику, Балеарские острова, некоторые области на западном побережье Италии. Их дети овладели югом Галлии вплоть до устья Гаронны, включая Аквитанию и часть Лангедока.

Иберийцы не оставили ни одного материального памятника, и было бы весьма трудно определить их физиологический характер, если бы не Тацит²⁴⁴. По его мнению, они были смуглые и низкорослые. Нынешние баски не сохранили этих черт. В основном это белые метисы, напоминающие соседей. И это неудивительно. Ничто не могло гарантировать чистоту крови горцев в Пиренеях, и я не собираюсь получить из рассмотрения этого вопроса такие же результаты, как в случае с албанским воином.

В нем я вижу резкое отличие от соседних народов. Невозможно спутать арнаутов с турками, греками, боснийцами. И напротив того, очень трудно спутать эскарйца с французом и испанцем. В лице баска нет ничего примечательного. У него великолепная кровь, хорошая энергетика, но в нем очевидна смесь, вернее, целое сочетание смесей. В нем отсутствует черта однородных рас — сходство людей, — что в высшей степени характерно для албанцев. Да и как пиренейский ибериец мог бы принадлежать к чистой расе? Целая нация была поглощена кельтскими, семитскими, римскими, готскими элементами. Что касается ядра, укрывшегося в высокогорных долинах, известно, что туда же периодически уходили в поисках убежища многочисленные группы побежденных. Поэтому оно не могло уцелеть в большей мере, чем аквитанцы и русильонцы.

Язык эскара не менее загадочен, чем албанский²⁴⁵. Ученых поражало упорство, с каким он сопротивлялся какому бы то ни было воздействию. В нем нет ничего хамитского и мало арийского. В нем, видимо, есть родство с желтыми языками, но оно скрытое и определимое только приблизительно²⁴⁶.

исключил из нее Фракию и Мэсию, зато включил Македонию, Фессалию, Ахайю, оба Эпира, Прэваллис и Крит — всего 16 провинций. Возможно, по этой причине иногда считают фракийцев и иллирийцев одним народом.

244 Есть и другие свидетельства о том, что жители Испании — блондины. Надо сказать, что в римскую эпоху в Испании было самое разнообразное население, и уже тогда было трудно встретить иберийца чистой расы.

245 Римлян очень отталкивала его грубость.

246 В языке эскара находят несколько финских корней.

Единственный достоверный факт в том, что своим полисинтетизмом, своей тенденцией к переходу слова из одного в другое он близок к американским языкам. Это открытие привело к появлению немало количества романов — один фантастичнее другого. Люди с буйным воображением поспешили вслед за иберийцами переправиться через Гибралтарский пролив, направить их вдоль западного побережья Африки, сотворить для них Атлантиду и послать бедняг на берег нового континента. Я же считаю, что американские черты языка эскара имеют своим источником механизм, издавна общий для всех финских языков. Но поскольку этот вопрос еще недостаточно разъяснен, я предпочитаю не касаться его.

Поэтому обратимся к тому, что может рассказать нам история об обычаях и нравах иберийской нации. Здесь мы найдем больше ясности. История свидетельствует, что иберийцы не были варварами, они имели законы и создавали организованные общества. Они были немногословные и сдержанные люди. Одевались в темные одежды и не питали страсти к нарядам, как меланийцы. Их политическая организация не отличалась устойчивостью: захватив значительную часть страны, эти народы, изгнанные из Италии и с островов, лишились большой территории Испании под давлением кельтов, а позже их без особого труда изгнали финикийцы и карфагеняне ²⁴⁷.

Наконец, самый главный аргумент: они отличались большим талантом в горнорудном деле. В далекой древности Испания за несколько лет получила 400 пудов золота, т. е. столько же, сколько было добыто в Бразилии и на Урале, вместе взятых, в самые плодотворные периоды.

Разумеется, эта область деятельности требует от человека большого искусства. Ни один черный народ не способен на это. Из белых народов этим отличались те, которые, живя в Азии, больше соприкасались с желтыми. К ним можно отнести славян.

Получается, что иберийцы были славянами. Еще раз приведу свои аргументы: меланхолические люди: предпочитающие темные одежды, маловоинственные, хорошие рудокопы, обладающие прагматичным характером. Все эти признаки мы видим сегодня у населения северо-востока Европы ²⁴⁸.

Переходим к расенам ²⁴⁹ или, иначе говоря, к этрускам первого поколения. В результате нашествий пеласгов этот народ, заслуживающий особого рассмотрения, в эпоху, предшествующую X в. до н. э., состоял из двух главных элементов, один из которых, пришедший последним, придал нации цивилизаторский толчок. Я пока не буду касаться этого второго периода. Мы рассмотрим только самую большую долю крови, которая одновременно является самой древней, и только она в этом качестве должна учитываться у древних жителей — фракийцев, иллирийцев, иберийцев.

Разумеется, расенов было намного больше, чем их цивилизаторов. Впрочем, это обычная ситуация при любых завоеваниях. Их язык также одержал верх над языком завоевателей и стер в нем почти все первородные черты. Этрусский язык в том виде, в каком он сохранился в древних надписях, довольно далек от греческого и даже латинского. Римляне называли его варварским, чего они не говорили ни о сабинском, ни об оскском, может быть потому, что не понимали его. Этрусский отличается гортанными звуками и грубостью. До сих пор безрезультатны все попытки интерпретировать то, что от него осталось. Гумбольдт склонен считать его чем-то переходным от иберийского к остальным италийским наречиям. Это мнение разделяет Мюллер.

247 В эпоху Страбона много говорилось об интеллектуальном развитии жителей Бетики, о том, что у турдетов были поэмы и законы, созданные 6000 лет назад. Но вряд ли можно приписывать иберийцам эту замечательную литературу. Она опиралась на очень древнюю семитизированную основу и представляет собой копии ханаанских или пунических произведений.

248 Раск считает иберийцев финнами и обосновывает свою точку зрения лингвистикой.

249 Это самоназвание данного народа, по мнению О. Мюллера. Деннис, напротив, утверждает, что это название относится к победителям-тирренцам. Я не считаю это утверждение обоснованным.

Некоторые филологи высказали мысль о том, что его остатки можно найти в романском диалекте, на котором говорят в Ретских горах. Возможно, они правы; однако все три диалекта, используемые в кантоне Гризон в Швеции, состоят из латинских, кельтских, немецких, итальянских осколков. Они содержат немного слов из других источников, исключая географические названия.

Осталось много этрусских памятников разных эпох. И каждый день находят новые. Кроме развалин городов и замков, ценные физиологические сведения дают могилы. Расенец, изображенный на крышке саркофагов из камня или обожженной глины, — человек небольшого роста, с большой головой, толстыми короткими руками, грузным телом, узкими глазами, смуглый, светловолосый. Подбородок сильный, выдается вперед, лишен растительности. Лицо полное и круглое, нос короткий, приплюснутый. Великий латинский поэт кратко нарисовал портрет этрусков следующим образом: «*Obesos et pingues Etrusos*»²⁵⁰.

Однако характеристика поэта и изображения, о которых сказано выше, относятся не к чистым расенам, а к этрускам римской эпохи, т. е. к метисам. Это еще одно доказательство того, что цивилизаторское влияние было незначительным, потому что оно лишь немного изменило первобытную природу населения. Достаточно этих двух фактов — сохранение языка, чуждого белой группе, и физиологическая конституция, — чтобы сделать следующий вывод: кровь побежденной расы оказалась сильнее крови победителей. Об этом свидетельствует культура этрусков. И опять я не имею в виду расенско-тирренскую смесь — речь идет об истинной природе первобытного расенского населения.

У них была своеобразная религия. Их боги, в отличие от богов семитизированных эллинов, никогда не спускались на землю. Они никогда не показывались людям и сообщали свою волю знаками или через посредство таинственных существ²⁵¹. Следовательно, основным занятием жрецов было толкование непонятого выражения высшей воли. Предсказания и знание природных явлений, таких как гроза, молния, метеоры, были в центре внимания жрецов и служили основой суеверий, еще более темных, изошренных и абсурдных, нежели астрология семитов, которая, по крайней мере, имела дело с обширным миром и с тайнами высшего порядка. Если халдейский священник, забравшийся на одну из башен, которыми щетинились Вавилон и Ниневия, следил пытливым взором за движением бесчисленных звезд, рассеянных в небе, и постепенно познавал тайны их орбит, то суеверный этруск — толстый, низкорослый, широколицый, мрачный и пугливый, — с ужасом прислушивался к шуму леса; бледнеющий от вспышки молнии, дрожащий от шума листьев и от пролетающих птиц, пытался истолковать все мимолетные движения окружающего мира. Мысли семита плутали в абстрактных дебрях, но охватывали природу во всей ее целостности и уносили его воображение на крыльях вдохновения. Расен направлял все свои помыслы на самые элементарные моменты существования, а его антипод пытался связать ход планет с капризной игрой событий, которые определяли его повседневную жизнь. В этом заключается различие между индусским мышлением, высшим выражением арийского гения, смешанного с черной кровью, и китайским образом мысли, типичным для желтой расы, подверженной воздействию белого элемента. Следуя этой логике, которая наводит в конечном счете на мысль о слабоумии первых и о скудоумии вторых, мы видим, что расены попадают в ту же категорию, что и желтые народы, и отличаются слабым воображением, детским восприятием и боязливостью.

Слабость воображения подтверждается тем, что этрусская нация, которую в чем-то ставят в пример и которая обладает способностями к историографии²⁵²,

250 *Виргилий: «Жирные и скарденные этруски».*

251 По мнению Мюллера, этруски не знали культа местных героев, по этому у них не было эпонимов, как у их завоевателей, тирренцев или греков. Выше всех своих божеств, даже самой великой богини Тинии, они почитали сверхъестественных существ, которых римляне называли «*dii involuti*», т. е. «скрытые боги».

252 Этруски дали римлянам образец исторических анналов, но это скорее всего лишь каталоги фактов, лишенные хронологической последовательности и повествовательного таланта. Веррий Флакк и император

ничего не дала литературе, кроме трактатов пророческого характера. Если прибавить сюда ритуалы, в которых скрупулезно сформулирован процесс религиозной службы, это будет все, что занимало интеллектуальный досуг этого народа, пропитанного духом формализма. В области поэтической он довольствовался гимнами, в которых больше имен божеств, чем искренних излияний души. В более позднюю эпоху в этрусском городе Фесений мы видим образчики сочинений, написанных в виде драм, которые долго восхищали римлян. Но даже эти удовольствия указывают на грубые вкусы. Фесенийские стихи — это нечто вроде просторечного катехизиса, набор инвектив, единственным достоинством которых является язвительность, и в них полностью отсутствует полет мысли. Наконец, даже этот скудный образчик поэтического таланта нельзя целиком отнести на счет расенов, потому что их города в основном были населены чужестранцами, в частности сикулами.

Таким образом, достоинства расенов надо искать в другой области. Они были неплохими земледельцами, ремесленниками, моряками, строителями акведуков, дорог, крепостей и других полезных сооружений. Простые удовольствия и материальные интересы — вот что в основном заботило, их. В далекой древности они были знамениты страстью к еде и к чувственным наслаждениям ²⁵³. Они не были героическим народом, но сегодня они первыми из народов прошлого поняли бы утилитарную сторону нашей нынешней жизни и быстрее всех привыкли бы к ней. А еще больше этому способствовало присоединение к финской империи.

Во всяком случае, этруск кажется отпрыском этого народа. Например, у него ярко выражена характерная черта желтой расы — глубокое почтение к чиновнику. Оно сочетается со стремлением к индивидуальной свободе в той мере, в какой это относится к чисто материальной сфере. То же самое можно сказать об иберийцах, между тем как иллирийцы и фракийцы понимали независимость по-иному: для них она должна была быть абсолютной. Расены всегда находились под властью аристократов другой расы и не участвовали в правлении. Однако у них нет примеров крайнего и жестокого деспотизма, как это имело место в семитских государствах, и подданные пользовались относительными привилегиями, в частности, материальными благами и правом на образование. В какой-то мере это обусловлено стремлением финнов к изоляции в отличие от тенденции черной расы к коллективному проживанию.

Исходя из вышесказанного, я считаю, что расены, если убрать чужеродный элемент, привнесенный тирренийцами, были почти целиком желтым народом, или, если хотите, славянским племенем с небольшой примесью чистой белой крови ²⁵⁴.

Такое же заключение я делаю в отношении иберийцев, отличающихся от этрусков численностью и степенью смешения. Иллирийцы и фракийцы, обладающие специфическими нравами, имеют большое сходство с финнами. Это лишний раз доказывает, что первородная основа населения была желтой. Ясно, что этот этнический элемент не встречается в чистом виде ни у иберийцев, ни даже у этрусков первого поколения. Социальный прогресс, пусть и довольно скромный, какого достигли эти народы, указывает на присутствие цивилизаторского зародыша, не имеющего отношения к финнам, и что финский элемент способствовал этому в малой степени.

Клавдий использовали этрусские хроники для своих сочинений.

253 Этрусски использовали своих женщин в культовых обрядах и церемониях. Это также финский обычай.

254 Этрусков ошибочно называли пеласгами, расшифровывая этот непонятный термин как «примитивные эллины». Геродот считал местных этрусков лидийским народом, с ним согласно большинство историков. О. Мюллер видит в них отдельную расу среди италийских племен. По мнению Лепсиуса, их составным элементом были умбрийские племена, которые одержали, в конечном счете, верх над своими завоевателями-пеласгами и создали новое этническое сочетание, из которого вышли этрусски. Сэр Уильям Бетхэм уверяет, что расены, тирренийцы и некоторые другие группы — всего лишь народы-призраки. В Европе он видит только кельтов, т. к. его задача в том, чтобы породнить с ирландцами эти знаменитые народы.

Итак, иберийцев, затем расенов, иллирийцев и фракийцев — все более или менее монголизованные народы — следует считать авангардом белой расы в ее движении к Европе. Они имели прямые контакты с финнами и приобрели характерные черты, которые отличают население нашего континента от жителей южных регионов земного шара.

Первая и вторая волны эмиграции — иберийцы и расены, вынужденные двинуться на крайний запад, поскольку юг Азии уже был занят арийцами, — шли сквозь плотные слои финских племен. В результате неизбежного смешения они скоро сделались метисами, и в них стал доминировать желтый элемент.

Иллирийцы, затем фракийцы, в свою очередь двигались вдоль Черного моря. Поэтому у них было меньше разрушительных контактов с желтыми ордами. Отсюда их более внушительный вид и большая энергичность. Если иберийцам и расенам было с ранних времен предначертано рабство, то фракийцы долго этому сопротивлялись и поздно влились в массу окружающего населения, причем сделали это с достоинством. Что касается иллирийцев, они до сих пор остаются уважаемым народом.

ГЛАВА III. Галлы

Поскольку переселение иберийцев и расенов, иллирийцев и фракийцев предшествовало появлению всех других групп белого семейства на юге Европы, нужно считать доказанным тот факт, что когда иберийцы прошли Галлию с севера на юг, а расены дошли до Паннонии и края Ретских Альп, на их пути не было ни одного народа благородной расы. Иберийцы и расены являлись лишь отрядами, отколовшимися от основной массы славян, уже обосновавшейся на севере континента, которые начинали тревожить другие родственные народы, в частности галлов.

Славяне не играли большой роли в античную эпоху, поэтому пока нет смысла говорить о них. Достаточно отметить их присутствие в Испании и Италии и добавить, что они укрепились на побережье Балтики, в районах между Крапакскими горами и Уралом, а немного позже некоторые из их племен влились в кельтский поток. За исключением этих деталей, о чем мы поведем речь позже, этот народ останется в тени до того момента, когда история выведет его на сцену.

Определить, даже приблизительно, эпоху продвижения галлов на север и запад практически невозможно. Вот что можно сказать об этом: в XVII в. до н. э. галлы пытаются перейти Пиренеи, защищаемые иберийцами. Это первое историческое свидетельство об их появлении на западе. Однако они уже занимали земли между Гаронной и Рейном и берегом Дуная задолго до этой эпохи. С другой стороны, нет сомнения в том, что, покидая Азию, они двинулись на запад, хотя этот путь был менее привлекателен, чем на юг, потому что южные дороги были для них закрыты арийцами, перемещавшимися к Индии, Передней Азии и Греции. Поэтому их появление в Западной Европе произошло после появления арийцев на гималайских хребтах и семитов в Армении. Теперь мы приблизительно установили время этого появления — около 5000 г. до н. э. И в промежутке между этой датой и примерно 2000 г., т. е. на протяжении 3000 лет, следует искать эпоху расселения кельтов на западе.

Война между иберийцами и галлами на берегах Гаронны в XVII веке стала предметом первой исторической хроники западного мира. Это лишнее подтверждение тому, что история всегда рождается только из столкновения интересов белых народов. Иберийцы, трудолюбивые, но сравнительно слабые племена, столкнулись с храбрыми энергичными воинами, которые долгое время задавали тон в нашей части земного шара.

Название этих воинственных племен происходит от слова «gall», т. е. «сильный». Оно связано с древним корнем языка белой расы, который остался в санскрите — «wala» или «wala» — и имеет то же значение. Сарматские племена, а затем готы, сохранили верность этой форме и называли галлов «walah». Славяне переделали это слово в «wlach». Греки произносили его как «кельты», это произношение заимствовали у них римляне — «Celtae». Наконец, оно приняло нынешнюю форму — «Galli». Кроме этого имени у галлов было еще

одно — «Gomer», запечатленное в библейской генеалогии как имя одного из сыновей Иафета.

В качестве отступления будет уместно отметить следующие интересные факты. Армяне, вписывая это слово в свои хроники, превратили его в «Gamer». Я не могу сказать, откуда оно у них появилось, но, возможно, сами они были родственниками кельтов. Этому можно найти косвенное подтверждение в Библии, где армяне называются племенем, отколовшимся от этих «гомеров» или «гамиров». В Бытии (X, 3) они зовутся «Фогарма» — сыновьями Гомера. Обратимся к иафетской генеалогии.

Надо сказать, что она весьма фрагментарна, в ней нет речи ни о зороастрийских народах в их совокупности, ни об индусах. Самый первый из сыновей Иафета — Гомер. По библейским меркам, это самый значительный народ, вышедший из семейства Иафета, и по численности, и по могуществу. Во времена Иезекииля он еще находится в Иерусалиме. Таким образом, для евреев народом Иафета являлись кельты, соединившиеся с армянами. (Пророк их называет: «Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою». Иезекииль, XXXVIII, 6). Затем идет Магог. Это — народы Кавказа, возможно, арийцы: «Gog» — семитская транскрипция арийского «kogh». Священное Писание ставит их в оппозицию к Гомеру, т. к. вождь, который должен вести киммерийские армии, называется Гог. Между Гогом и Магогом вражды нет (Иезекииль, XXXVIII, 2, 3,4). В Магоге я вижу народ, географически близкий к киммерийцам, т. е. славян. За этими народами следует Мадай: это мидийцы, самая древняя группа зороастрийцев и единственная, какую знали черные хамиты и первые семиты. Естественно, что Книга Бытия упоминает только их. После Мадая идет Яван. По моему мнению, Яван не означает ни ионийцев, ни греков, а просто жителей западной части Палестины, что можно понимать и как север, и северо-запад, и просто запад. За Яваном следует Фубал. Комментаторы видят в нем небольшой народ в Понте — тибарейцев. То же самое можно сказать о Меше-ше — это народ, живший между Иберией, Арменией и Колхидой. Список первого поколения Иафета завершает Фирас, т. е. фракийцы. За ними следуют сыновья Гомера и Явана, т. е. самые малоизвестные ветви семейства. Сыновья Гомера — это Фагарма, Ашкеназ и Рифат. Ашкеназ пока не поддается истолкованию. Некоторые видят в нем племя, жившее между Арменией и Черным морем. Поскольку ашкеназы — сыновья Гомера — настоящие кельты, их логичнее поместить на западе: возможно, это славяне. Что касается Рифата, жителей Рифейских гор, — это тоже кельты, которые на Карпатах смешиваются с ашкеназами.

У Явана четыре сына: Элиша, жители континентальной Греции, Элиды или Элевсии, не эллины, а скорее всего аборигены — кельты и славяне (см. подробнее главу IV); Фаршиш, иберийцы Испании и, возможно, соседних с ней островов; Киттим, жители Кипра и греческих островов. И наконец, Доданим, жители Эпира, т. е. иллирийцы.

Из этого отступления сделаем следующие выводы. География Иафетидов в Книге Бытия, основанная на древних сведениях хамитов и халдейских семитов, не охватывает все белые народы Севера. Арийцы представлены только мидийцами, народами Кавказа, фракийцами и иллирийцами, второстепенными представителями семейства. Достоверно можно сказать следующее: 1) Гомер, Магог, Фубал, Мешеш, Фирас и Ашкеназ — это родовые названия народов; 2) Яван, Киттим и Доданим — это собирательные названия народов, полученные ими после первых переселений; 3) Мадай, Рифат, Фогарма, Элиша и Фаршиш — географические названия земель.

Таким образом, мы установили древнюю иерархию могущественной ветви белого семейства. В ту очень древнюю эпоху семиты еще обитали вместе в горах Армении, а, находясь вблизи Кавказа, они, конечно, могли иметь прямые связи с кельтами или Гомерами, многочисленные племена которых жили тогда на северном побережье Черного моря. Однако вполне вероятно, что кельты имели контакты с семитами еще до этой эпохи. Редакторы Книги Бытия опирались в основном на космогонические и исторические сведения ханаанеян, но могли дополнять их более близкими им воспоминаниями, истоки которых восходят к периоду, когда все белое семейство проживало совместно в глубине Верхней Азии.

Эти Гомеры, издавна известные ханаанским племенам юга, еще лучше были известны

ассирийцам. В конце XIII в. между двумя народами имели место и конфликты и союзы. Кельты не оставили потомкам памятников своего триумфа и забыли их, но их более аккуратные соперники из Азии сохранили следы подвигов, которые они приписывали себе. Подполковник Роулинсон в клинописных надписях часто встречал название «гумирийцы» (Gumiris), в частности, в Бисутуне. Значит, именно в Западной Азии встречаются первые упоминания о народе, которому предстояло распространиться в Европе.

Кроме Библии и ассирийских свидетельств, о кимрийском вторжении во времена Ксиаксара говорит и греческая история. Начиная с этого времени, мы проследуем за кимрийцами, или гумирийцами, за Эвксин, поднимемся с ними к западу и северо-западу, не теряя их больше из виду. Они проникли в земли, соседствующие с Черным морем, и принесли туда свое имя «кимбры»²⁵⁵. Они заняли Галлию, и эта земля узнала кимрийцев. Они поселились в долине По и распространили там славу умбрийцев, или амбронов²⁵⁶. Например, в Шотландии существует клан Камерон, в Англии — Кэмбрий, во Франции — города Кэмпер, Камбрэ. Считалось, что слово «гумиры» («кимры», «кимбры») может означать ветвь кельтского семейства, отличающуюся от галлов, а в кельтах не признавали последних. Но достаточно вспомнить, как часто оба эти названия — «галл» и «кимриец» — употребляются для обозначения одних и тех же племен и народов, чтобы отвергнуть это различие. Кстати, оба слова имеют очень близкое значение: «галл» значит «сильный», а «кимриец» — «отважный».

В действительности не существует никакой причины делить кельтские народы на две различные части, но не меньшей ошибкой было бы считать, что обе ветви абсолютно схожи между собой. Эти массы людей, собравшиеся на берегах Балтики от Северного моря²⁵⁷ до Гибралтарского пролива и от Ирландии до России²⁵⁸, значительно отличались друг от друга, и степень различия зависела от того, с кем у них было больше родства: со славянами, фракийцами, иллирийцами и, в особенности, с финнами. Истоки всех этих племен лежат в одной ветви, но часто мы наблюдаем у них отдаленное сходство в языке, что связано с бесконечными изменениями в диалектах. Впрочем, иногда они вели себя как соперники и враги, а позже австразийские франки с ожесточением воевали против невстрийских франков. Они постоянно создавали политические союзы, направленные друг против друга²⁵⁹.

Но повторяю, нет никаких сомнений в том, что все они принадлежали к белой расе по самой своей сути. Их воины отличались высоким ростом, могучим телосложением, у них были голубые или серые глаза, белокурые или рыжеватые волосы. Это были люди необузданных страстей, их исключительная жадность и любовь к роскоши часто заставляли

255 Кельтская национальность древнейших кимбров неоспорима. Океан, на берегу которого они жили, они называли Мори-Маруза. Эти два слова означают «Мертвое море». Когда они напали на Мариуса, одного из их вождей звали Бойорикс, т. е. «бойский вождь», а бойцы были настоящими галлами. Рядом с этим Бойориксом фигурирует некий Луций, или Лук: это имя, хорошо известное латинянам, пришло к ним от умбрийцев-кельтов италийского полуострова, т. е. оно было галльским.

256 В кельтских языках согласные «к» и «g» произносятся одинаково.

257 Я не утверждаю, что кельтский поток остановился в Дании. Вормсаэ считает, что кельты жили в южной Скандинавии, и за неимением исторических сведений иногда путает оружие, орудия труда и украшения из бронзы и золота, найденные в северных курганах, с находками, сделанными в Англии и Франции. Это мнение разделяют и датские историки.

258 Шаффарики, описывая перемещения славянского семейства, дает точную характеристику расселению кельтов, основных соперников вендов. Главный вывод заключается в том, что во многих местах очень трудно различить эти две группы.

259 Золотые монеты, которые чеканили кельтские государства, имели хождение только на территории конкретного народа. Хотя это замечание относится к IV в. до н. э., к эпохе полной независимости кельтских народов, я считаю, что в нем содержится лишнее подтверждение общности разных кимрийских народов.

их братья за оружие. Они обладали быстрым умом, ненасытным любопытством, гибкостью перед лицом трудностей и, в довершение всего, опасным непостоянством настроения — результат органической неспособности к долгой привязанности к чему бы то ни было ²⁶⁰. Имея такие черты, галльские народы очень рано построили довольно развитое социальное государство, достоинства и недостатки которого отражали и благородные истоки, и финскую примесь, изменившую их природу ²⁶¹.

Их политическая организация представляет собой такую же картину. Мы видим у них чисто феодальную систему и слабое правление в лице избранного вождя наподобие той, что имела место у древних индийцев, иранцев, гомеровских греков, самых древних китайцев. Неустойчивость власти и гордыня воинов часто парализовали деятельность исполнительного органа. В системе правления галлов, как и у остальных народов семейства, нет и следов беспредельного деспотизма, характерного для семитских республик. Законы были довольно зыбкими и исполнялись плохо. Одним словом, кельтский гений сохранял те права происхождения, которые черные народы уничтожали всюду, куда они проникали.

Я не собираюсь приписывать эти инстинкты и эту неустойчивую организацию их варварству. Стоит бросить взгляд на политическую ситуацию нынешней Африки, чтобы убедиться в том, что самое явное варварство не исключает самого чудовищного деспотизма.

Быть свободным и быть рабом одновременно — часто эти черты в народе проистекают из череды долгих исторических комбинаций, но естественная предрасположенность к свободе или к рабству всегда заложена в этнической сущности. Об этом свидетельствует распределение социальных идей среди различных рас.

Рядом с политической системой естественным образом стоит система военная. У галлов было настоящее воинское искусство. Их армия по примеру армий арийцев–индусов состояла из четырех элементов: пехоты, усиленной искусными лучниками, конницы, боевых колесниц ²⁶² и боевых собак, занимавших место слонов. Конечно, их стратегия уступает тому, что мы видим у римских легионов, но не имеет ничего общего с единым порывом толпы, рвущейся к добыче. Об этом можно судить по организации крупных кельтских походов и по системе администрации, которую завоеватели устанавливали в покоренных странах. Особенно это очевидно у галло–греков.

Кимрийцы обычно сражались оружием из металла; если они иногда употребляли каменное оружие, оно было искусно обработано бронзовыми или железными инструментами. Скорее всего каменные мечи и топоры, найденные в могилах, несли эмблематический смысл или предназначались не для сражений, а для сакральных целей. К этой же категории относятся мечи из обожженной глины, богато украшенные и искусно выполненные. Впрочем, вполне возможно, что самые бедные пользовались любым оружием, доступным для них. Но это совершенно не означает, что галлы не умели получать и обрабатывать металлы, потому что в их языках есть слова, относящиеся к этому роду деятельности и не заимствованные ни из греческого, ни латинского, ни финикийского. Если некоторые слова имеют сходство с эллинскими эквивалентами, это не значит, что их принесли массалиоты. Это сходство доказывает, что эллинские арийцы, отцы фосийцев и

260 Такими же словами Цезарь описывает галлов. Страбон более снисходителен к ним. Он находит галлов доброжелательными и бесхитростными людьми, не злоупотребляющими своей силой и легко поддающимися убеждению.

261 Шаффарики считают кельтов первым белым народом, который обосновался в Европе, и добавляет, что с незапамятных времен они были не только очень богаты и могущественны, но и чрезвычайно цивилизованны. Они занимали треть Европы и с III по II в. до н. э. дошли, с одной стороны, до Вислы, а с другой, заселили нижнее течение Дуная до самого Днестра.

262 На боевой колеснице гомеровских греков и индусов, как у ассирийцев, находился воин, и управлял ею возничий. Часто воин, метнув свои дротики и копье, сходил на землю и сражался врукопашную. Точно такая же тактика применялась в Азии.

предки кельтов, вышли из одной и той же расы.

Например, существуют чисто галльские названия металлов, которые свидетельствуют о том, что кимрийцы в древности знали горнорудное дело. Впрочем, было бы странно, если бы таким талантом не обладали галлы, которые последними пришли на эти земли с северо-востока — на земли, где этим ремеслом успешно занимались и иберийцы, и местные этруски.

Памятники бронзового и железного веков содержат огромное количество различных инструментов и орудий труда, указывающих на высокий уровень выплавки металлов у кельтских народов. Это мечи, топоры, наконечники копий, алебарды, шлемы и многие другие предметы, сделанные из золота, бронзы, серебра, свинца, цинка.

Галлы вели оседлую жизнь. Они жили в больших селениях, которые быстро превращались в города. До римской эпохи некоторые столицы кельтских народов стали весьма влиятельны. Например, Бурж в те времена насчитывал 40 тысяч жителей²⁶³. Можно также назвать Отун, Реймс, Безансон в Галлии, Карродунум в Польше и другие²⁶⁴.

Латинская античность оставила нам много архитектурных памятников и во Франции, и в южной Германии. Некоторые достигают ста шагов по периметру. Обычно они круглой формы и всегда сдвоенные: одна половина служила жилищем, вторая амбаром. Часть из них, видимо, была окружена каменной стеной, на которой возвышалась постройка из досок и самана, часто оштукатуренная. В строительстве галлы охотно сочетали камень и дерево. Эти старые дома, широко распространенные почти во всех наших провинциальных городах, а также в Германии, с каркасными стенами, промежутки которых заполнены камнем или землей, построены по кельтскому типу.

Нет никаких указаний на то, что кельтские строения имели несколько этажей или отличались роскошью. Кельты ценили благополучие больше, чем красоту. У них была добротная, аккуратно сделанная мебель, бытовые предметы из кости и красного дерева — гребни, заколки, ложки, игрушки, кубки из рога, конская сбруя, украшенная медными и бронзовыми пластинками, самая разнообразная посуда и т. д. Они широко пользовались стеклянными предметами — прозрачными, расписными, окрашенными в синий, желтый и оранжевый цвета. Из цветного стекла они делали бусы и сакральные украшения для друидов. На широкую ногу было поставлено изготовление тканей. В могилах находят остатки льняных покрывал тонкой работы, в частности, хорошо сохранившиеся шотландские ткани — тартаны, о которых пишет Тацит.

Такая любовь к материальным радостям сделала кельтов хорошими работниками, а трудолюбие, в свою очередь, обусловило вкус к торговле. Массалиоты процветали потому, что окружавшие их племена отличались такими же способностями к торговым обменам. В их распоряжении были надежные транспортные средства. Кельты имели морской флот. Это не были утлые финские пироги, а добротные суда с высоким бортом, оснащенные мачтами и парусами из искусно выделанных кож. По свидетельству Цезаря, они были лучше приспособлены к морским плаваниям, чем римские галеры. Полководец использовал их для завоевания Британского острова и имел возможность по достоинству оценить их в войне против венетов.

Таким образом, кельты имели на море мощный инструмент для проведения своей политики. Поэтому их города, не отличавшиеся особым блеском, были большими, многолюдными, заваленными всевозможными товарами. Многие из них были хорошо укреплены, и не только посредством ограды или рва, но по всем тогдашним канонам фортификационного искусства. Цезарь отдал должное таланту галльских аквитанцев, которые использовали подкопы при осаде городов. Вполне естественно, что кельты, как и

263 Кельты Буржа в начале своего восстания за один день сожгли двадцать своих городов, которые они не могли защищать.

264 Карродунум находился рядом с Краковом. Другой кельтский го род Паннонии называется Карнунтум в память о племени карнутов.

иберийцы, искусные в рудокопстве, употребляли свои знания и в военном деле. Не зря Цезарь отказался от штурма Суассона, увидев широкие рвы и мощные крепостные стены. А в Бурже крепостные башни для прочности были покрыты кожей.

Еще более древние любопытные находки обнаружены в некоторых местах в Шотландии и Франции. Речь идет о толстых стенах, поверхность которых была специально обожжена огнем, в результате чего образовалась остекленевшая корка необычайной прочности. Долгое время сомневались, что это — дело рук человеческих, и приписывали эти стекловидные поверхности действию вулканов, забыв о том, что в данной местности никаких вулканов не существовало. Причем все это относится к очень глубокой древности. Подтверждение я вижу в том факте, что во времена римлян Шотландия находилась в упадке, и подобные сооружения уже были ей не под силу. Следовательно, их придется отнести к более ранней эпохе, когда каледонское население еще не было в такой разрушительной мере смешано с финскими племенами. В I в. до н. э., собственно говоря, Англия имела два типа кельтского населения: одно, считавшее себя автохтонным и жившее в глубине острова, и другое, которое было связано с переселением бельгийцев и германизированных галлов. Именно этим завоевателям принадлежат кельтские монеты Англии, аналогичные тем, что встречаются от Шельды до Реймса и Суассона. Кельты, обитавшие во внутренних землях Англии, превратились в варваров. Они одевались в звериные шкуры, у них была распространена полиандрия, т. е. многожудие. У бельгийских переселенцев они переняли обычай раскрашивать свое тело, хотя последние стояли гораздо выше их во всех отношениях. На более низкой ступени стояли ирландцы. Можно предположить, что в очень давние времена на их острове появились финикийцы и карфагеняне. В древнеирландском гальском языке есть семитские элементы. Между прочим, считается, что этот язык был единственным, который так и не смог выучить дьявол. Возможно, имела место также иберийская, вернее, кельгиберийская, иммиграция. Как бы то ни было, Страбон считает ирландцев каннибалами, которые поедали своих престарелых родителей. Об этом пишут Диодор Сицилийский и Святой Жером. Все эти истории, связанные с Парфолоном, пятым потомком Магога, сына Иафета, с Канной и Кемихидом, родителями этого героя, с Фир–Болгами, выходцами из Фракии, наконец, с Милесинцами, сыновьями Миледа, пришедшими из Египта в Испанию, а из Испании в Ирландию, слишком приукрашены библейскими и классическими авторами, чтобы относить их к далекой древности и, следовательно, считать достоверными. Это подобно историям о Франции, которая началась с Франкуса, сына Гектора. По всей очевидности, остров начал выходить из варварства только в IV в. н. э. Именно тогда у ирландцев появился морской флот.

Однако вернемся к достижениям кельтов. Их каменные постройки дают основание предполагать у них знание основ архитектуры. В отличие от желтых племен, кельты не просто складывали друг на друга огромные глыбы: они укладывали многогранные блоки, оставляя их необработанными, чтобы сохранить прочность. В этом исток системы, известной как пелагийская и циклопическая. Такие памятники встречаются во Франции, Греции, Италии. К ним относятся развалины, обнаруженные в провинциях Франции, и погребальные помещения во многих курганах, которые абсолютно отличаются от финских построек, где блоки не образуют стену. Кеферштайн отмечает, что в Англии и Скандинавии очень мало кельтских сооружений, выполненных методом кладки. Это замечание совпадает со словами Цезаря о том, что британцы, живущие в глубине острова (не путать с бельгийскими переселенцами), называют городом поселок, состоящий из хижин, сделанных из веток и стоящих на сваях.

Итак, эти каменные сооружения выдержали испытание временем. Римляне использовали их как основу для своих построек. Позже средневековые рыцари возводили на них свои замковые башни. Кроме камня и дерева, галлы применяли кирпич. Они соорудили внушительные башни, часть из которых сохранилась до сих пор. Одна из них стоит на Луаре: возможно, она использовалась в культовых целях.

Города, надежно построенные и защищенные, со значительным населением, имевшим в своем распоряжении мебель, утварь, предметы роскоши, общались между собой

посредством хороших постоянных дорог и мостов. Римляне не первыми организовали сообщение в кимрийских странах: они увидели готовые дороги, отремонтировали их и поддерживали в хорошем состоянии. Что касается мостов, Цезарь сам отмечает, что не все они построены римлянами²⁶⁵.

Помимо обычных путей сообщения, кельты организовали экстренные способы связи. У них был настоящий телеграф. Они расставляли людей, которые криком передавали важную новость. Таким образом, сообщение, вышедшее на восходе солнца из Орлеана, поступало в Овернь около 9 часов вечера, пройдя расстояние в 80 лье.

Деревни были населены не меньше, чем города. Об этом можно судить по большому количеству кладбищ, обнаруженных в разных районах кельтской Европы. Их размеры обычно достаточно велики. Погребальных курганов не встречается.

Подобные сооружения, если они дополнены дольменом, принадлежат первым жителям, т. е. финнам, и не о них сейчас речь. Если в захоронении есть погребальное помещение с выложенными из камней стенами, значит, оно предназначалось для князей, знати и богатых людей. А кладбища служили последним пристанищем простого народа. Это обычные могилы, иногда с насыпанным холмиком. Мертвые тела почти всегда сжигались. В этом заключается разница между захоронениями самых первых жителей, которые ни сжигали умерших, и кельтскими. Во всяком случае в курганах с погребальными помещениями, пелагийскими и циклопическими, возможно, современниками кладбищ, никогда не встречаются целые скелеты, а только остатки сожженных костей в урнах.

Можно отметить еще одно различие между захоронениями, которые относятся к «национальной» эпохе, и теми, которые появились в римский период: предметы, обнаруженные в последних, имеют смешанный характер, где всегда легко увидеть латинские эллинизированные элементы. Такое кладбище есть недалеко от Женевы.

Обилие чисто кельтских кладбищ не только свидетельствует о большом количестве населения, которое ими пользовалось, но наводит на некоторые другие мысли. Забота, с какой оборудовались кладбища, расходы, связанные с ними, их количество и богатство предметов, содержащихся в могилах простых людей, — все это свидетельствует об общем благополучии народа. Итак, вряд ли можно согласиться с давним мнением об абсолютном варварстве галльских племен, причем это мнение было основано на ложном предположении, что финские памятники — дело рук кельтов.

К сказанному следует добавить, что кельты, искусные в самых разных областях, не могли не понимать ценности человеческого труда и не вознаграждать своих творцов.

Они имели систему счета и за триста лет до прихода Цезаря чеканили деньги для внешних торговых связей. У них были монеты из золота, серебра, сплава золота, серебра и меди, из меди и свинца, из железа, из чистой меди; круглые, квадратные, радиальные, вогнутые, сферические, плоские, толстые, тонкие, с вдавленным и рельефным рисунком. Очень многие монеты несут на себе массалиотскую, македонскую или римскую печать. Но другие не дают никакого повода заподозрить такое родство. Конечно, это самые древние: они восходят к глубокой древности.

сть радиальные монеты, имеющие аналоги в Этрурии: либо местные жители получали их от умбрийцев, живших по соседству, либо имела место оживленная торговля между двумя народами, в чем нет никаких сомнений, учитывая большое количество янтаря в тосканских могилах древнего периода²⁶⁶.

Наряду с денежной системой кельты имели письменность. Надписи на кельтиберийских медалях, до сих пор не расшифрованные, указывают на очень отдаленную эпоху.

265 Вместо римской мили во Франции пользовались кельтским лье. Кельтские мосты были в Орлеане и Париже.

266 Такие радиальные монеты этрусского происхождения с изображением колеса найдены в Позене и Саксе вместе с эгинскими и афинскими медалями VIII в. до н. э.

Со своей стороны, Тацит отмечает один факт, относящийся к такому же почтенному возрасту. В его время считалось, что в Германии и в Ретских Альпах существуют античные памятники, покрытые греческими надписями. Считалось, что эти памятники воздвиг Улисс во время своих северных путешествий, о которых не осталось никаких свидетельств. Сообщая об этом, Тацит выражает логичное сомнение в том, что сын Лаэрта вообще когда-либо путешествовал в Альпах или по берегам Рейна, но факт наличия надписей остается фактом²⁶⁷.

К этим словам Тацита следует добавить свидетельство Цезаря, который после победы над жителями Гельвеции нашел в их лагере подробный перечень пришлого населения, включая воинов, женщин, детей и стариков. Интересно то, что он был написан по-гречески.

В другом месте «Комментариев» диктатор пишет, что во всех своих общественных и частных делах кельты пользовались греческими буквами. По необъяснимой причине друиды ничего не записывали — ни свои доктрины, ни ритуалы — и заставляли учеников учить их наизусть.

Это правило строго соблюдалось. Судя по этим сведениям, прежде чем оказаться под римским влиянием, кельтские народы привыкли к графическому изображению своих мыслей, и что самое интересное, их система резко отличалась от того, что нам оставили великие азиатские народы древности. У последних письменность предназначалась главным образом для жрецов и считалась чем-то вроде религиозной тайны, поэтому она с таким трудом проникала в обиход, и вплоть до эпохи Писистрата не записывались даже поэмы Гомера, хотя они и вызывали всеобщее восхищение. У кельтов против алфавита выступали священники, а в частной и государственной жизни он употреблялся, например, для того, чтобы обозначать достоинство денег. Одним словом, у кельтов письменность, лишенная всякой религиозной тайны, является светской наукой.

Но и Тацит, и Цезарь добавляют, что этот распространенный алфавит, по поводу существования которого в Германии уже нет никаких сомнений²⁶⁸, был в ходу и на Апеннинах, и в Галлии, и в Гельвеции, и в нем нет ничего национального, т. е. он полностью заимствован у греков. Объясняя этот факт, ученые, которые склонны видеть повсюду только принесенные извне цивилизации, обращаются к массалиотам. Это их единственный аргумент, когда они не могут закрыть глаза на реальность — на факты, не укладывающиеся в наличие варварства в кельтских странах. Но их гипотеза не выдерживает никакой критики.

Если бы массалиоты могли воздействовать на идеи галльских народов до такой степени, чтобы распространить на них свой алфавит, тогда они тем более передали бы им соблазнительные формы своего оружия и своих орнаментов. И такая победа была бы убедительнее всего. Однако они в этом не преуспели. Когда народы Галлии решили копировать греческие деньги, ими двигал только прагматизм и очевидное преимущество денежной системы, но что касается искусств, у них это получалось неуклюже и грубо. Когда одна раса заимствует у другой алфавит, она берет у нее еще что-нибудь — религиозные воззрения, например; а друиды не желали и слышать о письменности. Между тем у кельтов письменность не несла в себе никакой догмы. Иногда, за неимением теологических доктрин, предметом заимствования может быть литература. Но следов этого мы не видим ни у одного писателя античности²⁶⁹. Наконец, каким образом этот

267 Доказано, что до римской эпохи письменность была распространена за пределом Альп и Роны вплоть до Дуная.

268 Это относится ко всем землям за Дунаем.

269 Страбон утверждает, что галлы писали свои тексты на греческом, причем не только греческими буквами, но и на языке Эллады. Но, несмотря на авторитет Страбона, с этим вряд ли можно согласиться. Если бы у кельтов были настолько дружественные отношения с греками, чтобы они сделали греческий язык своим повседневным инструментом, их не называли бы варварами. Скорее всего Страбон или кто-то другой видели у массалиотских торговцев какие-то греческие тексты.

распространенный алфавит, укоренившийся даже в нравах галльских народов, которые почти не имели контактов друг с другом, мог перейти от жителей Гельвеции к населению Кельтиберии? Если бы кельтам пришло в голову заимствовать у чужаков средство хранить память о фактах и событиях, они, конечно же, обратились бы к финикийцам. И так, знаки, выгравированные на местных медалях, распространенных на полуострове, не имеют никакого отношения к ханаанскому или греческому алфавиту.

На этом закончим дискуссию о материальной идентичности двух алфавитов. И если это не доказано для кельтиберийцев, тогда нельзя этого утверждать в отношении большинства остальных кимрийских племен. Тем не менее, я не хочу сказать, что у них был один и тот же алфавит. Кстати, Моммсен насчитал до девяти различных алфавитов, которые он собрал на севере Италии и в Альпах. Он приводит следующий топографический перечень: Тоди, Прованс, Этрурия, Вале, Тироль, Стирия, Конжелиано, Верона, Падуа. У них идентичная система строения, хотя различия между ними вполне очевидны.

Можно задаться вопросом, как могло оказаться, что Цезарь, хорошо знающий греческие произведения, ошибся в текстах из Гельвеции и увидел греческие буквы там, где их не было? А вот мой ответ: Цезарь, возможно, держал в руках эти манускрипты, но их содержание объяснил ему переводчик. По свидетельству очевидца, они были написаны греческими буквами, т. е. буквами, очень похожими на греческие, но язык был галльский. Завоевателя обмануло внешнее сходство, а поскольку он был уверен, что италийские и этрусские алфавиты происходят из греческого, он пришел к ошибочному выводу. Кстати, этому есть подтверждение: на недавно обнаруженных памятниках есть буквы, которые еще до римлян употреблялись салассами Прованса, кельтами Сен-Бернара, горцами Тессина и которые только отдаленно напоминают греческий алфавит.

Древнегреческий алфавит, который по мнению специалистов первым использовался арийцами-эллинами, состоял из 16 букв. Они действительно носят семитские названия и очень похожи на ханаанские и еврейские буквы, но нет никаких указаний на то, что и те и другие произошли из местного источника, а не были занесены с северо-востока первыми переселенцами белой расы. Вообще вопрос о происхождении алфавитов далеко не решен. Он тесно связан с этническими вопросами, а кроме того, осложнен одной априорной концепцией, появившейся в XVIII в. По мнению так называемых философов истории, письменность началась с рисунка, от рисунка перешла к символическому изображению, а на третьей стадии породила фонетические системы. По правде говоря, это стройная теория, и жаль, что она граничит с абсурдом. Фигуративные системы, например, у мексиканцев и египтян, с первых дней своего изобретения стали идеографическими, потому что, отражая форму дерева, плода или животного, требовалось выразить графически «материальную» идею, которая мотивировала изображение этих вещей. Таким образом, выпадает один из этапов перехода. Что касается третьего, он не представляется необходимым, поскольку ни мексиканцы, ни китайцы, ни египтяне не создали на базе своих иероглифов собственно говоря алфавита. Способ, который использовали два последних из названных народов для передачи имен собственных, служит убедительным доказательством того, что принцип, на котором строится их система воспроизведения языка, не в состоянии преодолеть невидимые препятствия. Поэтому идеографическая письменность обязательно должна быть символической, а с другой стороны, она не имеет никакого отношения к методу элементарного разложения и абстрактного представления звуков. Но можно ли также сказать, что фонетические алфавиты, которыми мы пользуемся, не происходят от забытых идеографических систем? Я понимаю, что сама постановка такого вопроса есть посягательство на узаконенные аксиомы. Обычно финикийский тип берут за парадигму, за источник всех фонетических систем письменности и строят соответствия между изображением и обозначением, а таковых при желании можно найти сколько угодно.

Кстати, последние исследования ассирийских алфавитов открыли новый графический метод, который, с какой бы стороны к нему ни подходить, никак нельзя связать с символическим изображением. Кроме того, можно назвать такие виды письменности,

которые не являются ни идеографическими, ни фонетическими, ни силлабическими, а просто мнемоническими, где элементы не имеют иного значения, кроме того, какое им дал автор. Такова, например, «ленниленапская» система.

Итак, мы имеем 4 категории графических средств, употребляемых людьми для сохранения своих мыслей. Они совершенно разные по своему достоинству, что связано с особыми способностями их создателей комбинировать движения мысли и формулировать отношения между вещами. Их изучение может привести к интересным результатам и дать много информации и об обществах, которые их используют, и о расах, из которых состоят эти общества.

Однако вернемся к самому древнему греческому алфавиту. Греки писали то справа налево, то слева направо, и нынешний метод утвердился не сразу²⁷⁰. И в этом нет ничего необычного. Например, руны записаны разными способами: справа налево, слева направо, снизу вверх или по кругу.

16 букв греческого алфавита не передавали все звуки смешанного языка, в котором присутствовали местные, семитские и арийско–эллинские элементы. Эти буквы скорее могли удовлетворять потребности наречий Передней Азии. Но, возможно, еще лучше они подходили для наречия тех первых жителей страны, которых обычно называют «пеласгами» и которым я приписал кельтское или славянское происхождение. Достоверно одно: северные руны, которые Grimm не считает имеющими отношения к тевтонским диалектам, также состоят из 16 букв, а их недостаточно для передачи всех модуляций голоса у готов. Сравнивая руны со знаками, обнаруженными на арийских памятниках на Енисее, Grimm видит в них первоначальный тип. Он связывает с колыбелью белой расы истоки всех наших современных алфавитов. Я не сомневаюсь в том, что эта точка зрения в будущем станет исходной для изучения древней истории.

Следуя путем Grimma, Кеферштайн пронизательно заявляет, что в рунах отсутствуют некоторые буквы, основные в готских диалектах. Исходя из этого наблюдения он заключает, что руны — это портрет алфавитов, которыми пользовались кельты.

Рунические знаки в таком случае фазу находят аналог у народа той же расы: это очень древний ирландский алфавит, называемый «bobelot» или «beluisnon». Как и древние прототипы, он состоит только из 16 букв и поразительно напоминает руны.

Не следует забывать, что система всех этих типов письменности абсолютно такая же, как в древнегреческом, и что общность их форм никогда не переставала существовать. Итальянские алфавиты — умбрийский, эвганейский, мессалийский и этрусские алфавиты, близкие к греческому по форме, восходят к очень раннему периоду и, несмотря на различия, отличаются общим сходством. Они имеют буквы, в которых нет ничего эллинского, и таким образом обладают своим национальным лицом. Все они, кроме этрусского, являются кельтскими, как мы увидим ниже.

Памятники, которые сохранили их для нас, большей частью предшествуют вторжению эллинов на итальянский полуостров. Поэтому можно сказать, что эти европейские алфавиты, родственные друг другу, родственные греческому, не сформировались по типу последнего. Они, как и греческий, имеют более древнее происхождение. Как и кровь белых рас, они берут исток в первобытных поселениях этих рас в глубине Верхней Азии. Как и народы, которые пользовались ими, они совершенно самобытны и совершенно свободны от имитации греческого алфавита на европейской территории; наконец, кельтские народы не заимствовали свою социальную культуру, религию и свою кровь у греков и также не обязаны им своими графическими системами²⁷¹.

270 Оскские, умбрийские и этрусские надписи также идут справа налево, а сабеллийский алфавит, известный по двум текстам, имеет змеевидную форму.

271 Говоря, что кельты пользовались греческими буквами, Цезарь сам доказывает неточность этих сведений. Он рассказывает о том, как он написал письмо одному из своих военачальников, осажденному бельгийцами, не на «греческом языке, но греческими буквами», чтобы его не смогли прочитать по дороге. Следовательно, греческие буквы были неизвестны его врагам.

Больше всего поражает утилитарное использование выраженной на письме мысли. Мы не встречали ничего подобного у «женских» обществ, достигших определенного уровня цивилизации. В данном случае мы имеем дело с людьми, которые обладают более «сухой» рассудочностью и подчиняются приземленным потребностям.

Кельтские народы были, конечно, воинственными, но не в такой степени, как это обычно считается. Их воинская слава опирается на несколько удачных походов на соседние народы. Однако это были редкие случаи, а в течение долгих веков кельтские государства жили с соседями в мире. Дело в том, что их социальная организация сама нуждалась в отдыхе для своего развития. Главным образом они были земледельцами, промышленниками и коммерсантами. Иногда им случалось, как впрочем всем нациям на земле, вести с кем-нибудь войну. Чаще всего они пасли свои огромные стада коров и свиней на просторных полянах среди дубовых лесов, покрывающих страну. Они не имели равных в копчении и засолке мяса, а их окорока были известны даже в Греции. Задолго до прихода римлян они торговали на италийском полуострове и на рынках Марселя льняными тканями и кожами. Кроме того, они торговали солью, рабами, евнухами, охотничьими собаками; они считались признанными мастерами в каретном деле. Одним словом, кимрийцы, как я уже говорил, входят в категорию прагматических народов, т. е. относятся к «мужскому» типу. С воинской точки зрения, они превосходят иберийцев, но не в смысле умственных упражнений. Роскошь у них сводилась к утилитарным вещам: красивое оружие, добротная одежда, хорошие лошади. Кстати, последнее увлечение доходило у них до страсти, и они приобретали дорогих скакунов из заморских земель.

Однако при всем этом у них, очевидно, была и литература, поскольку существовали и барды, и песни. В этих песнях излагаются знания, приобретенные их расой, и хранятся космогонические, теологические и исторические традиции. Современная критика не располагает исследованиями этих письменных произведений, восходящих к эпохе национального самосознания. Но в общей сокровищнице у германских народов есть особое место для кельтов. Произведения в прозе и в стихах, написанные на местных диалектах, есть у ирландцев, горцев северной Шотландии и у бретонцев Арморики.

Специалисты внимательно изучают эти произведения народной музыки, и иногда им попадаются следы кимрийцев. К сожалению, не все они относятся к далекой античности. Самое позднее их можно датировать V в., поэтому нам трудно судить о кельтской литературе предримской эпохи, когда и дух, и политика этого народа были независимы. Кроме того, надо отметить, что хотя подлинность сочинений галльских, армориканских, ирландских или гельских бардов не вызывает сомнений, поражает их сходство с римскими и германскими сочинениями того же периода. Это бросается в глаза при самом поверхностном сравнении: идентичны и ход мысли, и материальные формы поэзии. Тот же вкус к загадочному, к сентенциозности, пророческой непонятности, аллитерации и причудливому соединению фактов. Эти характерные черты можно отнести к раннему влиянию, которое оказал нарождавшийся германский мир на кельтский гений. Все свидетельствует о том, что в области морали арийцы–германцы намного превосходили кимрийцев. Но, принимая эту исходную точку зрения, можно допустить, что литературные формы и обычаи, ставшие к тому времени общими, могли войти в обиход кельтов в результате военных походов в V в.

Кимрийцы четырех первых столетий христианства растеряли многое из того, что имели. Римское влияние исключительно сильно изменило их интеллектуальную жизнь, лишило ее самобытности, так же как и кровь большинства этих народов.

В Галлии мы наблюдаем иную картину. Сочинения оватов исчезли почти бесследно. С ними не произошло того, что произошло с сочинениями этрусков, которые, несмотря на то, что древние сабиняне считали их язык варварским, сохранили и свое значение, и свое достоинство благодаря вкладу в историю. С ними вынуждены считаться и историки, и антиквары, их переводят и включают, пусть даже с изменениями, в сокровищницу древней литературы. Галлии в этом отношении не повезло. Ее народы покорно отказались от своего

прошлого и быстро научились презирать его: они всеми средствами старались сделаться латинянами. Жаль, что в памяти народа не сохранились древние песни — тот фонд, который был кельтским, но с литературной точки зрения перестал быть таковым, потому что выжил лишь благодаря отказу от своих форм. Поэтому, начиная с римской эпохи, кельтские народы Галлии, Германии, Гельвеции, Ретии утратили древний дух и сохранили в себе только некоторые традиции, оставшиеся в новой этнической среде в той мере, в какой оставалась кимрийская кровь, и сыгравшие свою роль в том смысле, что новые поколения однажды вспомнили дух галльской расы.

Итак, континентальные кельты оказались на обочине истории задолго до появления германцев, и нам остается посмотреть, что сохранилось у кельтов Британских островов и Ирландии от интеллектуального богатства их семейства и что они смогли передать своей армориканской колонии.

Цезарь считает аборигенов «большого острова» очень невежественными. Но еще более невежественными и грубыми были ирландцы. Вообще эти земли назывались священными, и местные святилища высоко почитались друидами. Но иератическая наука и светская наука — это разные вещи. Ниже я объясню, почему я считаю, что теология британцев издавна утратила свои достоинства. Что касается светских наук, они мало культивировались: не потому, что эти островитяне жили в лесах в хижинах из веток, не потому, что их грубые нравы разрешали людоедство, но потому, что их исконные традиции имеют очень мало самобытного. У них очевидно преобладание классических идей. Этот факт бросается в глаза, и в нем нет ничего латинского. Эти идеи имеют христианскую форму в германо-романском духе. Добросовестный наблюдатель не может не признать, что набожные сенобиты VI в. если и не сочиняли сами, то много способствовали сочинениям даже языческого характера. Во всех их книгах рядом с Цезарем и его воинами встречаются библейские истории: Магог и сыновья Иафета, фараоны и земля Египетская, отражение современных событий: саксонцы, величие Константинополя, могущество Атиллы. Я не хочу этим сказать, что в их литературе вообще нет следов древнего прошлого, но вся эта литература по своим формам и по своему фонду относится к эпохе, когда на этих землях жили уже не только местные племена, когда их раса перестала быть чисто кельтской, когда христианство и германская мощь завоевывали все больше позиций и подчиняли себе самых ярых противников.

Все это доказывает, что народы, говорившие с начала христианской эры на кельтских диалектах, уже давно утратили самобытность. Это также доказывает, что если германский гений с самого начала обогатился кимрийским элементом, то именно благодаря ему, благодаря его влиянию на гельские, гальские и бретонские народы, к V в. сформировалась литература, которая с тех пор имеет право называться современной. Она является продуктом многих течений, т. е. не оригинальной. Я не буду вслед за филологами повторять, что кельты Англии на заре феодальной эпохи имели песни и романы, обошедшие всю Европу, напротив, я хочу сказать, что, подобно ирландским монахам, скальды были блестящими теологами и обладали поистине прозелитской энергией, чуждой эгоистичным привычкам галльских племен, а их поэты, испытывавшие такое же чужеземное влияние, в столкновении идей и нравов, в богатстве самых разных традиций, наконец, в скромном и темном наследии, которое досталось им от отцов, черпали вдохновение для произведений, которые действительно получили признание по всей Европе, но которые обязаны своим успехам именно тому, что они выражали сущность не какой-то одной расы, а всю совокупность кельтской, романской и германской идей — отсюда их огромная популярность.

Такое мнение, конечно, противоречило бы всем положениям данной книги, если бы была доказана расовая чистота, которую приписывают населению, все еще говорящему на кельтском языке. Но единственным аргументом в данном случае служит сохранность языка. Мы уже не раз отмечали, в частности на примере басков, насколько малоубедительны такие рассуждения. Жители Пиренеев не считаются выходцами примитивной расы, а еще меньше чистой расы: этому противоречат самые элементарные физиологические факты. Точно так же нет оснований считать ирландцев, шотландских горцев, галлов, жителей английского

Корнуэла и бретонцев типичными народами, не имеющими примесей. Разумеется, среди них, особенно среди бретонцев, встречаются лица, отмеченные специфической печатью, но нигде не видно общего сходства черт, что присуще если не чистым расам, то по крайней мере расам, чьи элементы давно слились в нечто однородное. Я не настаиваю на больших различиях, которые обнаруживаются при сравнении неокельтских групп. Следовательно, сохранность языка — это еще не гарантия чистоты крови. Это результат местных обстоятельств, в особенности географического положения.

То, что расшатывает физиология, низвергает история. Хорошо известно, что плавания и расселение датчан и норвежцев вокруг Великобритании и Ирландии начались очень давно. Например, Тацит утверждает наличие германской расы среди жителей Каледонии, хотя это не значит, что все каледонцы были германцами. Дублин принадлежал жителям и королям датской расы, и один авторитетный автор доказал, что в средневековые вожди и знать шотландских кланов происходили от датчан, что их борьбу с короной поддерживали датские короли из династии Оркадов, а их поражение в XII в. последовало за поражением этой династии.

Диффенбах отмечает наличие скандинавских и даже четко выраженных саксонских элементов у шотландских горцев. Датский элемент присутствует в некоторых местных наречиях, а в языке одной провинции, население которой считалось в основном кельтского происхождения, обнаружены столь очевидные и многочисленные следы саксонского, что его назвали «саксонизированный кельтский».

По моему мнению, эти факты достаточно убедительно показывают, что нельзя считать, что сочинения на галльском, ирландско-гельском и бретонском языках отражают идеи или нравы кимрийского населения европейского Запада. Чтобы разобраться в этом вопросе, лучше прибегнуть к абстракции. Возьмем романские и германские труды в целом, затем посмотрим, что пишут историки и лингвисты о кельтах, и только тогда придем к следующим выводам.

Литература галлов не отличалась экзальтацией, как это было на Востоке. И в исторических сочинениях, и в мифах она предпочитала точность, а при ее отсутствии — утвердительные и точные формы. Она больше занималась фактами, нежели ощущениями, и, в отличие от семитской, стремилась вызвать эмоции только через содержание. Она была позитивной, описательной и, что вполне естественно, учитывая финскую кровь, эллиптической и лаконичной. Такая строгость формы придавала ей смутную меланхолию, которая составляет прелесть народной поэзии в наших странах.

Я надеюсь, что такая оценка оправданна, если вспомнить, что литература всегда есть портрет народа, который создает ее, результат его этнического состояния, если сравнить вытекающие из этого выводы со всеми достоинствами и недостатками культуры кельтских народов.

Разумеется, кимрийцы имели совсем другой интеллект, чем южные меланизированные народы. Это относится и к литературным произведениям и к пластическим искусствам. Мы восхищаемся разнообразием, богатством и добротным совершенством того, что нам оставили галлы в этой области и что найдено в их могилах, но форма не вызывает особого восхищения. Она вульгарна и явно не стремится понравиться требовательному вкусу и взору. Любопытно, что Цезарь, который благожелательно отзывается обо всем, что увидел у галлов, и высказывает беспристрастные суждения, остается равнодушен к художественной ценности увиденного. Он видит города с большим населением и удачно задуманные и мастерски выполненные укрепления, но ни разу не упоминает ни одного красивого храма²⁷². Что касается святилищ, которые он видел в селениях, они не вызвали у него ни похвалы, ни досады, ни любопытства. Скорее всего, эти сооружения, как и многие другие, были предназначены для определенной цели и не более того. Мне кажется, что такое же

272 Тот факт, что кельты устраивали свои святилища в городах, в частности, в Тулузе, доказывает, что дольмены не принадлежали к их культуре.

безразличие испытывает посторонний наблюдатель при виде наших современных зданий, которые не скопированы ни с греческого, ни с римского, ни с готского, ни с арабского и никакого иного стиля.

Кроме оружия и посуды обнаружено совсем немного фигурных изображений человека и животных. Очевидно, художники не испытывали вкуса к таким вещам. Орнамент на вазах, предметах из бронзы или железа, на золотых и серебряных украшениях также лишен всякого вкуса, если только речь не идет о греческих или римских копьях. До римской эпохи у кельтов был широко распространен рисунок из простых и двойных спиральных линий. Мы видели, что такой рисунок чаще всего встречается на резных украшениях самых красивых дольменов финской постройки. То же самое мы видим на многих домах кельтского периода в окрестностях Франкфурта-на-Майне. Подобные заимствования имеют место только среди родственных народов, так что можно сказать, что помимо желтой примеси, которую кельты получили во время своего переселения через всю Европу, они имели тесные контакты с создателями дольменов в большинстве стран, где они останавливались. Об этом свидетельствуют убедительные факты.

Существуют и другие свидетельства, более важные, чем простые детали художественного порядка. Остановимся на них подробнее. Говоря о том, что у галлов была аристократическая система, я не отметил, что в таком случае у них должно было существовать и рабство. Их система правления была довольно сложной и заслуживает отдельного разговора: избираемый вождь, знать — наполовину жрецы, наполовину военные, — средний класс и в самом низу сервильное население.

Напомню, что в Индии в древние времена рабы у арийцев были черной расы. В Египте низшие касты почти целиком состояли из негров, т. е. они также оказались в рабстве в результате завоеваний. В хамито-семитских государствах, в Тире, Карфагене, дело обстояло так же. В Греции лакедемонянские илоты, фессалийские пенесты и другие категории крестьян, принадлежащих к плебсу, были выходцами из завоеванных аборигенов. Эти примеры показывают, что существование сервильного населения, несмотря на разное обращение с ним, всегда отражает исходные различия между местными расами.

Рабство, так же как и все остальные институты, основано не только на насилии, но и на других факторах. Конечно, этот институт можно считать результатом злоупотребления правом; развитая цивилизация может иметь философские основания, помимо этнических, чтобы уничтожить его, но известно, что в определенные эпохи рабство имеет свое оправдание, например согласие раба и моральное или физическое превосходство господина.

Невозможно, чтобы между двумя людьми, равными по интеллекту не возникало бы протестов против такого нелогичного положения вещей. Но мы имеем полное право сказать, что такие отношения возникают между сильным и слабым, причем оба осознают свое положение и убеждены в его справедливости. Рабство никогда долго не продержится в обществе, в котором различные элементы хоть как-то связаны друг с другом. Задолго до того, как пройдет полное их слияние, ситуация меняется, затем искореняется. Еще менее возможно, чтобы одна половина расы заставила другую повиноваться, а та согласилась бы с этим. Здесь можно возразить, сославшись на пример России и Польши, где рабство появилось недавно. Но дело в том, что, во-первых, положение крестьянина Российской империи вряд ли можно назвать рабством, а во-вторых, оно постепенно движется к полной свободе: свидетельством тому служит то, что оно всегда вызывало протест. Следовательно, это лишь нечто преходящее, естественный результат сосуществования рас, одаренных в разной степени. Еще дело в том, что в Польше, так же как и в России, знать принадлежала к чужеземным завоевателям. Сегодня этническая демаркационная линия стирается или уже стерлась, и рабство больше не имеет оснований для своего существования.

Итак, добровольного рабства не бывает, и всюду, где существует рабство, существуют и расовые различия. Есть победители и побежденные, и угнетение тем тяжелее, чем больше отличаются расы друг от друга. У галлов рабами, побежденными были финны. Я не буду терять время на то, чтобы возразить тем, кто видит в сервильном населении Галлии

собственно говоря иберийские племена. Нет никаких указаний на то, что это испанское семейство проживало севернее Гаронны. Кроме того, между галлами и хозяевами Испании не было таких больших различий, чтобы последние согласились на роль рабов. Когда кимрийские набеги на полуостров нарушали прежние отношения, происходило смешение, и часть местного населения уходила в другие места, но как только восстанавливался мир, обе стороны устанавливали отношения, опять таки основанные на определенном равенстве²⁷³.

Точно такой же была ситуация в других наполовину белых группах населения, близких родственников иберийцев, а затем галлов Эти группы состояли из славян, которые жили во всех кельтских странах рядом с кимрийцами. Те же самые причины, которые помешали испанским иберийцам, завоеванным кельтами, сделаться рабами, помогли вендам, оказавшимся далеко от основной массы своей расы, сохранить независимость. В Арморике они сформировали особую народность и передали ей свое родовое имя «венеты». В стране галлов у венетов была своя территория — Венедотия. Одно из галльских племен, родственников венетов, — осисмии — имело порт под названием Виндана²⁷⁴ Далеко от этих мест, в Адриатике, по соседству с эганийскими кельтами, жили венеты и энеты, чья национальная принадлежность является историческим фактом, но хотя они и говорили на особом языке, у них были абсолютно те же нравы, что у их соседей галлов. Другие славянские племена, кельтизированные в разной мере, жили на северо-востоке Германии и вдоль Крапакских гор рядом с галльскими народами.

Все эти факты доказывают, что славяне Галлии и Италии, как и иберийцы Испании, находились на достаточно высокой ступени развития и составляли часть населения кимрийских государств. Итак, рабскую, т. е. сервильную расу, приходится все таки видеть в финнах. Контакты с ними всегда оказывали на завоевателей, их сородичей, отрицательное влияние. Примеров тому достаточно. В первую очередь следует назвать человеческие жертвоприношения в той форме, в какой они практиковались, и с тем смыслом, какой им придавался. Если инстинкт разрушения является неотъемлемой чертой всего человечества, да и всей природы, то ярче всего он проявляется у самых низших разновидностей человеческого рода. В этом смысле желтые народы обладают им в той же мере, что и черные. Но, учитывая, что первые проявляют его особым образом, этот инстинкт у галлов, пораженных финской кровью, выражался иначе, чем у семитских народов, смешанных с меланийским элементом. В кельтских кантонах не было того, что происходило на берегах Евфрата. Там друидские ритуалы умерщвления людей никогда не совершались на помостах, в центре городов, залитых ярким солнечным светом, при большом скоплении публики, и никогда такие акты не были чем то яростно-торжественным и вызывающим восторг зрителей. Мрачный культ европейских жрецов не стремился поразить воображение жестоким спектаклем. Людям, знавшим толк в искусстве пыток, не нужно было аплодисментов. Ум, запутавшийся в суевериях и предпочитавший уединенные жестокости, требовал более таинственной, но от этого не менее трагической, сцены. Для этой цели все племя уводило в чашу леса, где ночью, под аккомпанемент истошных завываний невидимого хора, под сводом листвы, намокшей от дождя, через которую с трудом пробивался свет тусклой луны северо-западного полушария, жрецы подводили жертву к гранитной глыбе, заимствованной из древних варварских ритуалов, и в полном молчании вонзали ей в грудь или в бок бронзовый кинжал. Иногда жрецы набивали гигантские манекены, сплетенные из ивы, пленниками или преступниками и сжигали их на большой поляне.

273 Кельтиберийцы, смесь двух народов, возможно, превосходили своих предков Я уже отмечал, что такое обычно случается в результате смешения низших или стоящих на средней ступени племен

274 По-бретонски Гвенет или Венет Там, где элины ставили дигамму, а нынешние греки букву «С», кельты, латиняне и славяне употребляют «W» В готских диалектах и даже в санскрите вместо «W» употребляли «H» Сегодня во Франции корень «венд» сохранился во многих географических названиях на западе Вандом, Вандея и т. д. Страбон еще называет веннонов, живших рядом с ретами, следовательно, недалеко от венетов Адриатики.

Эти ужасы совершались как бы в тайне, и если хамит покидал такие иератические бойни, пьяный от увиденного, одуревший от запаха крови, который щекотал ему ноздри и туманил мозг, то галл возвращался с таких окутанных тайной церемоний, потрясенный ужасом. В этом и заключается разница: в одном случае активная обжигающая жестокость меланийцев, в другом холодное и мрачное изуверство желтой расы. Негр убивает, потому что приходит от этого в экстаз, и приходит в экстаз, потому что убивает. Желтокожий убивает бесстрастно, для того, чтобы удовлетворить мимолетную потребность ума. Я уже говорил о том, что в Китае появление некоторых жестоких обычаев, например, закапывать женщин и рабов вместе с умершим господином, совпало с притоком новых желтых племен в империю.

У кельтов вся культовая система также указывает на это влияние. Дело не в том, что догмы и некоторые ритуалы были совершенно лишены того, чем они должны были быть в самом начале существования белого семейства. В мифах встречаются поразительные аналогии с индийскими идеями, особенно космогоническими. Жреческая каста, занимавшаяся созерцанием и науками, привыкшая к суровым будням и трудам, не бравшая в руки оружие, стоявшая в стороне от светской жизни или над ней, имевшая право руководить ею — вот типичный образ пурохит. Но последние не гнушались никакой наукой и всеми способами совершенствовали свой ум. А друиды предпочитали науки, недоступные непосвященным и далекие от традиционных форм. Кроме этого, они ничего не хотели знать и тем более ничего не хотели сообщать другим, и жуткие предметы, которыми они окружали свои святилища, были все^{#8209}таки не такими отталкивающими, как те барьеры, которые они воздвигли против тех, кто хотел проникнуть в их знания. Над ними довлели те же факторы, которые привели к деградации хамитских жрецов.

Они боялись письменности. Вся их доктрина была рассчитана на то, чтобы храниться в памяти. Отличавшиеся от пурохит в этом кардинальном вопросе, они опасались всего, что могло открыть непосвященным их идеи. Они считали себя единственными, кто мог видеть будущее. Вынужденные признать религиозное невежество поработенных масс, а позже окружавших их метисов, они не остерегались, что это невежество коснется их самих, потому что сами они были метисами. Они упустили из виду то единственное, что могло поддержать их авторитет и власть перед лицом светской жизни, т. е. они не организовались в настоящую касту и не обращали внимания на этническую чистоту своих рядов. По прошествии некоторого времени варварство, от которого они надеялись оградиться глухим молчанием, поглотило их, и все глупые и жестокие принципы их рабов проникли в святилища, столь тщательно охраняемые, и впитались в их собственную кровь. Т. е. случилось то, что должно было случиться.

Подобно всем остальным социальным институтам религия народа формируется в соответствии с этническим состоянием. Так, католицизму пришлось приспособиться к инстинктам, идеям, вкусам своих приверженцев. Религия деградирует вместе с населением и скоро начинает благословлять общие ошибки, нелепости и даже преступления. Лишний раз демонстрируют эту истину человеческие жертвоприношения, которые практиковали друиды.

Среди галльских племен континента больше всех были привержены этому чудовищному ритуалу армориканцы. Арморика — это страна, в которой больше всего финских памятников. На ее равнинах, на берегах ее рек и многочисленных болот долго сохранялась независимость местных жителей желтой расы. Однако в этом смысле еще больше повезло нормандским островам, Великобритании, Ирландии и островам архипелага

275.

В нижних регионах Англии кельтское население во всех отношениях стояло ниже

275 Вполне вероятно, что во времена Цезаря острова в устье Рейна еще населяли чисто финские племена. Цезарь описывает их исключительно грубыми и жестокими людьми, которые питаются только рыбой и птичьими яйцами. О деградации кельтов западных островов можно судить по тому, что некоторые местные племена называли себя «фенийцами», т. е. желты ми. О смешении свидетельствует также характерное имя Фингал.

галлов ²⁷⁶, затем часть этих жителей переселилась в Арморик, и эта колония сохранила название страны кимрийцев. В некоторых ниже-бретонцах, судя по их невысокому росту и коренастой фигуре, круглому лицу, серьезному и обычно грустному виду, по часто раскосым узким глазам, любой наблюдатель может заметить сильную дозу финской крови. Именно эти смешанные племена, как в Англии, так и в Арморике, дольше всех держались за кровавые суеверия своей первобытной религии. Остальные группы семейства давно отказались от таких ритуалов и забыли их. Даже сегодня у этих племен сохраняется право грабить судно, потерпевшее кораблекрушение, почерпнутое из морального кодекса их древних соотечественников, киммерийцев Тавриды.

Не случайно друиды охотнее всего жили среди армориканцев и находили в них самых верных учеников ²⁷⁷. Подчиняясь самому стойкому инстинкту белой расы, они допустили женщин в первые ряды толкователей божественной воли. Это было бы невозможно сделать в Южной Азии, где преобладали меланийские понятия, но оказалось осуществимо в Европе. Финские народы, обрекая своих матерей и дочерей на безысходное рабство, охотно использовали их — и сегодня используют — для магических ритуалов. Нервность и раздражительность этих созданий делает их незаменимыми в таких делах. Я уже говорил, что из всех трех рас, составляющих человечество, эти женщины больше всего подвержены внушению и истерии. Поэтому в религиозной системе всех кельтских народов мы видим женщин-друидов, пророчиц, которые либо уединяются в каменной башне, либо собираются на островке, затерянном в северных морях, куда нет доступа непосвященным, либо вступают во временные браки или занимаются проституцией, и все это для того, чтобы поразить воображение людей и властвовать над ними посредством страха.

При помощи таких способов жрецы, провозглашая превосходство желтого простонародья над менее деградированными классами, поддерживали свою власть, опираясь на инстинкты, которые они поощряли и идеализировали. Поэтому неудивительно, что в народной традиции память о друидах ассоциируется с кромлехами и дольменами. У кимрийцев религия была очень тесно связана со строителями этих мрачных памятников. Кроме того, первобытное невежество пропитало нравы кельта. Как у иберийца, этруска, фракийца и славянина, чувственность кельта, лишенная воображения, обычно толкала его к обжорству и пьянству, благодаря чему кельт ощущал избыток физического благополучия. Тем не менее, как свидетельствуют документы, эта привычка особенно проявляется в галлах, принадлежащих к низшим классам ²⁷⁸. Высшие классы этим не злоупотребляли. В народах, сильно ассимилированных с рабским населением, часто встречались люди, которые по причине постоянного пьянства впадали в полный идиотизм. Еще в наши дни у желтых народов есть поразительные примеры этой животной привычки. Очевидно, галлы приобрели ее через связи с финнами, и она проявлялась у них в зависимости от степени смешения ²⁷⁹.

К этим моральным или иным следствиям надо прибавить то, что произошло в языке кимрийцев в результате связей с языками желтой расы. Несмотря на то, что внешний облик галлов, близкий к тому, что мы видели позже у германцев, сохранил в себе неизгладимую

276 Страбон пишет, что некоторые народы Великобритании, имея много молока, не умели делать из него сыр. Это деталь, характерная для желтой расы.

277 По мнению друидов, все кельты происходят от Плутона. Эту идею подхватили римляне и воплотили в своих формах. Кстати, она близка образу жизни финнов, низкорослых людей, связанных со скалами, пещерами, рудниками.

278 Такое злоупотребление не следует путать с любовью к материальному избытку, которым славились арийцы-эллины и скандинавы. У последних это было признаком силы героев. Нигде нет указаний на то, что результатом этого было пьянство или что пьянство поощрялось.

279 Из народов нынешней Европы пьянство особенно распространено у славян, остатков кимрийской расы, славянизированных немцев южных районов и скандинавов, смешавшихся с финнами. Но первенство принадлежит лапонам.

печать родства с белой расой, лингвистика очень поздно пришла к такому же выводу. Кельтские диалекты настолько упорно сопротивлялись ассимиляции с арийскими языками, что некоторые ученые даже заговорили о том, что они происходят из другого источника. Однако после тщательного изучения первые трудности были разрешены. Сегодня установлено, что бретонский, галльский, древнеирландский гельский, шотландский гельский — все это ветви одного большого арийского дерева и родственники санскрита, греческого и готского²⁸⁰. Но насколько же должны были исказиться кельтские языки, если потребовалось столько усилий для доказательства этого факта! Сколько разнородных элементов примешалось к их основной сущности, если их внешняя форма настолько отличается от формы всех остальных языков семейства! Мощный приток чужих слов, многочисленные и причудливые изменения — вот причины самобытности кельтских языков.

Таковы разрушительные последствия для крови, верований, привычек, языка кельтов влияния желтого населения, которое они вначале подчинили и которое затем вовлекло их в свое регрессивное движение. Это население недолго оставалось одиноким в своем падении. Кельты по причине брачных связей с желтой расой рано вступили на путь деградации и, возможно, благодаря этому сформировали новые способности, которые в свою очередь служили и будут служить одной из движущих сил истории человечества. Столкновение и смешение этих гибридных сил способствовало и социальному прогрессу и временному или окончательному упадку.

Так же, как в физической природе, крупные столкновения выносят на поверхность особые качества желто-белой смеси и формируют энергичное противодействие плодам смешения белой и черной рас. Там, где имеет место такое смешение, у подножия роскошных тронов, все поражает воображение — и искусства, и поэзия, а на их творцов сыплются высшие почести. Происходит всеобщий головокружительный карнавал безумств, оргий, жестокостей. А в сфере смешения белого и желтого элементов взгляду не на чем остановиться — здесь все спокойно и тихо. Здесь царит рассудочность — как среди мужчин, так и среди женщин. Здесь редко встречается безграничный деспотизм, который у семитов даже не считал нужным маскироваться или оправдываться. Здесь нет устремления к возвышенному. Человеческие амбиции по-прежнему ненасытны, но все они направлены на мелкие повседневные дела. То, что зовется наслаждением и счастьем, сводится к вещам сугубо материальным. Торговля, производство, средства обогащения и накопления для удовлетворения потребностей населения — вот основная деятельность бело-черной разновидности. В разные эпохи война и насилие, ее следствие, нарушали размеренную жизнь этого общества и спокойствие и счастье этих утилитарных рас. Для них такая ситуация всегда была нетерпима. Против этого восставали все инстинкты и мобилизовались все силы.

Таким образом, будучи совершенно различны по своей природе, обе крупные смешанные группы определили свою судьбу. Активность, концентрация сил, практичность действий, стремление к победе и организованности, в конце концов, стали действенными инструментами в руках людей, которые именно благодаря своему узкому кругозору трезво смотрели на вещи, которые во всех своих делах руководствовались расчетом, приземленным, но точным и ведущим прямо к цели, и упорно добивались ее, между тем, как их соперники тешили свое тщеславие безумными и бессмысленными идеями.

Если обратиться к самым популярным моралистам обеих групп, поражаешься огромной дистанции между их точками зрения. Для азиатских философов истинная мудрость заключается в том, чтобы подчиняться сильному, не противодействовать неизбежному, довольствоваться тем, что есть. Человек живет в своих мыслях или в своем сердце, он приходит на землю подобно тени, проходит по ней равнодушно и покидает ее без сожаления.

280 Считается, что кельтский язык превосходит все европейские языки по обилию слов индогерманского происхождения. А для обозначения грамматических отношений он не имеет новых, не индогерманских форм, и ничего не приобрел в этом смысле у языков, чуждых санскриту. И все языковые особенности обусловлены только искажениями и потерями.

Мыслители Запада не проповедают такие истины своим ученикам. Они призывают их вкушать земное существование в полной мере и как можно дольше. Неприятие нищеты — вот первое положение их закона. Вторым являются труд и деятельность. Остерегаться безумств сердца и ума — главная максима; наслаждаться — первая и последняя заповедь.

Семитская философия делает из богатой земли пустыню, чьи пески, каждодневно наступая на плодородную почву, вместе с настоящим поглощают и будущее. Противоположная доктрина гласит, борозди землю плугами, а море кораблями, затем, в один прекрасный день, презрев разум с его призрачными радостями, сотвори рай здесь, на земле и, в конце концов, сойди в нее.

ГЛАВА IV. Автохтонные италийские народы

В предыдущих главах показано, что основные элементы европейского населения — желтый и белый — еще в древности переплелись между собой в самых причудливых комбинациях. Если просто указать на доминирующие группы, назвать финнов, фракийцев, иллирийцев, иберийцев, расенов, галлов, славян, совершенно невозможно определить нюансы, обнаружить особенности, уточнить пропорции смеси в отдельных народностях. Единственное, что можно констатировать со всей уверенностью, — так это тот факт, что таких народов было уже великое множество в доисторические времена, и одного этого вполне достаточно, чтобы понять, насколько естественно, что лингвистическая неразбериха отражает этническую анархию крови, из которой они вышли, именно это обстоятельство искажает языки галлов и затрудняет классификацию эскара, иллирийского, остатков фракийского, этрусского и даже италийских диалектов.

Эта проблематичная ситуация с языками еще более осложняется при рассмотрении самых южных областей Европы. Иммигранты, двигаясь в этом направлении и скоро встретившись с морем и с невозможностью идти дальше, возвращались назад по своим следам, вступали в схватки и контакты друг с другом и, в конце концов, перемешались в этническом и языковом смысле.

Мы уже наблюдали такую ситуацию в континентальной Греции. Но самым большим тупиком в этом отношении было суждено стать Италии. Если в Испании происходило столкновение народов, то это были крупные и этнически цельные племена, между тем как в Италии речь идет о разношерстных группах, собравшихся со всех сторон. Из Италии они проникали в Испанию, но довольствовались там небольшими редкими колониями. Из Испании в Италию перемещались большие массы, так же как из Галлии, Гельвеции, дунайских земель, Иллирии, не говоря уже о континентальной и островной Греции. По своим размерам Италия была удобным местом для всех европейских народов, которые могли найти здесь убежище, и этим обстоятельствам, скорее всего, они широко пользовались.

Когда завершился период, отведенный для владычества финских групп, на сцене появились расены, а вслед за ними другие племена, которые сформировали первый слой белых метисов и стали хозяевами земель от Альп до Мессинского пролива. Они разделились на несколько групп различной численности, состоявших из разных племен. Племена, как и группы, носили разные имена, среди которых выделялись пеласги из Древней Греции. Вскоре за ними пришли другие пеласги, выходцы из Эллады. Таким образом, ни в каком другом месте нет такой благоприятной возможности глубоко изучить эти племена, которые в глазах греков и римлян представляли собой малоразвитый, кочевой и воинственный народ.

Название «пеласги» не несет в себе этнического смысла и не предполагает обязательной общности происхождения, которую им приписывают. Возможно, такая общность и существовала, но она не относилась ко всем пеласгам в целом, следовательно, это не название конкретной нации²⁸¹. Однако с определенной точки зрения оно имеет

281 Описывая пеласгов Додона, Геродот отмечает, что боги для них были просто безымянными регулирующими силами вселенной, но ни как не ее творцами. В этом чувствуется арийский «натурализм». А пеласги, видимо, были иллирийцами–арийцами.

качественный смысл. Как и его синоним «абориген», оно употреблялось древними историками как название белого или наполовину белого населения Греции и Италии, считавшегося автохтонным²⁸². Поэтому в нем содержится географическое значение, что могло бы прояснить вопрос о происхождении этой расы. Впрочем, оно мало что проясняет» и в этом отношении.

В Греции пелагийское население находилось в угнетенном положении: сначала перед лицом семитских колонизаторов, затем арийско–эллинских переселенцев, хотя это нельзя назвать полным рабством. Покоренный и угнетаемый абориген являлся просто сельским жителем страны. Он возделывал землю для своих победителей и работал на их благо. Но он оставался хозяином части своих трудов и в достаточной мере сохранял свою индивидуальность. Несмотря на такое подчинение, его положение во многих отношениях было несравнимо с гражданским истреблением желтых народов. Кроме того, пеласги Греции не были закрепощены: большинство семитов, а затем арийцы–эллины, обосновавшись в местных селениях, часто сохраняли их древнее название и вместе с покоренными жителями через некоторое время создавали новую народность. Таким образом, пеласги не считались дикарями.

Над ними господствовали, но их не истребляли. Им отводилось место, соответствующее их знаниям и богатствам, которые они вносили в общую копилку общества. А этот вклад был совсем немалым: речь идет о способностях к сельскому хозяйству и о сельскохозяйственных трудах. Этих аборигенов воспевал Гесиод, который не имел отношения к их расе. Эти скотоводы умели также строить большие стены и погребальные помещения и возводить впечатляющие сооружения из камней, которые не следует путать с арийско–эллинскими постройками из обработанных камней. Аналогичные памятники существуют во всех кельтских странах, в том числе во Франции и Англии, которые созданы руками первых белых метисов.

Греческие авторы, которые исследовали религиозные идеи аборигенов, отмечают их глубокое почтение к дубу, дереву друидов, которое долго сохранялось у сельских жителей Аркадии. Аборигены верили в провидческую силу этого патриарха лесов и в его зелени искали божественное начало. Это чисто галльские обычаи и понятия. У пеласгов был еще обычай верить предсказаниям посвященных женщин, пророчиц, подобных «алрунам», которые осуществляли абсолютную власть над людьми. Эти пророчицы были матерями сивилл, а на более низком уровне — предками фессалийских колдуний. Не следует забывать, что суеверия, менее всего присущие азиатскому духу, всегда были распространены только в северных районах Греции Огры, лемуры, вход в Тартар — вся эта мрачная фантазмагория ограничена Эпиром и Хаонией, территориями, куда семитская кровь проникла гораздо позже и где аборигены дольше всего сохраняли свою чистоту. Но если последних можно причислить к кельтским народам, этого нельзя сказать о других племенах.

Геродот рассказывает, что в доэллинскую эпоху между Мале и Олимпом население говорило на нескольких языках. Историк немногословен на этот счет, и его слова дают возможность разного толкования. Возможно, он имел в виду, что на этой территории существуют ханаанские и кимрийские диалекты. Тем не менее, такое толкование является гипотетическим и может иметь другой, не менее правдоподобный смысл.

Религиозные обычаи самой Древней Греции отличаются некоторыми особенностями, совершенно чуждыми кимрийским, например, тем, которые существовали в Пергаме, на Самосе, в Олимпии: жертвенники строились из пепла жертв, смешанного с остатками обожженных костей. Иногда эти памятники достигали более 30 метров высоты. Ни в Азии у семитов, ни в Европе у кельтов мы не встречали такого обычая. Зато он есть у славянских народов. У них нет ни одного храма, где не было бы ритуального пепла, и часто святилищем

²⁸² Эта раса является самой древней и в Италии, и в Элладе, о чем свидетельствует не только основа обоих языков, которые очень близки друг другу, но и памятники самой древней архитектуры.

служит куча пепла, окруженная стеной и рвом. Вполне вероятно, что среди кимрийских аборигенов жили и славяне. Эти два народа, часто встречающиеся рядом, заняли место финнов, смешавшись с ними в разной пропорции²⁸³. Поэтому я не вижу ничего невероятного в том, что во время пертурбаций, вызванных появлением семитских поселенцев и арийских титанов, затем арийцев–эллинов, местные жители славянской расы могли в различные эпохи прийти в Азию и принести туда вендское название «энеты». Эти пеласги, славяне, кельты, иллирийцы или другие смешанные белые племена под давлением превосходящих сил, эмигрировали во все стороны и, в свою очередь, становились грабителями или, если угодно, завоевателями, которые наводили ужас на страны, куда заносил их воинственный дух.

Италийскую землю населяли люди, подобные им и также называемые пеласгами или аборигенами, которые считаются творцами массивных сооружений из необработанного или грубо обработанного камня. Они занимались в основном сельскохозяйственными работами, внимали пророчицам или сивиллам, т. е. во всех отношениях походили на пеласгов. В целом эти италийские аборигены, видимо, принадлежали к кельтскому семейству. Тем не менее, не только они обитали на греческих землях. Помимо расенов, чья принадлежность к славянам очевидна, там были и другие группы вендского происхождения, например, венеты. Между прочим, Геродот путает их с иллирийцами. Их территория на юге простиралась до устья Эча, а на западе до возвышенности, которая тянется от этой реки до Бачильоне. Теперь есть все основания приписать иллирийское происхождение пелинийцам.

Однако Овидий включает этот народ в число сабинянских племен. Обе точки зрения правомерны, а пелинийцы, как и большинство италийских народностей, могут быть результатом многочисленных смешений, и в эту категорию можно поместить иллирийских эмигрантов, возможно, либурнийцев. Чтобы продемонстрировать, насколько тернист путь этнографии нации, на котором приходится не отбрасывать, а скорее примирять даже самые далекие друг от друга традиции, напомним то, что Тацит пишет о евреях, когда пытается добраться до их истоков (см. книгу V, главу II его «Истории»). Он приводит четыре точки зрения. Первая: евреи пришли с Крита, отсюда «иудеи» от названия горы Ида. Странники этой гипотезы включают всех жителей в одну расу, это справедливо по отношению к филистинцам, но не касается Авраамидов. Вторая: евреи пришли из Египта, т. е. это потомки прокаженных, которых изгнали из этой страны. В этой гипотезе нет никакой логики, если оставить в стороне межнациональную вражду. Однако она не исключает правдоподобие третьей гипотезы, согласно которой евреи представляют собой жителей эфиопской колонии. Только Тацит под этим словом понимает абиссинцев, а мы знаем, что в далекой древности так называли ассирийцев. Из этого вытекает четвертая гипотеза, которую цитирует римский историк: евреи происходят от ассирийцев. Это соответствует действительности, учитывая, что они халдеи.

К этому же семейству, скорее всего, относились япигийцы, пришедшие на юго–восток Неаполитанского царства около 1186 г. до н. э. Со своей стороны, Вильгельм фон Гумбольдт приводит логичные аргументы о том, что иберийское население подверглось значительному воздействию. Что касается троянцев Энея, вопрос еще более запутан. Кажется вполне вероятным, что мысль о родстве с легендарной ветвью пришла римлянам лишь в результате их связей с греческой колонией Кум.

Итак, с самого начала мы видим здесь большое разнообразие этнических элементов. Но самый распространенный из них — это, конечно, кимрийцы или аборигены, которые, по мнению этнографов, принадлежали к одной и той же расе. Когда греки решили дать этим аборигенам имя, привязанное к географии, они сначала называли их «авсонийцами». Они состояли из разных народностей: энотрийцев, осков, латинян, а те, в свою очередь, подразделялись на группы. Так, название «оски» объединяло самнитов, луканийцев,

283 Жертвенных холмов славянского происхождения много до самой Сербии. Господин Труайон считает, что они относятся только к V–VI в. н. э. Во всяком случае, это очень древние сооружения, напоминающие жертвенники в Олимпии и на Самосе.

апулийцев, калабрийцев, кампанийцев. Но поскольку греки первое время поддерживали связи только с южной Италией, термин «авсонийцы» обозначал совокупность населения, жившего в этой части страны, и не распространялся на жителей средней части. Последним досталось имя «сабеллины». Дальше к северу жили латиняне, затем расены и умбрийцы.

Как бы ни была произвольна эта классификация, ее достоинство заключается в том, что она значительно ограничивает употребление расплывчатого термина «абориген». В любом случае речь идет не о народах, уже классифицированных — авсонийцах, сабеллинах, расенах, латинянах и умбрийцах, — и в особую категорию входят те, которые остались аборигенами только потому, что с ними не поддерживалось тесных контактов. В их число входили эки, волски и несколько сабинянских племен.

Эта система отличается очевидными недостатками. Самниты, включенные в одну группу вместе с осками, и сами оски вместе со всеми вышеназванными народностями, а также мамеритинцы и другие не были чужими для сабеллинов. Эти группы тяготели к сабинянской ветви. Следовательно, они были в родстве с жителями средней Италии и, что примечательно, все они переселились из северной части Апеннинских гор.

Таким образом, если оставить в стороне расенов и перемещаться с юга на север полуострова, мы подойдем к границе умбрийцев. Раньше полагали, что умбрийцы появились на полуострове только после покорения Белловезе и что они вытеснили население, носившее отличное от них имя. Сегодня эта точка зрения отвергнута.

Умбрийцы заняли долину. По и южные склоны Альп задолго до вторжения кимрийцев из Галлии. В расовом отношении они были близки народам, которые продолжали называться аборигенами или пелагийцами, т. е. пеласгами, так же как оски и сабеллины, и их даже считали ветвью, из которой вышли сабиняне, а вместе с последними и оски.

Таким образом, умбрийцы — это истоки сабинян, т. е. осков и авсонийцев, они приходятся близкими родичами сабеллинам и другим племенам, называемым аборигенами, поэтому можно утверждать, что вся масса аборигенов, спустившихся с севера на юг, относилась к умбрийской расе, опять же, так исключая этрусков, иберийцев, венетов и части иллирийцев. Они распространили на полуострове один и тот же архитектурный стиль, исповедовали одинаковую религию, имели одни и те же нравы — привычку к земледелию, скотоводству и ратным трудам, — так что вышеизложенная аргументация солидно обоснована, и не стоит подвергать ее сомнению. Однако это еще не все: последние сомнения на этот счет снимает анализ италийских языков.

Моммсен считает, что язык аборигенов имеет структуру, которая появилась раньше греческой, и объединяет в одну группу умбрийские, сабеллинские и самнитские наречия, которые он отделяет от этрусского, галльского и латинского. Впрочем, он добавляет, что между этими особыми языковыми группами существовали многочисленные диалекты, которые, проникая друг в друга, формировали множество связей и объединяли их в единое целое. Исходя из этого принципа, он вносит поправку: оски говорили на языке, очень близком латыни. Кстати, этот язык употреблялся в Риме на театральной сцене несколько десятков лет после начала христианской эры, о чем свидетельствует Страбон. Оскские надписи встречаются также на развалинах Помпей.

Мюллер отмечает в этом составном языке поразительное сходство с умбрийским, а вышеназванный датский археолог объясняет этот факт тем, что из всех италийских языков оскский остался ближе других к истокам, и кроме оскского, больше всего родственен умбрийскому Вольский язык. Другими словами, оскский, как и латинский, ведет свою родословную из тех времен, когда происходило интенсивное этническое смешение, между тем как географическая ситуация давала возможность умбрийскому охранять себя от греческих и этрусских элементов, поэтому он сохранил большую чистоту. Следовательно, он может считаться прототипом италийских диалектов.

Сделаем следующий вывод: аборигены Италии, за указанными выше исключениями, в основном являются умбрийцами, а сами умбрийцы, как указывает их название, представляют собой выходцев из кимрийской ветви, возможно, принявших определенную дозу финской

крови. Трудно ждать от умбрийского языка подтверждения этому факту. От него мало что осталось, а то, что удалось расшифровать, относится к группе языков белой расы, искаженных пока еще неизвестными факторами. Прежде всего, обратимся к географическим названиям, затем к единственному италийскому языку, доступному для нас — латыни.

Этимологию слова «Италия» следует искать в кельтском — «*talamh*», «*tellus*», т. е. «земля». Два умбрийских народа — эвганийцы и тавриски — носят чисто кельтские имена. Обе горные системы, разделяющие и ограничивающие Италию — Апеннины и Альпы, — имеют названия, заимствованные из того же источника, «*a pen gwip*» — «белая гора», «*alb*» или «*alp*» — «возвышенность», «холм»²⁸⁴. Таких примеров можно привести множество и не только из области географии. Остановимся только на слове «дуб», т. к. у кельтов Южной Европы, у аборигенов Греции и Италии это дерево играло большую роль и в своем религиозном смысле оно отражает самые сокровенные идеи всех трех групп: бретонское слово «*cheinigen*», учитывая взаимозаменяемость «п» и «г», становится «*chergen*», от которого недалеко до латинского «*quercus*».

Не углубляясь в лингвистику, отметим следующий доказанный факт: латиняне, частично происходящие от умбрийцев, — близкие сородичи галлов, как указывает их название, и аборигены Италии в той же мере, что и первородные греки, большей частью принадлежат к этой группе народов. Только таким путем объясняется тот однородный налет, который в героические эпохи покрывает все, что нам известно о деяниях людей, называемых пеласгами, о тех, чье настоящее имя — кимрийцы.

Италийские расы были не в состоянии сохранить свою чистоту. Иберийцы, этруски, венеты, иллирийцы, кельты, втягиваясь в непрерывные войны, ежеминутно теряли или завоевывали позиции. Это было обычное положение вещей. И ситуация ухудшалась под действием совокупности социальных нравов, которая обусловила мощную причину этнического слияния, известную как «Весна священная». В силу определенных обстоятельств то или иное племя вручало какому-то богу своих юношей, вкладывало им в руки оружие и отправляло на завоевание новой родины. И бог должен был помогать им. Отсюда непрекращающиеся конфликты, которые, в конце концов, завершились великими событиями, имеющими исток далеко на северо-востоке континента.

Неспокойные галльские племена, возможно, вытесненные другими галлами, которых то и дело тревожили славяне, в свою очередь теснимые арийцами или желтыми народами, перешли большую пограничную реку, навалились на своих сородичей, овладели частью их территории и в результате стычек и битв дошли до Гаронны, где их авангард силой внедрился в среду покоренных народов. Последние, не желавшие терпеть все более усиливающееся давление, двинулись большой массой к Пиренеям, перешли через них и вдоль Гасконского залива обрушили на иберийцев точно такое же давление, какое до этого испытали сами.

В свою очередь всколыхнулись и недовольные иберийцы. После недолгого сопротивления, частично смешавшись с завоевателями, они поняли, что территория недостаточна для возросшего населения, и ушли, вместе с кельтиберийцами, на другую сторону гор по берегу Средиземного моря и около 1600 г. до н. э. распространились по приморским землям Руссильона и Прованса. Затем проникли в Италию через генуэзское побережье, появились в Тоскане и, наконец, расселившись всюду, где могли, они дали этим территориям свои названия — Лигурия и Сикулы. Потом, смешавшись с различными местными племенами, сформировали элемент или, скорее, этническое сочетание, которому было суждено сыграть значительную роль в будущем. Таким образом, они явились еще одним звеном, соединившим к тому времени италийцев с трансальпийским населением.

Их появление привело к большому смятению во всех уголках полуострова. Этруски, изгнанные на умбрийские земли, вступили в контакты с местными племенами. Та же участь постигла многих сабеллинов, или сабинян, и авсонийцев, и лигурийская кровь

284 Олбани (Albany) — горная страна в Шотландии, Албания — иллирийские горы, Албания — часть Кавказа, Альбион — «остров с высокими скалами». «Alb» означает также «белый».

распространилась повсюду, тем более, что массы этих переселенцев обосновались главным образом в районе Рима и не смогли создать для себя стабильную родину. Они были вынуждены жить в неустойчивом состоянии на землях, где укрепились аборигены и этруски. Лигурийцы, в конце концов, смешались с основной массой. Пока они улаживали свои отношения с местными народами, чей покой они нарушили, на другом конце, на самом юге полуострова, происходила другая, почти незаметная революция. К X в. до н. э. семитизированные эллины начали создавать там свои колонии, и хотя в сравнении с лигурийцами или сикулами их численность была невелика, они настолько превосходили и недавних пришельцев и аборигенов в цивилизованности, что им заранее была обеспечена победа. Они сполна воспользовались ею. Они основали города. Они обращались с италийскими пеласгами так же, как их отцы обращались с родителями последних в Элладе. Они покоряли их или заставляли уйти, не смешиваясь с ними. Оски, рано вступив в контакт с семитизированными эллинами, сохранили память об этом периоде в обычаях и в языке. Многие их племена исчезли, вернее, перестали быть, собственно говоря, аборигенами. С ними произошло почти то же самое, что позже, в середине II в. до н. э., произошло с жителями Прованса, попавшими под власть римлян. Это событие называют вторым появлением осков.

Но большая часть пелагийских народов претерпела более суровые испытания. Эллинские колонизаторы изгнали их с родных земель, и им ничего не оставалось, кроме как двинуться на сикулийские племена, жившие севернее, в Лациуме, с которыми они смешались²⁸⁵. Заключенный между ними союз постепенно укреплялся за счет новых греческих колоннов. В конце концов, эти массы людей, теснимые со всех сторон главным образом сабинянами, которые оставались кимрийцами в большей степени, нежели остальные, и, следовательно, превосходили в военном искусстве и семитизированных осков, и полуиберийских сикулов, и наполовину финских расенов, двинулись, незадолго до начала христианской эры, в поисках убежища в Сицилию.

Таковы были самые первые перемещения древнего населения Италии, которое в целом нельзя упрекнуть в варварстве, но которое по примеру северных кельтов ограничивалось поиском материальной пользы. Множество войн разделили их, однако они продолжали возделывать землю и выращивать хлеб. Несмотря на трудности, связанные с переходом через горы, леса и реки, они развивали торговые связи с самыми северными районами континента. В их могилах часто встречаются кусочки янтаря, грубые или обработанные, а сходство между некоторыми расенскими и галльскими монетами неопровержимо доказывает наличие постоянных связей между двумя группами²⁸⁶.

В ту далекую эпоху их сближали еще свежие этнические воспоминания европейских рас, сходство потребностей и привычек, а также тот факт, что они не знали о существовании южных стран. От Балтики до Сицилии цивилизация пребывала в незавершенном состоянии, однако она была реальна и всюду одинакова, за исключением этнических нюансов, обусловленных спорадическими браками между группами двух ветвей — белой и желтой. Эту аморфную систему потрясли азиатские тирренийцы; они помогли поселенцам великой Греции приобщить Европу к цивилизации, которую создали народы, жившие на восточном побережье Средиземного моря.

ГЛАВА V. Тирренийские этруски. Этрусский Рим

На первый взгляд кажется маловероятным, что исторические воспоминания об Этрурии восходят только к началу X в. до н. э., а это нельзя назвать глубокой древностью. Этот факт можно объяснить двумя обстоятельствами, не исключаящими друг друга. Во-первых,

285 Некоторые авторы утверждают, что аборигены Лациума были кельтами.

286 По мнению Аристотеля, существовал путь из Италии в страну кельтов и Испанию.

появление белых народов в западных землях мира имело место позже их прихода в южные страны. Во-вторых, смешение белых с черными привело к созданию цивилизации, которую можно считать очевидной, тогда как союз белых с финнами вылился в нечто латентное, скрытое, утилитарное. Они долго принимали видимость за реальность и видели социальный прогресс только во внешних формах. Но поскольку невозможно отрицать, что иберийцы и кельты имеют право считать, что у них было цивилизованное общество, надо признать их законное место в иерархии культурных народов на западе и севере первобытной Европы.

Тем не менее, я не склонен игнорировать то, что мы назвали «вопросом формы»: я не могу взять за тип человека социального ни удачливого промышленника, ни торговца, и всегда буду ставить выше них либо священника, либо воина, художника, администратора, либо то, что сегодня называют «светским человеком», поэтому я всегда предпочту Святого Бернара Папэну или Ватту, Боссюэ маршалу Тюренну, Ариосто или Корнеля всем прославленным финансистам; точно так же я не могу назвать активной цивилизацией, цивилизацией высшего порядка, такое общество, которое не довольствуется прозябанием или удовлетворением материальных нужд своих граждан и по медленной спирали движется к усовершенствованию, как это происходит в Китае. До тех пор, пока белый народ ограничивается смешением с желтым элементом, он поневоле вовлекается в общий поток «женских» элементов и стремится только к переходящему.

Если бы западные народы ограничились сочетанием их первых этнических принципов, более чем вероятно, что они могли бы достичь состояния Поднебесной Империи, однако не обрели бы того же покоя: слишком много различных потоков влились в их русло, особенно белых элементов. Поэтому у них был бы невозможен умеренный деспотизм китайских императоров. Воинственные страсти без конца потрясали бы это общество, обреченное на невысокую культуру и долгие бесплодные конфликты.

Однако вторжения с юга принесли европейским нациям то, чего им недоставало. Не разрушая их самобытность, эта счастливая примесь воспламенила их душу, стала факелом, который осветил им путь и привел их в лоно других народов мира.

За 250 лет до основания Рима группы семитизированных пеласгов проникли морем в Италию и, построив посреди завоеванных этрусских земель город Тарквиний, сделали его центром своей державы. Отсюда они начали распространяться по всему полуострову. Эти цивилизаторы, называвшие себя «тирренийцы», или «тирсенийцы», пришли с ионийского побережья, где они многое заимствовали у лидийцев, с которыми были тесно связаны²⁸⁷. Они предстали перед расенами закованными в арийские доспехи, вступающими в битву под звуки труб, имеющими флейты для увеселения и заимствовавшими многие элементы незнакомых доселе народов.

Вместо того, чтобы имитировать мощные, но грубые сооружения италийских племен, прибывшие оказались более умелыми, т. к. происходили от более развитых народов, и научили своих подданных вести строительство на возвышенностях и на гребнях горных хребтов; это были хорошо укрепленные города, неприступные крепости, из которых их владычество распространялось на соседние территории²⁸⁸. Они первыми на Западе, пользуясь отвесом, обтесывали каменные блоки, которые укладывали друг на друга, получая таким образом мощные стены, пережившие столетия.

Создав гигантские укрепления, пугавшие и подданных, и врагов, тирренийцы украсили свои города храмами, дворцами, а храмы и дворцы — статуями и вазами из терракоты: все это называется древнегреческим стилем, т. е. стилем, пришедшим с азиатского побережья. Таким образом, пелагийская группа через свои контакты с семитской кровью принесла

287 На этрусских картинах эти тирренийцы явно принадлежат к белому типу. Они были похожи на кельтов и греков, и это сходство тем более знаменательно, что с ними смешались древние расены, относящиеся к финскому типу.

288 Возможно, этот самый яркий их талант объясняет их имя «тирренийцы», корень которого следует искать в слове «turs», т. е. «укрепление» и происходит от «tur» или «ton», т. е. «возвышенность», «гора».

расенам то, чего у тех не было.

Возможно, что численность тирренийцев была невелика по сравнению с расенами. Поэтому победители придали обществу внешние формы, однако им не удалось привести их к полной ассимиляции с эллинизмом. Кстати, они сами обладали эллинским духом в слабой мере, поскольку были не эллинами, а всего лишь кимрийцами, славянами или греческими иллирийцами. Затем они без труда передали им некоторые идеи, которые не уничтожил в них семитский элемент, содержащийся в их крови. Отсюда утилитарный дух в этрусской расе, отсюда преобладание античного культа и древних верований над новой мифологией, отсюда живучесть славянских привычек и обычаев. Основа народа, за исключением незначительных различий, осталась той же, что до завоевания. Однако завоеватели, несмотря на уступки и последующие союзы с местным населением, так и не слились с ним, и частые разногласия между ними готовили почву для раскола.

Тирренийцы, которые называли себя «ларсы»²⁸⁹, «лукумоны», т. е. «благородные», забыли свой родной язык, заменили его на язык подданных и смешались с ними, перестав существовать как отдельный народ, однако, будучи «благородными», сохранили вкус к греческим идеям и оставили за собой город Тарквиний²⁹⁰. Этот город служил средством общения с греческими народами²⁹¹. Его можно считать оплотом новой культуры и аристократии Этрурии.

До тех пор, пока расены оставались в плену собственных инстинктов, они не представляли угрозу для остальных италийских племен. Они предавались сельскохозяйственным и промышленным делам и стремились к миру с соседями. Но когда их воинственная знать дала им в руки оружие и построила мощные крепости, расены вступили на авантюристический путь славы и приступили к завоеваниям

Италия еще не стала спокойным регионом. В период непрерывных стычек италийских аборигенов, иллирийцев, лигурийцев, сикулов, в эпоху перемещения племен в результате колонизации великой Греции этруски вышли на авансцену истории. Воспользовавшись смутой, они увеличили свое влияние и расширили свои территории в долине По за счет умбрийцев. История приписывает им создание трехсот городов по всей стране. Затем они повернули свои войска с севера на юг, отбросили в горы остатки местных племен и дошли до Кампаньи, сделав своим западным пределом нижнее течение Тибра. Таким образом, они вышли к обоим морям. Тирренийские памятники существуют на Корсике и в Сардинии, а также на южном побережье Испании. Расенское государство стало самым могущественным на полуострове и одним из самых влиятельных в цивилизованном мире той эпохи. Оно не ограничилось континентальными завоеваниями: расены захватили несколько островов и колонизировали берег Испании. По примеру финикийцев и греков, они заполнили моря торговыми и пиратскими кораблями.

При таких впечатляющих успехах этруски, уже будучи метисами в значительной степени, тем не менее не убереглись от дальнейшего смешения. Они разделили судьбу всех завоевателей и в результате каждого победоносного похода вступали в новые контакты с побежденными массами: с ними смешивались умбрийцы, сабиняне, иберийцы, сикулы, возможно, многочисленные греки и постоянно изменяли природу и наклонности рождающегося общества.

289 Это слово не из этрусского языка. Его заимствовали из кельтского либо сами тирренийцы, либо оно пришло к ним через расенов и италийских кимрийцев.

290 Тарквиний стоял на скалах у моря, но не был приморским городом-портом, последним служило селение Гравискэ. Еще долго после краха Этрурии он использовался римским флотом, в частности, во время Второй Пунической войны.

291 Тит Ливий полагает, что дом Тарквиния имеет эллинское происхождение. Существуют многочисленные следы ассирийского влияния в вазах, в настенных росписях и надгробиях, и это влияние могло осуществляться только через эллинов.

В отличие от того, что мы наблюдаем в других случаях, этрусская природа изменилась к лучшему. С одной стороны, кровь италийских кимрийцев, смешиваясь с расенскими элементами, становилась более активной, а с другой, семитизированная арийская основа, которую принесли с собой греки, придавала обществу дух авантюризма, пусть и слишком слабый, чтобы вовлечь его в безумства эллинского или азиатского типа, но достаточный для того, чтобы компенсировать чрезмерный прагматизм, присущий западным мотивам. К сожалению, эти трансформации происходили главным образом в средних и низших классах и не способствовали поддержанию политического равновесия и абсолютного могущества аристократии.

Кроме того, такое массовое смешение этнических элементов приводило к образованию множества фрагментарных союзов и небольших обособленных групп. В обществе появился антагонизм, аналогичный тому, что имел место в Греции, и этрусская империя так и не смогла обрести единство. Этруски были настолько искусны в военном деле и неукротимы в битвах, что позже римляне не нашли ничего лучшего, кроме как заимствовать у них организацию своих легионов и вооружение, но у них никогда не было централизованной власти. В критические моменты они, следуя кельтскому обычаю, доверяли власть императору, который командовал объединенными отрядами, обладая абсолютными, но временными полномочиями. В спокойные времена они имели конфедерацию основных городов, в орбиту которых добровольно включались малые селения. Каждый политический центр служил резиденцией нескольких крупных групп, управлявших культом, общественными делами, толковавших законы, ведавших военными делами и распоряжавшихся казной. Когда одно из семейств приобретало явное превосходство над соперниками, образовывалась система, напоминающая королевство, которая всегда несла на себе печать нестабильности, что составляло главный порок тирании в Греции. В течение продолжительного времени недостатки такого федеративного устройства компенсировались той ведущей ролью, которую все этрусские города добровольно передали Тарквинию. Но это не могло продолжаться бесконечно, и система рухнула от первого толчка. Народы, как правило, дольше сохраняют уважение к династии, личности, имени, нежели к месту, огороженному крепостными стенами. Таким образом, тирренийцы укоренили в Италии некоторые пороки, характерные для республиканских государств семитского мира. Но поскольку у них не было возможности полностью реформировать дух населения по такому типу, они не смогли искоренить финский элемент, который, в частности, проявлялся в том, что этруски питали безграничное почтение к вождям и чиновникам.

Ни у арийцев, ни у семитов не было ничего подобного. В Передней Азии власть почитают безмерно, даже превращают ее в идола, жители готовы выносить все капризы и притеснения, освященные законом. Если речь идет о царе или родине, люди готовы пожертвовать ради них всем. Дело в том, что они боятся насилия и простираются ниц перед абстрактным принципом абсолютной власти. Что же касается личности, облеченной властью и прерогативами этого принципа, она не имеет никакого значения. Это общее понятие у всех сервильных народов: они считают чиновника простым носителем власти, и когда он лишается своего поста, он сразу низводится до положения последнего из людей и теряет право на почитание. Отсюда восточный принцип, согласно которому все достается султану живому и ничего — мертвому, точно так же нынешние революционеры выражают показное уважение к представителю власти, осыпая его за глаза ругательствами и проклятиями.

Напротив, этруски сурово осудили бы Аристофана за нападки на Клеона, руководителя государства, или на Ламаха, предводителя армии. Они относились к самой персоне, представляющей закон, как к чему-то настолько священному, что сама природа государственных функций была от него неотделима. Я подчеркиваю этот момент, потому что такое почитание было источником добродетели, которым позже — и справедливо — восхищались нас римляне.

Эта система предполагает, что сама по себе власть настолько благотворна и заслуживает поклонения, что дает такие же прерогативы ее носителю. Поэтому ее представитель никогда

не мог бы опуститься до уровня простого смертного: он участвовал в управлении людьми и по этой причине навсегда оставался выше их. Признать такой принцип означало включение государства в сферу бесконечного поклонения и служение ему до самоотречения.

Этруская нация достигла высокого уровня сельского хозяйства и промышленности, расширила свои завоевания, укрепилась на двух морях ²⁹² и теперь через город Тарквиний и южные границы впитывала в себя интеллектуальную мощь эллинской расы, используя все свои материальные достижения на благо искусств, правда, не поднимаясь в этом отношении выше копирования. Этруски, исполненные стремления к чувственным удовольствиям, составляли славу Италии, и им, казалось, ничто не угрожало, если не считать изъяна федеративного устройства и давления массы кельтских народов, чья энергия в будущем должна была причинить этрускам огромные неприятности.

Если бы речь шла только об этой угрозе, вполне вероятно, что они с ней справились бы, а кельты Галлии после нескольких попыток, в конце концов, уступили бы более развитому народу.

В целом этруски создали нацию, превосходящую кимрийцев, потому что желтый элемент у них был облагорожен союзами не всегда лучшего свойства, но, по крайней мере, более прогрессивными в смысле культуры. Поэтому единственным аргументом кельтов была их численность. Этруски завоевали почти весь полуостров и имели достаточно сил для сопротивления, так что им было бы нетрудно отразить нападение из Альп. В таком случае мы раньше бы увидели то, что сделали римляне. Все италийские племена, встав под сень этрусских орлов, за несколько веков до Цезаря перешли бы горы, и покорение Галлии осуществилось бы раньше. Но такая слава не была суждена народу, который породил в своей среде семя, вскоре погубившее его.

Этруски, опьяненные ощущением собственной мощи, хотели продолжать свое развитие. Они видели на юге яркий свет, который греческие колонизаторы разожгли во многих великолепных городах, и туда стремились помыслы тирренийской конфедерации. Они искали более тесных контактов с родственной цивилизацией морским путем. Лукумоны уже двинули свои армии на Кампанью и продвинулись далеко на восток. На западе они остановились перед Тибром. Теперь они планировали форсировать реку и подойти к проливу, чтобы овладеть Кумом и Вултурнумом. Это было нелегкое предприятие. На левом берегу находились земли латинян, относившихся к сабинянской конфедерации. Латиняне доказали, что они способны на яростное сопротивление, и открытая сила вряд ли могла сломить их. Поэтому, прежде чем начать войну, этруски предприняли хитрую тактику, знакомую всем цивилизованным народам, жадным до чужого ²⁹³.

Для этого они воспользовались двумя латинянами-авантюристами, по некоторым сведениям незаконными детьми дочери предводителя одного из племен. Их звали Ромул и Рем. В сопровождении этрусских советников и небольшого этрусского отряда они обосновались в трех глухих селениях, существовавших на левом берегу Тибра ²⁹⁴, а не на берегу моря, т. к. им не нужен был порт в верхнем течении реки, потому что они не собирались создавать торговый центр, который позже мог бы связать север и юг Центральной Италии, а в любом другом месте, которое было легче захватить — главное заключалось в

292 Тирренийцы успешно занимались пиратством и держали флот, способный соперничать с греческими городами. По этой причине массалиоты боялись плавать по западным морям и делали это только под сильной охраной. Этрурия заключила с Карфагеном договоры о навигации и торговле, которые действовали еще в эпоху Аристотеля, т. е. через 430 лет после основания Рима.

293 Италийское население боялось, что этруски перейдут реку. На этот счет существовал договор между латинянами и тирренийцами.

294 Вергилий называл это место «Tuscum Tiberim». Вероятно, близнецы укрепились на Авентинском холме рядом с латинянским селением. Другое латинянское поселение находилось на вершине Палатина. Позже этруски овладели Кэлием.

том, чтобы перейти реку.

Затем они могли развить свой первый успех ²⁹⁵.

Поскольку теперь требовалось расширить три поселка, которым было суждено превратиться в город, основатели стали созывать со всех сторон авантюристов, не имевших ни кола, ни двора. Это были в основном бродяги–сабиняне и сикулы, которые и составили ядро новых граждан. Но основатели не могли допустить, чтобы чужестранцы овладели мостом, переброшенным в Лациум. И они поставили во главе этого скопища бродяг этрусскую знать. Религиозный элемент сочетался в них с воинскими талантами, что отвечало понятиям семитизированных тирренийцев, кардинально отличавшихся от галльских идей. Наконец, в руках патриархата находилась и юридическая власть, и, согласно замыслу основателей, у царских династий, кроме временного деспотизма в кризисные эпохи, остались только административные функции ²⁹⁶.

Если система правления была организована в чисто этрусском духе, такой же была и внешняя форма цивилизации и даже облик нового города. Этруски построили по тирренийскому типу каменную крепость, Капитолий, систему сточных канав и общественные здания, каких не знало латинское население. Для богов, принесенных с собой, они сооружали храмы, украшенные терракотовыми вазами и статуями.

Появился класс чиновников, носивших те же знаки отличия, что и в Тарквинии, Фалерии, Вольтерре. Рождающийся город получил эмблемы, стандарты, воинские титулы и, в конце концов, культ — одним словом, Рим отличался от расенских городов только тем, впрочем, важным фактом, что его население имело другой состав и было энергичнее и активнее ²⁹⁷.

Местный плебс совсем не напоминал мирную и податливую массу, которую прежде покоряли тирренийцы, иначе колонизаторы осуществили бы свои хитроумные планы.

В этом населении, возможно, специально перемешанном, чтобы сделать его слабым за счет отсутствия однородности, существовал еще один элемент. Если такой замысел действительно был в основе формирования населения, тогда политика этрусков шла вразрез с их желанием обеспечить для себя более спокойное владычество. Потому что именно она заложила в первых жителей инстинкты свободы, семена будущего величия города, причем это произошло совершенно уникальным образом, который не повторяется в истории дважды.

В числе бродяг из различных племен, призванных стать жителями города, были сикулы. Представители этого смешанного, полукочевого народа имелись повсюду. В некоторых городах Этрурии они составляли большинство плебса, в большом количестве они жили в Лациуме и в стране сабинян. В какой-то степени эти люди служили путеводной нитью, которая вела эллинский элемент, более или менее семитизированный, в новый город. Именно они, смешав свой язык с сабинянским, создали собственно говоря латынь, начали придавать ей сильный греческий оттенок и, таким образом, препятствовали проникновению этрусского языка через Тибр ²⁹⁸. Новое наречие, будучи щитом от нашествия языка захватчиков, всегда рассматривалось римскими грамматиками как тип, вариантами которого стали оскский и сабинянский, но римляне сторонились языка лукумонов, считая его

295 Многие историки справедливо называют Рим тирренийским городом.

296 Цари не обязательно были выходцами из города.

297 Речь идет о тунике, диктаторском жезле из слоновой кости с изображением орла, верховых выездах и т. д. По мнению Тита Ливия, единственным неэтруским божеством был покровитель города Альба. Впрочем, историк из Падуи скорее всего имеет в виду официальный культ, т. к. люди разных рас, населявшие Рим, хранили в жилищах своих национальных богов.

298 Интересно, что этрусский язык, всегда считавшийся для римлян и позже, в эпоху императоров, священным, так и не распространился среди них. Однако еще во времена Юлиев патриции изучали его в качестве инструмента цивилизации, позже его использовали прорицатели. Но он никогда не был популярным.

варварским. Таким образом, сикулы, составлявшие низшие слои Рима, особенно сопротивлялись гению основателей, поскольку распространение их языка представляло собой наибольшую помеху принятию расенского диалекта.

Конечно, нет нужды подчеркивать, что речь идет только об инстинктивном органичном антагонизме между сикулами и этрусками, но не об открытой вражде, тем более что она не имела никаких шансов на успех. Сама Этрурия невольно направляла рождающийся Рим на путь политических потрясений. С самого первого дня маленькая колония была объектом неприкрытой ненависти со стороны жителей Лациума. Несмотря на то, что этрусская организация и цивилизация их патрициев привлекли в город некоторые слабо развитые племена, в частности, албанцев, истинные хозяева сабинянской земли косо смотрели на Рим. Они считали его основателей людьми, не имеющими родства и никакого права на новую родину, которую они приобрели воровством и силой. Таким образом, Рим оставался в одиночестве вне конфедерации, главным городом которой был Амитернум, на левом берегу Тибра, под угрозой возможных нападений, которые он не мог бы отразить без посторонней помощи.

По этой причине он изо всех сил цеплялся за этрусскую конфедерацию, и когда внутри этой политической системы начались гражданские раздоры, Риму не пришлось сохранить нейтралитет: он встал на сторону своих активных союзников.

Этрурия находилась на той политической стадии, когда цивилизаторские племена нации деградируют в результате союзов с покоренным населением, а последнее, в свою очередь, поднимается на ступень выше. Наступление кризиса ускорило приток большого количества кимрийских элементов, в той или иной степени эллинизированных и способных оспаривать власть у выходцев тирренийской расы.

Вследствие этого в расенских городах возникло либеральное движение, которое объявило войну аристократическим институтам с целью замены родовых привилегий доблестью и другими достоинствами.

Обычная черта любого социального разложения заключается в отрицании превосходства по рождению. Только мятеж принимает различные формы в зависимости от уровня цивилизации бунтарей. У греков взбунтовались богатые и заняли место знати, у этрусков поднялись самые храбрые и отчаянные. Расено-тирренийские метисы, смешавшись с плебсом, с умбрийцами, сабинянами, самнитами, сикулами, потребовали раздела верховной власти. Революционные доктрины завоевали большее число сторонников в городах центральной части страны, где преобладало древнее покоренное население. Оплотом бунтовщиков стал город Вольсиний, а Тарквиний превратился в цитадель аристократов, потому что тирренийская кровь оставалась там более однородной. Страна разделилась на две партии. Вполне вероятно, что в каждом селении были люди, поддерживающие и ту и другую партии. Активное участие в этом движении принимал Рим.

Нетрудно догадаться, на чью сторону встал будущий великий город. Характер его жителей как нельзя лучше соответствовал либеральным взглядам. Этрусская сенат, в котором, впрочем, заседали и сабиняне, оказался не в состоянии склонить общественное мнение на сторону аристократов Тарквиния. Амбициозный и мятежный дух сикулов, квиритов и албанцев проявился в полной мере. Большинство поддержало реформаторов, и царь Сервий Туллий попытался осуществить революцию, подтолкнув Рим к антиаристократическим доктринам. Режим Сервия удовлетворил требования масс, призвав под свои знамена всех, кто мог носить оружие. Конечно, знатым людям пришлось кое-чем поделиться, однако не в такой мере, как это было при тимократии на греческий манер. Скорее, речь шла о цензе наподобие того, что в средние века был установлен для буржуа. В последнем случае цель состояла не в том, чтобы дать гражданам гарантию могущества или влияния, а только в обеспечении политической морали. Что касается плебеев Рима, задача была еще проще: набрать воинов, которые могли сами себя вооружить и накормить в походе.

Такая организация, пользующаяся всеобщей симпатией, заняла место рядом с тирренийскими институтами, но сокрушить их не смогла. Слишком сильна была связь

военных и жрецов с законодателями. К тому же этот натиск продолжался недостаточно долго, чтоб отобрать власть у благородных рас. Возможно, этого удалось бы добиться посредством грубого насилия. Но, очевидно, враги не хотели использовать такое средство против людей, которым жречество придало священный характер. Активное общество больше всего не терпит безбожности и долгие всего избегает богохульства.

Сервий Туллий и его сторонники, не имея достаточных сил для полной победы над этрусской знатью, удовлетворились тем, что рядом со старым воинским кодексом установили новый, предоставив другим расенским городам самостоятельно продвигаться дальше в этом направлении. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Вскоре либеральная оппозиция в Этрурии, разбитая аристократической партией, вынуждена была смириться. Вольсиний был взят штурмом, а один из самых видных вождей бунтовщиков, Келий, бежал в поисках убежища для себя и самых преданных своих соратников. Этим убежищем мог быть только этрусский город, который после Вольсиния проявил больше преданности делу революции и был расположен в глуши, на другом берегу Тибра, откуда было легче проповедовать и осуществлять доктрины.

Итак, в Риме укрылись Мастарна и его люди, и город, приютив изгнанников, расширил свои границы и превратился в укрепленный лагерь, открытый для всех, кто искал себе родину и отрицал всякую национальную принадлежность.

Но появление Мастарны в не меньшей степени, чем реформа Сервия Туллия²⁹⁹, вызвало недовольство победившей реакции. Лукумоны не хотели, чтобы город, призванный открыть им путь в юго-западную Италию, стал крепостью их внутренних врагов. Знать Тарквиния решила задуть мятежный дух в его последнем прибежище. Они были корифеями партии, которая основала цивилизацию и создала национальную славу, и они оставались самыми чистыми представителями и самыми рьяными поборниками своего этноса. Благодаря постоянным связям с Грецией и Малой Азией они превзошли остальных этрусков богатством и культурой. Им предстояло завершить примирение и уничтожить дело уравнилителей колонии за Тибром. Им это удалось.

Система Сервия Туллия была свергнута, старый режим восстановлен. Сабинянская партия в сенате и смешанное население, составлявшее плебс, вернулись в пассивное состояние, в котором его всегда хотели видеть этруски³⁰⁰, и тарквинийцы провозгласили себя верховными арбитрами и вершителями восстановленного правления. Так пришел конец последнему оплоту либерализма³⁰¹.

Мы мало знаем о последующей борьбе этой партии на остальной расенской территории. Однако очевидно, что она подняла голову после периода упадка. Этнические причины, которые обусловили появление этой партии, становились все более определяющими по мере того, как покоренные расы завоевывали новые позиции и постепенно подавляли тирренийскую кровь. Тем не менее, поскольку расенская раса не играла большой роли в национальном составе, потребовалось бы много времени для того, чтобы осуществился эгалитаризм, даже при наличии покоренных племен умбрийцев, самнитов и других. Таким образом, в древних городах аристократическое сопротивление имело все шансы продолжаться неопределенное время³⁰².

299 Латинское происхождение Сервия, узурпация им этрусской династии, заигрывание с народом — говорят о том, что он умело использовал все, что было враждебно тирренийскому господству.

300 Сенат был обновлен, а его вожди, назначенные Туллием, изгнаны. Плебеи снова оказались бесправными, как и прежде.

301 Партия, которая вершила дела в Тарквинии, была самой сильной в этруском мире. Она держала в руках столицу, и Рим, и Вейес, Кере, Габий, Тускулум, Антиум, а на юге пользовалась поддержкой Кума, эллинской колонии, которая не без удовольствия смотрела на усилия, предпринимаемые для сохранения семитизированной цивилизации на полуострове.

302 Так оно и было на самом деле, и даже во время войны с Ганнибалом власть в большинстве этрусских

Но в Риме мы видим обратное. Кроме того, что этрусская знать, уроженцы города, даже при поддержке тарквинийцев составляла меньшинство, против них было население, которое стояло бесконечно выше расенского плебса. Революционные идеи продолжали победное шествие, опираясь на идеи независимости, и Рим шел к неизбежному свержению ига. Если бы Популония, Пиза или любой другой этрусский город, глубоко пропитанные не только тирренийской, но и расенской кровью, одержали победу над аристократическими принципами, тогда любой из этих победивших городов ограничился бы изменением внутреннего политического устройства, а в остальном сохранил бы верность своей расе, общей родине и этрусскому миру.

Что касается Рима, у него не было никаких оснований останавливаться на этом. В объятия либеральной партии его толкали те же причины, которые заставили жителей осуществлять либеральные идеи и сделаться оплотом революции; эти причины в силу своей весомости вели его далеко за пределы простой политической реформы.

Если он не признал власть ларсов и лукумонов, то прежде всего потому, что те, имея больше прав считать себя его основателями, воспитателями, хозяевами, благодетелями³⁰³, не имели права считаться римскими согражданами. С самых первых дней он видел большую пользу и даже необходимость в их поддержке, однако кровь римлян не смешалась с их кровью, их идеи не стали достоянием Рима, их интересы не были его интересами. В сущности он был сабинянским или сикулийским, он был эллинизированным, кроме того, он был географически отделен от Этрурии, т. е. чужим для нее, поэтому реакция тирренийцев имела здесь более кратковременный успех, чем в остальных по-настоящему этрусских городах, поэтому после свержения тирренийской аристократии следовало ожидать, что в Риме начнутся такие события, каких не предполагали либералы Этрурии. Скоро мы увидим, как эмансипированный город вернулся к либеральным теориям, к истокам своей независимости, и аристократия восстановила в полном объеме свои права и привилегии. Впрочем, революции полны такими неожиданными событиями.

Таким образом, Рим после владычества тарквинийцев сумел подняться с колен³⁰⁴. Римляне изгнали их вместе с сенатом, который был с ними заодно. С тех пор тирренийский элемент начал постепенно исчезать из своей колонии, и от него осталось лишь моральное влияние. Рим перестал быть орудием этрусской политики, стремящейся уничтожить независимость остальных италийских народов. Наступил период, когда городу предстояло жить самостоятельно. Отныне его отношения с основателями будут служить его величию и славе, о которых в ту эпоху никто и не подозревал.

ГЛАВА VI. Итальянский Рим

Я уже отмечал, что если бы этруская аристократия сохранила свое влияние на полуострове, все равно произошло бы то, что произошло: я имею в виду Римскую империю. Тарквиний, в конце концов, лишил бы независимости остальные города федерации, а поскольку инструменты его давления на соседние страны, а также на Испанию, Галлию, Грецию, народы Азии и северной Африки, были бы теми же, что позже использовал Рим, конечный результат оказался бы таким же. Только цивилизация сформировалась бы раньше.

городов оставалась в руках знати. Вольсиний, преимущественно демократический город, сумел сохранить революционное правление в руках плебса, начиная с кампании Пирра вплоть до Первой Пунической войны.

303 В войне между Ромулом и сабинянами Квирума римского царя от крыто поддерживала этруская армия под командованием лукумона Солония.

304 Вообще, владычество тирренийцев принесло большую пользу Риму. При них он стал краше, они строили здания из четырехугольных каменных блоков без цемента. Они расширили и укрепили территорию города и завезли сюда умелых мастеров из всех городов Этрурии. Они поставили Рим во главе латинянской конфедерации, которая распалась после поражения аристократической партии.

Не надо забывать о том, что первым следствием изгнания тирренийцев было значительное снижение социального уровня в неблагодарном городе³⁰⁵.

Посмотрим, кто занимался науками, политикой, юриспруденцией, военным делом, религией, предсказаниями? Только этруски благородного происхождения и больше никто. Они руководили строительством в императорском Риме, и многие сооружения стоят до сих пор и намного превосходят все, что есть в столицах остальных италийских народов. Они возводили храмы, вызывавшие восхищение современников, они ввели ритуалы поклонения богам. Без них в республиканском Риме не было бы ни домов, ни законов, ни храмов. Что касается повседневной и социальной жизни, их вклад остался настолько бесценным, что даже при императорах, когда уже давно не было Этрурии, когда римляне, пропитанные греческими идеями, забыли этрусский язык, его все еще употребляли жрецы. Изгнание основателей государства лишило его важнейших элементов общественной жизни, и после ликования по поводу приобретенной свободой населению пришлось привыкать к нищете и восхвалять ее во имя добродетели. Вместо богатых одежд, которые носили знатные люди императорского Рима, патриции Рима республиканского заворачивались в грубые ткани. Вместо красивой металлической посуды и роскошной еды они довольствовались скудным пропитанием и скромным столовым убранством.

Вместо великолепных зданий население, включая консулов и сенаторов, обитало в убогих жилищах вместе со свиньями и курами³⁰⁶. Одним словом, чтобы понять, насколько республиканский Рим уступал своему предшественнику, достаточно вспомнить, что, когда после вторжения галлов Камилл заново отстраивал сожженный город, люди уже не думали о его величии и напех, как строили новые дома, не обращая внимания на сточные канавы, построенные основателями. Они даже забыли, что существовало такое понятие, как «*cloaca maxima*», и что их город основала этруская знать. Таким образом, благодаря новым нравам, которые вызывали всеобщее восхищение современников, римляне той эпохи стояли намного ниже своих отцов.

Итак, цивилизация осталась в прошлом вместе с жителями Тарквиния. Но, может быть, у римлян оставалась та свобода, семена которой были брошены в систему Сервия Туллия средними классами Этрурии? Увы, и от нее ничего не осталось.

После изгнания тирренийцев население в основном состояло из сабинян, людей грубых, непривередливых, воинственных, склонных к материальному, способных оказать достойное сопротивление агрессорам и силой навязать другим свои принципы, и они не были расположены к тому, чтобы фазу уступить свое превосходство более духовным, но более слабым сикулам, расенам, потомкам солдат Мастарны, короче, множеству рас, представленных на улицах Рима. Избавившись от этрусского элемента нации, либералы располагали сабинянским элементом, который и прибрал к рукам всю власть.

Как у всех белых народов, у сабинян был очень развит культ семьи, и, несмотря на бедные одежды, скудную пищу и невежество, их знать обладала не менее аристократическими принципами, чем самые гордые лукумоны. Валерийцы, фабияне, клавдийцы — все выходцы из сабинянской расы — не страдали от того, что и другие делят с ними власть. Впрочем, они, следуя примеру свергнутых господ, сконцентрировали в своих руках все социальные привилегии. Между тем у них не было такого полного превосходства, которое имели тирренийцы, семитизированные пеласги, в отношении расенов, поэтому плебеи не признавали законность их власти и постоянно выражали недовольство. Трудности этим не ограничивались: несмотря на происхождение и могущество, они сами хранили в памяти великолепие царской власти, они втайне жаждали ее и боялись, что их опередят

305 В то время впадения Рима ограничивались Яникулом. Все остальное было потеряно. Сервий разделил народ на 30 племен, в 271 г. от основания города их оставалось не более 20.

306 Кстати, больше всего римские жители негодовали на Тарквиния Великолепного за то, что он использовал чернь для строительства дворцов, храмов и портиков, тем самым, украшая город.

соперники. Вот в каком состоянии республика начинала свое существование: очень низкий уровень цивилизации, амбиции аристократии, угнетаемый и недовольный народ, самодурство патрициев, очевидное брожение в массах, постоянные обвинения в адрес всего, что благодаря таланту или усердию возвышалось над общим уровнем, непрекращающиеся попытки сбросить тех, кто наверху, и занять их место.

Это было жалкое положение. Римское общество, оказавшись в таком состоянии, продолжало существовать лишь за счет постоянного напряжения всего населения. Отсюда безграничный деспотизм, не щадивший никого, и тот парадоксальный факт, что в государстве, в котором основополагающим принципом было отсутствие власти одного человека, которое провозглашало ревностную приверженность к законности, основанной на общей воле, и объявляло всех патрициев равными, бесконтрольно и единолично царил диктатор, чья самоуправная власть, несмотря на так называемый временный характер, осуществлялась с такой жестокостью, какая была неизвестна любому монархическому режиму.

Тем не менее, среди такого разгула удивительно наблюдать, что Рим той эпохи был лишен недостатков, которые мы видим у греков. Если в Риме страсть к власти кружит все головы, то у всех — патрициев и плебеев — она выражается в стремлении завладеть законом для того, чтобы изменить его в свою пользу, но нет того отталкивающего зрелища, которое мы постоянно видим на афинских площадях, где люди, как сумасшедшие, предаются анархическому разгулу. Римляне были люди честные, они часто неправильно понимали добро и совершали глупости, но, по крайней мере, они при этом верили, что поступают хорошо. Они отличались бескорыстием и верностью. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Патриции считают своим правом по рождению вершить власть в государстве. Они в этом не правы. Этруски могли претендовать на это — но только не сабиняне, потому что они не обладали явным этническим превосходством над остальными италиотами, окружавшими их и ставшими их соотечественниками. В республиканском Риме не было двух неравных рас — просто существовала одна группа, более многочисленная, чем остальные. Такая иерархия была недолговечной. И поражение римского патрициата не было вызвано насильственной революцией, это было злополучное и неожиданное событие, какое обычно случается со всякой аристократией.

Борьба греческих партий постоянно велась вокруг крайних доктрин. Богатые жители Афин стремились только к безраздельной власти и всем ее привилегиям; афинский народ хотел только одного: опустошить казну от имени демократии. Что касается людей нейтральных, они находились в плену воображаемых доктрин и хотели реализовать их, чтобы исправить реальное положение дел. Все партии, все жители желали лишь стереть все до основания, а традиции и история не имеют никакой силы в стране, где отсутствует понятие уважения к чему бы то ни было. Удивляться этому не приходится. При таком этническом беспорядке, который составлял основу афинского общества, при полном растворении расы, которая объединяла в себе самые разные элементы, но так и не сумела слить их воедино, при верховенстве духовного, но безудержного в фантазиях семитского элемента, иного исхода быть не могло. Над всей этой анархией понятий высился абсолютизм власти, воплощенный в слове «родина».

А в Риме ситуация была совершенно другой, и политика противоборствующих партий осуществлялась иначе. Расы в основном отличались прагматизмом, чуждым греческому воображению; римляне, даже в пылу страстей по поводу того, что считать благом для государства, испытывали одинаковый страх перед анархией. Именно это чувство часто приводило их к диктатуре как последнему средству, хотя надо признать, что они были намного более искренни, чем греки, в своем протесте против тирании. Будучи бело-желтыми метисами, они обладали вкусом к свободе, и, несмотря на почти постоянные жертвы, приносимые в этом отношении во имя общественного спасения, у них можно найти печать врожденной независимости в том, какое значение в их списке политических добродетелей имело чувство, которое они называли «любовь к родине».

Эта страсть, присущая всем эллинским народам, не приводила к выраженному деспотизму. Те полномочия, которыми обладала «родина», придавали римскому культу этого божества некоторую умеренность. Конечно, «родина» царствовала, но не правила, и в отличие от греков никто не собирался оправдывать ее капризы и безумные идеи фразой наподобие: «Так нужно для родины». Для греков закон, постоянно перекраиваемый и всегда от имени высшей власти, не имел ни авторитета, ни силы. Напротив, в Риме закон по сути никогда не отменялся: он всегда оставался в силе, с ним сталкивались повсюду, только он управлял всей жизнью общества, а «родина» была абстрактным, хотя и почитаемым понятием и не имела права казнить какого-нибудь очередного бунтовщика.

Чтобы понять всемогущество закона в римском обществе, достаточно вспомнить, какой силой пользовались предсказания вплоть до конца существования республики. Читая о том, что во времена Цицерона достаточно было объявить предсказание плохой погоды, чтобы отменить театральное представление или заседание сената, хотя политики смеялись не только над предсказаниями, но и над самими богами, мы видим неопровержимый факт глубокого уважения к закону. О застылости римских идей хорошо пишет господин Экштейн, правда, имея в виду религию: «Мы живем в счастливом неведении касательно последствий наших дел и мыслей, между тем как древние народы доводили ощущение последствий до абсурда... Только греки могли до некоторой степени стряхнуть с себя эту тиранию даже в самые религиозные свой времена, но римляне оставались абсолютными рабами своих ритуалов и своего священного Форума».

Таким образом, римляне стали первым народом на Западе, который обратил на дело своей стабильности и одновременно свободы органичные или вызванные изменением нравов пороки законодательства. Они пришли к выводу, что в политической организации существуют два необходимых элемента — реальная деятельность и спектакль, — что хорошо усвоили англичане. Они компенсировали недостатки своей системы терпением и умением находить лекарство от политических и законодательных пороков, оставляя неизблемым принцип безграничного поклонения перед своим Палладиумом, что свидетельствует о здравомыслии.

Различия между греческим и римским понятиями свободы лучше всего можно выразить следующим образом: римляне были людьми позитивными и практичными, греки — художниками по своей природе; римляне вышли из «мужской» расы, греки феминизировались. Вот почему римляне указали своим наследникам путь к созданию мировой империи и дали им все средства для того, чтобы завершить грандиозные завоевания, а греки прославились в политике только тем, что довели разложение власти до состояния варварства, и страна оказалась под игом чужестранцев.

Вернемся к этническому состоянию римского народа после изгнания этрусков и рассмотрим дальнейшую ситуацию.

Как мы уже знаем, сабиняне составляли самую многочисленную и влиятельную часть этой случайно сформировавшейся нации. Из них вышла аристократия, они вели первые успешные войны, в которых — надо отдать им должное — они себя не щадили, будучи представителями кимрийской ветви, они были храбрыми по природе и легко переносили тяготы ратной жизни. Они создали республику, которая вызывала ненависть, или, по крайней мере, недоброжелательность соседей.

Римляне, выходцы из италийской и сабинянской расы, также были объектом глубокой вражды латинянских племен, которые считали эту толпу воинов отбросами всех народов полуострова, людьми без чести и совести, бандитами, заслуживающими уничтожения, и их еще больше презирали потому, что они были близкими сородичами. Таким образом, все были против Рима.

В эпоху царей этрусская конфедерация постоянно защищала свою колонию, но после изгнания тарквинийцев, которые, кстати, однажды выступили против римлян как ренегатов Этрурии, ситуация круто изменилась. У Рима больше не было союзников на обоих берегах Тибра, и, несмотря на храбрость жителей, он потерпел бы поражение, если бы не счастливый

случай. И так, мы подошли к одному из тех великих периодов в истории человечества, которые, по мнению таких религиозных мыслителей, как Боссюэ, являются чудесным результатом долгих и таинственных комбинаций Провидения.

Иза Альп появились галлы, неожиданно захватили север Италии, покорили страну умбрийцев и начали войну с этрусками. Ослабевшая расенская конфедерация с трудом отражала натиск многочисленных врагов, и Рим воспользовался этим обстоятельством, чтобы разобраться со своими противниками на левом берегу. Это ему удалось в полной мере. Затем, когда с этой стороны сила оружия обеспечила ему не только покой, но и владычество, он обратил в свою пользу тяжелую ситуацию, в которой оказались его прежние властители в результате вторжения галлов, и одержал над ними убедительную победу, которая в иных обстоятельствах вряд ли была бы возможной.

Пока этруски, теснимые галльскими агрессорами, в панике бежали до самой Кампаньи, римская армия, отлично вооруженная и прекрасно организованная, перешла реку и захватила все, что можно было. Римляне, к счастью, не стали союзниками галлов, потому что им нечего было с ними делить, и вся добыча досталась им. Но они координировали свои действия с галлами и наносили удары одновременно с ними. В такой ситуации для Рима была еще одна выгода.

Тирренийцы–расены, осажденные со всех сторон, защищали свою независимость до конца. Но когда исчезла последняя надежда, им пришлось решать, какому победителю лучше сдаться. Галлы, как известно, не были варварами. После того, как в пылу первых побед они разграбили многие умбрийские города, они, в свою очередь, построили другие, например Неаполь и Мантую. Они приняли язык покоренного населения и, возможно, их образ жизни. Однако в целом они были чужими на этой земле и отличались алчностью, грубостью и жестокостью. Конечно, этруски предпочли иго народа, который был обязан им своим появлением. Этрусские города открыли ворота перед консулами и объявили себя подданными а иногда и союзниками римлян³⁰⁷. Это был для них лучший выход. Сенат показал себя разумным и расчетливым и долгое время щадил гордость покоренных народов.

Как только Этрурия оказалась присоединенной к республике и та же участь постигла самых близких соседей Рима, самое трудное для Рима оказалось позади, а когда галлы были отброшены от стен Капитолия, покорение всего полуострова стало лишь делом времени, которое предстояло завершить наследникам Камилла.

Между прочим, если бы тогда на Западе жил энергичный и сильный народ, вышедший из арийской расы, судьбы мира сложились бы иначе: римскому орлу быстро бы подрезали крылья. Но на карте Европы были только три народа, способных противостоять республике.

Кельты. Они покорили смешанных кимрийцев Умбрии и расенов средней Италии и на этом остановились.

Кельты были разделены на множество племен, которые были слишком малочисленны, чтобы предпринимать крупные походы. Колонизация Беловезе и Сиговезе была последней вплоть до Гельвеции при Цезаре.

Греки. Они уже не существовали как арийский народ, и мощные армии Пирра не могли бы нанести такое поражение кимрийцам, как это сделали римляне. Поэтому они ничего не могли предпринять против италийцев.

Карфагеняне. Этот семитский народ, содержащий в себе черный элемент, никак не мог бороться с кимрийцами.

Таким образом, римлянам было заранее обеспечено преимущество. Они могли потерпеть поражение только в том случае, если бы жили на Востоке рядом с тогдашней брахманской цивилизацией, или если бы им противостояли германцы, которые появились только в V в.

³⁰⁷ Последний вздох независимой Этрурии пришелся на период консула Марция Филлипа, который пришел к власти в Риме в 471 г. Однако нация продержалась до Суллы. После чего этот диктатор наводнил страну семитскими колониями. Октавиан довершил его дело, а взятие Перузы стало концом этрусской расы.

Пока Рим шагал навстречу своей великой славе, опираясь на силу своих законов, внутри него происходили серьезные кризисы, правда, не затрагивающие его основу в лице законов. Любые бунты лишь видоизменяли само здание, но не разрушали его, а патрициат, ненавидимый плебсом, после исчезновения этрусков просуществовал долго, включая эпоху императоров, в таком же состоянии: презираемый, ослабленный непрерывными ударами, но не уничтоженный, т. к. этого не позволял закон ³⁰⁸.

Глубинные причины этих конфликтов заключались в этнических изменениях, вызываемых притоком городского населения, а борьба смягчалась за счет родства прибывавших элементов. Иными словами, изменения происходили, потому что менялась раса, но сама суть не менялась, поскольку речь шла только о расовых нюансах, не выходящих за пределы одного круга. Это не значит, что в государстве не ощущались постоянные колебания. Патриции отдавали себе отчет в том, насколько подрывают их власть притоки чужестранцев, и всеми силами противодействовали этому, между тем как народ, напротив, понимал свою выгоду в том, чтобы держать двери открытыми для новых жителей, которые увеличивали его численность и силу. Это был тот принцип, который когда-то укреплял рождающийся город и который заключался в том, чтобы призывать на свой праздник бродяг со всего известного в ту пору мира. А поскольку в те времена был болен весь мир, социальных недугов не избежал и Рим ³⁰⁹.

Такая неумеренная жажда территориального расширения была бы парадоксальной для греческих городов, потому что тем самым наносился бы сильный удар по доктрине исключительности «родины». Толпы, всегда готовые вручить власть в городе любому встречному, не отличаются ревнивым патриотизмом. Историки императорской эпохи, с гордостью описывающие античность и ее нравы, абсолютно правы. Они воспевают римского патриция, но не человека из народа, т. е. плебея, и речь идет о патрицианском равенстве, согласно которому есть только низшие, но нет господ. Когда они любовно описывают почтенного гражданина, который всю свою жизнь отдал служению Родине, который носит на теле шрамы, следы многих битв с врагами римского величия, который жертвовал не только своей жизнью, но и благополучием своей семьи, а иногда даже собственной рукой убивал своих детей за непослушание суровым законам государства; когда они изображают такого человека древних времен — одетого в одежду воина-победителя, консула, сборщика налогов, наследственного сенатора, не гнушающегося приготовить себе ужин, столь полезного для республики, скрупулезно подсчитывающего свои прибыли, презирающего искусства и литературу и тех, кто ими занимается, а также греков, которые от них без ума, мы знаем, что перед нами портрет идеального почтенного гражданина — всегда патриция, всегда сабинянина. Напротив, человек из народа — энергичный, хитрый, умный, смелый; чтобы сбросить своих господ, он старается лишить их монополии на закон, используя для этого не насилие, а коварство и воровство. Римский плебей — это человек, который больше любит деньги, чем славу, меньше свободу, чем ее возможности ³¹⁰; это инструмент великих завоеваний и распространения римского закона на чужие земли; одним словом, практическая политика будет позже пониматься как удовлетворение императорского режима. У историков никогда не было намерений восхвалять плебея, эгоистичного в своей любви к гуманности и посредственного в своих стремлениях.

308 Следует напомнить, что патрициат продолжал жить, но уже без благородной сабинянской расы, от которой оставались только следы. Их постепенно вытесняли плебейские семейства, особенно это было заметно при Тиберии.

309 Раньше только римские граждане могли вступать в легионы, а во время Второй Пунической войны принимали и вновь прибывших жителей.

310 Когда речь идет об италийском Риме, не надо забывать о прагматичности его населения. Законы о должниках, ростовщичестве, разделе добычи и покоренных стран — вот основа его мышления и его конституции и причина политических волнений.

До тех пор, пока италийская, или даже галльская, или греческая кровь служила удовлетворению потребностей плебеев, в большом количестве поступая в Рим и соседние города, республиканская и аристократическая конституция не утратила своих главных качеств. Плебей сабинянского или самнитского происхождения хотел повысить свою значимость без полного устранения патрициата, чьи этнические идеи об относительной ценности семьи и разумные доктрины о системе правления представлялись ему выгодными. Доза эллинской крови еще не успела стать преобладающей в нем.

После окончания пунических войн ситуация изменилась. Прежнее римское мышление начало значительно меняться. Вслед за африканскими войнами закончились войны в Азии. Республика завоевала Испанию. Великая Греция и Сицилия вошли в ее состав, и теперь благодаря корыстному плебейскому гостеприимству в город хлынули уже не кельтские, а семитские или семитизированные элементы³¹¹. Резко ускорился распад. Близкое знакомство Рима с восточными идеями, увеличивало не только число его составных элементов, но и все больше затрудняло их полное слияние. Отсюда неотвратимая тенденция к чистой анархии, деспотизму, волнениям и, в конечном счете, к варварству; отсюда растущая ненависть к тому, что было стабильного, последовательного и разумного в прежней системе правления.

По сравнению с Грецией у сабинянского Рима была своя отличительная черта, а теперь его характерные идеи и нравы постепенно стирались. Рим становился эллинским городом, как когда-то это случилось с Сирией и Египтом, хотя здесь были свои особенности. Прежде он не отличался особым интеллектуальным развитием, а теперь, когда его армии хозяйничали в провинциях, Рим вспомнил, что этруски представляют собой знаменитый народ в Италии, и принялся изучать их язык, копировать их искусства, использовать их ученых и жрецов, даже не подозревая о том, что во многих отношениях Этрурия следовала плохо усвоенному примеру Греции, а сами греки уже считали устаревшим то, чем этруски продолжали восхищаться. Постепенно Рим открыл глаза на реальную ситуацию и пересмотрел свое отношение к поработанным потомкам своих отцов-основателей. Он больше не хотел ничего слышать об их заслугах и стал свысока относиться ко всему, что строили, ваяли, писали и думали в этой части Средиземного моря. Даже во времена Августа в своих отношениях с Грецией Рим оставался разбогатевшим провинциалом-выскочкой, который хочет прослыть за знатока.

Муммий, победитель коринфян, отправлял в Рим картины и статуи с наказом заменять поврежденные в пути шедевры. Муммий был истинным римлянином, и предмет искусства имел для него только продажную стоимость. Воздадим же должное этому достойному и отважному выходцу из Амитернума. Он не был дилетантом, но обладал римскими добродетелями, и в греческих городах тайком смеялись над ним.

Латинский язык все еще сохранял большое сходство с оскскими диалектами. Он больше склонялся к греческому, причем это происходило так быстро, что изменения имели место почти с каждым поколением. Возможно, в истории нет другого примера столь стремительной подвижности в языке, и нет другого народа, так сильно изменившего свою кровь. Между языком «Двенадцати табличек» и тем, на котором говорил Цицерон, разница была так велика, что знаменитый оратор не смог бы понять его. Я не имею в виду сабинянские песни: здесь различия еще разительнее. После Энния латынь не содержит в себе ничего италийского.

Таким образом, отсутствие истинно национального языка, все большее тяготение к литературе, афинским и александрийским идеям, обилие эллинских школ и ученых, здания,

311 Амадей Тьери пишет: «Конечно, было бы несправедливо обвинять только патрицианскую партию во всех грехах. Этим отличались и народные массы, но поскольку обвинения в воровстве и требования в пользу выходцев из провинции почти всегда исходили из их среды, т. к. это обещало большие реформы, то они пользовались поддержкой провинций. Между ними установились связи наподобие тех, которые столетие назад обрекли на неудачу предприятие Гракхов. Можно вспомнить в этой связи, с каким героизмом Испания защищала последних вождей партии Мария. Сам Каталина встал под ее знамена. Демократическая партия в Риме, помимо того, что она в основном стремилась к уничтожению республиканской формы, что и было сделано, представляла собой то, что сегодня называют «чужеземной партией»».

построенные по азиатскому типу, сирийская мебель, глубокое презрение к местным обычаям — вот чем стал город, который, начиная с этрусского владычества, развивался под сабинянским влиянием, и время семитской демократии было не за горами. Толпы на римских улицах были глубоко пропитаны этим элементом. Завершалась эпоха свободных институтов и законности. Наступал век переворотов, кровопролитных событий, великой распущенности. Город напоминал Тир во время его упадка, только в данном случае распад происходил на большей территории: конфликт самых разных рас, которые не могли слиться в одну, но ни одна из которых не могла возобладать над остальными, и единственный выбор заключался между анархией и деспотизмом.

В подобные времена, в эпоху общественных бедствий, часто находится мудрец, который придумывает, как положить им конец. У греков таким был Платон. Он искал лекарство против афинских недугов и божественным языком изложил свои прекрасные мечтания. В других случаях такой мыслитель по рождению или по воле обстоятельств оказывается во главе общественных дел. Если он искренне скорбит при виде несчастий, чаще всего он не желает своими действиями еще больше увеличить их и отступает. Такие люди — это врачи, но не хирурги; они покрывают себя славой, ничего полезного не сделав. Но иногда в истории народов, переживающих упадок, появляется человек, который глубоко возмущен происходящим, который сквозь пелену обманчивого процветания пронизательным взором видит пропасть, куда общий упадок увлекает страну, и который, имея возможности действовать, обладая высоким происхождением и положением, талантом, активным темпераментом, не отступает перед препятствиями. Такой хирург, мясник, если угодно, такой августейший тиран, если это предпочтительно, такой тиран появился в Риме в момент, когда республика, опьянев от преступлений и истощив себя в триумфах, изъеденная язвой всех пороков, быстро скатывалась к пропасти. Я имею в виду Луция Корнелия Суллу.

Это был настоящий римский патриций, поднаторевший в политических добродетелях, лишенный добродетелей личных; он не испытывал страха ни за себя, ни за других и не проявлял слабости ни к себе, ни к другим. Он ничего не видел перед собой, кроме цели, которую надо достичь, препятствий, которые надо преодолеть, и воли, которую надо реализовать. При этом он не принимал в расчет, что ему придется разрушать существующий порядок вещей или человеческие жизни.

Беспощадность, присущая его расе, еще более усилилась вследствие того, что его планам противостояла народная партия в мрачном лице солдафона Мария.

Сулла не стал копаться в абстрактных теориях, чтобы разработать свою программу. Он просто хотел восстановить во всей целостности патрицианскую власть и с ее помощью укрепить республику, установив в ней порядок и дисциплину. Он скоро увидел, что самое трудное — не в том, чтобы нанести поражение бунтовщикам—плебейам, а в том, чтобы найти аристократов, достойных великой цели. Ему были нужны Фабии и Горации, но их не было или они не хотели покидать свои роскошные дома; тогда, верный привычке ни перед чем не останавливаться, он решил создать их сам.

Тогда он стал более опасен для друзей, чем для врагов: так безжалостно он тесал и обтесывал дерево новой римской знати. Он рубил головы сотнями, разорял и ссылал массы людей, причем в большей степени это касалось не плебеев, явных врагов, а знати, беспомощность и никчемность которой представляли собой препятствие. Обрубая бесполезные ветки, он оставлял молодые побеги, надеясь пробудить в них новую жизненную силу. Таким путем он рассчитывал сформировать когорту сильных и непоколебимых вождей. Однако с течением времени он и сам перестал верить в свой успех. В конце своей долгой жизни, после стольких усилий и жестокостей, Сулла устал и отчаялся, стал мрачным и отложил в сторону диктаторский топор. Он удалился на покой среди тех самых патрициев и плебса, которых приводил в трепет сам его вид. По крайней мере, он показал, что не был вульгарным выскочкой, что, убедившись в бесперспективности своих начинаний, он не стал цепляться за ненужную уже власть. Я не хочу петь Сулле дифирамбы, а осуждать его за прегрешения предоставляю тем, кого не трогает фигура этого титана, потерпевшего

поражение. Впрочем, победить он и не мог. Народ, который он хотел привести к нравам и порядку прежних времен, ничем не напоминал прежних граждан республики. Чтобы понять это, достаточно сравнить этнические элементы в эпоху Цинцинната и великого диктатора Суллы.

Эпоха Цинцинната

Аристократия: большей частью сабиняне; этруски; италиоты. Это — большинство, состоявшее из метисов белой и желтой рас.

Плебс: сабиняне; самниты; сабеллины; сикулы; эллины в небольшом количестве. Это — еще слабый семитский элемент.

Эпоха Суллы

Аристократия: италийцы, смешанные с эллинами ³¹². Это — семитизированное большинство.

Плебс: италийцы; греки из великой Греции и Сицилии; эллинское население из Азии. Это — арийское меньшинство. Азиатские семиты; африканские семиты; семиты из Испании. Это — высшее проявление желтого принципа.

Так что невозможно поставить на одну доску два народа, которые, называясь одним именем, так мало походили друг на друга. Тем не менее, плоды деятельности Суллы заслуживают большего уважения, нежели личность их автора. Неудивительно, что диктатор впал в отчаяние, сравнив результаты с планами. Ему удалось при помощи тотального террора придать стране какую-то силу и энергию, и благодаря этому республика просуществовала несколько дольше, чем, если бы Суллы не было. После смерти реформатора над сенатом еще некоторое время витала тень Корнелия, чье влияние прекратилось, когда Цицерон, ставший консулом, так косноязычно защищал общественное благо от фракций. Итак, Сулле удалось преградить Риму дорогу к бесконечным преобразованиям. Возможно, без него эпоха после смерти Цезаря была бы только чередой междоусобиц и грабежей. В этом заключается его роль. Нет сомнения в том, что самый беспощадный гений не в состоянии надолго остановить действие естественных законов, точно так же, как людям не дано помешать Гангу кроить и перекраивать островки в его просторном русле.

Теперь пора обратиться к Риму, населенному новым народом. Посмотрим, чем он стал, когда смешанная кровь придала ему новый характер и новое направление.

ГЛАВА VII. Семитский Рим

Начиная с покорения Сицилии до христианских времен, Италия не переставала принимать мощные потоки семитского элемента; весь юг оказался эллинизирован, а движение азиатских рас на север прекратилось только во время германского вторжения ³¹³. Но линия, на которой остановилось нашествие с юга, оказалась севернее Рима. Этот город непрестанно утрачивал свой прежний характер. Конечно, деградация происходила постепенно, но неотвратимо. Семитский дух подавлял своего соперника, не оставляя ему никаких шансов. Римский гений стал чужим для италийских инстинктов, получив поддержку в лице азиатского элемента.

В числе значительных проявлений этого заимствованного извне духа можно назвать рождение литературы, отмеченной особой печатью, которая легла италийскому инстинкту

312 Когда, во время Нерона, в сенате подняли вопрос о том, чтобы ограничить права вольноотпущенников, это встретило противодействие со стороны патрициев. Уже при Цицероне ввели обычай отпускать раба на волю после шести лет безупречной службы при хорошем поведении. Начиная с этого времени, богатые римляне считали своим долгом перед смертью давать свободу всей челяди. Эти факты говорят о том, что упадок рабства в любой стране происходит одновременно со смешением рас и непосредственно связан с брачными союзами между господами и слугами.

313 Последними эллинскими волнами, докатившимися до Неаполитанского королевства, Сицилии и Нижней Италии, были византийцы и арабы. В 1461, 1552 и 1744 гг. в Сицилию и Калабрию приходили албанцы

самим фактом своего существования.

Ни этруски, как я уже отмечал, ни какое другое племя полуострова, ни, тем более, галлы не имели настоящей литературы, потому что нельзя назвать этим словом ритуалы, прорицания, небольшое количество эпических песен, хранивших исторические воспоминания, собрания фактов, сатиры, тривиальные фарсы. Эти прагматичные народы, способные понять ценность поэзии с политической и социальной точек зрения, не имели к ней врожденной склонности, и пока они не претерпели больших изменений в результате семитских примесей, им не доставало необходимых для этого качеств. Таким образом, только когда в жилах латинян возобладала эллинистическая кровь, самые низшие плебеи или буржуа, особенно подверженные семитизированным притокам, породили великих гениев, которые составили славу Рима. Конечно, Муций Сцевола вряд ли стал бы уважать раба Плавта, мантуанца Вергилия и Горация из Венеции, который бросил свой щит во время битвы и рассказывал анекдоты, чтобы посмеяться Помпею Вару. Это были большие мыслители, но они не были римлянами.

Как бы то ни было, литература родилась, а вместе с ней добрая часть национальной славы. В самом деле, нельзя не признать, что семитизированная масса, из которой вышли латинские поэты и историки, была обязана своим талантам только примесям в своей крови, и именно ученые высказывания метисов–вольноотпущенников заставляют нас восхищаться трудами предков, которые, загляни они в свою генеалогию, поспешили бы отречься от столь уважаемых потомков³¹⁴.

Вместе с книгами появился вкус к роскоши и изящному, который свидетельствовал об изменениях внутри расы. Катон презирал их, но не отвергал. Не в обиду будь сказано для этого мудреца, так называемые римские добродетели, которыми он хвастался, были в большей мере присущи древним патрициям, хотя те были более скромными. В их время не было нужды выставлять добродетели напоказ: все были мудры по–своему. Напротив, приняв кровь достойных матерей и греческих или сирийских выскочек, торговец, ставший благородным и богатым, ничего не смыслил в достоинствах древней суровости. Он хотел наслаждаться в Италии тем, что создали у себя его южные предки. Он окружил себя роскошью. Как и сатрапам Дария, ему нужны были серебряные и золотые вазы для тонких вин, предназначенных для его утробы, и хрустальные блюда для фаршированных кабанов и редких экзотических птиц, служивших его изысканному гурманству. Он уже не довольствовался зданиями, которые предки находили вполне комфортабельными для своих богов, ему требовались огромные дворцы с мраморными, гранитными, порфировыми колоннами, статуями, обелисками, садами, тенистыми двориками, бассейнами. Среди всей этой роскоши Лукулл жил в окружении толпы бесправных рабов, вольноотпущенников и паразитов, чья корыстная сервильность не имела ничего общего с преданностью и зависимостью слуг другой эпохи.

Но посреди этого роскошного хаоса существовало одно самое темное пятно, которое даже на взгляд современников невероятно уродовало все остальное: слава и власть, богатство и стремление пользоваться им безгранично большей частью относились к людям, до сих пор безвестным. Никто не знал, откуда они взялись, и в глазах общественного мнения Тримальсион Петрония предстал либо человеком почтенным, либо низким, в зависимости от того, кто выражал это мнение. Кроме того, все это блестящее общество было скопищем невежд и подражателей. В сущности, оно ничего не создавало и черпало знания в эллинских провинциях. Люди одевались на греческий или фригийский манер, носили прически в виде персидской митры и к великому неудовольствию хвалителей прошлых веков даже носили азиатские кальсоны под легкой тогой. Все было заимствовано из эллинизма. Не появилось

314 Что касается богатства латинской истории и разницы между ней и историей греков, можно отметить, что эллинская метода представляет собой переход от индусских и персидских эпосов, лишенных всякой хронологии и материальной точности, к итальянским произведениям, которые обладает только двумя последними качествами.

даже новых богов: в Римских храмах прижились Исида, Серапис, Астарта, позже Митра и Элегал. Со всех сторон Рим пропитывался духом пришлого азиатского населения, которое принесло в страну свои обычаи, идеи, предрассудки, мнения, стремления, суеверия, мебель, посуду, одежды, прически, драгоценности, пищу, напитки, книги, картины, статуи.

Италийские расы слились с этой массой, занесенной на полуостров, и им было суждено либо раствориться в ней, либо оказаться в положении благородных сабинян, которые опустили на самое дно и умирали с голода на улицах города, прославленного их предками. Возможно, и потомки Гракхов разделили их судьбу и зарабатывали хлеб насущный в качестве наездников в цирке. Император издал закон, согласно которому матроны из древних семейств не имели права заниматься проституцией. К тому времени сельское хозяйство пришло в упадок, земля не давала хлеба. Она превратилась в сад с домами–усадебками и дворцами для увеселений. Приближался день, когда италийцам было запрещено иметь оружие³¹⁵. Однако не будем торопить события.

Когда, наконец, азиаты, представлявшие большинство населения великого города, пришли к необходимости единоличной власти. Цезарь отправился покорять Галлию. И успех его кампании имел этнические последствия, противоположные результатам других войн Рима. Вместо того чтобы привести галлов в Италию, завоеватели отправили азиатов по другую сторону Альп, и хотя некоторые семейства кельтской расы внесли свой вклад в беспорядочный и массовый процесс смешения, происходивший в метрополии, этот миграционный ручеек не шел ни в какое сравнение с семитской колонизацией трансальпийских провинций.

Галлия, будущая добыча Цезаря, была значительно меньше нынешней Франции, а юго–восток или «Провинция», как называли эту территорию римляне, долгое время находился под игом республики и не являлся частью Галлии.

После победы Мария над кимбрами и их союзниками Провинция и Лангедок превратились в форпосты Италии против агрессии с севера. Сенат предпринял этот шаг в первую очередь потому, что массалиоты вместе с их колониями — Тулоном, Антибом, Ниццей — подтвердили такую необходимость. Тем самым они надеялись на передышку, нужную для их торговли.

Не приходится сомневаться и в том, что население, изначально фосенийское, но сильно семитизированное, жившее в устье Роны и в его окрестностях, в конечном счете, изменило галлов и лигурийцев, своих непосредственных соседей. В результате жители этих земель оказались наименее активными представителями своей расы. Римские государственные деятели надежно присоединили эти территории к республике, основав там колонии, поселив в них ветеранов–легионеров, т. е. постарались сформировать новое общество, максимально похожее на римское. Впрочем, это был для них лучший способ увековечить свое господство.

Но из каких же элементов создавались жители Провинции или, как они сами себя называли, «настоящие римляне»? За два столетия до этого их можно было создать из италийской смеси. Но теперь этот элемент почти полностью растворился в семитизированных переселенцах, которые и составили новое население. С ними перемешались бывшие солдаты, рекрутированные в Азии или Греции. Они пришли вместе с семьями, согнали местных жителей с обжитых земель, отобрали у них жилища и стали создавать будущую ветвь честных граждан. Галльским городам они придали максимально возможный римский облик, запретили особенно жестокие друидские ритуалы, заставили местное население верить в то, что их боги были не чем иным, как богами римскими или греческими, хотя и носили варварские имена, и стали женить кельтских юношей на дочерях поселенцев и солдат; таким образом, через некоторое время появилось поколение, которое

315 Во время войны с Флавием Антоний презрительно относился к преторианцам, т. е. телохранителям, которых набрал Вителлий: он имел в виду, что они родились в Италии, поэтому были «крестьянами» в отличие от легионеров своей армии, германцев или галлов. Дело в том, что италиоты служили в императорской резиденции и редко пользовались оружием. А еще позже императоры и их заменили настоящими солдатами, набранными в северных землях.

стыдилось носить имена предков и находило латинские имена более благозвучными.

Кроме семитизированных групп, переселенных в Галлию по прямому указанию правительства, там были и случайные группы, которые также вносили свою лепту в кровь галлов. Военные и гражданские переселенцы принесли с собой немудреные нравы и во многом способствовали обновлению расы. С ними пришли торговцы и другие предприимчивые люди, они в основном торговали рабами, и это обстоятельство ускорило моральное разложение галлов, что мы наблюдаем сегодня на примере американских аборигенов, столкнувшихся с чуждой им цивилизацией.

Теперь господство перешло к римлянам или римским метисам. Кельты либо ушли на поиски близких сородичей в центральную часть Галлии, либо оказались в самом низу социальной лестницы — юридически они были свободными, но на деле вели жизнь рабов. В течение нескольких лет Провинция преобразилась и семитизировалась в такой же степени, в какой офранцузился за 20 лет город Алжир.

Сегодняшний галл — это уже не древний галл, а всего лишь житель страны, которой когда-то владели галлы: точно так же под нынешним англичанином мы уже не подразумеваем прямого потомка саксонов, рыжебородых покорителей бретонских племен; это — человек, продукт смешения бретонцев, фризов, англичан, датчан, норманнов, т. е. в большей степени метис, чем англичанин. Галл, живший в Провинции, представлял собой семитизированного метиса, состоявшего из самых разных элементов, он не был ни италийцем, ни греком, ни азиатом, ни галлом — он был и тем, и другим, и третьим, и четвертым понемногу, он отличался многоликим характером, собранным из разных выродившихся рас. Может быть, житель Провинции был самым худшим образчиком из всех метисов Римской империи и во многом уступал населению испанского побережья. Те, по крайней мере, были более однородными, иберийская основа соединилась с мощным притоком семитской крови, в котором присутствовал сильный меланийский элемент. В глуши провинций, которые стали кельтскими в результате предыдущих нашествий, эллинизированная цивилизация воспринималась слабо, зато на побережье этот процесс шел быстрее. Римские колонии, населенные выходцами из Азии и Греции, а возможно и из Африки, быстро адаптировались в новой ситуации, и испанская группа, сохранив свою самобытность благодаря иберийско-кельтской смеси, поднялась на высокую ступень в романо-семитской цивилизации. В определенный период она даже опережала Италию в области литературы, потому что этому способствовало соседство с Африкой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что южная Испания превосходила Провинцию и сохраняла это превосходство до тех пор, пока семитизированная цивилизация доминировала в западном мире.

Но по мере семитизации римской Галлии кельтская кровь, вместо того, чтобы компенсировать урон, нанесенный италийскому полуострову азиатским «женским» принципом, была принуждена отступить, и это отступление не прекращалось. Кстати, в эту эпоху уже не было независимых кельтских народов за Рейном. Следовательно, кимрийская раса, будучи более или менее свободной, занимала только часть Галлии севернее Провинции, Гельвецию и Британские острова. Эти районы были густо населены, но не могли сравниться в этом отношении с Империей.

В 58 г. до н. э. в Риме было не менее двух миллионов жителей, в Александрии 600 тысяч. В 58 г. до н. э. Иерусалим потерял 1 миллион 100 тысяч человек, а 97 тысяч были взяты римлянами в плен. При Антонии население Империи составляло 100 миллионов, а, по мнению Гиббона во всей Европе насчитывалось 107 миллионов.

Поэтому можно представить себе, какое сопротивление могли оказать галльские племена превосходящим силам Рима.

Цезарь использовал в качестве плацдарма почти полностью романизованную Провинцию и предпринял увенчавшееся успехом завоевание верхней Галлии³¹⁶. Тем

316 В эпоху императоров придумали термин, означавший разнородную совокупность римского мира — «romanitas», — в отличие от «barbaria», охватывавшего все народы, жившие за пределами этого мира, включая

временем кельты продолжали находиться под пятой южной цивилизации. Все многочисленные колонии превратились в настоящие крепости с гарнизонами, которые усиленно распространяли азиатскую кровь и культуру. В таких галльских поселениях, где все, начиная с официального языка до одежды и утвари, было римским, где аборигенов считали варварами, на улицах, застроенных домами в греческом и латинском стиле, повсюду встречались легионеры, родившиеся в Сирии или Египте, всадники из Фессалии, легкая пехота из Нумидии и балеарские пращники. Все эти чужеземные солдаты различных оттенков кожи, вплоть до черного, постоянно двигались от Рейна к Пиренеям и изменяли расовый состав населения.

Говоря о бессилии кельтской крови и ее пассивности в римском мире, нельзя не признать влияние кимрийской цивилизации на инстинкты метисов. Прагматизм галлов, пусть и не столь выраженный, способствовал развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности. В этих областях человеческой деятельности Галлия постоянно добивалась все новых успехов. Галльские ткани, металлы, колесницы пользовались большим спросом. Употребляя свой интеллект на материальные дела, кельты сохранили и даже усовершенствовали свои прежние качества. Кроме того, они были храбрыми солдатами, которые служили в гарнизонах в Греции, Иудее, на берегах Евфрата, где смешивались с местным населением. Но приток галльской крови в бесчисленные массы, жившие там, не мог изменить этнический хаос и компенсировать воздействие меланийских элементов.

Не следует забывать, что я веду здесь речь о Галлии только для того, чтобы показать, что галльская кровь не могла помешать семитизации Рима и Италии: общий римский поток продолжал свое движение. Чистых италийских рас уже не существовало в Италии в эпоху Помпея, и страна превратилась в потребительницу. Однако еще некоторое время когда-то покоренные массы не осмеливались претендовать на мировое господство в лице своих представителей. Еще сохранял свое влияние первый цивилизаторский импульс. Как правило, государственное устройство зависит от этнического состава населения. Италия стала называться римской страной только после полного завоевания Рима италийцами. Это произошло после того, как беспорядок в великом городе и на всем полуострове окончательно свел на нет роль звания римского гражданина.

Тем не менее, прежде чем ситуация дошла до такого состояния, закрепленного законом, этнический беспорядок и исчезновение италийских рас нашли свое выражение в важном политическом акте — я имею в виду принцип выбора императоров. Что касается общества, находящегося на той же стадии, что ассирийская империя, персидское царство и македонский деспотизм, которое стремится только к покою и, по возможности, к стабильности, удивительным кажется то, что с первого дня империя не приняла систему монархической наследственности. Конечно, это нельзя объяснить слишком сильной любовью к свободе. Причины следует искать в другом.

Ниневийские и вавилонские царства имели династии, потому что находились под властью чужеземных завоевателей, которые навязали покоренным народам определенную форму правления, т. е. конститутивный закон зиждился не на согласии, а на силе. Это тем более верно, что династии сменяли друг друга только по праву победителя. В персидской монархии было точно так же. Македонское общество, плод союза различных народов Греции, с самого начала погрузившееся в анархию азиатских идей, функционировало таким же образом. Оно не могло создать ничего унитарного или стабильного, и для того, чтобы выжить, ему приходилось распылять свои жизненные силы. Тем не менее, его влияние на азиатов оставалось достаточно сильным, чтобы быть основой нескольких царств в Бактрии, у лагидов и селевкидов. В нем были династии, пусть и не столь организованные и упорядоченные в смысле принципа наследования, но, по крайней мере, устойчивые в наследовании трона и пользовавшиеся уважением местного населения. Это показывает, насколько признавалось этническое превосходство победителей и их права. Поэтому нет

парфян и германцев.

сомнений в том, что македонско–арийский элемент сумел сохранить свое влияние в Азии и, несмотря на поражение по многим позициям продолжал давать важные практические результаты³¹⁷.

Римляне оказались в совершенно иной ситуации. Поскольку на земле никогда до тех пор не было римской или романской расы, в городе, объединявшем целый мир, никогда не было преобладающей расы. Этруски, смешанные с желтыми, сабиняне, у которых кимрийский принцип уступал арийской сущности эллинов, и, наконец, семитская масса по очереди одерживали верх в городском населении. Западные народы объединял латинский язык, но чем был этот язык, который распространился на Африку, Испанию, Галлию, север Европы? Он не был ветвью греческого, распространенного в Передней Азии до самой Бактрии и даже Пенджаба; он был лишь тенью языка Тацита или Плиния, гибким наречием, известным как «*lingua rustica*», смешанным с оскским в одном месте, близким к остаткам умбрийского в другом, еще дальше он заимствовал у кельтского многие слова и формы, а в устах людей, претендующих на изысканность речи, он сближался с греческим. Такой язык как нельзя лучше подходил обломкам народов, вынужденных жить вместе и общаться. Именно по этой причине латынь стала универсальным языком Запада, так что трудно решить, вытеснила ли она языки аборигенов, а если это так, то насколько она потеряла или выиграла от этого. Вопрос этот настолько неясен, что в Италии бытовало мнение, между прочим справедливое во многих отношениях, что современный язык всегда существовал параллельно языку Цицерона и Вергилия.

Таким образом, эта нация, это скопление народов, объединенных общим названием, но не расой, не имела и не могла иметь наследственной монархии, и скорее только благодаря случайности, чем в результате действия этнических принципов, семейство Юлиев и их родственников учредило подобие абсолютной династической власти. Случайностью в последние годы республики было то, что некий знатный человек италийского, азиатского или африканского происхождения получал особые права³¹⁸. Поэтому ни завоеватель Галлии, ни Август, ни Тиберий, никто другой никогда не думали о роли наследного монарха. На всем пространстве империи, не считая Рима, не было места, где пользовалась бы уважением сабинянская раса. И, наоборот, в Азии еще признавали потомков македонцев и признавали за ними права на власть.

Принципат не имел прошлых заслуг и мог похвастаться только нынешним богатством, его поддерживал такой же безродный консулат, непомерные амбиции были у трибунов, жреческие, судебные, цензорские и прочие функции находились в руках массы людей, такой же разношерстной, как и все население. Когда же к полезному захотели добавить возвышенное, властителя превращали в божество, однако было невозможно посадить на трон его наследников. Когда речь шла о том, чтобы увенчать его невиданными почестями, склониться ниц у его ног, отдать в его руки все, что создали политические науки, религиозная иерархия, административная мудрость, военная дисциплина, все были согласны, но эти почести и эта власть предназначались одному человеку, а не его семье или расе. В какой-то момент при первых Антониях создалось впечатление, что формируется династия, освященная своими благодеяниями. Однако объявился Каракалла, и вновь у народа возникли сомнения. Императорство осталось выборным. Это была единственно возможная форма правления, потому что такое общество без устойчивых принципов и потребностей, а главное без кровной однородности, могло существовать только при условии, что будет открыта дверь для перемен, а не застоя³¹⁹.

317 Эллинизм обладал такой выраженной самобытностью, что заразил селевкидов своим пылом преследования евреев.

318 Италийское благородное население начало исчезать из Рима во время Второй Пунической войны. Огромные людские потери компенсировались за счет чужеземцев и плебейских семейств. В эпоху первых Цезарей старые сабинянские дома изрядно поределли.

319 Много говорится о том, что на совесть народов повлияли войны, которые приводят к росту невежества и

Ничто лучше не указывает на этническое разнообразие Римской империи, чем перечень императоров. Вначале, в силу случайности, которая обычно ставит гения ниже любого демократа-патриция, первые властители выходили из сабинянской расы. Светоний хорошо описывает, как существовала власть без реальной формы наследования. Юлии, Клавдии, Нероны были калифами на час, они быстро сходили со сцены, их место заняло италийское семейство Флавиев, но и оно быстро исчезло.

Кто пришел ему на смену? Испанцы. За ними пришли африканцы, героем которых был Септимий Север, их сменили сирийцы, скоро свергнутые новыми африканцами, а их, в свою очередь, вытеснил араб, свергнутый паннониейцем. Не будем продолжать список, только прибавим, что после паннонийца очень многие побывали на римском троне, за исключением выходцев из городской семьи.

Стоит также вспомнить, каким образом римский мир творил свои законы ³²⁰. Разве он обращался к древнему инстинкту — я не говорю «римскому», поскольку никогда не было ничего римского, — но, по крайней мере, этрусскому или италийскому? Нисколько. Ему требовалось компромиссное законодательство, и он искал его там, где, не считая вечного города, жило в высшей степени смешанное население: на сирийском побережье. Что касается религии, в империи долго бытовал широкий разброс взглядов ³²¹. До того, как появился римский пантеон, республиканский Рим искал для себя богов во всех уголках земли. Кстати, Амадей де Тьери высоко отзывается об Адриане за то, что тот совершал путешествия по империи, изучая все религии и вникая в их суть. Пришел день, когда в силу эклектизма придумали не совсем понятное слово «Провидение», которое часто употребляют нации, мыслящие по-другому, но избегающие раздоров.

И Провидение сделалось официальным божеством империи ³²².

Таким образом, народы были избавлены от необходимости заботиться о своих интересах, верованиях, понятиях о законе. Создается впечатление, что у них не было недостатка в негативных принципах. Им дали религию, не связанную ни с одним из них, дали чуждые им законы, их правители подбирались случайно и правили короткий срок.

В последнюю эпоху существования республики поклонение перед греческим языком и литературой, перед славным прошлым Греции дошло до крайности. Во время Суллы все стали считать латынь грубым наречием. В домах знатных людей говорили на греческом.

После создания империи эллинизм еще более усилился с приходом Нерона. Древним героям города предпочитали Александра Македонского и прочих военачальников Эллады. Правда, позже произошел Поворот к старым патрицианским традициям и патриархальному образу жизни, но, скорее всею, это было лишь данью моде. А публика в основном тяготела к греческому или семитскому. Септимий Север, угождая таким вкусам, воздвиг памятники в честь Ганнибала, а его сын Антоний Каракалла поставил множество триумфальных статуй

мешают сформировать идею, соответствующую их нуждам. Но в период между битвой при Актиуме и смертью Коммода в империи единственным военным столкновением была битва Флавиев с Вителлием. Возрос материальный уровень жизни, но власть оставалась неустойчивой, а нравы падали.

320 Цезарь хотел создать кодекс, основанный на унитарном принципе. Но он не успел. Видимо, еще не настало время для этого.

321 Республиканцы сабинянского Рима были немало удивлены тем, что Ганнибал двинул против них теологию. Карфагенянин предстал в виде апостола Милитты и от имени этой ханаанской богини начал разрушать италийские храмы и расплавлять металлических идолов.

322 До того как появилось понятие «Провидение», семитизированные греки испытывали ту же потребность, что римляне, и по тем же причинам, а именно: объединить все признанные культы в сфере политики; но вместо того, чтобы принять их, они начали с ними ссориться. Риторы свели все мифы к рациональному объяснению. Эвхемер обобщил их, оставив только обычные неправильно понятые или искаженные факты, а все религии обосновал элементарными природными явлениями. Кадм у него стал поваром царя Сидона, сбежавшим в Беотию с Гармонией, которая играла на флейте для того же монарха.

победителя при Каннах. Я уже говорил о том, что если бы Корнелий Сципион потерпел поражение при Заме, это не изменило бы естественного хода истории, а карфагеняне не стали бы господствовать над италийскими расами. Точно так же триумф римлян не помешал этим самым расам раствориться в семитской массе, и несчастный Карфаген, одна из волн этого океана, дождался своего часа во всеобщей победе над старым Римом.

Возможно, в тот день, когда обветшалые образы Фабиев и Сципионов с изумлением увидели рядом с собой одноглазое нумидийское божество, изваянное в мраморе, в империи не осталось ни одного человека, оскорбленного в своих чувствах: каждый гражданин мог свободно славословить своих национальных героев. Гетулы и Мавры восхваляли Добродетели Масиниссы, испанец — пепел Сагонты и Нуманса, галл выше небес превозносил доблесть Версинжеторикса. Теперь никто не боялся, что слава города подвергнется оскорблению со стороны людей, называвших себя гражданами, и самое интересное в том, что эти граждане, римляне, метисы и незаконнорожденные в глазах старых рас уже не имели права присваивать заслуги героев-варваров или тревожить великие тени патрициев Лациума.

Оставался открытым вопрос о главенствующем положении Вечного города. По этому вопросу, как и по всем остальным, покоренное население, находящееся под крыльями имперского орла, не имело никаких возражений.

Этруски, строители Рима, не питали иллюзий в отношении высокого предназначения своей колонии. Они выбрали это место не для того, чтобы сделать его центром вселенной. Начиная с царствования Тиберия стало ясно, что поскольку императорская власть взяла на себя обязанность соблюдать интересы собранных в империи народов, резиденцию следовало разместить там, где было больше активности. Таким центром не могла быть Галлия, не имеющая влияния, ни Италия с ее редким населением — это была Азия, где хиреющая, но еще дышавшая цивилизация и средоточие огромного населения требовали постоянного контроля.

Тиберий не хотел сразу порвать с древними традициями и решил вначале обосноваться на окраине полуострова. К тому времени уже более ста лет судьба великих гражданских войн вершилась на Востоке или, по крайней мере, в Греции.

Нерон, более решительный, чем Тиберий, очень долго прожил в этой стране классики, столь милой сердцу такого поклонника искусств. После него тяготение властителей к Востоку стало сильнее. Траян и Септимий Север провели жизнь в постоянных переездах, другие, например Гелиогабал, редко посещали Вечный город. Одно время столицей мира была Антиохия. Когда ситуация на севере приобрела особое значение, резиденцией императоров стал Трир. Затем этот титул перешел к Неаполю. А что же Рим? Рим сохранял сенат и играл жалкую и пассивную роль в имперских делах. Иногда к сенату обращались с просьбой официально признать императора, избранного по воле легионов. Законы запрещали членам курии носить оружие и освобождали италийцев от воинской службы, поэтому прилежные сенаторы, у которых не было ничего общего с законодателями прошлых эпох, не пользовались никаким авторитетом в армии. Пожалуй, никто, кроме них самих, не считал сенат важным органом. Когда, по воле злой судьбы, какой-нибудь властитель использовал сенат в своих интригах, сенаторы всегда оставались в дураках. Эти несчастные деятели, престарелые выскочки, любили красоваться на своих скучных заседаниях и блистать красноречием даже в самые критические для империи периоды. Кроме того, у сенаторов была еще одна слабость — литературные занятия. В Риме вообще не было недостатка в людях амбициозных, но он так и не стал очагом латинской литературы.

Из гениев, любимцев Муз, поэтов, прозаиков, историков или философов, начиная со старика Энния и Плавта, немногие родились в стенах города или вышли из городских семейств. Это была печать проклятия на городе, бывшем военном лагере, который — надо признать это — всегда принимал всех, кто мог способствовать его расцвету. Энний, Ливии, Андроник, Пакувий, Плавт и Теренций не были римлянами.

Ими не были Вергилий, Гораций, Тит Ливии, Овидий, Витрувий, Корнелий Непот, Катулл, Валерий Флакк, Плиний. Еще в меньшей степени можно назвать римской славную

испанскую плеяду, пришедшую в Рим вместе или после Портия Латро, семейство Сенек — отца и трех сыновей, Силия Италика, Квинтилиана, Марциала. Флора, Лукиана и многих других.

Городским пуристам было чему поучить самых талантливых писателей. Многие из последних отличались местным, т. е. провинциальным, колоритом. В большей мере это относится к испанцам. Последних упрекали в том, что я называю семитским характером: в цветистости, в пристрастии ко всему грандиозному и велеречивости. Впрочем, все это присуще гению меланизированных народов, и мы говорим о расцвете поэзии и литературы на иберийском полуострове только там, где была сильна черная кровь, — на южном побережье, а также в Африке.

Там, вокруг римского Карфагена, воображение являлось обычной потребностью. В языческий период славу Африке принесли такие фигуры, как Септимий Север, Сальвий Юлиан, нумидиец Корнелий Фронтон, предшественник Марка Аврелия, и, наконец, Апулей, между тем как милигантская Церковь обязана этой земле рождением таких достопочтенных апологетов, как Тергулиан, Минуций Феликс, Киприан и Августин. К вышесказанному остается добавить, что когда германцы массами хлынули на западный мир, римская культура нашла последнее прибежище там, где был силен семитский элемент. Это была Африка, это был Карфаген под властью царей-вандалов.

Таким образом, Рим никогда, ни при империи, ни даже при республике, не был святилищем латинских муз. Он чувствовал это и в своих стенах даже не отдавал предпочтения своему родному языку. Для просвещения населения город содержал как латинских, так и греческих грамматиков. Кроме того, в Рим приглашали эллинских писателей: примерами служат Плутарх из Херонеи, Арриан из Никомедии, Герод Аттик из Марфона, Павсаний из Лидии, которые прославились у цодножия Капитолия.

Чем дальше мы продвигаемся, тем больше находим доказательств того, что у Рима не было ничего своего: ни религии, ни законов, ни языка, ни литературы. Канула в небытие патрицианская античная свобода, которая, наряду с недостатками, имела и хорошие стороны. Потеряли свою самобытность национальности. Они заражали друг друга вирусом хаоса, и каждая стремилась к тому, чтобы помешать другим выбраться из пучины всеобщего упадка.

С забвением рас, с угасанием славных семейств, которые когда-то служили примером остальной массе населения, с ростом синкретизма в теологии появились не просто явные личные пороки, которые существуют во все времена, а наступило всеобщее падение морали, ослабление всех принципов, искажение всех понятий об общественном благе, скептицизм, то насмешливый, то мрачный, направленный на все, что не представляет повседневного интереса, наконец, страх и отвращение перед будущим — вот главные бичи общества. Что касается политической жизни, для римской толпы не было ничего более отвратительного. Никого не интересовало, кто сидит на троне. Сегодня это был араб, завтра — бывший паннонийский пастух.

Римский гражданин Галлии или Африки утешался мыслью, что политика «не касается его, что любой правитель — самый лучший, что лучшей политической системой является та, при которой он сам или, в крайнем случае, его сын может также стать императором». Таким было всеобщее мышление в III в. и в течение 16-ти столетий, и все мыслящие люди — язычники и христиане — не могли с ним примириться. Политики и поэты, историки и моралисты клеймили бесчестную толпу.

Но чем собственно они были недовольны? Хаосом в вопросах религии? Но из него проистекала всеобщая терпимость. Ослаблением официального контроля за религией? Но в этом выражался атеизм, разрешенный законом. С этой точки зрения упадок и исчезновение знатных семейств и, следовательно, национальных традиций, которые они хранили, с радостью воспринимали средние классы. Государство без знати — это мечта многих эпох. Ничего страшного в том, что нация теряет устои, свою нравственную историю, свою историческую память — главное, чтобы польстить тщеславию среднего человека. А что значит нация сама по себе? Может быть, лучше, если исчезнут все границы между

различными группами людей? В этом отношении империя была идеальным устройством.

Переходим к другим «достоинствам». Прежде всего, речь пойдет о постоянной и унитарной системе власти. Если такое мнение справедливо, тогда это действительно достоинство. Однако у меня есть сомнения на сей счет. Я понимаю, что в принципе все шло к императорской власти, что самые мелкие гражданские и военные чиновники мечтали о приказах с престола, и на всей территории государства слово императора было решающим. Но что несло это слово? Только одно: деньги, и когда деньги поступали, власть больше ничем не интересовалась, тем более провинциальными городами и поселениями, которые были организованы по старому муниципальному принципу и управлялись курией, пропитанной коррупцией.

Авторы—демократы высоко отзываются о звании римского гражданина, которое на весь мир прославил Антоний Каракалла. Яне разделяю такого энтузиазма. При всем том, что все жители имели право называться гражданами, что империей управлял один человек, а города пользовались автономией, чеканили свою монету, возводили по своему усмотрению статуи, я не вижу от этого пользы для кого бы то ни было.

Недостаточно сосредоточить все высшие властные функции в одних руках, чтобы обеспечить унитарность власти: нужно, чтобы деятельность власти распространялась регулярным образом на самые дальние уголки политического организма. Когда каждая область управляется так, как ей заблагорассудится, и подчиняется далекому центру только в финансовом и военном отношении, не может быть и речи о настоящем единстве. В крайнем случае, это можно назвать определенной концентрацией политических сил.

Есть еще одно необходимое условие для единства власти: высшая администрация должна находиться в одном месте, откуда она осуществляет управление всеми городами и провинциями. Только в этом случае государственные институты — плохи они или хороши — работают как четко отлаженная машина. Распоряжения циркулируют бесперебойно, и время, этот великий и необходимый двигатель всех процессов на свете, работает на благо государственного организма.

Именно этого условия и не доставало империи. Императоры переносили свою резиденцию то на самую южную оконечность Италии, то в Азию, то на север Галлии, а некоторые путешествовали в продолжение всего царствования. Много времени уходило на поиски властителя для решения того или иного вопроса, и случалось, что гонец, прибывая из Парижа в Антиохию за приказом, узнавал, что император отправился в Александрию. А если, например, император умирал в Азии, его наследник объявлялся в Иллирии, Африке или на Британских островах. Каждая провинция имела свой маленький двор, который обладал верховной и абсолютной властью на своей территории, толковал законы и иногда даже конфисковывал собранные налоги, не заботясь о государственной казне. Я согласен с тем, что порой на голову наглеца обрушивалась молния смертного бога, но это, как правило, случалось после долгого терпения, что порождало массу злоупотреблений. Нередко провинившийся, отводя удар, провозглашал себя императором. В заключение я хочу подчеркнуть, что сам по себе режим, провозглашенный Августом, не был ни хорошим, ни плохим — он был единственно возможным в тех обстоятельствах. И слабость государственной власти не его вина, а вина — или беда — народов, собравшихся под крыльями римского орла. Об этом точно сказал граф де Местр: «Каждый народ имеет правительство, какого он заслуживает». Долгие размышления и большой опыт, доставшийся дорогой ценой, убедили меня в том, что эта истина справедлива, как строгий математический постулат. Любой закон бессилен и даже вреден, если народ не достоин его и не создан для него.

В этой связи еще раз напомним, что основные составные элементы империи — ассирийский, египетский, греческий, кельтский, карфагенский, этрусский, не считая испанские, галльские и иллирийские колонии — в свою очередь состояли из невообразимой смеси рас и кровей. Если первый союз черной и белой крови породил хамитский тип, то самые древние семиты были продуктом тройственного союза — черного, белого и снова

черного элементов, — откуда вышла особая раса, которая впитала в себя новый приток черных, или белых, или желтых элементов и сформировала новое сочетание. Этот процесс был непрерывным, и наступил момент, когда человеческий род уже нельзя было разделить на определенные категории. Отныне он представлял собой совокупность индивидов, не объединенных никаким общим чувством, которые могли двигаться в одном направлении или даже сосуществовать только под действием силы.

Я назвал императорский период Рима семитским. Но это не означает конкретную разновидность человечества, идентичную той, что появилась в результате древнего союза халдеев и хамитов. Я просто хотел указать, что основная часть населения земель, завоеванных Цезарями, содержала в себе значительную дозу черной крови, и поэтому ее можно считать совокупностью, не эквивалентной, но аналогичной семитской смеси. Невозможно подобрать достаточное количество слов, чтобы обозначить бесчисленные нюансы этой грандиозной совокупности. Однако, поскольку черный элемент присутствовал в большем количестве в продуктах этого смешения, в населении преобладали некоторые из характерных качеств меланийской группы, а, как нам уже известно, если держать эти качества в определенных рамках и добавить к ним свойства белой расы, то они способствуют расцвету искусств и интеллектуальному совершенствованию общества, хотя мало пригодны для создания устойчивой цивилизации.

Но смешение рас не только мешало созданию постоянной системы правления за счет уничтожения общих инстинктов и способностей, которые определяют стабильность общественных институтов, но и отрицательно влияло на здоровье общественного организма, в результате чего появилось множество активных людей, разрушительно действующих на массу населения. Общество не могло сохранять стабильность, когда постоянно меняющееся соотношение этнических элементов порождало во всех слоях населения, особенно в низших, таких авантюристов.

В эпоху, когда расы находятся в гармоничном сочетании, талантливые люди редки, поэтому особенно заметны, и в то же время они черпают свои идеи и способности из общей массы. Они показывают остальным естественные пути развития, и народ следует этим путям; они не создают ничего великого, зато приносят большую пользу всему обществу. В результате такой этнической гармонии, особенно в героические эпохи, имя вождя остается в истории неразрывно связанным с названием его народа. Например, греческие мифы о Геракле вовсе не упоминают спутников героя, зато вожди многих народов являются персонификацией этих народов, и их имена забыты.

Когда слишком сильный ответ истории мешает рассмотреть детали, всегда трудно отличить личный вклад выдающегося деятеля от достижений народа. В такие моменты жизни общества очень трудно быть великим деятелем, потому что этому противодействует однородность крови нации: чтобы выделиться из толпы, нужно не быть непохожим на нее, а, напротив, ничем от нее не отличаться и одновременно превосходить ее во всех отношениях. Избранники всегда похожи на высокие деревья среди кустарника. Потомство видит их издали и восхищается ими еще больше, если не находит аналогии в эпохах, когда слишком многочисленные и разнородные этнические принципы рельефно выделяют отдельные личности.

В последнем случае великим называют человека не только из-за его выдающихся качеств. Обычного мерил не существует, как не существует однородного видения.

Великий человек должен ухватить суть потребностей своего времени или, напротив, пойти против течения и тем прославить себя. Первым примером можно назвать Цезаря, вторым — Суллу. В силу сложности этнической ситуации человеческие инстинкты и способности обрастают различными нюансами. В однородном обществе количество заметных личностей ограничено, в разнородном, напротив, очень велико, начиная с выдающегося воина, который стремится расширить рамки своего влияния, до музыканта, который хочет соединить две несовместимые ноты. Вся эта толпа поднимается над общей

массой, находящейся в постоянном движении, качает ее то вправо, то влево, навязывает ей свою волю, ставит свои истины превыше всего и увеличивает беспорядок. Власть не в состоянии помешать этому: она либо опускает руки, либо ей удастся добиться временного успеха.

В семитском Риме нет недостатка в великих личностях. Тиберий знал, умел, хотел и делал. То же самое можно сказать о Веспасиане, Марке Аврелии, Траяне, Адриане. Но все они, включая Септимия Севера, не могли искоренить зло в лице беспорядочной массы, лишенной четко определенных инстинктов и склонностей, не желающей подчиняться и в то же время жаждущей направления. При этом не следует забывать две противоборствующие партии: гражданскую и военную. Кстати, на мой взгляд, последняя заслуживает большей похвалы с точки зрения общественной пользы. Мне могут возразить, что в империи часто возникали военные бунты, однако даже в таких случаях, например, во время кровавой стычки легионеров Германии и Флавия в Риме, солдаты проявляли себя с лучшей стороны в отличие от гражданского населения. Дело в том, что армия держится на двух принципах: иерархической структуре и подчинении. При любой этнической анархии общества армия выполняет упорядочивающую роль. И приходит день, когда она остается единственной здоровой частью нации. Когда народ становится армией, а армия народом.

В Римской империи легионы были единственным спасением, единственной силой, которая не позволяет цивилизации прийти в упадок в результате этнического хаоса.

Легионы поставляли высших должностных лиц государства, полководцев, способных поддерживать порядок, подавлять бунты, защищать границы; из полководцев выходили императоры, отличавшиеся недюжинными талантами. Как правило, они выходили из низших рядов милиции и поднимались вверх благодаря своим личным качествам или удаче.

Итак, армия была не только последним средством, последним оплотом и душой общества — она выдвигала из своей среды вождей. В силу извечного принципа любой военной организации, который есть не что иное, как несовершенное воплощение порядка, обусловленного расовой однородностью, армия использовала на общее благо способности своих лучших представителей и сдерживала разрушительное действие других за счет иерархии и дисциплины.

В гражданском обществе дела обстояли совсем по-другому: любой проходимец, который в результате случайных комбинаций этнических принципов в своем роду достигал высокого положения, принимался, чаще всего, действовать в своих личных интересах, игнорируя общественное благо. Эгоистические амбиции особенно формировали грамотность: для того чтобы взбудоражить толпу и привлечь к себе внимание, достаточно было листа бумаги, пера и кое-каких знаний. В сильном обществе такого не случается: никто не станет слушать людей случайных, т. к. все придерживаются примерно одинаковых взглядов и живут в спокойной, хотя и суровой, интеллектуальной атмосфере. Во время общего упадка никто не знает, что думать, во что верить, чем восхищаться; люди охотно слушают проходимцев, причем важно не то, что они говорят, а как они это подают. Таким образом, для того чтобы получить признание, достаточно высказать парадоксальные неожиданные суждения.

По примеру деградирующей Греции, в Риме семитской эпохи любой мог стать грамматиком: сочинять стишки для богатых, выступать на площадях, строчить петиции и угоднические просьбы. В общественных банях, в публичных домах было полно проповедников, питающихся подачками. Они вели образ жизни, который сегодня называют богемным. Они проникали в богатые дома в качестве наставников и часто преподавали своим воспитанникам сомнительные нравственные уроки.

Позже некоторые, самые ловкие из этих воспитателей становились профессиональными учителями жизни, или риторам. Они удачно женились и внедрялись в сферу новых буржуа. В области нравов смешались все школы. Страну заполнили философы:

бородатые люди, одетые в греческую тогу. Даже в мавританских горах тога была непременным атрибутом мудрецов. Впрочем, они проповедовали разные учения: платонизм,

пирронизм, стоицизм, кинизм. Большинство этих философов, которые вызывали уважение у горожан и неприязнь у солдат, были убежденными атеистами. Некоторые, особенно красноречивые, добивались признания у государственных мужей, жили за их счет и влияли на их решения и убеждения. Другие становились почитателями Митры или других азиатских богов, а также придуманных ими самими.

В высшем обществе было модно поклоняться дотоле неизвестному божеству, потому что национальный культ переживал не меньший упадок, чем национальные традиции. Чаще всего эти философы, риторы, ученые были людьми неглупыми. У них всегда была припасена идея общественного спасения: вся беда в том, что таких идей было столько же, сколько спасителей, и общественная жизнь все глубже погружалась в хаос.

По причине этнического упадка и ослабления сильных рас с каждым днем падал уровень художественных и литературных способностей. В искусствах царила имитация древних. Даже талантам приходилось копировать то, что признавалось классикой, комедию вытеснили мимы, затем акробаты, гладиаторы и парадные выезды колесниц. Такая же участь постигла скульптуру и живопись, историю писали военачальники. Правда, всеобщему упадку сопротивлялись отцы Церкви.

Я не отрицаю, что посреди этого хаоса еще оставались высшие добродетели и высокие умы, порожденные счастливым сочетанием этнических элементов. Они встречались и в сенате, и в походных лагерях легионеров, и при дворе. Толпы мучеников своей пролитой кровью свидетельствовали о том, что борьба с Содомом продолжалась. Я не отрицаю этот факт, но хочу спросить: какую пользу общественному организму приносили эти добродетели, эти достоинства, эти вспышки гения? Могли ли они остановить или хотя бы замедлить распад? Конечно, нет: самым благородным умам не дано обратить толпу, вдохнуть в нее душу. Поэтому в высшей степени странно слышать, что цивилизацию разрушили пришедшие с севера варвары. Ох, уж эти варвары! В V в. их изображали как голодных волков, которые набросились на превосходную римскую систему, разорвали ее в клочья и не оставили от нее и следа!

Но даже если признать, что у германцев были такие разрушительные инстинкты, не надо забывать, что в V в. римское общество утратило все, чем оно могло гордиться в прошлом, и дошло до полного бессилия. От утилитарного гения этрусков и кимрийцев, от пылкого и живого воображения семитов осталось только умение строить прочные, но безвкусные монументы и бездумно копировать все лучшее, что было сотворено в прошлом. Писателей и скульпторов заменили педанты и каменщики, так что варварам уже было нечего уничтожать, поскольку таланты, творческий дух, благородные порывы — все давным-давно исчезло³²³. Что представлял собой римлянин III, IV и V веков в физическом и моральном отношении? Среднего роста, скорее слабого телосложения человек, в чьих жилах текла кровь всех мыслимых рас; он считал себя лучшим представителем человечества: нахальный, коварный, невежественный, вороватый, развратный, готовый продать сестру, дочь, мать, жену, страну, пуще всего боящийся бедности, страданий, труда и смерти. И при этом он ничуть не сомневался, что и Земля, и планеты созданы для него одного.

Теперь посмотрим, что представлял собой варвар на фоне этого жалкого создания. Человек с белокурыми волосами, бело-розовой кожей, широкоплечий, высокий, сильный как Алкид, одержанный как Тесей, ловкий, гибкий, бесстрашный даже перед лицом смерти. Этот Левиафан, имеющий правильные или неправильные, но всегда обоснованные, суждения обо всех предметах. Он впитал в себя соки суровой и утонченной религии, мудрой политики, славной истории своей расы. Он понимал, что римская цивилизация богаче, чем его собственная, и искал тому объяснение. Он не был похож на неразумного ребенка, каким его обычно рисуют: это был подросток, интересующийся всем позитивным, умеющий видеть,

323 Во времена Траяна уже не было обычая прославлять современников. Для этого просто меняли головы, тем самым, избавляя себя от лишних трудов. См., например, статую Плотина в Лувре. Об упадке искусств, особенно живописи, много пишет Петроний.

сравнивать, высказывать суждения и отдавать предпочтения. Кто одерживал победу: самодовольный римлянин или суровый варвар? Побеждал последний. Его увесистый кулак обрушивался, как железный молот, на череп бедного потомка Рема. Что же делал в таком случае поверженный римлянин? Он взывал на многие века вперед к мести за цивилизацию, поруганную в его лице. Он так же походил на Вергилия и Августа, как Шейлок на царя Соломона. Римлянин лгал, и его несправедливые слова повторяли те, кто пылал гневом к нашим германским корням и их плодам, вызревшим в средние века.

Пришельцы с севера не разрушили цивилизацию, а, напротив, спасли то немного, что от нее оставалось. И восстановили это немного, и придали ему блеск. Цивилизация дошла до нас благодаря их пытливному уму, благодаря ним мы построили нашу культуру. Без них нас бы не было. За пять столетий до того, как полчища Аттилы, как слепой и дикий поток, обрушились на Запад, они были единственным щитом для римского общества, которое загнивало с каждым днем. Без их помощи, без их сильных рук и талантов она оказалась бы в жалком положении уже во II в. Не будь северных варваров, семитский Рим не сохранил бы императорскую форму правления, которая оставалась гарантией цивилизации. Короче говоря, почти все достойное в императорском Риме имеет германские корни.

Эта истина подтверждается тем, что самые работающие люди в империи, самые умелые ремесленники были литами, т. е. варварами, большим числом пришедшие в Галлию и в северные провинции.

Когда, наконец, готы пришли к власти, которая многие века принадлежала их соотечественникам, романизированным в малой степени, они мудро распорядились результатами трудов предшественников. Приход германцев был вызван исторической необходимостью: выдыхающаяся демократия существовала только благодаря тому, что власть находилась в руках солдат. Но этого уже было недостаточно, поскольку ситуация дошла до критического предела. Тогда Бог, чтобы спасти Церковь и цивилизацию, послал миру учителей в лице новых народов. В истории человечества нет более славной страницы, чем деяния северных народов, но прежде чем рассмотреть их историческую роль, еще раз бросим взгляд на сочетание старых этнических элементов, собравшихся на Западе, на большой территории романского мира. Зададимся вопросом: мог ли римский поселенец сформировать дотолем неизвестные принципы и, используя наследие прежних цивилизаций, создать то, что можно по праву назвать «римской цивилизацией»?

Это очень обширная тема, под стать географическим пространствам, которые она охватывает. Итак, начнем с того, что Рим, не имевший исходной расы, не мог сформировать и соответствующую идею. У Ассирии, так же как у Египта, Греции, Индии, Китая, была самобытная основа. Когда то персы создали особые принципы в отношении народов, покоренных ими. Кельты, италийские аборигены, этруски также имели наследие — пусть и не столь славное, зато реальное и позитивное. Риму приходилось по кусочкам, по лоскуткам создавать основу, причем в то время эти фрагменты уже были изрядно изношенными и устаревшими. В его стенах вместо очага цивилизации сформировалось нечто, напоминающее склад старьевщика. В захваченных землях Рим оставил религию, нравы, законы, политические институты в том виде, в каком они находились раньше, и перестроил только то, что могло затруднить осуществление его власти.

Завоеванные территории были довольно обширны, а Рим был маленьким городом, поэтому он взял на себя роль садовника, который по мере возможности подстригает кусты, выравнивает клумбы, чтобы придать саду приличный вид, не думая о естественных законах, регулирующих рост растений. Функция Рима сводилась к администрированию и гражданскому праву по принципу: «Помни римлянин: ты правишь народом империи!» Я не знаю, как можно было посредством этих двух функций заложить по-настоящему цивилизаторские основы в широком смысле этого слова. Закон — это всего лишь записанное на бумаге состояние нравов. Это — один из основных продуктов цивилизации, но не сама цивилизация. Закон не обогащает общество ни в материальном, ни в интеллектуальном смысле: он регламентирует приложение сил, и его роль в том, чтобы наилучшим образом

распределить их. Т. е. закон не создает эти силы. Такое определение годится для однородных наций. Но оно не совсем применимо для римского закона. В крайнем случае, элементы этого кодекса, собранные от всех дряхлеющих, но имеющих опыт народов, могут быть обобщены, и, исходя из такой теоретической возможности, можно предположить, что она осуществилась в римском законе или праве. При этом надо отметить, что имперское право вытекает из концепции абстрактного равенства. Философия римского права, как и всякая философия вообще, была сформирована «апостериори». Она базировалась главным образом на понятиях, абсолютно чуждых древнему опыту.

На формирующуюся римскую юриспруденцию влияли аналитические доктрины, но сами эти доктрины представляли собой эманацию италийского духа или эллинистического воображения и не могли прибавить к нему ничего существенного.

Что касается христианства, юристы–законодатели почти не приняли его во внимание, потому что они вообще отличались религиозным безразличием. Конечно, это противоречит установкам Церкви, которая произвела реформу римского права, сделав его каноническим.

Рим, как чужак в своих собственных стенах, с самого начала мог лишь заимствовать законы. На первом этапе его законодательство строилось на модели Лациума, а когда потребовалось учесть взгляды растущего разнородного населения, появились «Двенадцать табличек», в которых сохранились некоторые старые положения с добавлением ряда статей, взятых из опыта великой Греции. Но все это не могло удовлетворить нужды нации, которая каждый день изменяла свой характер и, следовательно, свои цели. Многочисленные иммигранты в городе противились всему, что не соответствовало их национальным понятиям о справедливости. Старые привычки не могли измениться так же быстро, как состав крови, поэтому был учрежден специальный магистрат по урегулированию конфликтов между пришельцами и римлянами. Его права и функции выходили за рамки установлений «Двенадцати табличек».

Некоторые авторы, сбитые с толку статусом, которым в последнее время существования республики пользовались римские граждане по сравнению с другими жителями, полагают, что такой магистрат существовал еще раньше. Это серьезная ошибка. Положения латинского или италийского права с самого начала не были закреплением низшего положения покоренного населения. Напротив, это был акт деликатного отношения к народам, которые хотели принять политическую власть Рима, но не римскую юридическую систему. Они придерживались своих обычаев, и им не препятствовали делать это, так что местный закон пытался достичь некоего идеального равенства, учитывая позитивные принципы италийцев, греков, африканцев, испанцев, галлов.

Когда романизованная смесь достигла высшей точки своего развития, законодательство превратилось в компиляцию самых разнородных правовых элементов, взятых у всех народов, составлявших империю, и сабинянский дух, который еще присутствовал в «Двенадцати табличках», постепенно выветрился.

Здесь следует заметить, что самые великие законодатели не смогли бы добиться большего, потому что для этого им надо было выйти не только за свои собственные пределы, но и за пределы общества, в котором они жили. Неверно считают, что человек более велик, чем его эпоха: никому не дано заглянуть за горизонт, и самое большее, что может сделать гений, — это разглядеть все, что находится по эту сторону горизонта.

Но мне могут напомнить о том, сколько восторженных похвал заслужило римское право благодаря своей универсальности. Что я могу ответить на это? Да, оно было универсальным в пределах империи. Да, оно пользовалось, и сейчас пользуется, уважением сегодняшних романизованных народов. Но за пределами этого круга признание этого факта кончается. Даже когда оно осуществлялось во всей полноте под сенью римского орла, его влияние не выходило за границы империи. Германцы не приняли его, хотя использовали в отношении своих подданных. Его изучают, но не применяют на большей части нынешней Европы и в Америке. Так что отношение к нему противоречивое, хотя во многих местах в Англии и Швейцарии, а также Германии, оно явно противоречит местным обычаям. Даже во Франции

и Италии его применяют в сильно измененном виде. Одним словом, это закон местного значения, как и все остальные законы. И его нельзя назвать универсальным и считать двигателем цивилизации в большей мере, чем все остальные.

Если право было лишено национальных черт, то это же можно сказать об администрации: в республиканском и императорском Риме, так же как и в нынешних азиатских империях, мы видим глубокое безразличие к подданным. Мы видим и там и тут аналогичное отношение чиновников, потому что римляне чаще, чем обычно считается, следовали азиатским примерам. Впрочем, юстиция, как и администрация, на практике всегда была привязана к общепринятым нормам морали.

Я уже говорил, что в законопослушных и честных римлянах недостатка не было. Но в любом обществе такие люди имеют перед собой конкретный идеал, сформированный цивилизацией, в которой они живут. Добродетельный индус, послушный китаец, добронравный афинянин похожи друг на друга своим искренним желанием соблюдать установленные законы и правила. И римское общество следовало своему закону. У него был идеал хорошего. Но и в этом случае идеал был заимствован у других народов, точно так же, как философия большей частью была взята у греков. Я не вижу в римском обществе ни одного чувства, ни одной нравственной идеи, истоки которых не встречались бы в других местах: например, древняя суровость аборигенов, прагматическая культура этрусков, утонченность семитизированных греков, спиритуальная жестокость карфагенян и испанцев.

Предназначение Рима состояло вовсе не в том, чтобы явить миру букет новшеств. Огромная мощь, сосредоточенная в его руках, не вызвала никакого улучшения, скорее наоборот. А что касается широкого разброса понятий и верований, здесь совсем иное дело. В этом отношении Риму есть чем похвастаться. Только семиты и китайцы могут соперничать с ним. И это естественно: Рим не просвещал и не возвышал народы, оказавшиеся в его орбите, зато он намного ускорял их слияние.

Величие Рима можно объяснить только всеобщим поклонением древних народов. Впрочем, пусть римская бесформенная толпа остается на пьедестале: этим она во многом обязана варварам, которые в течение половины периода существования Рима поддерживали его и формировали принципы, истоки которых мы не найдем ни в древнем западном мире, ни в доктринах соотечественников Перикла, ни в ассирийских руинах, ни у первых кельтов.

Этот процесс начался давно и продолжался долго. Был Рим этрусский, Рим италийский, Рим семитский. Теперь пора перейти к Риму германскому.

КНИГА ШЕСТАЯ **Западная цивилизация**

ГЛАВА I. Славяне. Эпоха владычества догерманских народов арийской расы

Начиная с IV в. до Рождества Христова до 50 г. регионы, которые считали себя высоко цивилизованными — и мы разделяем это мнение, — т. е. страны, где существовала эллинская или итало-семитская кровь и эллинские или итало-семитские обычаи, имели редкие контакты с племенами, жившими по другую сторону Альп. Создается впечатление, что из всех, кто представлял серьезную угрозу для Юга, только о галлах почти ничего не было известно соседям. О себе давали знать такие племена, как, скажем, массалиоты, втянутые в междоусобицу, или посидоны, путешествовавшие в эти земли, населенные скорее фантастическими, чем реальными существами.

Кельтские нашествия больше не возобновлялись, их разрушительный поток, который когда-то поглотил галатские государства, иссяк. Выходцы из Сиговезе жили смиренно, их разрозненные группы, которые проникли в Верхнюю Италию с намерением возделывать там пустующие земли, были выдворены по велению сената.

Положение в стране галлов было беспокойным. Трехсотлетний период, предшествовавший походу Цезаря, был для них тяжелым и смутным временем. Они переживали самый глубокий политический упадок. Аристократия, теократия, наследственные или выборные царьки, тирания, демократия, демагогия — всего этого у них было в избытке. Их распри не приносили добрых плодов. Причина в том, что кельтские племена дошли до такой степени смешения, которая исключала дальнейшее развитие. Они прошли кульминационный пункт своего естественного совершенствования и отныне могли только спускаться по лестнице развития. Между тем речь идет о населении, которое послужило основой для нашего нынешнего общества вместе с другими, не менее значительными племенами, как например, славяне и венды.

В ту эпоху в большинстве стран славяне и венды были угнетаемы в большей мере, чем остальные, и угнетение продолжалось дольше. Судя по географическому положению, которое занимали и занимают сегодня их главные ветви, они являются последними из крупных белых народов, которые жили в Верхней Азии и потом отступили под натиском финских орд, особенно тех, что чаще с ними контактировали. При этом я не имею в виду их разрозненные группы, вовлеченные в общий поток кельтов, а иногда даже опережавшие его: иберийцы, расены, венеты из разных районов Европы и Азии. Но что касается основной массы этих племен, изгнанных с родных земель после ухода галлов, они ушли на северо-восток нашего континента и там вступили в разрушительное соседство с финнами³²⁴. С течением времени они стали составлять большинство местного населения. Например, славянский язык, имеющий общие родовые признаки арийских языков, подвергся сильному финскому воздействию. А что касается внешних признаков, они также приблизились к финскому типу.

То же самое можно сказать о моральных качествах. В характере доминирует стремление к тишине и покою, потребности невелики и ограничены материальной сферой. Так же, как хамит, потомок черной и белой рас, унаследовал от бурного характера негра способность к пластическим искусствам, венд, смесь белого и финского элементов, трансформировал вкус желтой расы к материальным радостям в предрасположенность к промышленному, сельскохозяйственному и коммерческому делу. Самые древние народы, вышедшие из такого союза, порождали финансистов и дельцов, конечно, не таких предприимчивых, алчных и ловких, как ханаанеяне, но столь же преуспевающих благодаря трудолюбию.

В далекой древности из славянских стран в бассейн Черного моря, в многочисленные семитские и греческие колонии, потоком шли разнообразные товары. Янтарь с берегов Балтики, который фигурировал в торговле галлов, также поступал к ним от вендов. Шла оживленная торговля пшеницей, которую выращивали на землях Скифии, а также южнее Карпат, где жило вендское племя алазонов. Таким образом, можно сказать, что ни кельты, ни славяне не заслуживают упрека в варварстве.

Тем не менее, эти народы не могли считаться высокоцивилизованными в те времена.

В зависимости от степени смешения с аборигенами они утрачивали древние инстинкты белой расы. В отношении религии они стояли на ступень ниже галлов.

Галльский друидизм, хотя он тоже носил следы финского влияния, был меньше пропитан их натурализмом, чем теология славян, в высшей степени суеверных. Такое суеверное отношение к природе, в равной степени присущее как северным славянам, так и их сородичам, итальянским расенам, занимало большое место в системе их жизненных понятий. Они оставили много памятников, свидетельствующих о большом мастерстве, терпении и трудолюбии, но эти памятники во многом уступают тому, что мы видим у кельтских народов. Они почти не знали завоевательских походов и даже не сумели создать по-настоящему сильное политическое государство.

В целом эта раса была плодovitой, но как только какое-нибудь племя

324 Первым районом в Европе, где поселились славяне, считается территория между Одером, Вислой, Неманом, Бугом, Днепром, Днестром и Дунаем, хотя ее границы очень часто менялись.

уменьшалось в численности, оно скоро исчезало. Политические взгляды вендов выражались спорадически и не позволяли им осознать или создать сложную систему управления, необходимую в крупной стране. Поэтому они стремились жить небольшими общинами. Конечно, у них не было стремления навязать свое господство другим племенам, особенно это касается славян. Повышение личного благосостояния, защита плодов своего труда, помощь в удовлетворении материальных потребностей — все это давала им община с ее свободой и ее возможностями, которые невозможны в более развитой социальной среде. Такой образ жизни заслужил им похвалы моралистов, а политики, более требовательные в этом отношении, находили его примитивным. Древняя система правления белых рас, которая обеспечивала все элементы независимости, была несовместима с такой инертностью. Чиновники, отцы общины, получали власть лишь на некоторое время и были ограничены в действиях решениями всех глав семейств. Очевидно, что эти сельские аристократы создавали республики, наименее подверженные узурпации власти, какие знала история белых народов, но в то же время эти республики были и самыми слабыми перед лицом внутренних волнений и внешней угрозы.

Вполне вероятно, что по причине многочисленных неудобств такой изолированной системы иногда даже ее приверженцы желали переменить ситуацию и оказаться под властью более энергичного народа. Это давало им возможность закрыть глаза на потери независимости за счет обретения новых преимуществ. В числе последних можно назвать увеличение материального достатка как следствие увеличения территории и населения. Изолированная община имеет небольшие возможности, две объединившиеся общины получают их больше. Снятие политических барьеров способствует установлению связей между соседними странами. При этом расширяется товарообмен, растут прибыли и возможности рынка, торговцы активно приветствуют такое положение вещей, между тем как люди более благородные и проникательные предвидят скопление всех человеческих пороков и появление всевозможных новых форм порабощения.

Но в древние времена завоеватели славян не доводили такое скопление до крайности. Их численность была невелика, у них были скудные интеллектуальные или материальные возможности, чтобы совершать такие крупные ошибки. И их подданные могли пользоваться расширением экономических отношений.

Кроме того, их жизнь в условиях ограниченной свободы была обеспечена лучше, тогда как изоляция постоянно грозила им внешней агрессией. Поэтому по многим причинам венды склонялись к тому, чтобы смириться с политическим подчинением, и не пытались освободиться от него. По мере того, как совместное проживание чужеземных господ и местных подданных приводило к неизбежным связям, происходило сближение умов. Отношения между ними теряли прежнюю суровость и остроту, защищенность ощущалась все больше, а давление все меньше. По правде говоря, завоеватели, жертвы такого поворота событий, постепенно превращались в славян и в свою очередь оказывались под чужим игом, которое они принимали с той же покорностью. Но в дело вступали те же причины и с неумолимостью маятника приводили к аналогичным следствиям, и вендские племена не сознавали и, даже будучи арианизированными, не могли осознать необходимость создать систему правления более сложную, чем община. Они не играли особой роли в античном мире, и, будучи самыми выродившимися из всех белых групп Европы, они были незаметны и в исторические времена: их массы постоянно находились под властью удачливых авантюристов. Одним словом, в результате большой пропорции желтой крови, обусловившей их пассивность, они, с моральной точки зрения, находились в менее выгодном положении, чем кельты, которые, по крайней мере, в череде долгих веков знали яркие моменты расцвета и славы.

Однако подчиненное положение славян в историческом контексте не отразилось на их характере. Обычно, когда один народ попадает в зависимость от другого, находят люди, заявляющие, что первый уступает в храбрости второму. Когда одна нация или раса занята исключительно мирными трудами, а другая, воинственная, считает войну своим главным

предназначением, те же самые люди утверждают, что первая — ленивая и трусливая, а вторая — мужественная. Но это поверхностные выводы — нелепые и не отвечающие действительности.

Французский крестьянин, питающий отвращение к военному делу и предпочитающий ходить за плугом, конечно, не отличается геройским характером, но, по сути, он храбрее, чем воинственный араб из Иордании. В случае необходимости он будет проявлять чудеса храбрости в защите своего очага, а второй всегда действует осторожно и отступает перед превосходящей силой, не испытывая при этом никакого стыда и повторяя любимую присказку азиатского воина: «Сражаться — это не значит дать себя убить». Хотя при этом война — его профессия, потому что, по его мнению, это единственное занятие, достойное мужчины, что, впрочем, не мешает ему веками находиться под чужим игом.

Все народы храбрые в том смысле, что все они в равной мере способны противостоять трудностям и несчастьям и не жалеть жизни, чтобы защитить себя. Такая храбрость есть в любом народе, и не стоит считать ее признаком национальной энергии и тем более принимать ее за саму энергию. Кроме того, храбрость не является следствием энергии народа. Если все народы отличаются храбростью, то не все имеют сильную энергию, кроме белой расы. Только у нее можно встретить твердость воли, основанную на здравости суждений. Энергичная натура стремится к цели, потому что четко понимает свою выгоду или необходимость. В мирных делах это качество выражается в такой же степени, как и в делах ратных. Если белые расы, в чем нет никаких сомнений, более мужественные, чем остальные, то они проявляют такие же качества и в труде, и в искусстве, и в науке. Их мужество не связано с возбуждением нервной системы, как это имеет место у других народов, которые не имели или утратили это качество.

В первую очередь это; замечание относится к славянам, чрезвычайно сильно смешанным с другими элементами. Причем, сегодня это ощущается больше, чем прежде. Они проявляли высокие качества в бою, когда это было нужно, но их интеллект, ослабленный финским влиянием, не выходил за пределы узкого круга понятий и часто не позволял им осознать великие потребности сильных наций. Когда сражение было неизбежно, они смело вступали в него, однако делали это неохотно, без энтузиазма, с одним желанием избежать не опасности, а скорее бесполезных на их взгляд хлопот и усилий. Закончив ратный труд, они радовались, возвращаясь к своим повседневным делам.

Эта раса не «выкристаллизовалась» окончательно, поскольку «кристаллизация» происходила в слишком малом масштабе, чтобы стать видимой сквозь тьму веков, и об ее достоинствах и недостатках можно судить только по связям расы с более развитыми завоевателями. Смирение и долготерпение, согласие на второстепенную роль в новых государствах, создаваемых в результате завоеваний, трудолюбие — вот качества, благодаря которым славяне сохранили за собой право на свою землю, уступив верховенство. Самые жестокие завоеватели быстро отказывались от мысли разорить покоренную страну, понимая, что это ничего им не даст. Отправив несколько тысяч пленников на рынки рабов в Грецию, Азию и италийские колонии, они успокаивались перед лицом покорности местного населения. Они даже проникались сочувствием к этим безропотным работникам и оставляли их в покое. А славянская плодовитость быстро компенсировала понесенный урон.

Таким образом, будучи неразрывно связанные с землей, от которой ничто не могло их оторвать, славяне выполняли в восточной Европе ту же функцию долгого и молчаливого, но неотвратимого влияния, какую в Азии взяли на себя семиты.

Подобно последним, они создавали стоячее болото, в котором, после кратковременных побед, тонули все более развитые этнические группы. Неподвижное как смерть, неумолимое как смерть, это болото поглощало в своей глубокой темноте самые пылкие и благородные принципы, не претерпевая при этом почти никаких изменений и после редких всплесков активности вновь возвращаясь в прежнее состояние спячки.

Эта большая смешанная группа человеческого рода, плодовитая, терпеливая перед лицом агрессии, упорная в своей привязанности к земле, талантливая в том, чтобы покорить

эту землю, в течение исторически короткого времени распространилась на огромной территории. За две тысячи лет до Рождества Христова вендские племена возделывали пойму нижнего Дуная и северные берега Черного моря, составляя конкуренцию финским массам на территории нынешней Польши и России. Итак, мы узнали их истинную природу и историческую задачу, теперь предоставим их мирным делам и перейдем к их завоевателям.

В первую очередь рассмотрим кельтов. В очень древнюю эпоху, когда эти народы занимали Тавриду и воевали с ассирийцами, и даже в эпоху Дария, они имели подданных славян в этих районах ³²⁵. Позже они покорили крапаков и пришли в нынешнюю Польшу и в долину Одера. По мере их перемещения из Галлии они оставляли в долине Дуная и на землях фракийцев и иллирийцев многочисленные группы своей знати, которые вставали во главе вендских племен и, в конечном счете, смешались с ними. Ученые полагают, что в ту же эпоху кельты дошли до Савы и Дравы на востоке и до истоков Вислы и Днестра на севере. Кимрийцы не раз оказывали — уже в конце III в. до н. э. — сильное давление на славянские народы.

Однако мы первыми назвали кельтов только для удобства: они не были ни самыми могущественными, ни самыми известными или древними завоевателями, среди которых жили славяне. В данном случае приоритет следует отдать другим знаменитым народам арийской расы. Эти народы проявляли особую активность в понтийских землях и до самых северных территорий. Именно они сохранились в истории этой страны, и о них мы будем говорить особо» еще и по другим, более веским причинам.

Несмотря на смешение, которое определило сначала упадок, затем исчезновение многих из них, эти народы исходно принадлежали к самой благородной белой ветви; это обстоятельство уже оправдывает самый живой интерес к ним, а, кроме того, следует отметить тот факт, что из их среды вышли германские племена. В связи с принадлежностью к истокам современного общества они более интересны для нас в историческом плане, нежели создатели других мировых цивилизаций.

Первыми из этих народов, пришедших в Европу в те далекие времена, когда финны, а возможно, также кельты и славяне, уже занимали земли на севере Греции, видимо, были иллирийцы и фракийцы. Они наверняка подверглись значительному смешению, поэтому осталось меньше следов их присутствия. Мы говорим о них для того, чтобы продемонстрировать приблизительное распространение арийцев из Индии и Ирана в самую древнюю эпоху. На западе иллирийцы и фракийцы господствовали в долинах и на равнинах от Эллады до Дуная, они дошли до Италии и Бессарабии и особенно основательно обосновались на северных склонах Хемуса.

Скоро за ними пришла другая группа семейства — геты, которые селились рядом, часто вместе с ними, и продвинулись дальше на северо-запад и север. Геты, как пишет Геродот, называли себя бессмертными. Они считали, что переход в нижний мир приведет их не к небытию или страданиям, а в небеса, в обитель Ксамолксиса. Это чисто арийская точка зрения ³²⁶.

325 Эту ситуацию точно описал Геродот: когда скифы напали на киммерийцев, те стали думать, что делать. Скифские цари предлагали сопротивляться, народ хотел просто-напросто уйти в другие места. В конце концов, после жарких споров и междоусобных кровопролитных стычек, народ, т. е. славяне, одержал победу над знатью, похоронил мертвых и отступил. В другом месте рассказывается о том, как скифы, атакованные Дарием, попросили помощи у соседей. Тогда собрались цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинийцев и савроматов. В данном случае слово «цари» означает благородные племена чужаков, которые властвовали над кельтскими таврами, славянскими агафирсами, неврами и андрофагами, финскими меланхленами, гелонами, будинийцами и славянскими сабрматами. Надо отметить, что последние составляли самый низший слой населения, хотя они приняли название своих господ и относились к вендской расе. Один из их царей носил арийское имя: Спаргапиф.

326 Геродот идентифицирует гетов с фракийцами, что служит еще одним подтверждением арийского происхождения последних. Об этом же свидетельствуют медали и монеты. Те, что принадлежат народам, жившим к северу от Хемуса и к западу от Каспийского моря, отличаются грубым исполнением; большая их часть — арийского происхождения, встречаются славянские, но нет ни одной финского типа. Например, монеты

Но появление гетов в Европе относится к столь древним временам, что вряд ли возможно проследить их истоки. Значительная часть их племен, которые упоминаются в старых хрониках, в большой степени смешалась со славянами, кимрийцами и даже с желтыми народами. Фиссагеты, или геты–гиганты, миргеты, принадлежавшие к финскому племени меря, самогеты из Суоми, как называют себя финны, — все это метисные племена, вобравшие в себя самую чистую кровь белой расы и монгольский элемент и тем самым опустившиеся ниже своих сородичей. Юты Скандинавии, иотуны, если воспользоваться термином из «Эдды», очевидно, были самыми северными и с моральной точки зрения самыми деградированными в гетском семействе. Физически они были очень сильными и крупными, отсюда их сравнение с гигантами. Их считают результатом смешения кельтов и финнов.

Ближе к Азии и Каспийскому морю жили и другие ветви этого народа, которых греческие и римские историки называют «массагетами»³²⁷. Позже их называли «скифскими гетами» или «индо–гетами». Китайцы называли их «ху–тэ», что находит отклик в более древней эпохе в индийских поэмах: «Кхета», «Кхеты» — это вратии, приверженцы брахманизма, несомненно арийцы, жившие к северу от Гималаев.

Во II в. до н. э. гетские племена, которые остались в верхней Азии, передвинулись в Сихун, затем ближе к Согдиане и основали на месте бактрийско–македонского государства свою империю. Однако это событие не имело больших последствий в сравнении с той известностью, какую приобрело их имя в IV и V вв. в Европе. Одна группа их собратьев покинула восточные берега Балтики и южные районы Скандинавии и стерла все, что создали их предшественники. Большая конфедерация гетов пронесла свои победные знамена в Россию, на Дунай, в Италию, в южную Францию и на весь испанский полуостров. А в абсолютной идентичности двух форм — «готы» и «геты» — нет никаких сомнений.

Рядом с гетами, немного позже, в Пропонтиде и в соседних районах появился другой, также арийский народ. Это были скифы — не те известные трудолюбивые скифы, настоящие славяне, а скифы воинственные, непобедимые, «царские скифы».

По мнению ученых, они говорили на арийском языке и проповедовали культ самых древних ведических, эллинских, иранских племен. Они боготворили небо, землю, огонь, воздух. В этом заключается отличительная особенность этого обожествленного натурализма древних белых народов. К этому следует добавить поклонение божеству сражений. Однако они, по примеру предков, не терпели антропоморфизма и символизировали свои идеи изображением меча, воткнутого в землю.

Территория скифов в Европе простиралась в том же направлении, что и гетская территория, поэтому итальянцы и греки часто путали их³²⁸. Кельтские скифы и фракийские скифы — только о них знали географы Эллады, и не надо их упрекать за это. Однако следует признать, что их терминология была неточной, хотя и относилась к реально существовавшим народам.

На востоке воинственные скифы протянули руку своим братьям, племенам, жившим на севере Мидии, которых греки ошибочно считали прародителями всех скифов, хотя они и были их родственниками. Они продвинулись до армянских гор, где называли себя

Готиса V славянского типа, или монеты города Пантикапея арийского типа.

327 Китайцы называли их «таюеты», т. е. «большие геты». Кроме того, китайцы упоминают другие гетские племена, возможно, более многочисленные: «юеты» или «юей–чи». Первая форма близка к скандинавскому названию «иотуны». Особый интерес историки Поднебесной Империи уделяли арийским народам после II в. до н. э.; это значит, что в ту эпоху, т. е. намного позже после исхода племен, из которых вышли скандинавы, затем германцы, на западе Китая все еще жили большие массы белой расы и что они носили почти такие же имена, что и их европейские сородичи, прославившие их на Рейне и Дунае. Можно представить, как благотворно сказался их приход на желтых или малайских расах Китая.

328 Задолго до Птоломея страны Балтики и Финского залива назывались Скифией.

«сакасунасы». Затем на севере Бактрии они смешались с индо-скифами, которых китайцы называли «сцу». В Бактрии они получили другое имя — «саки»; согласно письменным свидетельствам Поднебесной Империи, именно эти саки поселились в далекие времена на берегах Енисея³²⁹. Это саки из «Рамаяны» и «Махабхараты», упоминаемые в «Законах Ману», бунтовщики-вратии Арьяварты, несомненные родичи арийцев Индии и Ирана, так же как и кеты. Чтобы не осталось никаких сомнений по поводу того, что скифы — наездники Азии и Европы, скифы, которые бродили по берегам Хуаньхэ и в долинах Гоби, скифы, которых армяне признавали так хозяев некоторых своих земель, те, которых боялись жители балтийского побережья и кимрийцы, и те, которые обитали в Туране и в Понте и называли себя «сколоты», т. е. «гневливые» или «храбрые» саки, имеют общее происхождение. Напомню убедительные свидетельства, найденные в Персии: ахеменидам были известны два сакских племени — одно жило рядом с Яксартом, другое — по соседству с фракийцами.

Так же считают Геродот, Плиний и Страбон, хотя последний путает саков с массагетами и дахами. Он полагает, что жившие на берегах Каспийского моря дахи и скифы представляют один народ, что к востоку от Каспия и массагеты, и саки в равной мере были скифами. Я долго раздумывал, прежде чем включить скифов, сколотое в число не монгольских, а арийских групп, хотя этой точки зрения придерживались такие авторитеты, как Риттер и А. Гумбольдт, и сам даже рассуждал в соответствии с традиционным историческим взглядом. Но, в конце концов, я согласился с ними. Чтобы объяснить причины такой перемены взглядов, отмечу следующее. Почти вся современная наука считает скифов-сколотов финнами, базируясь на трех аргументах: во-первых, финнами их называет Гиппократ, во-вторых, греки называли Скифией весь север Европы и не делали никаких различий между населявшими его племенами, в-третьих, раз уж наука высказалась в таком смысле, она не может от этого отступить. Оставим в стороне третий аргумент и займемся двумя первыми. Действительно, Гиппократ описывает жителей берегов Пропонтиды как финскую расу и называет их скифами. Но ясно, что при этом он имеет в виду только людей, поселившихся в Скифии рядом со многими другими, непохожими на них. Во времена Гиппократа, т. е. через двести лет после Геродота, желтые племена могли спуститься до самой Пропонтиды и жить там попеременно с другими народами; греки назвали их «скифами», что было вполне естественно. И это не значит, что в предыдущую эпоху эти люди уже находились там. О скифах пишет Геродот, который посещал их и хорошо знал их историю.

Но он нигде не упоминает, что у них были какие-то финские черты, напротив, описывая нравы агрипийцев, он признает, что не видел среди них людей безволосых, с плоским носом, удлинённым подбородком. Он называет их хорошими торговцами и путешественниками. Он нигде не упоминает, что скифы чем-то внешне отличались от греков или фракийцев; кроме того, из скифов состояла почти вся полиция Афин. Говоря о Скифии, Геродот возражает против обычая своих соотечественников считать, что эту страну населяет один народ, и называет много других, ничем не похожих на скифов. По его мнению, они владели понтийским побережьем и говорили на мидийском языке, т. е. на языке арийской расы. Все это говорит о том, что нельзя смотреть на страну поверхностным взглядом и видеть в ней только одну расу. Наконец, отметим скифские медали, на которых нет ни одного монголоидного лица.

В эпоху германских миграций слово «саки» употреблялось в основном по отношению к жителям благодатной земли «Skanzia», т. е. Скандинавия, остров или полуостров саков. Наконец, отметим еще одно трансформированное слово, которое нынче с гордостью произносится в Америке, а раньше блистало в верхней Германии и на Британских островах: «саксна», «саксоны», истинные «сакасунасы», потомки саков³³⁰.

329 Слово «сака» следует читать с двумя «к», что заменяет глухой звук «с», которого персы не имели. То есть саки и хакасы — это один народ, упоминаемый в китайских хрониках.

330 Имя «саксон» ошибочно производят от слова «sax» — «нож». Такая этимология неприемлема, тем более, что у саксонов были длинные тяжелые мечи, а чаще всего они пользовались боевыми топорами.

Саки и кеты составляли одну ветвь древних арийских народов. Несмотря на этническую деградацию обоих племен, это была славная группа белого семейства, которой повезло меньше, чем арийцам Индии и Ирана, в том, что при разделе мира им достались уже густо населенные и суровые земли. Им долго мешали обосноваться постоянные вылазки финнов с севера и внутренние распри, поэтому большинство этих народов исчезли с арены под ударами могущественных соседей, так и не создав устойчивых государств. Хотя надо признать, что в этих маленьких государствах было немало городов, где жили очень древние семейства, была развита агрикультура, особенно виноградарство, «выращивали породистых лошадей, а жители славились храбростью и умением торговать, и помимо всего прочего там существовали национальная литература и алфавит. По свидетельству китайцев, жители отличались голубыми глазами, белокуроыми волосами и бородой и выступающим носом. Следы их проживания на бескрайних просторах Турана и понтийских равнинах, называвшихся европейским Тураном, свидетельствуют об их мужестве, страсти к путешествиям, в которой было больше идеализма, чем практичности. Помимо народов, которые много позже стали хозяевами нашего континента, отметим парфян, еще одну заметную группу западных арийских племен³³¹.

Итак, кеты, сакасы (саки) и арийцы составляют одну группу. Если проанализировать все три названия, мы получим один результат, т. е. все они являются синонимами: «достойные люди». Установив этот факт, проследим историю самих «избранных» племен белой расы, которые по воле Провидения оказались среди народов старого света, прежде всего славян.

Среди них была довольно многочисленная группа народностей очень чистой расы — по крайней мере, в тот момент, когда они пришли в Европу, и этот факт подтверждается документами. Я имею в виду сарматов. Как считали понтийские греки, они происходили от союза саков и амазонок, т. е. «матерей асов или арийцев»³³². Сарматы, подобно всем остальным народам их семейства, считали друг друга братьями, встречаясь в самых далеких странах. Некоторые из них жили на севере Паропамисы, а другие, известные географам Поднебесной Империи под названиями «суты», «сутлы», «аласмы» и «янь-хсаи», во II в. до н. э. пришли на восточное побережье Каспия. Иранцы не раз встречались с их воинами в бою, и страх перед их яростным упорством передался в бактрийские и согдийские традиции. Оттуда и почерпнул Фирдоуси сведения для своей поэмы³³³.

Эти отважные племена, впервые пришедшие в Европу за тысячу лет до Рождества Христова, принесли на запад нравы, похожие на нравы и обычаи саков, их сородичей и основных соперников.

Кстати, Геродот приводит три легенды о происхождении скифов и одну — сарматов. Согласно первой, скифы — автохтонный народ, последние отпрыски всех народов земли, появившиеся за пятнадцать столетий до н. э. Вторая, идущая от понтийских греков, ведет их родословную от Геракла и местной нимфы и устанавливает время их появления лишь за тринадцать с небольшим столетий до н. э. В третьей, связанной с Аристеем из Проконнеса и его путешествиями в Центральную Азию, нет ничего мифического: в ней просто говорится,

331 Медали с изображениями бородатых сакских царей, которые сокрушили греко-македонскую империю, не оставляют сомнений в том, что завоеватели говорили на арийском языке, исповедовали арийский культ и имели внешность, типичную для арийского семейства.

332 «Мать» по-санскритски — «амаба». Здесь мы наблюдаем укороченную диалектную форму. Уместно напомнить в этой связи замену «г» и «s» в арийских языках. Отсюда можно предположить, что «Агуа» и «Аса» имеют одно и то же значение, т. е. Азия — это «страна арийцев».

333 Трех сыновей Феридуна звали Иредж, Тур и Кхавер. Это персонифицированные названия трех белых ветвей Персии, Ирана, затем всей Передней Азии и, наконец, западного мира. Родство этих трех групп достаточно доказано. В имени «Кхавер» можно обнаружить транскрипцию древнего имени «Явана».

что скифы пришли с востока, откуда их изгнали исседоны, в свою очередь бежавшие от аримаспов. Нетрудно заметить общее в этих трех рассказах об одном факте. О рождении сарматов от скифов и амазонок я уже писал. Они говорили на арийском диалекте, отличавшемся от языка скотов. Плиний и другие историки считают сарматов более молодым народом, хотя я больше склоняюсь к мнению Геродота. Они полагают, что первых сарматов поселили на Дону скифы в конце II в. до н. э., возвращаясь из похода в Азию. Однако это маловероятно по двум причинам: 1) сарматы — разновидность саков и сакасов и 2) двигаясь из Азии в направлении Турана, их племена шли почти сплошным потоком, и нет оснований брать какой-то один из них за точку отсчета происхождения сарматов.

Их воины очень напоминали рыцарей-паладинов германского средневековья, далекими предками которых они являются. Металлический шлем, низко надвинутый на лоб, кольчуга из медных или роговых пластинок, на боку меч, за спиной лук и колчан со стрелами, в руке очень длинное и тяжелое копье³³⁴. В таком виде они передвигались по пустынным равнинам на лошадях в сопровождении огромных крытых повозок. Они везли с собой жен, детей, стариков и свои пожитки. Огромные быки, ступая, тащили эти повозки, и деревянные колеса уныло скрипели по песку или по чахлой степной траве. Эти настоящие дома на колесах были почти точной копией тех, на которых в глубокой древности в Пенджаб, в плодородный край пяти рек, пришли семьи первых арийцев. Они были похожи на те передвижные сооружения, из которых еще позже германцы устраивали свои походные лагеря. Это были настоящие ковчеги, в которых хранилась искра жизни для будущих цивилизаций и для обновления цивилизаций дряхлеющих; в современной истории есть яркий пример, воскрешающий в памяти далекие славные события: выносившая повозка американских переселенцев, сухопутное судно, плывущее по западным территориям нового континента, которое перевозит до самых Скалистых гор отважных англосаксов и мужественных женщин, их верных спутниц в тяжелых трудах и победах над варварской пустыней.

Изобретение этих повозок стало историческим поворотным моментом. Отныне установилась четкая разница между народами, которые приняли это новшество, и теми, которые предпочли ему шатер или палатку. Первые — это народы-путешественники, они не боятся новых мест и климатических условий; вторые заслуживают называться кочевниками. Они неохотно покидают насиженную, часто ограниченную территорию. Быть кочевником — значит, считать единственным местом жительства то, которое вечно подвижно в силу своей природы и которое служит убедительнейшим символом нестабильности. Повозка никогда не станет окончательным, последним жилищем. Арийцы, которые их использовали, которые долгое время — или даже всю жизнь — не могли найти другого убежища, отвергали палатки. Почему? Потому что они путешествовали не для того, чтобы просто сменить место, но для того, чтобы обрести родину, постоянное место жительства, дом.

Гонимые враждебными обстоятельствами, они упорно искали землю, где могли бы построить постоянные жилища. Как только такая возможность появлялась, повозку ставили на землю и больше не передвигали. Доказательством тому служат типы жилищ в большинстве европейских стран, где были арийские стоянки и поселения: народный дом — не что иное, как повозка со снятыми колесами. Колеса заменили каменным основанием, на котором стоит деревянное строение. Крыша прочная, с выступающими краями; она полностью накрывает жилище, в которое ведут узкие ступени, напоминающие приставную лесенку. Не считая незначительных изменений, это — древняя арийская повозка.

334 Подробных описаний вооружения и доспехов много у римских и греческих авторов, рассказывающих о сарматах. Мы уже встречали в «Рамаяне» сакасов в золотых доспехах, с тяжелыми боевыми топорами и длинными мечами. Геродот изображает массагетов с перевязью через плечо, в кирасе и в шлеме, покрытых золотом, с копьями, дротиками и стрелами, наконечники которых были сделаны из меди. В походе Ксеркса арийцы-персы носили кирасы из железных пластинок в виде рыбьих костей. Геродот считает, что такие доспехи они занимствовали у мидийцев. То же самое можно сказать о парфянах, хорасмийцах, согдийцах, гандарийцах, бактрийцах и т. д. Вообще металлические кольчуги были распространены у всех арийских народов, которых индусы называли «саками» или «саксами».

Швейцарское шале, мужицкая изба под Москвой, жилище норвежского крестьянина — это и есть передвижной, путешествующий дом сака, гета и сармата, которому наконец позволено распрячь быков и снять колеса ³³⁵. Это была внутренняя потребность воинов, которые прошли такие огромные расстояния и наконец нашли удобное место. Несмотря на долгие, иногда длившиеся веками, путешествия, эти люди не могли избрать палатку в качестве постоянного жилья, что было приемлемо для низших племен.

Сарматы ³³⁶, последние из арийских переселенцев, пришедшие в Европу во II в. до н. э. и, следовательно, сохранившие наибольшую расовую чистоту, сразу дали почувствовать древним завоевателям славян силу своих рук и своего ума, потому что вражда началась в самые первые дни. И вскоре они заняли ведущие позиции. Они поселились на больших просторах между Каспийским и Черным морем и начали угрожать северным равнинам. А северные склоны Кавказа оставались их плацдармом. Именно там, в горных ущельях, несколько веков спустя, когда они потеряли власть над понтийскими землями, их племена находили убежище у сородичей, поселившихся в горах ³³⁷. Благодаря этому обстоятельству они сохранили свою этническую целостность и честь, которой они так дорожат сегодня и которая заключается в том; что, по мнению физиологов, их внешность представляет совершенный тип белой расы. Нынешние горцы славятся красотой, воинственностью, энергичностью и еще тем, что упорно сопротивляются процессу всеобщей деградации, который охватил семитов, татар и славян, их соседей. Мало того, они способствовали улучшению крови османов и персов. Здесь уместно вспомнить, сколько видных деятелей они дали турецкой империи, а также славную эпоху правления черкесских беев в Египте.

Не стану останавливаться на подробностях бесчисленных перемещений сарматов в западную часть Европы. Некоторые из их племен, например, лимиганты, оспаривали власть в Польше у кельтской знати и основали государства, в которых построили такие города, как например, Берсовия, или нынешняя Варшава. Другие, язиги, завоевали восточную Паннонию, сломив упорное сопротивление фракийцев и кимрийцев, которые еще раньше подчинили себе славянские массы. Эти завоевания не отличались особым размахом и не оказали большого влияния на завоеванные народы. Иначе складывались дела у большой группы племен того же семейства, выходцев из крупной арийской ветви, — аланов, аранов или арийцев, объединенных родовым названием «роксоланы» ³³⁸. Они были активны в VII–VIII вв. до н. э. в устье Двины, на волжских и днепровских просторах, т. е. в Центральной России. Этот период, отмеченный большими переменами в этническом и географическом положении многих азиатских и европейских народов, является новой отправной точкой для северных арийцев и важной эпохой в истории их переселений.

Прошло лишь две или три сотни лет после их прихода в Европу, и за это время произошли бурные конфликты с соседними племенами. Вынужденные вести постоянные войны — нападать или обороняться, — они не имели времени и возможности развивать свою общественную систему, но с точки зрения будущего это досадное обстоятельство было с лихвой компенсировано этнической изоляцией, залогом расовой чистоты. Тогда им пришлось

335 Украшения и форма крыш российских изб, пристройки и крыльцо, ведущее в дом, напоминают швейцарские шале.

336 Это название состоит из двух корней «сар» и «мат» и означает «истребитель народов». «Сар» имеет мидийское происхождение. «Мат» соответствует санскритскому глаголу «рвать». Туранским словам трудно найти прямое соответствие в санскрите, так что значение проясняется опосредованным путем.

337 Кавказские осетины, называемые русскими «ясы» или «осы», а также «аланы» и «ассы», сами себя называли «ираны», а свою страну «Иронистан».

338 Этимология этого слова неизвестна. Некоторые объясняют его следующим образом: точно так же, как славяне называли германцев «немцами», т. е. «немьми», поскольку не понимали их языка, те же славяне дали этому народу имя «ротсланы» (от корня «рот»), т. е. «люди, которые умеют говорить».

искать новое место обитания.

Сила, теснившая их, двигалась с юго–востока. Это были их сородичи, очевидно, очень сильные, потому что сопротивление не увенчалось успехом. Поэтому арийцы–сарматы–роксоланы не могли двигаться в этом направлении. Не могли, они направиться и на запад, поскольку там уже укрепились саки, геты, фракийцы, кимрийцы. Не менее трудно было идти на северо–восток. Кроме финских масс, которые там обитали, присутствие сильных арийских племен, метисов, желтых арийцев, численность которых увеличивалась с каждым днем, делало невозможным возвращение на родину белой расы. Оставался путь на северо–запад. Там тоже были препятствия, но не столь непреодолимые. Там было мало арийцев, много славян, финнов, правда, меньше, чем на востоке. Роксоланы понимали это и добились успеха. Среди разнообразного населения, среди разношерстных групп, которых они называли «ваны», «иотуны» и «алфары» и среди которых были уже знакомые нам феи и карлики, им удалось создать устойчивое государство, отблеск которого виден до сих пор сквозь толщу времени — яркий свет зари скандинавских народов.

В «Эдде» эта страна называется «Гардарика», т. е. «город арийцев»³³⁹. Сарматы–роксоланы распрягли там своих быков и сняли колеса со своих повозок. Они наконец узнали там, что такое отдых после долгих и трудных веков скитаний, и построили постоянные жилища. Их столицей стал Асгард, город асов или арийцев. Скорее всего это был крупный город с дворцами, напоминавшими резиденции первых завоевателей Индии и Бактрии. Кстати, его название не в первый раз встречается в истории. Недалеко от южного побережья Каспийского моря долгое время существовало мидийское поселение Асагарта. Население этой страны Птолемей называет «сагарты», а по данным Геродота, в армии Дария было восемь тысяч сагартов.

Известно много легенд, созданных в Асгарде. Они описывают отцов богов, самих богов, которые осуществляют в этом царском городе свои высшие функции, отправляют судопроизводство, решают вопросы войны и мира, оказывают гостеприимство своим воинам и гостям. Среди них есть несколько ванских³⁴⁰ и иотунских принцев, т. е. вождей финских племен. Беспокойное соседство и военная опасность заставляли роксоланов искать поддержку то у одних, то у других племен, чтобы обезопасить себя от всех. При этом были неизбежны этнические союзы, о которых повествует «Эдда». Тем не менее таких союзов было немного, во–первых, потому что конфликты случались реже, чем в ту пору, когда роксоланы обитали в предгорьях Кавказа, а во–вторых, потому что Гардарика, хоть и стала славной страницей в древней истории арийцев–скандинавов, продержалась не очень долго, и завоеватели не успели за это время деградировать. Она была основана в VII–VIII вв. до н. э. и развалилась в начале IV в.³⁴¹ несмотря на храбрость и упорство ее создателей; они снова смирились с судьбой, которая вела их к мировому господству через трудные испытания, посадили свои семьи в повозки, погрузили туда имущество, оседлали своих скакунов и покинули Асгард, отправившись по мрачным северным болотам навстречу новым приключениям, которые были им уготованы и сулили, в будущем, благополучный конец.

339 «Гарта» используется в «Ведах» в двойном значении: «повозка» и «дом». На одной ахеменидской надписи слово «karta» означает «замок». В этом значении оно входит в состав названий некоторых азиатских столиц: Тиграносерта или «замок Тиграна». На латыни, готском и других производных языках «hortus», «gard», «iardin», «garden» значит «ограждение», и в этом заключается основное значение слова. К этому также следует прибавить греческое «хортос» и итальянское «chore», а также военный термин «когорта».

340 «Эдда» помещает асов, роксоланов на восточном берегу Дона, между тем как независимые вендские народы занимали западный берег.

341 Крах Гардарики, очевидно, был вызван натиском саков, которые сменили сарматов на Кавказе, а их самих вытеснили оттуда ахемениды.

ГЛАВА II. Арийцы–германцы

В определенный момент своего долгого пути благородные роксоланские народы разделились на две части. Одна направилась к нынешней Померании и обосновалась там, а оттуда приступила к завоеванию соседних островов и южной окраины Швеции. В первый раз арийцы стали мореплавателями и освоили новый вид деятельности, в котором им было суждено превзойти отвагой и умением все остальные цивилизации. Другая ветвь, которая в свое время также стала знаменитой в этой области, продолжала двигаться в направлении Ледовитого моря и достигла сурового побережья, обошла его и, снова повернув на юг, ступила на землю Норвегии, т. е. «северного пути», мрачную страну, недостойную родину для этих славнейших воинов. Там оставшиеся племена перестали называться сарматами, роксоланами, асами, т. е. отказались от имен, отличавших их от остальных белых рас. Теперь они стали саками.

А страна получила имя «Скандия», «полуостров саков». Вполне возможно, что эти народы по-прежнему называли друг друга «благородными людьми», т. е. кетами, саками, арийцами или асами. На новой родине это было их второе имя, между тем для группы, которая остановилась в Померании и в соседних землях, название «кеты» стало распространенным. Тем не менее, соседним племенам никогда не нравилось это имя, суть которого они не понимали, поэтому финны еще сегодня продолжают называть шведов «руотсланы», а русские являются для них вендами.

Скандинавские арийцы только обживали новую страну обитания, когда один знаменитый путешественник эллинского происхождения случайно оказался на этих широтах, внушавших страх грекам и италийцам. Это был массалиот Пифий, который добрался до южного берега Балтики.

В нынешней Дании он встретился только с тевтонами, в то время кельтами, о чем свидетельствовало их название ³⁴². Эти народы отличались утилитарной культурой своей расы, но к востоку от их территории жили гуттоны, в которых и следует видеть кельтов: это была часть померанской колонии ³⁴³. Греческий путешественник встретился с ними в нижнем бассейне моря, который он назвал Ментоном. Судя по всему, речь идет о реке Фрише–Хафф, а город, стоявший на ее берегу, — Кенигсберг ³⁴⁴. За рекой до самого Рейна с одной стороны и до Дуная с другой стороны властвовали кимрийцы. Однако вряд ли возможно, чтобы саки Норвегии, кеты Швеции, островов и континентальной части, с их предприимчивостью, храбростью, и учитывая скудную землю, доставшуюся им, оставили в покое метисное население, обитавшее по соседству.

Северным арийцам были открыты два направления для колонизации. Готская ветвь могла естественным образом направиться на юго–восток и на юг и снова захватить территории, которые прежде были частью Гардарики, и те земли, где в прежние времена разные арийские племена управляли славянами и финнами и впитали в себя их кровь. Что касается скандинавов, им предстояло двинуться на юг и запад, захватить Данию, Кимрию, затем неизвестные им земли центральной и западной Германии, затем Голландию и Галлию. И готы, и скандинавы сполна воспользовались шансом, который предоставила им фортуна.

Это разделение первых германских народов на скандинавов и готов диктовалось обстоятельствами, и я не согласен с мнением Тацита и Плиния, которые производят северные расы от некоего первочеловека по имени Туисто и его троих сыновей — Истэво, Ирмино и

342 Имя «тевт», которым сегодня называют себя немцы, издавна было распространено у кимрийцев, и в нем нет ничего германского. Аборигены Италии называли Пизу Тевта, а жители назывались «тевтоны». Корень «тевт» входит в состав многих кельтских имен: Тевтобохус, Тевтомалус и т. д.

343 Они обосновались на землях славянских племен и вынудили их разделиться.

344 Пифий, Птолемей, Мела и Плиний указывают на движение готов к Висле. Они встретили там арийские народы, очевидно, это были скифы — сарматы.

Ингэво. Все говорит за то, что такого мифа никогда не существовало в чисто германских странах, и он был распространен в основном в центральной и южной Германии. Поэтому он имеет кельтское происхождение и в измененном виде попал к германским метисам. Все попытки Мюллера отыскать скандинавских богов с такими именами ни к чему не привели. В слове «Туисто» можно узнать название «тевт», ставшее эпонимом кельтской расы. Вместо него хроники дают «Аланус», а его сыновьями были Гисицион, Арменон и Невгио.

Начиная со II в. до н. э. норвежские народы встречаются рядом с кимрийцами, самыми близкими их соседями. Сильные отряды захватчиков вышли из лесов, навели страх на жителей кимрийского Херсонеса и, преодолев все препятствия и пройдя земли десяти народов, перешли через Рейн, вступили в Галлию и остановились только у Реймса и Бовэ.

Этот поход был скоротечным, удачным и плодотворным. Однако при этом переселенцы не изгнали ни одного племени с его территории. Они были слишком малочисленны, и это им было невыгодно. Они шли к своей цели. Тем не менее, они перемешались с завоеванным населением, сформировав в результате германизированные племена, о которых высоко отзывался Цезарь — как о самом активном народе Галлии, который сохранил древнее кимрийское название «бельгийцы».

Тогда с кельтами Запада произошло то, чего многие века на востоке Европы не случалось с другими кельтскими племенами, в частности, со славянами. С ними начали смешиваться хозяева-арийцы, которые затем приняли их родовое имя. Это одна из причин, почему римляне так долго путали эти две группы, а Страбон предложил свою этимологию слова «германцы» от галльского слова «germani», т. е. «братья», как называли их галлы. Они действительно были братьями в тот момент, когда с ними встретился географ Апамей, но не братьями по крови. Как когда-то первые германские кланы Востока, пришедшие из Норвегии, смешались с галлами, точно так же первые готские переселенцы вступали в союзы, которые сильно изменяли их состав. Так, готины Силезии приняли язык своих подданных кимрийской расы, о чем пишет Тацит. Я особенно подчеркиваю этот факт, т. к. он проясняет много исторических загадок, хотя до сих пор его игнорировали.

Этот первый поток был весьма благотворным для народов, которых он затронул. Он обеспечил их жизнестойкость, ослабил влияние финской крови и на какое-то время сделал их завоевателями и позволил им захватить часть Галлии и восточные районы Британского острова; короче говоря, он придал им такое убедительное превосходство над остальными галлами, что когда кимбры и тевтоны, в свою очередь, перешли Рейн, они прошли мимо территории бельгийцев, не осмелившись напасть на них. Напомню, что эти же кимбры и тевтоны смело вступали в сражение с римскими легионами! Дело в том, что на Сомме и Уазе они признали сородичей и достойных соперников.

Ярость в бою, которую проявляли эти враги Мария, их невероятная храбрость и хладнокровное упорство заслуживают особого упоминания, потому что такого еще не было среди, собственно говоря, кельтских народов. Эти кимрийские и тевтонские племена, особенно кельты, получили хорошую поддержку в виде скандинавского элемента. С тех пор, как северные арийцы стали их близкими соседями и начали ощущать их присутствие, с тех пор, как на их территории появились иотуны, они претерпели большие изменения и тем самым возвысились над своим древним семейством; как правило, это были чистые кельты.

В таком качестве они все-таки не сделались равными тем, кто передал им часть своего могущества, и когда скандинавы, устроив массовый исход с полуострова, пришли на земли этих метисов с намерением подчинить их, последним пришлось уступить. Таким образом, большая их часть, не желая примириться с бедностью и притеснениями, превратилась в шайки отчаянных головорезов, которые напомнили римскому миру о смутном времени Бреннуса.

Не все тевтоны и не все кимбры избрали для себя такую судьбу и покинули родную землю. Ушли только самые отважные, самые благородные и германизированные. В самых воинственных и гордых племенах всегда есть люди, стремящиеся к мирным сельским трудам и готовые к политическому подчинению. Германизированный слой исчез со сцены, уступив

место более однородному населению. Кельты, смешанные с финскими элементами, сохранились. Об этом со всей очевидностью говорит нынешний датский язык ³⁴⁵. В нем остались глубокие следы контакта с кельтами, который мог иметь место только в ту эпоху.

Немного позже мы увидим у различных германских народов этих стран многочисленные верования и обряды друидов.

Эпоха ухода тевтонов и кимбров — это второе переселение северных арийцев, более массовое, чем первое: в результате этого появились бельгийцы второй формации, и произошли важные события, которые ощутили на себе римляне. Я уже отметил одно из них: кимрийскую катастрофу. Вторым событием, затронувшим скандинавов Норвегии на южном побережье Зунда, был приход на север Германии до самого Рейна новых народов смешанной расы, более арианизированных, чем бельгийцы.

Третьим событием в I в. до Рождества Христова, в центре Галлии, явилось германское нашествие, возглавляемое Ариовистом. На двух последних фактах следует остановиться подробнее. Сначала рассмотрим первый, который показывает, как плохо знал диктатор зарейнские племена. Перед ним были уже не кимрийцы, о которых когда-то писал Аристотель, а народности, говорившие на незнакомом языке, в чьей доблести он мог убедиться лично. Он приводит неполный перечень, причем включает тревиров и нервийцев в число бельгийцев, а покоренных бойцов вместе с гельветами называет полугерманцами, и он недалек от истины. Суэзов, несмотря на кельтское происхождение их названия, он сравнивает с воинами Ариовиста ³⁴⁶. Наконец, в эту последнюю категорию включены и другие группы за Рейном, которые с мечом в руках пришли в страну арвернцев и обосновались там. Кстати, этот факт объясняет упорное сопротивление этих жителей Галлии, подданных Версингеторикса, в чем их можно сравнить с самыми отважными северянами ³⁴⁷. Пожалуй, этим и ограничиваются в I в. до н. э. знания римлян об этих храбрых народах, которые позже оказали такое большое влияние на цивилизованный мир. И в этом нет ничего удивительного; они только что пришли, едва сформировались и пока ничем не обозначили свое присутствие. Мы вообще не имели бы сведений о германских племенах второй волны, если бы автор истории галльской войны не оставил записок о лагере и личности Ариовиста.

В глазах великого римлянина Ариовист предстает не просто главарем банды: это — талантливый политик и завоеватель. До того, как вступить в открытую борьбу с империей, он уже доказал сенату свое могущество, и сенату пришлось объявить его союзником Рима. Этот титул, такой вожденный для богатых азиатских монархов, его вовсе не прельстил. Когда диктатор, прежде чем начать войну, пытался изучить его характер и во время переговоров упомянул о своем праве вступить на территорию Галлии, тот высокомерно заявил, что у него тоже есть такое право. Что он также призван галльскими народами, чтобы навести у них в стране порядок. Он еще некоторое время играл роль законного арбитра, затем бесцеремонно разорвал паутину лицемерия, которой хотел его опутать собеседник, сказав: «Ни ты, ни я не собираемся защищать галлов и улаживать их ссоры в качестве незаинтересованных миротельей. Мы оба хотим завоевать их».

Этими словами он сделал беседу откровенной и заявил о своем праве на добычу. Он хорошо знал ситуацию в этой стране, знал конфликты, страсти и интересы враждующих

345 Некоторые ученые не думают, что датские народы до VIII в. до н. э. можно было считать германскими. На северной оконечности Югленда обитало многочисленное разнородное население: сначала финны, затем кельты, затем славяне, иотуны и, наконец, скандинавы. Другие считают датчан продуктом смешения финнов и кельтов.

346 Суэвы пользовались очень большим уважением среди германских метисов. Однако они не относились к чистой расе. Их политическая организация была заимствована у кимрийцев, а религия была друидской. Они жили в городах, что не было характерно для скандинавских или готских племен; по словам Цезаря, они возделывали землю.

347 До Цезаря самые крупные галльские народы, чтобы увеличить свое могущество, привлекали в армию чужестранцев.

групп. Он так же хорошо говорил на галльском языке, как на своем родном. Одним словом, он вовсе не был варваром в своих привычках и не был слабее соперника по уму.

Он потерпел поражение. Судьба отвернулась от его армии, но не от его расы. Его воины, не принадлежавшие к рейнским племенам, рассеялись в разные стороны. Те, кого Цезарь, восхищенный их храбростью, не взял к себе на службу, постепенно смешались с разными соседними народностями и принесли в их среду свое воинское искусство.

В сущности, они были не народом, а всего лишь войском³⁴⁸, и от них Запад впервые узнал название «германцы». И Цезарь находил что-то германское у таких племен, как тревирсы, бойицы, суэвы, нервийцы, только судя по их мощному телосложению и мужеству. Именно к ним относится это славное имя, о котором мы будем говорить ниже.

Поскольку люди Ариовиста были не народом, а войском, которое совершало походы и путешествия по обычаю арийцев вместе со своими женами, детьми и своим имуществом, им было не до того, чтобы обзавестись родовым названием; возможно, они, как это нередко случалось с их сородичами, находились на службе у разных племен. Итак, лишённые коллективного имени, что они могли ответить на вопрос галлов: «Кто вы?» Воины, отвечали они, благородные люди, «ариманны», «хеерманны», или, в кимрийском произношении, «германны». Это и было общим названием, которое они давали всем свободнорожденным. Вплоть до IX или X в. «германном» или «ариманном» называли свободного человека в среде германского населения Италии. А в XII в. слово «Аримания» означало совокупность свободных людей одной расы, а также свободную собственность аримана. Синонимичные названия саков, кетов, арийцев перестали обозначать совокупность их народов: они стали относиться лишь к некоторым ветвям и племенам³⁴⁹. Но всюду, как в Индии и Персии, это имя в той или иной форме продолжало применяться к самому многочисленному или влиятельному классу общества. Ариец у скандинавов был главой семьи, преимущественно воином, тем, что сегодня называется гражданином. Что касается предводителя похода, о котором идет речь, который, как и Бреннус, Версинжеторикс и многие другие, получил от истории только титул, но не имя собственное, Ариовист, он был господином героев: он кормил их, платил им, т. е., согласно всем известным традициям, был их полководцем. Ариовист — это Ариогаст или Ариагаст, т. е. господин арийцев.

Во II в. н. э. начинается эпоха, когда в Германии увеличился приток скандинавов, что стало беспокоить римских государственных мужей. Беспокойством переполнена душа Тацита, и он не знает, чего ожидать от будущего: «Я молю всех богов, чтобы дольше продолжалась не дружба, которую эти народы предлагают нам, а их взаимная ненависть, которой они уничтожают друг друга. Нашему обществу остается лишь надеяться, что фортуна продлит раздоры среди наших соседей».

Однако эти естественные опасения не оправдались. Германцы, соседи империи во времена Траяна, вопреки своему устрашающему виду, оказали Риму неоценимые услуги и почти не приложили руку к его распаду. Не им было суждено возродить мир и создать новое общество. Несмотря на их активность, превосходившую активность граждан республики, они были уже слишком заражены кельтскими и славянскими элементами, чтобы выполнить задачу, которая требовала юных и самобытных инстинктов. Имена большинства их племен бесславно исчезли из истории еще до X в. Сегодня мы знаем очень немногих, связанных с эпохой великих переселений, да и те не относятся к самым славным. Их также охватило римское разложение.

Чтобы найти исток больших нашествий, которые заложили семена нынешнего общества, перенесемся на побережье Балтики и на скандинавский полуостров.

348 Ариовист сказал Цезарю, что вот уже 14 лет, с тех пор, как начались его походы в Галлию, ни он, ни его люди не ночуют под крышей.

349 Кроме осов-сарматов, которые все еще жили в Паннонии и были данниками других сарматов и германских квадов, в Прибалтике жили осилы, роксоланы по происхождению. Германские «арии» жили за Вислой. Плиний, Страбон, Птолемей и Мела приводят длинный перечень других народов.

Именно этот район самые древние историки справедливо считают колыбелью народов. К нему следует прибавить те восточные земли, которые после исчезновения Гардарики Асаланда арийская ветвь готов избрала своей новой родиной. В эпоху, когда мы оставили их, эти народы вынуждены были спасаться бегством и довольствоваться очень малыми территориями. Мы возвратимся к ним в пору их всемогущества и встретимся с ними на огромных просторах, завоеванных силой их оружия.

Римляне вначале столкнулись не с главными силами, а только с теми, которые находились вдоль границ: это было во время войны с маркоманами, т. е. с «приграничными жителями». Траян остановил их нашествие, но победа досталась римлянам дорогой ценой и не была полной и окончательной. Она никак не отразилась на судьбах германцев: они уже дошли до нижнего течения Дуная и пустили корни в самых северных краях, оставаясь самыми чистокровными и активными представителями своего семейства.

Действительно, когда к началу V в. начались массовые нашествия, на сцене появились многочисленные готские племена: по всей линии римских границ, от Дакии до устья Рейна, двигались прежде малоизвестные народы, постепенно ставшие опасными и непобедимыми. Их имена, упомянутые Тацитом и Плинием как принадлежавшие самым северным племенам, казались этим авторам очень варварскими, и они считали народы, носившие их, самыми безобидными для спокойствия Рима. Но они жестоко ошибались.

Как я только что отметил, это были в первую очередь готы, пришедшие в большом количестве со всех уголков своих владений, откуда их изгнал Атила, которого поддерживали как некоторые арийские или арианизированные расы, так и монгольские орды³⁵⁰. Империя амалунгов и государство Германариха рухнули под этим страшным ударом. Даже их система правления, более стабильная и прочная, чем у остальных германских народов³⁵¹, опиравшаяся на принципы древнего Асгарда, не могла избежать краха, хотя население совершало чудеса храбрости. Несмотря на жестокое поражение, они сохранили свое величие, их цари, принадлежавшие к благородному роду, не выродились, и не потускнело их родовое имя — «амалы», т. е. «небесные», «чистые»³⁵². Наконец, превосходство готского семейства нашло признание среди германских народов, и этот факт фигурирует на каждой странице «Эдды»: эта книга, составленная в Исландии по мотивам норвежских песен и саг, прославляет главным образом Висигота Теодорика, и эта почести вполне заслуженны. Люди, заслужившие их, стояли выше римлян в том смысле, что лучше осознавали ценность памятников древней цивилизации и осуществляли благотворное воздействие на весь западный мир. Намного позже последние отзвуки готской славы вдохновляли гордую испанскую знать. После готов почетное место в истории общественного обновления могли бы занять вандалы, если бы они продержались дольше: их многочисленные группы не были чисто германскими, в них преобладал славянский элемент³⁵³. Вскоре судьба забросила их в среду более цивилизованных народов и более многочисленных, чем они сами. Союзы, которые заключались между ними, были губительны для германской основы и чужды

350 Амадей Тьери в своих работах, посвященных V в., первым сообщил сведения о политических событиях той эпохи, хотя его суждения о действиях Атилы не совсем справедливы. Основную массу нападавших составляли вандалы, суэвы и алаины, но историк неверно указывает направление их удара.

351 Это замечание принадлежит Тациту.

352 Висиготы называли небо «амал». По мнению Шлегеля, слово «амал», которое переводится с готского как «чистый», «незапятнанный», имеет то же значение в санскрите. Амалы, как их называли англосаксы, амалунги в «Песне о Нибелунгах» были потомками Гэата или кета. По мнению Мюллера, Гэат — одно из имен Одина, а я склонен видеть в этом имени древнюю форму названия готов. Амалунги вышли из самой чистой арийской ветви.

353 Шаффарики считает, что славяне, жившие между Вислой и Одером, получили примесь суэвов (германизированных кельтов) и превратились в вандалов. С вандалами смешались малочисленные группы чисто германского происхождения.

первоначальному сочетанию вандальских элементов, поэтому они способствовали еще большему хаосу. Славянская, желтая и арийская смесь в Италии и Испании все сильнее пропитывалась романизированной кровью, приобретая всевозможные меланийские оттенки, распространенные на африканском побережье, и тем самым вырождались до такой степени, что скоро перестала вообще принимать германский элемент. Вандалы быстро приняли дряхлую карфагенскую цивилизацию, которая испускала дух, и исчезли. Кабилы, считающиеся потомками вандалов, в какой-то степени сохранили свою северную сущность, тем более что некоторые привычки, приобретенные в результате упадка, ставили их на одну ступень с соседними племенами и продолжали поддерживать равновесие между этническими элементами, из которых они состояли. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что у них осталось очень мало тевтонского, зато появилось большое сходство с местными расами. Однако даже эти выродившиеся кабилы были самыми трудолюбивыми, умными и прагматичными из жителей западной Африки.

Лангобарды лучше сохранили свою чистоту, чем вандалы; кроме того, они обладали способностью неоднократно возрождаться, черпая силы в своих истоках, поэтому их история была более длительной и плодотворной. Тацит почти не заметил их на берегах Балтики, где они в то время жили: они еще не вышли из общей колыбели благородных народов. Спустившись затем на юг, они дошли до среднего течения Рейна и истоков Дуная и долго жили там, смешиваясь с местными племенами, о чем свидетельствует кельтский характер их языка. Несмотря на смешение, они не забыли свою родословную и еще долгое время после того, как они поселились в долине По, Проспер Аквитанский и автор англосаксонской поэмы «Беовульф» видели в них древних потомков скандинавов.

Бургундцы, которых Плиний поместил в Ютландии, принадлежали, как и лангобарды, к норвежской ветви³⁵⁴; они направились на юг (это произошло позже III в.), долго владычествовали в южной Германии и породнились с кельтизированными германцами, продуктами предыдущих нашествий, и с другими элементами — кимрийцами и славянами. Их судьба похожа на судьбу лангобардов, за исключением того, что их кровь сохранилась лучше. Им повезло в том смысле, что, начиная с VII в., они оказались под властью германской группы, чья расовая чистота была на уровне готов, франкского народа.

Франки, которые в качестве могущественного народа, пережили почти все остальные ветви общего дерева, даже готов, были замечены римскими историками только в I в. н. э. Их «царское» племя, Меровинги, обитало вплоть до VI в. на ограниченной территории между устьями Эльбы и Одера, на берегу Балтийского моря, рядом с прежним местом обитания лангобардов. Судя по географическому положению, Меровинги пришли из Норвегии и принадлежали к готской ветви³⁵⁵. Они приобрели широкую известность и влияние на галльских землях после V в. Тем не менее, ни в одной из известных нам генеалогий богов они не упоминаются в связи с Одином, что для германцев служит единственным правом на царское достоинство: так было у готских амалунгов, датских скилдингов, шведских астингов и всех династий англосаксонской гептархии³⁵⁶. Несмотря на молчание документов, нет сомнений в том, что этому царскому семейству недоставало «божественного» происхождения

354 Кеферштайн указывает, что в момент прихода на Рейн они представляли собой смесь готов и вандалов.

355 Неизвестный автор назвал эту страну «Mauringania», земля Меровингов. В поэме «Беовульф» Отмечена связь между Меровингами и франками. Кеферштайн показывает, что, двигаясь с крайнего севера, франки могли прийти до Галлии, не смешиваясь со славянами и почти избежав смешения с чистыми кельтами.

356 Сохранившиеся «героические» генеалогии — в «Эдде», в хрониках, составленных монахами, в преамбулах к различным кодексам — это один из важнейших источников по древней истории германцев. Форма имен, их порядок, численность предков самого Одина, следы аллитерации в прозаических текстах — все это также заслуживает внимательного изучения. Отмечу в этой связи трех предков Одина — Суаф, Геремод и Геат: это этническое выражение названий трех крупных народов — саки, арии и кеты. Можно назвать еще два имени: Хвала (галлы) и Фуни (феннийцы).

от Одина, т. е. доказательства арийской чистоты, тем более что мы знаем, какое высокое место занимали Меровинги среди франков. К сожалению, их высшие титулы не дошли до нас, затерявшись в глубине веков.

Франки быстро достигли нижнего Рейна, и в поэме «Беовульф» они владеют двумя реками, а от моря их отделяют земли фламандцев, Флемингов и фризонов — двух родственных им племен³⁵⁷. Там они нашли только германизированные расы³⁵⁸, поэтому на новые земли они принесли убедительные гарантии могущества и долговечности империи, которую им предстояло создать. Однако в этом отношении, хотя им повезло больше, чем вандалам, лангобардам, бургиньонцам и даже готам, счастливее их были саксоны. Их завоевания никогда не доходили до внутренних земель римского мира, следовательно, они не имели контактов с самыми смешанными расами. И их вряд ли можно включить в число завоевателей римской империи, хотя их перемещение началось почти одновременно с франками. Их внимание сосредоточилось на востоке Германии и на Британских островах западного океана. Поэтому они не имеют никакого отношения к возрождению римских масс. А отсутствие связей с активными областями цивилизованного мира, которое лишило их большой славы, было им в высшей степени выгодным. Среди всех народов, вышедших со скандинавского полуострова, англосаксы были единственным, который в наше время сохранил определенную толику арийской сущности. Собственно говоря, это единственный скандинавский народ, живущий сегодня. Все остальные исчезли, и их влияние можно ощущать только косвенным образом.

В нарисованной мною исторической картине я обошелся без подробностей. Я не стал описывать небольшие бесчисленные группы, которые постоянно находились в движении, то и дело сталкиваясь при этом с более крупными массами, и придали великим переселениям IV и V вв. конвульсивный и хаотический характер. Чтобы понять те далекие события, следовало бы представить многие тысячи племен, армий и просто банд, которые в силу самых разных причин — давление соперников, высокая плотность населения, голод, амбиции, стремление к славе и добыче — перемещались по континенту и вызывали большие потрясения³⁵⁹. От Черного моря и Кавказа до Атлантического океана все находилось в непрерывном движении. Кельтско-славянская основа населения то и дело выплескивалась из одной страны в другую, захваченная арийским порывом, и в этой невообразимой толчее появились монгольские всадники Атиллы и их союзники, которые прошли сквозь лес мечей и копий, сквозь испуганные толпы земледельцев, оставив нестираемые следы. Словом, это был полный хаос. Если на поверхности появлялись заметные признаки возрождения, то в глубину падали новые разрушительные элементы.

Пора подвести итог арийским переселениям в Европе, которые привели к появлению германизированных групп, двинувшихся к границам римской империи. К VII в. до н. э. сарматы-роксоланы направились к волжским равнинам. В IV в. они занимали Скандинавию и часть Балтийского побережья на юго-востоке. В III в. они начали расходиться по двум направлениям к срединным землям континента. В западном регионе их первые волны встретились с кельтами и славянами; на востоке, кроме последних, жили остатки арийских народов — сарматов, гетов, фракийцев, одним словом сородичей их предков, не считая

357 Раньше фризы назывались эотены, эотаны или ноты. Это были германизированные иотуны.

358 Из наименее германизированных племен можно назвать убийцев. Но кельтский элемент у этого народа был значительно ослаблен союзами с другим родом, принесенными римлянами. Сикамбры, упомянутые в первых исторических хрониках, были германизированы в большой мере в силу их географического положения. Однако они носят кельтское имя, напоминающее «сегобригов», племя, издавна известное в фосийской колонии Марселя. Очевидно, оно означает «прославленные амбры или кимрийцы».

359 В их числе астинги, скиры, руги, гепиды и особенно герулы. Эти племена, подобно воинам Ариовиста, представляли собой скорее армии или бродячие банды, чем народы, искавшие спокойного места. После устрашающих набегов на юг, они очень часто возвращались на север.

последние племена благородной расы, которые продолжали выходить из Азии. С этим связано выраженное превосходство готов, которого не могли ослабить многочисленные контакты. Однако постепенно установилось равенство, этническое равновесие между двумя потоками. По мере того, как первые переселенцы получали более чистую кровь, в Скандинавии формировались очень сильные группы: если сикамбры и черуски быстро уступили пальму первенства населению готской империи, то франков смело можно считать достойными братьями воинов Германика, и в большей мере этого комплимента заслуживают саксоны той эпохи.

Но одновременно с прибытием новых сильных рас в южную Германию, Галлию и Италию, гунны вытеснили готов и последних арийцев с территории их подданных славян и отбросили их туда, где уже собирались остальные германские массы. В результате восточная часть Европы, лишённая арийской энергии, оказалась под властью славян и завоевателей финской расы и дошла до такой деградации, из которой ее не смогли вытащить самые благородные пришельцы. Кроме того, все силы германцев стремились на крайний запад континента, вернее, на северо-запад. Такое распределение этнических принципов породило современную историю. Итак, мы подходим к рассмотрению этого арийско-германского семейства, чей маршрут мы только что проследили. И самое главное — необходимо дать им точную оценку в период, когда они еще не попали в водоворот римского разложения.

ГЛАВА III. Первые германские расы

Арийские народы Европы и Азии в своей совокупности, что касается их общих типичных качеств, поражают нас явным превосходством над остальными, даже над смешанными белыми народами, среди которых, или рядом с которыми, они жили. Даже один этот признак выделяет их из остальной массы человечества. Однако не следует искать это превосходство в фактах, которые не имеют к нему отношения. И не стоит также ставить это превосходство под сомнение, пользуясь фактами, которые искажают саму идею превосходства. Итак, превосходство арийцев не связано с исключительным развитием моральных качеств — оно заложено в принципах, из которых вытекают эти качества.

Не надо забывать, что при изучении истории обществ никоим образом нельзя основываться на морали как таковой. Цивилизации отличаются друг от друга главным образом не пороками и не добродетелями, хотя в этом смысле они стоят выше варварства, но это — побочное следствие их деятельности. Их в первую очередь характеризуют врожденные и развиваемые способности.

Человек по-преимуществу есть злобное животное. Постоянно растущие потребности толкают его на многие неблагоприятные поступки. А потребности возрастают с его развитием. Поэтому казалось бы естественным, что его плохие инстинкты увеличиваются за счет необходимости преодолевать все больше препятствий, чтобы удовлетворить эти потребности. Но, к счастью, это не так. Разум, который, совершенствуясь, поднимается выше и становится более требовательным, озаряет это существо и отвлекает его от голого интереса. Религия, даже несовершенная или ложная, к которой человек относится всегда несколько возвышенно, не позволяет ему беспрекословно подчиняться разрушительным наклонностям.

Таким образом, ариец если не всегда лучший из людей, с точки зрения моральной практики, то, по крайней мере, он лучше осознает сущность совершаемых поступков. В этой области его догматические идеи всегда более обоснованны, хотя зависят от его состояния. Пока он является жертвой неблагоприятных обстоятельств, его тело и душа закованы в броню: твердый по отношению к самому себе, он также безжалостен к другим; именно это качество выделяет Геродот, прославляя целостность воинственного скифа. Здесь достоинство заключается в его верности закону, даже жестокому и не во всем справедливому, который смягчается там, где окружающий социальный климат становится мягче.

Повторяю, ариец стоит выше остальных людей в основном благодаря своему интеллекту и своей энергии; благодаря этим двум качествам, преодолевая свои страсти и

возвышаясь над материальными потребностями, он приходит к поистине высокой морали, хотя при обычном положении вещей он может обнаруживать такие же качества, как у обеих низших групп.

Этот ариец западной ветви предстает перед нами таким же могучим, красивым и воинственным, каким мы видели его в Индии и Персии, а также в гомеровской Элладе. Одно из первых впечатлений о германском мире заключается в том, что главным в нем является человек, а нация стоит на втором месте. Здесь мы видим, прежде всего, индивида, а не общую массу, и этот индивид представляет еще больший интерес, если сравнить его с семитскими, эллинскими, римскими, кимрийскими и славянскими метисами. Там перед нами почти всегда толпа, человек ничего не стоит и становится безликим по мере усложнения этнической смеси, к которой он принадлежит.

Могучий ариец–германец возвышается над своим окружением, и наш взгляд останавливается, прежде всего, на нем, и только потом мы замечаем то, что его окружает. И особое значение приобретает все, что он говорит и делает и во что верит.

Вот некоторые его догматы в области религии и космогонии. Природа вечна, а материя бесконечна. Однако всему сущему предшествовала зияющая пустота, хаос. В «Волуспе» говорится: «В то время не было ни песка, ни моря, ни даже смутной мягкой сердцевины. Нигде не было суши и неба, обволакивающего ее. Из глубокого мрака вышли двенадцать рек, и они потекли, тут же замерзая».

Потом теплый воздух подул с юга, из страны огня, и растопил лед; капли воды ожили, и появился великан Имир, олицетворение живой природы. Он задремал, и из его левой открытой ладони и его ног, оплодотворивших друг друга, вышла раса гигантов.

Тем временем лед продолжал таять, и от этого появилась корова Аудхумба. Это символ органической силы, которая привела в движение все сущее. В этот момент из капель воды вышло существо по имени Бури, которое породило сына, Борра, и тот, соединившись с дочерью одного из гигантов, стал отцом трех первых богов, самых древних и почитаемых— Один, Вили и Вэ ³⁶⁰. Эта троица, появившаяся, когда великие космические деяния уже совершились, довершила организационную работу — в этом состояла ее задача. Она упорядочила мир, и из двух деревьев, лежавших на берегу моря, первые боги сделали первых людей. Дуб стал мужчиной, ива — женщиной ³⁶¹.

Это всего лишь арийский натурализм, видоизмененный идеями, которые родились на далеком Севере ³⁶². Живая мыслящая материя, олицетворяемая коровой Аудхумбой из азиатского мифа, царила над тремя великими богами. Они родились после нее, поэтому не обладали ее бессмертием. Они должны погибнуть от руки гигантов, т. е. органических сил природы, и организованный таким образом мир, их детище, должен исчезнуть вместе с ними, вместе с людьми, сотворенными ими, чтобы уступить место новым организаторам, новому порядку вещей, новым поколениям смертных. Подчеркиваю еще раз: суть всех этих понятий была известна древним индусам.

От проходящих божеств, как бы велики они ни были, недолгий путь к человеку. И ариец–германец всегда ставил себя на одну ступень с ними. Его почитание предков было неразрывно связано с поклонением высшим существам. Ему нравилось думать, что он происходит от кого-то более великого, нежели он сам; как эллинские расы вели свою

360 Не станем до конца излагать эту теологическую формулу: в ней заключены двенадцать великих богов и целый сонм небесных существ разного ранга и происхождения, т. к. были ванские, иотунские, асские и другие божества.

361 Мы представили только три главных компонента скандинавской теологии и космогонии. «Новая Эдда» содержит следы мифов неарийского происхождения, которые появились на Севере после прихода роксоланов. Самый авторитетный скандинавский документ «Волуспа» был составлен в первой половине VIII в. н. э. на основе пяти разных поэм более древней эпохи.

362 Цезарь полагает, что германцы считали богами силы природы: солнце, луну и огонь.

родословную от Юпитера, Нептуна, так же скандинав гордился своей генеалогией до самого Одина или до других божеств, которых естественный символизм в изобилии создавал вокруг первородной троицы ³⁶³.

Антропоморфизм был совершенно чужд этим врожденным понятиям, он ассоциировался с ними гораздо позже под неизбежным влиянием этнического смешения. Пока сын роксоланов оставался чистым по крови, он предпочитал видеть в богах только свое воображение и не придавал им осязаемые формы. Для него боги парили среди облаков, окрашенных заходящим солнцем. Об их присутствии говорил шум лесов ³⁶⁴. Он находил и почитал их эманацию в некоторых ценных для него вещах. Квады давали клятву на мечях, до них то же самое делали фракийцы. Лангобарды поклонялись золотому змею, саксоны — мистическому существу, состоявшему из льва, дракона и орла, похожие традиции были у франков.

Но позже союзы с европейскими метисами привели их к материальному пантеону славян и кельтов, который они приняли если не целиком, то хотя бы частично. Так они стали идолопоклонниками. У суэвов им понравился жестокий культ богини Нерфус, и у них вошло в обычай один раз в год провозить ее статую по всем улицам в колеснице ³⁶⁵. Кабан Фрейн, излюбленный символ галлов, был принят большинством германских народов, которые водрузили его на свои шлемы и крыши своих замков. Когда то, в чисто арийские времена, германцы не знали храмов, теперь они их строили и заполняли чудовищными идолами ³⁶⁶. Как и древним кимрийцам, им тоже захотелось угодить инстинктам низших рас, среди которых они поселились ³⁶⁷.

То же самое произошло с культовыми формами. Первоначально ариец–германец был сам себе жрецом, и долгое время после установления национального института священников каждый воин хранил в своем доме символ жреческого культа, который считался недвижимой собственностью и в случае продажи жилища переходил к новому владельцу ³⁶⁸. Когда положение изменилось, германский священник стал вести службу для всего племени. Но он никогда не был тем, чем в доведические времена являлся у арийцев–индусов пурохита. У германцев не было жреческой касты наподобие брахманской или строгого порядка, как у друидов; германский священник был абсолютно исключен из ратных дел, и ему не оставили ни малейшей возможности управлять общественной жизнью. Тем не менее, в силу глубокой мудрости, как только арийцы признали публичных священников, они доверили им важнейшие гражданские функции, например, поддержание порядка на собраниях и исполнение приговоров. Отсюда человеческие жертвоприношения у этих народов.

После вынесения приговора осужденного исключали из общества и передавали

363 Самые благородные семейства, помня о Гардарике, считали, что их предки обитали в Асгарде, обожествленном традицией.

364 По свидетельству Тацита, у них не было храмов, между тем как их строили кельты Галлии и Германии.

365 Все эти культы несут на себе следы кельтского влияния. «Nerthus», «mater deum», имеет аналогию в галльском «nerth», «целебная сила», и в гэльском «neart» с тем же значением. Обычай делать из островов святилища взят у кельтов. Мюллер находит у датчан религиозные обычаи славянского происхождения. Исида, которую Тацит обнаружил у суэвов, — это «Hesu» или «Ни», кельтское божество.

366 Адам Бременский описывает статую Водана, которую он увидел в храме Упсала.

367 Бывало так, что такой могущественный в Скандинавии бог, как, например, Водан, был почти неизвестен у полугерманских племен на юге Германии. Его не знали баварцы.

368 Под влиянием кельтов, славян и финнов получили широкое распространение профессиональные проповедники, чьи функции часто сводились к суеверным предсказаниям. У готов, тюрингцев, бургундцев, англосаксов были епископы, которые даже вмешивались в политику. Кроме того, было множество колдунов, заклинателей, прорицателей, шаманов.

священнику, т. е. богу. И освященная рука наносила ему последний удар, изливая на него гнев небесный. Его казнили не столько за то, что он погрешил против людей, сколько за то, что он оскорбил высшего блюстителя закона. В такой форме возмездие было не столь позорно для достоинства арийца, и надо признать, это было гуманнее, чем просто обезглавить человека за то, что он перерезал горло другому³⁶⁹.

Часто задают вопрос, имели ли семитские народы четкую идею о потусторонней жизни. А вот в отношении арийской расы такого вопроса возникнуть не может. Смерть всегда была для арийца только переходом, узким, но неизбежным, в иной мир. Арийцы видели впереди новую судьбу, которая, кстати, предопределялась не достоинствами добродетели и не наказанием, которого заслуживает порок. Человек благородной расы, истинный ариец, возносился только силой своего происхождения в Валгаллу, а бедняки, пленники, рабы, одним словом, метисы и люди низкого происхождения независимо от заслуг попадали в ледяной мрак Нифлхеймца³⁷⁰.

Очевидно, эта доктрина появилась в эпоху, когда слава, могущество, богатство находились в руках арийцев, и ни один ариец не был бедным, и ни один метис не был богатым. Но когда этническое смешение окончательно искоренило прежнюю простоту отношений и когда появились нищенствующие люди благородного происхождения и богатые славяне и кимрийцы и даже чуды и финны, изменились взгляды на будущее общества исходя из фактического распределения моральных качеств людей.

В «Эдде» мир делится на две части. В центре находится Земля, место жительства людей, имеющая форму плоского диска, как ее описал Геродот, которая окружена со всех сторон Океаном. Выше Земли простирается Небо, обитель богов. На севере располагается мрачная ледяная земля, откуда идет холод, на юге — мир огня, где образуется тепло. На востоке находится Йотанхемц, страна гигантов, на западе — Сварталфрахеймц, где живут черные злые карлики. Далее, не совсем понятно где, находится Ванакхеймц, страна вендов³⁷¹.

Это описание, соединяя космогонические представления и простые географические сведения, является точной копией системы семи брахманских «дивасов» и семи иранских «кишверов»³⁷²; как мы увидим ниже, это и есть весь мир по представлениям арийцев–германцев. Скандинавская территория расположена в центре: это страна людей. Выше находятся эмпиреи. Северный полюс посылает на Землю холод, из южных краев идет тепло. На востоке, т. е. ближе к Балтике, живут основные племена гетских метисов, на западе, между южной Швецией и побережьем Ледовитого океана, — лапоны, венды и кельты, перемешанные друг с другом. Больше нет никаких сведений о позитивных знаниях той эпохи. Но местные космографы, разрабатывая свои идеи, не остановились на древних знаниях — им были нужны десять земель, девять «дивас», девять «кишверов», вместо семи, о которых они узнали от своих предков, и чтобы получить эту цифру, они придумали два

369 Человеческие жертвоприношения были распространены у готов, герулов, саксонов, фризионов, тюрингцев, франков, когда последние уже стали христианами. В древнегерманскую эпоху жертвоприношения лошадей, как и «асвამезха» у арийцев–индусов, представляли собой один из самых пышных и торжественных ритуалов культа.

370 Это понятие еще очень долго бытовало у арийцев Индии в героическую эпоху.

371 Интересно отметить, что ни карлики, ни гиганты не созданы богами, в отличие от человека; они суть результат действия природных сил.

372 Именно эта часть космогонии древних арийцев стала основой для скандинавов, прямых потомков всадников Турана. Чтобы проследить развитие арийских идей, нельзя забывать о том, что индусы, которые сохранили их до наших дней как самое большое богатство, тем не менее не могут считаться посредниками в этом отношении. Двигаясь к долине Ганга, они ничем не могли просветить Запад: самыми первыми знаниями мы обязаны арийцам Согдианы и стран, лежащих севернее. К сожалению, филология, ослепленная величиим «Вед», особенно во Франции, игнорировала этот факт и даже заставила германцев путешествовать по берегам Ямуны, что является абсолютной нелепостью.

новых неба, расположенных выше обители богов, и называли их так: одно Лиосалфрахеимц или Андлангер, другое Видхблазен. Оба эти неба населены светящимися карликами. Это представление было бы совершенно произвольно и бесполезно, если бы оно не опиралось на различие, которое самые древние арийцы Верхней Азии проводили между непосредственной атмосферой Земли и небом, т. е. собственно говоря, эмпиреями, в которых движутся звезды. Кстати, если провести тщательное сопоставление скандинавских взглядов, можно заметить, что многое связывает небожителей Лиосалфрахеимца и Андлангера с иредами и амшеспендами из «Зенд–Авесты».

Таковы были понятия арийцев–германцев о самых возвышенных вещах. Они выводили высокие идеи из самих себя и своей роли в творении, тем более что считали себя не только «полубожествами», но владельцами части Мигардхца, или «срединной земли», которую им предназначила природа. То есть они воспринимают свои имущественные права в соответствии со своими инстинктами гордости. Они признают два вида собственности.

Самый древний связан с идеей, которую они принесли из Верхней Азии — «одэл». Это слово предполагает два понятия — благородства и владения; оба настолько тесно связаны, что не совсем ясно, либо человек является собственником, потому что он благородного происхождения, либо наоборот³⁷³. Но нет сомнения в том, что первоначально настоящим человеком считался только ариец, поэтому любой собственностью мог обладать только он, и нельзя представить себе арийца без собственности.

Одэл целиком принадлежал своему хозяину. Ни община, ни чиновники не имели на эту собственность никаких прав. Одэл не подлежал никакому налогообложению. Он представлял собой суверенность, неизвестную в наше время. С ним неразрывно был связан класс жрецов, а также всякая юрисдикция — как гражданская, так и уголовная. Ариец–германец сидел в своем жилище, владел своей землей и всем, что на ней находилось. Женщины, дети, слуги, рабы подчинялись только ему и жили только для него. Его прерогативы были беспредельны в любом случае: когда он строил свое жилище и заседал свое поле на пустынном месте, и когда он, имея достаточно сил, занимал место финна, славянина, кельта или иотуна, которые считались людьми вне закона.

Но совсем по–иному обстояло дело, когда вместе с другими арийцами он участвовал в походе под командованием общего военачальника с целью завоевания какой–то территории. В данном случае имела место другая система землевладения, которая осуществлялась во время первых поселений на европейском континенте: в ней следует искать исток главных политических институтов германской расы. Прежде чем познакомиться с этой формой собственности и ее последствиями, надо рассмотреть взаимоотношения арийца с его народом.

В качестве главы семьи и владельца одэла он имел к общине весьма отдаленное отношение. По согласию с остальными воинами относительно сохранения общественного мира и порядка он избирал чиновников, которых скандинавы называли «дроттинн», а другие родственные им народы — «графф». Избираемый из самой древней и благородной расы, претендующий на божественное происхождение, чиновник, как и висампаты у индусов, имел очень ограниченную власть. Его полномочия можно сравнить с полномочиями мидийских вождей до эпохи астиагов или эллинских царей во времена Гомера. При такой простой организации каждый ариец в пределах своего одэла был связан со своим соседом той же расы не в большей мере, чем были связаны друг с другом различные государства, составляющие федерацию.

Такая система, приемлемая при наличии небольших племен, подавленных сознанием

³⁷³ Права те, кто считает, что в германскую эпоху не существовало королевства в тех формах и с теми полномочиями, какие мы знаем после V в. Кстати, слово «king», т. е. «король», происходит из далекой древности: этот титул носили военачальники арийских племен. Он бытовал у удунов; это — «кава» у древних иранцев, «ку» в древнеиндийских текстах. Так назывались чиновники у разных арийских племен. Что касается титула «граф» или «гравио» у англосаксов, вряд ли он имеет германское происхождение. Возможно, его корни следует искать у кельтов или славян.

своего низкого положения, не годилась во время войны. Ариец, который в силу своего «авантюрного» характера в основном пребывал в ситуации постоянных конфликтов, имел достаточно здравого смысла, чтобы найти способы сочетания системы и своей личной независимости. Когда нужно было выступать в поход, между вождем и воинами устанавливались особые отношения, совершенно чуждые принципам политической организации. Известный воин приходил на общий сбор и предлагал себя в качестве командующего предполагаемой экспедиции. Иногда, особенно в случае нападения, он делал это прямо, а в других обстоятельствах только предлагал план. Такой кандидат на командование подкреплял свои претензии прежними подвигами и в любом случае обещал, в качестве наиболее убедительного аргумента, всем остальным индивидуальные преимущества. Так начиналось обсуждение и соревнование между кандидатами.

Ясно, что требовались большое красноречие и прошлые заслуги, чтобы получить право командовать. От них, как, скажем, от дроттинов или граффов, не требовалось знатного происхождения, но необходимо было иметь воинский талант, а еще больше безграничный либерализм в отношении простых солдат.

Но как только арийцы убеждались, что претендент имеет все необходимые качества, и вставали под его знамена, сразу устанавливался другой порядок отношений между ними³⁷⁴. Свободный ариец, абсолютный господин своего одэла, на некоторое время отказывался от большей части своих привилегий и переходил в подчинение к своему начальнику, который мог распоряжаться даже его жизнью.

Если поход был удачным, то вся добыча предназначалась военачальнику, но тот должен был поделиться со всеми, причем не просто в силу данных им обещаний, но с исключительной щедростью. Нарушить эту традицию было и политически опрометчиво, и опасно. В скандинавских сагах знаменитых военачальников называют «противниками золота», потому что они не имели права иметь его, «хозяевами на пиру героев», потому что они должны были принимать воинов в своем жилище, усаживать их за стол, щедро угощать и одаривать богатыми подарками. Только таким путем можно было сохранить их лояльность и верность и тем самым поддержать свой авторитет. Скупой и себялюбивый вождь быстро оставался в одиночестве и забывался в памяти соотечественников. Здесь мы видим сходство между необходимыми качествами военачальника и идеалом арийско-индусского главы семьи, как это описано в «Рамаяне».

Мы видели, как военачальник распоряжался добычей: золотом, оружием, лошадьми, рабами. Но когда, обладая этими привилегиями, он оказывался властителем целой страны, принцип щедрости выражался по-иному. Завоеванная страна получала название «рик», т. е. «находящаяся в полном владении»; исконно арийские земли не принимали такое название, поскольку считали себя свободными. Например, Норвегия и Исландия никогда не носили названия «рик», между тем как существовала Гардарика и другие германские земли в Европе, в названиях которых была эта частичка. В стране «рик» местное население находилось под абсолютной властью военачальника-победителя, который назывался «конунг»: воинский титул, залог власти, который не принадлежал ни дроттину, ни граффу и который суверены северных стран стали присваивать себе только гораздо позже, потому что они властвовали в провинциях, которые не были завоеваны ими.

Итак, «конунг», немецкий «kenig», «king» у англосаксов, короче «царь»³⁷⁵, верный обязательству обеспечить своим людям такие же привилегии, какие имел он сам, предоставлял им земельные наделы. Но поскольку воины не могли унести с собой такие «дары», они пользовались ими, пока оставались верными своему предводителю, и такая

374 Право свободных людей выбирать вождя долго сохранялось в англосаксонских законах.

375 Не надо забывать, что этот «царь» не был тем, чем был кельтский или италийский царь, он больше напоминал македонского правителя до Александра. В поэме «Беовульф» царь называется «пастырь народа», как в «Илиаде». Готское слово «theodri» и англосаксонское «theoden» означают также «тот, кто ведет народ». Это скорее воинский, а не административный титул.

ситуация предполагала некоторые обязанности, отсутствующие в системе одэла.

Такое владение называлось «феод». Оно давало больше преимуществ, чем первая форма владения, для развития германского могущества, потому что принуждало независимого арийца подчиняться авторитету верховного властителя. Таким образом, подготавливались основы для сочетания прав гражданина и государства, не ущемляя одних за счет других. Южные семитизированные народы не имели никакого представления о таком балансе, поскольку у них государство держало в своих руках все права.

Введение феода давало также побочные результаты, о которых стоит упомянуть. Царь, выделявший феода, и воин, получавший его, были заинтересованы в укреплении существующего порядка вещей. В глазах первого это был временный дар, который мог вернуться к нему в случае смерти землепользователя или его измены, что случалось довольно часто. В предвидении такой возможности феода должен был оставаться в надлежащем состоянии, чтобы можно было передать его новому владельцу. Для второго — владение землей имело свои преимущества, т. к. приносило доход, а поскольку у него не было ни времени, ни желания заниматься земледелием лично, он отдавал надел в пользование прежним владельцам. Это была мудрая практика, которую часто использовали дорийцы и фессалийцы. В результате германские завоевания, несмотря на эксцессы первых моментов, возможно несколько преувеличенные под продажным пером римских историков, проходили довольно мягко и гуманно для местного населения, и их нельзя сравнить с жестокой колонизацией легионеров и тиранством проконсулов во времена, когда Рим находился в расцвете своей цивилизации.

В целом требования германцев, пришедших в страны, находившиеся под римским владычеством, ограничивались захватом третьей части земли. Бургундцы в этом смысле поступали более сурово: они забирали половину дома и домашнего участка, две трети возделываемой земли, треть рабов, а леса оставались в общем пользовании.

На первый взгляд феода как вознаграждение за ратные труды, свидетельство проявленного мужества, должен был примирить воинственные расы, ревниво относившиеся к добыче, но это было не так. Военная служба на содержании многим была не по душе, особенно людям высокого происхождения. Они считали унижительным получать подарки из рук равных себе, а порой даже от тех, кто был ниже их по рождению. Все преимущества такого положения блекли в их глазах в сравнении с потерей, пусть и временной, своей независимости. Когда им не удавалось командовать самим, они предпочитали принимать участие только в походах местного значения, которые они могли осуществить силами своего одэла.

Довольно странно слышать от известного римского историка суровое осуждение в адрес германских рас, главным образом того, что касается отношения к воинской службе; он отказывает готам Германрика и франкам первых Меровингов во всяком понятии о политической свободе. Но не менее грустно видеть, как сегодняшние англосаксы, последняя германская ветвь, деградировавшая, однако сохранившая остатки достоинств древних германских воинов, живущие в Кентукки и Алабаме, забыли заветы своих славных предков и Политика Ирминона и толпами стремятся попасть на содержание пионеров и попытать счастья среди аборигенов Нового Света в опасных прериях дикого Запада.

В прошлом ариец–германец, владелец одэла или феода, не обладал торгашеским духом славянина, кельта и римлянина. Сознание своей собственной ценности, стремление к изоляции от толпы — вот что питало его поступки и его мысли. Когда не приходилось участвовать в походах, он старался отделиться от остальных, и воинская служба для него была чем-то вроде соглашения между солдатом и генералом. Очень ревниво относившийся к своим правам и прерогативам, он ни на йоту не отступал от них, не считая временных обстоятельств. Он зорко следил за своей выгодой, и будучи постоянно озабоченным своей личной жизнью, не был патриотом в материальном смысле и не испытывал особой привязанности к земле, на которой родился. Он был привязан к окружающим людям, но только в смысле личных отношений, и легко менял

местожительство. В этом одна из загадок рыцарского характера средневековья и причина безразличия, с каким англосакс Америки без сожалений покидает свою родину и продает или меняет землю, полученную в наследство от отца.

В такой же степени ариец–германец безразличен к национальности и относится к этому в зависимости от того, каким образом это касается его персоны. Поэтому он лишен национальных предрассудков. Поэтому он издавна питал к кимрийцам и славянам, которые его окружали, уважение сообразно их воинским достоинствам или другим талантам. С первых дней своих завоевательных походов ариец водил на войну свой одэл, а еще охотнее свой феод. Он сам был на службе у военачальника, и его добычу и почести делили с ним его люди. Более того, он давал покоренным богатеть и становиться равными ему самому. Еще до V в. эти великие принципы принесли свои плоды, о чем мы поговорим ниже.

Первоначально германские народы состояли только из роксоланов, т. е. арийцев, а когда они жили в Скандинавии, войны уже свели на нет три класса людей в одэле: собственно говоря, арийцев, или ярлов, которые были господами, карлов, т. е. земледельцев, арендующих землю «ярла», представителей белого смешанного семейства — славян, кельтов или иотунов и, наконец, траэллов, т. е. рабов, в которых без труда можно узнать финнов.

Эти три класса, появившиеся в германских государствах также спонтанно и в силу той же необходимости, что и у древних элинов, вначале составляли все общество, но быстрое смешение привело к появлению многочисленного «гибридного» населения, а свобода, предоставляемая германцами карлам, что касается участия в военных походах и, как следствие этого, возможность обогатиться, привела к тому, что крестьяне примкнули к господствующему классу, и если чистая раса в результате многочисленных войн численно уменьшалась, сводясь к семьям «божественного происхождения», из которых могли выходить дроттины и граффы, полугерманское население породило массу богатых, храбрых, красноречивых и способных людей, которые в свою очередь находили много сторонников для своих предприятий, в том числе и военных. В некоторых землях, где первобытной чистоты крови почти не осталось, титул «карла» приобрел большой вес и, в конце концов, смешался с титулами конунга или царя, причем последний скоро сравнялся с филкирами и герсирами, военачальниками низшего ранга. Это происходило в Скандинавии при наличии постоянной власти дроттинов. На этой, в основном арийской, земле карлы, конунги, филкиры, герсиры в сущности были «безработными героями» или, как мы сказали бы сегодня, «генералами без должности». Они пользовались тем же уважением и почетом, что и родовая знать, хотя не все они могли похвастаться высоким происхождением, но их старались не допускать к командованию или управлению людьми. Поэтому для военной монархии, каковой является и нынешняя, вышедшая из рядов германских военачальников, было трудно утвердиться в скандинавских странах. Это ей удалось только с течением времени, после того, как военная элита вытеснила целую толпу королей: земельных, морских, разбойничьих.

По-иному складывалась ситуация в покоренных странах: в Галлии и Италии. Там титул «карла» или «аримана», что было одно и то же, уже не подкреплялся системой правления или наличием одэла и не приобрел такого большого значения. Поэтому звание «аримана» носили воины свободного рождения, но низкого ранга, а высшую знать составили приближенные царей или королей. У франков, бургундцев, лангобардов «ариман», или по латинской традиции «bonus homo», превратился в простого сельского землевладельца.

Вообще, во всех германских странах, в том числе завоеванных германцами, принципы иерархии были одинаковы и отличались исключительной мягкостью в отношении покоренных рас.

Исключая наказание за общественные и государственные преступления, например, измену или трусость перед врагом, германское законодательство сегодня представляется нам чрезвычайно снисходительным и слабым. Оно не предусматривало смертной казни, и даже за убийство царствующей особы ограничивалось денежным штрафом. При этом следует различать законы, осуществляемые от имени дроттина, конунга или военачальника, и те, которые касались отношений в одэле, где имела место абсолютная власть арийца, главы

семейства.

Арийцы–германцы не любили жить в завоеванных городах и вообще с презрением относились к горожанам, хотя не трогали их. Птолемей еще во II в. перечислял 94 города между Рейном и Балтийским морем, в которых жили основатели — галлы или славяне, хотя в целом под властью северных завоевателей эти города пришли в упадок. Германцы приобщали местную молодежь к своим нравам, местные воины участвовали в их походах, разделяли их почести и добычу, и скоро кельтская знать смешалась с пришельцами. Что касается класса торговцев и ремесленников, они с трудом выдерживали конкуренцию римлян и греков, поставлявших более дешевые и качественные товары. Таким образом, города постепенно обезлюдели и превращались в захудалые селения.

Тацит в сущности отрицает наличие цивилизации у германцев и считает их «философствующими разбойниками». Но в действительности они не были ни бедными, ни невежественными, ни варварами. До того, как прийти на Север или завоевать Гардарику, они прошли через свой бронзовый век. Все находки, относящиеся к этому веку, — кельтского происхождения³⁷⁶.

Дом одэла не был похож на мрачное жилище, наполовину врытое в землю, какие любит изображать с мрачным стоицизмом автор «Германии». Однако существовали и такие дома, но они служили убежищем для слабо германизированных кельтов или карлов, крестьян–земледельцев. Их до сих пор можно встретить в южной Германии, где они, по мнению местных жителей, служат надежной защитой от зимних холодов. Но в основном свободные люди, арийские воины, жили в более удобных и просторных домах. Кстати, у латинских авторов можно найти упоминания о германских дворцах или замках.

Обычно перед домом был большой двор, включающий различные хозяйственные постройки. Все это было окружено прочным забором. В центре возвышался сам дом, одэл, с мощными деревянными колоннами, окрашенными в разные цвета. На крыше из блестящего металла, украшенной резными фризами, устанавливалось изображение религиозного характера, например, мистического кабана Фрейи³⁷⁷. Большую часть дома занимал просторный зал, украшенный трофеями, в центре которого стоял большой стол.

Здесь ариец–германец принимал гостей, собирал свою семью, вершил суд, приносил жертвы богам, устраивал праздники, держал совет с близкими и раздавал подарки. На ночь он удалялся во внутренние покои, где при слабом свете очага на скамьях, стоявших вдоль стен, спали, положив голову на щиты, его соратники.

Поразительно сходство этого роскошного жилища — с большими колоннами, с высокой резной крышей — с дворцами, описываемыми в «Одиссее», и царскими резиденциями мидийцев и персов. Действительно, Ахемениды строили свои дворцы за пределами городов, и вокруг них были такие же вспомогательные постройки, как в германских замках. Там жили работники, поэты, лекари и астрологи. Таким образом, замки арийцев–германцев, описанные Тацитом, о которых с такими подробностями повествуют тевтонские поэмы, а еще раньше священный Асгард на берегах Двины — все это образы иранского Пасагарда, пусть даже уступающие ему в совершенстве исполнения³⁷⁸. Спустя столько веков после того, как

376 Если германцы обладали достаточным вкусом, чтобы ценить произведения искусства, и сами имели сильную поэзию, то к пластическим искусствам у них не было вдохновения. Вормсаэ в письме к П. Мериме справедливо отмечает: «Влияние римского искусства очевидно для любого внимательного наблюдателя, который изучает наши древности железного века. Еще до великих норманнских походов скандинавы копировали римские образцы в изготовлении оружия и украшений». «Впрочем, самые одаренные расы получают художественный дар только через посредство контакта с меланийской основой, чего скандинавы не имели.

377 О нем упоминает Тацит и «Эдда». Его называли «боевой свиньей». Позже Карл Великий установил на фронтоне своего королевского дворца в Экс–Ля–Шапель изображение орла.

378 В описании Экбатана и его дворца можно видеть точное воспроизведение арийского жилища северной Европы VI в. Этот тип сооружений является чисто арийским в отличие от того, что мы наблюдаем в Персеполесе и городах сассанидской эпохи, где имеет место ассирийское влияние. Дворец Экбатана был

арийцы–роксоланы расстались со своими братьями в Бактриане, а возможно, еще севернее, спустя столько веков путешествий через многие земли, и что еще замечательнее — после стольких лет, проведенных под кровом своих повозок, они сохранили древние инстинкты и понятия о культуре своей расы, и на берегах Зунда, а позже Соммы, Мезы и Марны, они строили жилища по тем же принципам, величие которых мы видели на Каспийском море и на Евфрате³⁷⁹.

Когда ариец–германец восседал в своем зале на возвышении, одетый в богатые одежды, перепопсанный красивым мечом, выкованным умелыми руками иотунов, славян или финнов, в окружении отважных соратников и вел с ними беседы под звон кубков и рогов, украшенных серебром или золотом, ни рабы, ни слуги низкого звания не допускались прислуживать за праздничным столом. Эти обязанности считались слишком почетными для них; как Ахилл сам подавал кушания для своих гостей, так и германские герои соблюдали эту древнюю традицию.

Домочадцы имели разные права: господин больше всех уважал своего оратора, оруженосца, возничего и своего воспитателя, который с детских лет обучал его обращаться с оружием и учил командовать людьми.

Празднества происходили шумно и торжественно и сопровождалась хвастливыми рассказами о ратных подвигах и новых завоевательных планах, встречаемыми бурными приветствиями. Присутствующие вскакивали с мест и размахивали оружием, подстегивая себя и поздравляя смельчака.

Когда спадал воинственный порыв, они принимались за игру, которая была страстью этих склонных к авантюризму людей, жадных до приключений и рискованных предприятий, людей, которым приходилось испытать рабство, что было для них хуже смерти. В таких собраниях обычно ценили рассказы путешественников, декламацию стихов или загадки — также любимое их развлечение. Вообще страсть к загадочному — одна из характерных черт арийской расы; она связана с таинственным существом, сфинксом или грифоном, родина которого, несомненно, Центральная Азия: оттуда оно пришло к эллинам в облике Киферона, к иранцам в виде Болора, которого они называли Симуург. Все загадочное является частью национального гения скифов и массагетов.

Германские песни при всех орнаментальных украшениях носили исторический характер, но эта история дышала страстью и служила прославлению подвигов и призыву к отмщению. В ней мало лирики. Эти произведения больше напоминают поэмы Гомера как по содержанию, так и по совершенству исполнения. В них отсутствует рифма, но есть ритм и аллитерация³⁸⁰. Древность этой системы стихосложения несомненна.

Эти поэмы, в которых сохранилась историческая память каждого германского народа, подвиги знатных семейств, славные походы, путешествия и открытия — словом, все, что достойно воспевания, — слушали не только в кругу одэла или даже племени, в котором они создавались. Они передавались от народа к народу, от норвежских лесов до придунайских болот; они рассказывали фризонам, жителям берегов Везера, о победах амалунгов в России; они повествовали баварцам и саксам о походах лангобарда Адбойна в далекую Италию.

построен целиком из кипариса и кедра, комнаты были богато раскрашены в серебряные и золотистые тона. Ритгер подчеркивает, что нынешние персидские дворцы во многом напоминают этот стиль. Я бы к этому добавил и китайские дворцы.

379 Немецкое слов «hof» относится к любому наследственному жилищу — как к царскому, так и крестьянскому. Это то же самое, что персидское слово «ivan», которое использует Фирдоуси. Кстати, поэма Фирдоуси, исключая мусульманский налет и самые древние элементы, может считаться преимущественно германской, что касается нравов, характеров и действий, которые она изображает.

380 Аллитерация исчезает в немецкой литературе в ГХ в. Ее можно встретить в генеалогических хрониках готов, вандалов, бургундцев, лангобардов, франков, англосаксов. Это самый старый способ поэтической гармонии у белой расы: аллитерированы три эпонима, которые упоминает Тацит: Ингево, Ирмино и Истево. Ее следы можно встретить и в Библии.

Арийцы–германцы настолько живо интересовались этими произведениями, что часто один народ просил у другого одолжить ему поэтов, а взамен посылал своих. Традиция требовала, чтобы ярл, ариман, истинный воин, не ограничивался знанием воинского дела, верховой ездой, управлением ладьей, хотя, конечно, все это было на первом месте³⁸¹. Он должен был знать наизусть и уметь декламировать сочинения, которые были интересны его соплеменникам или пользовались широкой известностью. Кроме того, он должен был уметь читать и сочинять руны и объяснять их тайную суть.

Судить об этом можно по удивительной общности идей, по живому интеллектуальному интересу, которые были характерны для всех германских народов и объединяли самые далекие друг от друга одэлы, смягчая их разобщающую гордость и поддерживая память об их общем происхождении, напоминая им, вопреки конфликтам, о том, что они мыслят, чувствуют и живут по одним и тем же законам, верованиям и понятиям о чести. Пока существовал инстинкт, имевший право называться «германским», эта причина объединяла их. Карл Великий сразу осознал это и понял, какие можно извлечь из этого выгоды. Поэтому, несмотря на его восхищение всем романским и его желание восстановить империю Константина, он не порывал с этими традициями, даже если они были неприемлемы для галло–римской унылой педантичности. Он объединил воедино все элементы национальной поэзии. К сожалению, необходимость высшего порядка заставила духовенство действовать по–другому.

Оно не могло позволить, чтобы эта литература, в основе своей языческая, постоянно будоражила неокрепшее сознание неофитов и толкала их назад, к привязанностям их детства, замедляя тем самым победное шествие христианства. Дело в том, что эта литература с такой яростью прославляла богов Валгаллы и их достоинства, что епископы сразу объявили ей войну. Борьба была долгой и тяжелой. На стороне противника были старые традиции почитания славного прошлого. Но победа, в конце концов, досталась правому делу, и Церковь проявила мудрость и не стала доводить свой триумф до крайности. Когда христианской вере больше ничего не грозило, она сама постаралась спасти отныне безобидные остатки традиций. С тем бережным вниманием, которым она всегда отличалась в отношении произведений человеческого гения, даже противоречащим ее доктринам, она поступила с германскими произведениями точно так же, как со светскими книгами римлян и греков. Именно благодаря Церкви в Исландии были собраны все «Эдды». Поэму «Беовульф» спасли монахи, так же, как исторические хроники англосаксонских царей, их генеалогические записи, фрагменты «Песни о путешествии», «Битвы Финнесбурха и Хильтибранта»³⁸². Священнослужители сохранили и объединили в единое целое все, что мы знаем сегодня о традициях Севера, которые не вошли в труды Сэмунда, хроники Адама Бременского и Саксона Грамматика; они передали автору «Песни о Нибелунгах» легенды об Аттиле, появившиеся в X в. Эти факты заслуживают тем большего уважения, что только благодаря им критика может связать истоки современных литератур, не обязательно эллинские или италийские, с древнеарийскими источниками, а через них — с великими эпическими поэмами первобытной Греции, Индии, бактрийского Ирана и древних народов Верхней Азии.

Поэмы «одинического» цикла имели восторженных почитателей, но среди них стоит особо выделить женщин. Женщины отличались упорной приверженностью древним обычаям и идеям, и в противоположность тому, что обычно говорят об их любви к христианству — и это справедливо, когда речь идет о романизованных странах, но лишено всякого основания у германцев, — они доказали, что всем сердцем любят ту религию и те обычаи, которые, возможно, были слишком суровыми, но которые обеспечивали им почет и уважение в той же

381 Германская тактика базировалась на принципе «клина», изобретение которого приписывают Одину.

382 В нынешнем виде поэма «Беовульф» датируется VIII в. События, изложенные в ней, относятся самое позднее к 600–м годам, а смерть Гигелака Григорий Турский относит к 515—520 гг.

степени, в какой им высокомерно отказывали в этом языческие культы южных народов. На Севере женщинам не только не возбранялось судить о вещах возвышенных, но напротив, им доверяли самые «интеллектуальные» дела: они должны были хранить медицинские знания и практиковать науку колдовства и магии. Посвященные во все тайны рун, они передавали их героям и имели право направлять, ускорять или замедлять проявления храбрости своих мужей и братьев. Нет ничего удивительного в том, что женщины не спешили изменять свои взгляды. Их противодействие, впрочем, ограниченное, проявилось в упорной привязанности к германской поэзии. Став христианками, они охотно извиняли ее гетеродоксальные недостатки и долгое время после отказа от культа Водана и Фрейи оставались хранительницами песен скальдов. В тайных подвалах монастырей они занимались этим официально осуждаемым делом, и даже эдикт 789 г., грозивший самыми жестокими карами, не смог отвадить непослушных жен Всевышнего от заучивания и распространения античных произведений, которые славили скандинавский пантеон³⁸³.

Авторитет женщин в обществе — одно из самых убедительных свидетельств наличия арийских элементов. Чем большим уважением пользуется женщина, тем больше оснований считать, что данная раса сохранила в себе настоящие инстинкты благородного семейства, и германцам не в чем было упрекнуть своих сестер из древних семейств³⁸⁴.

Самое старое название женщин в готском языке — «*quīno*» от корня «*gen*», т. е. «рожать». Женщина в глазах древних арийцев — это прежде всего мать, источник семьи, расы. У двух других разновидностей человечества и у большинства смешанных рас, даже высокоцивилизованных, женщина — это только самка для мужчины.

Точно так же, как название арийца–германца, воина, «*jarl*» стало обозначать правителя и царя, так и слово «*quīno*» постепенно превратилось в титул супруги властителя, которая царилась рядом с ним. Обычных женщин стали называть не менее лестным словом — «*frouwe*», «*frouwe*» — т. е. имя, обожествленное в лице Фрейи³⁸⁵.

Существуют и другие аналогичные слова, выражающие почтение к женщине. Германские языки богаты подобными терминами, и все они основаны на самых благородных принципах на земле и в небесах³⁸⁶. Именно в результате этой врожденной привычки высоко ценить свою спутницу и ее авторитет северный ариец считал, что каждый мужчина с рождения находится под покровительством, женского гения, которого называли «*fylgia*». Это был ангел–хранитель, который поддерживал и утешал человека на жизненном пути. Нравы, будь они причина или следствие этих обычаев и привычек, были настолько чисты, что ни в одном из языков древних германцев нет ни одного слова, обозначающего продажную женщину. Они появились только в результате контактов с другими расами: два самых старых обозначения такого рода взяты из финского — «*kalkjo*» и кельтского — «*lenne*»³⁸⁷.

По традиции германская супруга являлась образцом величия и грации.

В семье царило взаимное доверие и высоко ценилось глубокое чувство, основанное на свободном выборе: например, девушки имели право выходить замуж только по своей воле.

383 Каноны Хальседуана запрещали женщинам приближаться к алтарю. Папа Гелас снова ввел этот запрет в связи с тем, что германизированное население часто игнорировало его.

384 Существует предание о том, что Карл Великий после поражения при Ронсево по совету ангела собрал армию из 53 тысяч девственниц, против которых язычники не посмели сражаться.

385 Санскритское «*prī*», зендское «*fri*», готское «*frijo*», т. е. «я люблю тебя».

386 Слово «*тшпе*», древний антоним к слову «*maim*», — не германского происхождения, а скорее кельтского. Оно сохранилось только в значении женщина-«демон» в таких словах, как «*muirmuine*» — «сирена» и «*waldmuine*» — «дриада».

387 Преступления против женщин осуждались даже во время войны, и при взятии Рима Аларихом один гот знатного происхождения, изнасиловавший римлянку, был приговорен к смерти и казнен не смотря на сопротивление короля.

Таково было правило, а когда его нарушали по политическим или иным причинам, случалось, что жертва обстоятельств приносила в дом мужа неискоренимую обиду и вызывала там целую бурю, иногда приводившую к краху могущественные семейства — настолько велико было достоинство германской женщины.

Однако пора вернуться к тому, о чем шла речь в конце предыдущей книги — к германскому Риму.

ГЛАВА IV. Германский Рим. Романо–кельтские и романо–германские армии. Германские императоры

Северные народы начали играть заметную этническую роль только в I в. до н. э.

Это была эпоха, когда римский диктатор решил сменить гнев на милость в отношении галлов, своих старых врагов. Он сделал их опорой своего правления, и его преемники, продолжая его политику, также поняли всю ценность услуг, которые могли оказать римскому военному могуществу народы, живущие между Пиренеями и Рейном. Императоры заметили, что у этих людей был своего рода инстинкт безусловного повиновения военачальнику, особенно если тот принадлежал к иной расе.

Это было необходимым условием, и вот почему: кельты Галлии, привязанные к своей земле и весьма беспокойные, в своих внутренних делах больше внимания уделяли личностям, чем фактам. Их политика, основанная на такой традиции, приняла бурный характер, не соответствующий размерам их территории. Нескончаемые революции истощили эти народы. Теократия, почти всюду потерпевшая поражение, вначале отступала перед знатью, затем, когда римляне перешли границу Провинции, демократия и ее неизменная сестра, демагогия, подняли голову и перешли в наступление на аристократию. Такая ситуация ясно указывала на то, что смешение рас достигло такой точки, когда этнический хаос начал порождать хаос интеллектуальный и сделал невозможным какое-либо согласие. Короче говоря, галлы, которые вовсе не были варварами, переживали полный упадок, и если в свои лучшие времена они не знали такого расцвета, как Сидон и Тир, не вызывает никаких сомнений, что захолустные города карнутов, ремесов и эдуэнов умирали от тех же болезней, которые прекратили существование блестящих ханаанских столиц³⁸⁸.

Галльское население, смешанное со славянами, в разных комбинациях и пропорциях вступало в союзы с финскими аборигенами. Отсюда большие различия между ними.

Они обусловили четкое разделение племен и диалектов. На севере некоторые народы вышли из упадка благодаря контактам с германцами, другие, на юго–западе, имели связи с аквитанцами, на побережье Средиземного моря имело место смешение лигурийцев с греками, а семитизированные германцы, появившись в Провинции, еще больше усилили беспорядок. Ухудшению положения дел способствовали крошечные общества или группы, где появление незначительного нового элемента почти мгновенно вызывало большие последствия.

Если бы каждая из небольших галльских общин вдруг оказалась в изоляции в тот самый момент, когда составляющие ее этнические принципы достигли апогея своей борьбы, мог бы установиться порядок и покой — я уже не говорю о каком-то возвышении, — потому что баланс в смешанных расах быстрее происходит на небольшом пространстве. Но когда какая-то группа получает постоянные притоки новой крови, не успев усвоить предыдущие, часто возникают конфликты весьма болезненные. Они приводят к окончательному распаду. Такова была ситуация в государствах Галлии, когда туда вторглись римские легионы.

Поскольку местные жители были храбрые и богатые, имели многочисленные сильные крепости, они не собирались сдаваться, однако им недоставало единства — не только между

³⁸⁸ Тацит, большой поклонник германцев, порой даже чересчур романтичный, очень сурово отзывался о галлах своего времени.

разными народами, но и между согражданами. Почти везде знатные люди предавали народ, если народ не предавал их. Римский лагерь всегда осаждали перебежчики разных взглядов, готовые перерезать горло и своим политическим противникам, и своей отчизне. Конечно, встречались и благородные люди, и патриоты, но они ничего не могли изменить. Свою древнюю репутацию спасли, пожалуй, только германские кельты. Арвернцы совершали чудеса храбрости, бельгийцы так и остались непобедимы, а что касается самых славных и самых развитых племен, в среде которых не прекращалась междоусобица — ремесы, эдуэны, — они либо оказывали слабое сопротивление, либо после первого натиска сдавались на милость победителей, либо позорным образом, в обмен на независимость, с радостью принимали титул друзей и союзников римского народа.

За десять лет Галлия была завоевана и покорена полностью. Армии, которые на равных сражались с римлянами, сегодня не отличаются особыми успехами в войне с варварами Алжира: грустное сравнение с древними кельтами.

Но эти же люди, которые так легко дали себя покорить, сразу же превратились в мощный инструмент давления в руках императоров. Высокомерные патриции и завистливые демократы проводили большую часть жизни в городах, в Риме они были самой надежной опорой для принцепата. Они сами находились в угнетенном положении и в той же мере угнетали других.

Цезарь набирал солдат для своей гвардии из галлов. В качестве эмблемы он дал им красивый символ легкости и беззаботности, и кимрийские легионеры, с гордостью несущие на своих касках и щитах изображение жаворонка, боготворили императора, который освободил их от национальных традиций и позволил им вести жизнь, соответствующую их вкусам.

Итак, они были всем довольны, но не следует думать, будто их преданность Риму была постоянной и непоколебимой. Они не раз бунтовали, хотя всякий раз возвращались к покорности. Привычка подчиняться господину так и не переросла в уважение к закону. Бунт казался им наименьшей из трудностей и, возможно, самым большим удовольствием. Но когда требовалось создать национальную систему правления вместо чужеземной власти, которую им удавалось поколебать, когда нужно было установить порядок и снова кому-то подчиняться, их приводила в ужас сама мысль о том, что высшая власть будет в руках галла. Тогда поднимали голову те, кто до сих пор держался в стороне и тайно сочувствовал императору; они внушали людям, что, конечно, власть орла есть зло, но зло необходимое, что без него будет катастрофа. И галлы понуро возвращались в римское стойло.

Такая странная неспособность к независимости будто запечатлялась на всех лицах, будто судьбе нравилось держать галлов в таком положении. Однажды у них появился свой император. Одна женщина подарила его галлам, попросив у них только одного: поддержать его в борьбе с соперником из Италии. Этот император, Тетрикус, столкнулся с той же стеной, о которую разбились прежние восстания, и, несмотря на поддержку германских легионов, он был вынужден сменить императорскую диадему на должность префекта Лукании. Призрачные государства снова восстановили свои права, возможно, с неохотой, но, в сущности, довольные тем, что не отдали ни пяди своей провинциальной независимости.

Итак, история показывает, что галлы с I по II в. н. э. не имели иных достоинств, кроме воинственности, причем она проявлялась у них в высшей степени. Именно по этой причине они, неспособные устроить свои собственные дела, оказывали время от времени такое большое влияние на весь семитизированный римский мир.

Отвагой отличались балеарцы и нумидийцы, испанцы не имели равных в пехотном строю, и сирийцы, хранившие память об эпохе Александра, поставляли прекрасных воинов. Однако галлы превосходят их всех. Невысокие и коренастые, они проявляли чудеса на поле битвы и давали пример остальным легионам в смысле дисциплины.

Поэтому не зря империя набирала солдат в Галлии, особенно в Галлии германизированной. Под властью двенадцати Цезарей, когда политическая власть находилась у южных провинций, покой империи охраняли северные войска.

Интересно отметить, что привилегии, которые облегчали кельтам доступ к высоким воинским должностям и даже к сенату, не давали им права претендовать на корону.

Первыми представителями провинций, прорвавшимися к высшей власти, были испанцы, африканцы, сирийцы, но ни один галл не был императором, если не считать Тетрикуса и Постума. Разумеется, у галлов не было способностей к правлению, и если Отон, Гальба и Вителлий могут считаться исключением, то это ни в коем случае не является правилом. Врожденный галльский педантизм преграждал им дорогу к высшим должностям.

Такая ситуация, обусловленная кельтским влиянием, коренным образом изменилась, когда в легионы стали набирать меньше германизированных кельтов, пораженных, если можно так выразиться, «римской чумой», а больше южных германцев, хотя и последние не отличались особой чистотой крови. Результаты этого сказались уже в 252 г., накануне правления Юлия Вера Максимиана, сына готского воина.

С этого времени германская сущность вышла на первый план в римском мире. Она стала живительной силой в легионах и соответственно в государственной системе правления. Галльская раса, представленная в основном северными группами, отошла на второй план. Ярлы, т. е. военачальники, взяли в свои руки реальную власть, и с тех пор можно говорить о том, что Рим стал германизированным, потому что семитский принцип растворился в обществе, а его место на поверхности занял новый арийский слой.

Такая резкая трансформация, пусть даже и латентная, такое давление со стороны враждебной расы, чаще всего оказывавшейся побежденной и называемой варварской, могли осуществляться не в силу естественного закона, а преодолевая многочисленные трудности, особенно для того, чтобы избежать чрезмерного насилия.

Германцы, призванные править империей, представляли собой истощенный умирающий организм. Чтобы оживить его, им приходилось постоянно воевать с инстинктами чуждого им темперамента, или со всеобщим духовным заболеванием, или с бурными проявлениями страстей, губительными для общественного порядка и мира. Отсюда суровые меры, даже слишком суровые, тем более что те, кто считал их необходимыми, плохо понимали сложную природу общества, в котором они действовали, и доводили свои защитные методы до крайности. Они со всем пылом нетерпимости, присущим молодости, вводили догматические доктрины в общественную и религиозную жизнь. Таким образом, они оказались самыми упорными противниками христианства. Именно они, те, кто позже сделали ревностными защитниками христианских принципов, начали с их отрицания. Они были убеждены, что новый культ представляет собой угрозу и отвергает философию, а также расшатывает устои установленной религии и, следовательно, всякой законной власти. Они отвергали в христианстве то, что не было христианством, но было призраком, созданным ими же. Поэтому упрекать их можно не столько за то, что они делали сами, сколько за то, что они позволяли делать семитизированным сторонникам старых культов. Однако и это вряд ли будет справедливым. Разве могли они нейтрализовать неизбежные последствия прогнившей цивилизации, которую они не создавали? Разумеется, было бы прекрасным и благим делом реформировать римское общество, не разрушая его, и постепенно заменить язычество католической чистотой, не повредив при этом живой организм. Но такое под силу только Создателю.

Только Он может одним мановением руки отделить свет от тьмы и воды от суши.

Германцы были всего-навсего людьми, конечно, очень одаренными людьми, но они не знали среду, в которой им выпало действовать. Начиная с III по V в. они старались лишь сохранить мир в том виде, в каком они его получили.

Если рассматривать вещи под этим углом зрения, единственно правильным, тогда надо не обвинять, а восхищаться. Более того, если признать германцами и сыновьями германцев Деция, Аврелия, Клавдия, Максимиана, Диоклетиана и большинство их преемников, если не всех, вплоть до Августула, тогда придется сказать, что историю совершенно исказили те писатели, как современные, так и древние, которые неизменно представляют появление германских народов в среде романизированного общества как неожиданную катастрофу.

Напротив, германцы захватили власть в империи в тот день, когда они стали ее опорой и ее мозгом. Первым делом они захватили трон, но не силой или узурпацией: их призвали сами местные народы, чувствуя свою несостоятельность, и короновали их.

Для того чтобы править так, как они считали нужным, что было их правом и долгом, императоры окружили себя людьми, способными понимать и претворять их замыслы, т. е. людей их расы. Только в них они видели отблеск их собственной энергии и качества, необходимые, чтобы служить им. «Германец» означало «солдат». Так профессия солдата стала первым условием доступа к высоким должностям. Если в понятии италийца и семитизированного римлянина война была только досадной случайностью, которая отрывала людей от обычных дел, то война для императорского служивого человека была естественным времяпрепровождением, где происходит воспитание и закаливается дух государственного служащего. В сущности, тогу сменил меч.

Следует отметить, что здравый смысл северян никогда не хотел официального признания этого факта, и такая мудрая сдержанность сохранилась в средние века и дошла до нас. Романизированный германский воин хорошо понимал, что даже фиктивное верховенство гражданского элемента много значит для поддержания закона, и что только закон способен поддерживать существующее общество.

То есть император и его генералы умели прятать кольчугу под платьем чиновника. Однако маскировка не могла обмануть бдительных граждан. Острие меча всегда торчало из-под тоги. Это возмущало население. Половинчатые уступки не помогали.

Политические таланты правителей также не помогали. От берегов Рейна до Фиванской пустыни люди насмехались над властью и презрительно называли ее варварской. Впрочем, они не были совершенно неправы.

Если германцы уважали римскую государственную организацию, то этого нельзя сказать о деталях, которые в глазах аборигенов являлись необходимым украшением и основой цивилизации. Коронованные солдаты и их соратники хотели поддержать моральную дисциплину и добиться подчинения чиновникам, защитить торговлю, продолжать общественно полезные работы; кроме того, они были готовы поощрять умственные труды, если они давали практические результаты. Но модная литература, грамматические сочинения, риторика, липпограмматические поэмы и все подобные изящные «безделушки», которыми наслаждались высокие умы, оставляли их равнодушными и холодными как лед, а поскольку все блага и почести в первую очередь сыпались на воинов, законодателей и законохранителей, на гражданских чиновников, строителей акведуков, дорог, мостов, крепостей, затем на историков, иногда на авторов панегириков, кутивших фимиамы у ног властителя, просвещенные люди имели основание полагать, что у Цезаря нет никакого вкуса.

Конечно, они были варварами, эти грубые и суровые властители, вскормленные тревожными песнопениями Германии и равнодушные к чтению и даже к самому виду мадригалов, написанных в форме лиры или вазы, перед которыми замирали от восхищения образованные жители Александрии и Рима. Но потомство должно судить о них по-другому и сказать: варварство действительно существовало, хотя совсем не под кольчугой германца.

Самолюбие римляна уязвляло еще одно обстоятельство. Его властители в своем большинстве игнорировали прошлые войны Рима, судили о древних римлянах по современникам и вообще не интересовались этими вопросами, что представлялось непонятным для людей, считавших себя столь могущественными. Когда Нерон воздавал больше похвал Греции, чем городу Тарквиния, когда Септимий Север поднял славу одноглазого из Трасимены выше славы Сципионов, это, по крайней мере, исходило от своих императоров. Но оскорбительнее было видеть, когда императоры другой расы и войска, которые одели их в пурпур, забывали об Александре Великом и не интересовались Горацием. Были Августы, которые за всю жизнь даже не слышали о своем предшественнике Октавии. И уж конечно, эти люди не знали наизусть генеалогию и деяния древних героев.

В III в. после Рождества Христова вооруженная и сильная римская нация и другая римская нация, агонизирующая и мирная, перестали ладить друг с другом, и хотя вожди этой

совокупности двух разнородных компонентов носили латинские или греческие имена и одевались в тогу или хламиду, они по сути и по счастью для этого больного общества оставались истинными германцами. В этом заключалось их право на власть.

Вначале созданное ими ядро империи было слабым. Его зародышем были две сотни всадников Ариовиста, которых нанял Юлий Цезарь. Затем события ускорились, и в армии, главным образом расквартированные в Европе, стали набирать только германских рекрутов. С тех пор новый элемент приобрел тем большее значение, что он постоянно черпал силы в своих истоках. Затем каждый день появлялись все новые причины, и в процесс были вовлечены римские территории.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого тяжелого кризиса, остановимся на гипотезе, которая казалась очень соблазнительной римлянам V в. Допустим на минуту, что германские народы, жившие у границ империи, были намного малочисленнее, чем на самом деле; тогда их быстро поглотило бы огромное социальное болото несмотря на всю их силу. По прошествии определенного периода эти семейства исчезли бы в среде романизированных элементов; затем всеобщее разложение естественным образом привело бы к хроническому вырождению, которое, в конце концов, вряд ли обеспечило бы социальную организацию Европы.

От Дуная до Сицилии, от Черного моря до Англии происходило бы то же самое, что случилось с южными провинциями неаполитанского королевства и с большей частью Передней Азии.

Задержимся еще немного на этой гипотезе. Если бы желтые и полужелтые народы, полуславянские, полуарийские, вышедшие из-за Урала, могли удержаться в своих степях, готские народы, в свою очередь, сохранив северо-восточные земли до герцинского устья, с одной стороны, и до Эвксина, с другой стороны, не стали бы переходить Дунай. Они создали бы особую цивилизацию на месте, обогатили бы ее небольшим количеством романских элементов за счет зарейнских и задунайских колоний. В один прекрасный день, воспользовавшись своим превосходством в живой силе, они поддались бы соблазну расширять свои земли ради самого расширения, но было бы уже поздно. Италия, Галлия и Испания были бы для них уже не учебными аудиториями, какими они служили для завоевателей V в., но простыми колониями, субъектами материальной эксплуатации, каким ныне служит Алжир.

Однако в игре законов, определяющих этническое смешение, есть нечто настолько фатальное, что осуществившись такая гипотеза, произошло бы простое нарушение синхронизма.

Культура наподобие той, что царилась с X по XIII в., началась бы гораздо раньше и продолжалась бы намного дольше, потому что чистота германской крови также продержалась бы дольше. Тем не менее эта культура, в конце концов, истощила бы самое себя в результате контактов, абсолютно аналогичных тем, которые ее породили. Социальные потрясения произошли бы в другие времена, но были бы все равно неизбежны. Короче говоря, иными путями человечество в любом случае пришло бы к тому, что мы имеем сегодня.

Перейдем к массовому появлению германцев в романской среде, к тому, как оно происходило и каким образом надо судить о нем.

Для того, чтобы обеспечить государству хранителей крови, императоры тевтонской расы имели в своем распоряжении надежнейшее средство, которое передали им их римские предшественники. Они научили их искусству управлять республикой, которому сами обучились у греков, а те через персов заимствовали его в политике самих древних ниневийских государств. Это средство, настолько же старое, насколько универсальное, заключается в том, чтобы внедрять в среду населения, чья лояльность или воинская способность вызывают сомнение, чужеродные элементы, которые в зависимости от обстоятельств служат для защиты или сохранения.

В лучшие времена своего могущества сенат часто прибегал к такому средству, как и первые Цезари. Всю Галлию, Британию, Гельвецию, иллирийские провинции, Фракию

заполнили банды солдат, отпущенных со службы. Их женили, их снабжали сельскохозяйственным инвентарем, им давали землю, им внушали, что их судьба, судьба их семьи и поддержка Рима в той или иной стране — это одно и то же. И это было понятно и очевидно для всех, судя по тому, как определялись права на землю новых жителей. Эти права заключались в воле власти, которая изгоняла прежних собственников и водворяла на их место ветеранов. Последним, чтобы оградить себя от претензий предшественника, ничего не оставалось, кроме как отдаться на милость правительства, которое их поддерживало. И эту поддержку можно было получить только ценой безграничной преданности.

Такое сочетание причин и следствий было на руку политикам древних времен. В этом состояла их мудрость, и если кто-то осмеливался жаловаться, общественная мораль тут же поднималась в защиту системы, полезной для государства, освященной законом и, кроме того, всегда и везде используемой человечеством.

Со времен первых Цезарей были внесены некоторые изменения в этот простой механизм, бездушный и brutальный в своей простоте. Опыт показал, что поселения италийских, азиатских и даже южно-галльских ветеранов недостаточны для защиты северных границ от набегов слишком опасных соседей. Романизированные семьи получили приказ отойти от границ, а всем германцам, численность которых была значительна, дали возможность распоряжаться опустевшими землями, что было несколько оскорбительно для самолюбия римского народа, зато обещало немалые выгоды в виде поддержки легионов против возможного нападения врагов империи.

Таким образом, по воле имперского правительства тевтонские народы были расселены на римских территориях. От этого ожидали так много выгод, что вскоре к первым переселенцам, искателям приключений, добавили и военнопленных. Покорив какое-нибудь германское племя, Рим приручал его, превращая в пограничную стражу единственным способом — лишив его родной страны.

Другие варварские народы с ревнивой завистью наблюдали столь соблазнительную ситуацию. Даже не думая о преимуществах, на которые могли рассчитывать эти новоявленные римляне, не замечая блестящих возможностей, при которых эта элита вершила судьбы вселенной, они видели, что люди, подобные им, давно обладают богатым культурным фондом, имеют доступ к огромному количеству товаров и наслаждаются плодами социальных достижений. Этого было бы достаточно, чтобы набеги стали более мощными и частыми. Получение наделов стало мечтой многих племен, уставших копаться в лесах и болотах.

Но, с другой стороны, по мере того, как набеги усиливались, положение германских переселенцев становилось менее прочным. Завистливые соперники считали их более богатыми, а те чувствовали себя в опасности. У них нередко возникала мысль протянуть руку дружбы своим собратьям вместо того, чтобы воевать с ними. При этом они обеспечили бы мир и объединились против настоящих римлян, находившихся под их сомнительной защитой.

Германизированная императорская администрация почувствовала опасность, и чтобы избежать ее, не нашла ничего лучшего, кроме как предложить им следующие изменения в их статусе.

Отныне они будут считаться не просто колонами, а солдатами на службе в армии.

Следовательно, к тем привилегиям, которыми они уже пользуются, прибавится еще военное жалование. Они станут частью воинских соединений, а их вожди будут получать воинские звания, почести и оплату, полагающуюся римским военачальникам.

Эти предложения были приняты с радостью, как и следовало того ожидать. Те, кого они касались, теперь думали только о том, как выгоднее использовать слабость империи. Что касается внешних племен, у них появилось еще большее желание получить романские земли и сделаться римскими солдатами, генералами, правителями провинций, императорами. Теперь в цивилизованном обществе в том состоянии, до какого его довел ход событий, начались соперничество и конфликты между «внутренними» и «внешними» германцами.

В этой ситуации правительству приходилось без конца расширять поселения, и скоро границы империи стали внутренними землями. Народы, которым была доверена защита рубежей, часто вступали в сговор с агрессорами. В конце концов, император утверждал такие соглашения, и новые солдаты вставали под знамена империи, т. е. поступали на ее содержание, и для них надо было искать обещанные земли во всех провинциях. В силу старых традиций Италия была освобождена от обязанности предоставлять земельные наделы, но с Галлией не церемонились.

Тевтонов селили в Шартре, батавийцев — в Байе, суэвов — в Клермоне; аланы и тайфальцы заняли окрестности Отуна и Пуатье, франки обосновались в Ренке. В Британии многочисленные поселенцы–варвары стали называться «gentiles», т. е. «люди благородного звания». Романизированные галлы узнали гнет императорских сборщиков налогов. И они вынуждены были тесниться, уступая место бургундцам или сарматам.

При этом следует иметь в виду, что по римским понятиям такая смена собственника была абсолютно законной. Государство и император, в качестве его представителя, имели право делать в империи все: для них не существовало морали — в этом заключался семитский принцип. Поэтому варвары получали земли на законных основаниях. В любое время мог объявиться новый владелец — и все это согласно тому самому праву, которого когда-то добивались романизированные кельты именем суверена.

К концу IV в. почти все римские земли, кроме центральной и южной Италии — потому что долина По была уже отдана в концессию, — оказались заняты северными поселенцами, большая часть которых получала жалование и называлась военнотружущими империи с обязательством, кстати, плохо исполнявшимся, вести себя мирно. Эти воины быстро перенимали привычки и нравы римлян, они оказались очень сообразительными и, приобщившись к оседлой жизни, превращались в самую активную, умную, самую христианскую часть населения.

Но до самого V в. на этих землях, как внутренних, так и приграничных, германские поселенцы проживали отдельными группами, и огромная масса, скопившаяся на севере Европы в течение многих столетий, только начинала растекаться тонкими ручейками сквозь плотины романского мира. И вдруг она прорвала все преграды и устремилась мощным потоком на это несчастное общество, которое давно нуждалось в полной перестройке.

Давление со стороны уральских финнов, белых и черных гуннов, огромной массы, в которой, почти в чистом виде и в различных сочетаниях, присутствовали славянские, кельтские, арийские, монгольские элементы, сделалось настолько сильным, что шаткое равновесие — как это всегда бывало в тевтонских государствах — исчезло окончательно. Рухнули готские поселения, обломки великого народа Германариха спустились вниз по Дунаю и также стали требовать романские земли, военную службу и денег.

После долгих споров, когда они не получили того, что хотели, они решили взять это силой. От Фракии до Тулузы они обрушились на Лангедок и северную Испанию, затем та же участь постигла римлян. Римляне смотрели на это сквозь пальцы. Тем более что висиготы расселялись группами и довольно мирным способом, но скоро вышел императорский указ, согласно которому новые поселенцы получали законное право на занимаемые земли. Их вожди становились консулами и патрициями: например, патриций Теодорик и патриций Хлодвиг³⁸⁹.

С тех пор германцы получили полную свободу на территории империи, а их капризы обретали силу закона. Перед ними был выбор: порвать с привычками и традициями, оставшимися от их предшественников–сородичей, раздробить страну и создать из кусочков отдельные княжества либо остаться верными делу императоров, выходцев из новой расы, и продолжить его с учетом новой ситуации.

В последнем случае система Гонория в целом сохранялась. Романский мир, или

389 Между прочим, эти два вождя получили римские титулы от императора Анастасия, которого на Западе не признавали, хотя варвары считали его законным властителем Рима.

цивилизация, продолжал свое движение. Варвары предпочли верность тому, что поддерживали императоры их расы, и выбрали второй путь, сохранив целостность романского мира. С этой целью они ввели исключительно сложную политическую систему, в которой действовали одновременно и правила, заимствованные из древнегерманского права, и императорские указы или максимы, и смешанные теории, гибрид двух первых.

Король, конунг, поскольку он уже не был ни дроттином, ни граффом, а именно военачальником, инициатором походов и радушным хозяином для воинов, приобрел двойную функцию. Для своих соплеменников он стал пожизненным генералом; для римлян он являлся высшим чиновником, подчинявшимся императору. В отношении первых его задача заключалась в том, чтобы собрать и сохранить как можно больше воинов под своими знаменами, в отношении вторых — расширить географические рубежи своей юрисдикции. Впрочем, германский конунг не считался сувереном земель, находившихся под его властью, потому что суверенная власть принадлежала императору, была неотчуждаемой и не подлежала передаче. Но в качестве римского чиновника, представителя верховной власти, конунг свободно распоряжался земельной собственностью и имел право расселять на ней своих соратников, что вполне естественно.

В таком положении находились Меровинги в Галлии. Меровинг, умирая, не мог оставить подвластные ему земли своему сыну, поскольку он сам не владел ими. Поэтому он действовал по-другому. Будучи германским вождем, он имел под своим командованием определенное число воинов и поместья, которые давали ему возможность содержать свой отряд. Эта маленькая армия и эти поместья давали ему право на титул короля, которого он не имел. В качестве римского чиновника он получал долю налогов, собираемых на территории его юрисдикции, согласно императорскому кадастру.

Перед лицом такой ситуации, чтобы обеспечить будущее детей, умирающий король передавал каждому из них поместье с воинами, принадлежавшими, по мере возможности, к тому же племени. Это была германская собственность, и достаточно было небольшой фермы и двух десятков людей, чтобы дать возможность молодому Меровингу носить титул короля.

Что касается римской земельной собственности, вождь перед смертью дробил ее на части, благодаря чему наследники получали право на доходы с таможенных сборов в Марселе, Бордо или Нанте. Германцы не ставили перед собой цель сохранить то, что называли римским миром. В их глазах это было только средство поддержать цивилизацию. Для этого они прилагали огромные усилия, каких не делали даже некоторые императоры.

Казалось, будто после принятия в лоно римского мира варвары стремятся наверстать упущенное и оправдаться за то, что раньше так мало внимания уделяли социальным делам. Самый радушный прием ждал литераторов при дворе королей вандалов, готов, франков, бургундцев или лангобардов. Для их монархов писали епископы, истинные носители поэтического гения той эпохи. Раса завоевателей взялась за перо и за изучение латинской культуры. С другой стороны, не были утрачены и свои национальные знания. При дворе короля Хильперика изучали руны, а сам король занимался усовершенствованием романского алфавита. В IV в. вышел мезоготский перевод евангелий Улфилы. Поэмы Севера пользовались большим почетом, а подвиги предков, воспеваемые новыми поколениями, свидетельствовали о том, что лучшие качества расы не забыты³⁹⁰.

В то же время германские народы, перенимая все, что они видели у своих подданных, активно совершенствовали свои законы в соответствии с требованиями времени и среды, в которой они оказались. Однако это не было слепым рабским подражанием. Они с уважением относились к правам римлян, точно так же, как к своим собственным, и искали способы

390 Теодорик III и его преемники издали несколько законов для защиты памятников Рима от разрушения. Им угрожали не варвары, а римляне — либо в пылу религиозного рвения, либо просто для того, чтобы добыть строительный материал. Римляне использовали мраморные статуи, чтобы получить известь. Таким образом, несмотря на самые строгие предписания висяготских королей и пап, многие шедевры погибли. Аталарик пытался реорганизовать школу права в Риме. Висяготские короли даже выделяли средства для ухода за памятниками.

сосуществования двух разных систем. В результате они выработали очень ценный принцип, который не потерял своего значения и сегодня. Речь идет о том, чтобы признать и констатировать тот факт, что не существует принципиальной разницы между различными племенами и народами, пришедшими с Севера независимо от места, где они поселились, и от имени, которое они носят, потому что все они германцы. Благодаря союзам в эту большую семью влились небольшие полуславянские группы, которые позже помогли присоединиться многим своим сородичам. Однако Запад неохотно принимал чужаков — славян и семитов Передней Азии, с которыми он имел связи через население Италии и Испании.

При всем этом германский гений оказался в большей мере собирателем в этом смысле, чем древние народы. Несмотря на то, что он исходил из основы, более узкой, нежели эллинские, римские или кельтские институты, и что права свободного человека значили для него то же самое, что права городов для других народов, дар предвидения позволил ему продвинуться намного дальше, чем сам он того желал. В этом нет ничего необычного: душой этого личного права является движение, независимость, активная жизнь, доступ ко всем окружающим благам, тогда как основа гражданского права — рабское подчинение, а его высшая добродетель — самоотрицание.

Несмотря на глубокий этнический хаос, в котором оказались арийцы–германцы, и на неоднородность их крови, они прилагали все усилия к тому, чтобы сформулировать две основные категории, в которые они хотели вместить все племена, попавшие под их владычество: романский мир и варварство. Для них это были два составных элемента западного общества, которое предстояло усовершенствовать, т. е. сгладить острые углы и конфликты и обеспечить объединение. Излишне напоминать, что зерна, посеянные ими, были более плодотворными, чем самые прекрасные теории семитского Рима.

В Риме существовало множество народов–соперников, противоположных обычаев, обломков враждебных друг другу цивилизаций, между которыми происходила внутренняя война. Не было ни малейшей возможности выйти из этого порочного круга, не рискуя попасть в другой, еще более ужасный. Единственными связующими звеньями служили нивелирующие налоги, земельный кадастр и слепо–беспристрастные законы; ничто не способствовало появлению новой морали, общности взглядов, объединению людей, ничто не предвещало образования сегодняшней цивилизации, которая была бы невозможна без вмешательства германского варварства, ибо оно вырвало общество из под ига тупого, бездушного, рабского и пассивного романского духа.

Я уже не раз говорил о том, что великие дела и перемены, описываемые нами, происходят не по воле масс или исторических персонажей. Причины и следствия не зависят от воли тех, кто участвует в них. Я не занимаюсь историей политических систем или хороших или дурных деяний создателей таких систем. Я изучаю анатомию рас и рассматриваю только их внутренние пружины и вытекающие отсюда следствия; я вовсе не игнорирую остальное, но оставляю его в стороне, коль скоро оно не служит пониманию рассматриваемого вопроса. Если я что–то одобряю или осуждаю, мои слова имеют сравнительный и метафорический смысл. В самом деле, разве заслуга величественных дубов в том, что они переживают века, и разве вина растений на газоне в том, что они увядают за несколько дней? И те и другие занимают свое место в растительной природе, и мощь одних, и слабость других одинаково входят в промысел божий. Но я не отрицаю, что свободное действие органических законов, которыми я ограничиваю мое исследование, часто замедляется по причине вмешательства других механизмов, чуждых им. Надо без досады и удивления проходить мимо таких мгновенных явлений, которые не в состоянии изменить сущность вещей. Вторичные причины могут отклонить в сторону движение этнических последствий, но последние всегда, в конце концов, возвращаются на свои пути. Именно это произошло с консервативным гением германцев в их движении к романскому миропониманию: этот гений часто искажали страсти, но все–таки он выполнил свою миссию. Он отказывался от разрушения империи, пока империя являлась совокупностью народов и социальных понятий и систем, чуждых варварству. С присущей ему твердостью он

поддерживал ее в течение четырех веков, после чего пришел к необходимости устранить императорство.

Впрочем, существование деспотического государства без главы не так абсурдно, как это кажется на первый взгляд. В римской системе монархической наследственности никогда не было, а выборы верховного правителя — сенатом, народом или армией — были единственным фактором поддержания государства. В такой ситуации признаком политической жизни служит не преемственность трона и не социальная система: единственный критерий — это мнение живущих в данном обществе людей на сей счет. И неважно, что это мнение основано на отдельных фактах, например, существование вековых институтов, немислимая вещь в вечно меняющемся обществе, или пребывание власти в одном и том же месте, что также маловероятно: достаточно того, чтобы убежденность на сей счет была основана на совокупности идей, пусть преходящих и отвлеченных, но таких, которые, вытекая друг из друга, создают впечатление длительности, которые умирают и постоянно сменяются новыми.

Это было нормальным явлением в романском мире, поэтому, когда Одоакр объявил персону императора Запада ненужной, никто не подумал о том, что после этого западная империя перестала существовать. Все полагали, что наступает новая стадия; как прежде римское общество управлялось сначала людьми, не имевшими титула, затем теми, которые взяли себе имя Цезарь, или другими, которые установили разницу между Цезарями и Августами, или, нарушив единство власти, ввели двуглавую, потом четырехглавую власть, точно так же теперь народ считал, что империя переходит от прямого направления, представленного Константином, к власти германских чиновников. Таким образом, Одоакр совершил не что иное, как дворцовый переворот, не имевший больших последствий, что доказывается последующим поведением Карла Великого во время восстановления титула носителя короны в его лице.

В 475 г. царь геркулов лишил трона сына Ореста, а эпоха межцарствия закончилась в 801 г., когда на трон сел Карл Великий. Между этими двумя событиями прошло около четырех столетий, которые могли стереть в памяти людей прежнюю форму правления. Однако особенности той нестабильной эпохи не позволили предать эту форму забвению. Карл Великий восстановил трон потому, что ему не пришлось восстанавливать ни основу, ни форму старых институтов; он просто снова взял на вооружение один из механизмов, которые в прошлом функционировали в империи. Империя и весь романский мир выстояли перед лицом варварства, в том числе и стараниями сына Пепина, так что его коронавание стало признанием этого факта.

Ситуация значительно улучшилась после четырехсотлетнего беспорядка. К началу этого нового периода большинство германских наций были сильно ослаблены или поглощены романской массой, некоторые вообще перестали существовать как отдельные группы. Висиготы уже не проводили никакого правового различия между собой и своими подданными, которое могло напоминать об этническом неравенстве. Лангобарды и некоторые другие сохраняли такое различие, но в целом было ясно, что варварский мир имел в империи другой влиятельный представительный элемент в лице франков, которые после нашествия австралийцев стали самым могущественным из всех родственных народов. То есть превосходство перешло к франкам.

Поскольку франки доминировали, а союз между варварством и романским миром находился в такой стадии, что прежние конфликты потеряли остроту, империя могла снова иметь властителя. И этим властителем не мог не быть германец, т. е. франк, а среди франков — только австралиец, король австралийцев: одним словом, Карл Великий. Этот князь, принимавший прошлое во всех его проявлениях, подходил для роли наследника императоров восточной империи, скипетр которых недавно перешел по наследству в женские руки, что было неприемлемо для Запада. По этой причине он реставрировал прошлое. Кроме того, он пользовался поддержкой римского народа и Церкви ³⁹¹.

391 Политики того времени не хотели даже и слышать о том, что он восстанавливает старый трон. Они

До него варварство сдержанно относилось к романскому миру и не отступало от этого, пока сохранялась сама сущность варварства. После появления сильных тевтонских народов до начала средневековья в X в., т. е. практически в течение шести веков, сформировалась другая социальная теория, гласившая, что романский мир — это социальный порядок. Варварство — лишь эпизод, славный, но все-таки преходящий.

Если бы мудрецам той эпохи задали вопрос: какая из двух систем должна пережить и поглотить другую, те высказались бы в пользу романского мира. И так действительно думали в те времена. Может быть, их мнение было ошибочным? Да, в том смысле, что они неправильно представляли себе будущее, которое у них было слишком похожим на прошлое; но, в сущности, они ошибались так же, как ошибался в своих расчетах Христофор Колумб, когда открыл Новый Свет. Генуэзец ошибался, согласно тогдашним представлениям о времени и пространстве. Он ошибался насчет природы своих предстоящих открытий. Земной шар был не так мал, каким его считали, земли, к которым он стремился, не были частью китайской империи, и там не говорили по-арабски. Все эти суждения были абсолютно ложными, но это не упраздняло главной предпосылки. Посланец двух католических королей был прав, утверждая, что на западе есть неизвестная страна.

Точно так же романский мир ошибочно считал свою культуру последним словом в истории, он ошибочно видел в варварстве только временную и досадную аномалию, но был прав, объявляя о скором появлении нового порядка вещей, о котором нельзя было сказать ничего определенного, но который представлялся прекрасным. Несмотря на все эти ошибки и мечтания, жестоко опровергаемые фактами, люди той эпохи предвидели, что романский мир, или романский дух, как выражение огромной массы людей, превосходящей по численности мир варварский, в конце концов, источит своего завоевателя, как волны истачивают скалу, и переживет его.

Германские народы не могли не раствориться в обломках окружающих их рас и не потерять всей своей энергии. В этом заключалась истина, это подсказывал римлянам инстинкт. Но повторяю еще раз: эти перемены должны были происходить настолько медленно, что это было невозможно представить, тем более что их ареной являлась огромная территория. Итак, остается добавить, что германские элементы были обречены на растворение в общей массе других этнических элементов, но они не исчезли.

Прежде считалось, что всякое общество состоит из трех первоначальных классов, представляющих разные этнические группы: знать, представительница расы-победительницы, буржуазия, состоящая из метисов, близких к правящей расе, народ, угнетенный в той или иной степени и принадлежащий к низшей разновидности человечества — негры на юге, финны на севере. Но всюду и всегда эта классификация претерпевала изменения, т. к. постоянно возникали новые этнические категории и социальные слои. Однако сама идея жива до сих пор, и сегодня она более актуальна, чем раньше.

Поскольку этническое превосходство исчезает, отрицается существование соответствующих институтов, которые пережили его. Отменяется национальное название завоевателей, вводится название покоренных народов, кроме того, упраздняется аристократическое могущество. Растет неприязнь к рабству, которое вначале ограничивается, затем отменяется полностью. Увеличивается хаос в социальной структуре, которая все больше идет к принципу равенства. Одним словом, цель в том, чтобы опустить высшие слои и возвысить низшие. Итак, возьмем германское общество в период с V по IX в. и рассмотрим королевскую власть.

Начиная со II в. до н. э. свободнорожденные германцы признавали различия по считали, что он наследует не Августу, а императору восточной империи Константину V. Во время междарствования бытовала теория, что константинопольский суверен является номинальным правителем всего романского мира. Его власть ограничивалась выдачей инвеститур. Когда Карл Великий решил надеть пурпурную мантию, эту теорию заменили другой, поскольку с появлением Ирины восточная империя перешла в женские руки, западная империя не могла следовать за ней, т. к. это противоречило закону салинцев, как будто закон салинцев имел какое-то отношение к наследованию римских императоров.

происхождению. Сыновьями богов или асов считались представители самых знатных семейств, которые имели исключительную привилегию поставлять племенам чиновников, которым мало подчинялись, зато очень почитали, и которых римляне называли князьями³⁹². Сыновья асов, как указывает их название, происходят из арийской ветви, и сам факт, что они находились вне категории воинов и свободных людей, доказывает, что в крови последних присутствовал чужеродный элемент, который ставил их ниже первых. Несмотря на это они не имели большого могущества, не владели одэлами и не могли командовать воинами. В принципе они имели возможность стать королями, если сыновья асов предпочитали оставаться со своим величием в глубине скандинавских земель.

Но это был только принцип, а на деле маловероятно, что великие германские племена Севера, которые изменили облик мира и были арийцами, уступили бы место людям простого происхождения³⁹³. Во время их появления в Римской империи они имели слишком чистую кровь, чтобы допустить к власти тех, у кого ее не было. Все они поступали так же, как геркулы. Они ставили во главе своих отрядов только арийцев, асов, сыновей богов. После V в. за «царскими» племенами у тевтонских народов признавалось «чистое» происхождение. Такое положение вещей продлилось недолго. Эти благородные семейства вступали в союзы только друг с другом и соблюдали в браках очень жесткие правила, в результате их численность сокращалась, и раса деградировала до положения воинов. Идеи, которые питали их, теряли свою значимость. Германские короли стали провозглашать принципы, неизвестные их предкам. На них произвели большое впечатление формы и результаты римской государственной власти, многие из которых были заимствованы. Это давало им лишь весьма непрочную власть с трудными и утомительными обязанностями и ограниченными правами. На них налагалась обязанность считаться с подданными, соглашаться с ними, уважать их волю, принимать их антипатии, симпатии и предрассудки. Всякий раз амалунг у готов или меровинг у франков, прежде чем принять решение, должен был узнать мнение окружающих и при необходимости уговаривать их, в противном случае мог произойти взрыв. Множество забот и утомительных хлопот, вынужденные поступки и благородство — такова была тяжкая доля власти. Если король соблюдал все правила, взамен он получал мелкие почести и сомнительное уважение, которые не ограждали его от назойливых нравоучений подданных.

Зато совсем иная картина в романском мире! Несравнимая с обычаями варваров! Носитель скипетра пользовался безграничным почитанием, его, как щитом, ограждали суровые законы, которые наказывали за малейшее неуважение к сиятельной особе. Люди падали ниц под взглядом императора, никаких возражений его воле не допускалось. Существовала четкая социальная иерархия. Были сенаторы и был плебс. Но такая организация не порождала, как это имело место у германских племен, сильных личностей, способных перечить князю. Напротив, сенаторы и куриалы служили только пассивными пружинами всеобщего повиновения. Страх перед материальной властью императоров поддерживался только подобными установлениями. Они были естественны для романского мира; их истоки находились в семитской природе, поэтому эти правила считались выражением общественного мнения. Честный человек, добрый гражданин, не мог игнорировать их без того, чтобы не оказаться виновным в нарушении законов, обычаев, самих устоев государственности.

Германские короли видели эту картину и находили ее достойной восхищения. Они понимали, что самая лучшая перспектива для них — титул высшего римского чиновника, а вообще им самим и их окружению лучше избавиться от германского характера и сделаться

392 Одним из признаков, по которым узнавали человека из расы богов, считался необычный блеск в глазах. В Индии это также считается знаком божественных воплощений.

393 Отсюда почет, которым были окружены некоторые «царские» племена Скилфунги у шведов, Нибелунги и небулонские Франки у франков, Херелинги и т. д.

счастливым обладателем простых и ясных властных полномочий, которые были неограниченны. Это было вполне естественным желанием, но для его осуществления было необходимо, чтобы германские принципы стали более гибкими. Только время, т. е. процесс этнического смешения, могло дать такой результат.

В ожидании этого момента короли выражали подчеркнутое уважение своим почтительным романским подданным и по мере возможности приближали их к своей особе. Это вызывало недовольство местных воинов, тем более что властитель получил право брать к себе на службу нужных людей.

Сторонники принципа свободного рождения, которые перестали быть равными своим предводителям по происхождению и не принадлежали к истинным асам, поскольку уже подверглись этническим изменениям до V в. до н. э., были готовы к переменам³⁹⁴. По правде говоря, некоторые местные законы ставили барьеры перед такой опасностью. Те или иные местные племена не имели права вступать в брачные союзы друг с другом, зато сквозь пальцы смотрели на браки с римлянами³⁹⁵. Но дети от смешанных браков заранее лишались германской юрисдикции и попадали под действие законов империи, т. е. включались в массу ее подданных. Такая система существовала и в Индии, но вообще это были только формальные ограничения, и они не могли нейтрализовать притягательность римского мира для варваров. Вскоре в законе появилось много послаблений, исчезли оговорки, и еще до окончания царствования Меровингов разделение жителей по категориям перестало основываться на происхождении³⁹⁶. У висигогов вообще перестало существовать какое-либо юридическое различие между варваром и римлянином.

Таким образом, статус покоренного населения неуклонно повышался всюду, а поскольку местные жители могли претендовать на германские привилегии даже при королевском дворе, вполне естественно, что германец, в свою очередь, имел причины добиваться этого. Галлы и итальянцы находились на одной ступени со своими властителями, кроме того, они могли претендовать даже на самый соблазнительный титул: епископское достоинство. Германцы прекрасно осознавали все выгоды нового положения и получали их. Случалось так, что человек, вышедший из покоренной массы, оказывался выше по положению, чем потомок Одина, и наоборот.

Одновременно в другом русле социальной организации также происходили перемены. Ариман, «bonus homo», который в первые дни завоевания презирал город, теперь старался оставить сельское уединение и стать горожанином, чтобы быть ближе к чиновнику-куриалу. Кстати, положение последнего также изменилось в лучшую сторону. Епископы, отвечающие за порядок в городах, имели поддержку в лице местного сената. Они защищали новую знать перед властителями германских кровей, а те поручали им управлять подданными, что резко повысило авторитет епископата³⁹⁷. Впрочем, это обычный результат всех завоеваний, которые осуществлялись воинственными народами, а именно: рост влияния богатых классов покоренной страны. С согласия патрициев-варваров куриалы заняли многие должности

394 У франков Хлодвиг приказал убить всех мужчин салийской расы, чтобы после его царствования среди германцев в Галлии не осталось никого, кто мог бы соперничать в знатности с Меровингами.

395 Дети от варвара и римлянки были римлянами. В IX в. саксонский закон предусматривал смертную казнь для виновных в незаконном браке.

396 Хотя священнослужители должны были подчиняться римским законам, они не всегда исполняли их. У ломбардцев священники и монахи общин придерживались варварского закона даже в IX-XI вв. Вольноотпущенники принимали законы народа, из которого они вышли. Помимо римских и варварских законов на каждой германской территории существовало общее право, которое применялось ко всем жителям и основывалось на компромиссе между различными законодательствами. Продолжением этого высшего права являются капитулы.

397 Иногда варвары сохраняли даже римскую администрацию: например, в Ретии и в бургундских странах в течение нескольких веков вместо германских князей оставались патриции.

императорских чиновников. Под их властью оказалась полиция и юстиция, если речь не шла о чисто императорских функциях и полномочиях ³⁹⁸. Поскольку промышленность и коммерция обогащают города, именно в городах создавались религиозные и образовательные центры, а храмы принимали толпы верующих, включая и преступников, которые искали там убежище. Позже слово «куриал» заменили на «рашимбург» и «скабин» ³⁹⁹. Были скабины ломбардского, франкского, висиготского происхождения, так же как и романского ⁴⁰⁰.

Сближение происходило не только между князьями, знатью и свободными гражданами романского мира и варварских стран, но и низшими классами, которые при этом поднимались на более высокую ступень. Раньше императорский режим ставил многие ситуации в промежуточное положение между полным рабством и полной свободой. При германской администрации резкие грани стирались, сначала исчезло полное рабство, против которого в течение многих веков ополчался здравый смысл. Начиная с языческих времен в жестокую борьбу с ним вступила философия, еще более сильные удары оно получило от Церкви. Германцы не были расположены восстанавливать его: они предоставили свободу во всем и вместе с архиепископами объявили, что незаконно держать в цепях христиан, верующих в Иисуса Христа. Они пошли еще дальше. Политика древних времен, действовавшая в основном в пределах городов и создававшая институты только для городского населения, мало заботилась о судьбе сельских жителей. Германцы были озабочены жизнью деревень и не делали различий между подданными.

Итак, рабство при них было почти отменено. Они ввели промежуточное состояние, при котором сам человек имел право распоряжаться своей жизнью в соответствии с гражданскими и религиозными законами и общественным мнением. Крестьянин получил право на землю, а также право вступать в священные ордены. Ему был открыт путь к самым высоким должностям и званиям. Он мог даже надеяться на епископат — более высокое положение, чем генерал в армии, по мнению самих германцев. Это коренным образом изменило ситуацию бесправных работников в частных поместьях, а еще сильнее повлияло на тех, кто трудился на королевскую казну. Такие люди могли стать богатыми торговцами, фаворитами князя, даже графами, командующими свободнорожденными воинами. Я уже не говорю об их дочерях, которые иногда, в силу каприза судьбы, возносились на трон.

Самые униженные классы получили звание «колонов». Во времена Юлия Цезаря они были свободными землепашцами, а в семитскую эпоху их положение резко ухудшилось. Феодосии и Юстиниан окончательно привязали их. Им оставили право приобретать недвижимость, но не продавать ее. При смене владельца они переходили вместе с землей к новому. Доступ к высоким должностям был для них категорически запрещен. Им даже запрещалось вести тяжбы против хозяина, который мог подвергать их телесным наказаниям. В конце концов, им запретили носить оружие и пользоваться им, что считалось в те времена большим позором.

Германское владычество отменило почти все эти правила. При Меровингах колоны имели крепостных работников, и даже противники северных институтов и рас признавали, что положение народа при них было не очень тяжелым.

Деятельность тевтонских элементов в империи в продолжение четырех столетий, с V по IX в., приводила к улучшению положения низших классов во всем романском мире.

398 В 543 г. сенат Вены утвердил создание монастыря. В 573 г. муниципальные чиновники Лиона признали заветы святого Нисетия. По всей Франции можно набрать множество подобных примеров, и нет никакого сомнения в том, что муниципальная организация никогда не переставала существовать и в средние века.

399 «Рашимбург» — то же самое, что «bonus homo» или «добропорядочный человек». Это «фрилинг» у континентальных саксонов, «фримен» у англосаксов.

400 С той же разницей, что все римляне, рожденные свободными, сначала не могли быть куриалами, между тем как все варвары той же категории не имели таких ограничений. Скоро это правило равенства распространилось и на римлян.

Это было естественным последствием этнического смешения. С приходом Карла Великого ситуация дошла до такого состояния, что этому великому человеку даже не пришла мысль восстанавливать императорские порядки. Но даже он не смог увидеть, что факты, которые на первый взгляд как будто способствовали реставрации, на деле приводили к самой настоящей скрытой революции, поскольку в обществе устанавливались совершенно новые отношения. И не существовало сил, которые могли бы помешать окончательному взрыву.

Романский мир обрел новую энергию, хотя и не везде в равной степени. Варварство практически исчезло как организм, но его влияние еще ощущалось во многих странах, и оно не было погребено под латинским элементом.

На юге Италии царило смятение, более глубокое, чем прежде. Старое население, остатки варваров, постоянный приток греческих поселенцев, затем массовое переселение сарацинов усиливали хаос. Это была страна, обреченная на власть чужестранцев, с плохо скрытой анархией.

На севере полуострова неоспоримым было владычество ломбардцев. Эти германцы, слабо ассимилированные с романским населением, не могли примириться с мыслью о власти другой германской расы. Поскольку они были немногочисленны, Карл Великий покорил их, но не смог стереть их национальные черты.

В Испании весь юг и центральная часть не принадлежали империи: мусульманское нашествие охватило обширные земли, объединив их под властью халифата. Что касается северо-запада, где жили потомки суэвов и висиготов, в низших слоях населения было намного больше кельтиберийцев, чем латинян. Этим объясняется особая печать, которая отличала эти народы от жителей южной Франции.

Аквитанская кровь в силу определенного родства с кровью наваррцев и галицийцев получила большую дозу романского и варварского элемента в сравнении с северной Испанией.

В Провансе и Лангедоке романский слой был настолько значителен, а кельтская основа была настолько подавлена им, что ситуация напоминала центральную Италию, тем более что набеги сарацинов поддерживали там значительный семитский приток. Висиготы, чья кровь к этому времени изменилась, частью ушли из Испании, частью окончательно поглощались в массу местного населения. Дальше к востоку верховодили группы бургундцев и франков, хотя они не были абсолютными хозяевами.

Бургундия и западная Швейцария, включая Савойю и долины Пьемонта, сохранили много кельтских элементов. По правде говоря, в первой из этих стран романский элемент был наиболее сильным, а в других странах слабее: особенно большой приток кельтов из Германии пришел вместе с бургундцами, которые быстро слились с местным населением. Франки, лангобарды, готы, суэвы и другие германские осколки и даже славяне нарушали этническую однородность этих стран, а вдоль северных границ жители напоминали тех, что оставались в Германии.

Центральная Франция была преимущественно галло-романской. Из всех варваров, пришедших туда, властью обладали только франки. Первоначально население было не так сильно семитизировано, как в Провансе: ситуация здесь больше напоминала верхнюю Бургундию. Из двух германских элементов франки превосходили бургундцев и, несмотря на малочисленность, занимали главенствующее положение.

На западе центральной Галлии расположена Бретань. Слабо романизованное население этого полуострова неоднократно получало приток эмигрантов с большого острова. Бретонцы не были чистыми кельтами, а скорее бельгийцами, т. е. германцами, а с течением времени туда пришли другие германизированные племена. Континентальные бретонцы представляли собой смешанную группу, где преобладал кельтский элемент.

За верхним течением Сены и в землях, которые с одной стороны тянутся до устья Рейна, а с другой до Мейна и Дуная, где восточной границей служит Венгрия, сконцентрировалось население, в котором германские элементы имели неоспоримое превосходство, но были неоднородны. Территория между Сенной и Соммой принадлежала

франкам, в значительной степени кельтизированным, с не большой семитизированной романской примесью. Морское побережье сохранило кимрийское название — Пикардия. Во внутренних землях галло–римляне, смешанные с невстрийскими франками, почти не отличались от своих южных и восточных соседей; однако они обладали большей энергией, особенно северные жители. Чем ближе к Рейну и чем дальше в направлении старых декуматских границ, тем больше встречалось настоящих франков австразийской группы, в которых сохранилось больше германской крови. Здесь находились ее истоки. Поэтому, если судить по историческим текстам, здесь находились мозг и сердце империи и ее сила, здесь решались ее судьбы. Любое событие, не инициированное в среднем течении Рейна или его окрестностях, имело лишь локальное значение.

Выше по реке в направлении Баля германские массы все больше кельтизированы и приближаются к бургундскому типу; на востоке, начиная от Баварии, галло–романская смесь пополняется славянскими оттенками, которых еще больше вблизи Венгрии и Богемии, где они уже преобладают, образуя переходную зону между западными народами и народами северо–востока и юго–востока до самой Византии.

Таким образом, западные группы обязаны тевтонскому элементу той силой рассудочности, которой не имели изнеженные народы романского мира. Эта эпоха кончилась тогда, когда варвары увидели в этнической основе, где они занимали ведущее положение, массу, противостоящую им. Они смешались с этой массой и приобрели другие взгляды: теперь их удивление вызывали только новые различия в этой совокупности, частью которых они теперь являлись. Именно в это время романский мир решил, что победа над варварством, которое латиняне считали самым тяжелым последствием германского нашествия, наконец одержана. Вплоть до царствования Карла Великого варварство сохраняло свои внешние формы и проявления. После него материальная форма перестала существовать, и хотя его дух еще оставался, так же как ассирийский и эллинский дух, оно вступило в тяжелую стадию.

Как бы то ни было, повторяю еще раз, его дух не погиб. Этот гений, представлявший сумму всех этнических обломков, продолжал сопротивляться благодаря одному обстоятельству, которое заслуживает упоминания. Речь идет о феномене, противоположном тому, что мы видели в период, когда империя существовала без императора: а в данном случае император остался без империи. Императорское достоинство, в некоторой степени связанное с римским величием, в течение нескольких веков обеспечивало ему внешнюю форму наследника и продолжателя. И опять таки германские народы, в силу своего упрямого инстинкта, явили новый пример той же логики и той же стойкости, которая отличала их собратьев с берегов Инда, хотя это произошло в иной форме.

Теперь нам остается рассмотреть типичные достоинства расы в лице последних арийских ветвей, которые вышли из Скандинавии на юг. Это были норманны и англосаксы.

ГЛАВА V. Последние переселения арийцев–скандинавов

В то время как крупные племена, покинувшие Скандинавию после I в. н. э., постепенно перемещались на юг, значительные массы, жившие на полуострове и рядом с ним, не знали покоя. Их можно разделить на две группы: та, что стала основой англосаксонской конфедерации, и вторая группа, выходцы из которой были более независимы друг от друга и продвинулись дальше; именно их следует считать «норманнами», как они себя называли.

Несмотря на то, что, начиная с I в. до н. э. до V в. н. э. влияние этих групп чувствовалось даже в римских регионах, нет оснований подробно говорить о них отдельно, потому что там действовали и другие германские народы. Но после I в. нашествие Атилы положило конец их влиянию или, по крайней мере, ослабило его. Славяне, втянутые в общий этнический беспорядок, главными зачинщиками которого были тевтоны и гунны, оказались отброшенными в районы между скандинавскими странами и южной Европой, и только с этого момента можно четко различать арийцев на севере нашего континента.

Эти славяне, вновь оказавшиеся жертвами катастроф, сотрясавших высшие расы,

пришли на земли своих предков, которые жили там несколько столетий назад, и, возможно, проникли еще дальше. Они перешли Эльбу, поднялись по течению Дуная, появились в самом центре Германии. Под предводительством своей знати, состоявшей из гетов, сарматов, кельтов, и смешавшись с немногочисленными группами гуннов, которые их теснили, они заняли на севере весь Гольштейн вплоть до Эйдера⁴⁰¹. На западе они двигались к реке Сааль и сделали ее своей границей, а на юге заняли Стирию, Карниоль, дошли до побережья Адриатики, с одной стороны, с другой — до Майна, и захватили оба австрийских герцогства — Тюрингию и Суаб⁴⁰². Затем они спустились до рейнских земель и проникли в Швейцарию. Эти вендские народы, прежде постоянно угнетаемые, поневоле стали завоевателями, обстоятельства работали на них, и в результате германский элемент оказался значительно ослаблен во всей Германии и сохранил свои позиции только в Вестфалии, Фризе, Ганновере и на Рейне. Такая ситуация сложилась в VIII в.

Саксонские набеги и франкская колонизация в течение трех или четырех последующих веков несколько изменили положение, но в результате масса местных народов оказалась навсегда отрезанной от основных арийских элементов. Этому способствовали не только набеги славян в гуннскую эпоху, но в еще большей мере состав германских групп, смешанных с многочисленными наемными бандами кельтов и вендов. Когда германские племена переселялись или исчезали, главным образом страдала самая благородная часть, тогда как конфликты мало затрагивали два низших класса — карлов и траэлов. Напротив, по мере того, как теряли свою знать славянские племена, они все более освобождались от арийского влияния, отвлекавшего их от их истинной природы. В результате исчезновения германцев, с одной стороны, и ослабления вендской аристократии, с другой, в населении Германии, в конце концов, осталось очень мало германских элементов. Об этом свидетельствуют сельские обычаи, народные суеверия, наречия и физиологические особенности. Так, в Шварцвальде можно встретить чисто кельтские или славянские типы или пассивных австрийцев и баварцев, в которых нет той энергии, какой отличаются франки или лангобарды.

Именно это население оказалось на пути саксонов и норманнов, точно так же, как в свое время германцы столкнулись примерно с такой же ситуацией. Разница состояла в том, что на этот раз силы завоевателей были слабее и географические результаты более скромные.

Вначале норманны пошли по стопам готских племен. Они были умелыми и отважными мореплавателями и совершали походы на восток, пересекли Балтийское море, высадились на его берегу, откуда пошли предки Германариха, и, с мечом в руках пройдя по всей Руси, заключили военные союзы с императорами Константинополя, а с другой стороны, их пираты наводили страх на жителей побережья Каспийского моря.

Они настолько хорошо освоились в русских землях и завоевали там такой высокий авторитет своим умом и мужеством, что славяне этой страны, признавая свое бессилие, почти единодушно и с радостью приняли власть чужеземцев. Последние основали крупные княжества и в какой-то мере восстановили и Асгард, и Гардарику, и готскую империю. Они заложили основы славного будущего славянских государств, скрепив их арийской кровью. Без них России бы не было⁴⁰³.

401 Шаффарик считает, что гунны, описанные в «Эдде», были славянами, что является явной натяжкой.

402 В этом направлении славяне двигались под давлением аваров, по лумонгольского–полуарийского племени.

403 Людбранд де Тичино, епископ Кремонский, умерший в 979 г., говорил, что народ, который греки называют «русские», на Западе зовется «норманнами». В V в. русские — под этим именем надо понимать основную часть населения — говорили на скандинавском языке. Территория, где был распространен этот язык, охватывала окрестности Ладожского озера, озера Ильмень и верховья Днепра. Обычно русские норманны называли себя «варягами». Это имя носили также асы, готы и саксоны, т. е. оно чисто арийского происхождения. Греки знали в Дрангиане сарматский народ, который называл себя «зарянга» или в вендской форме «зараянг». Плиний переделал его в «эвергетов». Это название, «заранги», «эвергеты» или «варяги», пришло и во Францию, оставив следы в географических названиях. Это доказывает, что северные арийцы,

Сегодня существует большая славянская империя — единственная, которая выдержала испытание временем, первый и уникальный памятник политическому разуму, истоки которого следует искать в варяжских, т. е. норманнских династиях.

Однако это грандиозное сооружение является германским только в силу факта своего существования. Норманны не изменили характер своих подданных: они были слишком малочисленны, чтобы добиться такого результата. Они затерялись в массе местного населения, в котором татарские набеги в средние века постоянно усиливали дестабилизирующее влияние финской крови. Все это имело бы бесславный конец, если бы судьба не послала этой стране силу, которая возродила ее, и этой силы оказалось достаточно, чтобы нейтрализовать худшие качества славянского гения. Приход немецких князей, администраторов, генералов, профессоров, художников, ремесленников, появление англичан, французов, итальянцев медленно, но верно делали свое дело, трансформируя инстинкты местного населения и готовя его, помимо его желания, к тому, чтобы занять высокое положение в Европе. Все, что сегодня есть в России политически значимого, все, что сближает эту страну с германизированной цивилизацией, пришло извне.

Возможно, такая ситуация сохранится в течение более или менее продолжительного времени, но в сущности инертность, присущая местным жителям, осталась, и напрасно считают, что вендская раса представляет угрозу для Запада. Кто-то, увидев, что у нее мало способностей к социальному совершенствованию, поспешили объявить ее юной и полной скрытых сил, которые еще не проявились. Однако это из области иллюзий. Славяне относятся к самым древним семействам, самым перемешанным и выродившимся, какие есть на земле. Они исчерпали свои возможности еще раньше кельтов. Норманны придали им чувство единства, которого они были лишены. И это чувство теряется по мере того, как впитывается скандинавская кровь, оно поддерживается только за счет новых притоков, однако они не в состоянии дать своим ученикам то, чего у тех никогда не было.

На Западе славяне могут занимать только подчиненное социальное положение и вряд ли будут играть заметную роль в будущей истории, как не играли ее в прошлом, если бы не огромная территория, которую они занимали. Находясь на границе между Европой и Азией, они служат естественным переходным элементом между своими западными и восточными монголоидными сородичами. Они составляют бесчисленные массы людей от Богемии и Петербурга до границ с Китаем. Они поддерживают, таким образом, между различными метисами непрерывную этническую связующую нить, которая сегодня опоясывает северное полушарие.

Вот удел славянских народов и предел их развития, которого они никогда бы не достигли без помощи норманнов. Эти норманны осуществляли свою деятельность главным образом в России, откуда мы перенесемся вслед за ними в другие земли.

Не будем останавливаться на их деятельности, т. к. это скорее область политической истории. Вытесненные из центра Германии массами новых пришельцев, потерпев поражение от саксонов⁴⁰⁴, норманны вплоть до VIII в. продолжали свои походы.

Западные мореплаватели боялись отважных норманнских пиратов, которые добирались до Средиземного моря, грабили Испанию, колонизировали острова вблизи Англии, обосновались в Ирландии и Шотландии, населили долины Исландии.

Несколько позже они пришли и на землю Англии, которой раньше причинили столько хлопот и волнений, отобрали ее большую часть у бриттов и саксонов, которые высадились на этих берегах еще раньше. Позже они обновили кровь французов в Невстрии и обеспечили им несмотря на расстояния, сохраняли родство со своей ветвью.

404 Континентальные саксоны так быстро смешались с кельтскими или славянскими племенами, окружавшими их, что по традиции они считаются автохтонным населением Гарца, хотя их предки жили на Херсонесе еще в V в., а сами они захватили Тюрингию только в VI в. Создается впечатление, будто они вдруг родились посреди гор и лесов Гарца. Здесь слышится отголосок скандинавских мифов в сочетании с местными легендами.

превосходство над другими жителями Галлии. В числе их самых славных деяний следует в первую очередь отметить открытие американского континента в X в. и создание там колоний в XI, а возможно, и в XIII в. В свое время мы поговорим о полном завоевании Англии французскими норманнами.

Скандинавия, откуда вышли эти воины, еще в героические времена средневековья занимала видное место в памяти всех господствующих рас Европы. Это была земля их славных предков, земля их богов, вытесненных христианством. Высокие образы, которые вызывало название этой земли в мыслях франков и готов, можно сравнить с воспоминаниями об Ултрара–Куру для брахманов. В наши дни этот полуостров населен людьми, похожими на тех, которые так долго и обильно питали всю континентальную Европу⁴⁰⁵. Чем чище была кровь этих древних воинов, тем меньше времени они проводили в своих одёлах. Немногие остались в Скандинавии. Но некоторые возвратились туда и нашли там финнов, кельтов, славян — либо выходцев тех, кто когда-то населял страну, либо потомков пленников, которых забросили туда перипетии войн и конфликтов с остатками асов. Однако нет сомнений в том, что в Швеции и, особенно в Норвегии еще сегодня можно встретить физиологические, лингвистические и политические свидетельства пребывания исчезнувших благородных рас, о чем говорит история последних столетий. Ни Густав–Адольф, ни Карл XII, ни их народы не являются потомками Рагнаса Лодброга и Харалда. Если бы норвежцы и шведы были более многочисленными, ситуация сложилась бы по-иному; но они по причине своей малочисленности обречены на социальное бессилие. Поэтому можно сказать, что не среди них следует искать последний оплот германского влияния: он находится в Англии. Именно там он в большей мере сохраняет свое прежнее влияние.

Когда речь шла о кельтах, мы видели, что население Британских островов во времена Цезаря состояло из местных финнов, некоторых галльских племен, в разной степени затронутых смешением с аборигенами, но весьма деградированных этими контактами, и из переселившихся германизированных бельгийцев, которые занимали восточное и южное побережья.

С последними в основном и имели дело римляне — как в вопросах войны, так и мира. Рядом с этими чужеземными племенами жили с давних времен более чистые германцы, упоминаемые в галльских документах под именем «коританийцы». С тех пор переселение тевтонских групп больше не прекращалось вплоть до 449 г., который обычно считается началом англосаксонского периода. В царствование Пробия имперская власть населила остров вандалами, немного позже туда завезли квадов и маркомманов. Гонорий сформировал в северных провинциях более 40 когорт из варваров, которые привели с собой жен и детей. Затем земли получили многие тунгры. Все эти волны иммигрантов были достаточно значительны, чтобы сформировать новое население на западном побережье и учредить новую должность, которая, согласно римской иерархии, на острове называлась «префект саксонского побережья». Этот титул говорит о том, что задолго до появления двух братьев-героев по имени Хенгест и Хорса большое количество людей их расы уже обитало в Англии.

Таким образом, британское население очень рано получило приток германской крови, и племена, жившие в центральных районах, также постепенно смешались с соседями или были вынуждены уйти в горы на севере или же переселиться в Ирландию, которая стала последним оплотом чистых кельтов, если таковые вообще оставались там.

Скоро на острове появилось многочисленное римское население. Во время одного бунта семьдесят тысяч римлян были убиты только в трех кантонах Лондона, Мерулама и Колчестера. Но через некоторое время в Великобританию пришли новые переселенцы с юга, и численность римлян–островитян продолжала расти.

В III в. Марсий насчитал в стране 15 тысяч крупных поселений. Во многих жили только римские поселенцы. По свидетельству Цезаря, бритты предпочитали жить в убогих хижинах

405 Язык рунических текстов значительно отличается, как и готский язык Улфилы, от нынешних скандинавских языков, в которых много финских элементов.

среди лесов, между тем как германизированные бельгийцы, прибывшие из Галлии, обитали в таких же городах, как их сородичи на континенте. Они имели свои деньги, а через 40 лет после римского завоевания при Агриколе по подсчетам Птолемея в стране было 56 крупных городов. Пришельцы подчинялись римским законам и обычаям, строили памятники, акведуки, театры, триумфальные арки, которые вызывали восхищение еще в XIV в.⁴⁰⁶ Короче говоря, местные города все больше напоминали галльские.

Тем не менее, существовала большая разница. Жители Великобритании обладали большей политической энергией, чем их континентальные соседи, несмотря на то, что их небольшая территория и географическое положение на задворках империи не позволяли им надеяться на значительную роль в ее истории. Здесь уместно напомнить, что географическая ситуация мало влияет на могущество страны. Полугерманцы Великобритании дали Риму большое число императоров. При их участии непрерывно велись амбициозные политические интриги. С их побережья отплывали когорты на завоевание римского мира. Они замахнулись на то, в чем их соседи галлы столько раз терпели неудачу: они задумали создать свои династии и пре успели в этом. Начиная с царствования Караусия они уже мало зависели от Рима. Они сформировали политический центр со всеми соответствующими эмблемами и знаками отчизны. Так туманный Альбион окружил себя ореолом гордой, суровой и несколько эгоистичной свободы, которой поныне гордятся потомки бриттов.

Я не буду рассказывать о бритто–римских императорах Аллектии⁴⁰⁷, Магнентии, Валентинии, Максиме, Константине, с которыми Гонорий был вынужден заключать пакты. Я не буду говорить о Марке, который навсегда закрепил обособленное положение страны⁴⁰⁸.

Я просто хотел показать, в какую глубокую древность уходит императорский титул у англичан. Римские формы превалялись на острове в течение примерно 450 лет.

После этого начались гражданские войны между германизированными бритто–римлянами и более чистыми саксами, издавна поселившимися в стране после изгнания с континента под давлением славян, которые неожиданно вознамерились завладеть всем островом. Историки часто описывают этих сынов скандинавов, «Сакаи–Суна», или сынов саков, приплывших из кимрийского Херсонеса и соседних с ним островов на кожаных барках. Историки усматривают в таком способе мореплавания проявление варварства, но они ошибаются. В V в. северяне имели большие суда на Балтике. Они издавна видели в своих морях римские галеры, видели экспедицию франков, которые с Черного моря вернулись во Фризию на кораблях, отбитых у императорского флота, и могли воспользоваться этими образцами, но не захотели. Этим мужественным людям больше подходили мелкие суда, которые можно переносить на руках, которые могли переходить из моря в реки, из рек в мелкие речки. Таким образом, они могли пробираться в глубь страны, что было не под силу большим судам, и осуществлять завоевания. В результате возобновились смешение рас и, соответственно, конфликты⁴⁰⁹.

Бритто–римское население, которое отличалось высокой энергичностью по сравнению с галло–римлянами в силу своего германского происхождения, более достойно вело себя по

406 Тацит, резко осуждающий галлов за то, что они с такой легкостью приняли разрушительное римское влияние, также неслестно отзывается об островных бриттах, которые копировали у себя римскую административную систему.

407 Аллектий вел себя как настоящий император. Он заселил остров большим числом франков и саксов.

408 Марк был избран императором с целью защиты страны от саксонского вторжения в 407 г.

409 Проспер Аквитанский считает 441 г. датой окончательной победы англосаксов. Это завоевание отличается от покорения Галлии франками в двух моментах: во–первых, саксы не получили императорской инвеституры и не могли ее получить, потому что Великобритания являлась независимой страной; во–вторых, вследствие вышесказанного, их предводители не имели намерения требовать звания патрициев и консулов, поскольку не желали играть роль римских чиновников.

отношению к завоевателям и оказывало им сильное сопротивление⁴¹⁰. Часть страны осталась почти независимой, если не считать вассального положения и признания высшей власти саксов с выплатой дани. Но даже покоренное население имело право на землю, ношение оружия, командование войсками или выбор своих военачальников.

Как франкские короли окружали себя преимущественно галльскими придворными, так и принцы Гептархии набирали свой двор из среды бритто–римлян. Последние сразу получили высокие должности при дворе потомков асов. Они научили их римским законам и приобщили к идее власти, которую англо–саксонские воины не стремились распространять. Но и в этом бритто–германские советники значительно отличались от галльских или меровингских: они не смогли спасти от разрушения римские нравы, потому что и сами в слабой мере знали их, и не заложили в систему правления зерно феодализма, потому что их страна была незначительно затронута действием бенефициальных законов. Итак, Англия, начиная с V в., оставалась в стороне от образа жизни остальной части Европы.

Бритто–римляне очень хорошо внушили потомкам Бодана и Тора желание собрать воедино все наследие национальных императоров. Мы знаем, с каким удивлением самые ловкие и могущественные англосаксонские принцы принимали римские знаки отличия высшей власти в виде изображения волчицы и двух братьев–близнецов, воспринимали римские законы в отношении своих подданных, завязывали тесные связи с двором Константинополя и приобретали двойной титул: «братвалда» по отношению к подданным англосаксам и бриттам и «басилеус» в письменных документах по латыни⁴¹¹. Титул «басилеус», на который не смели претендовать франкские, висиготские, ломбардские короли, предоставлял прерогативу величия и независимости. На острове, так же как и на континенте, хорошо понимали его значимость, потому что Карл Великий унаследовал трон Константина V; в письме к Эгберту он назвал себя императором восточных христиан, а адресата именовал императором западных христиан⁴¹².

Расовые отношения между бритто–римлянами и германскими племенами, пришедшими из Ютланда⁴¹³, основывались на компромиссе: со стороны побежденных — отказ от приобретения товаров с юга, принятие германских идей, а со стороны победителей — уступки и послабления административного характера. Например, создаваемые институты были похожи на скандинавские. Землевладение в форме одэла и феода, политические права, основанные исключительно на территориальной собственности, поощрение земледелия, постепенное запустение многих городов⁴¹⁴, увеличение количества деревень, особенно отдельных ферм и поместий, в которых свободный человек чувствовал себя вольготно, — все это свидетельствовало о крепости арийского духа. С другой стороны, рост числа городов, растущее безразличие к делам общества и уменьшение численности свободных людей на континенте указывали на развитие совсем иных тенденций.

Неудивительно, что некоторые современные историки превозносят образ жизни

410 Например, бритты в боях против саксов использовали римскую тактику.

411 Титул «братвалда» предполагал пусть и номинальную, но все-таки власть над независимыми бриттами племенами острова; некоторые из этих племен в X в. имели знать германского происхождения: например, корнуэльцы.

412 Еще Вильгельм–Завоеватель носил титул «басилеус». Видимо, он был последним английским сувереном, который пользовался этим титулом.

413 Название «англосаксы», применяемое к завоевателям Англии, не означает, что все они относились к одной нации: среди них были варяги, ютунги, тюрингские саксы.

414 С бриттскими городами Англии случилось то, что произошло с кельтскими поселениями в Германии. Они не имели достаточно богатств и сил, чтобы сопротивляться враждебному окружению. Римские институты постепенно германизировались, а тяга к сельской жизни и постоянные набеги приводили к размыванию городской буржуазии.

англосакса, жившего мирной сельской жизнью в эпоху, когда его собрат на континенте — карл или ариман, т. е. «добропорядочный человек» — утратил почти все качества свободного человека. Но тогда они должны добавить, что организация средних классов при саксонских королях и первых норманнских династиях была всего лишь продуктом этнических обстоятельств и не подлежала совершенствованию. Тогдашнее английское общество со всеми своими достоинствами и недостатками составляло единое целое, обреченное на упадок.

Почти полное отсутствие романизованного элемента не позволяло ему приблизиться к тому, что мы называем европейской цивилизацией. По мере слияния различных групп населения кельтские элементы, глубоко пропитанные финской сущностью, элементы, которые попали в массу бриттов в результате англосаксонского переселения, и те, которые принесли с собой датчане, поглощали германские элементы. При этом не надо забывать, что, несмотря на их многочисленность, они утрачивали свою энергию по мере смешения с разнородной массой. Их лучшие качества тускнели так же, как переходящий из рук в руки плод теряет свою свежесть, сохраняя, однако, мякоть. В такой ситуации находилась Англия XI в. Рядом с замечательными политическими достижениями мы видим постыдную нищету в интеллектуальной жизни; исключительно развитый прагматизм, благодаря которому на острове накоплены огромные богатства, и полное отсутствие деликатности и элегантности нравов; зажиточность крестьян-собственников и абсолютное рабство, какого, пожалуй, не было нигде. Духовенство, которое по причине невежества и низких плотских нравов медленно скатывалось к еретизму, бездарные правители, управляющие страной так же, как раньше управляли своим одэлом, и за плату отдающие государственную печать в пользование проходимцам. Наконец, исчезновение всех чистых рас и появление на троне крестьянского сына.

Вот что уродовало общую картину общества в период норманнского завоевания.

Англии повезло с приходом Вильгельма, и на волне галло-скандинавского нашествия туда проникли романизованные элементы. Они не разрушили тевтонскую основу, не лишили ее прагматического и политического гения — они влили в нее то, чего ей до тех пор недоставало для того, чтобы присоединиться к общему ходу цивилизации.

Вместе с герцогом Нормандским пришли романизованные бретонцы, ангевийцы, бургиньоны, представители всех регионов Галлии. Они обеспечивали связь острова с остальной Европой, вытащили его из болота изоляции, в котором его держал сам характер этнического состава населения, потому что Англия оставалась слишком кельто-саксонской в тот период, когда остальной европейский мир стремился сбросить с себя германскую природу.

Плантагенеты и Тюдоры продолжили цивилизаторское движение и расширили для него путь. При них приток романизованного элемента не имел такого угрожающего размаха и не затрагивал низшие слои населения, тогда как высшие слои, как и везде, постепенно деградировали и исчезали. Как обычно случается, цивилизованная раса, оказавшись в среде обладающих сильной энергией масс, получает небольшую дозу яда, что производит положительный эффект. Так и в Англии ситуация постепенно улучшалась, нравы смягчались, и страна сближалась с континентальным обществом; в то же время она продолжала оставаться в основном германской, поэтому феодализм там никогда не приводил к рабству, как это происходило у ее соседей. Королевская власть не могла перешагнуть определенные границы, установленные национальными инстинктами; муниципальная система мало походила на римскую, низшие классы всегда имели доступ на более высокую ступень, а привилегии были основаны не на титуле, а на земельной собственности. С другой стороны, падал интерес к интеллектуальным знаниям, имело место презрение ко всему, не связанному с материальными потребностями: недаром итальянцев возмущает, что англичане не способны наслаждаться искусством.

В истории человечества, начиная с X в. до наших дней, мало найдется аналогичных примеров. В других местах арийцы или арианизированные элементы питали своей энергией массы разнородного населения, придавали им силу, а в ответ воспринимали новую для них

культуру. Но нигде больше благородные племена, собравшиеся вместе на небольшой территории, не получали так мало элементов из смешанных, но более развитых в смысле исторического опыта рас. Именно этому исключительному обстоятельству англичане обязаны не только своим медленным социальным прогрессом, но и прочности их империи: она не отличалась ни блеском, ни гуманностью, ни благородством, но зато была самой мощной в Европе.

Этот процесс ускорился с конца XVII в.

После религиозных войн во Франции на остров хлынула новая волна французов. На этот раз они не стремились попасть в аристократическую среду: торговые отношения, которые расширялись и углублялись повсюду, втянули значительную часть иммигрантов в плебейские массы, и англосаксонская кровь серьезно от этого пострадала. Появление крупной промышленности еще более усилило этот процесс, притягивая в страну работников негерманских рас, ирландцев, итальянцев, славянизированных немцев и немцев, отмеченных кельтской печатью.

Тогда англичане реально ощутили, как их втягивает в себя сфера романизированных народов. Они без всякого сожаления стали терять то, что когда-то сближало их со скандинавами, фламандцами и голландцами. Начиная с этого времени, они стали лучше понимать Францию. Они почувствовали тягу к классическим наукам, искусству, музыке, литературе и добились в этой области такой славы, о которой не могли и мечтать их предки, хотя и сюда они вносили грубый варварский вкус.

Тем временем иммиграция с континента продолжалась и усиливалась. Отмена Нантского эдикта заставила многих жителей южных провинций Франции присоединиться к своим сбежавшим предшественникам⁴¹⁵. Не меньший эффект произвела Французская революция; не считая недавнего притока ирландцев в Англию, непрерывно поступали все новые этнические элементы, и инстинкты, противоположные германскому духу, накапливались в обществе, когда-то таком едином, логично организованном и крепком, хотя и малообразованном.

Перемены были ощутимы и проявлялись в самых разных аспектах. Английская законодательная система утратила свою солидарность, приближалось время реформаторов. Аристократия открыто столкнулась с противниками: неизвестная прежде демократия выдвинула требования, которые выросли не на англосаксонской почве. Растущая популярность новшеств, появление новых идей, организация новых сил — все свидетельствует о том, что причины такой трансформации следует искать на континенте и что Англия вступает в романский мир.

ГЛАВА VI. Последняя эпоха германо–романского общества

Вернемся в империю Карла Великого, потому что именно в ее лоне должна была зародиться современная цивилизация. Нероманизированные германцы Скандинавии, северной части Германии и Британских островов утратили «наивную» сторону своей сущности, и теперь в их могуществе уже нет прежней гибкости. Они слишком бедны идеями, чтобы добиться больших и разнообразных результатов. Славянские страны по тем же причинам отличаются таким убожеством мысли, что даже когда некоторые из них вступают в тесные связи с восточным романским или греческим миром, этот брак не приносит плодов. Впрочем, здесь я ошибся: этот брак дает еще более плачевные результаты, чем византийский компромисс.

Итак, перенесемся в провинции восточной империи, чтобы присутствовать при появлении нынешнего социального устройства. Здесь уже не так отчетливо проявляется сочетание варварства и романского духа: эти два элемента будущего мира начинают проникать друг в друга, и будто для того, чтобы ускорить этот процесс, произошло как бы

415 В разные времена в Англии нашли убежище более ста тысяч протестантов.

разделение функций на всем пространстве империи. Повсюду видны ростки слияния, которое не имеет четко определенных национальных границ и искажает суть компонентов, бурлящих в этом котле.

Но это зрелище вовсе не новое для читателя этой книги. Поглощение сильных рас в древних обществах происходило в такие удаленные от нас времена и в таких далеких землях, что нам трудно проследить все его этапы. Иногда мы можем рассмотреть не только окончательные катастрофы, но и кое-какие исторические подробности. История, часто искаженная несовершенной хронологией и мифическими формами, затемненная толкователями, такими же чужими для того или иного народа, как и мы с вами, доносит до нас не факты, а скорее их образы. Более того, эти образы доходят до нас отраженные во множестве зеркал, ракурс которых подчас очень трудно определить.

Зато совсем иная картина предстает перед нами, как только речь заходит о близкой нам цивилизации! С нами разговаривают наши отцы и рассказывают о далеких событиях так, как бы мы сами рассказывали об этом. Читая их рассказы, мы живо представляем сцену, на которой разворачивались события. Нам нетрудно понять то, о чем они говорят, и представить то, о чем они умалчивают, потому что мы сами — плод их деяний, и если мы испытываем затруднения, что касается полного и точного представления о совокупности их дел, если нам не удастся проследить все события, почувствовать их логику и вывести следствия, виной тому не скудность сведений, а напротив, угнетающее обилие подробностей. Наш глаз с большим трудом различает и разделяет их, проникает в их суть, поскольку они слишком многочисленны и размыты, и наша главная ошибка заключается в том, что мы пытаемся их классифицировать.

Мы настолько активно соучаствуем в страданиях и радостях, в триумфах и поражениях нашего родного прошлого, что нам плохо удастся сохранить непредвзятость, без которой невозможны правильные суждения. Встречая в королевских капитуляциях, в хартиях феодальной эпохи, в ордонансах эпохи административной первые свидетельства всех тех принципов, которые сегодня волнуют наше правительство или вызывают наше негодование, чаще всего мы не можем оставаться объективно равнодушными.

Но такое исследование не терпит ни нынешних страстей, ни сегодняшних симпатий или антипатий. Пусть нельзя не радоваться или грустить вместе с предками, пусть их участь не должна оставлять нас безучастными, необходимо подавить эмоции для достижения самой благородной цели, которая есть поиск истины. От этого выигрывает справедливость и, в конечном счете, гуманизм. Нас должен интересовать не определенный класс или исторический персонаж, а весь сонм умерших людей; здесь имеет право на существование только отстраненная жалость ко всем, кого больше нет, независимо от того, носили ли они королевскую корону, шлем воина, шапочку буржуа или кепи пролетария. Для того чтобы прийти к такому безмятежному созерцанию, нет иного средства, кроме как рассуждать о наших предках так же, как мы рассуждаем о чужих для нас цивилизациях.

Исходя из принципов данной книги, новая цивилизация должна была явить свои первые формы там, где смешение варварства и романского духа затронуло, во-первых, самые чистые элементы, во-вторых, элементы, больше всего проникнутые эллинизмом, тем более что последние как раз и заключают в себе истоки имперской цивилизации. В самом деле, три территории доминируют в моральном отношении, начиная с IX по XIII в.: верхняя Италия, среднее течение Рейна и северная Франция.

В верхней Италии ломбардская кровь сохранила энергию, неоднократно подпитываемую франками. Поэтому страна имела достаточно сил для будущего. С другой стороны, местное население содержало в себе достаточно эллинских элементов, и поскольку оно намного превосходило по численности завоевателей-варваров, слияние приводило его к еще большему росту. Там сохранилась и стала быстро развиваться римская административная система. Города — Милан, Венеция, Флоренция — приобретают такое большое значение, какого давно не знал ни один город в других местах. Их устройство в чем-то напоминает абсолютизм античных республик. Военная власть ослабляется,

германская королевская система — всего лишь прозрачная и непрочная ткань, брошенная на общество. Начиная с XII в. феодальная знать почти полностью исчезает со сцены, ей на смену приходит буржуазия, восстанавливается императорское право, возрождаются науки, расцветает торговля, и вся ломбардская лига переживает невиданный расцвет. Но при этом не надо забывать, что тевтонская кровь, которую инстинктивно презирали все народы, пытающиеся вернуться в романский мир, — это именно то, что придает им силы. Она с каждым днем теряет свои позиции, но все еще существует, о чем говорит долгое сохранение индивидуального права даже среди духовенства.

По ломбардскому типу, с разными вариациями, формируются многочисленные государства. Кстати, этот же тип мы видим в провинциях Бургундского королевства, в Провансе, Лангедоке и южной Швейцарии, хотя там нет ломбардского блеска.

Обычно там варварский элемент слишком слаб и не в состоянии придать энергию романскому духу⁴¹⁶. В центральной части и на юге полуострова он почти отсутствует, поэтому мы наблюдаем там бесплодные волнения и жалкие конвульсии. Тевтонские набеги носили эпизодический характер на этих землях и только усиливали этнический беспорядок, который не могли исправить греческие и сарацинские поселенцы. Одно время норманнское владычество привело к неожиданному расцвету цивилизационного духа в самой южной части полуострова и в Сицилии. К сожалению, этот живительный поток скоро иссяк, и императоры дома Хоэнштауфен пожинают его последние плоды.

Когда в XV в. германская кровь почти перестала распространяться в массах верхней Италии, страна вступила в стадию, которую пережила южная Греция после гражданских войн. Она поменяла свою политическую жизнестойкость на развитие художественных и литературных способностей. В этом смысле она достигла высот, каких никогда не достигала римская Италия, всегда поклонявшаяся афинским образцам. Но успех продолжался недолго, как и во времена Платона: не прошло и сотни лет, как возобновилась агония всех способностей. XVII и XVIII вв. ничего не добавили к славе Италии, но лишили ее многого.

На берегах Рейна и в бельгийских провинциях романские элементы численно превосходили германские. Кроме того, они были значительно больше пропитаны прагматичностью кельтов, чем аборигены Италии. Местная цивилизация шла в направлении, соответствующем причинам, которые ее породили. В смысле феодального права императорская система бенифиций оказалась малоэффективной, и связь землевладельцев с короной всегда была очень слабой, между тем как независимые доктрины древнего германского законодательства еще долго поддерживали у владельцев замков свободу и независимость. Рыцари Хайнаута и Палатината до XIV в. считались самыми богатыми, гордыми и независимыми в Европе. Их непосредственный сюзерен, император, имел мало власти над ними, а второстепенные принцы и князья, кстати, более многочисленные, чем в провинциях, были бессильны подчинить их. Тем не менее, и там усиливался романский дух, потому что романский мир был слишком велик, и, в конце концов, им пришлось, с великой неохотой, признать главные принципы права Юстиниана. Тогда феодальная система потеряла большую часть своих прерогатив, хотя сохранила их в достаточной мере для того, чтобы революционный взрыв 1793 г. потряс эти страны сильнее, чем другие. Без внешней поддержки остатки феодальной организации еще долгое время сопротивлялись в западных районах.

В противовес не желающей сдаваться знати буржуазия создала свой шедевр: ганзейский союз, комбинацию кельтских и славянских идей, в которой преобладали последние, но которая держалась во многом благодаря германской твердости. Под императорской защитой города, входившие в союз, почти не протестовали против ига, как это часто случалось в Италии. Они охотно отказались от высших прав в пользу своих суверенов и ревностно

416 Во всех этих странах германские институты в некоторой степени сохранились до наших дней: примером служит республика Сан-Марино в восточной Италии. Скандинавские следы можно встретить в некоторых маленьких кантонах.

следили только за соблюдением своих социальных и торговых интересов. У них не было ни междоусобной борьбы, ни стремления к республиканскому абсолютизму. Любовь к труду, жажда наживы, почти полное отсутствие страстей, высокая степень рассудочности, приверженность позитивным свободам — вот их характерные черты. Они не презирали ни искусства, ни науки и активно перенимали вкусы знати к повествовательной поэзии, хотя у них было смутное понятие о красоте, а их ум был направлен на практические достижения, в отличие от итальянского гения. Однако архитектура стрельчатых сводов обязана им своими самыми прекрасными памятниками. Церкви и храмы в городах Фландрии и западной Германии характеризуют излюбленную форму искусства этих регионов, которая отвечает внутренней природе их гения.

Влияние рейнских государств было очень значительным по всей Германии и распространялось до самых северных областей. Именно там скандинавские королевства нашли те стороны южной цивилизации, которые лучше всего подходили для них. На востоке, по соседству с австрийскими герцогствами, доза германской и кельтской крови была меньше, так как преобладало славянское и романское население, поэтому там издавна обращали взоры к Италии, хотя не гнушались образцами с Рейна и даже славянскими примерами. Земли, находившиеся под властью дома Габсбургов, представляли собой переходную территорию, наподобие Швейцарии, которая делила свое предпочтение между рейнскими и верхне-итальянскими моделями. На землях древней Гельвеции срединной точкой между двумя системами был Цюрих. Чтобы закончить нарисованную картину, повторю еще раз: пока Англия оставалась преимущественно германской после того, как впитала в себя французский поток, пришедший вместе с норманнским нашествием, и до того, как протестантские переселенцы начали сближать ее с континентом, именно фламандские и голландские формы были ей ближе по духу и связывали ее идеи с идеями Рейна.

Переходим к третьему центру цивилизации, который находился в Париже. В этой части страны осуществлялась интенсивная франкская колонизация. Романский принцип был представлен кельтскими элементами, не менее многочисленными, чем на берегах Рейна, но более эллинизированными: одним словом, этот принцип преобладал над варварством, и германские идеи рано отступили перед ним. В самых древних поэмах карловингского цикла тевтонские герои либо отсутствуют, либо изображаются в неприглядном виде, например, рыцари из Майенса, тогда как западные паладины, например, Роланд и Оливье, или даже южные рыцари, как, например, Жерар Русильонский, занимают почетное место. Традиции Севера все больше искажаются под давлением римских нравов.

Феодалная система в этом районе все больше проникается имперскими понятиями и обрастает многочисленными ограничениями, нюансами, обязательствами, которых не знала ни Германия, где владение фьефами отличалось большей свободой, ни Италия, где она была подчинена власти суверена. Только во Франции можно увидеть короля, сюзерена, в роли вассала кого-нибудь из своих людей, теоретически принужденного действовать против себя самого под страхом лишения властных прав.

Но за всеми этими конфликтами была победа королевской прерогативы, потому что они непрерывно возвышали низшие слои населения и разрушали авторитет рыцарства. Все, кто не имел личных или земельных прав, имели право приобрести их, и напротив, все, кто имел и то и другое, понимали, что эти права постепенно уходят из их рук. В такой критической для всех ситуации еще сильнее разгорелись конфликты и усилился антагонизм; они продолжались дольше, чем в других местах, поскольку появились раньше, чем в Германии, и закончились позже, чем в Италии.

Слой свободных земледельцев и воинов постепенно исчез по причине общей потребности в защите. Все меньше оставалось рыцарей, подчинявшихся только королю. Ценой утраты части прав каждый стремился купить поддержку человека, более сильного, чем он сам. Эта неразбериха доставляла много неприятностей как для современников, так и для их потомков, и неизбежно вела к всеобщему уравниванию.

В связи с этим можно отметить два момента: 1) нет смысла изучать тогдашнюю

Францию в пределах ее нынешней территории, поскольку единства страны не существовало, и 2) нельзя определить время появления современных общин, потому что они всегда были у галло-римлян и галло-франков.

Но общины никогда не имели большой власти. Самые крупные феффы в конце концов, прекратили существование. Независимые, могущественные и гордые личности составляли исключение и рано или поздно должны были отступить перед антипатией романского мышления. Дольше всего продержался беспорядок — последняя форма протеста со стороны германских элементов. Королям, невольным вождям римского движения, было еще нелегко справиться с духом независимости. Непрерывные и всеобщие конфликты и метания раздирали эти героические времена. Никто не чувствовал себя защищенным от ударов судьбы. Как не улыбнуться сегодня горькой улыбкой при виде жалости к тогдашним низшим классам, к разрушенным хижинам и отравленным посевам! Почему бы не мерить события X в. той же мерой, какой мы оцениваем события сегодняшние! Ведь речь идет о посевах и хижинах крестьян, недовольных своей участью. Если уж проливать слезы, то лучше делать это по поводу всего общества, всех классов и всей общности людей.

Но почему вдруг слезы и жалость? Та эпоха вызывает совсем не сочувствие у внимательного читателя исторических хроник. Вся тогдашняя мысль скорее переполнена энтузиазмом, нежели сухой рассудочностью: она всегда бурлит и движется вперед. Она вдохновлена любопытством и безудержной активностью, она касается всего, с чем сталкивается. В то же время она обладает неисчерпаемыми силами, чтобы постоянно питать внешние и внутренние войны и конфликты.

Во всех областях деятельности мы видим в той эпохе превосходство над древнеримской цивилизацией. Последняя ничего не изобрела — она могла только пользоваться источенными временем плодами. А мы создали новые понятия и сотворили новую цивилизацию. И этим великим творением мы обязаны средневековью. На основе северных традиций и кельтских сказок оно создало большую литературу. Оно заострило оружие александрийской диалектики, проникло в теологические глубины и извлекло оттуда новые формулы, обогатило естественные науки, математику и алгебру. Оно преуспело в географических открытиях, когда маленькие королевства XIII в., не имеющие материальных средств, не рассчитывая на будущую славу, но обуянные религиозным экстазом, посылали своих бесстрашных мореплавателей в самые отдаленные уголки земли, о которых даже не помышляли ни греки, ни римляне.

В той эпохе много страданий — это историческая правда, но можно ли быть жалким и несчастным, будучи переполненным энергией? Случалось ли, чтобы угнетенный крестьянин-серф, или разоренный аристократ, или плененный король обращали свое последнее оружие против себя? Уж если испытывать чувство жалости, то к тем выродившимся и вялым народам, которые ничего не любят, ничего не хотят, ничего не могут, не знают, чем заняться посреди унылого прозябания в лоне угасающей цивилизации, и снисходительно относятся к самоубийству.

Особое сочетание германских и галло-романских элементов в населении северной Франции обусловило болезненный, но верный путь к слиянию и объединению сил нации и позволило ей достичь высот скромных, но достаточных, чтобы вызвать симпатию двух других центров европейской цивилизации. То, чего не было у Германии и что было в избытке в Италии, Франция имела в ограниченной мере; с другой стороны, черты, унаследованные от тевтонской природы, весьма ослабленные во французской нации, восхищали жителей Юга, которые их наверняка бы не приняли, если бы они были более полными. Такая умеренность вызвала большое уважение к французскому языку и у северных, и у южных народов XII и XIII вв.: как в Кельне, так и в Милане. Пока миннезингеры переводили наши романы и поэмы, Брунетто Латини, учитель Данте, писал по-французски, так же как и редакторы мемуаров венецианца Марко Поло. Они считали, что только наш язык способен распространить по всей Европе новые знания. В это время парижские школы привлекали к себе ученых людей и пытливые умы со всех стран. Таким образом, феодальная эпоха стала

для Франции, находящейся за Сеной, эпохой славы и морального величия, которых не может затмить этнический беспорядок.

Но расширение королевства первых Валуа на юг, усиливая роль галло-романского элемента, привело в XIV в. к большой войне, которая в тени английских войн была снова развязана против германизированных элементов⁴¹⁷. Феодальные законы все больше ужесточали контроль королевской власти над землевладельцами и уменьшали их права, т. е. страна все больше «романизовалась». Общественные нравы, развиваясь в том же направлении, в конечном счете, нанесли сокрушительный удар по рыцарству, используя в качестве оружия идеи, которые сами рыцари раньше проповедовали в отношении чести.

Понятие чести существовало у арийских народов, а у англичан и даже у немцев оно трансформировалось в теорию обязанности, которая хорошо согласовывалась с достоинством свободного воина. Очевидно, под словом «честь» и благородный гражданин империи, и лавочник эпохи Тюдоров понимали высокую обязанность оберегать свои личные интересы от посягательств сверху. И речь не шла об обязанности приносить их в жертву кому бы то ни было. Напротив, французский дворянин сознавал, что строгие правила чести заставляют его жертвовать всем ради короля: своим имуществом, своей свободой, своими близкими и даже жизнью. Для него в такой абсолютной преданности заключался идеал благородства, а поскольку он был благородного происхождения, он достойно воспринимал любые действия власти. Эта доктрина, как и все доктрины, возведенные в абсолют, конечно, не была лишена красоты и величия. Ее украшала высшая храбрость, которая, впрочем, была чем-то вроде германского налета на имперских идеях. Ее источник можно найти в семитских понятиях, и, приняв ее, французская знать вынуждена была оказаться в положении, близком к рабству.

Общественное мнение не давало ей выбора. Королевская власть, чиновники, буржуазия, народ идеалом благородного человека считали следование понятиям чести, которое они формировали; так землевладелец-воин перестал быть основой государства. Правда, он еще оставался его опорой, но все шло к тому, чтобы сделать из него только декоративный элемент.

Излишне добавлять, что если население допустило такую деградацию, значит, его кровь уже не была такой чистой, чтобы оно могло сопротивляться⁴¹⁸. В тех областях, где находились основные поселения франков, рыцари сопротивлялись дольше, а за Луарой, где франков не было, царил покорность. Со временем, к концу XV в., романский дух стал доминировать.

Возврат старых социальных элементов носил массовый характер. Европа перестраивалась в соответствии с новым порядком, отвечающим романскому духу.

Южная и центральная Италия находилась примерно на том же уровне, что пришедшая в упадок Ломбардия. Прежние отношения Ломбардии со Швейцарией и Галлией значительно ослабли: Швейцария больше тяготела к рейнской Германии, а южная Галлия — к срединным провинциям. Связующим звеном в данном случае служил, конечно, романский элемент, но в нем преобладала кельтская основа. Если бы в этих обстоятельствах сыграла роль семитизированная часть, тогда Швейцария и южная Галлия еще сильнее укрепили бы прежние связи с Италией, а не наоборот.

Вся Германия под кельтским влиянием, напротив, лучше осознала свои интересы. Романо-галльский элемент без труда сочетался со славянскими принципами. Скандинавские

417 Объединение юга и севера Франции произошло благодаря этническому смешению, которое имело место после альбигойской войны. На заседании парламента в 1212 г. Симон де Монфор провел решение о том, что вдовы и дочери, наследницы «старых фьефов», могут выходить замуж только за французов в течение последующих 10 лет. С этим связаны перемещение большого числа пикардийских, шампенеузских и туранжельских семей в Лангедок и угасание старых готских домов.

418 Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать так: в царствование Карла Лысого на волне непрерывных волнений, конфликтов, войн и революций со всех сторон пришли новые люди, мелкие вассалы превратились в крупных феодалов, а королевские чиновники стали почти независимыми сеньорами.

страны стали более внимательно присматриваться к стране, которая стремилась завязать с ними этнические отношения, лишенные германского налета. В эпоху всеобщего сближения рейнские земли потеряли свое превосходство, и это было неизбежно, потому что верх одержала галльская природа.

Повсюду проникало то грубое, что не принадлежало ни германскому, ни эллинизированному элементам. Рыцарская литература исчезла из замков на берегах Рейна: на смену ей пришли насмешливые, непристойные и гротескно тяжеловесные сочинения городской буржуазии. Население полюбило тривиальность Ганса Сакса. Эту легкую веселость мы называем сегодня «галльской», образчики такого рода в изобилии появлялись во Франции того времени, тогда же появился гигант такой литературы — Рабле.

Вся Германия соперничала с рейнскими городами в новой стадии цивилизации, знаком которой был насмешливый юмор. Саксония, Бавария, Австрия, даже Бранденбург присоединились к общему течению, между тем как на юге Франция при одобрении Англии находила все больше общего со своими северными и западными соседями, от которых она получила примерно столько же, сколько дала им.

В свою очередь Испания также оказалась в потоке всеобщей ассимиляции инстинктов, завоевывающих Запад. До сих пор эта страна оказывала влияние на своих северных соседей в том смысле, чтобы дать им возможность понять свои особые вкусы. Пока готский элемент обладал такой силой, пусть даже и внешней, иберийский полуостров поддерживал такие же отношения с Англией, как и с Францией. В XVI в., когда усилился романо-галльский элемент, королевство Фердинанда нашло лучшее взаимопонимание с южной Италией, хотя по Руссильонскому договору оно было привязано и к Франции. Банальный дух северной буржуазии содержал в себе мало кельтского, поэтому с трудом приживался в Испании; однако здесь чисто семитская энергия примешивалась к местной мощи чувств, в которой не было ничего от мускульной силы германского варварства, но которая в сочетании с африканской страстью рождала великие шедевры. Несмотря на остатки самобытности было очевидно, что Испания утратила лучшую часть своих готских принципов, что во время выхода из изоляции она, как и другие страны, испытывала влияние возрождавшегося романского духа.

В этом возрождении, как его справедливо называют, в этом восстановлении романской основы политические инстинкты Европы смягчались по мере того, как население освобождалось от германского инстинкта; появлялось все больше возможностей для отдельного человека и его благосостояния, рождался новый тип цивилизации. Культурные центры перемещались. Италия, взятая во всей своей совокупности, снова стала образцом для подражания. На первое место вышел Рим. Что касается Кельна, Майенса, Трева, Страсбурга, Льежа и даже Парижа, эти города, пользовавшиеся совсем недавно всеобщим восхищением, вынуждены были довольствоваться ролью имитаторов. Эталон суждения стало все латинское и греческое, разумеется, понятое в латинском смысле. Еще больше усилилось презрение ко всему, что выходило за эти рамки: ни в философии, ни в поэзии, ни в искусствах больше не признавали того, что несло в себе германский дух или германскую форму; это был яростный и неодолимый крестовый поход против того, что существовало тысячу лет. Даже христианство принималось и оправдывалось с большим трудом.

Но если Италия благодаря своим образцам для подражания, смогла удержаться во главе этой революции в течение нескольких лет, хотя речь шла лишь о влиянии в интеллектуальной сфере, она утратила это превосходство, как только неизбежная логика человеческого духа потребовала перехода от абстракции к социальной практике. И хваленая Италия снова сделалась слишком романской и быстро канула в небытие, как это случилось в VII в. Франция, ее ближайшая, родственница, продолжала ее дело по праву рождения: дело, которое оказалось не по силам старшей сестре. Франция взялась за это со всей энергией, свойственной только ей одной. Она взяла на себя роль управлять процессом массового смещения всех этнических элементов, ее задача облегчалась тем, что эти элементы были раздроблены. Для большинства европейских народов вернулся век равенства, остальные

продолжали двигаться к такому же результату темпами, зависящими от их физической организации. Именно это состояние мы наблюдаем сегодня⁴¹⁹.

Политические тенденции недостаточно полно характеризуют эту ситуацию: в крайнем случае, они могут считаться преходящими, вызванными вторичными причинами. Но здесь, помимо всего прочего, мы наблюдаем признаки будущего объединения западных народов в лоне нового романского мира, в частности, во все большем сходстве их литературных и научных трудов и особенно в развитии их языков.

Все народы по мере возможности освобождаются от своих самобытных элементов и сближаются. Старый испанский язык непонятен для француза или итальянца, нынешний испанский почти не представляет лексикологических трудностей для них. Язык Петрарки и Данте оставил диалектам нероманские слова и формы и на первый взгляд стал абсолютно понятен нам. Мы когда-то были богаты тевтонскими словами, но мы забыли их, и если принимаем какие-то английские выражения, то лишь потому, что они принадлежат к кельтской группе или заимствованы у нас. У наших соседей по ту сторону Ла-Манша быстро идет процесс изгнания англосаксонских элементов: с каждым днем они, один за другим, исчезают из словаря. Но любопытнее всего обновление происходит в Германии.

Подобно тому, что мы видим в Италии, языки, содержащие в себе больше германских элементов, например, фризский и бернский, объявлены непонятными для большинства населения. Большая часть провинциальных языков, богатых кимрийскими элементами, сближается с общеупотребительным языком. А последний, известный как современный верхне-германский, имеет мало лексикологического сходства с готским или древними северными языками и проявляет все больше родства с кельтским; кроме того, в нем есть славянские следы. Но особенно он тяготеет к кельтскому, а поскольку ему нелегко найти первородные остатки в современном языке, он с трудом сближается с французским.

До сих пор я употреблял термин «романский мир» в смысле состояния, к которому возвращается население западной Европы. Однако, чтобы быть точным, надо добавить, что нельзя понимать под этим выражением ситуацию, абсолютно идентичную той, что имела место в древнеримском мире вообще безотносительно к конкретной эпохе. В этом последнем смысле я пользовался словами «семитский» или «эллинистический», не подразумевая этническое смешение наподобие того, что имело место в ассирийском мире и на сирийско-македонских просторах. Не следует также забывать, что новый романский мир отличается своими собственными этническими нюансами и, следовательно, создает возможности, ранее неизвестные.

Основа та же самая, хаос еще больший, усиливается ассимиляция всех отдельных способностей и возможностей — вот что общего между этими ситуациями и что каждодневно приближает наши страны к имперской модели. Но разница заключается в том, что в кипящем котле нашей крови все еще остаются многие германские элементы, количество и сила которых зависят от географического положения: на юге их меньше, на севере, скажем, в Швеции, они сильнее, поэтому замедляют процесс упадка.

Этот процесс, идущий с юга на север уже два столетия, довел массы итальянского полуострова до состояния, близкого к тому, в котором находились их предшественники в III в. н. э. Почти то же наблюдается в верхней части страны, за исключением некоторых районов Пьемонта. Испания, более насыщенная семитскими элементами, обладает относительным единством, что делает этнический хаос менее заметным, но не может обеспечить превосходство «мужских» или утилитарных качеств. Наши южные французские провинции не существуют; те, что в центре и на востоке, вместе с юго-западной частью

419 Вот что пишет по этому поводу Амадей Тьери: «А на каком языке говорим сегодня мы, европейцы XIX столетия? Какой печатью отмечен наш литературный гений? Кто автор наших теорий искусства? Какая юридическая система записана в наших законах, где истоки наших обычаев? Наконец, какая у нас религия? Ответ на эти вопросы свидетельствует о жизнестойкости римских институтов, чью печать мы носим до сих пор пятнадцать веков спустя печать, которая, вместо того, чтобы потускнеть и стереться, становится все яснее и отчетливее по мере того, как мы освобождаемся от феодального варварства».

Швейцарии, находятся под влиянием Юга и Севера. Австрийская монархия держится изо всех сил за счет преобладания тевтонских элементов над славянским населением. Греция и европейская часть Турции, слабые по сравнению с западной Европой, существуют за счет германского элемента, который проник туда в средние века. То же самое можно сказать о малых государствах по течению Дуная с той разницей, что там осталась небольшая арийская примесь, хотя этнический беспорядок переживает у них самый болезненный период. Российская империя, переходная территория между желтыми расами, семитизированными и романизированными народами Юга и Германии, испытывает недостаток в однородности; она получила малую дозу благородного элемента и может подняться только благодаря притоку эллинов, итальянцев, французов и немцев. Но пока эти элементы не выходят за пределы самого верхнего слоя населения.

Пруссия в пределах своей нынешней территории имеет больше германского, чем Австрия, но что касается основы, она уступает последней, где чашу весов перевешивает сильно арианизированная группа мадьяр — не в смысле цивилизованности, а в смысле жизнестойкости, о которой, кстати, и идет в основном речь в этой книге.

Одним словом, все значительные жизненные силы сегодня сконцентрированы и ведут неравную и безнадежную борьбу с романской совокупностью на большой территории: эта широкая полоса идет от Торнео, включая Данию и Ганновер, далее вниз по течению Рейна, захватывая Эльзас и верхнюю Лотарингию, сужаясь по течению Сены до устья, продолжается до Великобритании и западной части Исландии ⁴²⁰.

Там существуют последние обломки арийского элемента — искаженные, потерявшие форму, но еще не побежденные. Именно там бьется сердце общества и, следовательно, современной цивилизации. Эту ситуацию до сих пор ни разу не анализировали и не объясняли, тем не менее, она осознается всеми. Более того, многие мыслители, иногда даже не отдавая себе в этом отчета, делают ее отправной точкой для прогнозов на будущее. Они предсказывают день, когда мертвый холод охватит земли, которые сегодня нам кажутся самыми плодородными и процветающими, и, полагая, что эта катастрофа произойдет совсем скоро, они ищут убежище, где человечество сможет начать новую жизнь и новую историю. Нынешние успехи одного государства Америки кажутся им предвестником такой возможности. Западный мир — вот огромная сцена, где, по их мнению, появятся народы, которые, унаследовав опыт всех прошлых цивилизаций, обогатят им нашу цивилизацию и осуществят дела, о которых мир не мог и мечтать.

Рассмотрим эту точку зрения со всем вниманием, какого она заслуживает. Мы встретимся с различными расами, которые населяют и населяли американский континент, и обсудим основные моменты, исходя из которых примем или отбросим эту гипотезу.

ГЛАВА VII. Американские аборигены

В 1829 г. Кювье не имел достаточно информации для суждения об этнической природе американских племен и оставил их за пределами своей классификации. Позже появились новые данные, которые позволили обсуждать этот вопрос. Таких данных набралось много, и хотя на их основе нельзя сделать окончательный однозначный вывод, мы можем высказать некоторые достаточно обоснованные суждения.

Сегодня ни один уважающий себя этнолог не станет утверждать, что американские аборигены составляют чистую расу, которую можно назвать «красной». От Северного полюса до Огненной Земли можно встретить самые разные оттенки кожи, если оставить в стороне

⁴²⁰ Чтобы понять смысл этой точки зрения, следует иметь в виду, что речь идет о приблизительных границах. Более или менее сохранившиеся остатки арийских рас встречаются всюду, где прошли германцы. Их можно встретить в Испании, Италии, Швейцарии — там, где условия благоприятны для их сохранения, — а также в Тироле, Трансильвании, в горах Албании, на Кавказе, в Гиндукуше и горных долинах Тибета. Не исключено, что они есть и в Верхней Азии. Однако большей частью они мало заметны и не исчезли только благодаря их неактивности и отсутствию всяких контактов.

чисто черный цвет у конголезцев и бело-розовый у англичан. Местные аборигены отличаются самыми разнообразными оттенками, начиная с темно-оливкового до почти белого. Не менее разнообразно их телосложение: от высоких патагонцев до маленьких представителей племени чанко. То же самое можно сказать о пропорциях: у некоторых очень удлиненное тело, например, у племен, живущих в пампасах, у других — короткое и толстое, например, у жителей перуанских Анд. Такое же разнообразие в строении и форме головы. Таким образом, физиология не определяет единый тип американских народов.

В этом вопросе вряд ли можно рассчитывать на большую помощь лингвистики, хотя стоит к ней обратиться. Большинство местных языков обладают несомненной уникальностью в лексикологическом смысле, т. е. они не похожи друг на друга. А вот грамматическая система одинакова. Во всех наблюдается агглютинация, и несколько фраз образуют одну вокабулу; это, конечно, очень характерная особенность, но она не указывает на единство американских рас, тем более что нет правил без исключений. Возможно, со временем появятся новые доказательства того, что синтаксис американских наречий не относится к одному типу или принципу.

Поэтому нет оснований предполагать существование «красной» расы как отдельной разновидности человечества. Скорее всего, речь идет об определенных разновидностях состава крови.

Но эта предпосылка вовсе не упрощает наш вопрос. Если народы нового континента не составляют отдельную ветвь, тогда появляются трудности, что касается их отношения к известным типам старого мира. Я попытаюсь по мере возможности прояснить данный предмет, и в этом мне поможет уже использованный метод: мы посмотрим, существуют ли, наряду с глубокими различиями, сходства этнических элементов.

Черное и белое семейства не встречаются в Америке в чистом виде. Но что касается финского типа, картина совсем иная: он несомненен у некоторых северо-западных племен, например, эскимосов⁴²¹. В этом можно увидеть точку соприкосновения между Старым и Новым Светом, которую мы и сделаем исходным пунктом наших рассуждений. Оставим эскимосов и спустимся на юг, где живут племена, обычно называемые «красными»: чинуки, ленни-ленапы, сиу. Их можно считать прототипом жителя Америки, хотя они не могут претендовать на такое звание ни по численности, ни по своей социальной организации. Можно без труда установить близкую связь между этими племенами и эскимосами, которые произошли от желтых народов. Что касается чинуков, это не вызывает никакого сомнения, а в отношении других неопределенность также снимается, если сравнить их не с малайскими китайцами Поднебесной Империи, как это часто делают, а с монголами. Тогда под медным оттенком представителя племени дакота мы увидим желтую основу: почти полное отсутствие бороды, черные волосы, слабое телосложение, флегматичный темперамент, очень маленькие глаза и предрасположенность к тучности. Однако следует сделать оговорку: у «краснокожих» эти признаки финского типа проявляются не столь явно.

С берегов Миссури спустимся к Мексике, где встретим еще более измененные признаки, тем не менее, легко узнаваемые под более бронзовым цветом. Кстати, сама история свидетельствует о родстве ацтеков и их предшественников тольтеков с черными охотниками Колумбии. Именно с берегов этой реки началось распространение этих племен на юг. Об этом же свидетельствует сравнение языков. Итак, можно сказать, что мексиканцы связаны с желтой расой через чинуков, хотя имеют более сильную примесь чужеродного элемента.

За полуостровом живут два крупных семейства, которые подразделяются на сотни племен, иногда состоящих из нескольких десятков человек. Одно обитает на побережье Тихого океана, другое от Мексиканского залива до Рио де ла Плата занимает территорию бразильской империи, а когда-то занимало Антильские острова. Первое включает в

421 Мортон констатирует родство эскимосов с индейцами «ленниленап», но это не опровергает точку зрения Молина и Гумбольдта. У Мортонна речь идет о том, что американская раса, кроме приполярных народов, у которых нельзя отрицать идентичность с азиатскими группами, является единой.

себя перуанцев. Они самые темные, более похожие на черных обитателей континента, и имеют меньше сходных черт с желтыми народами.

У них удлинённый нос с горбинкой, покаты́й лоб, суженный к вискам, придающий голове пирамидальную форму, хотя имеются монгольские признаки в расположении и форме глаз и скул, а также в гладких и жестких волосах черного цвета. У другой, южной, группы, охватывающей все гуаранийские народы, наблюдается явный финский тип.

Гуарани, или карибы или караибы, как правило, желтые, очень похожие на жителей восточного побережья Азии. Таково мнение Орбиньи и Прескотта. Возможно, это население отличается большим разнообразием физических черт, чем остальные американские группы, но общим у них остается желтый или бледно-красноватый цвет кожи, указывающий на их родство с индейцами-охотниками Соединенных Штатов, крутой лоб, круглое лицо, короткий и узкий нос, раскосые глаза. Остается добавить, что чем дальше на восток, тем темнее цвет гуарани.

Физиология подсказывает нам, что американские народы на всех широтах имеют явно монгольскую основу. Это со всей очевидностью подтверждает лингвистика. Сначала обратимся к последней.

Американские языки, отличающиеся, как сказано выше, лексикологическими различиями и грамматическими сходствами, совершенно не похожи на языки восточной Азии, однако Прескотт с присущей ему пронизательностью отмечает, что они также не похожи и друг на друга, и если бы этого факта было достаточно, чтобы отрицать всякое родство аборигенов Нового Света с монголами, тогда пришлось бы отделить эти народы друг от друга, что в принципе невозможно. Например, сходство отонского языка с односложными языками восточной Азии очевидно, и, несмотря на множество примесей, американские наречия в нынешнем своем виде не отрицают родства тех, кто говорит на них, с финской расой.

Что касается интеллектуальных способностей этой группы, можно отметить несколько характерных особенностей, которые позволяют составить определенное мнение из множества противоречивых точек зрения. Я буду придерживаться фактов и не собираюсь ни слишком возвышать, ни слишком принижать американских индейцев. Некоторые ученые изображают их как образец гордости и независимости духа и на этом основании прощают им людоедство. Другие, напротив, упрекают эту расу в чудовищном эгоизме, откуда происходит крайняя жестокость. Этот взгляд характерен для испанских авторов.

Тем не менее, при всей непредвзятости нельзя не признать, что такая точка зрения имеет право на существование, и это признают историки Америки. Иногда, учитывая холодную злобность этих дикарей и их гордый характер, их считают потомками Каина.

Однако американского аборигена не стоит слишком упрекать за то, что он ест своих пленников или истязает их. Все народы в той или иной степени грешны в этом: все дело лишь в мотивах, которые стоят за такими поступками. Американец превосходит жестокостью самого темпераментного негра или самого коварного финна в силу безразличия, с которым он относится к своей жизни. Можно сказать, что страсти у него отсутствуют, поэтому он не испытывает жалости ни к чужим, ни к своим, даже самым близким, людям.

Одним словом, американский абориген, равнодушный к себе подобным, относится к ним исходя из их пользы для него. У него нет чувства прекрасного, желания его ограничены физиологическими потребностями. На первом месте у него пища, на втором одежда, причем даже в холодных районах. Социальные понятия, украшения и богатства мало для него значат.

Но это ни в коей мере не связано с недостатком ума: ум у него есть, и американец употребляет его на удовлетворение своего эгоизма. Его основной политический принцип — независимость, но не его народа или племени, а его личная независимость. Как можно меньше подчиняться, чтобы меньше жертвовать своими прихотями и вкусами — вот главная забота гуарани и чинука. Отсюда происходит все, что принимают за благородство индейского характера. В некоторых местных племенах есть вожди, хотя им подчиняются только по мере особой необходимости. Их власть временная, и племя может в любое время отобрать ее. В

этом отношении дикари Америки — крайние республиканцы.

В такой ситуации люди талантливые или считающие себя таковыми, люди амбициозные употребляют свой ум для того, чтобы убедить своих соплеменников, во-первых, в никчемности своего соперника, во-вторых, в своих достоинствах, а для этого им приходится постоянно использовать все средства. Отсюда велеречивость этих дикарей при всей их врожденной молчаливости. На собраниях или на праздничных сборищах, когда нет необходимости отстаивать личный интерес, слова произносятся редко.

В том, что эти люди находят полезным, т. е. пищу и защиту от непогоды, в стремлении сохранить независимость во имя материальных благ, и в холодном безразличии к ближнему, я вижу у них проявление желтого принципа.

Итак, физиология и лингвистика, особенно первая, указывают на то, что финская сущность присутствует во всех трех крупных разновидностях жителей Америки: севера, юго-запада и юго-востока. Теперь посмотрим, какие этнические причины разнообразили их характеры до бесконечности, и попробуем выделить отдельные группы.

Изменение чистого желтого типа, когда оно происходит путем примешивания «белых» принципов, как это имело место у славян и кельтов, или, скажем, у киргизов, порождает людей, подобных которым в Америке я не вижу. Из американских аборигенов на галлов или вендов больше всего похожи, в смысле внешности, чероки, хотя здесь надо сделать много оговорок. Когда речь идет о смешении желтого и белого человека, в основном изменяется телосложение, а не лицо. И чероки напоминают европейский тип именно чертами лица. Глаза этих дикарей не узкие, не раскосые, не маленькие, как у бретонцев или большинства русских в Сибири; у них прямой нос в отличие от желто-белых метисов. Поэтому нет оснований полагать, что финские элементы американских народов видоизменялись за счет контактов с благородной расой.

Зато физические характеристики свидетельствуют о присутствии черной примеси. Основная разновидность американских типов удивительно соответствует не менее широкому разнообразию типов у полинезийских племен и малайцев Юго-Восточной Азии. Детальное изучение свидетельствует о присутствии черной примеси в монгольской основе. Таким образом, совокупность местных групп американского континента составляет ветвь малайских народов в той мере, в какой этот термин можно применить к продуктам финномеланийской смеси от Мадагаскара до Маркизских островов, от Китая до острова Пасхи.

Но каким образом могла установиться связь между двумя типами — желтыми и черными — в восточной части южного полушария? Ответить на этот вопрос очень несложно. Между Мадагаскаром и первым малайским островом (Цейлон) расстояние не менее 12 градусов по долготе, между тем как от Японии до Камчатки и от побережья Азии до побережья Америки совсем недалеко. Не следует забывать, что мы уже отмечали присутствие черных племен на северных островах Японии в относительно недавние времена. С другой стороны, если малайские народы могли перемещаться с архипелага на архипелаг до острова Пасхи, то от последней точки не составляло никакого труда продолжить путь до побережья Чили через острова, расположенные на этом пути: Сала, Сен-Амбруаз, Сен-Фернандес. Итак, Америка была доступна с запада как на севере, так и на юге. Есть и другие факты, рассеивающие сомнения относительно физической возможности таких путешествий

422.

Племена самых темнокожих аборигенов обитают на западном побережье, поэтому можно заключить, что там и происходили основные контакты между черным, или скорее малайским, элементом и желтым элементом. Приняв эту точку зрения, можно отбросить так называемую климатическую гипотезу в объяснении того факта, почему ацтеки и кикнасы,

422 Мортон отрицает возможность перемещения малайцев в Америку, поскольку в этих районах преобладают восточные ветры. Однако он забывает о том, что на все острова Тихого океана та же самая раса пришла с запада, а в 1833 г. одну японскую джонку занесло ветром на то же самое побережье Америки.

живущие в относительно холодных горах, более смуглые, чем бразильские племена, которые бродят по равнинам и берегам рек. Тогда нет оснований говорить о том, что если эти дикари имеют бледно-желтую кожу, то это объясняется жизнью в тенистых лесах. Народы западного побережья — самые смуглые, потому что больше пропитаны меланийской кровью, учитывая близость архипелагов Тихого океана. Об этом же говорит и наука психология.

Все сказанное выше о природе американских индейцев согласуется с тем, что нам известно о характере малазийской расы. Крайний эгоизм, беззаботность, лень, холодная жестокость — основа нравов мексиканцев, перуанцев, гуарани, гуронов, заимствованная у населения Австралии. Кроме того, вкус к полезному, понятному в самом низком смысле, более практичный ум по сравнению с негром и стремление к личной независимости. В Китае мы видели малайскую разновидность, превосходящую черную и желтую расы, так и здесь есть американцы с более выраженными «мужскими» качествами, чем у племен африканского континента. Под влиянием более благородных элементов, как и малайцы Бали, Суматры, Явы, они имели цивилизации, пусть недолговечные, но и не лишенные достоинств.

Эти цивилизации могли зародиться только там, где существовала благодатная почва в лице малайского семейства в сочетании с большим количеством меланийских элементов. Поэтому их следует искать в местах, наиболее близких к архипелагам Тихого океана. Это соответствует действительности. Наибольшего развития достигла Мексика и побережье Перу.

Нельзя обойти молчанием распространенный предрассудок всех американских народов, имеющий, видимо, этническую причину. Все аборигены считают признаком красоты покаты́й и низкий лоб. Во многих местах, расположенных далеко друг от друга, например, на берегах Колумбии и в древней стране перуанских аймарасов, существовал обычай специально деформировать череп у детей раннего возраста, сжимая его пластинками ⁴²³.

Впрочем, этот обычай существовал не только в Новом Свете. Некоторые гуннские племена, смешанные с монголами, использовали его для изменения формы головы у младенцев для того, чтобы придать им больше сходства с «аристократической» расой. Нет сомнений в том, что американские индейцы тем самым старались походить на малазийцев с их пирамидальной головой, которая представляет собой сочетание формы черепной коробки финна и негра. Таким образом, обычай делать лоб детей более плоским — это лишнее доказательство малазийского происхождения самых могущественных американских племен, и я хочу повторить еще раз, что не существует, собственно говоря, американской расы, что аборигены этой части света относятся к монгольской расе, в разной степени смешанной либо с чистыми черными элементами, либо с малайцами. Так что эта ветвь человеческого дерева полностью состоит из метисов.

Более того, смешение произошло в очень далекие времена. Судя по фактам, самые старые из которых, к сожалению, не очень древние (не ранее X в. н. э.), все три американские группы, за редкими исключениями, издавна были предметом смешения. В Мексике завоеватели соединялись с покоренными через браки, чтобы укрепить свою власть. Перуанцы, пылкие прозелиты, таким же образом увеличивали число солнцепоклонников. Гуарани считали, что воинская честь заключается в обладании большим числом жен-чужестранок, и совершали частые набеги на соседние племена для того, чтобы истребить мужчин и детей и захватить женщин ⁴²⁴. Эти женщины приносили с собой новые языки, которые часто были непонятны мужчинам племени.

Такое смешение в лоне уже перемешанной основы приводило к этнической анархии. Если учесть, что даже самые способные из американских племен, те, в которых основной желтый элемент впитал в себя больше меланийской крови, нельзя поставить на высокую

⁴²³ У сегодняшних аймарасов, в отличие от их предков, череп уже не плоский, т. к. испанцы заставили их отказаться от такого обычая. Но это случилось только в эпоху инков, в XIV в. Зато его сохранили чинуки Колумбии, о чем свидетельствуют миссионеры

⁴²⁴ В южных странах женщины продавались по такой дорогой цене, что женихи предпочитали добывать их с оружием в руках.

степень человечества, тогда становится ясно, что их слабость происходит не от молодости, а от вырождения, поэтому они никогда не смогли бы оказать достойного сопротивления натиску европейцев.

Кажется странным, что эти племена избежали действия закона, который заставляет смешанные народы противиться дальнейшему смешению и который с особой силой проявляется там, где перемешаны особенно «низкие» этнические элементы. Но дело в том, что перенасыщение нейтрализует этот закон как у самых низших, так и у самых благородных племен, и примеров тому немало, так что не стоит удивляться, видя, как жадно бразильские женщины гуарани стремятся в объятия негра. Именно эта беспорядочность в сексуальных связях лучше всего показывает, до какой степени опустились народы Нового Света в ходе этнической деградации, начало которой следует искать в очень далеких временах.

Мы исследовали причины ранних переселений белой расы на юг и запад и констатировали, что они были следствием сильного давления со стороны многочисленных желтых народов на северо-востоке. Еще до переселения белых хамитов, семитов и арийцев финский поток, почти не встречая сопротивления у чернокожих жителей Китая, хлынул на них и далеко раздвинул свои границы за счет смешения. Спасаясь от жестоких завоевателей, многочисленные группы темнокожего населения стали спасаться бегством и рассеялись в разные стороны. Одни ушли в горы, другие на Формозские острова, в Японию, на Курилы или заселили опустевшие земли на западе, где соединились с желтыми племенами, которые не участвовали в общем потоке перенаселения.

Но путь из Южной Азии на другой континент оказался сопряжен с множеством трудностей и препятствий; с другой стороны, причины, которые вызвали исход из Америки огромных масс желтого населения, не позволили многим местным племенам остаться на родной территории. Таким образом, местное население сильно поредело и никогда не смогло оправиться от этой ужасной катастрофы, вынудившей эти массы искать спасения в других местах. Если мексиканцы и перуанцы представляли собой какую-то компактную совокупность в глазах испанцев, то португальцы нашли Бразилию малонаселенной, так же как англичане на севере встретили редкие племена, бродившие на бескрайних просторах.

Внимательные и добросовестные наблюдатели увидели в аборигенах Нового Света явные признаки социального вырождения и решили, что это результат агонии когда-то процветающего общества. Однако это совершенно неверно. Это был результат «слабой» крови, изначально состоявшей из самых низших элементов. Эти народы были настолько бессильны, что даже когда видели рядом с собой местные цивилизации, они оказывались неспособными имитировать их, так как они не знали даже землю, на которой жили. Империи Мексики и Перу, два ярких проявления местного гения, находились совсем рядом друг с другом, но ученые так и не обнаружили ни одной связующей нити между ними. Все говорит о том, что они просто не знали друг друга.

Однако они пытались расширить свои границы, но разделявшие их племена, оставались глухи к влиянию социального характера, так что два развитых общества были островками, никак не влиявшими друг на друга.

Между тем они долгое время развивались в замкнутом пространстве и достигли определенного могущества. Мексиканцы не были первыми цивилизаторами в этой стране. До них, т. е. до X в. н. э., тольтеки основали здесь большие поселения, а перед тольтеками имела место эпоха ольмеков, которые, очевидно, и были настоящими основателями этих больших и впечатляющих сооружений, развалины которых стоят посреди глухих лесов Юкатана. Громадные стены из грубых камней, тянущиеся на большие расстояния, придают этим памятникам величественный вид, особенно посреди богатой и мрачной растительности. После многодневного утомительного пути через девственные леса Чиапа путешественник застывает, пораженный зрелищем этих остатков человеческой мысли, являющих собой несравненную красоту. Но когда, оправившись от первых впечатлений, он рассматривает сделанные рисунки и перечитывает путевые заметки, он приходит к выводу, что все увиденное не является делом рук художественно одаренного или хотя бы высоко практического

народа.

Скульптурные украшения на стенах выполнены исключительно грубо и не несут никаких следов искусства. В отличие от семитских памятников Ассирии здесь отсутствует апофеоз материи и силы. Это робкие попытки имитировать форму человека и животных. «Мужские» расы, как правило, не дают себе труда нагромождать камни друг на друга, и нигде нет материальной нужды делать это.

Поэтому ничего подобного не встречается в Китае, а когда средневековая Европа возводила свои соборы, романский дух уже привил ей чувство прекрасного и способность к пластическим искусствам, которые белая раса хорошо воспринимает и доводит их до совершенства, но только через посредство меланийского элемента. В создании юкатанских сооружений также участвовал негритянский элемент, он вдохновил «желтые» инстинкты, несколько возвысил вкусы желтой расы, но он не смог привить ей вкус к настоящему созиданию.

Необходимо вывести еще одно следствие из изучения этих памятников. Дело в том, что малайский народ, который их построил, не только не обладал художественным вкусом в высоком смысле этого слова, но к тому же представлял собой победителей, имевших в распоряжении покоренные массы. Однородный и свободный народ никогда не создает такие творения: ему нужны вдохновители–чужестранцы, когда у него недостает воображения, или чужестранцы–исполнители, когда воображение у него богатое. В первом случае он использует хамитов, семитов, арийцев–иранцев или индусов, германцев, т. е. согласно понятиям любых народов — богов, полубогов, героев, священников или могущественных благородных людей. Во втором нельзя обойтись без поработанных масс, чтобы воплотить замыслы своего гения. Зрелище развалин Юкатана наводит на мысль о том, что смешанное население этой страны, в период строительства этих дворцов, находилось под властью такой же смешанной расы, только содержащей в себе меланийский элемент.

Тольтеки и ацтеки узнавали друг друга по невысокому лбу и светло–оливковому цвету кожи. Они пришли с северо–запада, где в окрестностях Нутуки до сих пор живут родственные им племена, и обосновались среди аборигенов, которые уже испытали на себе власть ольмеков и привили им цивилизацию, удивляющую нас сегодня.

При внимательном изучении мексиканской культуры времен ацтеков можно увидеть величественные сооружения, красивые ткани, изысканные нравы. Над всем этим стоит монархическая иерархия, смешанная со жречеством, которая имеет место всюду, где народные массы находятся под властью народа–завоевателя. Знать не лишена воинственной энергии и понимает государственное правление так, как это свойственно желтой расе. В стране существовала и литература. К сожалению, испанские историки многое исказили в этом отношении. Однако можно отметить, что китайский вкус, выражающийся в моральной сфере и в назидательной поэзии ацтеков. Мексиканские вожди, подобно всем американским касикам, испытывали пристрастие к велеречивому красноречию. Я уже говорил об истоках этого таланта.

Политическое красноречие, четкое, простое, краткое, являющееся только выражением сути вещей, служит инструментом свободы и мудрости у арийцев всех племен, у дорийцев, у римских сенаторов сабинянской эпохи. Но совсем иное дело — витиеватое политическое красноречие, культивируемое специально, возвышенное до уровня искусства, которое, в конечном счете, становится риторикой. Его надо считать прямым результатом идейной разобщенности расы и ее моральной изоляции.

Мы видели это у южных греков и семитизированных римлян. Его задача — соблазнить, обмануть, увлечь, вместо того, чтобы убедить. Такое красноречие» популярно у народов, не имеющих общей цели и воли, не знающих своего пути, отдающихся всякому, кто красиво говорит. И если мексиканцы так высоко почитали красноречивость, значит даже их аристократия не была однородной.

Четыре досадных факта портят впечатление от ацтекской цивилизации. Иератические человеческие жертвоприношения считались у них одной из основ социальной организации,

одной из главных задач государственной и общественной жизни. Это была нормальная жестокость, убивающая без разбора мужчин, женщин, стариков, детей; она творила массовое убийство и находила в этом неизъяснимое удовольствие. Нет смысла напоминать, насколько эти убийства отличались от человеческих жертвоприношений, которые практиковались в германском мире. Ясно, что источником этого обычая было деградирующее презрение к жизни и душе, обусловленное черно–желтой смесью, которая сформировала эту расу.

Ацтеки никогда не занимались одомашниванием животных и не знали вкуса молока. Эта же странность наблюдается у некоторых групп желтого семейства.

Они имели графическую систему, и она была удивительно совершенной. Их письменность представляла собой только серию рисунков идеографического характера. Им далеко до египетских иероглифов. Такой метод использовался для сохранения исторических фактов, для передачи распоряжений и сообщений. Это было очень неудобно, но ацтеки и не стремились усовершенствовать свою письменность. В этом отношении они стояли ниже ольмеков, своих предшественников, которые считаются основателями Паленки, судя по некоторым надписям на сохранившихся руинах, где видны фонетические знаки.

Наконец, этот народ, живший у моря, на земле, где много рек, не знал судоходства и пользовался только примитивными пирогами и плотами.

Вот портрет цивилизации, сокрушенной Кортесом. Остается добавить, что этот завоеватель застал ее в пору расцвета: основание столицы, Теночтитлана, восходит к 1325 г. Достаточно было горстки белых метисов, чтобы низвергнуть ее в небытие!

Когда была уничтожена политическая форма, не осталось и следа тех достижений, на которые она опиралась. Не более стойкой оказалась и перуанская культура.

Владычество инков, как и тольтеков и ацтеков, сменилось другой империей — аймарасов, главной территорией которых были высокогорные долины в Андах, на берегу озера Титикака. Сохранившиеся там памятники дают основание полагать, что аймарасы превосходили перуанцев, которые только копировали их. Орбиньи справедливо отмечает, что скульптуры Тихуанако отличаются большей утонченностью, чем поздние памятники, и в них можно найти стремление к идеальному.

Инки спустились с гор на запад в сопровождении нескольких племен. Это было в XI в. н. э., и необычным является тот факт, что правящее семейство было очень озабочено сохранением чистоты своей крови. Во дворце Куско император женился только на своих родных сестрах, чтобы обеспечить целостность наследственности, и в кругу самых близких родственников пользовался только священным языком, которым, по всей вероятности, был аймарасский.

Такие этнические предосторожности правящего семейства свидетельствуют о том, что генеалогическая значимость самой расы–завоевательницы вызывает сомнение Инки, стоявшие далеко от трона, выбирали таких жен, какие им нравились. Тем не менее, если у их детей предками по материнской линии были аборигены, несмотря на терпимость, их не допускали к определенным должностям. Поэтому они не испытывали особой преданности к режиму, при котором жили, и поэтому Писарро так легко свалил верхушку этого общества, и перуанцы даже не пытались восстановить ее.

Инки не запятнали себя массовыми убийствами, напротив, их режим был очень мягким. Основное их внимание было направлено на агрикультуру, в отличие от ацтеков они приручали альпакасов и лам. Не отличались они любовью к красноречию, к словесным баталиям, и высшим законом у них было пассивное повиновение. В Перу не рассуждали, ничем не владели, и все работали на правителя. Основная функция чиновников состояла в том, чтобы распределять среди семей причитающуюся им долю общего труда. Каждый старался работать поменьше, потому что рвение не давало никаких преимуществ и привилегий. Никакие сверхчеловеческие таланты не могли поднять их обладателя на более высокую социальную ступень. Люди пили, ели, спали, а главное — простирались ниц перед императором и его приближенными, таким образом, перуанское общество было молчаливым и очень пассивным.

Зато оно было более прагматичным, чем мексиканское. Помимо крупных сельскохозяйственных сооружений инки строили отличные дороги и подвесные мосты. Но способ передачи мысли был самым примитивным и даже уступал рисункам Анахуака.

Они так же, как и ацтеки, не умели строить суда, и море в их районе оставалось безлюдным. Кстати, даже гуарани и караибы, завоеватели Антильских островов, тоже имели только выдолбленные из ствола дерева пироги.

Со всеми своими достоинствами и недостатками перуанская цивилизация была более расположена к лености желтой расы, между тем как активная жестокость мексиканцев свидетельствует о меланийском родстве. При таком глубоком этническом смешении рас Нового Света вряд ли можно сегодня выделить нюансы, отличающие различные составные элементы.

Остается рассмотреть третий американский народ, живший на северных равнинах, у подножия Аллеганийских гор, в очень далекие времена. Остатки крупных сооружений и многочисленные могилы часто встречаются в тех местах. Их можно разделить на несколько категорий, которые относятся к разным эпохам и расам. Но и в этом вопросе много неясного. До сих пор не обнаружено ничего позитивного на этот счет. Поэтому не стоит углубляться в проблему, столь мало изученную, чтобы не оказаться в плену пустых гипотез⁴²⁵. Оставим в покое аллеганйские племена и сразу перейдем к рассмотрению момента, который представляет собой трудность в определении истоков их культуры, а также культуры мексиканской и перуанской империи разных эпох. Здесь возникает вопрос: почему некоторые американские народы поднялись выше остальных и почему число таких народов так мало?

Чтобы ответить, достаточно вспомнить, что их развитие частично определялось случайными комбинациями желтых и черных элементов. Исходя из этого можно сказать, что американские цивилизации в принципе не поднимались выше того уровня, какого достигли лучшие малайские племена Полинезии. Тем не менее, в социальной организации ацтеков и кичинов есть нечто такое, что ставит ее выше образа жизни в Тонга–Табу или на Гавайях: более тесная «национальная» связь, более четкое осознание цели, которая, в свою очередь, также более сложная. Итак, можно заключить следующее: несмотря на то, что этим цивилизациям далеко до западного континента, в них чувствуется присутствие благородного, активного и энергичного элемента, и таким элементом на Земле мог быть только «белый». А их недостатки объясняются слабостью их истоков.

Белые элементы не могли сформировать основу социального скелета: они только придали обществу объединяющую силу, и ничего больше. Им не удалось консолидировать весь социальный организм. Империя Анахуака датируется только X в., перуанская появилась в XI в., и нет никаких свидетельств того, что предшествующие им общества уходят корнями в далекие времена. Гумбольдт считает, что возраст социального движения в Америке не превышает пяти столетий. Как бы то ни было, оба великих государства, разрушенных Кортесом и Писарро, знаменуют собой упадок, потому что Анахуак стоит ниже ольмеков, а общество в Перуанских Андах — ниже аймарасов.

Присутствие белых элементов подтверждается самими американскими преданиями конца X и начала XI в., которые дошли к нам через скандинавов. Инки заявили испанцам, что религию и законы им принесли чужеземцы белой расы. Они даже говорили, что у этих людей были длинные бороды, чего вообще нет у коренных американцев. Такие свидетельства заслуживают внимания, несмотря на их мифологический характер.

Еще одно убедительное подтверждение вышесказанному. Скандинавы Исландии и Гренландии в X в. были уверены в том, что между Северной Америкой и Исландией имели место связи в самой далекой древности. Источником для них служили рассказы жителей

⁴²⁵ Различные памятники очень грубой работы распространены вплоть до Северной Мексики и Калифорнии. Некоторые восходят к далеким временам и не имеют отношения к нынешним американским расам. Их следует отнести к следам первобытных финнов, поэтому не о них здесь разговор. Возможно, аллеганйцы передали нынешним ленни–ленапам мнемоническую письменность, представляющую собой произвольной формы знаки, начертанные на плитке для того, чтобы напомнить детали какого-то известного события.

Лимерика, которые совершали экспедиции в Америку, и иногда шторм отбрасывал их корабли либо на исландский берег, либо даже на американское побережье. Один галльский воин по имени Мадок отплыл с острова Британия и совершил далекое путешествие на запад. Он добрался до неизвестной земли и некоторое время пробыл там. Но когда он вернулся домой, его стала неотступно преследовать мысль о том, чтобы снова отправиться в заморскую землю, таинственная и прекрасная природа которой произвела на него сильное впечатление, и поселиться там. Он собрал людей — мужчин и женщин, — запаса провизией и на нескольких кораблях отправился в путь. Больше о нем ничего не слышали. Эта история была настолько популярна у гренландских скандинавов, что в 1121 г. епископ Эрик отплыл в ту далекую исландскую колонию, чтобы принести поселенцам утешение и укрепить их в вере.

Такие предания существовали не только в Гренландии и Исландии. Из Исландии они распространились в Англию, где в них поверили безоговорочно, и поисками потомков Мадока активно занялись английские поселенцы в Канаде; испанцы во времена Христофора Колумба также искали подданных великого китайского хана в Хиспаниоле. Даже появились свидетельства о том, что в индейском племени «мандана» обнаружили потомков галльских переселенцев. Конечно, все эти рассказы не имеют убедительного подтверждения, но их древность не вызывает сомнений.

В результате исландцы скандинавского происхождения приобрели репутацию отважных искателей приключений. Такое мнение тем более справедливо, что еще в 795 г. мореплаватели этой расы высадились в Исландии, тогда еще никем не заселенной, и основали там монастыри. Три норвежца — бог морей Наддог и два героя, Ингульф и Хьерлейф, — последовали этому примеру и в 874 г. основали на острове колонию из скандинавских аристократов, которые, спасаясь от деспотизма Харальда, искали новую землю, где они могли продолжать независимое и гордое существование древнеарийских одэлов. Мы привыкли видеть сегодняшнюю Исландию как остров действующих вулканов и наступающих льдов, и нам кажется, что в средние века она была так же мало населена, как сегодня, и служила придатком для других нормандских стран, но мы забываем о том, что когда-то она была очагом бурной деятельности.

С этой земли, облюбованной норвежской знатью, начинались великие предприятия, в которых участвовал весь скандинавский мир. Оттуда постоянно отплывали китобои и искатели новых земель, как на крайнем северо-западе, так и на юго-западе. Этот авантюрный дух поддерживали многочисленные скальды и монахи-эрудиты, которые, с одной стороны, несли миру античные знания Севера и воспевали свою расу, а с другой стороны, впитывали в себя южную литературу и переводили основные произведения романских авторов.

Таким образом, в X в. Исландия была средоточием интеллекта, имела большое и активное население, которое в основном переселилось сюда в 874 г., а затем в 986 г. основало первые поселения в Гренландии. Примера такого средоточия сил история не знает, за исключением, пожалуй, Карфагена. Исландия действительно напоминала город Дидона, творение аристократической расы, которая нашла в изгнании новую родину и опору своих прав.

За первыми скандинавами, ступившими на берег Гренландии, последовали колонисты, число которых быстро увеличивалось, и одновременно начались морские путешествия на юг⁴²⁶. Так была открыта Америка, как будто Провидению было угодно, чтобы слава этого предприятия досталась самой благородной из рас.

Наши знания об истории отношений Гренландии с западным континентом невелики и неточны. С уверенностью можно говорить только о двух фактах. Во-первых, в X в. скандинавы добрались до Флориды, где увидели виноградники, поэтому они назвали эту

⁴²⁶ Гумбольдт отмечает, что восточная Гренландия очень близка к скандинавскому полуострову и северным берегам Шотландии, и это расстояние можно покрыть за четыре дня плавания.

теплую землю «Винландия». По их рассказам, в том краю находилась страна древних ирландских поселенцев, которая в документах той эпохи носит название «Hirttramanhakand», т. е. «Страна белых людей»; это название дали ей индейцы, первые авторы этих сведений, а те, кто об этом узнали, не замедлили перевести это слово как «Island it mikla» — «Великая Исландия».

Второй факт заключается в следующем. До 1374 г. между Гренландией и нижней Канадой существовали хорошие связи: скандинавы привозили оттуда строевой лес.

В ту же эпоху в жизни гренландского и исландского населения произошла значительная перемена. Ледники, захватывающие все большую территорию, сделали климат очень суровым, а почву малоплодородной. Население быстро сократилось, и скоро Гренландия совсем опустела, причем даже неизвестно, что стало с ее жителями. Однако природные катастрофы не могли просто так уничтожить их. Еще сегодня можно видеть остатки многочисленных жилищ и церквей, которые, скорее всего, были брошены и разрушились только от времени и запустения. Эти руины не несут никаких следов катаклизма, который, якобы, поглотил тогдашних жителей. Выходит, жители покинули свою землю и отправились на поиски новой. Но куда они поплыли?

Ученым хотелось найти их следы в странах северной Европы, но они забывали о том, что речь идет не об отдельных людях, а именно о населении, масса которого, появившись она в Норвегии, Голландии или Германии, непременно привлекла бы внимание историков. Однако этого не было. Более вероятно и более логично считать, что гренландские скандинавы и часть исландцев, издавна зная о теплых, богатых и плодородных землях (например, о «Винландии») и привыкшие плавать в западных морях, постепенно переселились на новый континент точно так же, как их соотечественники из Швеции и Норвегии недавно покидали свои неприступные скалы и отправлялись в Россию и Галлию.

В качестве отступления хочу отметить следующее. Скандинавы Исландии и Гренландии, жившие в условиях одёла, больше занимались историей своих семей, чем историей народа. Поэтому я главным образом пользовался «домашними» хрониками и песнями, прославляющими подвиги героев. При таком положении вещей можно предположить, что рассказы о путешествиях затерялись во времени вместе с семьями, которые были их участниками. Единственное, что дошло до нас, — это документы, относящиеся к расе Эрика Рыжего. И вполне возможно, что если мореплаватели из этого дома имели постоянные связи с Винландией, которую они и открыли и которую считали своим владением, то и другие группы отправились по их следам в другие места того благодатного края, которые они считали своими владениями по тому же праву. Это только гипотеза, но она не беспочвенна: на одной исландской карте конца XIII в. Земля разделена на четыре части — Европа, Азия, Африка и четвертая часть, занимающая целое полушарие, которая называлась «Южный край обитаемой суши». Кстати, эта карта — не единственная в своем роде, она доказывает, что исландцы знали не только северную, но и южную часть американского континента.

Таким образом, местные расы нового континента получили дозу белой крови, а те, среди которых жили исландские или скандинавские метисы, смогли создать цивилизации, между тем как их менее везучие сородичи остались в полудиком состоянии. Но поскольку белый элемент в малайских массах был слишком слабым, чтобы создать что-нибудь значительное и долговременное, таких обществ было немного, и они были слабы, несовершенны и быстро деградировали. Если бы Колумб заново открыл Америку не в XV в., а в XIV, европейцы, скорее всего, не обнаружили бы ни Мексики, ни Куско, ни храмов Солнца, а лишь сплошные леса и в лесах — руины и дикарей⁴²⁷.

⁴²⁷ Гумбольдт датирует формирование цивилизации ацтеков и инков периодом между скандинавскими экспедициями и XV в. По его мнению, эти два социальных достижения Америки намного уступали тем, что существовали за пять столетий до них. Здесь уместно напомнить очень распространенную и правдоподобную гипотезу, которая приписывает жителям Восточной Азии, Китая и Японии большой вклад в создание цивилизаций нового континента Прескотт в своей истории о завоевании Мексики, Мортон и большинство современных археологов либо поддерживают ее, либо почти не подвергают сомнению. В самом деле, нет ничего

Американские цивилизации были настолько несостоятельны, что они обратились в прах при первом толчке. Племена, составлявшие их, рассеялись в разные стороны перед натиском упорных завоевателей, а оставшееся население оказалось перед выбором: идти путем новых господ или продолжать прежнюю дикую жизнь. Большинство выбрали второе, и сегодня в дикости они могут соперничать с аборигенами Австралии. В их числе одно бразильское племя, у которого есть ритуальная песня примерно с такими словами:

*Когда я умру, не оплакивайте меня»
Меня будет оплакивать коршун.
Когда я умру, бросьте меня в лесу
Меня похоронит армадилл*

Тут больше нечего сказать. Американские народы только на один краткий момент увидели свет цивилизации. И снова возвратились к полубессознательному существованию, из которого их может освободить лишь физическая смерть.

Впрочем, я ошибаюсь. Многие из этих народов, напротив, ограждены от такой жалкой участи. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на вещи под другим углом зрения.

Как смешение аборигенов и исландских и скандинавских поселенцев привело к рождению относительно цивилизуемых метисов, точно так же потомки испанских и португальских завоевателей, женившись на женщинах покоренных стран, сформировали смешанную расу, превосходящую местное население. Однако, рассуждая о судьбе американцев, не надо забывать о влиянии, которое такой союз оказывает на американских европейцев. Если индейцы испанских и португальских колоний менее дикие и более многочисленные, чем жители других районов нового континента, надо иметь в виду, что совершенствование их способностей очень незначительное, и неизбежным продолжением такого процесса станет деградация господствующих рас. Южная Америка, по причине своей креольской крови, неотвратимо идет к вырождению метисов.

ГЛАВА VIII. Европейская колонизация Америки

Отношения американских аборигенов с европейскими народами после открытия континента в 1495 г. очень различны по характеру и определяются степенью первородного родства между группами населения. Говорить о родственных отношениях между народами Нового Света и мореплавателями Света Старого на первый взгляд некорректно. Но при глубоком рассуждении оказывается, что в этом нет ничего неестественного. Давайте рассмотрим этот вопрос подробнее.

Из европейских наций наибольшее влияние на индейцев оказали испанцы, португальцы, французы и англичане.

С самого начала подданные католических королей сблизились с местным населением. Конечно, их грабили, притесняли и очень часто уничтожали. Без этого не обходится ни одно завоевание или владычество. Но фактом является то, что испанцы отдали дань уважения политической организации аборигенов и уважали то, что не противоречило их законам. Они награждали титулом дворянина или «дона» местных вождей и, обращаясь к Монтесуме, пользовались подобающими его сану выражениями. Даже после его казни они называли Монтесуму «его величество». Они приняли его родственников в круг знати, так же они вели себя по отношению к инкам. Они часто женились на дочерях касиков, и часто семья идалго

неестественного в том, что когда-то между континентами существовали случайные или неслучайные связи, и возможно, в один прекрасный день будет доказано, что страна Фон-Данг, которую упоминают китайские авторы как якобы находящуюся на западе, — это не что иное, как американский континент. Впрочем, я не основываю свои рассуждения на таких предположениях. А когда этот факт будет подтвержден, окажется, что Америка приняла не только скандинавов, но и определенную порцию благородных элементов через посредство отважных малайцев.

роднилась с мулатской семьей. Возможно, такое отношение испанцев, которое мы назвали бы либеральным, было вызвано необходимостью приручить слишком многочисленное местное население, но так же они вели себя и в других странах, где жили дикие и редкие племена: в Центральной Америке, в Боготе, Калифорнии. Их примеру следовали и португальцы. Очистив район вокруг Рио-Жанейро, они быстро смешались с прежними хозяевами этой земли. Разумеется, такая простота нравов происходит из некоего расового притяжения между победителями и побежденными.

В жилах искателей приключений с испанского полуострова, которые большей частью принадлежали к андалузцам⁴²⁸, преобладала семитская кровь, а желтые элементы, обусловленные иберийскими и кельтскими корнями, придавали им малайские черты.

Белые принципы намного уступали меланийской сущности. То есть имело место настоящее родство между победителями и побежденными, что способствовало быстрому их смешению.

Что касается французов, дело обстоит примерно так же. В Канаде наши предки-переселенцы часто вступали в браки с аборигенами и, в отличие от англосаксонских колонизаторов, они легко перенимали образ жизни сородичей своих жен. Смешение было настолько интенсивным, что сегодня трудно встретить старую канадскую семью, не затронутую хотя бы далекой связью с индейской расой. Однако те же самые французы, такие терпимые на Севере, даже не допускали и мысли о союзе с неграми на Юге, считая это позором, а мулатов считали вырожденками. Причину такой непоследовательности нетрудно объяснить. Большинство семей, которые приехали первыми в Канаду и на Антильские острова, — выходцы из Бретани или Нормандии. Что касается их галльского происхождения, существовало родство с желтыми малайскими племенами Канады, тогда как их природа отторгала союз с черной расой.

Было бы несправедливо считать, что гражданин Мексиканской Республики или скороспелый генерал, какие на каждом шагу попадают в Аргентинской Конфедерации, находятся на одном уровне с людоедом Ботоендо, но нельзя также не отрицать, что не существует четкого расстояния, разделяющего их, и что во многих отношениях проявляется их сходство. Все эти индейцы, живущие в лесах, наполовину белые, наполовину аборигены, от президента государства до последнего бродяги, прекрасно понимают друг друга и могут жить бок о бок. Правительство Южной Америки, конечно, нельзя сравнить с гаитянской империей, однако приходится признать, что эти люди, которые еще недавно бурно приветствовали так называемое освобождение своих народов и ожидали прекрасных плодов этого события, сегодня правят массой метисов с крайней суровостью. Зато они преклоняются перед англосаксами, о которых мы поведем речь ниже.

Англосаксы британского происхождения представляют собой расу, наиболее далекую от аборигенов и африканских негров. Конечно, и у них можно найти финские следы, но они нейтрализованы германской природой. Поэтому по отношению к чистым или метисным представителям обеих крупных низших разновидностей семейства они являются непримиримыми антагонистами. Что до остальных независимых стран Америки, они представляют собой сильные государства в сравнении с агонизирующими соседями. Последние, в силу отсутствия компактной этнической организации и хоть какого-то опыта цивилизации или энергичного правления, погрузились в полную анархию, в которой соединились все пороки малайской Америки и романизированной Европы.

Таким образом, англосаксы Соединенных Штатов не стали живительным элементом нового континента. По отношению к другим народам они оказались в положении такого же обременительного превосходства, в каком находились когда-то все ветви арийского семейства — индусы, кшатрии-китайцы, иранцы, сарматы, скандинавы, германцы — среди

428 Исключением является европейское население Чили. Большинство европейцев пришли сюда из северной Испании и в меньшей степени смешались с аборигенами. По этой причине они превосходят жителей соседних стран, в частности, что касается политического устройства.

массы метисов. Интересно наблюдать их отношение к остальным представителям человечества. Англосаксы ведут себя как господа перед низшими народами и даже теми, которые чужие для них, так что на их примере можно изучить результаты контакта сильной и слабой рас, тем более что удаленность во времени и отсутствие точных исторических сведений не дают возможности проследить этот процесс в прошлом.

Остатки англосаксов в Северной Америке составляют группу, которая несколько не сомневается в своем врожденном превосходстве над остальным миром и в своих правах, вытекающих из этого превосходства. Воспитанные на таких традициях, которые скорее являются инстинктами, они даже не потрудились, в отличие от германцев, поделить территорию с прежними хозяевами. Они просто прогнали их или скупили земли за бесценок. В силу своей рассудительности и приверженности к проявлению законности они нашли тысячи уловок, чтобы узаконить свои грабительские действия. Они выдумали красивые слова и целые теории, чтобы оправдать свое поведение. Возможно, в глубине души, где сохранились остатки совести, они сознают, что поступают нехорошо, но от этого ничего не меняется.

К неграм они относятся не лучше, чем к аборигенам: если последних они обирают до нитки, то первых заставляют трудиться, как каторжников, причем все это никак не согласуется с принципами гуманности, которые они проповедают. Такая непоследовательность требует объяснения. Тем более что такого не позволяли себе германцы: ограничиваясь частью добычи, они оставляли другую часть земли в распоряжении покоренного населения. У них даже не было желания завладеть всем.

Они имели слишком грубые нравы, чтобы привить своим подданным страсть к спиртным напиткам — это уже современная идея. Такое не приходило в голову ни вандалам, ни готам, ни франкам, ни первым саксонам, а также древним цивилизациям, которые были более развращены. Ни брахман, ни древний маг не чувствовал необходимости истребить вокруг себя все, что не соответствовало его принципам. Наша цивилизация — единственная, которая обладает таким инстинктом и одновременно такой разрушительной мощью; единственная, которая без гнева и злобы, напротив, считая себя исключительно мягкой и гуманной, неустанно окружает себя могилами. Причина в том, что она существует только для того, чтобы извлечь из всего больше пользы, а то, что не служит этой пользе, вредно для нее, поэтому все вредное заранее осуждено на уничтожение.

Англо-американцы, убежденные и верные приверженцы такой культуры, действовали сообразно ее законам. Они без всякого лицемерия полагали своим правом присоединиться к протестам XVIII в. против всякого политического принуждения, против рабства черных, в частности. Партии и народы, как и женщины, пользуются правом попирает логику, смешивать в кучу самые противоречивые интеллектуальные и моральные понятия, причем совершенно искренне. Сограждане Вашингтона, энергично требуя освобождения негров, не считают своей обязанностью подать пример; подобно швейцарцам, которые из любви к равенству применяют к евреям средневековое законодательство, американцы третируют негров с исключительным презрением. Даже герои американской независимости являли собой пример такого несоответствия между максимами и поступками. Джефферсон в отношениях со своими чернокожими невольницами и детьми, плодами этих отношений, оставил воспоминания, в которых описаны подробности, не уступающие деяниям первых белых хамитов.

Американские англосаксы — искренне верующие: это черта благородной части их происхождения. При этом они не признают деспотизма закона. Будучи христианами, они, конечно, не собираются, подобно древним скандинавам, штурмовать небо или сразиться с Божественным Провидением, но они свободно рассуждают о нем, что также типично для их арийских предков, не отрицают его и, оставаясь посередине между суеверием, с одной стороны, и атеизмом, с другой, испытывают одинаковый ужас перед тем и другим.

Со своей неумной жадностью царить, командовать, владеть, захватывать и расширять захваченное англосаксы Америки являются в основном земледельцами и воинами — я имею

в виду профессию воина, а не воинственность. Это противоречит духу независимости. Во все времена последнее качество было основой и движущим механизмом их политического существования. И они приобрели его не в результате разрыва с природой — они всегда им обладали. То, что они получили в результате своей эволюции, имеет большое значение, потому что именно с этого момента они оказались абсолютными и свободными хозяевами своей воли, которая диктовала необходимость расширения их владений. Но что касается основ их внутренней организации, они не придумали ничего нового. С участием метрополии, или без ее участия, народы нынешних Соединенных Штатов сформировались в одном общем направлении. Их административные институты, их настороженное отношение к главе государственной власти, их приверженность к федеративной раздробленности напоминают «висам–пати» древних индусов и разделение на племена и лиги родственных народов, древних властителей северной Персии, Германии, саксонской Гептархии. В институте земельной собственности можно увидеть развитие принципа одэла.

Поэтому обычно преувеличивают значимость событий, которые обусловили славу Джорджа Вашингтона. Конечно, эти события имели большое значение для судеб англосаксов, переселившихся в Америку, это была блестящая и плодотворная эпоха, но неправильно было бы видеть в них рождение нации. Независимость явилась неизбежным результатом уже существовавших принципов, но звездный час Соединенных Штатов Америки еще не наступил.

Этот республиканский народ обладает двумя особенностями, которые коренным образом отличаются от естественных тенденций всех демократических обществ, вышедших из чрезмерного смешения. Во–первых, это приверженность к традиции, или, если воспользоваться юридическим термином, к прецеденту. В Америке происходит постоянное изменение институтов, вместе с тем у выходцев англосаксов наблюдается явно выраженное отрицание быстрых и радикальных перемен. У них сохранились многие законы, принесенные из метрополии в колониальные времена. Среда современных веяний некоторые из них источают запах обветшалости, напоминающий феодальную эпоху. Во–вторых, те же самые американцы больше, чем они в этом признаются, озабочены социальной градацией: все они стремятся к обладанию. Звание гражданина не более популярно у них, чем рыцарский титул «эсквайр».

Эти черты у демократов Нового Света указывают на желание повысить свой статус, что в корне отличается от принципа революционеров древности. Последние, напротив, стремились опуститься как можно ниже, чтобы разрушить благородную этническую основу.

То есть англосаксы Америки являются совсем не тем, что обычно понимают под словом «демократы». Скорее всего, это штаб без войска. Это люди, предназначенные для владычества, которые не могут реализовать свое предназначение, угнетая людей, равных им, но которые охотно делают это в отношении тех, кто стоит ниже их. В этом смысле они находятся в ситуации, аналогичной той, в которой были германские народы незадолго до V в. Одним словом, речь идет о людях, которые стремятся к власти, к высокому положению и которые обладают средствами для их достижения. Вопрос в наличии благоприятных для этого условий. Как бы то ни было, в глазах мексиканца охотник из Кентукки представляет собой опасность. Он есть последнее выражение образа германца; это — франк или лангобард нашего времени. И мексиканец имеет основание считать его варваром.

При этом, независимо от взгляда запуганных народов, варварство дальше продвинулось в прагматичной цивилизации, нежели они. И такое положение дел не беспрецедентно. Когда армии семитского Рима завоевали царства Нижней Азии, римляне и эллины черпали свою культуру и свой образ жизни в тех же истоках. Селевкиды и Птолемеи считали себя намного утонченнее и благороднее, потому что они больше времени провели в состоянии разложения и упадка и в большей степени обладали вкусом к прекрасному. А победа досталась римлянам — более прагматичным и позитивным, хотя отличавшимся меньшим блеском, чем их противники. Они оказались правы, и история подтвердила это.

Американских англосаксов ждет такое же будущее. Либо благодаря силе, либо за счет

социального влияния североамериканцы должны распространить свой образ жизни на весь новый континент. Но кто или что может их остановить? Разве что их собственная раздробленность, если она проявится слишком рано. Кроме этой опасности, им нечего бояться.

Рассуждая о влиянии Соединенных Штатов на остальные общества Нового Света, мы вели речь только о расе, основавшей американскую нацию, и полагали, что сегодня эта раса сохранила свои этнические достоинства. Однако это совсем не так. Напротив, американский союз с начала нынешнего века, особенно в последние годы, принял на свою территорию огромную массу самых разнородных элементов. Это новый фактор, который может в какой-то мере изменить высказанные выше выводы.

Разумеется, значительный приток новых принципов, которые несут с собой эмигранты, не способен привести к ослаблению союза по отношению к другим американским обществам. Последние, состоящие из аборигенов и негров, стоят намного ниже, а переселенцы из Европы, несмотря на вырождение, все-таки превосходят мексиканцев или бразильцев. Поэтому я не сомневаюсь в моральном превосходстве Северных Штатов Америки над остальными политическими организмами этого континента, хотя, что касается сравнения республики Джорджа Вашингтона с Европой, дело обстоит совсем по-другому.

Англосаксонское население, т. е. первые английские колонисты, больше не составляет большинство, и, несмотря на то, что каждый год на американскую землю прибывают сотни тысяч ирландцев и немцев, нацию ждет угасание. Впрочем, она уже значительно ослаблена процессом смешения. Еще какое-то время она сохранит видимость прогресса, затем эта видимость исчезнет, и империя окажется в руках смешанной группы, в которой англосаксонский элемент будет играть подчиненную роль. Уже сейчас первооткрыватели уходят с побережья на запад, где ситуация более благоприятна для их активности и духа авантюризма.

А что представляют собой новые переселенцы? Это осколки тех рас старой Европы, от которых почти нечего ожидать. Это остаточные продукты всех народов: ирландцы, немцы, неоднократно перемешанные, французы, смешанные не меньше, итальянцы, которые в смысле смешения превосходят всех. Скопление всех этих выродившихся типов приводит к усилению этнического беспорядка; в этом беспорядке нет ничего необычного и нового: такая ситуация не раз наблюдалась на нашем континенте. Ничего плодотворного не получится из этого, а если продукты самых различных комбинаций немцев, ирландцев, итальянцев, французов и англосаксов вдруг объединятся на юге с населением, вобравшим в себя индейские, негритянские, испанские и португальские элементы, тогда образуется невообразимая смесь.

Мы с интересом наблюдаем за мощным движением утилитарных инстинктов в Америке. Я не сомневаюсь в размахе этого процесса, но разве он является чем-то уникальным? Разве там происходит нечто такое, чего не было в Европе? Разве это зрелище дает хоть какие-то основания предполагать будущий триумф юного человечества, которому еще предстоит появиться на свет? Если трезво взвесить все «за» и «против», мы убедимся в тщетности таких ожиданий. Соединенные Штаты Америки — не первое государство на земле, пропитанное духом коммерции. Его предшественники не оставили никаких признаков возрождения расы, из которой они вышли.

Карфаген пережил блеск и расцвет, какого вряд ли достигнет Нью-Йорк. Карфаген был богат и велик. В его руках находилось северное побережье Африки и большая территория в глубине континента. Его основа была более благородной, чем переселенцы-пуритане из Англии, потому что она состояла из остатков самых чистых семейств Ханаана. Карфаген завладел всем, что потеряли Тир и Сидон. Однако Карфаген ничего не прибавил к семитской цивилизации и не уберег ее от упадка.

Константинополю предрекали затмить собой все, что было в настоящем и прошлом, и преобразовать будущее. Имея самое благоприятное географическое положение и земли, самые плодородные в империи Константина, он имел все возможности для

беспрепятственного развития и прогресса. Он был населен грамотными людьми, он владел огромными богатствами, он был знаком со всеми достижениями промышленности и торговли в Европе, Азии и Африке — словом, у него не было соперников. И он ничего не создал, не излечил ни одну из социальных болезней, скопившихся за долгие века в римской вселенной, из среды его населения не вышла ни одна живительная идея. Так что не стоит ожидать, что более счастливыми в этом смысле окажутся Соединенные Штаты Америки, имеющие более вульгарное население, чем в Карфагене.

Весь опыт прошлого доказывает, что собрание истощенных этнических принципов не может привести к обновлению. Более того, было бы опрометчиво ожидать, что эта республика Нового Света сможет завоевать окружающие ее страны. То есть маловероятно, что она может сравниться с успехом семитского Рима. Что касается обновления человеческого общества и создания более высокой, или хотя бы другой, цивилизации, что, впрочем, одно и то же, это возможно только при наличии относительно молодой и чистой расы. В Америке ее нет. Все усилия этой страны ограничиваются развитием некоторых сторон европейской культуры, причем не всегда самых лучших, и копированием остального мира ⁴²⁹. Это нация, считающая себя молодой, на самом деле — старый европейский народ. Во время долгого и тяжелого путешествия на новую родину океанский воздух не сделал переселенцев моложе. Какими они отплыли из старой Европы, такими и приплыли на новую землю. Простое перемещение с одного места на другое не возрождает полуистощенные расы.

Общее заключение

Человеческая история похожа на огромное тканое полотно. Земля — это подрамник, на который оно натянуто. Прошедшие столетия — это неустанные ткачи. Рождаясь, они сразу берутся за работу и выпускают челнок из рук только для того, чтобы умереть. Так под этими умелыми пальцами создается мировое полотно.

Это полотно отличается многоцветием и состоит из разных видов пряжи. Его рисунок не похож на произведения деловитой Паллады, скорее он напоминает вдохновенный плод художников Кашмира. В нем, в самых капризных и причудливых сочетаниях, присутствуют самые необычные рисунки, и, отвечая всем законам строгого вкуса, это великое произведение отличается непревзойденной красотой.

Две низшие разновидности человечества, черная раса и желтая раса, являются грубой основой — хлопком и шерстью, — в которую второстепенные группы белой расы вплетают шелковые нити, тогда как арийское семейство, перетекая тонкими ручейками из поколения в поколение, накладывает на поверхность ткани свои арабески из серебра и золота.

Таким образом, история являет собой одно целое, и все ее аномалии находят свое объяснение и укладываются в правила, если только отвлечься от бездумного созерцания отдельных деталей и охватить взором всю картину, если выделить в ней схожие факты, сопоставить их и сделать выводы. Но природа человека настолько несовершенна, что, приближаясь к месту событий, он инстинктивно стремится упростить их, т. е. исказить, сократить их число, избавиться от всего, что ему мешает. Только исказив их, он находит их прекрасными, потому что они становятся легкими для понимания, между тем, лишённые части своих богатств, они превращаются в безжизненные останки действительности.

История — такая же наука, как и все остальные. Она включает в себя тысячи элементов, на вид разнородных, которые под многочисленными переплетениями скрывают или представляют в другом ракурсе исток, таящийся в самой глубине. Отбросить то, что смущает взгляд, — значит более четко увидеть оставшиеся куски картины, но тогда происходит искажение меры и относительной значимости частей целого и невозможность проникнуть в истинный смысл этого целого.

⁴²⁹ Пикеринг, рассуждая о гении американских англосаксов в области искусств, замечает, что большинство народных песен его соотечественники заимствовали у чернокожих рабов, не имея таланта придумать что-то лучшее. Здесь уместно напомнить, что кимрийцы старательно копировали спиральные рисунки, изобретенные финнами.

Чтобы избежать этого недостатка, надо взяться за решение задачи со всеми присущими ей трудностями. Если вначале ограничиться поиском главных источников предмета, мы обнаружим, что их всего три, и из них вытекают события и явления, достойные нашего внимания. Первый из таких источников — деятельность отдельного человека, второй — создание политических центров, третий, самый главный, оживляющий два первых, — это способ социального существования. Теперь добавим к этим трем источникам движения и изменения фактор взаимопроникновения обществ, тогда мы получим общие контуры нашего предмета. История со своими причинами, движущими силами и главными результатами окажется замкнутой в этом большом круге, и теперь можно приступать к анализу самых мелких деталей, не опасаясь тех неизбежных ошибок, которые имеют место при других способах изучения.

Деятельность человека, взятого отдельно от других, выражается в развитии интеллекта и в игре страстей. Наблюдение за этим процессом и за его драматическими результатами поглощает все внимание большинства мыслителей. Они видят лишь человека, который действует, уступает или сопротивляется своим желаниям и наклонностям, направляет их в нужное русло или вовлекается в их бурный водоворот. Конечно, нет ничего более впечатляющего, чем зрелище борьбы человека с самим собой. Кто может усомниться, что он действует самостоятельно, выбирая одну из альтернатив? Бог следит за ним и судит его, исходя из нравственного добра, которое человек сделал, и из нравственного зла, которое он отверг, но никак не исходя из меры его способностей, и не ограничивает его свободу выбора.

Человек действует только в узкой сфере. Даже самый могущественный из людей, самый просвещенный и энергичный, может протянуть свою руку на ограниченное расстояние. Самые великие замыслы Цезаря не в состоянии охватить весь земной шар. Их действие затрагивает ограниченное число людей и один или несколько политических центров. В глазах современников это уже много, но для истории — мало.

И новые поколения с трудом находят их следы. То же самое можно сказать о деятельности Александра Македонского или испанского короля Карла V, в чьих владениях никогда не заходило солнце.

Итак, великие люди не всемогущи. Эти люди умеют соразмерять то, что они сделали, с тем, что они хотели сделать. Им известно, что их власть не может распространиться даже на один континент, что даже в своих дворцах они не могут жить так, как им бы хотелось, что если их вмешательство замедляет или ускоряет ход событий, то это похоже на то, как ребенок пытается запрудить ручей, но не может помешать его течению.

Лучшая часть их воспоминаний заключается не в блеске ума и гения, а в понимании вышеуказанного факта. Здесь конец исторического могущества человека, действующего в самых благоприятных условиях. Оно не есть причина: оно — всего только временное средство и чаще всего элемент украшения. Но при всем этом необходимо признать за ним способность привлечь к себе всеобщий интерес, тем более что безличный ход событий кажется нам скучным зрелищем. Различные школы придавали ему исключительное значение, и именно могущество отдельных личностей всегда вызывает интерес людей к реликвиям прошлых времен.

Теперь посмотрим, что такое политический центр, о котором мы упоминали выше. Это совокупность человеческих желаний, т. е. сам по себе он представляет собой волю. Политический центр, или, иными словами, народ, имеет свои страсти и свой интеллект.

Независимо от количества людей, которые его составляют, он обладает смешанной индивидуальностью, которая есть результат всех общих понятий, тенденций, идей, подсказанных массой. Иногда он выражает интересы меньшинства, иногда следует за волей большинства; его также можно назвать слепым вдохновением, не принадлежащим никому. Короче говоря, народ в своей коллективной совокупности, в своих многочисленных проявлениях и функциях, представляет собой реальное существо, сосредоточенное в одном теле. Его власть сильнее и одновременно она менее надежна и длительна, поскольку она скорее инстинктивна, чем осознанна, более негативна, чем утвердительна, и во всех случаях

она менее непосредственна, чем власть отдельных людей. Народ меняет свои воззрения несколько раз в течение столетия, это объясняет видимость упадка и видимость возрождения. В течение нескольких лет он может покорить своих соседей, затем покориться им; он может любить свои законы и подчиняться им, затем вдруг ему вздумается бунтовать, чтобы через несколько часов с тоской думать о рабстве. Во всех своих бедах и несчастьях он обвиняет своих правителей: это доказывает, что в нем живет органичная слабость, происходящая от несовершенства его личности.

Народ всегда нуждается в человеке, который понимает его волю, истолковывает ее и показывает, куда надо идти. Если человек ошибается, народ восстает, а затем покорно идет за другим, который не ошибается. Здесь речь идет о потребности в постоянном обмене между коллективной и личной волей. Чтобы из этого получился позитивный результат, необходимо объединение этих двух волевых факторов — будучи раздельными, они бесплодны. Поэтому монархия — это единственная рациональная форма правления.

Тем не менее, в истории человечества не раз подтверждался тот факт, что объединение властителя и нации приводит только к выявлению способностей или возможностей и к предотвращению опасности, исходящей из области, которая находится вне их сферы.

Во многих случаях, когда властитель видит путь, угодный подданным, не его вина, если у подданных недостает сил, чтобы проделать этот путь.

Представим, что ужасное несчастье обрушилось на нацию. Недальновидность, безрассудство или бессилие правителей ведут к краху. Нация становится добычей более сильного государства. Ее границы стираются, ее порванные знамена становятся лоскутками в чужих победных знаменах. Но означает ли это конец нации?

Историки отвечают на этот вопрос утвердительно. Всякий покоренный народ больше ничего не стоит, и если речь идет о далеких временах, историки, не задумываясь, вычеркивают его из списка живых и объявляют исчезнувшим в материальном смысле.

Но если не делать столь поспешных заключений и изучать факты, тогда мы обнаружим, что нация, политически уничтоженная, продолжает существовать под другим именем, что она сохраняет свои формы, свой дух, свои способности и влияет, как и прежде, на население, в состав которого она вошла. Поэтому не политическая форма дает жизнь массам, формирует их волю и их образ жизни. Массы обладают всем этим, даже не имея своих границ. Они получают все это из сферы, более высокой, чем они сами.

Здесь открываются неисследованные области, которые не измеряются территорией того или иного королевства или изменениями в составе населения, но охватывают все перспективы общества вместе с пружинами и движущими силами цивилизации, которая дает жизнь этим массам.

Рождение, развитие, закат общества и его цивилизации — это явления, которые увлекают наблюдателя далеко за горизонты, обычно замечаемые историками. В своих исходных причинах они не несут на себе печати человеческих страстей или намерений — это слишком непрочная материя, чтобы ей нашлось место в столь длительном процессе. Здесь мы видим только разные формы интеллекта, предназначенные для различных рас и их сочетаний, только самые основные признаки, свободные от авторитета независимого арбитра, самые врожденные, т. е. самые фатальные, — те, которые человек или народ не может ни присвоить себе, ни сбросить с себя. Таким образом, над всеми преходящими и намеренными действиями, исходящими либо от отдельного человека, либо от толпы, возвышаются генерирующие принципы, которые осуществляют свое влияние неуклонно и непрерывно. Из этой абсолютной сферы, где они сочетаются и взаимодействуют, каприз человека или нации не в состоянии извлечь никаких случайных результатов. Именно там, в ходе нематериальных вещей, в высшей сфере, работают активные силы, основополагающие принципы, находящиеся в вечном соприкосновении, как с человеком, так и с массой.

Эти активные силы и основополагающие принципы или, если придать им конкретную форму, эта душа, до сих пор незаметная и безличная, входит в число главных космических механизмов. В этом неосозанном мире душа выполняет функции, аналогичные тем, какие

осуществляют электричество и магнетизм в других сферах творения, и точно так же, как электричество и магнетизм, ее можно констатировать по ее функциям или, вернее, по некоторым из ее функций, но ее нельзя пощупать, описать и анализировать во всей ее целостности, в ее абстрактной сущности.

Нет никаких доказательств, что душа есть эманация человека и политических организмов. Душа живет через них и для них. Сила и здоровье цивилизаций — это также мера силы и здоровья души, но если считать, что душа достигает высшей точки своего развития у отдельных личностей и у отдельных наций в то самое время, когда цивилизации приходят в упадок, тогда придется заключить, что ее можно сравнить с воздухом, которым мы дышим и который в плане творения имеет смысл существования только в продолжение жизни общества, которое он питает; что, в сущности, он чужд обществу, что он есть нечто внешнее по отношению к нему и что его разрежение влечет за собой смерть этого общества.

Эта великая душа проявляет себя в двух формах — мужской и женской. Напомню, что я имею в виду субъективное отношение, с одной стороны, и объективную способность, с другой, без всякой связи с идеей превосходства. Эта душа циркулирует двумя потоками, проникая в самые мелкие поры и самые последние молекулы социального организма.

Поскольку основной смысл существования общества состоит в том, что оно не зависит от человека, оно не приводит ни к каким результатам, за которые человек несет ответственность. Таким образом, общество свободно от идеи нравственности. Само по себе оно не может быть ни добродетельным, ни порочным, ни умным, ни глупым — оно просто существует. Ни действия человека, ни намерения народа не служат толчком к созданию общества. Среда, через которую оно приходит к позитивному существованию, должна иметь необходимое количество соответствующих этнических элементов; здесь снова напрашивается сравнение с физическими телами: некоторые из них легко принимают электрический заряд, а другие отторгают его. Сущность общества изменяет не воля монарха или его подданных, а этнический состав в силу тех же законов. Общество включает в себе свои народы точно так же, как небо обволакивает землю: небо, которого не касаются испарения болот или языки пламени из жерла вулканов, в своей безмятежности является идеальным образом общества.

Общество навязывает народу определенный образ жизни и втискивает его в рамки, из которых народ, как покорный раб, не может выйти и даже не пытается это сделать. Оно диктует ему законы, диктует волю, предписывает ему, что следует любить, презирать и ненавидеть. В строгом соответствии с этническими законами оно определяет, что есть слава и что бесчестье, оно ставит победителей и побежденных на одну ступень, и только новый поворот в этнической ситуации может вновь расставить их по своим местам.

Общество оказывает такое сильное давление не только на народ, но и на отдельных людей. Оно оставляет им право на мораль, формы и правила которой оно же устанавливает, вбивая их в головы людей с самого рождения и указывая им единственный путь в жизни.

Поэтому, прежде чем рассматривать историю страны, необходимо изучить истоки и природу общества, частью которого является данная страна. Необходимо изучить его составные элементы, изменения, происшедшие в нем, причины этих изменений, этническое состояние как результат расового смешения.

Только таким образом можно встать на позитивную почву, в которой скрыты корни нашего предмета, и увидеть, как они растут, дают побеги и, в конечном счете, плоды и зерна. Поскольку этнические сочетания на географической территории общества всегда распределяются самым причудливым образом, следует заранее решить направление исследований и анализировать результаты по мере приближения к предмету. Здесь необходима усердная работа ума и памяти и аккуратность в суждениях. Речь идет о том, чтобы уложить историю в контекст естественных наук и обеспечить точность результатов, с тем, чтобы избежать произвольных оценок.

Уберегая музу прошлого от неверных и кривых тропинок, направляя ее на широкую прямую дорогу, заранее изученную и помеченную надежными вехами, вы не лишаете ее

величия, а напротив, делаете ее советы более авторитетными. Конечно, при этом она не станет легкомысленно обвинять Дария в том, что он потерял Азию, а Персея за то, что он унизил Грецию, зато она и не будет восхвалять гений Гракхов или ораторское искусство жирондистов. Она провозгласит, что неизбежные причины событий нисколько не зависят от людей и их воли, и не станет заниматься конфликтами политических партий: она будет объяснять их скрытые причины, в которых не нужно обвинять исторических персонажей и за которые их не нужно хвалить.

Тогда со своего высокого трона муза истории будет выносить справедливый приговор прошлому и указывать на полезные уроки. Независимо от отношения к развитию какой-либо нации, не допуская вмешательства человека с целью переместить местами какие-то даты и приукрасить или, напротив, очернить какие-то события, она будет вершить справедливый суд и сделает каждого ответственным за свои дела. Тогда не будет оправданий ни у злодея, ни у льстеца, которые стремятся приукрасить свои или чужие злодеяния. История сорвет все маски софизма и заклеит виновных.

Бунтовщик предстанет нетерпеливым и вредным амбициозным человеком: Тимoleon — убийцей, Робеспьер — гнусным негодяем.

Для того чтобы придать историческим анналам человечества объективность, пора изменить метод их составления и без боязни спуститься в катакомбы истин, вырытые тяжелым трудом поколений.

Древние математики, приоткрывшие двери в алгебру и испугавшиеся таинственных глубин, которые предстали перед ними, наделили ее сверхъестественными способностями и превратили самую строгую из наук во вмещище невероятных фантазий. Из-за такого отношения к предмету математиков какое-то время подозревали в безумии и шарлатанстве, и только позже серьезные исследования сломали лед недоверия и принесли плоды.

Первые ученые, которые обнаружили окаменевшие останки костей и обломки судов на горных вершинах, начали выдвигать гипотезы, одна нелепее другой. Их преемники отвергли выдумки и сделали геологию библией науки, и теперь уже нельзя подвергать сомнению ее положения. То же самое можно сказать об этнологии, а также алгебре и науке, созданной Кювье и Бомоном. Одни рабски следуют ей, другие отрицают напрочь.

Конечно, этнология — молодая наука, хотя она уже вышла из пеленок. Она выдвинула достаточное количество надежных аргументов, которые могут служить основанием для дальнейшего изучения. Каждый день появляются все новые факты. Началось настолько бурное соперничество между различными сферами знаний, что ученые не успевают классифицировать накапливающиеся факты. Дай Бог, чтобы на пути этнологии стояли только такого рода препятствия! Но, увы, препятствия бывают и похуже. Многие все еще не понимают ее особенную природу и обосновывают ее главным образом физиологией.

Такой узкий подход выхолащивает ее суть, хотя, разумеется, физиология соприкасается с этнологией. Но для того, чтобы материалы, которые предоставляет ей физиология, приобрели настоящую научную ценность, необходимо привлечь и другие науки; сравнительное языкознание, археологию, нумизматику, мифологию и записанную в анналах историю. Этнология должна оперировать только документами, которые прошли проверку другими инструментами. Поскольку ее предметом является материальная сфера и одновременно она касается сферы интеллектуальной, она не должна замыкаться в чисто физические рамки и игнорировать даже самые невероятные и смелые гипотезы. В сущности, этнология — это корни, питающие историю, и ни в коем случае нельзя разделять их. Посему предоставим ей ту же территорию, на которой хозяйничает история.

В то же время будем иметь в виду позитивные науки и задавать вопросы, на которые вряд ли ответит человеческий разум. В их числе проблема единства и многообразия. Этот вопрос до сих пор остается невыясненным, и сегодня он скорее забавляет ум, чем просвещает его. Поэтому до наступления лучших времен не будем выдвигать его на первый план и довольствуемся констатацией органичности всех разновидностей, проводя

демаркационную линию между ними. Если какие-то причины могут привести к путанице в разных типах, например, если в результате изменения пищи и климата белый человек вдруг становится негром, негр — монголом, тогда весь вид, несмотря на то, что у него несколько миллионов совершенно непохожих друг на друга отцов, следует объявить единым.

Но если, напротив, рассматривать разновидности в их нынешнем состоянии, считая, что они могут утрачивать свои отличительные признаки только через брачные союзы, выходящие за пределы своего круга, если никакое внешнее или внутреннее воздействие не может изменить их основные элементы, если, наконец, они обладают постоянными физическими и моральными качествами, тогда придется признавать следующую неопровержимую истину: даже если они рождены от одной пары, человеческие разновидности живут по закону многообразия типов, и их первородное единство никак не сказывается и не может сказываться на их судьбах. Таким образом, чтобы достойным образом ответить на насущные требования науки, надо направить исследования на достижимые задачи и абстрагироваться от всех причин. Теперь встанем на почву истинной истории, истории серьезной, а не фантастической, основанной на фактах, а не на иллюзиях или досужих мнениях, и еще раз рассмотрим то, что видят наши глаза, слышат наши уши и чего касаются наши руки.

Итак, перенесемся в ту далекую эпоху, которую можно назвать самой древней для всего человеческого рода и которая предшествует всякой истории: на алтайскую возвышенность, где живут три огромных массы племен, постоянно находящиеся в движении и резко отличающиеся друг от друга. Территорию, которая простирается на запад, огибая горы, занимает белая раса, на северо-востоке обитают желтые племена, пришедшие из Америки, на юге — черные племена, чья родина находится в далекой Африке. Белая разновидность, возможно, не такая многочисленная, как ее сестры, наделена живым деятельным характером, который она часто обращает против самой себя и который ее ослабляет, хотя и свидетельствует о ее превосходстве.

В результате отчаянного натиска многочисленных карликов эта благородная раса покидает свою территорию и уходит на юг, где ее передовые отряды попадают в гущу меланийских масс и рассеиваются в них, начиная смешиваться с местными элементами. Эти элементы в высшей степени грубы и непривлекательны, однако благодаря своей гибкости пришельцы приспособляются к ним и передают им некоторые из своих качеств или, по крайней мере, лишают их некоторых недостатков. Пришедшая раса придает им способность к сосуществованию, и скоро вместо враждебных племен, постоянно и безрезультатно оспаривающих территорию, здесь появляется смешанная раса, которая распространяется из бактрийских земель по всей Гедросии, к Персидскому и Арабскому заливам, за нубийские озера, доходит до середины африканского континента и движется вдоль северного побережья Африки. На этом долгом пути меланийская разновидность, смешанная в разной степени, в одном месте поглощенная другими элементами, в другом сама поглощающая их, но всюду изменяющая белую основу и сама изменяющаяся под ее воздействием, утрачивает свою чистоту и некоторые из своих примитивных признаков. С этим связаны определенные социальные способности жителей самых глухих уголков африканского мира: это результат древнего союза с белой расой. Эти способности невелики, неопределенны и часто мало заметны.

Во время первых переселений, в эпоху распространения первых поколений мулатов на побережье Африки, аналогичный процесс происходит на Индийском полуострове, особенно за Гангом и Брахмапутрой, вовлекая в свою орбиту черные и желтые массы, которые еще раньше пришли сюда в относительно чистом этническом состоянии. Финны сосредоточились на берегу Китайского моря раньше перемещения белых народов вглубь континента. Им было легче поглотить другую низшую расу, и они смешались с ней. Тогда малайская разновидность начала выходить из этого союза, а первые метисы сначала заняли центральные районы Поднебесной Империи. С течением времени они расселились по всей Восточной Азии, на Японских островах, на архипелагах Индийского океана; они дошли до

восточного побережья Африки, заняли все острова Полинезии и оказались, таким образом, напротив Америки, как на севере, так и на юге, вплоть до Курил и острова Пасхи. Небольшими рассеянными группами они возвратились на эту почти пустынную землю, где оставались только остатки арьергарда желтой массы, от которой эти малайцы когда-то унаследовали физический облик и моральные привычки.

На западе, ближе к Европе, меланийских народов нет: там имеет место неизбежный и вынужденный контакт между финнами и белыми. Пока на юге спасающиеся бегством белые племена пытаются подчинить себе местное население, на севере они, напротив, вступают с покоренными аборигенами в брачные союзы. Сомнительно, что негры, имевшие возможность выбора, стремились к такому физическому союзу, зато желтые племена охотно приняли его. Под непосредственным влиянием финского нашествия кельты и особенно славяне, что, в сущности, почти одно и то же, оказались вынуждены постепенно уйти в Европу. Таким образом, волей-неволей они рано начали вступать в союзы с низкорослыми пришельцами из Америки; а когда в ходе своих последующих странствий они встречали в разных западных странах поселения этих карликов, они держались от них подальше.

Если бы белая раса была сразу вытеснена со своей древней территории в Центральной Азии, основной массе желтых племен ничего бы не оставалось, кроме как занять опустевшие земли. Тогда финн построил бы вигвам из веток на развалинах древних памятников и, следуя своей привычке, засел бы в нем, и мир так и не узнал бы эту инертную расу. Но белое семейство не строило массовый исход со своей прародины. Оно раскололось от ужасного столкновения с финскими массами, и рассеялось в разные стороны, однако довольно многочисленные племена остались на месте и, с течением времени соединяясь с желтыми племенами, передавали им энергичность, интеллект, физическую силу, социабельность, которые тем были чужды, и давали им возможность распространять эти элементы на соседние территории.

В результате всех этих масштабных пертурбаций и трансформаций, охвативших все чистые расы, а затем все их сочетания, древняя культура белого семейства исчезла, и на смену ей пришли четыре смешанных цивилизации: ассирийская, индусская, египетская и китайская, а пятая, греческая, уже готовилась выйти на сцену. В то же время уже можно было утверждать, что все социальные принципы будущего определены, потому что последующие общества ничего нового не изобрели.

Самое большое и очевидное достижение этих цивилизаций заключается в том, что они продолжили дело этнического объединения. По мере расширения они включали в свою сферу новые народы, племена и группы, которые прежде жили изолированно, не стараясь привить им свои формы и идеи, хотя и лишая их индивидуальности.

В течение так называемого второго периода, или периода смешения, ассирийцы дошли до границ Фракии, заселили острова архипелага, обосновались в Нижнем Египте, укрепились в Аравии, близко сошлись с нубийцами. Египтяне распространились по Центральной Африке, продвинули свои поселения на юг и запад, частично ушли в Хеджаз и на Синайский полуостров. Индусы конфликтовали за территории с арабскими химиаритами, высадились на Цейлоне, колонизировали Яву и Бали и продолжали смешение с малайцами на другом берегу Ганга. Китайцы смешались с народами Кореи, Японии, вошли в соприкосновение с филиппинцами, а черно-желтые метисы, появившиеся в Полинезии и познакомившиеся с соседними цивилизациями, начали распространять то немногое, что они узнали, от Мадагаскара до Америки.

Что касается западного мира — белых племен в Европе, иберийцев, расенов, фракийцев, иллирийцев, кельтов, славян, — они к этому времени уже тронуты финской печатью. Они продолжают ассимилировать соседние желтые племена, затем вступают в союзы друг с другом, с эллинами, семитизированными метисами, которые массами расселяются рядом с ними.

Смешение, повсеместное и постоянное смешение, — вот самое очевидное достижение крупных обществ и мощных цивилизаций, которое пережило своих творцов. Этот не

знающий преград поток разливается и поглощает все новые и новые народы и территории, изменяя их природу.

Но для того, чтобы это великое объединяющее движение охватило самые последние расы земного шара, не оставляя никаких пробелов, недостаточно действия цивилизаторской среды: для этого еще необходимо, чтобы в самых разных районах появились постоянные этнические очаги, без которых процесс был бы неполным.

Громадные расстояния парализуют распространение самых активных групп. Китай и Европа почти не оказывают влияния друг на друга, хотя промежуточным звеном для них служат славяне. Индия никогда не оказывала большого влияния на Африку, так же, как Ассирия на северную часть Азии; если бы общества оставались на своих территориях, Европа никогда бы не была вовлечена в этот процесс. Она оказалась в нем, потому что на ее территории еще раньше распространились созидательные элементы цивилизации. С ранних времен в лице кельтских и славянских рас она получила два объединяющих потока, которые дали ей возможность в нужный момент вступить в общий процесс.

Под их воздействием в Европе желтая основа и чистая белая сущность полностью растворились. Через посредство семитизированных эллинов, а затем через римские колонии, европейцы все больше сближались с населением западного побережья Азии.

Последнее также участвовало в этом эволюционном процессе, и если европейские народы приобретали восточный оттенок в Испании, южной Франции, Италии и Иллирии, то жители Востока и Африки многое брали из романского Запада в Пропонтиде, Анатолии, Аравии и Египте. Наибольший вклад в это сближение принадлежит славянам и кельтам вместе с эллинами. Впрочем, в других регионах процесс этнического сближения почти отсутствовал по причине новых географических границ. Римская цивилизация, шестая по счету, которая может по праву считаться местом объединения этнических принципов западного мира, не имела сил активно действовать после III в. н. э.

Чтобы расширять территорию, на которой уже смешалось столько народов, требовалось участие значительной этнической силы, продукта нового союза лучшей части человечества с уже цивилизованными расами. Одним словом, был необходим приток арийцев в самый главный социальный центр для того, чтобы он мог воздействовать на остальной мир, без чего дальнейшее слияние было невозможно.

Итак, в романском обществе появились германцы. Одновременно они заняли крайний северо-запад Европы, который постепенно превратился в опорный пункт их деятельности. Союз с кельтами и славянами усилил их экспансию и в малой степени подавил их природную инициативность. Появилось современное общество, которое приступило к дальнейшему объединению. Совсем недавно оно открыло Америку, где смешалось с аборигенами или уничтожило их; оно дало толчок России, в результате чего славяне покорили последние племена Центральной Азии; они проникли в среду индусов и китайцев и постучались в двери Японии; по всему африканскому побережью оно вошло в контакт с жителями этого большого континента; короче говоря, новое общество расширило свои территории и распространило по всему миру принципы этнического объединения.

Германская раса вобрала в себя всю энергию арийского семейства, благодаря чему выполнила предназначенную ей роль. После нее белая раса уже не могла ничего предложить в смысле мощи и активности: все, что в ней оставалось, было истощено, деградировано, утрачено. Получилось так, что этим последним посланцам пришлось взяться за самое трудное дело. Они завершили географические открытия и заселили новые земли метисами. Теперь требуется только добавить последние капли арийской крови в различные народы, и эту работу выполнит время.

Исходя из сказанного выше, становится ясным ответ на вопрос, не почему сегодня нет чистых арийцев, а почему они больше не нужны. Потому что их предназначением было сближение и слияние всех разновидностей человечества, невзирая на расстояния: теперь, когда они в основном выполнили свою задачу, им больше нечего делать на земле. Итак, существование самой лучшей разновидности всей белой расы, лучших качеств,

сосредоточенных в ней, рождение, развитие и смерть обществ и цивилизаций, великий результат этих качеств, представляют собой вершину и высшую цель истории. Все это появилось для того, чтобы объединить человечество, развивалось, сверкало великолепием и обогащалось для того, чтобы ускорить объединение, и ушло в небытие, когда главный этнический принцип окончательно влился в разнородные элементы.

Белый принцип, главным образом арийский, распространившийся на земле, не оставил вне сферы своего действия ни одну расу. Таким образом, жизнь человечества приобретает смысл, который полностью укладывается в космический миропорядок. Я уже сравнивал его историю с огромным узорчатым, разноцветным полотном: ее можно также сравнить с цепью гор, отдельные вершины которой представляют собой цивилизации, а геологическое строение этих вершин — это различные союзы, обусловленные многочисленными сочетаниями трех главных групп и их производных элементов. В этом заключается главный результат человеческого труда. Все, что служит цивилизации, входит в сферу деятельности общества, все, что входит в его сферу, развивает общество, все, что его развивает, географически расширяет его, и последним звеном этой цепочки является усиление или подавление черных или финских элементов в массе уже смешанного населения. Будем считать, что конечная цель трудов и страданий, радостей и побед человечества состоит в том, чтобы в один прекрасный день прийти к абсолютному единству. Исходя из этой аксиомы, мы будем рассуждать дальше.

В абстрактном смысле белая раса навсегда исчезла с лица земли. Пройдя через эпоху богов, когда она была совершенно чистой, эпоху героев, когда процесс смешения еще не достиг высшей точки, эпоху знати, когда ее качества не были полностью утрачены, белая раса подошла к эпохе окончательного слияния всех принципов в результате смешанных союзов. Отныне она представлена только гибридами, больше всего деградировали те ее представители, которые живут на территории первых смешанных обществ. Что касается масс, которые в Западной Европе и Северной Америке представляют собой последнюю возможную форму культуры, в них еще есть остатки силы, особенно по сравнению, скажем, с жителями Йемена. Однако и это относительное превосходство постепенно исчезает, часть арийской крови, многократно разбавленная, которая еще имеется в нашем обществе и является его единственной опорой, каждый день все больше поглощается.

Когда процесс поглощения завершится, наступит эпоха единства. Белый принцип, потерпев поражение в каждом отдельном человеке, будет составлять по отношению к двум другим пропорцию 1:2, а этого вполне достаточно, чтобы почти полностью парализовать его влияние; еще печальнее то, что слияние — это далеко не результат непосредственного смешения трех главных типов в их чистом виде, а неизбежное следствие бесконечной череды союзов. Это последняя степень посредственности во всех смыслах, физической силы, красоты и интеллектуальных способностей. Каждый из людей будет в равной мере нести в себе это печальное наследие, никто не будет одарен в большей степени, чем другой; точно так же, как на островах Полинезии малайские метисы, в течение многих веков замкнутые в своем кругу, в равной мере представляют собой один и тот же тип, в который никогда не попадала новая кровь, так и все люди на земле будут похожи друга на друга. Все будет одинаково: их рост, черты лица, телосложение. У них будет одинаковая физическая сила, одинаковые инстинкты и способности, и, повторю еще раз, этот общий уровень будет являть собой жалкое зрелище.

Народы, вернее, стада людей, погруженные в спячку, будут влачить бесцельное существование, жующие свою жвачку существа на понтийских болотах. Возможно, они будут считать себя самыми умными, учеными и одаренными из живых существ, которые когда-либо жили на земле. А мы сами разве не убеждены в том, что наша неспособность создать такие же прекрасные памятники, какими мы сегодня любуемся в Египте и Индии, служит доказательством нашего превосходства? Наши потомки без труда найдут аргументы, чтобы выразить свою снисходительность к нам и гордиться своим варварством. Вот на что тратили силы наши предки, скажут они, презрительно показывая

пальцем на жалкие развалины наших последних творений. И действительно, они будут для них бесполезны, потому что торжествующая природа вновь будет властвовать на земле, и человек будет не хозяином, но гостем, как и прочие лесные и водные обитатели.

Но и эта ситуация продлится недолго, т. к. побочный результат беспорядочного смешения — уменьшение численности населения. Если бросить взгляд на прошлые времена, становится ясно, что тогда на земле жило гораздо больше представителей нашего вида, чем сегодня. В Китае никогда не было так мало жителей, как в настоящее время; Центральная Азия была похожа на человеческий муравейник. По словам Геродота, в Скифии обитало множество народов, а нынешняя Россия напоминает пустыню. В Германии достаточно жителей, но не меньше их было в III—V вв. н. э., когда она щедро поставляла романскому миру массы воинов вместе с их женами и детьми. Франция и Англия не похожи на пустыню, но и в Галлии, и на Британских островах кипела жизнь в эпоху кимрийских переселений. Испания и Италия насчитывают не более четверти того, что они имели в древности. Греция, Египет, Сирия, Малая Азия, Месопотамия кишели людьми, а городов там было не меньше, чем колючек в поле: сегодня они почти безлюдны; Индия сегодня — это только тень прошлой Индии. Западная Африка, земля, которая вскормила Европу и на которой столько метрополий строили свое благополучие, являет собой грустное зрелище редких палаток кочевников и умирающих городов. Остальные районы этого континента, куда европейцы и мусульмане принесли то, что одни называли прогрессом, а другие истинной верой, пребывают в таком же состоянии; только в глубине Африки, куда еще не проникли чужаки, сохраняется компактное население. Но это не надолго. Что касается Америки, Европа вливает туда остатки крови. То есть она беднеет сама, обогащая другого.

Невозможно подсчитать точное число столетий, которые отделяют нас от момента завершения драмы. Но конец недалек. Арийское семейство, вернее сказать, остатки белого семейства, утратили свою чистоту, когда родился Христос. Если считать, что Земля образовалась за шесть или семь тысячелетий до этого события, этого времени было достаточно для того, чтобы искоренить в зародыше сам принцип общества, и когда этот период завершился, причина упадка уже овладела миром. Поскольку сущность белой расы растворилась в двух низших разновидностях, последние претерпели соответствующие изменения, которые для желтой расы произошли намного раньше. За восемнадцать истекших веков процесс слияния еще не завершился, хотя были заложены предпосылки его будущих побед. Появились мощные средства воздействия на будущее, и увеличился этнический беспорядок внутри всех обществ, следовательно, приблизился час окончательного объединения. Таким образом, это время не было потрачено зря: будущая история написана. Человеку на земле осталось царить 12—14 тысячелетий, и этот срок можно разделить на два периода: первый уже в прошлом — он был временем молодости, силы, интеллектуального величия человечества; второй, который начался, приведет человечество к вырождению.

Если задержаться на временах, которые предшествуют последнему вздоху нашего вида, и не думать о периоде умирания, после которого безлюдный земной шар продолжит, уже без нас, свое движение в пространстве, я не знаю, будет ли это большим утешением. Тягостно было бы думать о судьбе горстки существ, наших собратьев, лишенных силы, красоты и ума, если бы не мысль о том, что у них останется последнее средство — вера в Бога. Последнее воспоминание о лучших временах.

Религия не обещает нам вечной жизни, а наука учит, что у нас когда-то было начало, и убеждает, что будет и конец. Так что не стоит ни удивляться, ни тревожиться этому непреложному факту. Печальна не мысль о конце — печально сознание того, что мы придем к нему в столь жалком состоянии, и возможно, даже эта участь, уготованная нашим потомкам, оставила бы нас равнодушными, если бы не тайный ужас оттого, что судьба уже тянет к нам свои безжалостные руки.

«Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855) является наиболее известным сочинением французского дипломата, поэта и философа графа Жозефа Артюра де Гобино (1818–1882). Несмотря на спорность многих положений этой книги, а также учитывая

негативный фон, который был создан вокруг нее, необходимо подчеркнуть, что это была, по сути, первая осознанная попытка систематического осмысления истории с позиций биологического детерминизма – философского направления, рассматривающего наследственные различия расовых типов в качестве исходных предпосылок к общественной жизнедеятельности и переносящего законы органической жизни на нормы человеческого поведения и познания.

Владимир Авдеев